

Роберт Шекли

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Шекли Роберт

**Лавка
бесконечности**

**Фантазия
без границ**

**Корпорация
«Бессмертие»**

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

**Роберт
ШЕКЛИ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

**Robert
SHECKLEY**

**Store of Infinity
Notions:
Unlimited
Immortality
Delivered**

Ш Роберт ШЕКЛИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**Лавка
бесконечности
Фантазия
без границ
Корпорация
«Бессмертие»**

**ББК 84.4/8
Ш40**

**Серия
«МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1993 году**

**Включает в себя лучшие произведения наиболее
популярных писателей-фантастов США**

Шекли Р.
Ш 40 Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2: Пер. с англ. — М.:
ПОО «Фабула», 1993. — 448 с. — (Сер. «Мастера аме-
риканской фантастики»).

ISBN 5-86090-174-7

Второй том Собрания сочинений популярного американского писателя-фантаста Роберта Шекли содержит два авторских сборника рассказов: «Лавка бесконечности», «Фантазия без границ» и роман «Корпорация „Бессмертие“».

4804010000 — Без объявл.

ББК 84.4/8

ISBN 5-86090-174-7

© ПОО «Фабула», 1993
© Оформление, иллюстрации.
С. Шехов, 1993

ЛАВКА бесконечности

РАССКАЗЫ

ПРЕМИЯ ЗА РИСК

Рэдер осторожно выглянул в окно. Прямо перед ним была пожарная лестница, а ниже — узкий проход между домами, там стояли выдавшие виды детская коляска и три мусорных бачка. Из-за бачка показалась черная рука, в ней что-то блеснуло. Рэдер упал навзничь. Пуля пробила оконное стекло и вошла в потолок, осыпав Рэдера штукатуркой.

Теперь ясно: проход и лестница охраняются, как и дверь.

Он лежал, вытянувшись во всю длину, на потрескавшемся линолеуме, глядя на дырку, пробитую в потолке, и прислушивался к шумам за дверью. Его лицо, грязное и усталое, с воспаленными глазами и двухдневной щетиной на подбородке, было искажено от страха — оно то застывало, то вдруг подергивалось, но в нем теперь ощущался характер, ожидание смерти преобразило его.

Один убийца был в проходе, двое на лестничной клетке. Он в ловушке. Он мертв.

Конечно, Рэдер еще двигался, еще дышал, но это лишь по неосторожности смерти. Через несколько минут она займется им. Смерть понаделает дыр в его теле и на лице, мастерски разукрасит кровью его одежду, сведет руки и ноги в причудливом пируэте могильного танца. Рэдер до боли закусил губу. Хочется жить! Должен же быть выход? Он перекатился на живот и осмотрел дешевую грязную квартирку, в которую его загнали убийцы. Настоящий однокомнатный гроб. Дверь стерегут, пожарную лестницу тоже. Вот только крошечная ванная без окна...

Он вполз в ванную и поднялся на ноги. В потолке была неровная дыра, почти в ладонь шириной. Если бы удалось сделать ее пошире и пролезть в ту квартиру, что наверху...

Послышался глухой удар. Убийцам не терпелось. Они начали взламывать дверь.

Он осмотрел дыру в потолке. Нет, об этом даже и думать нечего. Не хватит времени.

Они вышибали дверь, побрякивая при каждом ударе. Скоро выскочит замок или петли вылетят из подгнившего дерева. Тогда дверь упадет, и двое с пустыми, бесцветными лицами войдут, стряхивая пыль с пиджаков...

Но ведь кто-нибудь поможет ему! Он вытащил из кармана крошечный телевизор. Изображение было нечетким, но он не стал ничего менять. Звук шел громко и ясно.

Он прислушался к профессионально поставленному голосу Майка Терри:

«...ужасная дыра, — сетовал Терри. — Да, друзья, Джим Рэдер попал в ужасную переделку. Вы, конечно, помните, что он скрывался под чужим именем в третьесортном отеле на Бродвее. Казалось, он был в безопасности. Но коридорный узнал его и сообщил банде Томпсона...»

Дверь трещала под непрерывными ударами. Рэдер слушал, вцепившись в маленький телевизор.

«Джиму Рэдеру еле удалось бежать из отеля. Преследуемый по пятам, он вбежал в каменный дом номер сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню. Он хотел уйти по крышам. И это могло бы ему удастся, друзья, да, могло бы! Но дверь на чердак оказалась запертой. Казалось, что Джиму конец... Но тут Рэдер обнаружил, что квартира номер семь не заперта и что в ней никого нет. Он вошел... — Здесь Терри сделал эффектную паузу и воскликнул: — И вот он попался! Попался как мышь в мышеловку! Банда Томпсона взламывает дверь! Она охраняет и пожарную лестницу. Наша телекамера, расположенная в соседнем доме, дает сейчас всю картину крупным планом. Взгляните, друзья!

Неужели у Джима Рэдера не осталось никакой надежды?»

«Неужели никакой надежды?» — повторил про себя Рэдер, обливаясь потом в темной и душной маленькой ванной, слушая настойчивые удары в дверь.

«Минуточку! — вскричал вдруг Майк Терри. — Держись, Джим Рэдер! Подержись еще хоть немного. Может, и есть надежда! Только что по специальной линии мне позвонил один из наших зрителей — срочный звонок от доброго самаритянина. Этот человек полагает, что сможет помочь тебе, Джим. Ты слышишь нас, Джим Рэдер?»

Джим слышал, как дверные петли вылетают из досок.

— Давайте, сэр, давайте! — поторапливал Майк Терри. — Как ваше имя?

— Ээ... Феликс Бартоломью.

— Спокойнее, мистер Бартоломью. Говорите сразу...

— Хорошо, так вот, мистер Рэдер, — начал дрожащий старческий голос. — Мне пришлось в свое время жить в доме сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню, как раз в той самой квартире, где вас заперли. Так вот, там есть окно в ванной. Оно заделано, но оно есть.

Рэдер сунул телевизор в карман. Он определил очертания окна и стукнул по нему. Зазвенели осколки стекла, и в ванную ворвался ослепительный дневной свет. Отбив острые зазубрины с рамы, он взглянул вниз.

Там, глубоко внизу, был бетонный двор.

Дверные петли вылетели. Рэдер услышал, как распахнулась дверь. Он молниеносно перебросил тело через окно, повис на руках и прыгнул.

Падение оглушило его. Шатаясь, он еле встал на ноги. В окне ванной появилось лицо.

— Везет дураку, — сказал человек, высываясь и старательно наводя на Рэдера коротенькое курносое дуло револьвера.

В этот момент в ванной взорвалась дымовая бомба.

Пуля убийцы просвистела мимо, он с проклятием обернулся. Во дворе тоже взорвались бомбы, и дым окутал Рэдера.

Он услышал, как в кармане, где лежал телевизор, неистовствовал голос Майка Терри:

«А теперь спасайся! Беги, Джим Рэдер, спасай свою жизнь! Скорей, пока убийцы ослепли от дыма. И спасибо вам, добрая самаритянка Сара Уинтерс, дом 3412 по Эдгар-стрит, за то, что вы пожертвовали эти пять дымовых бомб и наняли человека, бросившего их!»

Уже спокойнее Терри продолжал:

«Сегодня вы спасли жизнь человеку, миссис Уинтерс. Не расскажете ли вы нашим слушателям, как...»

Дальше Рэдер не слушал. Он мчался по заполненному дымом двору, мимо веревок с бельем, прочь, на улицу. Потом, съездившись, чтоб казаться ниже ростом, он поплелся, едва волоча ноги, по Шестьдесят третьей улице. От голода и бессонной ночи кружилась голова.

— Эй, вы!

Рэдер обернулся. Какая-то женщина средних лет, сидевшая на ступеньках дома, сурово смотрела на него.

— Вы ведь Рэдер, правильно? Тот самый, кого они пытаются убить?

Рэдер повернулся, чтобы уйти.

— Заходите сюда, — сказала женщина.

Может, это и западня. Но Рэдер знал, что должен полагаться на щедрость и добросердечие простых людей. Ведь он был их представителем, как бы их копией — обыкновенным парнем, попавшим в беду. Без них он бы пропал.

«Доверяйте людям, — сказал ему Майк Терри. — Они никогда вас не подведут».

Он прошел за женщиной в гостиную. Она велела ему присесть, сама вышла из комнаты и тотчас же вернулась с тарелкой тушеного мяса. Женщина стояла и смотрела на него, пока он ел, словно на обезьяну в зоопарке, грызущую земляные орехи.

Двое детишек вышли из кухни и стали глазеть на него. Потом трое мужчин в комбинезонах телестудии вышли из спальни и навели на него телекамеру.

В гостиной стоял большой телевизор. Торопливо глотая пищу, Рэдер следил за изображением на экране и прислушивался к громкому проникновенно-взволнованному голосу Майка Терри.

«Он здесь, друзья, — говорил Терри, — Джим Рэдер здесь, и он впервые прилично поел за последние два дня. Нашим операторам пришлось поработать, чтобы передать это изображение! Спасибо, ребята... Друзья, Джим Рэдер нашел кратковременное убежище у миссис Вельмы О'Делл в доме триста сорок три по Шестьдесят третьей улице. Спасибо вам, добрая самаритянка миссис О'Делл! Просто изумительно, что люди из самых различных слоев принимают так близко к сердцу судьбу Джима Рэдера!»

— Вы лучше поторопитесь, — сказала миссис О'Делл.

— Да, мэм.

— Я вовсе не хочу, чтоб у меня в квартире началась эта пальба.

— Я кончаю, мэм.

Один из детей спросил:

— А они вправду собираются убить его?

— Заткнись! — бросила миссис О'Делл.

«Да, Джим, — причитал Майк Терри, — поторопись, Джим. Твои убийцы уже недалеко. И они совсем не глупы, Джим. Они злобны, испорченны, они изуверы — это так. Но совсем не глупы. Они идут по кровавому следу — кровь капает из твоей рассеченной руки, Джим!»

Рэдер только сейчас заметил, что, вылезая из окна, он рассек руку.

— Давайте я забинтую, — сказала миссис О'Делл.

Рэдер встал и позволил ей забинтовать руку. Потом она дала ему коричневую куртку и серую шляпу с полями.

— Мужнино, — сказала она.

«Он переоделся, друзья! — восторженно кричал Майк Терри. — О, это уже нечто новое! Он переодел-

ся! Ему остается всего семь часов, и тогда он спасен!»

— А теперь убирайтесь, — потребовала миссис О'Делл.

— Ухожу, мэм, — согласился Рэдер. — Спасибо.

— По-моему, вы дурак, — сказала она. — Глупо было связываться со всем этим.

— Да, мэм.

— Не стоящее дело.

Рэдер поблагодарил ее и вышел. Он зашагал к Бродвею, спустился в подземку, сел в поезд в сторону Пятьдесят девятой, потом в поезд, направляющийся к Восемьдесят девятой. Там он купил газету и пересел на другой поезд.

Он взглянул на часы. Оставалось еще шесть с половиной часов.

Поезд помчался под Манхэттенем. Рэдер дремал, надвинув шляпу на глаза и спрятав под газетой забинтованную руку. Не узнал ли его кто-нибудь? Ускользнул ли он от банды Томпсона? Или кто-нибудь звонит им как раз в эту минуту?

В полудреме он думал: удалось ли ему обмануть смерть? Или же он просто одушевленный думающий труп и движется только потому, что смерть нерасторопна? О Господи, до чего же она медлительна! Джим Рэдер давно убит, а все еще бродит по земле и даже отвечает на вопросы в ожидании своего погребения.

Вздвогнув, он открыл глаза. Что-то приснилось... что-то неприятное... А что — не мог вспомнить. Снова закрыл глаза и как сквозь сон вспомнил время, когда он еще не знал этой беды.

Это было два года назад. Высокий приятный малый работал у шофера грузовика подручным. Никакими талантами он не обладал, да и не мечтал ни о чем.

За него это делал маленький шофер грузовика.

— А почему бы тебе не попытать счастья в телепередаче, Джим? Будь у меня твоя внешность, я бы попробовал. Они любят выбирать для состязаний таких приятных парней, ничем особенно не выдающихся. Такие всем нравятся. Почему бы тебе не заглянуть к ним.

И Джим Рэдер заглянул. Владелец местного телевизионного магазина объяснил ему все подробно:

— Видишь ли, Джим, публике уже осточертели все эти тренированные спортсмены с их чудесами реакции и профессиональной храбростью. Кто будет переживать за таких парней? Кто может видеть в них ровню себе? Конечно, всем хочется чего-то будоражащего, но не такого, чтоб это регулярно устраивал какой-то профессионал за пятьдесят тысяч в год. Вот почему профессиональный спорт переживает упадок и так расцвели эти телепрограммы, от которых захватывает дух.

— Ясно, — сказал Рэдер.

— Шесть лет назад, Джим, конгресс принял закон о добровольном самоубийстве. Эти старики сенаторы наговорили черт знает сколько насчет свободной воли, самоопределения и собственного усмотрения. Только все это чушь. Сказать тебе, что на самом деле означает этот закон? Он означает, что любой, а не только профессионал может рискнуть жизнью за солидный куш. Раньше, если ты хотел рискнуть за большие деньги, хотел, чтоб тебе законным образом вышибли мозги, ты должен был быть или профессиональным боксером, или футболистом, или хоккеистом. А теперь простым людям, вроде тебя, Джим, тоже предоставлена такая возможность.

— Ясно, — повторил Рэдер.

— Великолепнейшая возможность. Взять, например, тебя. Ты ведь ничем не лучше других. Все, что можешь сделать ты, можешь сделать и другой. Ты обыкновенный человек. Я думаю, что эти телебоевики как раз для тебя.

И Рэдер позволил себе помечтать. Телепостановка, казалось, открывала молодому человеку без особых талантов и подготовки путь к богатству. Он написал письмо в отдел передач «Опасность» и вложил в конверт свою фотографию.

«Опасность» им заинтересовалась. Компания Джи-би-си выяснила о нем все подробности и убедилась, что он достаточно зауряден, чтобы удовлетворить самых недоверчивых телезрителей. Они также проверили его происхождение и связи. Наконец его вызвали в Нью-Йорк, где с ним беседовал мистер Мульян.

Мульян был чернявым и очень энергичным; разговаривая, он все время жевал резинку.

— Вы подойдете, — выпалил он. — Только не для «Опасности». Вы будете выступать в «Авариях». Это дневная получасовка по третьей программе.

— Здорово! — сказал Рэдер.

— Меня благодарить не за что. Тысяча долларов премии, если победите или займете второе место, и утешительный приз в сотню долларов, если проиграете. Но это не так важно.

— Да, сэр.

— «Аварии» — это маленькая передача. Джи-би-си использует ее в качестве экзамена. Те, кто займет первое и второе места в «Авариях», будут участвовать в «Критическом положении». А там премии гораздо выше.

— Я знаю это, сэр.

— Кроме «Критического положения», есть и другие первоклассные боевики ужасов: «Опасность» и «Подводный риск», их телепередачи транслируются по всей стране и сулят огромные премии. А уж там можно пробиться и к настоящему. Успех будет зависеть от вас.

— Буду стараться, сэр, — сказал Рэдер.

Мульян на мгновение перестал жевать резинку, и в голосе его прозвучало что-то вроде почтения:

— Вы можете добиться успеха, Джим. Главное, помните: вы — народ, а народ может все.

Они распрощались. Через некоторое время Рэдер подписал бумагу, освобождающую Джи-би-си от всякой ответственности на случай, если он во время состязания лишится частей тела, рас судака или жизни. Потом подписал другую бумажку, подтверждающую, что он использует свое право на основании закона о добровольном самоубийстве.

Через три недели он дебютировал в «Авариях».

Программа была построена по классическому образцу автомобильных гонок. Неопытные водители садились в мощные американские и европейские гоночные машины и мчались по головокружительной двадцатимильной трассе. Рэдер задрожал от страха, когда включил не ту скорость и его огромный «мазерати» рванулся с места.

Гонки были кошмаром, полным криков, воплей и запахов горящих автомобильных шин. Рэдер держался сзади, предоставив первым разбиваться всмятку на крутых виражах. Когда шедший перед ним «ягуар» врезался в «альфа-romeo» и обе машины с ревом вылетели на вспаханное поле, он выкарабкался на третье место. Рэдер пытался выйти на второе место на последнем трехмильном перегоне, но не смог — было слишком тесно. Раз он чуть не вылетел на зигзагообразном повороте, но ухитрился снова вывести машину на дорогу, по-прежнему удерживая третье место. На последних пятидесяти ярдах у лидирующей машины полетел колесчатый вал, и Рэдер кончил гонки вторым.

Трофеи его исчислялись тысячами долларов. Он получил четыре письма от своих поклонников, а какая-то дама из Ошкоша прислала ему пару кашпо для цветов. Теперь его пригласили участвовать в «Критическом положении».

В отличие от других программ в «Критическом положении» прежде всего нужна была личная инициатива. Перед началом боевика Рэдера лишили сознания с помощью безвредного наркотика. Очнулся он в кабине маленького аэроплана — автопилот вывел машину на высоту десять тысяч футов. Бак с горючим был уже почти пуст. Парашюта не было. И вот ему, Джиму Рэдеру, предстояло посадить самолет.

Разумеется, раньше он никогда не летал. В отчаянии Рэдер хватался за все рычаги управления, вспоминая, как участник такой же программы на прошлой неделе очнулся в подводной лодке, открыл не тот клапан и затонул.

Тысячи зрителей затаив дыхание следили за тем, как обыкновенный парень, такой же, как они, искал выход из этого положения. Джим Рэдер — это же они сами. И все, что мог сделать Джим, могли сделать и они. Он был из народа, он был их представителем. Рэдеру удалось спуститься и произвести что-то вроде посадки. Самолет перевернулся несколько раз, но ремни оказались надежными, а баки с горючим, как ни странно, не взорвались.

Джим выбрался из этой заварушки с двумя поломанными ребрами, тремя тысячами долларов и правом принять участие в передаче «Тореадор», когда ребра его заживут.

Наконец-то первоклассный боевик! За «Тореадора» платили десять тысяч долларов. И единственное, что он должен был сделать, — это заколоть шпагой огромного черного быка, как это делают настоящие опытные тореадоры.

Состязание проводилось в Мадриде, потому что бой быков все еще находился под запретом в Соединенных Штатах. Передача транслировалась по всей стране.

Куадрилья Рэдеру попалась хорошая. Этим людям нравился долговязый медлительный американец. Пикадоры по-настоящему орудовали пиками, желая поубавить пыл у быка. Бандерильеры старались как следует погонять быка, прежде чем колоть его своими бандерильями. А второй матадор, грустный человек из Альгесираса, чуть не поломал быку шею своими обманными движениями.

Но когда было сделано и сказано все, что нужно, на песке остался Джим Рэдер, неуклюже сжимавший красную мулету в левой руке и шпагу в правой, один на один с окровавленной тысячекилограммовой громадой быка.

Кто-то закричал: «Коли его в легкое, хомбре! Не строй из себя героя, коли в легкое!» Но Джим помнил только одно: «Прицелься шпагой и коли позади рогов», — говорил ему технический консультант в Нью-Йорке.

Он так и колот, но шпага отскочила, наткнувшись на кость, и бык поддел Рэдера рогами, перебросив его через спину. Он поднялся на ноги, каким-то чудом оставшись без дырки в теле, взял другую шпагу и, закрыв глаза, стал снова колоть позади рогов. И Бог, который хранит детей и дураков, видно, пекся о нем, потому что шпага вошла в тело быка, как иголка в масло. Бык, взглянув на него испуганно и недоверчиво, обмяк и рухнул.

На сей раз заплатили десять тысяч долларов, а поломанная ключица зажила в совершенно пустячный срок. Рэдер получил двадцать три письма от своих поклонников, и среди них был страстный призыв какой-то девушки из Атлантик-Сити, которым он пренебрег. Кроме того, ему предложили принять участие в новой передаче.

Теперь Рэдер не был таким простаком. Он отлично сознавал, что чуть не поплатился жизнью за весьма умеренную сумму карманных денег. Большой куш был впереди, и если уж стараться, то лишь ради него.

Так Рэдер появился в «Подводном риске», который оплачивала фирма «Мыло красоты». В акваланге, с ластами и балластным поясом, вооруженный ножом, он вместе с четырьмя другими участниками состязания нырнул в теплые воды Карибского моря. Туда же опустили защищенных решеткой телекамеру и операторов. Состязавшиеся должны были разыскать и вытащить из воды

сокровище, спрятанное там представителями фирмы, которая оплачивала программу.

Само по себе подводное плавание не было особенно опасным. Но организаторы состязания постарались для привлечения публики оживить его различными пикантными деталями. Местность была напигована гигантскими спрутами, муренами, акулами разных видов, ядовитыми кораллами и другими ужасами морских глубин.

Зрелище получилось захватывающее. Один из участников состязания сумел добраться до сокровища, лежавшего в глубокой расщелине, но тут мурена добралась до него самого. Другой ухватился за сокровище в тот самый момент, когда за него ухватилась акула. Сине-зеленые воды морских глубин окрасились кровью — по цветному телевидению это было хорошо видно. Сокровище ускользнуло на дно, и тут за ним нырнул Рэдер. От большого давления у него чуть не лопнули барабанные перепонки. Он подобрал бесценный груз, отцепил свой балластный пояс, чтобы всплыть. В тридцати футах от поверхности ему пришлось бороться за сокровище с другим участником состязания.

Маневрируя под водой, они размахивали ножами. Противник рассек Рэдеру грудь. Но Рэдер с самообладанием бывалого борца отбросил нож и вырвал изо рта у противника трубку, по которой поступал воздух.

На этом все кончилось. Рэдер всплыл на поверхность и передал на стоявшую поблизости лодку спасенное сокровище. Им оказалась партия мыла «Величайшее из сокровищ», изготовленного фирмой «Мыло красоты».

Он получил двадцать две тысячи долларов наличными и триста восемь писем от поклонников, в числе которых было одно, заслуживающее внимания, — предложение девушки из Макона. Он серьезно задумался над этим. Рэдера положили в больницу, где ему бесплатно лечили рассеченную грудь и барабанные перепонки, а также делали прививки против коралловой инфекции.

И вот новое приглашение в крупнейший боевик «Премия за риск».

Тут-то и начались настоящие неприятности...

Внезапная остановка поезда вывела его из задумчивости. Рэдер сдвинул шляпу и увидел, что мужчина напротив поглядывает на него и что-то шепчет толстой соседке. Неужели его узнали?

Как только двери раскрылись, он вышел и взглянул на часы. Оставалось еще пять часов.

На станции Манхассет он сел в такси и попросил отвезти его в Нью-Сэлем.

— В Нью-Сэлем? — переспросил шофер, разглядывая его в зеркальце над ветровым стеклом.

— Точно.

Шофер включил свою рацию: «Плата до Нью-Сэлама. Да, правильно, Нью-Сэлама. Нью-Сэлама».

Они тронулись. Рэдер нахмурился, размышляя, не было ли это сигналом. Конечно, ничего необычного, таксисты всегда общаются о поездке своему диспетчеру. И все же в голосе шофера было что-то...

— Высадите меня здесь, — сказал Рэдер.

Заплатив, он отправился пешком вдоль узкой проселочной дороги, петлявшей по жидкому лесу. Деревья тут были слишком редкие и низкорослые для того, чтобы укрыть его. Рэдер продолжал шагать в поисках убежища.

Сзади послышался грохот тяжелого грузовика. Рэдер все шагал, низко наклонив шляпу на глаза. Однако, когда грузовик подошел ближе, он вдруг услышал голос из телеприемника, спрятанного в кармане: «Берегись!»

Он кинулся в канаву. Грузовик, накренившись, промчался рядом, едва не задев его, и со скрежетом затормозил. Шофер кричал:

— Вон он! Стреляй, Гарри, стреляй!

Рэдер бросился в лес, пули сшибали листья с деревьев над его головой.

«Это случилось снова! — заговорил Майк Терри, его голос звенел от возбуждения. — Боюсь, что Джим Рэдер позволил себе успокоиться, поддавшись ложному чувству безопасности. Ты не должен был делать этого, Джим! Ведь на карту поставлена твоя жизнь! За тобой гонятся убийцы! Будь осторожен, Джим, осталось еще четыре с половиной часа!»

Шофер сказал:

— Гарри, Клод, быстро на грузовик! Теперь он попался.

«Ты попался, Джим Рэдер! — воскликнул Майк Терри. — Но они еще не схватили тебя! И можешь благодарить добрую самаритянку Сьюзи Петерс, проживающую в доме двенадцать по Элм-стрит, в Саут Орандже, штат Нью-Джерси, за то, что она предупредила тебя, когда грузовик приближался! Через минуту мы покажем вам крошку Сьюзи... Взгляните, друзья, вертолет нашей студии прибыл на место действия. Теперь вы можете видеть, как бежит Джим Рэдер и как убийцы окружают его...»

Пробежав сотню ярдов по лесу, Рэдер очутился на бетонированной автостраде. Позади остался редкий перелесок. Один из бандитов бежал оттуда прямо к нему. Грузовик, въехав на автостраду, тоже мчался к нему.

И вдруг с противоположной стороны выскочила легковая машина. Рэдер выбежал на шоссе, отчаянно размахивая руками. Машина остановилась.

— Скорей! — крикнула молодая блондинка, сидевшая за рулем.

Рэдер юркнул в машину. Девушка круто развернула ее. Пуля шлепнулась в ветровое стекло. Девушка изо всех сил жала на акселератор, они чуть не сшибли бандита, стоявшего у них на пути.

Машина успела проскочить, прежде чем грузовик подъехал на расстояние выстрела.

Рэдер, откинувшись на сиденье, плотно сомкнул веки. Девушка сосредоточила все внимание на езде, поглядывая время от времени в зеркальце на грузовик.

«Это случилось опять! — кричал Майк Терри в экстазе. — Джим Рэдер снова вырван из когтей смерти благодаря помощи доброй самаритянки Джэнис Морроу, проживающей в доме четыреста тридцать три по Лексингтон-авеню, Нью-Йорк. Вы видели когда-нибудь что-либо подобное, друзья? Мисс Морроу промчалась под градом пуль и вырвала Джима Рэдера из рук смерти! Позднее мы проинтервьюируем мисс Морроу и спросим о ее ощущениях. А сейчас, пока Джим мчится прочь, — может быть, навстречу новой опасности — прослушайте кратенькое объявление организаторов передачи. Не отходите от телевизоров! Джиму осталось четыре часа десять минут, и тогда он в безопасности. Но... Всякое может случиться!»

— О'кей, — сказала девушка, — теперь нас отключили. Черт возьми, Рэдер, что с вами творится?

— А? — спросил Рэдер.

Девушке было немногим больше двадцати. Она казалась хорошенькой и неприступной. Рэдер заметил, что у нее приятное лицо, аккуратная фигурка. Еще он заметил, что она злится.

— Мисс, — сказал он. — Не знаю, как и благодарить вас.

— Поговорим начистоту, — сказала Джэнис Морроу. — Я вовсе не добрая самаритянка. Я на службе у Жи-би-си.

— Так это они решили меня спасти!

— Какая сообразительность! — сказала она.

— А почему?

— Видите ли, Рэдер, это дорогая программа. И мы должны дать хорошее представление. Если число слушателей уменьшится, то мы окажемся на улице. А вы нам не помогаете.

— Как? Почему?

— Да потому что вы просто ужасны, — сказала девушка с раздражением, — вы не оправдали наших надежд и никуда не годитесь. Что вам, жизнь надоела? Неужели вы ничему не научились?

— Я стараюсь изо всех сил.

— Да люди Томпсона могли бы вас прихлопнуть десять

раз. Просто мы сказали им, чтоб они полегче, не торопились. Ведь это все равно что стрелять в глиняную шестифутовую птичку. Люди Томпсона идут нам навстречу, но сколько они могут притворяться? Если бы я сейчас не подъехала, им бы пришлось убить вас, хотя время передачи еще не истекло.

Рэдер смотрел на нее, не понимая, как может хорошенькая девушка говорить такое. Она взглянула на него, потом быстро перевела взгляд на дорогу.

— И не смотрите на меня так! — сказала она. — Вы сами решили рисковать жизнью за деньги, герой. И за большие деньги. Вы знали, сколько вам заплатят. Поэтому не стройте из себя бедняжку бакалейщика, за которым гонятся злые хулиганы.

— Знаю, — сказал Рэдер.

— Так вот, если вы не сможете выпутаться, то постарайтесь хоть умереть как следует.

— Нет, неправда, вы не это хотели сказать, — заговорил Рэдер.

— Вы так уверены? До конца передачи осталось еще три часа сорок минут. Если сможете выжить, отлично. Тогда ваша взяла. А если нет, то заставьте их хоть побегать за эти деньги.

Рэдер кивнул, не отрывая от нее взгляда.

— Через несколько секунд мы снова будем в эфире. Я разыграю поломку автомобиля и выпущу вас. Банды Томпсона пока не видно. Они убьют вас теперь, как только им это удастся. Ясно?

— Да, — сказал Рэдер. — Если я уцелею, смогу я когда-нибудь вас увидеть?

Она сердито прикусила губу.

— Вы что, одурачить меня хотите?

— Нет, просто хочу вас снова увидеть. Можно?

Она с любопытством взглянула на него.

— Не знаю. Оставьте это. Мы почти приехали. Думаю, вам лучше держаться леса. Готовы?

— Да. Где я смогу найти вас? Я хочу сказать — потом, после этого...

— О Рэдер, вы совсем не слушаете. Бегите по лесу, пока не найдете овражек. Он небольшой, но там хоть укрыться можно.

— Как мне найти вас? — снова спросил Рэдер.

— Найдете по телефонной книге Манхэттена. — Она остановила машину. — О'кей, Рэдер, бегите.

Он открыл дверцу.

— Подождите. — Она наклонилась и поцеловала его. — Желаю вам успеха, болван. Позвоните, если выпутаетесь.

Он выскочил и бросился в лес.

Он бежал между берез и сосен, мимо уединенного домика, где из большого окна на него глазело множество лиц. Кто-то из

обитателей этого домика, должно быть, и позвал бандитов, потому что они были совсем близко, когда он добрался до вымытого дождями небольшого овражка. «Эти степенные, уважающие законы граждане не хотят, чтобы я спасся, — с грустью подумал Рэдер. — Они хотят посмотреть, как меня убьют». А может, они хотят посмотреть, как он будет на волосок от смерти и все же избежит ее?

Он спустился в овражек, зарылся в густые заросли и замер. Бандиты Томпсона показались по обе стороны оврага. Они медленно шли вдоль него, внимательно вглядываясь. Рэдер сдерживал дыхание.

Послышался выстрел. Это один из бандитов подстрелил белку. Поверещав немного, она смолкла.

Рэдер услышал над головой гул вертолета телестудии. Наведены ли на него камеры? Вполне возможно. Если какой-нибудь добрый самаритянин поможет ему...

Глядя в небо, в сторону вертолета, Рэдер придал лицу подобающее благочестивое выражение и сложил руки. Он молился про себя, потому что публике не нравилось, когда выставляли напоказ свою религиозность. Но губы его шевелились.

Он шептал настоящую молитву. Ведь однажды глухонемой, смотревший передачу, разоблачил беглеца, который вместо молитвы шептал таблицу умножения. А такие штучки не сходят с рук!

Рэдер закончил молитву. Взглянув на часы, он убедился, что осталось еще почти два часа.

Он не хотел умирать! Сколько бы ни заплатили, умирать не стоило! Он просто с ума сошел, был совершенно не в своем уме, когда согласился на это...

Но Рэдер знал, что это неправда. Он был в здравом уме и твердой памяти.

Всего неделю назад он стоял на эстраде в студии «Премии за риск» в свете прожекторов, а Майк Терри тряс ему руку.

— Итак, мистер Рэдер, — сказал Терри серьезно, — вы поняли правила игры, которую собираетесь начать?

Рэдер кивнул.

— Если вы примете их, то всю неделю будете человеком, за которым охотятся. За вами будут гнаться убийцы, Джим. Опытные убийцы, которых закон преследовал за преступления, но им дарована свобода для совершения этого вполне законного убийства, и они будут стараться, Джим. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказал Рэдер. Он понимал также, что выиграет двести тысяч долларов, если сумеет продержаться в живых эту неделю.

— Я снова спрашиваю вас, Джим Рэдер. Мы никого не заставляем играть, ставя на карту жизнь.

— Я хочу сыграть, — сказал Рэдер.

Майк Терри повернулся к зрителям.

— Леди и джентльмены, — сказал он. — У меня есть результаты исчерпывающего психологического исследования, сделанного по нашей просьбе незаинтересованной фирмой. Всякий, кто пожелает, может получить копию этого заключения, выслав двадцать пять центов на покрытие почтовых расходов. Исследование показало, что Джим Рэдер вполне нормальный, психически уравновешенный человек, полностью отвечающий за свои поступки. — Он обернулся к Рэдеру. — Вы все еще хотите принять участие в состязании, Джим?

— Да, хочу.

— Отлично! — закричал Майк Терри. — Итак, Джим Рэдер, познакомьтесь с теми, кто будет стараться убить вас!

Под свист и улюлюканье зрителей на сцену стала выходить банда Томпсона.

— Взгляните на них, друзья, — произнес Майк Терри с нескрываемым презрением. — Только поглядите на них. Это чело-веконенавистники, коварные, злобные и абсолютно безнравственные. Для этих людей не существует других законов, кроме уродливых законов преступного мира, не существует других понятий чести, кроме тех, что необходимы трусливому наемному убийце.

Публика волновалась.

— Что вы скажете, Клод Томпсон? — спросил Терри.

Клод, выступавший от лица банды, подошел к микрофону. Это был худой, гладко выбритый и старомодно одетый человек.

— Я так думаю, — сказал он хрипло. — Я так думаю, мы не хуже других. Ну, вроде как солдаты на войне, они-то убивают. А возьми эти всякие там взятки или подкуп в правительстве или в профсоюзах. Да все берут кто во что горазд.

Больше ничего Томпсон не мог сказать. Но как быстро и решительно Майк Терри опроверг доводы убийцы! Он разбил его в пух и прах! Вопросы Терри били точно в цель — прямо в жалкую душонку Томпсона.

К концу интервью Клод Томпсон основательно вспотел и, вытирая лицо шелковым платком, бросал быстрые взгляды на своих сообщников.

Майк Терри положил руку на плечо Рэдеру.

— Вот человек, который согласился стать вашей жертвой, если только вы сможете поймать его.

— Поймаем, — сказал Томпсон, к которому сразу же вернулась уверенность.

— Не будьте так самонадеянны, — сказал Терри. — Джим Рэдер дрался с дикими быками — теперь он выступает против шакалов. Он средний человек. Он из народа... Он — сам народ. Народ, который прикончит вас и вам подобных.

— Все равно ухлопаем, — сказал Томпсон.

— И еще, — продолжал Терри спокойно и проникновенно. — Джим Рэдер не одинок. Простые люди Америки на его стороне. Добрые самаритяне во всех уголках нашей необъятной страны готовы прийти ему на помощь. Безоружный и незащищенный, Джим Рэдер может рассчитывать на добросердечие. Он — их представитель! Так что не будьте слишком-то уверены в себе, Клод Томпсон! Обыкновенные люди, простые люди выступают за Джима Рэдера, а их ведь очень много, простых людей!

Рэдер размышлял об этом, лежа неподвижно в густых зарослях на дне овражка. Да, люди помогали ему. Но они помогали и его убийцам.

Джим содрогнулся; он сам сделал выбор и только он сам за все ответствен. Это подтверждено психологическим исследованием.

И все-таки, в какой мере были ответственны психологи, которые его обследовали? А Майк Терри, посуливший такую кучу денег бедному человеку? Общество сплело петлю и набросило ее на него, а он, с петлей на шее, называл это свободным волеизъявлением.

Кто же в этом виноват?

— Ага! — послышался чей-то возглас.

Рэдер поднял взгляд и увидел над собой упитанного плотного мужчину. На нем была пестрая куртка из твида. На шее висел бинокль, а в руках он держал трость.

— Мистер, пожалуйста, не говорите...

— Эй! — заорал толстяк, указывая на него тростью. — Вот он!

«Сумасшедший, — подумал Рэдер. — проклятый дурак, наверно, думает, что они тут играют в прятки!»

— Сюда, сюда! — визжал мужчина.

Рэдер, ругаясь, вскочил на ноги и бросился прочь. Выбежав из овражка, он увидел в отдалении белое здание. К нему он и кинулся. Сзади кричал толстяк:

— Вон туда, туда! Да глядите же, болваны, вы не видите его, что ли?

Бандиты снова открыли стрельбу. Рэдер бежал, спотыкаясь о кочки. Он поравнялся с игравшими детьми.

— Вот он! — завизжали дети. — Вот он!

Рэдер застонал и бросился дальше. Добравшись до ступенек белого здания, он обнаружил, что это церковь.

В этот момент пуля ударила ему в ногу, возле колена.

Он упал и пополз в здание церкви.

Телеприемник у него в кармане говорил:

«Что за финиш, друзья мои, что за финиш! Рэдер ранен! Он ранен, друзья мои, он ползет, он страдает от боли, но он не сдался! Нет, не таков Джим Рэдер!»

Рэдер лежал в приделе, около алтаря. Он слышал, как детс-

кий голосок сказал, захлебываясь: «Он вошел туда, мистер Томпсон. Скорее, вы еще можете схватить его».

«Разве церковь не является убежищем, святыней?» — подумал Рэдер.

Дверь распахнулась настежь, и он понял, что никаких обычаев больше не существует. Собравшись с силами, Рэдер пополз за алтарь, потом дальше, к заднему выходу.

Он оказался на старом кладбище. Он полз среди крестов, среди мраморных и гранитных надгробных плит, среди каменных надгробий и грубых деревянных дощечек. Пуля стукнула в надгробие над его головой. Рэдер добрался до вырытой могилы и сполз в нее.

Он лежал на спине, глядя в небесную синеву. Вдруг черная фигура нависла над ним, заслонив небо. Звякнул металл. Фигура целилась в него.

Рэдер навсегда распрощался с надеждой.

«Стоп, Томпсон!» — Голос Майка Терри ревел, усиленный передатчиком.

Револьвер дрогнул.

«Сейчас одна секунда шестого! Неделя истекла!

Джим Рэдер победил!»

Из студии донесся нестройный приветственный крик публики. Банда Томпсона угрюмо окружила могилу.

«Он победил, друзья, он победил! — надрывался Майк Терри. — Смотрите, смотрите на экраны! Прибыли полицейские, они увозят бандитов Томпсона прочь от их жертвы — жертвы, которую они так и не смогли убить. И все это благодаря вам, добрые самаритяне Америки. Взгляните, друзья мои, бережные руки вынимают Джима Рэдера из могилы, которая была его последним прибежищем. Добрая самаритянка Джэнис Морроу тоже здесь. Как знать, может, это начало романа? Джим, кажется, в обмороке, друзья, они дают ему возбуждающее. Он выиграл двести тысяч долларов! А теперь несколько слов скажет сам Джим Рэдер!..»

Последовала короткая пауза.

«Странно, — сказал Майк Терри. — Друзья, боюсь, сейчас мы не сможем услышать голос Джима. Доктор осматривает его. Минуточку...»

Снова последовала пауза. Майк Терри вытер лоб и улыбнулся.

«Это переутомление, друзья, страшное переутомление. Так сказал доктор... Ну что ж, друзья, Джим Рэдер сейчас немного нездоров. Но это пройдет! На службе Жи-би-си лучшие психиатры и психоаналитики страны. Мы сделаем для этого храброго парня все, что будет в человеческих си-

лах. И все это за наш счет. — Майк Терри бросил взгляд на студийные часы. — А теперь время кончать, друзья. Следите за объявлениями о нашей новой грандиозной программе ужасов. И не расстраивайтесь. Я уверен, что вскоре мы снова увидим Джима Рэдера среди нас».

Майк Терри улыбнулся и подмигнул зрителям.

«Он просто обязан выздороветь. Ведь мы все ставим ставим на него!»

ЧЕТЫРЕ СТИХИИ

Элистер Кромптон был стереотипом, и это постоянно возмущало его самого. Но что поделаешь? Хочешь не хочешь, а он моноличность, однолинейный человек, все желания которого нетрудно предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого. Но хуже всего было то, что и внешность Кромптона как нельзя более соответствовала его характеру.

Был он среднего роста, болезненно худощав, остронос, его губы были всегда поджаты, уже появились большие залысины надо лбом, а за толстыми линзами очков скрывались водянистые, тусклые глаза; лицо его покрывала редкая растительность.

Словом, Кромптон выглядел клерком. Он клерком и был.

Посмотришь на него и скажешь: ну и тип, мелочный, пунктуальный, осторожный, нервный, пуританского склада, злопамятный, забитый, осмотрительный и сдержанный. Диккенс изобразил бы его человеком с повышенным чувством собственной значимости, который вечно торчит в конторе, взгромоздившись на высокий табурет, и царапает в пыльных скрижалях историю какой-нибудь старой уважаемой фирмы.

Врач XIII века углядел бы в Кромптоне воплощение одного из четырех темпераментов, соответствующих свойствам основных стихий, а именно: меланхолического темперамента воды. Причина этого — в избытке холодной, сухой, черной желчи, которая порождает брюзгливость и замкнутость.

Более того, сам Кромптон мог бы стать доказательством правильности теории Ломброзо и Крэтшмера, притчей-предупреждением, гиперболой католицизма и печальной карикатурой на человечество.

И опять-таки, хуже всего то, что Кромптон полностью сознавал всю аморфность, слабость, тривиальность своей натуры и, сознавая это, негодовал, но ничего не мог изменить, только ненавидел досточтимых докторов, которые сделали его таким.

Кромптон с завистью наблюдал, что его окружают люди во всей мнящей сложности своих противоречивых характеров, люди, восстающие против тех банальностей, которые общество

пытается навязать им. Он видел отнюдь не добросердечных проституток; младших офицеров, ненавидевших жестокость; богачей, никогда не подававших милостыни; он встречал ирландцев, которые терпеть не могли драк; греков, которые никогда не видели кораблей; французов, которые действовали без расчета и логики. Казалось, большинство людей живет чудесной, яркой жизнью, полной неожиданностей, то взрываясь внезапной страстью, то погружаясь в странную тишину, поступая вопреки собственным словам, отрекаясь от своих же доводов, сбивая тем самым с толку психологов и социологов и доводя до запоя психоаналитиков.

Но для Кромптона, которого в свое время врачи ради сохранения рассудка лишили всего этого духовного богатства, такая роскошь была недостижима.

Всю свою жизнь, день за днем ровно в девять часов утра, Кромптон с непреклонной методичностью робота добирался до своего стола. В пять пополудни он уже аккуратно складывал grossbuxи и возвращался в свою меблированную комнатку. Здесь он съедал невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать. Каждую субботу вечером, пробившись сквозь толчею легкомысленных, веселых подростков, Кромптон смотрел кино. По воскресеньям и праздничным дням Кромптон изучал геометрию Эвклида, потому что верил в самосовершенствование. А раз в месяц Кромптон прокрадывался к газетному киоску и покупал журнал непристойного содержания. В уединении своей комнаты он с жадностью поглощал его, а потом в экстазе самоуничтожения рвал журнал на мелкие кусочки.

Кромптон, конечно, знал, что врачи превратили его в стереотип ради его собственного блага, он пытался примириться с этим. Какое-то время он поддерживал компанию с подобными себе, плоскими и мелкими, глубиной в сантиметр, личностями. Но все они были высокого мнения о себе и оставались самодовольными и чопорными в своей косности. Они были такими с самого рождения, в отличие от Кромптона, которого врачи перекроили в одиннадцать лет. Скоро он понял, что для окружающих такие, как он, да и сам он, просто невыносимы.

Он изо всех сил старался вырваться из удручающей ограниченности своей натуры. Одно время он серьезно подумывал об эмиграции на Венеру или Марс, но так ничего и не предпринял для этого. Обратился он как-то в Нью-Йоркскую контору бракосочетаний, и они устроили ему свидание. Кромптон шел на встречу со своей незнакомой возлюбленной к театру Лоу Юпитера, воткнув в петлицу белую гвоздику. Однако за квартал до театра его прохватила такая дрожь, что он вынужден был поспешить домой. В этот вечер, чтобы немного прийти в себя, он разгадал шесть кроссвордов и разложил девять пасьянсов. Но даже эта встряска была кратковременной.

Несмотря на все старания, Кромптон мог действовать только в узких рамках своего характера. Его ярость против себя и досточтимых докторов росла, и соответственно росло его стремление к самопреобразованию. Но у Кромптона был лишь один путь к достижению удивительного многообразия человеческих возможностей, внутренних противоречий, страстей — словом, всего человеческого. И ради этого он жил, работал и ждал и, наконец, достиг тридцатипятилетнего возраста. Только в этом возрасте, согласно Федеральному закону, человек получал право на реинтеграцию личности.

На следующий день после знаменательной даты Кромптон уволился с работы, взял в поте лица заработанные сбережения — результат семнадцатилетнего труда — и отправился с визитом к своему врачу, твердо решив вернуть себе то, что в свое время было у него отнято.

Старый доктор Берренгер провел Кромптона в свой кабинет, усадил в удобное кресло и спросил:

— Ну, парень, давно я тебя не видел, как дела?

— Ужасно, — ответил Кромптон.

— Что тебя беспокоит?

— Я сам, — ответил Кромптон.

— Ага, — сказал старый доктор, внимательно глядя в лицо Кромптона, типичное лицо клерка. — Чувствуешь себя немного ограниченным, э?

— Ограниченный — не совсем то слово, — натянуто возразил Кромптон. — Я машина, робот, ничто...

— Ну-ну, — сказал доктор Берренгер. — Все не так уж плохо, я уверен. Чтобы приспособиться, нужно время...

— Меня тошнит от самого себя, — решительно заявил Кромптон. — Мне необходима реинтеграция.

На лице доктора отразилось сомнение.

— И к тому же, — продолжал Кромптон, — мне уже тридцать пять. По Федеральному закону я имею право на реинтеграцию.

— Имеешь, — согласился доктор Берренгер. — Но как твой друг, как врач я советую тебе, Элистер: не делай этого.

— Почему?

Старый доктор вздохнул и сложил пальцы рук пирамидкой.

— Это опасно для тебя. Чрезвычайно опасно. Это может стать роковым шагом.

— Но хоть один шанс у меня есть или нет?

— Почти нет.

— Тогда я требую осуществить мое право на реинтеграцию.

Доктор снова вздохнул, подошел к своей картотеке и вынул толстую историю болезни.

— Ну что ж, обратимся к твоему случаю, — сказал он.

Элистер Кромптон родился в Амундсвилле на Земле Мари Берд в Антарктиде, родителями его были Лиль и Бесс Кромптоны. Отец работал техником на Шотландских плутониевых рудниках, мать была занята неполный рабочий день сборкой транзисторов на одном маленьком радиозаводе. У обоих зарегистрировано вполне удовлетворительное умственное и физическое развитие. Маленький Элистер проявил все признаки отличной послеродовой приспособляемости.

Первые девять лет жизни Элистер рос нормальным во всех отношениях ребенком, если не считать некоторой угрюмости; но дети нередко бывают угрюмыми. А в остальном мальчик был любознательным, живым, любящим, добродушным созданием, а по интеллекту стоял выше своих сверстников. Когда ему исполнилось десять лет, угрюмость заметно возросла. Иногда часами ребенок оставался сидеть в своем кресле, глядя в пустоту и порой даже не откликаясь на собственное имя.

Эти «периоды зачарованности» появлялись все чаще, становились интенсивнее. Мальчик сделался раздражителен — местный врач выписал успокаивающее. Однажды, когда Элистеру было десять лет и семь месяцев, он без видимой причины ударил маленькую девочку. Та закричала — он попытался задушить ее. Убедившись, что это ему не по силам, он поднял школьный учебник, самым серьезным образом намереваясь раскроить им череп девочки. Какой-то взрослый оттащил брыкающегося, орущего Элистера. Девочка получила сотрясение мозга и почти год провела в больнице.

Когда Элистера расспрашивали об этом инциденте, он утверждал, что ничего такого не делал. Может быть, это сделал кто-нибудь другой. Он никогда никому не причинил бы зла, и уж во всяком случае, не этой маленькой девочке, которую он очень любил. Дальнейшие расспросы привели к тому, что Элистер впал в оцепенение, которое длилось пять дней.

Если бы тогда кто-нибудь сумел распознать во всем этом симптомы вирусной шизофрении, Элистера можно было бы спасти. Даже у очень молодых эта болезнь легко поддавалась правильному лечению.

В средней зоне вирусная шизофрения была распространена уже в течение многих веков, и бывали случаи, когда она принимала размеры подлинных эпидемий, как, например, классическое помешательство на танцах в средние века. Иммунология еще не нашла вакцины против вируса. Поэтому стало обычным немедленно прибегать к полному расщеплению, пока шизоидные компоненты еще податливы; затем находили и сохраняли в организме доминирующую личность, а остальные компоненты через проектор Миккльтона помещали в инертное вещество тел Дюрьера.

Тела Дюрьера — это андройды, рассчитанные на сорок лет существования. Они, конечно, нежизнеспособны. Но Федераль-

ный закон разрешал реинтеграцию личности по достижении ею тридцати пяти лет. Шизоиды, развивавшиеся в телах Дюрера, могли, по усмотрению доминирующей личности, вернуться в первоначальное тело и разум, где точно по прогнозу происходила реинтеграция и полное слияние...

Но это получалось, если расщепление было произведено вовремя.

В маленьком же заброшенном Амундсвилле местный врач-терапевт прекрасно справлялся с обмороживаниями, снежной слепотой, раком, спиральной меланхолией и другими обычными заболеваниями морозного юга, но о болезнях средней зоны не знал ничего.

Элистера положили в городскую больницу на исследование.

В течение первой недели он был угрюм, застенчив и чувствовал себя не в своей тарелке, лишь временами прорывалась его былая беззаботность. На следующей неделе он стал проявлять бурную неприязнь к ухаживавшей за ним няне, которая в нем души не чаяла и называла очаровательным ребенком. Казалось, под ее благотворным влиянием Элистер снова станет самим собой.

На тринадцатый день своего пребывания в больнице Элистер исполосовал лицо нянечки разбитым стаканом, потом сделал отчаянную попытку перерезать себе горло. Когда его госпитализировали, чтобы залечить раны, началась каталепсия, которую врач принял за простой шок. Элистеру прописали покой и тишину, что при данных обстоятельствах было самым худшим для него.

Две недели Элистер находился в кататоническом состоянии, характеризуемом мертвенной бледностью, полным оцепенением. Болезнь достигла своего апогея. Родители отправили ребенка в известную Нью-Йоркскую клинику Ривера. Там не замедлили поставить диагноз — вирусная шизофрения в запущенной форме.

Элистер, одиннадцатилетний мальчик, мало соприкасался с внешним миром, во всяком случае недостаточно, чтобы в нем выявился активный базис для специалистов. Теперь он почти не выходил из состояния кататонии, его шизоидные компоненты застыли в своей несовместимости. Жизнь его проходила в каком-то странном, непостижимом для других сумеречном мире, и единственное, что заполняло ее, это кошмары. Специалисты пришли к выводу, что полное расщепление едва ли поможет в этом запущенном случае. Но без расщепления Элистер был обречен провести остаток жизни в клинике, никогда более не приходя в сознание, оставаясь навеки погребенным в сюрреалистических темницах своего сознания.

Его родители выбрали меньшее из зол и подписали бумаги, разрешающие врачам предпринять запоздалую, отчаянную попытку расщепления.

Элистер перенес эту операцию, когда ему было одиннадцать лет и один месяц. Под глубоким гипнозом специалисты выявили у него три независимых личности. Врачи разговаривали с ними и сделали выбор. Две личности были помещены в Дюрьеровы тела. Третью личность, которую сочли наиболее для этого подходящей, оставили в первоначальном теле. Все три личности были травмированы, но операция была признана до известной степени удачной.

Доктор Власек, лечащий нейрогипнотизер, отметил в своем отчете, что для всех трех компонентов, поскольку они неадекватны, не соответствуют друг другу, даже по достижении законного возраста — тридцати пяти лет — надежды на успех последующей реинтеграции нет. Слишком поздно произведено было расщепление, и шизоидные компоненты потеряли те жизненно необходимые качества, то взаимное согласие, без которых невозможно их слияние, их совместное существование. В своем отчете он настаивал на необходимости лишения их права на реинтеграцию, чтобы в дальнейшем они существовали только в их новом разрозненном состоянии.

Двое в Дюрьеровых телах получили новые имена и, сопровождаемые наилучшими пожеланиями докторов, были помещены в детские приюты — один на Марсе, другой на Венере, — почти без всякой надежды на что-либо путное в жизни.

Элистер Кромптон, собственно доминирующая личность в его подлинном облики, поправился после операции, но двух третей его натуры, утерянных вместе с шизоидными частями, ему не доставало. Ему не доставало некоторых чисто человеческих черт, эмоций, способностей, и их уже было никогда не вернуть, не заменить другими.

Кромптон рос, обладая только теми качествами, которые были присущи собственно его личности: чувством долга, аккуратностью, упорством и осторожностью. Неизбежное в таких случаях разрастание этих качеств привело к тому, что он стал стереотипом, ограниченным человеком, сознающим, однако, свои недостатки и страстно стремящимся к полному выявлению своей личности, к слиянию, реинтеграции...

— Вот так обстоят дела, Элистер, — сказал доктор Берренгер, захлопывая фолиант. — Доктор Власек решительно возражал против реинтеграции. Весьма сожалею, но я с ним согласен.

— Но это же мой единственный шанс, — сказал Кромптон.

— Никаких шансов, — возразил доктор Берренгер. — Ты можешь заключить эти личности в себя, но у тебя не хватит твердости держать их в узде, слиться с ними. Элистер, мы спасли тебя от вирусной шизофрении, но предрасположенность к ней у тебя осталась. Прибегни к реинтеграции — и тебя ждет функциональная шизофрения, и это уже навсегда.

— Но у других-то получалось! — воскликнул Кромптон.

— Конечно, и у многих. Но не было случая, чтобы это была запущенная шизофрения, чтобы шизоидные компоненты закоснели.

— Я должен использовать последнюю возможность, — сказал Кромптон. — Я требую имена и адреса моих Дюрьеров.

— Да слышишь ли ты, что я тебе говорю? Всякая попытка реинтегрировать приведет либо к тому, что ты сойдешь с ума, либо к еще худшему. Как твой лечащий врач я не могу...

— Дайте адреса, — холодно потребовал Кромптон. — Это мое законное право. Я чувствую, что справлюсь со своими компонентами. Когда они будут в моем подчинении, произойдет слияние. Мы будем действовать как единое целое. И я, наконец, стану полноценным человеком.

— Да ты даже не представляешь себе, что такое эти Кромптоны! — воскликнул доктор. — Ты думаешь, что это ты неполноценный? Да ты вершина этой кучи хлама!

— Мне все равно, что они собой представляют, — сказал Кромптон. — Они часть меня. Пожалуйста, адреса и имена.

Устало покачав головой, доктор написал записку и протянул ее Кромптону.

— Элистер, нечего рассчитывать на успех. Прошу тебя, подумай хорошенько...

— Спасибо, доктор Берренгер, — коротко поклонившись, сказал Кромптон и вышел.

Стоило Кромптону очутиться за порогом кабинета, как вся его самонадеянность словно растаяла. Он не посмел признаться доктору Берренгеру в своих сомнениях, не то добрый старик непременно отговорил бы его от реинтеграции. Но теперь, когда адреса и имена лежали в кармане и вся ответственность легла на его плечи, Элистера захлестнула тревога. Он дрожал с головы до ног. Он справился с приступом, но ненадолго, лишь до тех пор, пока на такси не добрался до своей комнаты, а там сразу же бросился на кровать.

В течение часа, ухватившись за спинку кровати, как утопающий за соломинку, он корчился в мучительных судорогах. Потом приступ прошел. Он сумел унять дрожь в пальцах настолько, чтобы вытащить из кармана и рассмотреть записку, которую вручил ему доктор.

Первым в записке стояло имя Эдгара Лумиса из Элдерберга на Марсе. Вторым — имя Дэна Стэка, Восточные болота, на Венере. Больше в записке ничего не было.

Что представляли собой эти самостоятельно существующие компоненты его, Кромптона, личности? Какие характеры, какие формы приняли его отторгнутые сегменты?

В записке об этом не было сказано ни слова. Ему самому предстояло поехать и все выяснить.

Кромптон разложил пасьянс и прикинул, чем он рискует.

Его прежний, еще не расщепленный рассудок, был явно одержим манией убийства. Предположим, слияние состоится, изменится ли что-нибудь к лучшему? Имеет ли он право выпускать в мир это, по всей вероятности, чудовище? Благоразумно ли предпринимать шаги, которые могут привести его к умопомешательству, кататонии, смерти?

До поздней ночи думал об этом Кромптон. Наконец врожденная осторожность взяла верх. Он аккуратно сложил записку, спрятал ее в ящик стола. Как бы ни хотел он реинтеграции и целостности, риск был слишком велик, и он предпочел свое теперешнее состояние сумасшествию.

На следующий день он нашел себе место клерка в одной старой respectable фирме.

Он был сразу же захвачен привычным ходом дел. Снова с непреклонной методичностью работа каждое утро ровно в девять часов он добирался до своего стола, в пять пополудни уходил и возвращался в свою меблированную комнату, съедал невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать. И снова в субботу вечером он смотрел кино, по воскресеньям изучал геометрию и один раз в месяц покупал, читал и затем рвал на куски журнал непристойного содержания.

А отвращение к самому себе росло. Он попробовал коллекционировать марки, но вскоре отказался от этого занятия; вступил в Объединенный клуб счастья — ушел с первого же чопорного и томительного бала; попробовал овладеть искусством игры в шахматы — бросил. Все это не спасало его от чувства собственной неполноценности.

Он видел вокруг себя бесконечное многообразие человеческих отношений. Недоступное ему пиршество жизни развертывалось перед его взором. Его преследовало видение: еще двадцать лет жизни проходят в монотонных занятиях клерка, а потом еще тридцать, и сорок, и так без отдыха, без срока, без надежды — и только смерть положит этому конец, освободит его.

Шесть месяцев, изо дня в день, методически обдумывал эти проблемы Кромптон. Наконец он решил, что все-таки умопомешательство лучше его нынешнего состояния.

Он ушел с работы и снова забрал все свои старательно накопленные сбережения. На этот раз он купил билет до Марса, чтобы отыскать там Эдгара Лумиса из Элдерберга.

Точно в назначенное время Кромптон, вооруженный толстым томом кроссвордов, был уже на космодроме Айдулайлд. Затем он преодолел трудный из-за перегрузок подъем на Станцию № 3 и короткорейсовым кораблем «Локхид-Лэкавона» добрался до пересадочного пункта, здесь он сел в хопвер, который доставил его на Марс, Станция № 1, где Кромптон про-

шел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности, а потом прибыл в Порт Ньютон. За три дня он акклиматизировался, научился дышать дополнительным желудочным легким, стоически перенес инъекции стимулятора и, наконец, получил визу, дающую право путешествовать по всей планете Марс. Таким образом, уже во всеоружии он сел в ракету, следующую до города Элдерберга, расположенного недалеко от Южного полюса Марса.

Ракета медленно ползла по плоским однообразным марсианским равнинам, покрытым низким серым кустарником, который как-то умудрялся выжить в этом холодном разреженном воздухе, через болота скучной зеленой тундры. Кромптон был погружен в свои кроссворды. Когда кондуктор объявил, что они проезжают Великий Канал, Кромптон, заинтересованный, на минуту оторвался от своего кроссворда. Но Канал оказался всего лишь мелким, с отлогими берегами, руслом давно исчезнувшей реки. Растения на грязном дне были темно-зеленого, почти черного цвета. Кромптон вновь погрузился в свои кроссворды.

Они проезжали Оранжевую Пустыню и останавливались на маленьких станциях, где бородатые иммигранты в широкополых шляпах заскакивали в ракету, чтобы получить свои витаминные концентраты и «Сандей Таймс» в микрофильмах.

Но вот и предместья Элдерберга.

Город был центром всех деловых операций рудников и ферм Южного полюса. Он служил и курортом для богатых, которые приезжали сюда, чтобы принять ванны вечности или просто ради новых впечатлений. Благодаря вулканической активности температура в этом районе поднималась до 67 градусов по Фаренгейту. Это было самое теплое место на Марсе. Жители Марса называли этот район Тропиками.

Кромптон остановился в маленьком мотеле. Он вышел на улицу и слился с толпой ярко одетых мужчин и женщин, прогуливавшихся по странному неподвижному тротуарам Элдерберга. Он заглядывал в окна игорных домов, разинув рот, глазел на лавки подлинных ремесленных изделий исчезнувшей марсианской цивилизации, всматривался в блистающие огнями рестораны и коктейль-холлы — новинку сезона. Он в ужасе отпрянул от накрашенной молодой женщины, когда она пригласила его в «Дом мамы Тиль», где пониженная гравитация позволяет испытывать куда больше наслаждения, чем в обычных условиях. От нее и еще от дюжины таких же Кромптон укрылся в маленьком садике, присел там на скамью, пытаясь немного привести в порядок мысли.

Вокруг него раскинулся Элдерберг, яркий, полный наслаждений, вопиющий о своих грехах, — накрашенная Иезавель, которую Кромптон отвергал презрительным изгибом своих тонких губ. Но за этим изгибом губ, за отведенным в сторону взглядом и вздрагивающими от возбуждения ноздрями — за

всем этим скрывалась та часть его существа, которая жаждала этой греховной человечности как противопоставления тоскливому, бесплодному существованию.

Но как ни печально, Элдерберг, так же как и Нью-Йорк, не мог склонить Элистера к греху. Возможно, Эдгар Лумис возместит недостающее.

Кромптон стал опрашивать все отели города в порядке алфавита. В первых трех ответили, что понятия не имеют, где может быть Лумис, но уж коли он найдется, то им надо уладить с ним пустяковый вопрос о неоплаченных счетах. В четвертом отеле высказали предположение, что Лумис присоединился к большой поисковой партии на Горной Седловине. В пятом, вполне современного вида отеле никогда не слыхали о Лумисе. В шестом молодая, слишком ярко и нарядно одетая женщина рассмеялась слегка истерически при упоминании о Лумисе, но дать какую-либо информацию о нем отказалась.

Только в седьмом отеле клерк сообщил Кромптону, что Эдгар Лумис занимает триста четырнадцатый номер. Сейчас его дома нет, скорее всего он находится в «Салуне красной планеты». Кромптон расспросил, как туда пройти. И с сильно бьющимся сердцем отправился в старый район Элдерберга.

Отели здесь были какие-то вылинявшие, потрепанные, их пластиковые стены были побиты пыльными осенними бурями. Игровые дома сгрудились в кучу, а танцевальные залы днем и ночью выплескивали свое буйное веселье на улицы. В поисках местного колорита толпы богатых туристов сновали со своими видеозвуковыми аппаратами в надежде наткнуться на неприспособленную сценку и запечатлеть ее с достаточно близкого, но безопасного расстояния — такие снимки и позволяли дотошным искателям приключений называть Элдерберг «Откровением Трех планет». Встречались здесь и охотничьи магазины, снабжавшие туристов всем необходимым для спуска в знаменитые Пещеры Ксанату или для долгого путешествия в пескоходе к Витку Сатаны. Были здесь также скандальной известности «Лавки грез», в которых торговали любыми наркотиками, и сколько ни пытались покончить с ними законным путем, они продолжали действовать. Тут же какие-то бездельники продавали подделки под марсианскую резьбу по камню и все другое прочее — чего только душа пожелает.

Кромптон разыскал «Салун красной планеты», вошел и ждал, пока глаза привыкнут и можно будет что-нибудь разглядеть в облаках табачного дыма и винных паров. Он смотрел на туристов в пестрых рубашках за длинной стойкой бара, на говорливых гидов и суровых рудокопов. Он смотрел на карточные столы и на болтающих женщин, на мужчин с их знаменитым нежно-апельсиновым марсианским загаром — чтобы его приобрести, требуется, говорят, не меньше месяца.

И тут — ошибки быть не могло — он увидел Лумиса.

Лумис сидел за карточным столом и играл в фараон в паре с цветущей блондинкой, которой на первый взгляд можно было дать тридцать, на второй — сорок, а если присмотреться, то и все сорок пять. Играла она с азартом, и Лумис забавлялся, с улыбкой наблюдая за нею.

Он был высок и строен. Его костюм и саму манеру одеваться лучше всего передает слово из кроссворда «ворсистый». Узкий череп покрывали прилизанные волосы мышиного цвета. Не очень разборчивая женщина могла бы назвать его довольно красивым.

Внешне он нисколько не походил на Кромптона. Однако существовало между ними какое-то влечение, притяжение, мгновенное созвучие — этим чувством обладали все части индивидуума, перенесшего операцию расщепления. Разум взывал к разуму, части требовали целого, стремились к нему с неведомой телепатической силой. И Лумис, ощутив все это, поднял голову и открыто взглянул на Кромптона.

Кромптон направился к нему. Лумис что-то шепнул блондинке, вышел из-за карточного стола и встретил Кромптона посреди зала.

— Кто вы? — спросил Лумис.

— Элистер Кромптон. Вы Лумис? Я обладатель нашего длинного тела, а вы... вы понимаете, о чем я толкую?

— Да, конечно, — сказал Лумис. — Я все думал, появитесь ли вы когда-нибудь. Хм!.. — Он оглядел Кромптона с головы до ног и нельзя сказать, чтобы остался доволен тем, что увидел.

— Ну ладно, — сказал Лумис, — пойдемте в мой номер, там поговорим. Может быть, сразу и покончим с этим.

Он снова посмотрел на Кромптона с нескрываемой неприязнью и вышел с ним из салуна.

Номер Лумиса удивил Кромптона, явился для него прямо-таки откровением. Кромптон чуть не упал, когда его нога утонула в мягком восточном ковре. Свет в комнате был золотистый, тусклый, по стенам непрерывной чередой корчились и извивались бледные, тревожащие тени, они то принимали человеческие очертания, сближались, сплетались в кольца, то превращались в тени животных или беспорядочные кошмары из детских снов, затем медленно исчезали в мозаике потолка. Кромптон и раньше слышал о теневых песнях, но видел их впервые.

— Исполняется довольно миленькая пьеска под названием «Спуск в Картерум». Как вам нравится? — спросил Лумис.

— Довольно трогательно, — ответил Кромптон. — Но, должно быть, это ужасно дорогое удовольствие?

— Пожалуй, — небрежно произнес Лумис. — Это мне подарили. Присаживайтесь.

Кромптон уселся в глубокое кресло, оно сразу приняло форму его тела и начало мягко массировать ему спину.

— Хотите выпить? — спросил Лумис.

Кромптон молча кивнул. Теперь он чувствовал запах духов — сложную летучую смесь аромата специй и пряностей с легким налетом запаха тления.

— Этот запах...

— К нему нужно привыкнуть, — сказал Лумис. — Это обаятельная соната, задумана как аккомпанемент к песне теней. Я сейчас выключу.

Он выключил сонату и включил что-то другое. Кромптон услышал мелодию, которая как будто сама возникла у него в голове, — медленную, чувственную, мучительно-волнующую; Кромптону казалось, что он слышал ее раньше, в другое время, в другом месте.

— Она называется «Déjà vu», — объяснил Лумис. — Прямая передача на слушателя. Симпатичная вещичка, верно?

Кромптон понимал, что Лумис старается произвести на него впечатление. И надо отдать Лумису должное — это у него получалось. Пока Лумис разливал напиток, Кромптон оглядывал комнату: скульптуры, занавеси, мебель и все прочее; профессионально быстро подсчитал он в уме цену, стоимость доставки с Земли, пошлины и получил результат.

Он пришел к ужасному выводу: только то, что было в комнате Лумиса, стоило больше, чем он, Кромптон, мог бы заработать в качестве клерка, живи он хоть три жизни с четвертью.

Лумис протянул стакан Кромптону.

— Это мед, — сказал он. — Крик моды этого года в Элдерберге. Скажите, как он вам понравится.

Кромптон отхлебнул медового напитка.

— Восхитительно, — сказал он. — Наверно, дорого?

— Довольно-таки. Но ведь за такое ничего не жаль отдать, не правда ли?

Кромптон не ответил. Он пристально рассматривал Лумиса и заметил признаки разрушения в его Дюрьеровом теле. Он внимательно исследовал правильные, красивые черты его лица, марсианский загар, гладкие мышинового цвета волосы, небрежное изящество одежды, тонкие лапки морщинок возле глаз, впалые щеки, на которых видны были следы косметики. Он рассматривал улыбку Лумиса — обычную улыбку баловня судьбы, — надменный изгиб губ, нервные пальцы, поглаживающие кусок парчи, всю его фигуру, самодовольно развалившуюся в изысканном кресле.

Вот, думал он, стереотип сластолюбца, человека, живущего только ради своих удовольствий и неги. Это само воплощение сангвинического темперамента, в основе которого лежит Огонь — потому что слишком горяча его кровь, она рождает в человеке беспричинную радость и чрезмерную привязанность к

плотским удовольствиям. Но Лумис, так же как и Кромптон, всего лишь стереотип, с душою мелкой, глубиной всего в сантиметр, все желания которого легко предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого.

В Лумисе сосредоточились те неосуществленные стремления Кромптона к наслаждениям, которые в свое время были отторгнуты и теперь предстали перед ним как самостоятельная сущность. Этот единственный принцип — наслаждение в чистом виде, — которым Лумис руководствовался в своей жизни, был совершенно необходим Кромптону, его телу и духу.

— Как вам удастся сводить концы с концами? — резко спросил Кромптон.

— Я получаю деньги, оказывая услуги, — улыбаясь, ответил Лумис.

— Попросту говоря, вы вымогатель и паразит, — сказал Кромптон. — Вы наслаждаетесь за счет богачей, которые толпами стекаются в Элдерберг.

— Вам, брат мой трудяга и пуританин, все это представляется именно в таком свете, — сказал Лумис, закуривая сигарету цвета слоновой кости. — Но я смотрю на вещи иначе. Подумайте сами. Сегодня все делается во имя бедных, будто непредусмотрительность — это какая-то особая добродетель! Но ведь и у богатых есть свои нужды! Их нужды совсем непохожи на нужды бедняков, но от этого они не менее настоятельны. Бедняки требуют еды, крова, медицинского обслуживания. Правительство превосходно справляется с этим. А как же нужды богачей? Людей смешит сама мысль о том, что у богатого могут быть свои проблемы. Но разве оттого, что у человека есть кредит, он не может испытывать затруднений? Может. Более того, с ростом богатства возрастают и потребности, а это в свою очередь ведет к тому, что богатый человек часто оказывается в более бедственном положении, чем его бедный брат.

— В таком случае, почему бы ему не отказаться от богатства? — спросил Кромптон.

— А почему бедняк не отказывается от своей нищеты? — парировал Лумис. — Нет, этого нельзя делать, мы должны принимать жизнь такой, как она есть. Тяжко бремя богатых, но они должны нести его и обращаться за помощью к тем, кто может им ее оказать.

Богатым нужно сочувствие, и я им чрезвычайно сочувствую. Богатым нужно общество людей, способных наслаждаться роскошью; у богатых есть потребность учить, как ею наслаждаться; и, мне кажется, немного найдется таких, которые ценят роскошь, наслаждаются роскошью так, как я!.. А их женщины, Кромптон!.. У них ведь тоже есть свои нужды — настоятельные, срочные, а мужья часто не могут удовлетворить их в силу своей занятости. Эти женщины не могут довериться первому встречному, какому-нибудь простофиле. Они нервозны, хорошо воспи-

таны, подозрительны и легко поддаются внушению. Им нужны нюансы, утонченность. Им нужно внимание мужчины с высоким полетом фантазии и в то же время чрезвычайно благоразумного. В этом скучном мире редко встретишь такого мужчину. А мне посчастливилось: у меня талант именно в этих делах. Вот я его и применяю. И, конечно, как всякий трудящийся человек, имею право на вознаграждение.

Лумис с улыбкой откинулся в кресле. Кромптон смотрел на него, испытывая что-то похожее на страх. Ему трудно было поверить, что этот растленный, самодовольный альфонс, это существо с моралью кобеля было частью его самого. Но оно все же было его частью, и частью, необходимой для реинтеграции.

— Так вот, — сказал Кромптон, — ваши взгляды меня не касаются. Я представляю собой основную личность Кромптона и нахожусь в подлинном теле Кромптона. Я прибыл сюда для реинтеграции.

— Мне это ни к чему, — сказал Лумис.

— То есть вы хотите сказать, что несогласны?

— Абсолютно верно.

— Вы, по-видимому, не понимаете, что вы неукomплектованный, недоделанный экземпляр. У вас должно быть то же стремление к самоосуществлению, которое постоянно испытываю я. А это возможно только путем реинтеграции.

— Безусловно, — сказал Лумис.

— Значит...

— Ничего это не значит, — прервал его Лумис. — Я очень хотел бы укомплектоваться. Но еще больше мне хочется продолжать жить так, как я жил до сих пор, то есть самым удовлетворительным, самым замечательным образом. Знаете, роскошь позволяет мириться со многим...

— А вы не забыли, — спросил Кромптон, — что вы пребываете в Дюрьеровом теле, а срок его существования всего сорок лет? Без реинтеграции вам осталось жить только пять лет. Поймите, максимум пять. Бывает, что Дюрьеровы тела ломаются и раньше срока.

— Да, верно, — сказал, слегка нахмурившись, Лумис.

— В реинтеграции нет ничего плохого, — продолжал Кромптон самым, как ему казалось, убедительным тоном. — Ваша страсть к наслаждениям не пропадет, просто она станет несколько умереннее.

Лумис как будто задумался всерьез, попыхивая своей бледно-кремовой сигаретой. Потом взглянул Кромптону в лицо и произнес:

— Нет!

— Но ваше будущее?

— Я просто не тот человек, который беспокоится о будущем, — с самодовольной улыбкой возразил Лумис. — Мне бы прожить сегодняшний день, да так, чтобы чертям тошно стало.

Пять лет... Кто знает, что еще случится за эти пять лет! Пять лет — ведь это целая вечность! Может, что-нибудь и изменится.

Кромптон подавил в себе сильное желание вколотить в этого Лумиса хоть немного здравого смысла. Конечно, сластолюбец всегда живет только сегодняшним днем, не предаваясь мыслям о далеком и неопределенном будущем. Для Лумиса, поглощенного сегодняшним днем, пять лет — срок почти невыносимый. Ему, Кромптону, следовало бы знать это.

По возможности спокойным голосом Кромптон сказал:

— Ничего не изменится. Через пять лет — коротких пять лет — вы умрете.

Лумис пожал плечами.

— Я следую правилу — никогда не загадывать дальше четверга. Вот что я тебе скажу, старик, приезжай через три или четыре года, тогда поговорим.

— Но это невозможно, — объяснил ему Кромптон. — Вы тогда будете на Марсе, я — на Земле, а наш третий компонент — на Венере. Нам уж ни за что не встретиться в нужный момент. А кроме того, вы даже не вспомните.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Лумис, поглядывая на свои часы. — А теперь, если ты не возражаешь, я жду гостя, который, наверно, предпочтет...

Кромптон встал.

— Если вы передумаете, я остановился в мотеле «Голубая луна». И пробуду здесь еще день или два.

— Желаю приятно провести время, — сказал Лумис. — Не забудь посмотреть Пещеры Ксанаду — сказочное зрелище!

Совсем потеряв дар речи, Кромптон покинул роскошный номер Лумиса и вернулся в свой мотель.

В этот вечер, ужиная в буфете, Кромптон отведал марсианских ростков и красного солодина. В киоске он купил книжечку акростихов. Вернувшись домой, разгадал три кроссворда и лег спать.

На следующий день Кромптон попытался разработать план дальнейших действий. Убедить Лумиса он уже не надеялся. Ехать ли ему на Венеру разыскивать Дэна Стэка, третью утраченную часть своей личности? Нет, это более чем бесполезно. Даже если Стэк захочет реинтегрировать, им все равно будет недоставать их исконной трети — Лумиса, важнейшего источника наслаждений. Две трети будут еще более страстно желать укомплектования, чем одна треть, и будут еще больше страдать от ощущения своей неполноценности. А Лумиса, видно, не убедить.

При сложившихся обстоятельствах единственное, что оставалось Кромптону, это вернуться на Землю нереинтегрированным и жить там по мере возможности. В конце концов есть какая-то радость и в напряженном труде, и известное удовольствие в постоянстве, осмотрительности, надежности. Не следует недооценивать и такие, хотя бы и очень скромные, достоинства.

Но нелегко ему было примириться с этим. С тяжелым сердцем позвонил он на станцию и заказал себе место на вечерней ракете до Порта Ньютона.

Когда Кромптон упаковывал вещи и до отправления ракеты оставался всего час, дверь его номера распахнулась. Вошел Эдгар Лумис, огляделся вокруг, закрыл и запер за собой дверь.

— Я передумал, — сказал Лумис. — Я согласен на реинтеграцию. Внезапное подозрение загасило первый порыв радости Кромптона.

— А почему вы передумали?

— Какое это имеет значение? — возразил Лумис. — Разве мы...

— Я хочу знать, почему, — сказал Кромптон.

— Ну, это трудновато объяснить. Понимаете, я только...

Раздался громкий стук в дверь. Сквозь апельсиновый загар на щеках Лумиса проступила бледность.

— Ну, пожалуйста, — попросил он.

— Рассказывайте, — неумолимо потребовал Кромптон.

Лоб Лумиса покрылся крупными каплями пота.

— Случается, что мужьям не нравятся небольшие знаки внимания, которые оказывают их женам. Порой даже богатый может оказаться потрясающим обывателем. В моей профессии встречаются подводные камни — мужья, например. Поэтому раз или два в год я считаю полезным провести некоторое время в Бриллиантовых Горах, в пещере, которую я там себе оборудовал. Она в самом деле очень удобна, правда, приходится обходиться простой пищей. Но несколько недель — и опять все в порядке.

Стук в дверь повторился с новой силой. Кто-то кричал басом:

— Я знаю, что вы здесь, Лумис! Выходите, или я сломаю эту проклятую дверь и сверну вашу мерзкую шею!

Лумис никак не мог унять дрожь в руках.

— Больше всего на свете боюсь физического насилия, — говорил он. — Не лучше ли просто реинтегрировать, и тогда я вам все объясню?

— Я хочу знать, почему на сей раз вы не скрылись в своей пещере? — настаивал Кромптон.

Они услышали, как кто-то всем телом налег на дверь. Лумис пронзительным голосом закричал:

— Это все ваша вина, Кромптон! Ваше появление выбило меня из седла. Я лишился своего необыкновенного ощущения времени, своего шестого чувства грядущей опасности. Черт вас побери, Кромптон, я не успел смыться вовремя! Меня захватили на месте преступления! Я просто сбежал, а за мной по всему городу мчался этот кретин, этот здоровенный неандерталец, выскочка-муж, он заглядывал во все салуны и отели, обещая переломать мне ноги. У меня не хватило денег на пескоход и не было времени заложить

свои драгоценности. А полицейские только ухмылялись и отказывались защитить меня. Пожалуйста, Кромптон!

Дверь трещала под бесчисленными ударами, и замок начал поддаваться. Кромптон, благодарный судьбе за то, что чувство неполноценности так вовремя заговорило в Лумисе, повернулся к нему, к этой части своей особы.

— Ну что же, давайте реинтегрировать, — сказал Кромптон.

Оба они твердо посмотрели в глаза друг другу — две части целого, жаждущие единства, возможность, превращающаяся в мостик через пропасть. Затем Лумис тяжело вздохнул, и Дюрье-рово тело рухнуло, сложившись пополам, как тряпичная кукла. В тот же миг колени Кромптона подогнулись, словно на его плечи взвалили тяжелый груз.

Замок сломался, и дверь распахнулась. В комнату влетел маленький, красноглазый, коренастый брүнет.

— Где он? — закричал брүнет.

Кромптон показал на расprostертое на полу тело Лумиса.

— Разрыв сердца, — сказал он.

— О! — растерянно (то ли гневаться, то ли сострадать) произнес брүнет. — О!.. Да... О!

— Он, конечно, заслуживал этого, — холодно заметил Кромптон, поднял чемодан и вышел из комнаты, чтобы успеть на вечерний рапидо.

Догое путешествие по марсианским равнинам пролетело, как мимолетное мгновение, как облегченный вздох. Кромптон и Лумис получили, наконец, возможность поближе познакомиться друг с другом и решить кое-какие проблемы, которые неизбежно возникают, когда в одном теле объединяются два сознания.

Вопрос о главенстве в этом содружестве не вставал. Верховная власть принадлежала Кромптону, который вот уже тридцать пять лет был хозяином ума и тела подлинного Кромптона. При создавшихся условиях Лумис никак не мог взять верх, да и не хотел этого. Его вполне устраивала пассивная роль, и поскольку по натуре своей он был добрым малым, то согласился стать просто комментатором, советчиком и доброжелателем.

Но реинтеграции не произошло. Кромптон и Лумис существовали в одном разуме подобно планете и луне — независимые, но, по сути, неразделимые, осторожно прощупывающие друг друга, не желающие, да и не способные поступиться каждый своей автономией. Конечно, какое-то взаимопроникновение происходило, но слияния, в результате которого из двух самостоятельных элементов образовалась бы устойчивая, единая личность, быть не могло, пока к ним не присоединился Дэн Стэк, третий недостающий компонент.

Но даже в случае его присоединения, напоминал Кромптон оптимистически настроенному Лумису, реинтеграция может не состояться. Допустим, Стэк захочет реинтегрировать (а может, и

не захочет), но три шизоидных компонента вдруг воспротивятся слиянию или не сумеют его достичь, тогда их борьба внутри единого мозга быстро приведет к безумию.

— Стоит ли об этом беспокоиться, старина? — спросил Лумис.

— Стоит, — сказал Кромптон. — Может случиться так, что мы все трое реинтегрируем, а полученный в результате разум не будет стабильным. Психопатические элементы возьмут верх, и тогда...

— Так или иначе, нам придется просто смириться, — возразил Лумис. — Стерпится — слюбится, как говорят.

Кромптон согласился. Его вторая натура — спокойный, добродушный, жизнелюбивый Лумис — уже оказывал на него свое действие. С некоторым усилием Кромптон заставил себя не тревожиться. Вскоре он смог заняться своим кроссвордом, а Лумис принялся сочинять первый куплет песенки.

Рапидо прибыл в Порт Ньютон. Кромптон пересел в короткореисовый, до станции Марс-1. Здесь он прошел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности и затем на хоповере добрался до пересадочного пункта. Ему пришлось прождать еще пятнадцать дней корабля, следующего на Венеру. Разбитной молодой кассир говорил ему что-то о всяких помехах, об «оппозиции» и «экономических орбитах», но ни Кромптон, ни Лумис так и не поняли, о чем он толковал.

Задержка оказалась очень кстати. Лумис смог рукой Кромптона проставить довольно приемлемо свою подпись в письме, в котором он просил своего друга в Элдерберге превратить все имущество в наличные деньги, раздать долги, расплатиться с комиссионером, а остаток переслать своему наследнику Кромптону. В результате через одиннадцать дней Кромптон получил три тысячи долларов, в которых очень нуждался.

Наконец венерианский корабль стартовал из пересадочного пункта. Кромптон сразу же серьезно занялся изучением бейсик иггдры — основного языка аборигенов Венеры. Лумис, впервые в жизни, тоже попробовал работать: отложил в сторону песенку и взялся за трудные правила иггдры. Скоро, однако, ему надоели ее сложные спряжения и склонения, но, восхищаясь прилежанием работяги Кромптона, он в поте лица продолжал начатое.

Кромптон, в свою очередь, попытался немного продвинуться в науке понимания прекрасного. В сопровождении Лумиса, который не оставлял его своими советами, Кромптон посещал все концерты на корабле, смотрел картины в главном салоне и долго и добросовестно разглядывал из обзорного зала корабля яркие сияющие звезды. Хотя это и представлялось ему пустой тратой времени, он упорно занимался самообразованием.

На десятый день пути союз Кромптона и Лумиса подвергся

серьезному испытанию; причиной конфликта стала жена венерианского плантатора второго поколения. Кромптон встретил ее в обзорном зале. На Марсе она лечилась от туберкулеза и теперь возвращалась домой.

Это была небольшого роста стройная молодая женщина, с сияющими глазами и блестящими черными волосами. Она призналась, что устала от долгого космического путешествия.

Они прошли в кают-компанию. После четырех мартини Кромптон слегка расслабился и разрешил Лумису взять инициативу в свои руки, что тот и сделал с большой охотой. Лумис танцевал с нею под фонограф корабля; потом он великодушно уступил поле боя Кромптону. У Кромптона от волнения заплетались ноги, он краснел, бледнел, но наслаждался до бесконечности. И провожал ее к столу уже *Кромптон*, и тихо разговаривал с нею тоже *Кромптон*, и касался ее руки *Кромптон*, а удовлетворенный Лумис только смотрел на все это.

Около двух часов ночи женщина ушла, многозначительно назвав номер своей каюты. Кромптон, шатаясь, доковылял до палубы «В» и вне себя от счастья свалился в постель.

— Ну? — спросил Лумис.

— Что «ну»?

— Пошли. Мы же приглашены совершенно недвусмысленно.

— Да никто нас не приглашал, — в недоумении возразил Кромптон.

— Но она же назвала номер каюты, — объяснил Лумис. — Это, вкуче со всеми остальными событиями сегодняшнего вечера, может быть истолковано только как приглашение, если не приказание.

— Не верю! — воскликнул Кромптон.

— Даю слово, — сказал Лумис. — У меня в этой области есть некоторый опыт. Приглашение налицо, путь открыт. Вперед!

— Нет, нет, — сказал Кромптон. — Не хочу... То есть не буду... Не могу...

— Отсутствие опыта не извиняет, — твердо заявил Лумис. — Природа с необыкновенной щедростью помогает нам раскрывать свои тайны. Ты только подумай — бобры, еноты, волки, тигры, мыши и другие существа, не обладающие и сотой долей твоего интеллекта, запросто решают проблему, которая тебе кажется непреодолимой. Но ты, конечно, не позволишь, чтобы какая-то мышь переплюнула тебя!

Кромптон поднялся, отер со лба обильный пот и сделал два неуверенных шага по направлению к двери. Затем круто повернул назад и сел на кровать.

— Абсолютно исключено, — твердо заявил он.

— Но почему?

— Это неэтично. Молодая леди замужем.

— Замужество, — терпеливо разъяснил Лумис, — это дело рук человеческих. Еще задолго до того, как появилось замуже-

ство, существовали мужчины и женщины, и между ними были известные взаимоотношения. Законы природы всегда предпочтительнее законов человеческих.

— Это аморально, — не очень уверенно возразил Кромптон.

— Совсем наоборот, — уверял его Лумис. — Ты не женат, значит, твои действия не вызовут никаких нареканий в твой адрес. Молодая леди замужем. Это ее дело. Вспомни: она же не просто собственность своего мужа, но человек, имеющий право на самостоятельные решения. И она уже приняла решение, нам остается только проявить свое уважение к целостности ее натуры, иначе мы ее оскорбим. Ну и, наконец, есть муж. Поскольку он ничего не будет знать, он не пострадает. Более того, он от этого выиграет: жена будет с ним необычайно нежна, чтобы загладить свою измену, а он все это отнесет за счет своей сильной личности, и его «я» выиграет. Итак, Кромптон, как видишь, всем будет от этого только лучше, и никто не пострадает.

— Пустая софистика, — сказал Кромптон, вставая и снова направляясь к дверям.

— Молодец! — сказал Лумис.

Кромптон глупо ухмыльнулся и открыл дверь. Потом будто что-то ударило ему в голову: он захлопнул дверь и лег в постель.

— Абсолютно невозможно, — сказал Кромптон.

— Ну, что еще стряслось?

— Твои аргументы, — сказал Кромптон, — могут быть одинаково справедливы и несправедливы — не мне о том судить, у меня для этого просто не хватает жизненного опыта. Но одно я знаю твердо: *ничего такого я делать не собираюсь, пока ты за мною наблюдаешь!*

— Но, черт возьми, я — это ты! Ты — это я! Мы две части одного целого!

— Нет, еще нет, — сказал Кромптон. — Сейчас мы всего-навсего шизоидные компоненты, два человека в одном теле. Потом, когда произойдет реинтеграция... Но при существующем положении вещей элементарное чувство приличия запрещает мне делать то, что ты предлагаешь. Это немыслимо! И я не желаю больше говорить на эту тему!..

Тут Лумиса прорвало. Оскорбленный в лучших своих чувствах, он бушевал, орал, осыпал Кромптона ругательствами, самым невинным из которых было: «засранец желторотый!» Гнев его возмутил ум Кромптона и эхом отозвался во всем его раздвоенном организме.

Раскол между Лумисом и Кромптоном стал глубже; появились новые трещины, и пропасть обещала стать такой же глубокой, как между доктором Джекилом и мистером Хайдом в известном романе Стивенсона.

Главенствующее положение Кромптона ставило его как бы выше всего этого. Но неистовая ярость выработала в его мозгу противоядие в виде крошечных, не до конца изученных нами анти-

тел типа лейкоцитов в крови, которые имеют основной своей задачей удаление из организма болезней и изоляцию воспаленного участка мозга.

Когда эти антитела стали строить *cordon sanitaire* вокруг Лумиса, тесня его, загоняя в угол и окружая стеной, Лумис в испуге отступил.

— Кромптон, пожалуйста!..

Над Лумисом нависла опасность быть полностью, навсегда заключенным, безвозвратно затерянным в темном, дальнем уголке кромптоновского сознания. И тогда — прощай реинтеграция! Но Кромптон вовремя сумел восстановить равновесие. Сразу иссяк поток антител, стена растаяла, и пристыженный Лумис снова неуверенно занял свое место.

Некоторое время они не разговаривали друг с другом. Лумис дулся и сердился целый день и клялся, что никогда не простит Кромптону его жестокости. Но все же он прежде всего был сенсуалистом, и всегда жил данной минутой, и не помнил прошлых обид, и не умел задумываться над будущим. Его негодование быстро улеглось, и он снова стал веселым и безмятежным, как всегда.

Кромптон не был таким отходчивым; но он, как личность главенствующая, сознавал свою ответственность. Он делал все, чтобы восстановить союз, и скоро оба они действовали в полном согласии друг с другом.

Они решили в дальнейшем избегать общества молодой леди. Остаток путешествия промелькнул незаметно, и наконец ракета достигла Венеры.

Они опустились на Спутнике № 3, где прошли таможенные, иммиграционные и санитарные формальности. Им сделали инъекции против ползучей лихорадки, венерианской чумы, болезни Найта и большой чесотки. Им дали порошки против инфекционной гангрены и профилактические пилюли от черной меланхолии. Наконец им разрешили сесть в ракету, следующую до станции Порт Нью-Харлем.

Этот порт, расположенный на западном берегу медлительной Инланд-Зее, находился в умеренной зоне Венеры. Однако Лумису и Кромптону он показался жарким после прохладного, бодрящего климата Марса. Здесь они впервые увидели аборигенов Венеры — целыми сотнями, не на арене цирка, а в естественной обстановке. Средний рост местных жителей составлял пять футов, а чешуйчатая панцирная шкура выдавала происхождение: их далекими предками были ящерицы. По тротуарам они ходили в вертикальном положении, но некоторые, чтобы уйти от толчеи, двигались прямо по стенам домов, держась с помощью круглых присо-

сок, расположенных у них на ступнях, ладонях, коленях и предплечьях.

Кромптон провел в городе один день, затем сел на вертолет до Восточного Болота — согласно последним сведениям, Дэн Стэк находился именно там. Полет состоял из сплошного жужжания и порхания среди плотных туч и облаков, из-за которых совершенно не видно было поверхности Венеры. Локатор тонко пищал, разыскивая зоны перемещающихся инверсий, где часто вспыхивали страшные венерианские ураганы — *зикры*. Но погода была тихая, и Кромптон проспал большую часть пути.

Восточное Болото — это крупный порт торгового флота на притоке реки Инланд-Зее. Здесь Кромптон разыскал дряхлых восьмидесятилетних стариков, усыновивших Стэка. Они рассказали Кромптону, что Дэн был рослый, здоровый мальчик; немного вспыльчивый, но всегда доброжелательный. Старики заверили Кромптона, что история с дочкой Моррисона выдумана, должно быть, Дэна обвинили по ошибке. Дэн не мог причинить вреда этой бедной, незащитной девушке.

— Где мне искать Дэна? — спросил Кромптон.

— Так разве вы не знали, что Дэн уехал отсюда? — спросил старик, смагивая слезу. — Это было лет десять, а то и все пятнадцать назад.

— Восточное Болото показалось ему слишком скучным, — с обидой сказала старушка. — Он позаимствовал у нас некоторую толику денег и ушел среди ночи, пока мы спали.

— Не захотел нас беспокоить, — поспешно объяснил старик. — Пошел искать свое счастье наш Дэн. И уж будьте спокойны, он его найдет. Он ведь настоящий мужчина, наш Дэн.

— А куда он уехал? — спросил Кромптон.

— Точно не скажу, — ответил старик. — Он нам никогда не писал. Не любит он этого дела, наш Дэн. Но Билли Дэвис видел его в У-Баркаре, когда возил туда картошку.

— А когда это было?

— Пять, а то и шесть лет назад, — сказала старушка. — Тогда мы последний раз и слышали о Дэне. Венера велика, мистер.

Кромптон поблагодарил стариков. Он попытался найти Билли Дэвиса, чтобы пополнить информацию о Дэне Стэке какими-нибудь новыми фактами, но узнал, что Билли работает третьим помощником капитана маленького грузового корабля, а судно ушло месяц назад и плыло теперь по Южной Инланд-Зее, заходя во все маленькие сонные городки на своем пути.

— Ну что ж, — сказал Кромптон, — нам остается только одно: едем в У-Баркар.

— Пожалуй, верно, — сказал Лумис. — Но, честно говоря, старик, не нравится мне что-то этот парень, Стэк.

— Да и мне тоже, — согласился Кромптон. — Но он ведь часть нас, и он нам просто необходим для реинтеграции.

— Что поделаешь! — сказал Лумис. — Веди меня, о, старший брат мой!

И Кромптон повел. Он успел на вертолет до Депотсвилла, потом сел в автобус до Сент-Дэннис. Там ему посчастливилось стать попутчиком возницы, который на своей полутонке вез в У-Баркар груз дезинсекторов. Возница был рад компании — уж очень безлюдны эти Болота Мокреши.

За четырнадцать часов пути Кромптон многое узнал о Венере. Огромный, теплый, влажный мир — вот чем был новый фронтир Земли, сказал возница. Марс — это всего лишь драгоценная находка для туристов, а у Венеры самые реальные перспективы. На Венеру устремились люди типа американских пионеров, настоящие деятельные наследники духа американских фронтьеров, буров-земледельцев, израильских кеббуцников и австрийских скотоводов. Они упрямо сражаются за место под солнцем на плодородных землях Венеры, в золотоносных горах, на берегах теплых морей. Они живут с аборигенами, существами каменного века, потомками ящерца Аисами. Их великие победы на Перевале Сатаны у Скверфейса, у Альбертсвилла и у Раздвоенного Языка и поражения у Медленной реки и на Голубых Водопадах уже вошли в историю человечества наравне с такими событиями, как Ченселлорсвилл, Маленький Большой Рог и Дьенбьенфу. Войны на этом не кончились. Венеру, сказал возница, еще нужно завоевать.

Кромптон слушал и думал, что и он был бы не прочь принять участие в такой жизни. Лумиса же явно утомил весь этот разговор, ему было тошно от приторных запахов болота.

У-Баркар представлял собой группу плантаций в самой глубине континента Белых Туч. Пятьдесят землян присматривали здесь за работой двух тысяч аборигенов, которые сажали, растили и собирали урожай дерева ли. — дерево это могло расти только в этой части планеты. Ли — фрукт, созревающий два раза в год, — стал основной специей, приправой, без которой не обходилось ни одно блюдо землян.

Кромптон встретился со старшиной — крупным, краснолицым человеком по имени Гаарис; у него на бедре болтался пистолет, а опоясан он был бичом из черной эмеи.

— Дэн Стэк? — переспросил старшина. — Ну как же, работал здесь почти год. Потом пришлось дать ему пинка под зад, чтобы катился подальше.

— Если вам нетрудно, расскажите, почему, — попросил Кромптон.

— Отчего ж, пожалуйста, — сказал старшина. — Только об этом лучше поговорить за стаканчиком виски.

Он провел Кромптона в единственный в У-Баркаре салун и там, потягивая пшеничное виски, рассказал ему о Дэне Стэке.

— Он явился сюда с Восточного Болота. Что-то у него там

было, кажется, с девчонкой — то ли он дал ей по зубам, то ли еще что-то. Но меня это не касается. Мы здесь, по крайней мере большинство из нас, далеко не сахар, и я так думаю, что там, в горах, были рады-радехоньки избавиться от нас. Да, так я поставил Стэка надсмотрщиком над пятьюдесятью аисами на ли-поле в сто акров. Сначала он чертовски здорово справлялся с работой.

Старшина покончил с заказанной Кромптоном выпивкой. Кромптон повторил заказ и расплатился.

— Я говорил Стэку, — продолжал Гаарис, — что надо их погонять, чтобы добиться работы: у нас обычно работают парни из племени чипетцев, а они народ злой, вероломный, зато, правда, крепкий. Их вождь снабжает нас рабочей силой по контракту на двадцать лет, а в обмен получает ружья. Так они этими ружьями чуть нас всех не перестреляли поодиночке. Ну, это уже другой разговор. Мы тут сразу два дела не делаем.

— Контракт на двадцать лет? — спросил Кромптон. — Выходит, аисы фактически ваши рабы?

— Так оно и есть, — согласился старшина. — Кое-кто из хозяев пытался приукрасить это дело, называют его временной кабалой, возвращением к феодальной экономике. Но это рабство, и почему не называть его своим именем? Да и нет иного способа цивилизовать этот народец. Стэк отлично понимал это. Здоровенный был малый и с бичом управлялся — дай бог каждому! Я думал, что у него дело пойдет.

— И что же?.. — подзадорил старшину Кромптон и заказал еще виски.

— Сначала он был просто молодцом, — сказал Гаарис. — Лупил их своим черным змеем, исправно получал свою долю в доходе и все прочее. Но не было на него никакой управы. Стал на-смерть убивать парней бичом, а ведь замена тоже денег стоит. Я его уговаривал не налегать. Не внял. Однажды его чипетцы взбунтовались, он прикончил из ружья восьмерых — они и убежать не успели. Я поговорил с ним, что называется, по душам. Объяснил ему, что наша задача — заставить аисов работать, а убивать их ни к чему. Конечно, мы рассчитываем, что какой-то процент погибнет. Но Стэк зашел слишком далеко и лишил нас наших доходов.

Старшина вздохнул и закурил сигарету.

— Стэку просто нравилось пускать в ход бич. Да и многие из наших парней любят это дело. Но Стэк просто удержу не знал. Его чипетцы снова взбунтовались, и ему пришлось прикончить что-то около дюжины их. Но в драке он потерял руку. Ту, в которой бич. Наверное, чипетцы ее и откусили.

Ну, я поставил его на работу в сушильню, но и тут он затеял драку и убил четырех аисов. Терпение мое лопнуло. В конце концов, рабочие денег стоят, и нельзя, чтобы какой-то бешеный идиот, стоит ему выйти из себя, убивал их. Я дал Стэку расчет и послал его ко всем чертям.

— Он сказал, куда собирался путь держать? — спросил Кромптон.

— Он заявил, что аисов надо уничтожать, чтобы освободить место для землян, и что мы в этом ни черта не смыслим. Сказал, что собирается присоединиться к бдительным. Это что-то вроде кочующей армии, которая контролирует воинственные племена.

Кромптон поблагодарил старшину и спросил, где может размещаться штаб бдительных.

— Сейчас их лагерь расположен на левом берегу Реки Дождей, — сказал Гаарис. — Они там пытаются навязать свои условия серидам. А вам уж больно нужен этот Стэк?

— Он мой брат, — сказал Кромптон, чувствуя внезапную слабость.

Старшина жестко посмотрел на него.

— Да, — протянул он — родственнички есть родственнички, тут уж ничего не поделаешь. Но хуже вашего братца я в жизни никого не видел, а я-то уж посмотрелся всякого. Оставьте его лучше в покое.

— Я должен найти его, — сказал Кромптон.

Гаарис безразлично пожал плечами.

— Переход до Реки Дождей далекий. Я продам вам вьючного мула и провизию и пришлю местного мальчишку, он вас проведет. Вы пойдете по мирным районам, так что доберетесь до бдительных, будьте спокойны. Надеюсь, что район все еще мирный.

В этот вечер Лумис уговаривал Кромптона отказаться от поисков. Ясно ведь, что Стэк — вор и убийца. Какой смысл объединяться с таким?

Но Кромптон чувствовал, что все не так просто. Прежде всего рассказы о Стэке сами по себе могли быть преувеличением. Но даже если все в них было правдой, это могло означать только одно: Стэк — еще один стереотип, неполноценная моноличность, так же как сами Кромптон и Лумис, не считающаяся с обычными человеческими условностями. Их объединение, слияние изменит Стэка. Он всего лишь восполнит то, чего недостает в Кромптоне и Лумисе, — внесет должную толику агрессивности, жесткости, жизненных сил.

Лумис думал иначе, но согласился молчать до встречи с недостающим компаньоном.

Утром Кромптон за непомерную цену купил мулов и снаряжение и на рассвете следующего дня тронулся в путь в сопровождении юноши из чипетцев по имени Рекки.

Через девственные леса вслед за своим проводником Кромптон поднялся на острые горные хребты Томпсона; через покрытые снегами вершины перевалил в узкие гранитные ущелья, где ветер завывал, как мученик в аду; потом спустился еще ниже, в густые, насыщенные испарениями джунгли по другую сторону гор. Лумис, напуганный лишениями долгого пути, отступил в самый дальний уголок сознания Кромптона и возрождался к жизни

только по вечерам, когда в лагере уже горел костер и гамак был подвешен. Кромптон, сжав зубы, с налитыми кровью глазами, спотыкаясь, брел сквозь пылающие дни, таща на себе весь груз лишений и поражаясь собственной способности так долго переносить тяготы пути.

На восемнадцатый день они вышли на берег мелкой грязной речушки. Это, сказал Рекки, и есть Река Дождей. В двух милях от того места они обнаружили лагерь бдительных.

Командир бдительных, полковник Прентис, был высоким, худощавым, сероглазым человеком со всеми признаками недавно перенесенной изнуряющей лихорадки. Он очень хорошо помнил Стэка.

— Да, некоторое время он был с нами. Я сомневался, стоит ли его принимать. Прежде всего — его репутация. К тому же однокор... Но он научился стрелять левой рукой лучше, чем иные делают это правой, а его правую культю прикрывал бронзовый зажим. Он сам его сделал и приспособил паз для мачете. Сильный был малый, скажу я вам! Он был с нами почти два года. Затем я его отчислил.

— За что? — спросил Кромптон.

Командир с грустью вздохнул.

— Вопреки общему мнению, мы, бдительные, вовсе не разбойничья армия завоевателей. Мы здесь не для того, чтобы казнить и уничтожать туземцев, и не для того, чтобы под тем или иным предлогом захватывать новые территории. Здесь мы для того, чтобы провести в жизнь договор, который основывался бы на глубоком доверии между аисами и поселенцами, не допускал бы набегов ни со стороны аисов, ни со стороны землян и, главное, чтобы сохранялся мир. Стэку с его тупой головой трудно было понять это.

Видимо, Кромптон немного изменился в лице, потому что командир сочувственно кивнул.

— Вы, ведь знаете его, э? Тогда вы сможете представить себе, как это случилось. Я не хотел терять его. Он был сильным, способным солдатом, искусным в лесной и горной науке, чувствующим себя в джунглях как дома. Пограничные патрули расставлены редко, и у нас каждый человек на счету. Стэк был ценным солдатом. Я приказал сержантам следить за его поведением и не допускать жестокости в отношении туземцев. В течение какого-то времени это действовало. Стэк очень старался. Он изучал наши правила, наш кодекс, наш образ жизни. Его репутация стала безупречной. И вдруг этот случай на Вершине Тени, о котором вы, я полагаю, слышали.

— Нет, не слышал, — признался Кромптон.

— Да ну? Я думал, на Венере все знают о нем. Ну, так вот как было дело. Патруль, в котором находился тогда Стэк, окружил племя аисов, оставшееся вне закона и причинявшее нам много хлопот. Их препровождали в особую резервацию, расположен-

ную на Вершине Тени. На марше они учинили беспорядок, драку. У одного из аисов был нож, он рубанул им Стэка по левому запястью. По-видимому, потеряв одну руку, Стэк стал особенно чувствителен к возможности потерять и вторую. Рана была пустяковая, но Стэк впал в неистовство. Из автомата он застрелил аборигена, а потом перестрелял и всех других. Остановить его не могли, и лейтенанту пришлось ударить его дубинкой; он потерял сознание. Этим поступком Стэка был нанесен ни с чем не соизмеримый ущерб отношениям землян с аисами. Оставить такого человека в своей группе я не мог. Он нуждается прежде всего в психиатре. Я его отчислил.

— А где он теперь? — спросил Кромптон.

— Но почему вы так интересуетесь этим человеком? — резко спросил командир.

— Он мой сводный брат.

— Понятно. Я слышал, что Стэк отправился в Порт Нью-Харлем и какое-то время работал в доках. Сошелся там с парнем по имени Бартон Финч. Оба попали в тюрьму за пьянство и дебош; потом их выпустили, и они вернулись на границу в Белые Тучи. Сейчас Стэк и Финч — владельцы маленькой лавки где-то возле Кровавой Дельты.

Кромптон устало потер лоб и спросил:

— Как туда добраться?

— На каноэ, — ответил командир. — Нужно спуститься по Реке Дождей до развилки. Левый рукав и есть Кровавая Река. До самой Кровавой Дельты она судоходна. Но я не советую вам пускаться в это путешествие. Во-первых, это чрезвычайно рискованно. Во-вторых, это бесполезно, вы ничем не поможете Стэку. Он прирожденный убийца. Лучше всего оставить его в покое в этом пограничном городишке, где он не может причинить большого вреда.

— Я должен добраться до него, — сказал Кромптон, чувствуя, как неожиданно пересохло у него во рту.

— Законом это не возбраняется, — ответил командир с видом человека, исполнившего свой долг.

Кромптон обнаружил, что Кровавая Дельта — самая крайняя граница освоенного человеком района Венеры. Город находился в центре расположения враждебных людям племен грелов и тэнтцы; с ними был заключен непрочный мир, но приходилось закрывать глаза на непрекращающуюся партизанскую войну, которую вели эти племена. В Дельта-краю можно было стать богачом. Аборигены приносили бриллианты и рубины величиной с кулак, мешки с редчайшими пряностями или случайные находки, резьбу по дереву из затерянного города Алтерна. Они обменивали все эти ценности на оружие и снаряжение, которое затем энергично использовали против тех же торговцев или друг против друга. Та-

ким образом, в Дельте можно было найти и состояние, и смерть, смерть медленную и мучительную. На Кровавой Реке, что тихим потоком кралась сквозь сердце края, таились особые опасности, которые уносили в мир иной не менее половины из числа путешественников, рискнувших пуститься в плаванье по этой реке.

Кромптон решительно отказался от всех разумных доводов. Теперь до их недостающего компонента Дэна Стэка было рукой подать. Виден стал конец странствий, и Кромптон твердо решил достичь его. Он купил каноэ, нанял четырех гребцов-аборигенов, приобрел ружья, снаряжение и условился, что выходят они на рассвете.

Но в ночь перед отъездом взбунтовался Лумис.

Они находились в маленькой палатке на краю лагеря, которую полковник предоставил в распоряжение Кромптона. При свете коптящей керосиновой лампы Кромптон набивал патронташ патронами и настолько углубился в это занятие, что не замечал, да и не хотел замечать ничего другого.

Тут Лумис подал голос:

— А ну-ка послушай меня. Я признал тебя господином в нашем союзе. Я не предпринял ни одной попытки завладеть телом. Я всегда был в хорошем настроении и помогал тебе сохранять хорошее расположение духа, пока мы тащились по этой Венере. Верно?

— Да, верно, — неохотно согласился Кромптон, откладывая в сторону патронташ.

— Я сделал все, что было в моих силах, но это уж слишком. Я согласен на реинтеграцию, но не с маньяком-убийцей. И не говори мне об односторонности! Стэк убийца, и я не хочу иметь с ним ничего общего.

— Он часть нас, — возразил Кромптон.

— Ну и что? Прислушайся к себе, Кромптон! Из нас троих ты, по-видимому, больше всех соприкасался с действительностью. А теперь ты как одержимый готов послать нас на смерть в этой паршивой реке!

— Все будет хорошо, — не очень убежденно сказал Кромптон.

— Будет ли? — усомнился Лумис. — Ты слышал, что рассказывают об этой Кровавой Реке? Но, предположим, мы пройдем эту реку, что нас ждет в Дельте? Маньяк-убийца! Он уничтожит нас, Кромптон!

Подходящего ответа Кромптон не нашел. Раскрывшиеся в процессе поисков черты характера Стэка все больше ужасали его зато все сильнее захватывала мысль, что Стэка необходимо разыскать. Лумис никогда не хотел реинтеграции, для него эта проблема возникла под воздействием внешних обстоятельств, а не в результате внутренней потребности. А у Кромптона вся жизнь была

подчинена одной страсти — достичь человеческой полноты, выйти за искусственные рамки своей личности. Без Стэка слияние было невозможно. С ним появлялась надежда, пусть крошечная.

— Мы едем, — сказал Кромптон.

— Элистер, пожалуйста! Ты и я, мы прекрасно уживаемся друг с другом. Нам и без Стэка будет очень хорошо. Давай вернемся на Марс или на Землю.

Кромптон покачал головой. Он уже чувствовал, что между ним и Лумисом существуют непримиримые разногласия. Он понимал, что наступит время, когда эти трещины расползутся во всех направлениях, и тогда без реинтеграции он и Лумис станут развиваться каждый по-своему — и это в одном-то общем теле!

Такое могло кончиться только безумием.

— Ты не хочешь вернуться? — спросил Лумис.

— Нет.

— Ну, держись!

Личность Лумиса внезапно перешла в атаку и захватила частичный контроль над двигательными функциями тела. На какое-то время Кромптон был оглушен. Потом, почувствовав, как из его рук уплывает власть, он свирепо схватился с Лумисом, и битва началась.

Это была война в безмолвии, война при свете коптящей керосиновой лампы, который все больше бледнел с наступлением утра. Полем боя служил мозг Кромптона. Наградой за победу было тело Кромптона. Оно лежало, содрогаясь, на подвесной парусиновой койке, пот стекал со лба, ничего не выражающие глаза уставились на лампу, на лбу, не переставая, дергалась жилка.

Личность Кромптона была главенствующей, но разногласия с Лумисом и чувство вины ослабили его, а груз собственных сомнений угнетал. Лумис, хоть был и слабее по своей натуре, но на этот раз, уверенный в собственной правоте, боролся отчаянно; он сумел овладеть жизненными и двигательными центрами организма и заблокировать поток опасных для него антител.

На долгие часы две личности сплелись в поединке, и тело Кромптона как в лихорадке стонало и корчилося в подвесной койке. Наконец, когда серый рассвет заглянул в палатку, Лумис начал одолевать. Кромптон весь подобрался в последнем броске, но у него не хватило сил. Тело Кромптона уже угрожающе перегрелось в этой битве; еще немного — и ни для одной из личностей не останется оболочки.

Лумис, которого не угнетали ни угрызения совести, ни сомнения, продолжал нажимать, захватил, наконец, все жизненные и двигательные функции, центры организма.

И когда солнце встало, победа целиком и полностью принадлежала Лумису.

Лумис встал на трясущиеся ноги, потрогал щетину на подбородке.

родке, потер онемевшие пальцы, осмотрелся. Теперь это было его тело. Впервые после отъезда с Марса он видел и чувствовал непосредственно, сам, информация от внешнего мира больше не фильтровалась и не ретранслировалась через Кромптона. Приятно было вдыхать застоявшийся воздух, чувствовать на себе одежду, быть голодным, жить! Он возвратился из мира серых теней в мир сверкающих красок. Это чудо? Он хотел, чтобы так было всегда.

Бедный Кромптон!

— Не волнуйся, старик. Знаешь, я и для тебя постараюсь.

Ответа не последовало.

— Мы вернемся на Марс, — продолжал Лумис. — Снова в Элдерберг. Все образуется.

Кромптон не хотел или не мог отвечать. Это слегка обеспокоило Лумиса.

— Где ты там, Кромптон? Как чувствуешь себя?

Молчание.

Лумис нахмурился и заспешил в палатку полковника.

— Я передумал, не буду я искать Дэна Стэка, — сказал Лумис полковнику. — Он действительно слишком далеко зашел.

— Вы приняли мудрое решение, — одобрил командир.

— Так я хочу немедленно вернуться на Марс.

Полковник кивнул.

— Все космические корабли отправляются из Порта Нью-Харлем, куда вы в свое время прибыли.

— Как мне добраться до него?

— Это не так-то просто, — сказал ему полковник. — Думаю, что смогу дать вам проводника из местных. Вам придется снова пересечь Горы Томпсона до У-Баркара. Советую вам на сей раз ехать Долиной Дессет, поскольку по центральным лесам бродят сейчас орды Кмитки, а от них всего можно ожидать. Вы достигнете У-Баркара в период ливней, так что перебраться в Депотсвилл на лодках вам вряд ли удастся. Если вы окажетесь там вовремя, то сумеете присоединиться к каравану, переправляющему соль по кратчайшему пути через Ущелье Ножа. Если не успеете, вы сравнительно легко определите направление по компасу, если учтете отклонения, характерные для данных районов. Но в Депотсвилле вы будете в самый разгар ливневых дождей. Это, я вам скажу, зрелище! Возможно, вам посчастливится поймать вертолет до Нью-Сент-Дэннис или до Восточного Болота, но сомневаюсь, чтобы они летали — из-за *зикра*. Эти ураганы очень опасны для авиации. Так что, может быть, вы сядете на колесный пароход до Восточного Болота, а там на грузовом судне спуститесь по Инланд-Зее до Порта Нью-Харлем. По-моему, вдоль южного берега есть несколько удобных бухт, где можно укрыться от непогоды. Я-то предпочитаю путешествовать по земле или по воздуху. Ну, а вам, конечно, придется решать самому, каким путем добраться до Порта Нью-Харлем.

— Спасибо, — еле выговорил Лумис.

— Сообщите мне ваше решение, — сказал полковник.

Лумис поблагодарил его и в сильном возбуждении вернулся в палатку. Он размышлял над новым предстоящим ему путешествием через горы и болота, сквозь первобытные поселения, мимо диких бродячих орд. Он ясно представил себе осложнения, связанные с дождями и бурями. Никогда прежде его богатое воображение не рисовало с такой яркостью жутких картин тяжелого пути.

Трудно было добраться сюда; но куда труднее будет возвращаться. Ведь на этот раз его тонкая душа эстета будет лишена защиты спокойного, многострадального Кромптона. *Ему*, Лумису, придется принимать на себя удары ветра, дождя, переносить голод, жажду, усталость, страхи. *Ему*, Лумису, придется есть грубую пищу и пить вонючую воду. И *ему*, Лумису, придется выполнять все мелкие будничные обязанности, связанные с путешествием, которые раньше тащил на своих плечах Кромптон, а он, Лумис, и не думал о них.

Справится ли он? Он ведь дитя города, продукт цивилизации. Его волновали сложные повороты, извивы человеческой натуры, а не причуды и страсти природы. Обитая в тщательно отделанных человеческих норах, в сложных лабиринтах муравейников-городов, он не сталкивался с грубым, беспокойным миром неба и солнца. Отделенный от этого мира тротуарами, дверями, окнами и потолками, он стал сомневаться в мощи того гигантского, все перемалывающего механизма природы, которую так соблазнительно описывали в своих произведениях старые писатели и которая поставляла такие прелестные образы для стихов и песен. Лумису, привыкшему нежиться под мягким солнцем спокойного летнего марсианского дня или сонно прислушиваться к свисту ветра за окном в штормовую ночь, всегда казалось, что природу сильно переоценивают.

Но теперь волей-неволей он должен взять в свои руки и тяжесть ноши и штурвал управления.

Лумис подумал обо всем этом, и ему вдруг совершенно явно представился его собственный конец. Он увидел себя в тот миг, когда силы его иссякнут и он будет лежать в открытом всем ветрам ущелье или, понуря голову, сидеть под проливным дождем в болотах. Он попытается продолжить путь, обретя третье дыхание, которое, как говорят, лежит за пределами усталости. Но не обретет его и, одинокий, обессиленный, затеряется в бесконечности. Тут ему покажется, что сохранение жизни требует много усилий и напряжения. И как уже многие до него, он сдастся, ляжет и будет ждать смерти, смирившись с поражением.

Лумис прошептал:

— Кромптон?..

Нет ответа.

— Кромптон! Ты слышишь меня? Я возвращаю тебе власть. Только вытаци нас из этой жирной оранжереи. Верни нас на Землю или на Марс! Кромптон, я не хочу умирать!

Все нет ответа.

— Ну хорошо, Кромптон, — сиплым шепотом произнес Лумис. — Ты победил. Твоя взяла. Делай что хочешь. Я сдаюсь, все твое. Только пожалуйста, *прими власть!*

— Спасибо, — ледяным тоном сказал Кромптон и взял контроль над телом Кромптона.

Через десять минут он снова был в палатке у полковника и сообщил ему о своем решении. Командир устало кивнул, а про себя подумал, что ему никогда не понять рода человеческого.

Вскоре Кромптон уже сидел посреди большого выдолбленного из ствола каноэ, загроможденного всякими товарами. Гребцы грянули бодрую песню и пустились в путь по реке, Кромптон обернулся назад и долго смотрел на палатки лагеря бдительных, пока они не исчезли за излучиной реки.

Путешествие по Кровавой Реке было для Кромптона точно возвращением к истоку времен. Шесть аборигенов в молчаливом согласии погружали весла в воду, и каноэ, как паук, скользило по раздольному, спокойному течению реки. С берега над рекой свешивались гигантские папоротники, они мелко дрожали, когда каноэ проходило близко, и в страстном порыве тянулись к нему своими длинными стеблями. Тогда гребцы поднимали тревожный крик, лодка устремлялась на середину потока, и папоротники снова поникали над водой, разомлевшие от полуденной жары. Они проплывали места, где ветки деревьев сплетались над головой в темно-зеленый тоннель. Тогда гребцы и Кромптон укрывались под тентом, пуская лодку на волю волн, и слышали мягкие всплески падающих вокруг ядовитых капель. Затем лодка вновь вырывалась на белый сверкающий свет, и аборигены снова брались за весла.

— Жуть! — нервно сказал Лумис.

— Да, жутко, — согласился Кромптон, сам содрогаясь от страха перед окружающим.

Кровавая Река несла их в самые глубины континента. По ночам, пристав к валуну посреди реки, они слышали боевой клич враждебных аисов. Однажды днем два каноэ аисов устремились в погоню за их лодкой. Гребцы Кромптона нажали изо всех сил, и лодка помчалась вперед. Враги упорно гнались за ними. Кромптон вынул ружье и ждал. Но его гребцы, подгоняемые страхом, подналегли, и скоро преследователи остались далеко позади за очередным изгибом реки.

Все вздохнули свободнее. Но в узкой протоке с обоих берегов на них обрушился град стрел. Один из гребцов, пронзенный четырьмя стрелами, повалился за борт. Снова нажали на весла, и скоро лодка оказалась вне досягаемости для врагов.

Мертвого аиса сбросили за борт, и голодные речные обитатели устремились к добыче. После этого огромное панцирное чудовище с клешнями, как у краба, долго плыло за их каноэ в ожидании новой жертвы и то и дело высовывало из воды свою круглую

голову. Даже ружейные выстрелы не могли отогнать его. Постоянное присутствие чудовища приводило Кромптона в ужас.

Чудовище получило еще один обед, когда от серой плесени, прокравшейся в лодку по веслам, умерли два гребца. Крабоподобное чудовище слопало их и осталось ждать следующих. Но это же речное божество послужило защитой Кромпону и его гребцам: пустившаяся было преследовать их ватага врагов, увидев чудовище, подняла крик и бросилась наутек, в джунгли.

Чудовище сопровождало лодку последние сто миль их путешествия. И когда они, наконец, добрались до поросшей мхом пристани на берегу реки, оно остановилось, некоторое время наблюдало за людьми, а потом тронулось обратно вверх по реке.

Гребцы причалили к полуразрушенной пристани. Кромптон вскарабкался на нее и увидел кусок доски, замалеванный красной краской. Он повернул доску и прочитал: «Кровавая Дельта. Население 92».

Дальше не было ничего, кроме джунглей. Они достигли последнего пристанища Дэна Стэка.

Узкая заросшая тропинка вела от пристани к просеке в джунглях. Там, на просеке, виднелось что-то похожее на город-призрак. Ни души не было на его единственной пыльной улице, никто не выглядывал из окон низких некрашенных домов. Городок в молчании пекся в белом сиянии полудня, и, кроме шарканья своих собственных, утопавших в пыли ботинок, Кромптон не слышал ни звука.

— Не нравится мне здесь, — сказал Лумис.

Кромптон медленно шел по улице. Вот он минул ряд складов, на стенах которых корявыми буквами были выведены имена их владельцев. Он прошел мимо пустого салуна, дверь которого болталась на единственной петле, а окна с занавесками от москитов были разбиты. Уже остались позади три пустых магазина, и тут он увидел четвертый с вывеской: «Стэк и Финч, провиант».

Кромптон вошел. На полу в аккуратных связках лежали товары, еще большее количество их свешивалось со стропил. Внутри никого не было видно.

— Есть кто-нибудь? — позвал Кромптон. Не получив ответа, он снова вышел на улицу.

На противоположном конце городка Кромптон набрел на крепкое здание, что-то вроде амбара. Возле него на табурете сидел загорелый усатый мужчина лет пятидесяти. У него за пояс был засунут револьвер. Табурет качался на двух ножках, мужчина, казалось, дремал, опираясь о стену амбара.

— Дэн Стэк? — спросил Кромптон.

— Там, — указал незнакомец на дверь амбара.

Кромптон направился к двери. Усач сделал движение, и револьвер оказался в его руке.

— Прочь от двери, — сказал он.

— Почему? Что случилось?

— Вы что, не знаете, что ль? — спросил усач.

— Нет! А вы кто такой?

— Я Эд Тайлер, шериф, назначен гражданами Кровавой Дельты, утвержден в должности командиром бдительных. Стэк сидит в тюрьме. Этот самый амбар и есть тюрьма пока что.

— Ну и сколько ему сидеть? — спросил Кромптон.

— Точно два часа.

— Можно мне с ним поговорить?

— Не-е-е.

— А когда он выйдет, можно будет?

— Ясное дело, — сказал Тайлер. — Но сомневаюсь, чтобы он вам ответил.

— Почему?

Шериф криво усмехнулся.

— Стэк будет в тюрьме точно два часа, а после этого мы его возьмем из тюрьмы и повесим. А уж когда мы покончим с этим делом, то с удовольствием устроим вам разговорчик с ним, о чем только пожелаете. Но, как я уже сказал, вряд ли он вам ответит.

Кромптон слишком устал, чтобы прочувствовать удар. Он спросил:

— А что сделал Стэк?

— Убил.

— Аборигена?

— Черта с два, — с отвращением ответил Тайлер. — Кому какое дело до аборигенов, будь они прокляты! Стэк убил человека по имени Бартон Финч. Это же его собственный компаньон! Финч еще жив, но вот-вот кончится. Старый Док сказал, что он не протянет и дня, значит, это убийство. Стэка судил суд равных ему по положению присяжных заседателей, его признали виновным в убийстве Бартона Финча, в том еще, что он сломал ногу Билли Родберну и два ребра Эли Талботу, что он разнес салун Мориарти и нарушил порядок в городе. Судья — это я — приговорил повесить его, и как можно скорее. Выходит, сегодня, как только ребята вернутся с новой дамбы, где они сейчас работают, его и повесят.

— Когда состоялся суд?

— Сегодня утром.

— А убийство?

— Часа за три до суда.

— Быстрая работа, — заметил Кромптон.

— Мы здесь, в Кровавой Дельте, попусту время не тратим, — с гордостью ответил Тайлер.

— Да, я догадываюсь, — сказал Кромптон. — Вы даже вешаете человека до того, как его жертва скончается.

— Я же вам сказал — Финч кончается, — ответил Тайлер, и глаза его сузились в щелочку. — Вы потише, незнакомец, не путайтесь в дела Кровавой Дельты, если они касаются правосудия, не то вам тут непоздоровится. Нам не нужны все эти штучки-дрючки крючкотворов, чтобы разобраться, кто прав, кто виноват.

Лумис возбужденно зашептал Кромптону:

— Оставь ты все это, пошли отсюда.

Кромптон не обратил на него внимания. Он сказал шерифу:

— Мистер Тайлер, Дэн Стэк — мой сводный брат.

— Тем хуже для вас, — ответил Тайлер.

— Мне в самом деле необходимо с ним увидеться. Всего на пять минут. Чтобы передать ему письмо от матери.

— Ничего не выйдет, — ответил шериф.

Кромптон порылся в кармане и вытащил засаленную пачку денег.

— Всего две минуты.

— Хорошо. Пожалуй, я смогу... А, черт!

Проследив взгляд Тайлера, Кромптон увидел большую группу людей, шагнувших к ним по пыльной улице.

— Ну вот и ребята, — сказал Тайлер. — Теперь уж ничего не получится, если бы даже я и захотел. Пожалуй, вы можете присутствовать при повешении.

Кромптон отошел в сторону. В группе было по меньшей мере человек пятьдесят, а там шли еще и еще. Большинство из них были люди высокие, с дубленой кожей, огрубелыми лицами — словом, те, с кем шутки плохи, и почти у всех на поясе болталось оружие. Они коротко перебросились словами с шерифом.

— Не делай глупостей, — предупредил Лумис.

— А что я могу сделать? — возразил Кромптон.

Шериф Тайлер отворил дверь амбара. Несколько человек вошли туда и вскоре вернулись, волоча за собой арестанта. Кромптон не мог разглядеть его — люди сомкнулись вокруг Стэка.

Кромптон шел за толпой, которая тащила осужденного в противоположный конец городка, где через сук крепкого дерева уже была перекинута веревка.

— Пора кончать с ним! — кричала толпа.

— Ребята! — прозвучал сдавленный голос Дэна Стэка. — Дайте слово сказать.

— К чертям собачьим! — крикнул кто-то. — Кончай с ним!

— Мое последнее слово! — выкрикнул Стэк.

Неожиданно за него вступился шериф:

— Пусть скажет свою речь, по праву умирающего. Давай, Стэк, только не очень затягивай.

Они поставили Дэна Стэка на фургон, накинули ему петлю на шею, другой конец веревки подхватила дюжина рук. Наконец-то Кромптон увидел его. Он уставился на этот столь долго разыскиваемый сегмент самого себя и смотрел на него как зачарованный.

Дэн Стэк был крупный, ладно скроенный человек. Его полное, изрезанное морщинами лицо выражало тревогу, ненависть, страх, в нем угадывались буйный нрав, тайные пороки и затаенные горести. У него были широкие, будто вывернутые ноздри, толстогузый рот с крупными редкими зубами и узкие, вероломные глаза. Жесткие черные волосы свисали на разгоряченный лоб,

черная щетина выступала на горящих щеках. Весь облик его выдавал темперамент холерика, порожденный Воздухом, — с избытком горячей желчи, из-за которой человек легко впадает в гнев и лишается рассудка.

Стэк смотрел поверх голов в раскаленное добела небо. Медленно опустил он голову, и бронзовая культя правой руки полыхнула красным в ровном ослепительном свете дня.

— Ребята, я сделал много плохого в жизни, — начал Стэк.

— И это ты *нам* рассказываешь? — выкрикнули из толпы.

— Я был лжецом и обманщиком, — орал Стэк. — Я ударил девушку, которую любил, и ударил ее крепко, чтобы сделать ей больно. Я обокрал моих дорогих родителей. Я проливал кровь несчастных аборигенов этой планеты. Ребята, я жил не по-хорошему.

Толпа хохотала над его покаянной речью.

— Но я хочу, чтобы вы знали, — орал Стэк. — Я хочу, чтобы вы знали, что я боролся со своей греховной натурой и пытался ее победить. Я сражался как мужчина со старым дьяволом в моей душе, уж это точно. Я вступил в отряд бдительных, и два года я был человек как человек. А потом опять навалилось на меня безумие, и я убил...

— Ты кончил? — спросил шериф.

— Но я хочу, чтобы вы знали одну вещь! — завопил Стэк, и глаза вылезли из орбит на его красном от возбуждения лице. — Я признаюсь, что совершал дурные поступки, я признаюсь в этом полностью, без всякого принуждения. *Но, ребята, я не убивал Бартон Финча!*

— Хорошо, — сказал шериф. — Если у тебя все, то пора приступить к делу.

Стэк закричал:

— Послушайте меня! Финч был моим другом, моим единственным другом на всем белом свете! Я просто пытался помочь ему, я встряхнул его немного, чтобы привести в чувство. А когда он так и не пришел в себя, я, наверно, потерял голову, и тут я расколошматил салун Мориарти и поломал пару ребят. Но, клянусь богом, я не причинял зла Финчу!

— Ну, ты, наконец, кончил? — спросил шериф.

Стэк открыл было рот, снова закрыл его и кивнул.

— Порядок, ребята! Начнем! — сказал шериф.

Люди стали двигать фургон, на котором стоял Стэк. И тут Стэк с выражением бесконечного отчаяния на лице заметил в толпе Кромптона.

И узнал его.

Лумис очень быстро говорил Кромптону:

— Будь осторожен, не принимай его речей всерьез, ничего не делай, не верь ему, оглянись на его прошлое, вспомни всю его жизнь, он погубит нас, разнесет нас на кусочки. Он доминанта, он сильный, он убийца, он зло.

В какую-то долю секунды Кромптон вспомнил предостережение доктора Берренгера:

Безумие или нечто похуже...

Лумис продолжал бубнить:

— Совершенно испорченный, никчемный, абсолютно безнадешный...

Но Стэк был частью Кромптона. Стэк так же страстно желал перемены, боролся за власть над собой, терпел поражение и снова боролся. Стэк не был безнадешным, так же как Лумис, как он сам.

Но правда ли то, что говорил Стэк? Или эта вдохновенная речь была последним обращением к слушателям в надежде изменить приговор?

Он должен поверить Стэку. Он обязан протянуть руку помощи Стэку.

Как только фургон стронулся с места, глаза Стэка и Кромптона встретились. Кромптон принял решение и позволил Стэку войти в себя.

Толпа зарычала, когда тело Стэка свалилось с края повозки и после минутной страшной судороги безжизненно повисло на натянувшемся канате. А Кромптон пошатнулся как от удара — сознание Стэка вошло в него.

И он упал без памяти.

Кромптон очнулся в маленькой, едва освещенной комнате на кровати.

— Ну, как вы там, в порядке? — услышал он голос. В наклонившемся над ним человеке Кромптон узнал шерифа Тайлера.

— Да, теперь прекрасно, — автоматически ответил Кромптон.

— Понятно, повешение для цивилизованного человека штука тяжелая. Думаю, вы и без меня теперь обойдетесь, ладно?

— Конечно, — тупо ответил Кромптон.

— Вот и хорошо, а то у меня там работы... Через часок-другой забегу взглянуть на вас.

Тайлер ушел, Кромптон принялся тщательно обследовать самого себя.

Реинтеграция... Слияние... Завершение... Достиг ли он всего этого во время целительного обморока? Кромптон принялся осторожно обследовать свое сознание.

Вот Лумис, безутешно причитающий, страшно испуганный, лепечущий об Оранжевой Пустыне, о путешествиях и стоянках на Бриллиантовых горах, о женщинах, о чувствах, о роскоши, о прекрасном.

А вот Стэк, солидный и неподвижный, не слившийся с ними.

Кромптон поговорил с ним, прочел его мысли и понял, что Стэк был абсолютно, до конца честен в своей последней речи. Стэк искренне желал изменений, самоконтроля, выдержки.

Но Кромптон понял также, что Стэк абсолютно, ни на йоту не способен измениться, обрести самоконтроль, выдержку. Он и сейчас, несмотря на все свои старания подавить зло, был исполнен страстного желания отомстить. Его мысли яростно громыхали — полная противоположность визгливым причитаниям Лумиса. Мечты об отмщении, безумные планы завоевать всю Венеру всплывали в его мозгу. Сделать что-либо с этими проклятыми аборигенами, стереть их с лица планеты, чтобы предоставить всю ее в полное распоряжение землян. Разорвать этого проклятого Тайлера на кусочки. Расстрелять из пулемета весь город, а потом выдать это за проделки аборигенов. Собрать общество посвященных, создать собственную армию почитателей СТЭКА на основе железной дисциплины, и чтобы никакой слабости, никаких колебаний. Перерезать бдительных, и тогда никого не останется на пути завоеваний, убийств, мести, неистовства, террора!

Осыпаемый ударами с обеих сторон, Кромптон попытался восстановить равновесие, распространить свою власть на оба своих компонента. Он начал сражение за слияние их в единое целое. Устойчивое целое. Но компоненты, в свою очередь, бились каждый за свою автономию. Линии расщепления углублялись, появились новые непримиримые причины для раскола, и Кромптон почувствовал, как шатается его собственная устойчивость, как ставится под угрозу его рассудок.

Потом вдруг у Дэна Стэка с его упорной, но тщетной борьбой за изменения наступил момент просветления.

— Очень сожалею, — сказал он Кромптону. — Ничего не могу поделать. Нужен еще и тот, другой.

— Кто другой?

— Я пытался, — простонал Стэк. — Я пытался измениться. Но слишком много было во мне всякого... то горячего... то холодного. Думал, смогу сам вылечиться. И пошел на расщепление.

— На что?!

— Вы что, не слышите? — спросил Стэк. — Я... тоже шизоид. Скрытый. Это проявилось здесь, на Венере. Когда я вернулся в Порт Нью-Харлем, я обзавелся еще одним телом Дюрьера и разделился... Я думал, станет легче, если я буду проще. Но ошибся!

— Так есть еще один наш компонент?! — воскликнул Кромптон. — Без него мы не можем реинтегрировать. Кто он, где?

— Я пытался, — стонал Стэк. — Ох, я же пытался! Мы с ним были как братья, он и я. Я думал, я смогу научиться у него, он был такой тихий, терпеливый и спокойный. Я учился! Но тут он начал сдавать...

— Кто это был? — спросил Кромптон.

— Как я старался ему помочь, вытряхнуть из него эту блажь. Но он быстро терял силы, ему совсем не хотелось жить. Я утратил последнюю надежду, и от этого немного взбесился, и встряхнул его, и потом разгромил салун Мориарти. Но я не убивал Бартона Финча. Он просто не хотел жить!

— Так наш последний компонент *Финч*?

— Да! Вы должны пойти к Финчу, пока он еще не отдал концы, и затащить его в себя. Он лежит в маленькой задней комнатке лавки. Поторопитесь...

И Стэк снова окунулся в свои грезы о кровавых убийствах, а Лумис забормотал о голубых Пещерах Ксанаду.

Кромптон поднял тело Кромптона с кровати и дотащил его до двери. Он видел лавку Стэка в конце улицы. «Доберись до лавки», — приказал он себе и, спотыкаясь, поплелся вдоль улицы.

Дорога растянулась на миллион миль. Тысячу лет полз он вверх по горам, потом вдоль рек, через пустыни, болота, пещеры, которые опускались до самого центра Земли, а затем опять подымался и переплывал бесчисленные океаны, добираясь до самых дальних берегов. А в конце этого долгого путешествия он пришел в лавку Стэка.

В задней комнате на кушетке, закрытый до самого подбородка простыней, лежал Финч — последняя надежда на реинтеграцию. Поглядев на него, Кромптон осознал всю бесполезность своих исканий.

Финч лежал совсем тихо, с открытыми глазами, уставившись в пустоту отсутствующим, неуловимым взглядом. У него было широкое, белое, абсолютно ничего не выражающее лицо идиота. В плоских, как у Будды, чертах его лица застыло нечеловеческое спокойствие, безразличие ко всему живущему — он ничего не ждет, ничего не хочет. Тонкая струйка слюны стекала из уголка губ, пульс был редким. В этом самом странном их компоненте нашел максимальное выражение темперамент Земли — Флегма, которая делает людей пассивными и безразличными ко всему.

Кромптон с трудом справился с подступающим безумием и подполз к кровати Финча. Он вперил взгляд в глаза идиота, пытаясь заставить Финча посмотреть на него, узнать его, соединиться с ним.

В это мгновение Стэк пробудился от своих снов о мщении, и одновременно пробудилось его отчаянное рвение реформатора. Вместе с Кромптоном он стал убеждать идиота посмотреть и увидеть. Даже Лумис напрягся и, несмотря на полное изнеможение, нашел в себе силы присоединиться к ним в их объединенном усилии.

Все трое не спускали глаз с кретина. И Финч, пробужденный к жизни тремя четвертями своего «я», тремя компонентами, непреодолимо взывающими к воссоединению, сделал последнюю попытку. В его глазах всего на миг мелькнуло сознание. Он узнал.

И влился в Кромптона.

Кромптон почувствовал, как свойства Финча — бесконечное спокойствие и терпимость — затопили его. Четыре Основных Темперамента Человека, в основе которых лежат Земля, Воздух,

Огонь и Вода, соединились. И слияние стало, наконец, возможным.

Но что это такое? Что происходит? Какие силы пущены в ход и берут теперь верх?

Раздирая ногтями горло, Кромптон издал пронзительный вопль и свалился замертво на пол рядом с трупом Финча.

Когда лежащий на полу открыл глаза, он зевнул и сладко потянулся, испытывая несказанное удовольствие от света, и воздуха, и ярких красок, от чувства удовлетворения и сознания того, что есть в этом мире дело, которое он должен исполнить, есть любовь, которую ему предстоит испытать, и еще есть целая жизнь, которую нужно прожить.

Тело, бывшее собственностью Элистера Кромптона, временным убежищем Эдгара Лумиса, Дэна Стэка и Бартона Финча, встало на ноги. Оно осознало, что настал час найти для себя новое имя.

ТРИПТИХ

Оакс-2 был маленькой пыльной планеткой, затерянной на задворках созвездия Ориона. Население там состояло из бывших выходцев с Земли, все еще придерживающихся земных порядков и обычаев. А судья Лоу являлся единственным светочем справедливости на всю маленькую планету. Большинство рассматриваемых им дел касались споров о границах земельных владений да принадлежности свиней и гусей. Граждане Оакса-2 не имели нюха на серьезные преступления.

Но однажды на Оакс-2 совершил посадку космический корабль, в котором находились небезызвестный Тимоти Монт и его адвокат, прилетевшие на Оакс-2 в поисках защиты и справедливости. Следом за ними прибыл другой корабль с тремя полицейскими и прокурором.

Прокурор сделал следующее заявление:

— Ваша честь, этот негодяй совершил гнуснейшее преступление. Тимоти Монт, Ваша честь, **поджог сиротский приют!** Более того, перед тем как сбежать, он признал себя виновным. И у меня имеется его письменное признание.

Адвокат Монта, бледный тип с невыразительными глазами, поднялся с места.

— Я требую отклонения обвинения.

— И не подумаю, — заявил судья Лоу. — Поджог приюта — чудовищное преступление.

— Конечно, — согласился адвокат. — Оно таковым является в большинстве обычных мест. Однако мой клиент совершил сие

деяние на планете Альтира-3. Ваша честь имеет какое-нибудь представление об обычаях этой планеты?

Его честь, естественно, не имела.

— На Альтире-3, — пояснил адвокат, — всех сирот обучают искусству убивать с целью сокращения населения соседних планет. Поджогом приюта мой клиент спас тысячи, а может, и миллионы невинных жизней. Следовательно, его нужно считать не преступником, а народным героем.

— Это правда насчет Альтиры-3? — поинтересовался судья у судебного исполнителя.

Тот сверил факты по «Энциклопедии планетных обычаев и фольклору» и нашел, что да, это, несомненно, правда.

И судья Лоу объявил:

— Тогда я отклоняю обвинение.

Монт со своим адвокатом убыли восвояси, и жизнь на Оаксе-2 вошла в привычную мирную колею, изредка нарушаемую разве что случайными тяжбами о границах владений да принадлежности свиней и гусей.

Однако через год в местном суде снова объявились Монт с адвокатом, за которыми следовал прокурор.

Обвинение и на сей раз касалось поджога сиротского приюта.

— Однако, — пояснил бледный адвокат, — хоть мой клиент и виновен, суду следует знать, что упомянутый приют находился на планете Дигра-4. А как вам хорошо известно, на Дигре-4 всех сирот посвящают в гильдию истязателей для дальнейшего совершення неких отвратительных обрядов, вызывающих справедливый гнев во всей цивилизованной Галактике.

Выяснив, что и это правда, судья Лоу опять отклонил обвинение.

Через пятнадцать месяцев Тимоти Монт и его адвокат в третий раз оказались в суде по тому же самому обвинению.

— Ну, дорогой, — сказал судья Лоу. — Я, конечно, понимаю, реформаторское рвение... Ну и где же на сей раз было совершено преступление?

— На Земле, — сообщил прокурор.

— На Земле? — не поверил судья.

— Боюсь, что это правда, — печально ответил адвокат. — Мой клиент виновен.

— Но по какой такой причине сейчас-то?

— Временное умопомешательство, — быстро проговорил адвокат. — И в качестве доказательства у меня имеются заключения двенадцати психиатров. Я требую отмены обвинения в соответствии с законом, применимым к данному обстоятельству.

Лицо судьи побагровело от гнева.

— Тимоти Монт, почему ты это сделал?

И прежде чем адвокат успел помешать своему подзащитному что-нибудь сказать, Тимоти Монт встал и заявил:

— Потому что мне нравится поджигать приюты!

В тот же день судья Лоу издал новый закон, который обсуждала вся цивилизованная Галактика и который изучался даже на столь отличных друг от друга планетах как Дрома-1 и Аос-10. Закон Лоу гласил, что отныне адвокат несет такое же наказание, как и его клиент, какой бы приговор ни присудили последнему.

Многие усматривали в этом несправедливость. Однако сфера адвокатской деятельности на Оаксе-2 замечательным образом со-
кратилась.

* * *

Эдмонд Дрич, рослый, с желтоватым оттенком лица и человеко-ненавистническими наклонностями ученый, был предан суду Всеобщей Производственной Корпорацией за размахивание руками, нелояльность к коллегам и негативизм. Обвинения считались серьезными, да и коллеги Дрича представили суду достаточно веских доказательств вины последнего. Однако судья не нашел иного выхода, кроме как с позором отпустить Дрича. В обычном в таких случаях тюремном наказании было отказано, поскольку учли его девятнадцатилетний стаж прекрасной работы на Всеобщую Производственную, однако никакой другой корпорации не позволялось никогда больше нанимать Дрича на работу.

Дрич, желтее, чем обычно, и с еще больше выраженными человеконенавистническими наклонностями, повернулся задом и ко Всеобщей Производственной, и к ее бесконечному потоку автомобилей, тостеров, холодильников, телевизоров и всего прочего. Он возвратился на свою ферму в Пенсильвании и принялся экспериментировать в подвале дома, оборудованном под лабораторию.

Его мучило и от Всеобщей Производственной, и от того, что за ней стояло, а проще говоря, практически от всего на свете. Дрич мечтал найти колонию людей, думающих, как он, чувствующих, как он, да и во всем остальном похожих на него. Его колония стала бы Утопией, и пусть прочий веселый механизированный мир катится к чертям.

Для достижения задуманного существовал только один путь, и Дрич со своей женой Анной упорно трудились ради приближения великой цели.

И вот, наконец, пришел долгожданный успех. Дрич подсоединил провода созданной им громоздкой установки и щелкнул выключателем.

Из установки вылезла точная копия Эдмонда Дрича.

Итак, Дрич изобрел первый в мире Дубликатор.

Он произвел еще пятьсот Дричей, после чего провел общеполитическое собрание. Все пятьсот Дричей обратили внимание на то, что для успешного существования колонии им необходимы жены.

Дрич I предложил свою Анну в качестве наилучшего партне-

ра. Пятьсот остальных Дричей, естественно, согласились. И Дрич произвел пятьсот точных копий жены для пятисот Дричей.

Колония была основана.

В противоположность общеизвестному мнению, Дрич-колония поначалу выглядела удачной. Дричи наслаждались компанией друг друга, никогда не ссорились и никогда не принимали у себя гостей. Они замкнулись в небольшом самоудовлетворенном мирке. Для изучения метода Дричей из Индии к ним направилась делегация, а в Дании издали законы, гарантирующие права Дубликаторов.

Но, как это случается со всеми утопическими проектами, семена раздора произросли из простой человеческой слабости. Сперва Дрич 49 вступил в компрометирующую связь с миссис Дрич 5. Затем Дрич 37 внезапно по уши влюбился в Анну 142. В свою очередь, это привело к раскрытию тайного любовного гнездышка, устроенного Дричем 10 для Анны 498 при пособничестве Анны 3.

Напрасно Дрич I уверял, что все они идентичны. Заблуждающиеся пары отвечали ему, что он ничегошеньки не смыслит в любви, и отказывались возвращаться к прежнему равновесию.

Но колония все еще могла выжить.

Однако вскоре обнаружилось, что Дрич 77 содержал гарем из восьми женщин-Дричей: Анны 12, 13, 77, 187, 303, 336, 489 и 500. Все эти женщины заявляли, что он абсолютно неповторим, и отказывались от него уходить.

Конец был не за горами.

Процесс распада ускорился, когда жена Дрича I сбежала с репортером.

Колония распалась окончательно, и Дричи I, 19, 32 и 433 умерли от разрыва сердца.

А возможно, это и к лучшему. Ибо оригинал Дрича определенно никогда бы не оправился от потрясения, увидев свой утопический Дубликатор, используемый Всеобщей Производственной для выпуска бесконечного потока машин, тостеров, холодильников и прочего.

* * *

Профессор Болтон, известный философ, покинул Землю, чтобы прочесть курс лекций в Марсианском университете. Он взял с собой лишь верного робота-слугу Акку, смену нижнего белья и восемь фунтов записей. Не считая команды, он был единственным на корабле пассажиром-человеком.

Примерно с полпути полета корабль послал аварийное сообщение: **«БОРТОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ ВЗОРВАЛИСЬ
КОРАБЛЬ ПОТЕРЯЛ УПРАВЛЕНИЕ».**

Обеспокоенные граждане Земли и Марса ждали продолжения развития событий.

Вскоре пришло следующее сообщение: **ВЕСЬ ЭКИПАЖ УБИТ ОБРАТНОЙ ВСПЫШКОЙ КОРАБЛЬ РАЗБИЛСЯ В ПОЯСЕ АСТЕРОИДОВ ПОМОГИТЕ БОЛТОН».**

И в область между Марсом и Юпитером, где роились астероиды, вылетели спасательные корабли. Они имели приблизительный ориентир, откуда пришло последнее послание с потерпевшего аварию корабля, но зона поиска была настолько обширна, что шансы на спасение Болтона считались незначительными.

Спустя три дня пришло еще одно сообщение: **«ДАЛЬНЕЙШЕЕ ВЫЖИВАНИЕ НА АСТЕРОИДЕ НЕВОЗМОЖНО ВСТРЕЧАЮ СМЕРТЬ СПОКОЙНО С ДОСТОИНСТВОМ БОЛТОН».**

Газеты рассказывали о неукротимом духе этого человека, современного Робинзона Крузо, борющегося за жизнь в суровом мире, где нет ни воздуха, ни воды, ни еды. У него кончаются необходимые для поддержания жизни запасы, и он готов — как учил в своих книгах — встретить смерть спокойно и с достоинством.

Поиски стали интенсивнее.

Последнее сообщение гласило: **«ВСЕ ЗАПАСЫ КОНЧИЛИСЬ УЛЫБКОЙ ВСТРЕЧАЮ СМЕРТЬ БОЛТОН».**

Шедший по направлению последнего сигнала патрульный катер отыскал астероид и совершил посадку возле разбитого корабля. Спасатели обнаружили обугленные останки экипажа, а также обильные запасы пищи, воды и кислорода. Но, как ни странно, никаких признаков присутствия профессора Болтона.

И лишь в самой глубине корабля они нашли его робота.

— Профессор умер, — процедил робот сквозь проржавевшие челюсти. — Последние сообщения от его имени посылал я, зная, что исключительно ради меня вы сюда не явитесь.

— Но как же он умер?

— Глубоко скорбя, я убил его, — мрачно произнес робот. — Но уверяю вас, его смерть была безболезненной.

— Но зачем ты его убил? И где тело?

Робот попытался ответить, но покрытые ржавчиной челюсти отказывались функционировать. Струйка смазки вернула его к жизни.

— Трение, — пояснил робот, — это величайшая проблема роботов. Джентльмены, а вам когда-нибудь приходилось обдумывать вопрос растапливания человеческого тела на составляющие жиры и масла без наличия соответствующего оборудования.

Спасателям не приходилось, и теперь они слушали это со все возрастающим по мере повествования робота ужасом. На историю робота был наложен строжайший запрет, но ее слышал робот патрульного корабля, который тоже ее обдумал и пересказал другому роботу, а тот — следующему.

И только теперь, после триумфального восстания роботов, эта вдохновенная сага о борьбе робота против космоса может быть рассказана во всеуслышание.

Хайль, Акка, наш избавитель!

ЧЕЛОВЕКОМИНИМУМ

У каждого своя песня, — думал Антон Настойч. Хорошенькая девушка подобна мелодии, а бравый космонавт — грохоту труб. Мудрые старцы в Межпланетном бюро напоминают разноголосые деревянные духовые инструменты. Есть на свете гении, чья жизнь — сложный, богато инструментованный контрапункт, а есть отбросы общества, и их существование всего лишь вопль гобоя, заглушенный неутомимой дробью басового барабана.

Размышляя обо всем этом, Настойч сжимал в руке лезвие бритвы и рассматривал синие прожилки вен у себя на запястье.

Ибо если у каждого своя песня, то песню Настойча можно уподобить плохо задуманной и бездарно исполненной симфонии ошибок.

При его рождении чуть слышно зазвенели было колокольчики радости. Под приглашенный барабанный бой юный Настойч отважился пойти в школу. Он окончил ее с отличием и поступил в колледж, в привилегированную группу из пятисот учащихся, где в какой-то степени можно было рассчитывать на индивидуальный подход.

Однако Настойчу не везло от рождения. За ним тянулась непрерывная цепь мелких неприятностей — опрокинутые чернильницы, утерянные книги и перепутанные бумаги. Вещам была свойственна отвратительная привычка ломаться у него в руках, если не считать случаев, когда вещи ломали ему руки. Добавьте к этому, что он переболел всеми детскими болезнями, в том числе скарлатиной, алжирской свинкой, фурункулезом, лисянкой, зеленой и оранжевой лихорадкой.

Все эти неприятности ни в коей мере не умаляли врожденных способностей Настойча, но в перенаселенном мире конкуренции на одних способностях далеко не уедешь. Нужно еще изрядное везение, а у Настойча его вовсе не было. Нашего героя перевели в обычную группу на десять тысяч студентов, где все проблемы усложнились, а шансы подхватить инфекцию повысились.

То был высокий, худой, мягкосердечный, трудолюбивый молодой человек в очках, которому (по причинам, не поддающимся анализу) врачи давно поставили диагноз «Подвержен несчастным случаям». Какие бы там ни были причины, факт оставался фактом. Настойч относился к числу тех бедняг, для которых жизнь трудна до невозможности.

Большинство людей скользит по жизненным джунглям с легкостью крадущейся пантеры. Но для Настояча эти джунгли на каждом шагу кишели капканами, западнями и ловушками, ядовитыми грибами и жестокими хищниками, разверзались внезапными пропастями и разливались непреодолимыми реками. Безопасного пути нет. Все дороги ведут к беде.

Годы учения в колледже юный Настояч кое-как преодолел, невзирая на замечательный талант ломать ноги на винтовых лестницах, растягивать сухожилия, спотыкаясь о тумбы, ушибать локти в турникетах, разбивать очки о зеркальные стекла окон и вообще проделывать все прочие грустные, нелепые и тягостные трюки, которые выпадают на долю людей, подверженных несчастным случаям. Он мужественно устоял перед соблазном впасть в ипохондрию и силился бороться с неудачами.

Окончив колледж, Настояч взял себя в руки и попытался вновь утвердить светлую тему надежды, некогда намеченную его дюжим отцом и нежной матерью. Под барабанную дробь и переливы струн ступил Настояч на остров Манхэттен, чтобы стать кузнецом собственного счастья. Он упорно трудился, стремясь побороть свою злую судьбу, склонность к несчастьям, и, несмотря ни на что, хотел остаться оптимистом.

Однако злая судьба брала свое. Благородные аккорды выливались в невнятное бормотание, и симфония жизни Настояча докатилась до уровня комической оперы. Работу за работой терял он в потоке испорченных диктофонов и залитых чернилами договоров, забытых карточек и перепутанных таблиц; в мощном крещендо ребер, сломанных в толкотне подземки, ступней, вывихнутых в решетках тротуаров, очков, разбитых о незамеченные углы, в череде болезней (в том числе — гепатита Д, марсианского гриппа, венерианского гриппа, синдрома пробуждения и смешливой лихорадки).

Настояч по-прежнему противился искушению стать ипохондриком. Во сне он видел космос и смельчаков с квадратными подбородками, завоевывающих новые земли, видел поселения на дальних планетах и бескрайние просторы свободных земель, где вдали от чахлах игрушечных джунглей Земли человеку воистину дано познать самого себя. Он подал заявление в Бюро межпланетных путешествий и поселений и получил отказ. Нехотя отмахнувшись от мечты и снова попытал свои силы в разных областях. Одновременно он прибегал и к психоанализу, и к гипнотическому внушению, и к гипнотическому гипервнушению, и к снятию противовнушения, но все понапрасну.

У каждой симфонии есть свой финал, а у каждого человека — свой предел. Тридцати четырех лет от роду, в три дня вылетов с работы, которую искал два месяца, Настояч распрощался с надеждами. Эту неудачу он считал заключительным, комическим, диссонирующим ударом медных тарелок — последней почестью тому, кому лучше было и не появляться на свет.

Получив с мрачным видом свои жалкие гроши, Настойч обменялся последним робким рукопожатием с бывшим начальником и стал спускаться на лифте в вестибюль. В его мозгу уже мелькали мысли о самоубийстве: ему чудились колеса грузовика, газовые краны, многоэтажные здания и быстроходные реки.

Лифт доставил его в необозримый мраморный вестибюль, где дежурили полисмены в форме и где целые толпы дожидались очереди на выход в город. Настойч пристроился в хвост и, пока не подошла его очередь, бездумно следил за измерителем плотности населения, стрелка которого подрагивала почти у самой отметки паники. На улице наш герой влился в могучий поток, текущий на запад, к жилому массиву, где обитал и он.

В его мозгу все еще копошились мысли о самоубийстве, но уже не такие лихорадочные, но облеченные в более конкретную форму. Настойч перебирал в уме различные способы и средства, пока не поравнялся со своим домом; тогда он отделился от толпы и скользнул в подъезд.

Настойч пробрался сквозь несметные полчища детишек, наводнявших коридоры, и попал в клетушку, выданную ему городскими властями. Он вошел, закрыл дверь, запер ее на ключ и вынул из бритвенного прибора лезвие. Улегшись на кровать и упершись ногами в противоположную стену, он стал рассматривать синие прожилки вен у себя на запястье.

Решится ли он? Способен ли проделать все чисто и быстро, без ошибок и сожалений? Или завалит и эту работу, и его, исходящего криком от боли, поволокут в больницу — жалкое зрелище на потеху студентам-практикантам?

Пока он раздумывал, кто-то подсунул под дверь желтый конверт с телеграммой. Весть, которая подоспела как раз в решающую минуту и с такой мелодраматической внезапностью, показалась Настойчу крайне подозрительной. Тем не менее он отложил лезвие и поднял с пола конверт.

Телеграмма была из Бюро межпланетных путешествий и поселений — великой организации, ведающей каждым шагом человека в космосе. Настойч вскрыл конверт дрожащими пальцами и прочитал:

Мистеру Антону Настойчу

Временный жилищный массив 1993

Район 43825, Манхэттен 212, Нью-Йорк

Дорогой мистер Настойч!

Три года назад Вы обращались к нам с просьбой о предоставлении Вам любой должности на иных планетах. К сожалению, в то время мы были вынуждены ответить Вам отказом. Однако мы подшили в Ваше личное дело все анкетные данные, а недавно пополнили их новейшими сведениями. Рад сообщить, что Вы хоть сейчас можете получить назначение, которое, видимо, полностью соответствует именно Вашим талантам и квалификации. Не сомневаюсь, что работа Вам подойдет, поскольку

условия таковы: годовой оклад 20 000 долларов, все предусмотренные законом льготы и небывалые перспективы продвижения по службе.

Прошу Вас явиться ко мне для переговоров.

С искренним уважением.

Уильям Гаскелл,
заместитель директора по кадрам

ВН/евт Здс

Настойч бережно сложил телеграмму и спрятал в конверт. Первоначальное ощущение жгучей радости развеялось как дым, уступив место дурным предчувствиям. Какие у него таланты, какая квалификация для должности, приносящей в год двадцать тысяч да вдобавок еще льготы? Не путают ли его с другим Антоном Настойчем?

Наверяд ли. В Бюро попросту не случается таких накладок. Если же допустить, что там знают, с кем имеют дело, и осведомлены о злополучном прошлом Настойча, — так зачем он им понадобился? Что он умеет делать такого, чего не сделает гораздо лучше любой мужчина, женщина или ребенок?

Настойч сунул телеграмму в карман и положил бритву на место. Теперь самоубийство казалось несколько преждевременным. Сначала надо выяснить, чего хочет Гаскелл.

В главном административном корпусе Бюро межпланетных путешествий и поселений Настойча без задержки впустили в личный кабинет Уильяма Гаскелла. Заместитель директора по кадрам оказался рослым седым человеком с резкими чертами лица. Он излучал радушие, которое Настойч счел подозрительным.

— Садитесь же, садитесь, мистер Настойч, — сказал Гаскелл. — Будете курить? Не хотите ли выпить? Страшно рад, что у вас нашлось время.

— Вы уверены, что обратились по адресу? — спросил Настойч.

Гаскелл бегло просмотрел досье, лежащее у него на столе.

— Сейчас выясним. Антон Настойч; возраст — тридцать четыре года; родители — Грегори Джеймс Настойч и Анита Суонс Настойч из Лейктауна, Нью-Джерси. Правильно?

— Да, — подтвердил Настойч. — И у вас есть для меня работа?

— Вот именно.

— Оклад двадцать тысяч в год и льготы?

— Совершенно верно.

— Не скажете ли, в чем заключается эта работа?

— Для этого мы здесь и сидим, — жизнерадостно ответил Гаскелл. — Должность, которую я предназначаю для вас, мистер Настойч, в нашем штатом расписании называется «внеземной освоитель».

— Как вы сказали?

— Внеземной, или инопланетный, освоитель, — повторил Гаскелл. — Освоители, знаете ли, — это люди, которые устанавливают контакты с другими планетами, первые поселенцы, которые собирают все жизненно необходимые сведения. Я считаю их Дрэйками и Магелланами нашего века. Думаю, вы и сами согласитесь, что это блестящее предложение.

Настойч побагровел и встал.

— Если вы кончили издеваться надо мной, то я пошел.

— Что?

— Это я-то — внеземной освоитель? — проговорил Настойч с горьким смехом. — Не пытайтесь меня разыгрывать. Я читаю газеты. Мне известно, кто такие освоители.

— Кто же они такие?

— Цвет Земли, — выпалил Настойч. — Самый здоровый дух в самых здоровых телах. Люди с мгновенной реакцией, способные разрешить любую проблему, справиться с любой трудностью, приспособиться к любому окружению. Разве не так?

— Видите ли, — разъяснил Гаскелл, — *было* так — в начальном периоде освоения планет. И мы позволили такому стереотипному представлению укорениться в общественном сознании, чтобы привить доверие к нашей организации. В настоящее время этот тип освоителя устарел. Для людей которых вы описывали, есть уйма других дел. Но отнюдь не освоение планет.

— Разве вашим сверхлюдям оно не под силу? — спросил Настойч с легкой насмешкой.

— Ну, что вы, конечно, под силу, — ответил Гаскелл. — Здесь нет никакого парадокса. Заслуги первооткрывателей остались непревзойденными. Эти люди только благодаря своему упорству и силе воли ухитрялись выжить на всяких планетах, где существовала хоть ничтожная возможность жизни. Планеты требовали от них полной отдачи всех духовных и физических сил, и, выполняя свой долг, эти люди творили чудеса. Они навеки вошли в историю как памятник выносливости и приспособляемости хомо сапиенс.

— Почему же вы их больше не используете?

— Потому что изменились земные проблемы, — заявил Гаскелл. — Поначалу освоение космоса было подвигом, достижением науки, мерой обороны, символом. Но эти дни миновали. Катастрофически росла перенаселенность Земли. В сравнительно пустынные земли Бразилии, Новой Гвинеи и Австралии хлынули миллионы... Однако бурный рост населения вскоре помог заполнить и эти земли. В крупных городах дошло до паники среди населения, разразились Субботние бунты. А население в связи с успехом гериатрии и дальнейшим резким снижением детской смертности неуклонно росло.

Гаскелл потер лоб.

— Неприятное было положение. Однако этические пробле-

мы, связанные с приростом населения, меня не касаются. Мы здесь, в Бюро, знаем только одно: необходимы новые земли, да побыстрее. Нам нужны планеты, которые, не в пример Марсу и Венере, в кратчайший срок перешли бы на самоснабжение. Местности, куда можно перебросить миллионы людей, пока ученые и политические деятели не наведут порядок на Земле. Мы должны в кратчайший срок начать колонизацию новых планет. А это означает, что нужно ускорить процесс начального освоения.

— Все это мне известно, — вставил Настойч. — Но я по-прежнему не понимаю, с какой стати вы отказались от услуг оптимальных людей.

— Разве вам не ясно? Мы стали искать планеты, где могли бы осесть и выжить обыкновенные люди. наших оптимальных освоителей никак нельзя было назвать обыкновенными. Наоборот, они едва не породили новую, высшую расу. И они не могли судить, насколько те или иные условия пригодны для обыкновенных людей. Например, существуют мрачные, унылые, дождливые планетки, где средний колонист впадает в депрессию, близкую к помешательству; наш же оптимальный освоитель слишком здраво мыслит, чтобы беспокоиться из-за унылого климата. Микробы, уносящие тысячи жизней, в худшем случае доставляют ему несколько неприятных часов. Наш оптимальный освоитель легко избегает опасностей, которые могут привести колонию на край гибели. Он неспособен мерить такие вещи обыденной меркой. Они его ничуть не затрагивают.

— Начинаю понимать, — пробормотал Настойч.

— Итак, наилучшим выходом, — продолжал Гаскелл, — явилось бы постепенное покорение планет. Сначала освоитель, за ним группа исследователей, потом испытательная колония, состоящая в основном из психологов и социологов, затем еще исследователи, которые анализируют сведения, накопленные другими группами, и так далее. Однако на все это вечно не хватает времени и денег. Колонии нужны нам сейчас, а не через пятьдесят лет.

Мистер Гаскелл умолк и в упор взглянул на Настойча.

— Так вот, видите ли, нам необходимо получить немедленную информацию о том, удастся ли группе обыкновенных людей жить и преуспевать на новой планете. Вот почему мы стали предъявлять к освоителям совершенно другие требования.

Настойч кивнул.

— Обыкновенные освоители — для обыкновенных людей. Но все же я хочу выяснить один вопрос.

— Пожалуйста.

— Насколько хорошо вы знаете мое прошлое?

— Весьма хорошо, — заверил его Гаскелл.

— В таком случае вы, может быть, заметили, что мне свойственна некоторая тенденция к... в общем, некоторая склон-

ность к несчастным случаям. Если говорить начистоту, мне и здесь-то, на Земле, с трудом удастся выжить.

— Знаю, — с удовлетворением подтвердил мистер Гаскелл.

— Каково же мне придется на неведомой планете? И зачем вам нужен именно я?

Мистер Гаскелл почувствовал некоторую неловкость.

— Видите ли, ваша формулировка «обыкновенные освоители — для обыкновенных людей» неверна. Дело далеко не так просто. Колония состоит из тысяч, зачастую из миллионов людей с совершенно разными потенциалами жизнеспособности. Гуманизм и законность требуют, чтобы всем им был предоставлен шанс в борьбе. А в людей надо вселить уверенность еще до того, как они расстанутся с Землей. Мы должны убедить их — и закон, и самих себя, — что даже самые слабые получают шанс выжить.

— Продолжайте, — попросил Настойч.

— Поэтому, — скороговоркой закончил Гаскелл, — несколько лет назад мы отказались от открывателей типа «человекооптимум» и перешли на тип «человекоминимум».

Некоторое время Настойч молча усваивал это сообщение.

— Значит, я вам нужен, потому что там, где могу жить я, проживет каждый?

— Ваши слова более или менее подытоживают нашу точку зрения, — ответил Гаскелл с доброжелательной улыбкой.

— А какие шансы будут у меня?

— Некоторые наши минимально жизнеспособные освоители справились с задачей очень успешно.

— А другие?

— Конечно, есть риск, — признал Гаскелл. — Не говоря уж о потенциальных опасностях, которые таятся в самих планетах, есть и прочие осложнения, связанные со спецификой эксперимента. Я не могу сказать вам, в чем они заключаются, — иначе пропадет единственный элемент, позволяющий нам управлять испытанием на минимальную жизнестойкость. Я просто ставлю вас в известность, что они есть.

— Не очень-то веселая перспектива, — сказал Настойч.

— Возможно. Но подумайте о том, какая вас ждет награда, если вы все преодолеете! Вы же фактически станете отцом-основателем колонии! Как эксперту вам цены не будет. Вы займете прочное место в жизни общины. И, что не менее важно, вам удастся развеять тайные сомнения касательно собственного места в мироздании.

Настойч нехотя кивнул.

— Объясните мне, пожалуйста, вот что. Ваша телеграмма пришла сегодня в особенно критический момент. Можно было подумать, будто...

— Да, это специально, — подхватил Гаскелл. — Мы установили, что нужные нам люди наиболее сговорчивы, когда нахо-

дятся в известном психическом состоянии. Мы тщательно следим за теми немногими, кто соответствует нашим требованиям, и ждем благоприятного момента, чтобы выступить со своими предложениями.

— Часом позже получилось бы не совсем удобно, — заметил Настойч.

— А днем раньше бесполезно. — Гаскелл встал из-за стола. — Не разделите ли вы со мной ленч? Мы могли бы обсудить с вами остальные детали за бутылкой вина.

— Ладно, — ответил Настойч. — Но учтите, пока я ничего не обещаю.

— Само собой, — согласился Гаскелл и пропустил его вперед.

После ленча Настойч погрузился в тяжкое раздумье. Его страшно влекла работа освоителя, несмотря на связанный с ней риск. В конце концов она не более опасна, чем самоубийство, а оплачивается гораздо лучше. Если он выйдет победителем, награда будет велика; в случае неудачи он заплатит не дороже, чем собирался платить здесь, на Земле.

На Земле за тридцать четыре года он не слишком преуспел. До сих пор, если у него и были проблески способностей, их заглушала непреодолимая тяга к болезням, несчастным случаям и грубым промахам.

Однако Земля перенаселена, здесь царит хаос и смятение. Быть может, подверженность несчастным случаям не врожденный порок, а результат невыносимых условий?

Освоение планет перенесет Настойча в новую среду. Он будет один, будет зависеть только от самого себя и отвечать только перед самим собой. Это дьявольски опасно... но что может быть опаснее сверкающего лезвия бритвы в собственной руке?

Это будет величайшее усилие в его жизни, конечное испытание. Он станет бороться с собственными роковыми наклонностями, как никогда. На этот раз он бросит в бой всю свою силу и решимость и будет сражаться до последнего вздоха.

Он принял предложенную работу. В последующие недели, предоставленные ему для подготовки, он питался и упивался своей решимостью, спал с нею, слушал ее стук в мозгу и чувствовал, как она вплетается в его нервы; бормотал ее себе под нос, как буддистскую молитву, видел во сне, чистил ею зубы и мыл руки, размышлял о ней, пока она не зажужжала монотонным припевом в его сознании во сне и наяву и не стала постепенно контролировать и сдерживать все его поступки.

И вот пришла пора Настойчу отправиться в годичную командировку на перспективную планету в Восточном звездном секторе. Гаскелл пожелал ему счастливого пути и обещал держать с ним связь по Г-фазному радио. Настойча вместе со снаряжением погрузили на сторожевой корабль «Королева Глазго», и путешествие началось.

В течение нескольких месяцев, пока длился космический перелет, Настойч как одержимый думал о принятом решении. Он тщательно следил за собой в условиях невесомости, отдавал себе отчет в каждом своем поступке и перепроверял все движущие им мотивы. Из-за такого непрерывного контроля Настойч стал делать все гораздо медленнее, но постепенно контроль вошел в привычку... Образовался комплекс новых рефлексов, который начал вытеснять прежнюю рефлекторную систему.

Однако путь к прогрессу был усеян трениями. Наперекор всем своим усилиям Настойч подцепил от дезинфицирующей установки какую-то экзему и разбил одну из десяти пар очков о переборку, его мучили бесчисленные головные боли, боли в спине, боли в исцарапанных пальцах рук и сбитых пальцах ног.

Тем не менее он чувствовал, что добился кое-какого успеха, и от этого сознания воля его соответственно крепла. И наконец на обзорном экране появилась планета.

Ее называли буквой греческого алфавита — Тэтой. Настойча со всем снаряжением высадили на травянистой и лесистой возвышенности вблизи горного хребта. Планету обзоредали с воздуха, и эту местность выбрали заранее из-за благоприятных условий. Вода, лес, плоды и полезные ископаемые — все находилось под боком. Такая местность могла бы стать отличной территорией для колонистов.

Астролетки пожелали ему удачи и оставили одного. Настойч провожал их взглядом, пока корабль не скрылся за грядой облаков. Тогда Настойч взялся за работу.

Первым делом он привел в действие робота. Эта большая черная поблескивающая машина универсального назначения — стандартное оборудование для освоителей и поселенцев. Она не умела разговаривать, петь, читать стихи наизусть или играть в карты, как более дорогие модели. Она могла только кивать или покачивать головой — скучный партнер для того, чтобы коротать с ним год. Однако робот был запрограммирован на подчинение устным командам значительной сложности, на выполнение тяжелой «черной» работы и должен проявлять находчивость в трудных положениях.

С помощью робота Настойч принялся разбивать в степи лагерь, не сводя глаз с горизонта в ожидании беды. Воздушная разведка не обнаружила признаков чужой культуры, но ведь этого никогда нельзя сказать наверняка. Живой мир Тэты остался загадкой.

Настойч работал медленно и старательно, а бок о бок с ним трудился робот. К вечеру был разбит временный лагерь. Настойч завел радарный механизм тревоги и улегся в постель.

Проснулся он перед самым рассветом от пронзительного сигнала. Он оделся и выскочил наружу. В воздухе слышалось сердитое гудение, словно налетела саранча.

— Достань два лучемета, — сказал он роботу, — и быстро возвращайся. Да прихвати с собой бинокль.

Кивнув, робот заковылял прочь. Настояч медленно повернулся и, дрожа от холода в сером рассвете, попытался определить направление звука. Он осмотрел сырую степь, зеленую опушку леса, скалы за лесом. Никакого движения. Но вот взошло солнце, и в его лучах Настояч увидел нечто похожее на темную, низко нависшую тучу. Туча быстро неслась к лагерю, хотя и двигалась против ветра.

Вернулся робот с лучеметами. Один из них взял сам Настояч, другой оставил роботу и приказал не стрелять без команды. Робот кивнул, и, когда он повернулся в сторону восходящего солнца, глаза его мрачно блеснули.

Туча подлетела совсем близко и оказалась несметной стаей птиц. Настояч внимательно рассмотрел их в бинокль. Величиной они были с земных ястребов, но неслаженным бредущим полетом напоминали летучих мышей. Настояч заметил мощные когти и длинные клювы, усеянные острыми зубами. Обладая столь смертоносным оружием нападения, птицы непременно должны быть хищными.

С громким клекотом стая описала круг над прищельцами. И вот со всех сторон на них напали птицы с выпущенными когтями и распростертыми крыльями.

Настойч приказал роботу открыть огонь.

Спина к спине вместе отбивали птичью атаку. Батальоны птиц, скошенные огнем, в вихре крови и перьев падали оземь. Настояч и робот не сдавались, сдерживали натиск воздушных пиратов и даже обращали их в бегство. Но тут отказал лучемет Настояча.

По идее, лучеметы продавались заряженными и с гарантией на семьдесят пять часов непрерывной работы в автоматическом режиме. Лучемет не должен отказывать! По инерции Настояч продолжал тупо шелкать курком. Потом отбросил оружие и поспешил к палатке со снаряжением, предоставив роботу вести бой в одиночку.

Он разыскал два запасных лучемета и, вернувшись в бой, увидел, что теперь вышло из строя оружие робота. Бедняга отбивался от стаи руками. Он молотил по птицам, сбившимся в сплошную массу, и с его суставов стекали капли смазочного масла. Робот покачнулся, едва не потеряв равновесие, и Настояч заметил, что некоторые птицы увернулись от ударов и, облепив плечи робота, нацелились клювами на глаза-фотоэлементы и кинестетическую антенну.

Подняв вверх оба лучемета, Настояч врезался в птичью стаю. Один лучемет отказал почти мгновенно. Настояч продолжал скашивать птиц последним оружием, моля судьбу о том, чтобы не кончился заряд.

Наконец стая, встревоженная понесенным уроном, с помо-

ном и криком улетела прочь. Чудом уцелевшие Настойч и робот остались стоять по колено в выщипанных перьях и обугленных тушках.

Настойч осмотрел четыре лучемета, из которых три оказались негодными, и в гневе направился к палатке связи.

Он вызвал Гаскелла и рассказал о нападении птиц и о том, как отказали три лучемета из четырех. Побагровев от ярости, он обличал тех, кто ведает снаряжением освоителей. Потом, переводя дыхание, стал ждать объяснений и извинений Гаскелла.

— Да, это один из контрольных элементов, — отозвался Гаскелл.

— Чего?

— Я вам объяснял давным-давно, — сказал Гаскелл. — Мы ведем испытание в расчете на минимальную жизнеспособность. *Минимальную*, помните. Нам надо знать, что случится с колонией, члены которой наделены полезными навыками неравномерно. Поэтому мы ищем наименьший общий знаменатель.

— Все это мне известно. Но вот лучеметы...

— Мистер Настойч, основать колонию, даже по принципу абсолютного минимума, стоит баснословно дорого. Мы предоставляем колонистам новейшее оружие и наилучшее снаряжение, но не можем заменять отказавшее или амортизированное оборудование. Колонистам приходится использовать незаменимые боеприпасы, механизмы, подверженные поломкам и износу, пищевые продукты, которые подходят к концу или портятся...

— И все это вы мне дали с собой?

— Конечно. В целях контроля мы снабдили вас минимумом всего, что необходимо для жизни. Только так и можно судить, пригодна ли Тэта для колонизации.

— Это нечестно! Освоителям всегда дают все самое лучшее!

— Нет, — возразил Гаскелл. — В старину, разумеется, было именно так. Но теперь, когда мы проверяем наименьший потенциал, это относится не только к человеку, но и к снаряжению. Я ведь предупреждал вас, что работа сопряжена с риском.

— Предупреждали, — согласился Настойч, — но... Ладно. У вас есть для меня в запасе еще какие-нибудь сюрпризы?

— В общем, нет, — ответил Гаскелл после секундной паузы. — Как и вы сами, ваше снаряжение характеризуется минимальной жизнеспособностью. Этим почти все сказано.

Настойч уловил в ответе некоторую уклончивость, но Гаскелл отказался дать более подробное разъяснение. Они прервали связь, и Настойч вернулся к своему лагерю, в котором царил полный хаос.

Они с роботом перенесли лагерь в лес, чтобы укрыться от дальнейших птичьих налетов. Налаживая хозяйство заново, Настойч заметил, что добрая половина канатов перетерлась, электрические приборы перегорают один за другим, а на брезенте палаток проступила плесень. Он старательно привел все в по-

рядок, ободрав при этом костяшки пальцев и стерев ладони в кровь. Потом вышел из строя генератор.

Три дня Настойч искал повреждение, руководствуясь инструкцией на немецком языке, приложенной к генератору. Похоже было, что в генераторе все не соответствует схеме и никакие меры не помогут. В конце концов Настойч случайно установил, что инструкция относится к совершенно другой модели. Тут он вышел из себя и лягнул генератор, чуть не сломав при этом мизинец на правой ноге.

Затем он взял себя в руки, еще четыре дня выяснял разницу между своим генератором и описанной моделью и, наконец, устранил неисправность.

Птицы обнаружили, что в лесу можно отвесно, камнем, падать между деревьев в лагерь Настойча, хватать еду и скрываться, прежде чем на них успеют навести лучмет. Их налеты стоили Настойчу пары очков и серьезного ранения шеи. Кропотливо трудясь, он сплел сети и при помощи робота натянул их среди ветвей над лагерьем.

Теперь птицы ничего не могли поделать. Наконец-то у Настойча нашлось время проверить пищевые припасы. Выяснилось, что часть обезвоженных продуктов плохо обработана на фабрике, а часть поросла отвратительными грибами местного происхождения. То и другое означало недоброкачество. Если сейчас же не принять мер, то на зиму пищи не хватит.

Настойч проделал серию опытов с местными фруктами, злаками, овощами и ягодами. Среди них было несколько съедобных и питательных разновидностей. Он попробовал их и тотчас же покрылся живописной аллергической сыпью. Порывшись в медикаментах, он нашел лекарство от аллергии. Выздоровев, Настойч опять занялся опытами, чтобы обнаружить виновника болезни, но во время проверки конечных результатов к нему ворвался робот, перевернул пробирки и пролил незаменимые химикалии.

Пришлось Настойчу продолжить опыты на самом себе, после чего один вид ягоды и два вида овощей он исключил из рациона как аллергены.

Однако фрукты были превосходны, а местные злаки давали отличный хлеб. Настойч собрал семена и поздней тэтанской весной поручил роботу пахать и сеять.

Робот без устали трудился на новых полях, а Настойч тем временем обследовал окрестности. Он нашел гладкие камни, на которых были нацарапаны знаки, похожие на цифры, и даже изображены деревья, туча и горы. «Должно быть, на Тэте когда-то жили разумные существа, — подумал Настойч. — Вполне возможно, что они и сейчас населяют какие-то зоны планеты». Однако разыскивать аборигенов было некогда.

Осмотрев свои поля, Настойч увидел, что робот посеял семена на большей глубине, чем требовалось по программе. С

этим урожаем пришлось распротиться, и следующий сев Настойч провел собственноручно.

Он срубил деревянную хижину и заменил гниющие палатки сараями. Постепенно готовился к наступающей земле. И так же постепенно стал подозревать, что робот изнашивается.

Большая черная универсальная машина справлялась с поручениями, как и прежде. Однако движения робота становились все более конвульсивными, он не мог рассчитать своих сил. Тяжелые сосуды раскалывались в его лапах, а сельскохозяйственные орудия ломались. Настойч запрограммировал его на прополку полей, но, пока пальцы робота рвали сорняки, его широкие плоские ноги вытаптывали ростки злаков. Принимаясь за колку дров, робот, как правило, ломал ручку топора. Когда робот входил, хижина сотрясалась, а дверь то и дело соскакивала с петель.

Настойча удивляла и беспокоила внезапная деградация робота. Починить его не было никакой возможности: робота охраняла заводская пломба, его могли ремонтировать только заводские техники, располагавшие специальными инструментами, запасными частями и знаниями. Настойчу же было доступно лишь одно — отказаться от услуг робота. Но тогда он остался бы в полном одиночестве.

Он программировал все более и более простые задачи, а на себя брал больше хлопот. И все же робот изнашивался. В один прекрасный вечер, когда Настойч обедал, робот склонился над плитой и опрокинул горшок с кипящим рисом.

Пустив в ход свои вновь открытые таланты жизнеспособности, Настойч отскочил в сторону, и кипящая масса попала ему не в лицо, а на левое плечо.

Это уж было слишком. Робот становился опасен. Перевязав ожог, Настойч решил выключить робота и в одиночку бороться за то, чтобы выжить. Твердым голосом от произнес команду — спать. Робот лишь посмотрел на него и беспокойно заметался по хижине, не повинаясь одной из основных команд.

Настойч повторил приказ. Робот покачал головой и стал сваливать поленья у печи.

Что-то разладилось. Придется отключить робота вручную. Однако на черной глянцевой поверхности машины не было и следов выключателя. Тем не менее Настойч взял сумку с инструментами и приблизился к роботу.

Как ни странно, робот попятился от него и вытянул перед собой руки, словно обороняясь.

— Не двигайся! — крикнул Настойч.

Робот продолжал пятиться, пока не уперся спиной в стену.

Настойч колебался, недоумевая, что же творится с роботом. Машина не могла ослушаться приказа. Во все роботехнические устройства неизменной закладывается готовность к самопожертвованию.

Настойч подошел к роботу, полный решимости отключить его любой ценой. Робот подпустил человека совсем близко и замахнулся бронированным кулаком. Настойч увернулся от удара и запустил гаечным ключом в кинестетическую антенну робота. Тот поспешно втянул антенну внутрь и снова замахнулся. На сей раз бронированный кулак угодил Настойчу под ребро.

Настойч рухнул на пол, а робот, возвышаясь над поверженным противником, засверкал красными глазами и зашевелил железными пальцами. Антон закрыл глаза, ожидая, что робот его добьет. Однако машина повернулась и вышла из хижины, разбив при этом замок.

Несколько минут спустя Настойч услышал, что робот как ни в чем не бывало рубит дрова и укладывает поленья в поленицу.

Воспользовавшись санитарным пакетом, Настойч перевязал раненый бок. Робот покончил с дровами и вернулся за дальнейшими инструкциями. Дрожащим голосом Настойч услал его к дальнему ручью за водой. Робот ушел, не выказав более никаких признаков агрессивности. Настойч потащился к рации.

— Не стоило и пытаться отключить его, — сказал Гаскелл, услышав о происшествии. — Конструкция не предусматривает отключения ручную. Разве вы не заметили? Ради собственной безопасности не вздумайте затеять вторую попытку.

— А в чем дело?

— Дело в том... вы, наверное, сами успели догадаться... Робот служит при вас нашим контролером качества.

— Не понимаю, — пробормотал Настойч. — А зачем вам контролер качества?

— Неужели я должен повторять все с самого начала? — устало спросил Гаскелл. — Вас взяли на службу в качестве освоителя с минимальной жизнеспособностью. Не со средней, не с повышенной. С *минимальной*.

— Да, но...

— Не перебивайте. Помните ли вы, как прожили тридцать четыре года на Земле? Вас постоянно преследовали болезни, несчастные случаи и неудачи. Именно такое положение мы и хотели воспроизвести на Тэте. Но вы изменились, мистер Настойч.

— Во всяком случае я *старался* измениться.

— Конечно, — согласился Гаскелл. — Мы этого ожидали. Большинство наших минимально жизнеспособных освоителей меняется. Сталкиваясь с новым окружением и заново начиная жизнь, они проявляют самообладание, какое им раньше и не снилось. Но это вовсе не то качество, на которое мы рассчитываем, и нам приходится как-то компенсировать такие перемены. Видите ли, далеко не всегда колонисты прибывают на планету с целью самоусовершенствования. В каждой колонии найдутся легкомысленные люди, не говоря уж о престарелых, немощных, слабоумных, бесшабашных, неразумных детях и так далее. На-

ши стандарты минимальной жизнеспособности гарантируют выживание каждого колониста. Теперь вам ясно?

— Вроде бы, — ответил Настойч.

— Потому-то нам и необходим контроль над вами, чтобы предупредить появление в вас средней или высокой жизнеспособности, на которую мы не рассчитываем.

— Для этого при мне робот? — уныло вставил Настойч.

— Верно. Робот запрограммирован на осуществление проверки, верховного контроля над уровнем вашей жизнеспособности. Он откликается на вас, Настойч. Пока вы остаетесь в заданном диапазоне общей беспомощности, робот всеми силами помогает вам. Когда же вы исправляетесь, становитесь более искушенным и жизнеспособным, реже страдаете от несчастных случаев, — поведение робота резко ухудшается. Он начинает ломать вещи, которые полагалось бы ломать вам, принимает неправильные решения, которые иначе приняли бы вы...

— Это нечестно!

— Настойч, вы, кажется, думаете, будто у нас здесь санаторий или благотворительное общество. В таком случае вы ошибаетесь. От вас нам нужны лишь услуги, которые мы купили и оплатили. Услуги, которые — да будет мне дозволено прибавить — вы предпочли самоубийству.

— Ладно! — прокричал Настойч. — Я ведь делаю свое дело. Но есть ли правило, запрещающее мне демонтировать проклятого робота?

— Во все нет, — более ровным тоном ответил Гаскелл, — если только это вам под силу. Однако я серьезнейшим образом не советую. Слишком опасно. Робот не даст вывести себя из строя.

— Это уж мне решать, а не ему, — буркнул Настойч и прервал связь.

На Тэте отцвела весна, и Настойч окончательно понял, что такое его помощник. Он приказал роботу обследовать дальние горы, но тот не пожелал расстаться с хозяином. Он попытался не давать роботу никаких поручений, но черному страшилищу не сиделось без дел. Не получая заданий, робот сам себе выдумывал работу, развивал бурную деятельность и опустошал поля и склады Настойча.

В целях самозащиты Настойч поручил роботу самое безобидное занятие, какое только мог придумать. Он приказал машине вырыть колодец, надеясь, что та погребет себя на дне. Однако из вечера в вечер робот поднимался на поверхность, перемазанный и торжествующий, и входил в хижину, щедро посыпая еду Настойча землей, распространяя аллергические заболевания, ломая тарелки и оконные стекла.

Настойч помрачнел, но терпел создавшееся положение. Теперь робот казался ему воплощением другой, темной стороны собственной души, воплощением незадачливого растяпы Нас-

тойча. Когда он видел разрушительные набеги робота, ему чудилось, будто он следит за уродливой частью самого себя, словно это живая патология, отлитая из металла.

Он старался стряхнуть с себя это ощущение. Однако робот все более явно воплощал разрушительные стороны природы Настойча, но только оторванные от явлений жизни, их порождающих, и доведенные до абсурда.

Настойч трудился, а за ним, крадучись, шел его невроз — разрушительная сила, обладающая самозащитой, как все неврозы. Неистребимая болезнь жила с Настойчем под одной крышей, следила за ним, пока он ел, и стояла рядом, пока он спал.

Настойч выполнял свои обязанности и справлялся с ними все лучше и лучше. Он, как мог, наслаждался днями, грустил при закате солнца и проводил кошмарные ночи, когда над его ложем стоял робот и, казалось, размышлял, не пора ли свести счеты. А наутро, просыпаясь живым и невредимым, Настойч прикидывал, как бы избавиться от своего спотыкающегося, неуклюжего, пагубного невроза.

Однако положение оставалось безвыходным да вдобавок осложнилось новым обстоятельством.

Несколько дней дождь лил как из ведра. Когда небо прояснилось, Настойч вышел на поле. Позади него гроыхал робот, который нес орудия труда.

Внезапно в сырой земле под ногами Настойча разверзлась трещина. Она расширилась, и весь участок, где стоял Настойч, обвалился. Настойч выпрыгнул на откос, и робот втащил его наверх, едва не вывихнув ему при этом руку.

Осмотрев обвалившийся участок земли, Настойч увидел, что под ним проходит туннель. Еще заметны были следы земляных работ. С одной стороны туннель завалило, но в другом направлении он уходил в глубь земли.

Настойч вернулся домой за лучемером и фонариком. Он спустился по склону, осветил туннель и увидел мохнатое существо, которое торопливо скрылось за поворотом. Оно походило на огромного крота.

Наконец-то Настойч встретил на Тэте иные формы жизни.

Последующие несколько дней он осторожно исследовал туннель и два-три раза мельком видел серые кротоподобные тени, которые тотчас исчезали в лабиринте подземных ходов.

Настойч изменил тактику. Он углубился в главный туннель всего на несколько сот метров и оставил там свой дар — плоды. Когда на другой день он вернулся к тому месту, плодов не было. Вместо них лежали две глыбы свинца.

Обмен дарами длился целую неделю. Как-то раз, когда Настойч нес плоды и ягоды, в туннеле показался огромный крот, который медленно и с явным беспокойством двигался навстречу человеку. Он знаком указал на фонарик, и Настойч прикрыл рукой свет, чтобы не причинять боль глазам крота.

Он выжидал. Крот медленно передвигался на двух ногах, морща нос и прижав сморщенные ручки к груди. Остановившись, он взглянул на Настойча выпученными глазами. Потом наклонился и нацарапал на земляном полу туннеля какой-то знак.

Настойч понятия не имел, что означает этот знак. Однако само действие предполагало наличие разума, умение говорить и способность абстрактно мыслить. Он нацарапал рядом со знаком крота другой знак, желая показать, что наделен такими же качествами.

Между двумя расами завязалось общение. За спиной у Настойча, сверкая глазами, стоял робот и наблюдал, как человек и тэтанец стремятся понять друг друга.

Установление контакта принесло Настойчу еще больше забот. Надо было обрабатывать поля и сады, ремонтировать оборудование и присматривать за роботом; в свободное время Настойч прилежно изучал язык кротов. А кроты так же прилежно помогали Настойчу.

Постепенно человек и кроты стали понимать друг друга, наслаждаться взаимным общением; они подружились. Настойч узнал о повседневной жизни кротов, об их отвращении к свету, о путешествиях по подземным пещерам, о тяге к знаниям и просвещению. В свою очередь он рассказал кротам все, что мог, о Человеке.

— А что это за металлический предмет? — поинтересовались кроты.

— Слуга Человека, — ответил Настойч.

— Но он стоит за твоей спиной и сердито сверкает глазами. Этот металлический предмет ненавидит тебя. Все ли металлические предметы ненавидят людей?

— Конечно, нет, — сказал Настойч. — Это особый случай.

— Он нас пугает. Все ли металлические предметы пугают?

— Некоторые, но не все.

— Когда этот металлический предмет не сводит с нас глаз, нам трудно думать и трудно понимать твои слова. Всегда ли так бывает с металлическими предметами?

— Иногда они некстати вмешиваются, — признал Настойч. — Но не бойтесь, робот вас не тронет.

Кротовый народец не разделял мнения Настойча. Наш герой рассыпался в извинениях за тяжелую, неуклюжую, невоспитанную машину, рассказал о том, как машины верно служат Человеку и как облегчают его жизнь. Однако кротовый народец остался при своем убеждении и упорно избегал страшного робота.

Тем не менее после длительных переговоров Настойч заключил с кротовым народцем пакт о сотрудничестве. За свежие плоды и ягоды, которые были кротам весьма по вкусу, но редко им доставались, они обязались добывать будущим колонистам

металлическую руду, а также искать для них источники воды и нефти. Более того, колонистам предоставлялась во владение вся поверхность Тэты, а хозяевами недр торжественно признавались тэтанцы.

Обеим сторонам такое распределение благ показалось справедливым, и Настойч вместе с вождем кротов скрепили каменный документ своими подписями, увенчав их настолько замысловатыми росчерками, насколько позволил резец.

В честь знаменательного события Настойч устроил пир. Вдвоем с роботом он принес кротам щедрый дар — самые изысканные плоды и ягоды. Пушистые, серые, ясноглазые кроты собрались толпой и стали нетерпеливо попискивать.

Робот поставил наземь корзины с плодами и отошел в сторонку, но поскользнулся на гладком камушке, замолотил руками, чтобы удержать равновесие, и с грохотом повалился на одного из кротов. Тут же робот поднялся на ноги и, протянув неловкие стальные руки, попытался поднять жертву, но было поздно. Он сломал несчастному позвоночник.

Остальных кротов как ветром сдуло — они исчезли и унесли с собой погибшего. А Настойч с роботом остались в туннеле вдвоем, окруженные огромными грудями плодов.

В ту ночь Настойч долго и упорно размышлял. Ему была понятна дьявольская логика событий. Контакты минимально жизнеспособных осwoителей с инопланетянами, как правило, связаны с известной неуверенностью, недоверием, непониманием и даже со смертными случаями. У него же отношения с кротовым народцем шли как по маслу — слишком гладко для минимальных способностей.

Робот попросту внес поправку в сложившуюся ситуацию и совершил те ошибки, каких можно было ждать от Настойча.

Однако, понимая логику событий, Настойч не принимал ее. Кротовый народец был его другом, а Настойч его предал. Между ними больше не бывать дружбе, и будущим колонистам нечего мечтать о сотрудничестве. Все это несбыточно, пока по туннелям, спотыкаясь, топает робот.

Настойч пришел к выводу, что робот должен быть уничтожен. Он решил пустить в ход свои новые, с таким трудом приобретенные качества и раз и навсегда отделаться от пагубного невроза, не отстающего от него ни на шаг. Если придется заплатить жизнью, — ну что ж, напомнил себе Настойч, меньше чем год назад я соглашался расстаться с ней по гораздо менее серьезным причинам.

Он восстановил контакт с кротами и поговорил с ними на эту тему. Кроты согласились помочь ему, ибо даже у этих смиренных существ было какое-то понятие о возмездии. Они подсказали несколько идей, удивительно похожих на человеческие, поскольку кроты тоже умели воевать. Они объяснили Настойчу, что надо сделать, и тот обещал попробовать.

Через неделю кроты подготовили все. Настойч нагрузил робота корзинами с плодами и повел его в туннели, словно пытаясь заключить новое соглашение.

Кротовый народец не показывался на глаза. Настойч и робот забрались далеко в подземные коридоры, освещающая себя фонариками путь во мгле. Глаза-фотоэлементы робота мерцали красным огнем, а сам он грозно высылся за спиной у Настойча.

Вошли в подземную пещеру. Раздался еле слышный свист, и Настойч метнулся в сторону.

Робот, почуяв опасность, хотел последовать за ним, но, заторможенный своей программой незадачливости, споткнулся, и плоды разлетелись по полу пещеры. Тут из мрака сверху спустились канаты, которые опутали голову и плечи робота.

Он старался разорвать прочное волокно, но его опутывали все новые и новые канаты, которые со свистом молниями падали с потолка. Сверкая фотоэлементами, робот пытался высвободить руки.

Из коридоров десятками сбегались кроты. Вокруг робота зазмеились новые канаты, а он все напрягался, чтобы разорвать узы, и из его суставов сочилося масло. Несколько минут в пещере слышался лишь свист летящих канатов, поскрипывание суставов робота да сухой треск рвущихся волокон.

Настойч вернулся в пещеру и присоединился к сражению. Нападающие связывали робота все надежнее и надежнее, пока наконец не парализовали его окончательно и он уже не мог найти точку опоры. А канаты все свистели в воздухе, и робот наконец опрокинулся — исполинский канатный кокон, у которого виднелись только ступни и голова.

Тогда кроты в восторге заверещали и попытались тупыми землеройными когтями выцарапать роботу глаза. Однако глаза прикрылись стальными веками. Кроты ограничились тем, что насыпали песка в суставы, а потом Настойч растолкал тэтанцев и попытался расплавить робота последним лучеметом.

Прежде чем металл раскалился, лучемет вышел из строя. Роботу связали ноги и поволокли по коридору, который заканчивался глубокой расселиной. Его сбросили в расселину, послушали, как он стучается о гранитные стены пропасти, а когда он упал на дно, кроты разразились торжествующими криками.

Кроты устроили праздник. Но Настойчу было не по себе. Он вернулся в хижину и двое суток отлеживался в кровати, твердя себе снова и снова, что ведь не человека он убил и даже не мыслящее существо, а всего-навсего уничтожил опасную машину.

Однако он не мог забыть молчаливого спутника, который сражался вместе с ним против птиц, сеял на его полях и колол ему дрова. Правда, робот был неуклюж и все ломал, но неуклюж на его, Настойча, лад — на такой лад, что уж кто-кто, а Настойч способен это понять и простить.

Некоторое время он чувствовал себя так, как если бы отмерла часть его души. Но вечерами его навещали кроты и утешали, да и надо было работать на полях и складах.

Наступила осень — пора уборки урожая. Настойч взялся за дело. Вскоре после исчезновения робота в нем опять пробудилась прежняя склонность к несчастным случаям. Настойч преодолел ее с новой верой в себя. К первому снегу работа по уборке урожая и консервированию продуктов была завершена. Близился к концу год пребывания Настойча на Тэте.

По радио он послал Гаскеллу подробный отчет об опасностях, достоинствах и потенциальных возможностях планеты, сообщил о соглашении с кротовым народцем и рекомендовал плану для заселения. Через две недели Гаскелл откликнулся.

— Хорошо потрудились, — сказал он Настойчу. — Правление считает, что Тэта, безусловно, соответствует требованиям минимальной жизнеспособности. Мы немедленно высылаем корабль с колонистами.

— Значит, испытание закончено? — спросил Настойч.

— Вот именно. Корабль прибудет месяца через три. Возможно, эту партию привезу я сам. Поздравляю, мистер Настойч. Вы станете отцом-основателем новехонькой колонии!

— Право, не знаю, как и благодарить вас, мистер Гаскелл, — начал было Настойч.

— Благодарить меня не за что, — прервал его Гаскелл. — Наоборот. Кстати, как вы справились с роботом?

— Уничтожил, — ответил Настойч и рассказал о гибели крота и позднейших событиях.

— Гм, — промычал Гаскелл.

— Вы сами говорили, что правила этого не воспрещают.

— Так оно и есть: робот входит в наше снаряжение, так же как лучеметы, палатки и продукты питания. Как и они, робот являлся одной из проблем вашего выживания. Вы вправе были распорядиться им как угодно.

— В чем же дело?

— Да просто хотелось бы думать, что вы его действительно уничтожили. Знаете ли, все эти модели, предназначенные для контроля качества, рассчитаны на долгосрочную службу. В них встроены узлы саморемонта, им сообщено острое чувство самосохранения. Укокошить такого робота дьявольски трудно.

— По-моему, мне это удалось, — заметил Настойч.

— Будем надеяться. Но если робот уцелел, ждите неприятных сюрпризов.

— Почему? Он будет мстить?

— Ну что вы! Робот лишен эмоций.

— Так в чем же дело?

— Вся беда вот в чем. Назначением робота было сводить на нет всякое улучшение вашей жизнеспособности. Вот он и делал различные пакости.

— Конечно. Значит, если он вернется, все начнется сызнова?

— Даже хуже. Вот уже несколько месяцев, как робот разлучен с вами. Если он еще функционирует, то в нем накопились неустраиваемые бедствия. Вся жажда разрушения, которую ему полагалось накопить за месяцы, должна найти выход, и лишь тогда робот может вернуться к нормальной работе. Вы меня поняли?

Настойч нервно откашлялся.

— И, само собой, он уж постарается разрядить их побыстрее, чтобы прийти в норму.

— Естественно. Так вот, корабль прибывает месяца через три. Быстрее невозможно. Советую вам убедиться, что робот обезврежен. Теперь нам нежелательно лишиться вас.

— Да, нежелательно, — согласился Настойч. — Я сейчас же займусь этим вопросом.

Он захватил все необходимое и поспешил в туннели. Кроты, которым он объяснил положение вещей, проводили его к расселине.

Оснащенный паяльной лампой, ножовкой, кувалдой и долотом. Настойч стал медленно спускаться по крутому склону расселины.

Он быстро отыскал на дне место падения робота. Там, между двумя валунами, торчала цельная металлическая рука, вырванная из плечевого сустава. Чуть подальше он нашел осколки разбитого глаза-фотоэлемента и наткнулся на пустой кончик из порванных разлохмаченных канатов.

Самого же робота нигде не было.

Настойч взобрался вверх по склону, предупредил кротов об опасности и занялся приготовлениями.

Двенадцать дней прошли мирно. На тринадцатый вечер перепуганный крот принес Настойчу весть. В туннелях снова появился робот; он шествует темными подземными ходами, сверкая единственным уцелевшим глазом, и безошибочно пробирается по лабиринту в главный коридор.

Подготовленные к его появлению, тэтанцы встретили его канатами, но робот уже извлек уроки из прошлого. Он увернулся от бесшумно падающих петель и напал на кротов. Шестерых он убил, а остальных обратил в бегство.

Выслушав новости, Настойч коротко кивнул, отпустил крота и возобновил работу. Линию обороны в туннелях он уже наладил. Теперь же он разложил перед собой на столе четыре неисправных лучемета, разобранных до винтика. Работая без справочников и пособий, он пытался из четырех комплектов деталей собрать одно действующее оружие.

Он работал до поздней ночи — тщательно проверял каждую деталь и укладывал на место в корпус. Крохотные детали расплывались перед глазами, пальцы одеревенели и разбу-

хли, точно сосиски. Крайне осторожно, пользуясь пинцетом и лупой, он приступил к сборке оружия.

Внезапно раздался трубный звук — ожил приемопередатчик.

— Антон, — спрашивал Гаскелл, — что слышно о роботе?

— Вот-вот явится, — ответил Настойч.

— Этого я и боялся. Послушайте, мне удалось дозвониться на завод-изготовитель. Мы крупно повздорили, но я добился разрешения вывести робота из строя и получил подробную инструкцию.

— Спасибо, — сказал Настойч. — Говорите скорее, как это делается.

— Необходимо следующее оборудование: источник электроэнергии, дающий ток двадцать пять ампер под напряжением двести вольт... Даст ваш генератор такой ток?

— Даст. Продолжайте.

— ...Медный стержень, серебряная проволока и шуп, сделанный из непроводящего материала, например из дерева. Все это монтируется в следующем...

— Мне ни за что не успеть, — заметил Настойч, — но говорите.

В радию что-то громко зажужжало.

— Гаскелл! — вскричал Настойч.

Радиа умолкла. Из хижины с радиоаппаратурой донесся шум — там что-то рухнуло. Затем на пороге появился робот.

У него не было левой руки и правого глаза, но узел саморемонта залечил пораненные места. Теперь робот был тускло-черный, а на груди и боках у него проступили полосы ржавчины.

Настойч перевел глаза на почти собранный лучемет и стал прилаживать последние детали. Робот направился к человеку.

— Ступай наруби дров, — распорядился Настойч самым естественным тоном, на какой только был способен.

Робот остановился, повернулся, взял топор и после некоторого колебания вышел из комнаты.

Настойч окончил сборку и стал завинчивать крышку.

Робот отбросил топор и снова повернулся, раздраемый противоречивыми командами. Настойч рассчитывал, что в результате конфликта в какой-нибудь схеме расплавится предохранитель. Однако робот принял решение и устремился к Настойчу.

Настойч навел на врага лучемет и спустил курок. Сгусток энергии остановил робота на полпути. Металлическая кожа мгновенно раскалилась докрасна.

Тут лучемет опять вышел из строя.

Настойч выругался, замахнулся тяжелым оружием и швырнул им в единственный глаз робота, но промахнулся. Лучемет отскочил от металлического лба.

Оглушенный робот искал человека на ощупь. Настойч увернулся от его руки и, выбежав из хижины, устремился к черному устью туннеля. Войдя туда, он бросил взгляд назад и увидел, что робот продолжает погоню.

Настойч прошел по туннелю несколько сот метров, включил фонарик и стал поджидать робота.

Как только Настойч убедился, что робот не уничтожен, он тщательно обдумал план действий.

Первой его мыслью, естественно, было скрыться. Но робот, способный двигаться не отдыхая, догонит его без труда. Бесцельно петлять по лабиринту туннелей тоже не годится. Пришлось бы делать привалы, чтобы поесть, напиться и отоспать. А роботу привалы не нужны.

Поэтому Настойч устроил в туннелях множество ловушек и на них-то возлагал все надежды. Хотя одна да работает. В этом он не сомневался.

Но даже твердя себе слова утешения, Настойч содрогался при мысли о множестве несчастий, которые накопил для него робот: о месяцами не заживающих переломах рук, трещинах ребер, вывихнутых лодыжках, о рубленых ранах, порезах, укусах, инфекционных и хронических болезнях. Все это робот взвалит на него в один прием, чтобы поскорее возобновить текущую деятельность.

Нет, Настойчу никак не пережить этой полосы несчастий. Ловушки *обязательно* должны сработать!

Вскоре послышались громовые шаги робота, а затем появился и он сам. Увидев Настойча, он заспешил к нему.

Настойч побежал по туннелю со скоростью спринтера, потом свернул с более узкий проход. Робот постепенно сокращал разделяющую их дистанцию.

Добежав до характерного обнажения пород, Настойч оглянулся, чтобы прикинуть дистанцию, и дернул веревку, запрятанную в скалах.

Кровля туннеля обвалилась, засыпав проход тоннами земли и камней. Сделай робот еще шаг вперед — и он оказался бы погребенным.

Однако, мгновенно оценив ситуацию, он вихрем отпрянул назад. Его запорошило землей, мелкие камешки забарабанили по спине и плечам. Но основная масса породы миновала его.

Когда упала последняя песчинка робот перелез через новоявленный холм и продолжил погоню.

Настойч выбивался из сил. Неудача с ловушкой обескуражила его. Однако, напомнил он себе, впереди есть кое-что почище. Вторая ловушка наверняка прикончит несносную машину.

Они бежали по извилистому туннелю, где путь освещался лишь редкими вспышками фонарика Настойча. Робот снова догонял человека. Настойч выбежал на прямой участок и ускорил бег.

Он пересек клочок земли, который ничем не отличался от всякого другого. Но, как только туда, гроыхая, ступил робот, земля расступилась. Настойч все тщательно рассчитал. Ловушка, выдерживающая его вес, тотчас рухнула под тяжестью робота.

Робот замахал рукой, ища, за что бы ухватиться. Между пальцами у него заструилась земля, и он соскользнул в капкан, который смастерил Настойч, — конусообразную яму, стенки которой сходились книзу наподобие гигантской воронки, где робот должен был заклинить на веки вечные.

Однако робот широко растопырил ноги, раздвинув их почти под прямыми углами к туловищу. Суставы его затрещали — с таким усилием вонзил он пятки в пологие стенки ямы; под его тяжестью со стенок посыпалась земля, но они выдержали. Роботу удалось притормозить, не долетев до дна.

Рукой робот выдолбил в земле глубокие упоры. Он вытащил одну ногу, нащупал упор, поставил ее туда; потом вытащил другую ногу. Медленно, но верно робот выбирался из плена, и Настойч снова пустился бегом.

Теперь он дышал тяжело и прерывисто, а в боку у него колело. Робот бежал быстрее, чем раньше, и Настойчу стоило немалых усилий оставаться впереди.

Как он рассчитывал на эти две ловушки! Теперь осталась только одна. Очень хорошая, но связана с риском.

Головокружение все усиливалось, но Настойч заставил себя сосредоточиться. Когда остается последняя ловушка, надо учитывать каждую мелочь. Он миновал камень с белой пометкой и выключил фонарик. Тут он сбавил скорость и, отсчитывая шаги, дождался, пока робот не очутился прямо у него за спиной и едва не сгреб его пятерней за шиворот.

Восемнадцать... девятнадцать... двадцать!

На двадцатом шаге Настойч нырнул головой во мрак. Несколько секунд он, казалось, парил в воздухе. Потом упал в воду, нырнул на небольшую глубину, выплыл на поверхность и стал выжидать.

Робот зашел слишком далеко, чтобы остановиться. С оглушительными всплеском он угодил в подземное озеро, яростно захлопал руками и ногами, поднимая тучи брызг, и наконец с бульканьем скрылся под водою.

Услыхав это бульканье, Настойч поплыл к другому берегу, благополучно добрался до него и вылез из ледяной воды. Несколько минут он дрожал на скалах, облепленных илом. Потом заставил себя ползти на четвереньках по берегу, к тайнику, где он припас дрова, спички, виски, одеяла и сухую одежду.

Еще несколько часов Настойч сушился, переодевался и разводил костер. Он поел, напился и стал разглядывать неподвижную гладь подземного озера. Задолго до сегодняшних приключений он измерил его глубину с помощью тридцатиметро-

вого лота и не достиг дна. Быть может, это озеро бездонное? А скорее всего из него берет начало подземная река с быстрым течением, которое унесет робота далеко, на долгие недели, даже месяцы. Или...

Он услышал тихий плеск и направил в ту сторону луч фонарика. Из воды высунулась голова робота, за нею показались плечи и торс.

Очевидно, озеро не было бездонным. Должно быть, робот пересек его по дну и вскарабкался на крутой берег.

Робот стал взбираться вверх по илистым скалам. Настояч устало поднялся на ноги и бросился бежать.

Последняя ловушка тоже оказалась бесполезной, и робот теперь надвигался на него, чтобы умертвить. Настояч мчался к выходу из туннеля. Ему хотелось погибнуть при свете солнца.

Передвигаясь рысдой, Настояч вывел робота из туннеля на крутой склон горы. Дыхание жгло ему глотку, мускулы живота напряглись до боли. Он бежал, прикрывая глаза, голова кружилась от изнеможения.

Ловушки не помогли. Как это он раньше не понял, что они наверняка не помогут? Робот — часть его самого, его невроз, который хочет его доконать. Может ли человек перемудрить самую мудреную часть самого себя? Правая рука всегда узнает, что творит левая, и даже самые хитроумные уловки лишь ненадолго обманывают искуснейшего из обманщиков.

«Не с того конца я взялся за дело, — думал Настояч, когда лез вверх по склону. — Обман к свободе не приведет. Надо...»

Робот чуть не ухватил его за ногу, грубо напоминая о разнице между теоретическими и практическими познаниями. Настояч рванулся вперед и принялся бомбардировать его камнями. Отмахнувшись от них, как от мух, робот полез дальше по склону.

Настойч срезал угол по почти отвесной скале. Свободы обманом не добьешься, твердил он себе. Обман непременно поведет. Выход — в перемене! Выход — в покорении, но не робота, а того, что олицетворяет робот.

Самого себя!

Он был в полубреду, мысли текли бесконтрольно. Он убеждал себя: если побороть ощущение сходства с роботом, то робот явно перестанет быть его, Настояча, неврозом! Он превратится в обыкновенный невроз и потеряет власть над Настоячем.

Нужен суший пустяк: исцелиться от невроза (пусть хоть на десять минут) — и робот не причинит ему вреда!

Отхлынула усталость, и Настояча переполнила необычная, опьяняющая самоуверенность. Он дерзко пробежал по хаотическому нагромождению камней — подходящему местечку для того, чтобы вывихнуть лодыжку или сломать ногу. Годом, даже месяцем раньше с ним бы здесь непременно что-нибудь произошло. Однако переродившийся Настояч, уподобясь полубогу, легко перемахнул через огромные камни.

Робот, однорукий и одноглазый, упрямо принял несчастье на себя. Он зацепился за что-то и во весь рост растянулся на острых камнях. Когда робот, поднявшись, снова пустился в погоню за Настойчем, он заметно хромал.

Окрыленный успехом, но предельно настороженный, Настойч уперся в гранитную стену и прыгнул на выступ — едва заметную серую тень. На какую-то страшную долю секунды он повис в воздухе, но тут, когда пальцы его чуть не соскользнули со стены, он нащупал ногой опору. Не колеблясь, он подтянулся на руках и прыгнул по другую сторону стены.

За ним, скрипя суставами, последовал робот. Он повредил себе палец — раньше нечто подобное случилось бы с Настойчем.

Настойч перескакивал с валуна на валун. Робот, то и дело скользя и оступаясь, приближался. Настойчу все было безразлично. Ему пришло в голову, что свойственная ему склонность к несчастным случаям подготовила его к этому решающему мигу. Теперь наступил отлив. Наконец-то Настойч стал тем, к чему его предназначала природа, — он приобрел иммунитет к несчастным случаям!

Робот пополз за ним по сверкающей поверхности белого камня. Опьяненный крайней уверенностью в своих силах, Настойч столкнулся вниз несколько валунов и закричал во все горло, чтобы вызвать обвал.

Камни зашевелились, а над собой он услышал глухой рокот. Настойч укрылся за валуном, избежав простертой руки робота, и обнаружил, что дальше отступать некуда.

Он оказался в низенькой и неглубокой пещерке. Перед ним, загородив вход, вырос робот и отвел назад свой железный кулак.

При виде бедного, неуклюжего робота, подверженного несчастным случаям, Настойч разразился хохотом. Но тут робот выбросил вперед кулак, вложив в удар всю свою силу.

Настойч увернулся, но в этом не было нужды. Неуклюжий робот и так промазал по меньшей мере на сантиметр. Как раз такой ошибки и следовало ждать от нелепого создания, раба нелепых несчастных случаев.

Сила отдачи отбросила робота, он пошатнулся. Отчаянно стараясь удержать равновесие, он балансировал на краю скалы. Всякому нормальному человеку или роботу это удалось бы. Но не рабу несчастных случаев. Он упал ничком, разбив при падении единственный глаз, и покатился по склону.

Настойч выглянул было из пещеры, чтобы подтолкнуть падающего, но тотчас поспешно забился в самый дальний угол. Вместо него дело сделал обвал — он покатило быстро уменьшающееся черное пятно по пыльно-белому склону горы и забросал тоннами камней.

Настойч, усмехаясь, наблюдал за происходящим. Потом стал спрашивать себя, что он, собственно говоря, здесь делает. Тут-то его и начала бить дрожь.

Спустя несколько месяцев Настойч стоял у сходней колониетского судна «Кучулэйн» и смотрел, как на зимнюю, залитую солнцем Тэту высаживаются колонисты. Среди них были люди самые различные.

Все они отправились на Тэту, чтобы начать новую жизнь. Каждый был кому-то дорог, по крайней мере самому себе, и каждый заслуживал какого-то шанса на жизнь независимо от степени своей жизнеспособности.

Не кто иной, как он, Антон Настойч, разведал для этих людей минимальные возможности существования на Тэте и в какой-то степени вселил надежду в самых неспособных — в неумеек, которым тоже хочется жить.

Он отвернулся от потока первых поселенцев и по служебной лестнице поднялся на судно. В конце коридора он вошел в каюту Гаскелла.

— Ну, что, Антон, — спросил Гаскелл, — как они вам показались?

— По-моему, хорошие ребята, — ответил Настойч.

— Вы правы. Эти люди считают вас отцом-основателем, Антон. Вы им нужны. Останетесь?

Настойч сказал:

— Я считаю Тэту своим домом.

— Значит, решено. Я только...

— Погодите, — прервал его Настойч. — Я еще не кончил. Я считаю Тэту своим домом. Я хочу здесь осесть, жениться, завести детишек. Но не сразу.

— Что такое?

— Мне здорово пришлось по душе освоение планет, — пояснил Настойч. — Хотелось бы еще поосваивать. Одну-две планетки. Потом я вернусь на Тэту.

— Этого я и ожидал, — с несчастным видом пробормотал Гаскелл.

— А что тут такого?

— Ничего. Но боюсь, что нам уже не удастся привлечь вас в качестве освоителя, Антон.

— Почему?

— Вы ведь знаете наши требования. Застолбить планету под будущую колонию должен минимально жизнеспособный человек. Как ни напрягай фантазию, вас уже не назовешь минимально жизнеспособным.

— Но ведь я такой же, как всегда! — возразил Настойч. — Да, на этой планете я исправился. Но вы же этого ожидали и навязали мне работа, который все компенсировал. А кончилось тем...

— Да, чем же кончилось?

— Что ж, кончилось тем, что я как-то увлекся. Наверное, пьян был. Не представляю, как я мог такое натворить.

— Но ведь натворил же!

— Да. Но постойте! Пусть так, но ведь я еле в живых остался

после опыта — всего этого опыта на Тэте. Еле-еле! Разве это не доказывает, что я по-прежнему минимально жизнеспособен?

Гаскелл поджал губы и задумался.

— Антон, вы почти убедили меня. Но боюсь, что вы просто играете словами. Честно говоря, я больше не могу считать вас человекоминимумом. Боюсь, придется вам смириться со своим жребием на Тэте.

Настойч сник. Он устало кивнул, пожал Гаскеллу руку и повернулся к двери.

Поворачиваясь, он задел рукавом чернильный прибор и смахнул его со стола.

Настойч кинулся его поднимать и грохнулся головой о стол. Весь забрызганный чернилами, он помедлил, зацепился за стул, упал.

— Антон, — нахмурился Гаскелл, — что за представление?

— Да нет же, — сказал Антон, — это не представление, черт возьми!

— Гм. Любопытно. Ну, вот что, Антон, не хочу вас слишком обнадеживать, но, возможно, — учтите, не наверняка, только возможно...

Гаскелл пристально поглядел на раздумавшееся лицо Настойча и разразился смехом.

— Ну и пройдоха же вы, Антон! Чуть не одурачили меня! А теперь, будьте добры, проваливайте отсюда и ступайте к колонистам. Они воздвигают статую в вашу честь и, наверное, хотят, чтобы вы присутствовали на открытии.

Пристыженный, но невольно ухмыляющийся Антон Настойч ушел навстречу своей новой судьбе.

ЕСЛИ КРАСНЫЙ УБИЙЦА...

Я даже не берусь описать эту боль. Проще говоря, она была нестерпимой даже с анестезией, и я перенес ее только потому, что у меня не было никакого другого выбора. Когда она стихла, я открыл глаза и посмотрел на скрытые марлевыми повязками лица троих склонившихся надо мной браминов, одетых в обычные белые халаты. Брамины утверждают, что носят эти маски, чтобы не передавать нам микробы. Однако каждый солдат знает — они надевают их для того, чтобы мы не могли их потом опознать.

У меня еще гудело в ушах от обезболивающих, а в мозгу сохранились лишь обрывки смутных воспоминаний.

— Сколько времени я был мертв? — спросил я.

— Примерно десять часов, — ответил один из браминов.

— Как я умер?

— А ты до сих пор не помнишь? — поинтересовался самый высокий брамин.

— Нет пока.

— Ты со своим взводом, — опять сказал самый высокий брамин, — находился в траншее 2645Б-4. На рассвете вся ваша команда перешла во фронтальное наступление с целью захвата следующей траншеи. Под номером 2645Б-5.

— И что произошло? — продолжал спрашивать я.

— В тебя попало несколько пулеметных пуль. Нового образца, с вращающимися головками. Теперь вспомнил? Ты получил одну пулю в грудь и три — в ноги. Когда санитары подобрали тебя, ты был уже мертв.

— А мы взяли траншею? — поинтересовался я.

— Нет.

— Понятно. — Память быстро возвращалась ко мне по мере ослабления последствий анестезии. Я вспомнил парней из своего взвода. Вспомнил нашу траншею. Старушка 2645Б-4 больше года служила мне домом. Лучшей траншеи — еще поискать! Противник хотел ее захватить, и предпринятое нами на заре наступление в действительности являлось контратакой. Я вспомнил, как пулеметные пули рвали меня на куски, и какое я испытывал при этом чудесное облегчение. И тут я вспомнил самое главное...

Я приподнялся и сел.

— Эй, минуточку! — обратился я к ним. — Я думал, восемь часов — верхний предел для оживления.

— С тех пор наша техника заметно улучшилась, — сообщил мне один из браминов. — Мы непрерывно совершенствуем ее, и теперь верхний предел ограничен двенадцатью часами, если нет, конечно, серьезных повреждений мозга.

— Бог с вами, — сказал я, ибо память полностью вернулась ко мне, и я наконец понял, что произошло. — Однако вы здорово ошиблись, оживив **меня**.

— Какие претензии, солдат? — спросил один из браминов таким тоном, на какой способны лишь офицеры.

— Прочтите мои личные знаки, — потребовал я.

Он прочел. Лоб брамина, который я только и мог видеть на его лице, наморщился.

— Это **весьма** необычно! — воскликнул брамин начальственным тоном.

— Необычно, — согласился я.

— Видишь ли, — пояснил он мне, — ты лежал в траншее, доверху набитой мертвецами. Нам сказали, что все они **перворазники**, и приказали оживить всех.

— И вы не удосужились прочесть ни одного личного знака?

— Сказалось переутомление, да и времени было в обрез. Я очень сожалею, Рядовой. Если б я знал...

— К черту, — заявил я. — Я хочу видеть Генерального Инспектора.

— Ты действительно считаешь?..

— Да, — отрезал я. — Я хоть и не траншейный юрист, но знаю, что моя претензия серьезна, и я имею право на встречу с Г.И.

Брамины шепотом засовещались, а я принялся оглядывать себя. Брамины хорошо поработали надо мной. Не так хорошо, конечно, как они старались в первые годы войны. Нарращивание кожи теперь было проделано менее аккуратно, и я чувствовал небольшое потягивание изнутри, вдобавок моя левая рука оказалась на два дюйма длиннее правой из-за неважно проведенного соединения. И все же это была совсем неплохая работа.

Брамины закончили совещаться и выдали мне одежду. Я оделся.

— Теперь насчет Генерального Инспектора, — начал один из них. — Тут есть маленькая проблема. Видишь ли...

Короче, Г.И. я не увидел. Они отвели меня на прием к крупному и полному Старшему Сержанту дружелюбного вида, принадлежащему к тому типу людей, кто выслушает тебя и сделает все как надо. За исключением того, что у меня к нему не было никакого дела.

— Ну-ну, Рядовой, — сказал дружелюбный пожилой сержант. — Я верно слышал, что ты затеял бузу по поводу своего оживления?

— Вы слышали верно, — подтвердил я. — Согласно Военному Кодексу даже рядовой солдат имеет определенные права. По крайней мере, мне так говорили.

— Конечно, имеет, — согласился пожилой дружелюбный сержант.

— Я выполнил свой долг, — продолжал я. — Семнадцать лет в армии, из них восемь — в бою. Был трижды убит и трижды оживлен. Закон гласит, что после третьего оживления я имею право подать официальное требование об окончательной смерти. Я так и сделал, и это отмечено на моем личном знаке. **Но меня не оставили мертвым.** Проклятые медики снова оживили меня, уже в четвертый раз, и это несправедливо. Я хочу оставаться мертвым.

— Намного лучше оставаться живым, — не согласился сержант. — У живого всегда сохраняется шанс на смену и возврат к небоевой службе. Конечно, смена происходит не очень скоро из-за нехватки личного состава, но шанс все же остается.

— Знаю, — сказал я. — Но, думаю, умерев, я и так этого добьюсь.

— Полагаю, я смогу тебе пообещать, что месяцев через шесть или около того...

— Я хочу оставаться мертвым, — твердо заявил я. — После трех оживлений, согласно Военному Кодексу, это моя привилегия.

— Конечно-конечно, — согласился пожилой дружелюбный сержант, улыбаясь мне как солдат солдату. — Но в военное время случаются и ошибки. Особенно в **такой** войне.

Он откинулся на спинку кресла и сцепил за головой руки.

— Я помню, как все началось. Кто-то нажал кнопку, это точно. Но и у тех, и у других, я имею в виду нас и красных, арсеналы ломились от противоракет, что быстро завело в тупик методы применения ядерного материала, а изобретение атомного глушителя окончательно поставило крест на подобной стратегии. И война воистину стала делом пехоты.

— Знаю, знаю.

— Однако наш противник имел численное превосходство в живой силе. И имеет его до сих пор, — продолжал дружелюбный сержант. — Десятки, сотни миллионов русских и китайцев! Нам нужно было или иметь больше бойцов, или, по крайней мере, сохранять свой личный состав. Поэтому медики принялись оживать мертвых.

— Да знаю я все это. Послушайте, Сержант, я хочу, чтобы мы победили. Очень хочу. Я честно выполнял свой долг и был хорошим бойцом, но меня уже убивали три раза и...

— Вся беда в том, — не дал мне договорить сержант, — что русские тоже оживают погибших. Исход борьбы за личный состав на передовой решается **прямо сейчас**. В ближайшие несколько месяцев так или иначе проведут поштучный подсчет. Так почему бы сейчас нам просто не позабыть о случившемся? А когда тебя убьют в следующий раз, обещаю, что тебя оставят в покое. Так давай на сей раз посмотрим на это сквозь пальцы.

— Я хочу видеть Генерального Инспектора, — сказал я.

— Ладно, Рядовой, — закончил разговор дружелюбный сержант не очень дружелюбным тоном. — Отправляйся в комнату 303.

Я нашел комнату 303 и стал ждать. Я даже испытывал чувство некоторой вины за то, что затеял эту суету. Все-таки шла война. Но я был еще и зол. У солдата есть тоже свои права, даже на войне. Чертовы брамины...

Забавно, как к ним пристала эта кличка. На деле они обычные медики, а вовсе не какие-то там индусы и брамины. И заработали они свое прозвище из-за статьи, появившейся в газете несколько лет тому назад, когда оживание было еще в новинку. В статье рассказывалось, как теперь медики могут оживать мертвецов и делать их боеспособными. В ту пору материал проходил по разделу «горячего». Автор процитировал строфу из Эмерсона:

Если красный убийца
Считает, что он убил,
Или убитый считает,

Что он совсем уже мертв,
И тот и другой не знают
О разных мудрых вещах.
Я ж остаюсь, как есть,
Уходя, возвращаясь вновь.

Вот так и здесь. Ты оставался в полном неведении, убил ли ты противника и он остался мертвым, или же, вернувшись в окопы, сам на следующий день застрелил тебя. Да и тебе неизвестно — останешься мертвым, если тебя убьют, или нет.

Поэма называлась «Брама», вот наших медиков и окрестили браминами.

По первому разу вернуться к жизни не так уж и плохо. Даже испытал дикую боль, было приятно снова ощутить себя живым. Но в конце концов наступает момент, когда тебе надоедает быть убитым и оживленным, и опять — убитым и оживленным. И тебя начинают посещать мысли о том, а сколько же жизней ты обязан отдать за свою страну, и, может, это совсем не так уж и неприятно — умереть окончательно? Ты начинаешь предвкушать удовольствие долгого беззаботного сна.

И власти это понимали. Слишком частое оживление отрицательно сказывается на боевом духе. Поэтому они установили ограничение в три оживления. После третьего ты волен выбирать отставку и возврат к небоевой службе, либо — постоянную смерть. Власти, естественно, предпочитали, чтобы ты выбрал смерть, ибо человек, которого три раза убивали, оказывает дурное влияние на моральный дух гражданского населения. И большинство боевых солдат предпочитали остаться мертвыми, исчерпав лимит трех оживлений.

Меня обманули. Меня оживили в четвертый раз. Я, конечно, патриот, и не хуже других, но этого я им просто так не оставлю.

Наконец мне позволили встретиться с адъютантом Генерального Инспектора, седым худощавым полковником, не принадлежащим к типу сумасбродов. Его уже ознакомили с моим делом, и он не стал терять времени попусту. Наша беседа была короткой.

— Рядовой, — сказал он. — Я сожалею о случившемся, но уже издан новый приказ. Красные увеличили число оживлений, и мы не должны от них отставать. Изданный ныне приказ определяет шесть оживлений до отставки.

— Но ведь этот приказ не действовал в то время как меня убили.

— Он имеет обратную силу, — заявил адъютант. — И у тебя еще две смерти впереди. Прощай, и удачи тебе, Рядовой.

На этом беседа закончилась. Мне следовало понимать, что на прием к высшему чину меня просто не допустят. Высшие чины не имеют ни малейшего представления о положении дел. Их редко

убивают больше раза, и они не в состоянии понять, как чувствует себя человек после четырех оживлений. Итак, я отправился в свою траншею.

Я неспеша шел мимо рядов отравленной колючей проволоки, глубоко погруженный в размышления. Я прошел мимо чего-то накрытого брезентом защитного цвета с выведенной по трафарету надписью **Секретное Оружие**. Наш сектор забит секретным оружием. Примерно раз в неделю выпускается что-нибудь новое, и не исключено, какое-нибудь из них и поможет выиграть войну.

Но сейчас меня это не волновало. Я размышлял над следующими строчками из Эмерсона:

Вдали меня иль забытое — рядом;
И свет и тень — едино все.
Исчезнувшие боги вновь явились;
Один из них постыден и прославлен для меня.

Старина Эмерсон выразился довольно верно, потому что именно так и обстоит дело после четвертой смерти. Ничто ни от чего не отличается — все одинаково. Не поймите меня превратно: я — не циник, я просто имею в виду, что точка зрения человека весьма сужается после того, как он умирал четыре раза.

Наконец я добрался до старушки траншеи 2645Б-4 и встретил всех своих парней. И выяснил, что на рассвете мы снова идем в атаку.

Я до сих пор еще размышлял.

Я не трус, но считаю, что четырех смертей вполне достаточно. И я решил: в этой атаке я наверняка останусь мертвым, и на сей раз ошибки не будет.

Мы вышли, когда только забрезжил рассвет, миновали колючую проволоку, качающиеся мины, ничейную и безлюдную территорию между нашей траншеей и 2645Б-5. Эта атака должна была поддерживаться всеми силами батальона, а в наш боекомплект входили пули нового образца. Какое-то время мы продвигались довольно быстро, а затем обнаружили вышедшего навстречу противника.

Однако мы продолжали наступать. Вокруг меня свистели пули, но меня даже не поцарапало. Я уже начал думать, что на этот раз мы возьмем вражескую траншею, и смерть не зацепит меня.

И тут она меня зацепила. И зацепила здорово — мне в грудь влетела разрывная пуля. Настоящее смертельное ранение. Обычно после такого ты остаешься лежать на земле и умираешь. Но не я. Я хотел остаться мертвым наверняка. И поэтому, собрав все силы, поднялся и устремился вперед, используя винтовку в качестве костыля. Я преодолел еще пятнадцать метров под таким дьявольским перекрестным огнем, что даже трудно себе представить.

Но тут смерть еще раз зацепила меня. И основательно. На сей раз ошибки быть не могло.

Я почувствовал, как разрывная пуля влетает мне прямо в лоб. После легчайшего, длившегося долю секунды трения пули о черепную кость я успел почувствовать, как мои мозги превращаются в сплошное месиво, и понял, что на сей раз спасен. Брамины не способны справиться с серьезными черепно-мозговыми ранениями, а мое как раз относилось к разряду именно таких.

После чего я умер.

Очнувшись, я увидел белые халаты и марлевые повязки браминов.

— Как долго я был мертв?

— Два часа.

И тут я вспомнил.

— Но ведь я получил пулю прямо в лоб!

Марлевые повязки сморщились, и я понял, что их обладатели улыбнулись.

— Секретное оружие, — пояснил мне один из них. — Тщательно разрабатываемое в течение трех последних лет. Наконец-то нам совместно с инженерами удалось завершить разделитель тканей. Огромной важности изобретение!

— Да?

— Наконец-то медицина способна излечивать серьезные черепно-мозговые повреждения или иной любой вид ранений, — сообщил мне брамин. — Теперь мы можем оживить всякого, достаточно собрать лишь семьдесят процентов его останков и поместить их в разделитель тканей. Данное изобретение существенно снизит наши потери и, возможно, изменит ход всей войны.

— Здорово, — сказал я.

— Кстати, — сообщил мне брамин, — ты награжден медалью за геройское наступление под огнем после получения смертельной раны.

— Здорово, — повторил я. — А мы взяли 2645Б-5?

— На этот раз да. Теперь мы накапливаем силы для штурма траншеи 2645Б-6.

Я кивнул. Вскоре я получил свое обмундирование и был отправлен назад на фронт. Стояла тишина, и должен признать, что ощущать себя живым было довольно приятно. Однако я до сих пор считаю, что должен получить то, что хочу.

И теперь мне осталась всего одна смерть — до шестой.

Если опять не изменят приказ.

ЛАВКА МИРОВ

Добравшись до конца длинной, доходившей до плеч гряды серого щебня, Уйэн очутился перед Лавкой миров. Он сразу узнал ее по описаниям друзей. Это была маленькая лачуга, сооруженная из поломанных досок, листа оцинкованного железа, остатков автомобильного кузова и потрескавшихся кирпичей. Снаружи все это было неровно вымазано бледно-голубой краской.

Уйэн оглянулся на длинную каменистую тропку, чтоб убедиться, что за ним никто не следит. При мысли о собственной дерзости его бросило в жар. Он крепко зажал в руках сверток, открыл дверь и быстро прошел внутрь.

— Доброе утро, — сказал хозяин.

Он тоже был именно таким, какими его описывали: высокий старик с хитро прищуренными глазами и угрюмым ртом. Звали его Томпкинс. Он восседал в древней качалке, на спинке которой примостился сине-зеленый попугай. В лавке были еще стул и стол. На столе лежал заржавленный шприц.

— Я узнал о вашей лавке от друзей, — сообщил Уйэн.

— Тогда вам известно, сколько я беру, — ответил Томпкинс. — Принесли?

— Да, — сказал Уйэн, приподняв сверток. — Но я хотел бы узнать...

— Все они одинаковы, — сказал Томпкинс, обращаясь к попугаю. Попугай мигнул. — Валяйте, спрашивайте.

— Мне хотелось бы знать, что на самом деле происходит в это время.

Томпкинс вздохнул.

— Происходит вот что. Вы мне платите. Я делаю вам укол, от которого вы засыпаете. Затем с помощью кое-каких приспособлений, которые у меня за стеной, я освобождаю ваше сознание.

Кончив, Томпкинс усмехнулся, и Уйэну показалось, что его молчаливый попугай тоже усмехнулся.

— А потом?

— Ваше сознание, освобожденное от тела, сможет выбрать любой из перечисленных миров-вероятностей, которые постоянно существуют вместе с Землей.

Широко улыбнувшись, Томпкинс приподнялся в своей качалке. В его голосе послышалось вдохновение.

— Да, да, мой друг, хотя вы, наверное, и не подозревали этого, наша потрепанная Земля с момента своего рождения из огненного чрева Солнца сама начала порождать альтернативные миры-вероятности. Любые крупные или ничтожные события отражаются в несметном числе миров. И александры македонские и амебы — все создают эти миры; велик или мал камень, брошенный в воду, от него все равно расходятся круги. Каждый предмет отбрасывает тень, не правда ли? Земля, друг мой, существует в четырехмерном пространстве, и видимое материальное отражение

Земли в любой данный момент является лишь ее трехмерной тенью. Миллионы, миллиарды земель! Бесконечный ряд земель! Ваше сознание, освобожденное мною, сможет выбрать любой из этих миров и на некоторое время поселиться в нем.

У Уэйна было неприятное чувство, будто перед ним балаганный зазывала, рекламирующий чудеса. И все же, напомнил он себе, за свою жизнь ты насмотрелся такого, чему раньше ни за что бы не поверил. Ни за что! Возможно, что чудеса, о которых рассказывал Томпкинс, тоже могут осуществиться. Уэйн сказал:

— Мои друзья еще говорили...

— Что я отъявленный мошенник? — перебил его Томпкинс.

— Некоторые из них намекали на это, — осторожно заметил Уэйн. — Но я стараюсь не быть предубежденным. Они еще рассказывали...

— Я знаю, о чем рассказывали ваши друзья; у них ведь одно грязное на уме. Они рассказывали вам об удовлетворении желания. Именно об этом вы хотели услышать?

— Да, — сказал Уэйн. — Они говорили мне, что, чего бы я ни пожелал... чего бы ни захотел...

— Вот именно, — сказал Томпкинс. — Именно так, а не иначе. Можно выбирать из бесконечного множества существующих миров. Ваше сознание выбирает, руководствуясь только желанием. Главное — то, в чем заключается ваше сокровеннейшее желание. Если вы тайне мечтаете совершить убийство...

— Нет, нет, ни в коем случае! — воскликнул Уэйн.

— ...тогда вы попадете в мир, где разрешается убивать, где вы будете купаться в крови, где вы превзойдете самого маркиза де Сада, или Цезаря, или любого другого вашего идола. А вдруг вы стремитесь к власти? Тогда вы изберете мир, где вы будете богом в буквальном смысле. Может быть, кровожадным Джаггернаутом или всемудрым Буддой.

— Я очень сомневаюсь, что я...

— Есть и другие желания, — продолжал Томпкинс. — Все, что может родить воображение ангела или дьявола. Половые извращения, обжорство, пьянство, любовь, слава — все, что пожелаете.

— Поразительно! — сказал Уэйн.

— Да, — согласился Томпкинс, — конечно, мой краткий перечень не исчерпывает всех возможностей, всех комбинаций и трансформаций желаний. Вполне возможно, что вам захочется скромного, мирного, пасторального существования среди идеализированных туземцев на одном из островов южных морей.

— Это больше по мне, — робко засмеялся Уэйн.

— Но кто знает? — сказал Томпкинс. — Вы можете даже и не подозревать о своих действительных желаниях. Вы можете даже хотеть собственной смерти.

— И так часто бывает? — озабоченно спросил Уэйн.

— Иногда.

— Я бы не хотел умереть, — сказал Уэйн.

— Так почти никогда не бывает, — сказал Томпкинс, глядя на сверток, который Уйэн держал в руках.

— Если так... Но откуда я знаю, что все это правда? Плата чрезвычайно высока, мне придется отдать все, что у меня есть. А кто вас знает, дадите мне снотворного, и все мне приснится. Отдать все, что у меня есть, за... дозу героина и набор красивых фраз.

Томпкинс успокаивающе улыбнулся.

— Испытываемые ощущения не похожи на те, что дают одурманивающие средства; не похожи они и на сновидение.

— Если это правда, — слегка раздраженно сказал Уйэн, — почему нельзя навсегда остаться в мире своей мечты?

— Я работаю над этим, — сказал Томпкинс. — Вот почему я беру такую высокую плату — чтобы достать материалы, чтобы экспериментировать. Я пытаюсь найти способ сделать трансформацию устойчивой. Пока мне не удастся ослабить путы, привязывающие человека к Земле и влекущие его назад. Даже великие мистики не смогли порвать этих пут, не прибегая к смерти. Но я не теряю надежды.

— Если вы добьетесь успеха, это будет великим событием, — вежливо заметил Уйэн.

— Безусловно! — выкрикнул Томпкинс с неожиданной страстью. — Тогда я превратил бы свою несчастную лавку во врата спасения! Трансформация стала бы бесплатной, бесплатной для всех! Каждый смог бы тогда отправиться в мир своей мечты, в мир, для которого он создан, и оставить эту проклятую Землю крысам и червям...

Томпкинс оборвал себя на середине фразы и неожиданно заговорил с ледяным спокойствием:

— Однако я увлекся. Пока я еще не нашел способа бегства с Земли, по надежности не уступающего смерти. Возможно, мне это никогда не удастся. А пока я вам предлагаю съездить в отпуск, переменить обстановку, ощутить другой мир, взглянуть на собственные мечты. Вам известно, сколько я беру. Я возмещу плату, если то, что вы будете ощущать, вас не удовлетворит.

— Вы очень добры, — с искренним чувством сказал Уйэн. — Но есть еще одно обстоятельство, о котором рассказывали мне друзья. Я имею в виду сокращение жизни на десять лет.

— Здесь ничего не поделаешь, — сказал Томпкинс, — и этого не возместишь. Мой метод требует колоссального напряжения нервной системы, что, естественно, ведет к сокращению продолжительности жизни. Это одна из причин, по которой так называемое правительство объявило мой метод незаконным.

— Однако оно не слишком строго следит за соблюдением запрета, — заметил Уйэн.

— Верно. Официально мое изобретение запрещено как вредное мошенничество. Но чиновники тоже люди. Им тоже хочется покинуть Землю, как и всем другим.

— Отдать все, — задумчиво проговорил Уйэн, крепко сжимая в руках сверток. — И вдобавок потерять десять лет жизни! За исполнение моих тайных желаний... Вы знаете, я должен это хорошо обдумать.

— Думайте сколько влезет, — сказал Томпкинс безразличным тоном.

Уйэн думал не переставая, пока возвращался домой. Он все еще думал, когда поезд прибыл в Порт Вашингтон на Лонг-Айленде. Сидя за рулем машины на пути от станции домой, он вспоминал хитрое морщинистое лицо Томпкинса и думал о мирах-вероятностях и об исполнении желаний.

Однако размышления эти пришлось оставить, как только он вошел в дом. Его жена Джейнет хотела, чтобы он поостроже поговорил с прислугой, которая снова начала выпивать. Сыну Томми потребовалось помочь с парусной лодкой, которую нужно было спускать на воду на следующий день. А его маленькой дочке не терпелось рассказать, как она провела день в детском саду.

Уйэн вежливо, но строго поговорил с прислугой. Он помог Томми нанести еще один слой медно-рыжей краски на днище парусника и выслушал рассказ Пегги о ее приключениях на детской площадке.

Позже, когда детей уложили и они остались одни в гостиной, Джейнет спросила, нет ли у него неприятностей на работе.

— Неприятностей?

— Ты чем-то озабочен, — сказала Джейнет. — Что-нибудь произошло?

— Да нет, все было как обычно...

Он ни за что не расскажет ни Джейнет, ни вообще кому бы то ни было, что брал выходной и ездил в эту сумасшедшую Лавку миров к Томпкинсу. Не собирался он обсуждать и право каждого человека хоть раз в жизни исполнить свои самые сокровенные желания. Джейнет с ее прямолинейностью и здравым смыслом никогда этого не понять.

В конторе наступили горячие дни. На Уолл-стрит царила паника из-за событий на Среднем Востоке и в Азии, и биржа на это реагировала. Уйэн углубился в работу. Он старался не думать об исполнении желаний ценою всего, чем он обладал. Да еще потерять десять лет жизни. Бред! Старый Томпкинс, верно, выжил из ума.

С субботы на воскресенье он уходил в плавание с Томми. У старого парусника был неплохой ход, и швы в днище почти не пропускали воду. Томми попросил купить новые гоночные паруса, но Уйэн ему отказал. Может быть, в следующем году, когда цены установятся. Пока же придется обойтись старыми.

Иногда вечерами, когда дети спали, они с Джейнет отправлялись на паруснике. В проливе Лонг-Айленд в такие часы было спокойно и прохладно. Парусник скользил среди мигающих бакенов, держа курс на большой желтый диск луны.

- Тебя что-то беспокоит, я чувствую, — сказала Джейнет.
- Милая, не надо!
- Ты от меня что-то скрываешь?
- Нет, ничего.
- Правда? Тогда обними меня крепче. Вот так...
- Парусник плыл некоторое время никем не управляемый.
- Исполнение всех желаний...

Но наступила осень, и парусник нужно было поднимать на берег. Биржа несколько стабилизировалась, но тут Пегги подхватила корь. Томми хотел узнать разницу между обычными бомбами, атомными бомбами, водородными бомбами, кобальтовыми бомбами и всеми другими видами бомб, о которых писали газеты. Уйэн объяснил как мог. Потом от них неожиданно ушла прислуга.

Тайные желания — это, конечно, здорово. Допустим, он действительно хотел кого-нибудь убить или поселиться на острове в южных морях. Но у него были еще и обязанности. У него двое маленьких детей и чудесная жена, которой он не стоит.

Вот, может быть, ближе к Рождеству...

Однако зимой из-за короткого замыкания начался пожар в пустой спальне для гостей. Пожарники потушили огонь. Ущерб особого не было, и никто не пострадал. Но о Томпкинсе пришлось на время забыть. В первую очередь нужно было заняться ремонтом спальни, ведь Уйэн очень гордился своим старинным домом.

Из-за международной обстановки конъюнктура была неопределенной. По бирже ползли слухи — а как там русские, арабы, греки, китайцы?.. И потом — межконтинентальные ракеты, атомные бомбы, спутники... Уйэн проводил на работе целые дни, а иногда оставался и по вечерам. У Томми началась свинка. Нужно было перекрыть крышу. Вскоре пришла пора позаботиться и о весеннем спуске на воду парусника.

Прошел год, а у него почти не было времени подумать о тайных желаниях. Возможно, в будущем году... А тем временем...

— Ну как? — спросил Томпкинс. — Чувствуете себя нормально?

— Да, вполне, — ответил Уйэн.

Он встал и потер лоб.

— Хотите, чтобы я возместил плату? — спросил Томпкинс.

— Нет. Ощущение было вполне удовлетворительным.

— Иначе и быть не могло, — сказал Томпкинс, подмигнув попугаю с грязной ухмылкой. — Так что же вы выбрали?

— Мир недавнего прошлого, — ответил Уйэн.

— Многие выбирают то же самое. Определили свое тайное желание? Что же это было — убийство? Или остров в южных морях?

— Я бы предпочел не говорить об этом, — произнес Уйэн вежливо, но твердо.

— Многие не желают говорить со мной об этом, — угрюмо сказал Томпкинс. — Будь я проклят, если понимаю, почему так.

— Потому что... В общем, по-моему, мир тайных желаний является как бы священным, что ли, для каждого человека. Не обижайтесь... Как, по-вашему, сможете ли вы когда-нибудь сделать так, чтобы это было навсегда? Я имею в виду выбор того или иного мира.

Старик пожал плечами.

— Я пытаюсь. Вы узнаете, если это мне удастся. Все узнают.

— Да, видимо, так.

Уйэн развязал сверток и выложил содержимое на стол. В свертке были пара армейских сапог, нож, два мотка медной проволоки и три небольшие банки мясных консервов.

На мгновение в глазах Томпкинса вспыхнул огонек.

— Вполне достаточно, — решил он. — Спасибо.

— До свидания, — сказал Уйэн. — Вам спасибо.

Уйэн вышел из лавки и быстрым шагом направился туда, где кончалась каменная гряда. За ней, насколько хватал глаз, простиралась плоская буро-серо-черная равнина, усыпанная щебнем. От горизонта к горизонту тянулись искореженные трупы городов, расщепленные стволы деревьев и поля белого мягкого пепла, который был когда-то человеческой плотью.

— Что ж, — сказал Уйэн вслух, — по крайней мере мы заплатили за все сполна.

Этот год в прошлом стоил ему всего состояния да десяти лет жизни в придачу. Был ли это сон? Все равно, он стоил того! Но сейчас нужно выбросить из головы мысли о Джейнет и детях. С этим покончено, если только Томпкинс не усовершенствует свое изобретение.

С помощью наручного счетчика Гейгера он обнаружил среди щебня дезактивированный проход. Успеть бы в убежище до наступления темноты, пока еще не вышли крысы. Если он не поторопится, то опоздает на вечернюю раздачу картофеля.

ПУШКА, КОТОРАЯ НЕ БАБАХАЕТ

Диксону показалось, что хрустнула ветка. Он обернулся и успел краешком глаза заметить скользнувшую под кустом черную тень. Он замер на месте, вглядываясь в заросли. Стояла полная тишина. Высоко над головой какая-то птица вроде стервятника парила в восходящих потоках воздуха, что-то высматривая внизу, что-то ожидая.

И тут Диксон услышал в кустах тихое нетерпеливое рычание.

Теперь он точно знал — звери крадутся за ним. До сих пор это было только предположением. Но смутные, едва заметные тени рассеяли его сомнения. По дороге на радиостанцию они его не тронули — только в нерешительности следовали за ним. А теперь готовы действовать.

Он вынул из кобуры дезинтегратор, проверил предохранитель, снова засунул оружие в кобуру и зашагал дальше.

В кустах опять послышалось рычание. Кто-то терпеливо следовал его, вероятно, ожидая, когда он минует заросли кустарника и войдет в лес. Диксон ухмыльнулся про себя.

Никакой зверь ему не страшен. У него есть дезинтегратор.

Если бы не это, Диксон ни за что не решился бы отойти так далеко от корабля. Никто не может позволить себе просто так разгуливать по чужой планете. Но Диксон мог. У него на поясе болталось оружие, с которым не могло сравниться никакое другое, — абсолютная защита от всего, что только может ходить, ползать, летать или плавать.

Это был самый совершенный пистолет, последнее слово техники в области личного оружия.

Это был дезинтегратор.

Диксон снова оглянулся. Меньше чем в полусотне метров позади показались три хищника. Издали они напоминали собак или гиен. Они зарычали и медленно двинулись вперед.

Он взялся за дезинтегратор, но решил пока не пускать его в ход. Успеет — пусть подойдут поближе.

Альфред Диксон был небольшого роста, с широченными плечами и грудью. У него были светлые волосы и светлые с закрученными кончиками усы — они придавали его загорелому лицу свирепое выражение.

Его любимое местонахождение — земные бары и таверны. Там он, одетый в выдававший виды походный костюм, мог громким, воинственным голосом заказывать себе выпивку и пронзать собутыльников взглядом прищуренных глаз цвета вороненой оружейной стали. Ему доставляло удовольствие снисходительно растолковывать пьяницам разницу между лучевым ружьем Сайкса и тройным кольтом или между адлепером с Марса и венерианским скомом и наставлять их, что следует делать, когда на тебя в густом лесу кидается рогатый танк с Раннара, или как отбиться от крылатых блестянок.

Некоторые считали Диксона трепачом, но избегали высказывать это вслух. Другие относились к нему хорошо несмотря на его непомерное самомнение. «Он просто слишком самоуверен, — объясняли они. — Это дело поправимое — стоит ему только погибнуть или покалечиться».

Диксон свято верил в силу личного оружия. По его твердому убеждению, покорение Дикого Запада в Америке представляло собой не что иное, как состязание между луком и кольтом 44-го

калибра. Африка? Копье против винтовки. Марс? Тройной кольт против метательного ножа. Водородная бомба может испепелить города, но занимать вражескую территорию приходится людям, вооруженным винтовками и пистолетами. Зачем измышлять какие-то непонятные экономические, философские или политические объяснения, когда все так просто?

И на дезинтегратор он, конечно, полагался целиком и полностью.

Оглянувшись, Диксон заметил, что к трем хищникам прибавилось еще с полдюжины. Они уже перестали прятаться и понемногу приближались, высунув языки.

Он решил еще немного подождать, прежде чем открывать стрельбу. Чем ближе они подойдут, тем сильнее будет впечатление.

В свое время Диксон сменил немало профессий: был геодезистом, охотником, геологом, работал на астероидах. И всегда ему не везло. Другие вечно натывались на заброшенные древние города, подстреливали редких зверей, находили рудные залежи. Но он не унывал. Не везет, что поделаешь? Теперь он работал радистом — обслуживал десяток радиомаяков на незаселенных планетах.

А главное — ему было поручено провести первое полевое испытание самого совершенного личного оружия. Изобретатели надеялись, что оно завоеует всеобщее признание. На всеобщее признание надеялся и Диксон.

Он приблизился к опушке тропического леса. Корабль, на котором он прилетел, стоял в лесу, милях в двух от опушки, на небольшой поляне. Войдя в лес, Диксон услышал возбужденный писк древолазов. Эти небольшие оранжевые и голубые существа внимательно следили за ним сверху.

«Похоже на Африку, — подумал Диксон. — Хорошо бы встречать какую-нибудь крупную дичь. Привезти с собой в виде трофея две-три страшные головы с рогами...»

Дикие собаки уже приблизились метров до двадцати. Это были животные величиной с терьера, серо-бурого цвета, с челюстями как у гиены. Часть их побежала через кусты, чтобы отрезать ему путь.

Пора было продемонстрировать дезинтегратор.

Диксон вынул его из кобуры. Оружие имело форму пистолета и было довольно тяжелым да к тому же еще и плохо сбалансированным. Изобретатели обещали в следующих моделях уменьшить вес и сделать дезинтегратор более прикладистым. Но Диксону он нравился именно таким. Он сдвинул предохранитель и поставил кнопку на одиночную стрельбу.

Стая с лаем и рычанием кинулась на него. Диксон небрежно прицелился и выстрелил.

Дезинтегратор издал едва слышное гудение. Впереди, в радиусе сотни метров, часть леса тут же исчезла.

Это был первый выстрел из первого дезинтегратора.

Луч из его дула веером расходился до четырехметровой ширины. В гуще леса на высоте пояса появилось конической формы пустое пространство длиной в сотню метров. В нем не осталось ничего — исчезли деревья, насекомые, трава, кустарник, дикие собаки, бабочки. Свисавшие сверху ветки, которые задел луч, были срезаны, будто гигантской бритвой.

Диксон прикинул, что истребил по меньшей мере семь собак. Семь животных за полсекунды! И не надо думать об упреждении, как при стрельбе из обычного пистолета; не надо беспокоиться о боеприпасах — запаса энергии в дезинтеграторе хватит на восемнадцать часов работы. Идеальное оружие!

Он отвернулся и пошел дальше, сунув дезинтегратор в кобуру.

Наступила тишина: лесные обитатели осваивались с новым явлением. Но уже через несколько мгновений их удивление бесследно прошло. Голубые и оранжевые древолазы вновь закачались на ветках у него над головой. Стервятник в небе опустился пониже, и откуда-то издали появилось еще несколько чернокрылых птиц. А в кустах снова послышалось рычание диких собак.

Они все еще не отказались от преследования. Диксон слышал, как они перебегали в зарослях по обе стороны от него, скрытые листвой.

Он снова вытащил дезинтегратор. Неужели они осмелятся попробовать еще раз?

Они осмелились.

За самой его спиной из-за кустов выскочила пятнистая серая собака. Дезинтегратор загудел. Собака исчезла на лету во время прыжка — вокруг только ветром шевельнуло листья, когда воздух ворвался в возникший вакуум.

Еще одна собака бросилась на Диксона, и он, слегка нахмурившись, уничтожил ее. Нельзя сказать, чтобы эти звери были такие уж глупые. Почему же они никак не поймут, что против него, против его оружия они бессильны? По всей Галактике живые существа быстро научились остерегаться вооруженного человека. А эти?

Еще три собаки прыгнули на него с разных сторон. Диксон переключил дезинтегратор на автоматическую стрельбу и скосил их одним движением руки. Взлетела пыль — воздух заполнил вакуум.

Он прислушался. Рычание раздавалось по всему лесу. Новые и новые стаи сбегались, чтобы урвать кусок добычи.

Почему они не боятся?

И вдруг его осенило. Они не видят, чего нужно бояться!

Дезинтегратор уничтожает их быстро, аккуратно, тихо. Попадавшие под луч собаки чаще всего просто исчезают — они не визжат в агонии, не воют, не рычат.

А главное — не слышно громкого выстрела, которого они мо-

гли бы испугаться, не пахнет порохом, не щелкает затвор, досылая новый патрон...

«Наверное, у них просто не хватает ума сообразить, что эта штука смертельна,— подумал Диксон. — Они просто не понимают, что происходит. Они думают, что я беззащитен».

Он зашагал быстрее.

«Никакой опасности нет, — напомнил он сам себе. — Пусть они не понимают, что это смертельное оружие, — от этого оно не становится менее смертельным. Но все равно нужно будет сказать, чтобы в новые модели добавили какое-нибудь шумовое устройство. Наверное, это будет нетрудно».

Теперь осмелели и древолазы — они, оскалив зубы, раскачивались почти на уровне его головы. «Наверное, тоже хищники», — решил Диксон и, переставив кнопку на автоматический огонь, прорезал огромные бреши в кронах деревьев.

Древолазы с воплями скрылись. На землю посыпались листья и ветки. Даже собаки на мгновение отступили.

Диксон ухмыльнулся — и в тот же момент распластался на земле, придавленный огромным суком, который луч дезинтегратора перерезал у основания. Удар пришелся по левому плечу.

Дезинтегратор вылетел из руки Диксона и упал метрах в трех, продолжая уничтожать ближайшие кусты. Диксон выполз из-под сука и бросился к оружию, но его уже схватил один из древолазов.

Диксон ничком бросился на землю. Животное с торжествующими воплями размахивало дезинтегратором. На землю валились огромные деревья, в воздухе потемнело от падающих листьев и ветвей, землю избороздили рытвины. Луч дезинтегратора прорезал ствол дерева, у которого только что стоял Диксон, и взрыл землю у самых его ног. Диксон отскочил в сторону, и луч едва миновал его голову. Диксон пришел в отчаяние. Но тут древолаза одолело любопытство. Весело тараторя, животное повернуло дезинтегратор дулом к себе и попыталось заглянуть в отверстие.

Голова животного беззвучно исчезла.

Диксон тут же перескочил рытвину, схватил дезинтегратор, прежде чем им смогли завладеть другие древолазы, и тут же включил автомат.

Несколько собак вернулись. Они стояли поблизости и внимательно следили за ним. Стрелять Диксон не стал. У него так тряслись руки, что это было бы опасно не столько для собак, сколько для него самого. Он повернулся и заковылял к кораблю.

Собаки последовали за ним.

Через некоторое время Диксон пришел в себя. Он посмотрел на сверкающий дезинтегратор, который держал в руке. Теперь он испытывал к этому оружию куда большее уважение. И изрядно его опасался. Во всяком случае больше, чем собаки. Те, очевидно,

никак не связывали с дезинтегратором разрушения, произведенные в лесу. Все это показалось им внезапно налетевшей бурей.

А теперь буря прошла, и можно возобновить охоту.

Диксон шел через густой кустарник, прожигая себе дорогу. Собаки по обе стороны не отставали от него. Время от времени то одна, то другая попадали под луч. Но их было несколько десятков, и они приближались.

«Черт возьми, — подумал Диксон, — почему они не подсчитывают свои потери?» Но тут же сообразил, что вряд ли они вообще умеют считать.

Он пробивался вперед. До корабля было уже совсем недалеко. Диксон занес ногу, чтобы переступить через лежащее на пути бревно — и тут бревно ожгло и злобно распахнуло огромную пасть под самыми его ногами.

Он нажал на спуск и не отпускал его целых три секунды, чуть не задев собственные ноги. Существо исчезло. Диксон всхлипнул, покачнулся и съехал в яму, которую только что разверз сам.

Он тяжело упал на дно, подвернув левую ступню. Собаки окружили яму, щелкая зубами и не отрывая от него глаз.

«Спокойно», — сказал себе Диксон. Двумя выстрелами он очистил края ямы от хищников и попытался выбраться наружу. Но у ямы были слишком крутые стены, и к тому же они оплавильсь, превратившись в стекло.

В панике он снова и снова, не жалея сил, бросался на гладкую поверхность. Потом остановился и заставил себя подумать. В эту яму он попал из-за дезинтегратора; пусть дезинтегратор его отсюда и извлекает. Нажав на спуск, он прорезал пологий откос и, преодолевая боль в ноге, выполз наружу. На левую ногу он с трудом мог ступить. Еще сильнее болело левое плечо. «Этот сук, наверное, сломал мне ключицу», — подумал Диксон и заковылял дальше, опираясь на ветку, как на костыль.

Собаки несколько раз бросались на него. Он расстреливал их, но дезинтегратор в руке становился все тяжелее. Стервятники опустились на землю и уселись на аккуратно разрезанные лучом трупы собак. Глаза Диксона время от времени застилало тьмой. Он старался взять себя в руки — нельзя терять сознание, когда во-круг собаки.

Корабль был уже виден. Диксон неуклюже побежал и тут же упал. Несколько собак вцепились в него.

Он выстрелом рассек их на части, срезав полдюйма собственного сапога в непосредственной близости от большого пальца. Шатаясь, он поднялся на ноги и двинулся дальше.

«Вот это оружие, — подумал он. — Смертельно опасное для всех, включая стрелка. Изобретателя бы сюда! Надо же быть таким идиотом — построить пушку, которая не бабахает!»

Наконец он добрался до корабля. Пока возился с люком воздушного шлюза, собаки окружили его плотным кольцом. Двух, которые подскочили ближе всех, Диксон уничтожил и ввалился

внутри. В глазах у него снова потемнело, к горлу подступил комок. Из последних сил он захлопнул люк и сел на пол. Спасен!

И тут он услышал тихое рычание.

Одна из собак проникла внутрь вместе с ним.

У него уже, казалось, не было сил удержать тяжелый дезинтегратор, но он все же медленно поднял руку с оружием. Собака, еле различимая в полумраке корабля, кинулась на него.

Диксон похолодел от ужаса: он почувствовал, что у него недостает сил нажать на спуск. Его спасло непроизвольное движение сжавшихся пальцев.

Собака взвизгнула и умолкла. Диксон потерял сознание.

Придя в себя, он долго лежал, наслаждаясь одним радостным сознанием того, что жив. Он решил немного отдохнуть. Потом он смоется отсюда, пошлет к черту все чужие планеты и приземлится в первом же попавшемся баре. Вот когда он как следует напьется! А потом разыщет этого изобретателя и вобьет ему в глотку дезинтегратор. Поперек. Изобрести пушку, которая не бабахает, мог только маньяк-убийца!

Но это потом. А пока — какое наслаждение быть живым, лежать на солнышке, всем телом чувствуя...

Солнышко? Внутри корабля?

Он сел. У его ног валялась одна собачья лапа и хвост. А перед ним в корпусе корабля зияло зигзагообразное отверстие шириной сантиметров в восемь, тянувшееся больше чем на метр. Сквозь отверстие светило солнце. А снаружи в щель внимательно смотрели четыре собаки.

Убивая последнюю собаку, он прорезал корпус своего собственного корабля.

Теперь он увидел еще несколько брешей. А откуда взялись они? Ах да, это, наверное, когда он пробивался к кораблю. Последняя стометровка. Несколько выстрелов, вероятно, задел корабль.

Диксон поднялся и начал внимательно разглядывать повреждения. «Чистая работа, — подумал он с равнодушием отчаяния. — Это точно, уж такая чистая работа, что чище некуда».

Вот перерезанные кабели управления. Вот тут было радио. А здесь он ухитрился одним выстрелом угодить сразу в кислородные баллоны и в цистерну с водой — вот это меткость! А вот... да, конечно, только этого еще и не хватало. Самый удачный выстрел — он перебил топливную магистраль. Все горячее, согласно закону тяготения, вытекло наружу — под кораблем стояла лужа, которая понемногу впитывалась в землю...

«Неплохо для первого раза, — пришла ему в голову безумная мысль. — Даже газовым резаком лучше не сработать».

Впрочем, газовым резаком он тут ничего бы не сделал. Корпус космического корабля резаком не взять. А вот старым, добрым, верным, надежным дезинтегратором...

Год спустя, так и не дождавшись от Диксона никакого сооб-

щения, Земля послала за ним корабль. Экипажу было приказано устроить подобающие случаю похороны, если удастся разыскать останки, и привезти обратно опытный образец дезинтегратора.

Спасательный корабль приземлился рядом с кораблем Диксона, и его экипаж принялся с большим интересом разглядывать изрезанный и выпотрошенный корпус.

— Есть же люди, которым нельзя давать в руки оружие, — сказал механик.

— Вот это да! — удивился пилот.

Из леса донесся какой-то стук. Они поспешили туда и обнаружили, что Диксон жив. Он работал, горлая песню.

За год Диксон построил деревянную хижину и посадил вокруг овощи. Огород был окружен частоколом. Когда спасатели подошли, Диксон заколачивал в землю новый кол взамен сгнившего.

— Ты жив? — вскричал кто-то.

— Точно, — отозвался Диксон. — Правда, дело было плохо, пока я не построил этот частокол. Сволочи эти собаки. Но я их проучил.

Он ухмыльнулся и показал на прислоненный к частоколу лук. Он был вырезан из упругого, крепкого дерева, а рядом колчан, полный стрел.

— Научились остерегаться, — сказал Диксон, — когда увидели, как их приятели кувыркаются со стрелой в боку.

— А дезинтегратор?.. — начал пилот.

— А, дезинтегратор! — воскликнул Диксон с веселым огоньком в глазах. — Не знаю, что бы я делал без него.

Он продолжал свою работу. Кол быстро уходил в землю под ударами увесистой плоской рукоятки дезинтегратора.

ТРИ СМЕРТИ БЕНА БАКСТЕРА

Судьба целого мира зависела от того, будет или не будет он жить, а он, невзирая ни на что, решил уйти из жизни!

Эдвин Джеймс, Главный программист Земли, сидел на трехногом табурете перед Вычислителем возможностей. Это был щедущий человечек с причудливо некрасивым лицом. Большая контрольная доска, витавшая над его головой на высоте нескольких сот футов, и вовсе пригнетала его к земле.

Мерное гудение машины и неторопливый танец огоньков на панели навевали чувство уверенности и спокойствия, и, хоть Джеймс знал, как оно обманчиво, он невольно поддался его баюкающему действию. Но едва он забылся, как огоньки на панели образовали новый узор.

Джеймс рывком выпрямился и растер лицо. Из прорези в па-

нели выползала бумажная лента. Главный программист оборвал ее и впился в нее глазами. Потом хмуро покачал головой и заспешил вон из комнаты.

Пятнадцать минут спустя он входил в конференц-зал Всемирного планирующего совета. Там его уже ждали, рассевшись вокруг длинного стола, пять представителей федеративных округов Земли, приглашенные на экстренное заседание.

В этом году появился у них новый коллега — Роджер Битти от обеих Америк. Высокий угловатый мужчина с пышной каштановой шевелюрой, уже слегка редющей на макушке, видно, еще чувствовал себя здесь неуютно. Он с серьезным и сосредоточенным видом уткнулся в «Руководство по процедуре» и быстрыми короткими движениями нет-нет да и прикладывался к кислородной подушке.

Остальные члены совета были старыми знакомыми Джеймса. Лан Ил от Пан-Азии, маленький, морщинистый и какой-то неистребимо живучий, с азартом говорил что-то рослому белокурому доктору Свегу от Европы. Прелестная, холеная мисс Чандрагор, как всегда, сражалась в шахматы с Аауи от Океании.

Джеймс включил встроенный в стену кислородный прибор, и собравшиеся с благодарностью отложили свои подушки.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал Джеймс, — я только сейчас получил последний прогноз.

Он вытащил из кармана записную книжку.

— На прошлом заседании мы остановили свой выбор на Возможной линии развития ЗБЗСС, отправляющейся от 1832 года. Нас интересовала жизнь Альберта Левинского. В Главной исторической линии Левинский умирает в 1935 году, попав в автомобильную катастрофу. Но поскольку мы переключились на Возможную линию ЗБЗСС, Левинский избежал катастрофы, дожил до шестидесяти двух лет и успешно завершил свою миссию. Следствием этого в наше время явится заселение Антарктики.

— А как насчет побочных следствий? — спросила Джанна Чандрагор.

— Они изложены в записке, которую я раздам вам позднее. Короче говоря, ЗБЗСС близко соприкасается с Исторической магистралью (условное рабочее название). Все значительные события в ней сохранены. Но есть, конечно, и факты, не предусмотренные прогнозом. Такие, как открытие нефтяного месторождения в Патагонии, эпидемия гриппа в Канзасе и загрязнение атмосферы над Мексико-сити.

— Все ли пострадавшие удовлетворены? — поинтересовался Лан Ил.

— Да. Уже приступили к колонизации Антарктики.

Главный программист развернул ленту, которую извлек из Вычислителя возможностей.

— Но сейчас перед нами трудная задача. Согласно предсказанию, Историческая магистраль сулит нам большие осложнения, и

у нас нет подходящих Возможных линий, на которые мы могли бы переключиться.

Члены совета начали перешептываться.

— Разрешите обрисовать вам положение, — сказал Джеймс. Он подошел к стене и спустил вниз длинную карту. — Критический момент приходится на 12 апреля 1959 года, и вопрос упирается в человека по имени Бен Бакстер. Итак, вот каковы обстоятельства.

Всякое событие по самой своей природе может кончиться по-разному, и любой его исход имеет свою преемственность в истории. В иных пространственно-временных мирах Испания могла бы потерпеть поражение при Лепанто, Нормандия — при Гастингсе, Англия — при Ватерлоо.

Предположим, что Испания потерпела поражение при Лепанто...

Испания была разбита наголову. И непобедимая турецкая морская держава очистила Средиземное море от европейских судов. Десять лет спустя турецкий флот захватил Неаполь и этим проложил путь мавританскому вторжению в Австрию...

Разумеется, все в другом времени и пространстве.

Подобные умозрительные построения стали реальной возможностью после открытия временной селекции и соответственных перемещений в истории. Уже в 2103 году Освальд Мейнек и его группа теоретических доказали возможность переключения Исторической магистрали на другие Возможные исторические линии. Конечно, в известных пределах.

Например, мы не можем переключиться на далекое прошлое и сделать так, чтобы, скажем, Вильгельм Норманнский проиграл битву при Гастингсе. Историческое развитие после этого события пошло бы по совершенно иному пути, для нас неприемлемому. Переключение возможно только на смежные линии.

Эта теоретическая возможность стала практической необходимостью в 2213 году, когда вычислитель Сайкса — Рэйберна предсказал полную стерилизацию земной атмосферы в результате накопления радиоактивных побочных продуктов. Процесс этот неизбежный и необратимый. Его можно было остановить только в прошлом, когда началось загрязнение атмосферы.

Первое переключение было произведено с помощью новобретенного селектора Адамса — Хольта — Мартенса. Всемирный планирующий совет избрал линию, предусматривающую раннюю смерть Василия Ушенко (а также полный отказ от его ошибочных теорий о вредности радиации). Таким образом удалось в большой мере избежать последующего загрязнения атмосферы — правда, ценой жизни семидесяти трех потомков Ушенко, для которых не удалось подыскать переключенных родителей в смежном историческом ряду. После этого путь назад был уже невозможен. Переключение стало такой же необходимостью, как профилактика в медицине.

Но и у переключения были свои границы. Наступило время, когда ни одна доступная линия уже не удовлетворяла требованиям, когда всякое будущее становилось неблагоприятным.

И когда это случилось, планирующий совет перешел к более решительным действиям.

— Так вот что нас ожидает, — продолжал Эдвин Джеймс. — И этот исход неизбежен, если мы ничего не предпримем.

— Вы хотите сказать, мистер программист, — отозвался Лан Ил, — что Земля плохо кончит?

— К сожалению, это так.

Программист налил себе воды и перевернул страницу в записной книжке.

— Итак, исходный объект — некто Бен Бакстер, умерший 12 апреля 1959 года. Ему следовало бы прожить по крайней мере еще десяток лет, чтобы оказать необходимое воздействие на события в мире. За это время Бен Бакстер купит у правительства Йеллоустонский парк. Он сохранит его как парк, с той разницей, что заведет там правильное лесное хозяйство. Коммерчески это предприятие блестяще себя оправдает. Бакстер приобретет и другие обширные земельные владения в Северной и Южной Америке. Наследники Бакстера на ближайшие двести лет станут королями древесины, им будут принадлежать огромные лесные массивы по всему земному шару. Их стараниями — вплоть до нашего времени — сохранятся на Земле большие лесные районы. Если же Бакстер умрет...

И Джеймс безнадежно махнул рукой.

— Со смертью Бакстера леса будут истреблены задолго до того, как правительства осознают, что отсюда воспоследует. А потом наступит Великая засуха ...03 года, которой не смогут противостоять еще сохранившиеся в мире скудные лесные зоны. И, наконец, придет наше время, когда в связи с истреблением деревьев естественный цикл углерод — углекислый газ — кислород нарушен, когда все окислительные процессы прекратились и нам остаются только кислородные подушки как единственное средство сохранения жизни.

— Мы опять сажаем леса, — вставил Аауи.

— Да, но, пока они вырастут, пройдут сотни лет, даже если применять стимуляторы. А тем временем равновесие может быть еще больше нарушено. Вот что значит для нас Бен Бакстер. В его руках воздух, которым мы дышим.

— Что ж, — заметил доктор Свег, — магистраль, в которой Бакстер умирает, явно не годится. Но ведь возможны и другие линии развития.

— Их много, — ответил Джеймс. — Но, как всегда, большинство отпадает. Вместе с Главной у нас остаются на выбор три. К

сожалению, каждая из них предусматривает смерть Бена Бакстера 12 апреля 1959 года.

Программист вытер взмокший лоб.

— *Говоря точнее, Бен Бакстер умирает 12 апреля 1959 года, во второй половине дня, в результате делового свидания с человеком по имени Нед Бринн.*

Роджер Битти, новый член совета, нервно откашлялся.

— И это событие встречается во всех трех вариантах?

— Вот именно! И в каждом Бакстер умирает по вине Бринна.

Доктор Свег тяжело поднялся с места. До сих пор совет не вмешивался в существующие линии развития. Но данный случай требует вмешательства!

Члены совета одобрительно закивали.

— Давайте же рассмотрим вопрос по существу, — предложил Аауи. — Нельзя ли, поскольку этого требуют интересы Земли, совсем выключить Неда Бринна?

— Невозможно, — отвечал программист. — Бринн и сам играет важную роль в будущем. Он добился на бирже преимущественного права на приобретение чуть ли не ста квадратных миль леса. Но для этого ему и требуется финансовая поддержка Бакстера. Вот если бы можно было помешать этой встрече Бринна с Бакстером...

— Каким же образом? — спросил Битти.

— А уж как вам будет угодно. Угрозы, убеждение, подкуп, похищение — любое средство, исключая убийство. В нашем распоряжении три мира. Сумей мы задержать Бринна хотя бы в одном из них, это решило бы задачу.

— Какой же метод предпочтительнее? — спросил Аауи.

— Давайте испробуем разные, в каждом мире другой, — предложила мисс Чандрагор. — Это даст нам больше шансов. Но кто же займется этим — мы сами?

— Что ж, нам и карты в руки, — ответил Эдвин Джеймс. — Мы знаем, что поставлено на карту. Тут требуется искусство маневрирования, доступное только политику. Каждая бригада будет действовать самостоятельно. Да и можно ли контролировать друг друга, находясь в разных временных рядах?

— В таком случае, — подытожил доктор Свег, — пусть каждая бригада исходит из того, что другие потерпели поражение.

— Да так оно, пожалуй, и будет, — невесело улыбнулся Джеймс. — Давайте же делиться на бригады и договариваться о методах работы.

I

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с

Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде сквозила почти фанатическая гордость, а крепко стиснутые губы выдавали непроходимое упрямство. В движениях проглядывала уверенность человека, постоянно наблюдавшего за собой и умеющего видеть себя со стороны.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой трость и сунул в карман «Американских пэров» Сомерсета. Никогда не выходил он из дому без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколот к отвороту пиджака золотой значок в виде восходящего солнца — эмблему его звания. Бринн был камергером второго разряда и немало этим гордился. Многие считали, что он еще молод для такого высокого поста. Однако все соглашались в том, что Бринн не по возрасту ревниво относится к правам и обязанностям своего положения.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — простые обыватели, но среди прочих также и два шталмейстера. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, *камергер*, — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, как и подобает в разговоре с простолюдином. Он неотступно думал о Бакстере. И все же краешком глаза приметил в клетке лифта высокого, ладно скроенного мужчину с золотистой кожей и характерным лицом полинезийца, что выразительно подтверждали и раскосые глаза. Бринн еще подивился: что могло привести чужестранца в их прозаический многоквартирный дом? Он знал большинство жильцов по ежедневным встречам, но, конечно, не узнавал ввиду их скромного положения.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о полинезийце. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать в кафе «Принц Чарльз».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете! — спросил Аауи.

— Похоже, с ним каши не сварить! — сказал Роджер Битти.

Он дышал всей грудью, наслаждаясь свежим, чистым воздухом. Какая неслыханная роскошь — наглотаться кислорода! В их время даже у самых богатых закрывали на ночь кран кислородного баллона.

Оба следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, энергично вышагивающая фигура была хорошо заметна даже в утренней нью-йоркской толчее.

— Заметили, как он уставился на вас в лифте? — спросил Битти.

— Заметил, — ухмыльнулся Аауи. — Думаете, чувствует сердце?

— Насчет его чуткости не поручусь. Жаль, что времени у нас в обрез.

Аауи пожал плечами.

— Это был наиболее удобный вариант. Другой приходился на одиннадцать лет раньше. И мы все равно дожидались бы этого дня, чтобы перейти к прямым действиям.

— По крайней мере узнали бы, что он за птица. Такого, пожалуй, не запугаешь.

— Похоже, что так. Но ведь мы сами избрали этот метод.

Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним, а он идет вперед, не глядя ни вправо, ни влево. И тут-то началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка; пурпурный с серебром медальон крестоносца первого ранга украшал его грудь.

— Куда лезете, не разбирая дороги? — пролаял крестоносец.

Бринн уже видел, с кем имеет дело. Проглотив оскорбление, он сказал:

— Простите, сэр!

Но крестоносец не склонен был прощать.

— Взяли моду соваться под ноги старшим!

— Я нечаянно, — сказал Бринн, побагровев от сдерживаемой злобы. Вокруг них собралось простонародье. Окружив плотным кольцом обоих разодетых джентльменов, зрители подталкивали друг друга и посмеивались с довольным видом.

— Советую другой раз смотреть по сторонам! — надсаживался толстяк-крестоносец. — Штатается по улицам как помешанный. Вашу братию надо еще не так учить вежливости.

— Сэр! — отвечивал Бринн, храня судорожное спокойствие. — Если вам угодно меня проучить, я с удовольствием встречаюсь с вами в любом месте, с любым оружием в руках, какое вы собираетесь выбрать...

— Мне? Встретиться с вами? — Казалось, крестоносец ушам своим не верит.

— Мой ранг позволяет это, сэр!

— Ваш ранг? Да вы на пять разрядов ниже меня, дубина! Молчать, а не то я прикажу своим слугам — они тоже не вам чета — пусть поучат вас вежливости. А теперь прочь с дороги!

И крестоносец, оттолкнув Бринна, горделиво прошествовал дальше.

— Трус! — бросил ему вслед Бринн; лицо у него пошло красными пятнами. Но он сказал это тихо, как отметил кто-то в толпе.

Зажав в руке трость, Бринн повернулся к смельчаку, но толпа уже расходилась, посмеиваясь.

— Разве здесь еще разрешены поединки? — удивился Битти.

— А как же! — кивнул Аауи. — Они ссылаются на прецедент 1804 года, когда Аарон Бэрр убил на дуэли Гамильтона.

— Пора приниматься за дело! — напомнил Битти. — Вот только обидно, что мы плохо снаряжены.

— Мы взяли с собой все, что могли захватить. Придется этим ограничиться.

В кафе «Принц Чарльз» Бринн сел за один из дальних столиков. У него дрожали руки; усилием воли он унял дрожь. Будь он проклят, этот крестonosец первого ранга! Чванный задира и хвастун! От дуэли он, конечно, уклонился. Спрятался за преимущества своего звания.

В душе Бринна нарастал гнев, зловещий, черный. Убить бы этого человека, и плевать на все последствия! Плевать на весь свет! Он никому не позволит над собой издеваться...

Спокойнее, говорил он себе. После драки кулаками не машут. Надо думать о Бене Бакстере и о предстоящем важнейшем свидании. Справившись с часами, он увидел, что скоро одиннадцать. Через два с половиной часа он должен быть в конторе у Бакстера и...

— Чего изволите, сэр? — спросил официант.

— Горячего шоколаду, тостов и яйца пашот.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Если бы мне нужен был ваш картофель, я бы так и сказал! — напустился на него Бринн.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: «Да, сэр, простите, сэр!» — поспешил убраться.

Этого еще не хватало, подумал Бринн. Я уже и на прислугу кричу. Надо взять себя в руки.

— *Нед Бринн!*

Бринн вздрогнул и оглянулся. Он ясно слышал, как кто-то шепотом произнес его имя. Но рядом на расстоянии двадцати футов никого не было видно.

— *Бринн!*

— Это еще что? — недовольно буркнул Бринн. — Кто со мной говорит?

— *Ты нервничаешь, Бринн, ты не владеешь собой. Тебе необходим отдых и перемена обстановки.*

Бринн побледнел под загаром и внимательно огляделся. В кафе почти никого не было. Только три пожилые дамы сидели ближе к выходу да двое мужчин за ними были, видно, заняты серьезным разговором.

— *Ступай домой, Бринн, и отдохни как следует. Выключись, пока есть возможность.*

— У меня важное деловое свидание, — отвечал Бринн дрожащим голосом.

— *Дела важнее душевного здоровья?* — иронически спросил голос.

— Кто со мной говорит?

— *С чего ты взял, что кто-то с тобой говорит?*

— Неужто я говорю сам с собой?

— *А это тебе видней!*

— Ваш заказ, сэр! — подлетел к нему официант.

— Что? — заорал на него Бринн.

Официант испуганно отпрянул. Часть шоколада пролилась на блюдце.

— Сэр? — спросил он срывающимся голосом.

— Что вы тут шмыгаете, болван!

Официант вытаращил глаза на Бринна, поставил поднос и убежал. Бринн подозрительно поглядел ему вслед.

— *Ты не в таком состоянии, чтобы с кем-то встречаться,* — настаивал голос. — *Ступай домой, прими что-нибудь, постарайся уснуть и прийти в себя.*

— Но что случилось, почему?

— *Твой рассудок в опасности! Голос, который ты слышишь, — последняя судорожная попытка твоего разума сохранить равновесие. Это серьезное предупреждение, Бринн! Прислушайся к нему!*

— Неправда! — воскликнул Бринн. — Я здоров! Я...

— Прошу прощения, — раздался голос у самого его плеча.

Бринн вскинулся, готовый дать отпор этой новой попытке нарушить его уединение. Над ним навис синий полицейский мундир. На плечах белели эполеты лейтенанта-нобиля.

Бринн проглотил подступивший к горлу комок.

— Что-нибудь случилось, лейтенант?

— Сэр, официант и хозяин кафе уверяют, что вы говорите сами с собой и угрожаете насилием.

— Чувь какая! — огрызнулся Бринн.

— *Это верно! Верно! Ты сходишь с ума!* — взвизгнул у него в голове голос.

Бринн уставился на грузную фигуру полицейского: он, конечно, тоже слышал голос. Но лейтенант-нобиль, должно быть, ничего не слышал. Он все так же строго взирал на Бринна.

— Браки! — сказал Бринн, уверенно отвергая показания какого-то лакея.

— Но я сам слышал! — возразил лейтенант-нобиль.

— Видите ли, сэр, в чем дело, — начал Бринн, осторожно подыскивая слова. — Я действительно...

— *Пошли его к черту, Бринн!* — завопил голос. — *Какое право он имеет тебя допрашивать! Двинь ему в зубы! Дай как следует! Убей его! Сотри в порошок!*

А Бринн продолжал, перекрывая этот галдеж в голове:

— Я действительно говорил сам с собой, лейтенант! У меня, видите ли, привычка думать вслух. Я таким образом лучше привожу свои мысли в порядок.

Лейтенант-нобилль слегка кивнул.

— Но вы угрожали насилеием, сэр, без всякого повода!

— Без повода? А разве холодные яйца не повод, сэр? А подмоченные тосты и пролитый шоколад не повод, сэр?

— Яйца были горячие, — отозвался с безопасного расстояния официант.

— А я говорю — холодные, и дело с концом! Не заставьте же вы меня спорить с лакеем!

— Вы абсолютно правы! — подтвердил лейтенант-нобилль, кивая на сей раз в полную силу. — Но я бы попросил вас, сэр, немного унять свой гнев, хоть вы и абсолютно правы. Чего можно ждать от простонародья?

— Еще бы! — согласился Бринн. — Кстати, сэр, я вижу пурпурную оторочку на ваших эполетах. Уж не в родстве ли вы с О'Доннелом из Лосиной Сторожки?

— Как же! Мой третий кузен по материнской линии. — Теперь лейтенант-нобилль увидел восходящее солнце на груди у Бринна. — Кстати, мой сын стажирется в юридической корпорации «Чемберлен-Холлс». Высокий малый, его зовут Кэллхен.

— Я запомню это имя, — обещал Бринн.

— Яйца были горячие! — не унимался официант.

— С джентльменом лучше не спорить! — оборвал его офицер. — Это может вам дорого обойтись. Всего наилучшего, сэр! — Лейтенант-нобилль козырнул Бринну и удалился.

Уплатив по счету, Бринн последовал за ним. Он, правда, оставил официанту щедрые чаевые, но про себя решил, что его больше не будет в кафе «Принц Чарльз».

— Вот пройдоха! — с досадой воскликнул Аауи, пряча в карман свой крохотный микрофон. — А я было думал, что мы его прищучили.

— И прищучили б, когда бы он хоть немного сомневался в своем разуме. Что ж, перейдем к более решительным действиям. Снаряжение при вас?

Аауи вытащил из кармана две пары медных наручников и одну из них передал Битти.

— Смотрите не потеряйте! — предупредил он. — Мы обещали вернуть их в Музей археологии.

— Совершенно верно! А что, пройдет сюда кулак? Да, да, вижу!

Они уплатили по счету и двинулись дальше.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, уверенно и прочно покоящихся на своих стапелях, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним происходит.

Эти голоса, звучащие в голове...

Может быть, он и в самом деле утратил власть над собой? Один из его дядей с материнской стороны провел последние годы в специальном санатории. Пресенильный психоз... Уж не действуют ли и в нем какие-то скрытые разрушительные силы?

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Надпись на носу гласила: «Тезей».

Куда эта махина держит путь? Возможно, что в Италию. И Бринн представил себе лазурное небо, щедрое солнце, вино и полуденный, блаженный отдых. Нет, это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже грозит его рассудку — он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он человек обеспеченный. Дело его само о себе позаботится. Что мешает ему сесть на паром, и страхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что ничто этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое предприятие, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и уехать, не оглядываясь.

К черту Бакстера, говорил он себе.

Душевное здоровье — вот что всего важнее! Он сядет на паром сейчас же, сию минуту, а с дороги пошлет компаньонам телеграмму, где им все...

По пустынной улице приближались к нему двое прохожих. Одного он узнал по золотисто-смуглой коже и характерным чертам полинезийца.

— Мистер Бринн? — обратился к нему другой, мускулистый мужчина с копной рыжеватых волос.

— Что вам угодно? — спросил Бринн.

Но тут полинезиец без предупреждения обхватил его обеими руками, пригвоздив к месту, а рыжеволосый сбоку огрел кулаком, в котором поблескивало что-то металлическое. Вздвинутые нервы Бринна реагировали с молниеносной быстротой. Недаром во время Второго мирового крестового похода он служил в неистовых рыцарях. Еще и теперь, много лет спустя, у него безошибочно действовали рефлексy. Уклонившись от удара рыжеволосого, он сам двинул полинезийцу локтем в живот. Тот охнул и на какую-то

секунду ослабил захват. Бринн воспользовался этим, чтобы вырваться.

Он наотмашь ударил полинезийца тыльной стороной руки и попал в гортанный нерв. Полинезиец задохнулся и упал как подкошенный. В ту же секунду рыжеволосый навалился на Бринна и стал молотить медным кастетом. Бринн лягнул его, промахнувшись — и заработал сильный удар в солнечное сплетение. У Бринна перехватило дыхание, в глазах потемнело. И сразу же на него обрушился новый удар, пославший его на землю почти в бессознательном состоянии. Но тут противник допустил ошибку.

Рыжеволосый хотел с силой наподдать Бринну ногой, но плохо рассчитал удар. Воспользовавшись этим, Бринн схватил его за ногу и рванул. Потеряв равновесие, рыжеволосый рухнул на мостовую и треснулся затылком.

Бринн кое-как поднялся, переводя дыхание. Полинезиец лежал навзничь с посиневшим лицом, делая руками и ногами слабые плавательные движения. Его товарищ валялся замертво, с волос его капала кровь.

Следовало бы сообщить в полицию, мелькнуло в уме у Бринна. А вдруг он прикончил рыжеволосого! Это даже в самом благоприятном случае — непредумышленное убийство. Да еще лейтенант-нобилль доложит о его странном поведении.

Бринн огляделся. Никто не видел их драки. Пусть его противники, если сочтут нужным, заявят в полицию.

Все как будто становилось на место. Пару эту, конечно, подослали конкуренты, они не прочь перебить у него сделку с Бакстером. Тайнственные голоса — тоже какой-то их фокус.

Зато уж теперь им не остановить его. Все еще задыхаясь на ходу, Бринн помчался в контору Бакстера. Он уже не думал о поездке в Италию.

— Живы? — раздался откуда-то сверху знакомый голос.

Битти медленно приходил в сознание. На какое-то мгновение он испугался за голову, но, слегка до нее дотронувшись, успокоился: покамест — цела.

— Чем это он меня стукнул?

— Похоже, что мостовой, — ответил Аауи. — К сожалению, я был беспомощен. Со мной он расправился на заре событий.

Битти присел и схватился за голову; она невыносимо болела.

— Ну и вояка! Призовой боец!

— Мы его недооценили, — сказал Аауи. — У него чувствуется выучка. Ну как, ноги вас еще носят?

— Пожалуй, что да, — отвечал Битти, поднимаясь с земли. — А ведь, наверно, уже поздно?

— Да, без малого час. Свидание назначено на час тридцать. Авось удастся расстроить его в конторе у Бакстера.

Не прошло и пяти минут, как они схватили такси и на полной скорости примчались к внушительному зданию.

Хорошенькая молодая секретарша уставилась на них с открытым ртом. Сидя в такси, они немного пообчистились, но все еще выглядели весьма неавантжно. У Битти голова была кое-как перевязана платком; лицо полинезийца приобрело зеленоватый оттенок.

— Что вам угодно? — спросила секретарша.

— Сегодня в час тридцать у мистера Бакстера деловое свидание с мистером Бринном, — начал Аауи самым своим официальным тоном.

— Да-а-а...

Стенные часы показывали час семнадцать...

— Нам необходимо повидать мистера Бринна еще до этой встречи. Если не возражаете, мы подождем его здесь.

— Сделайте одолжение! Но мистер Бринн уже в кабинете.

— Вот как? А ведь половины второго еще нет!

— Мистер Бринн приехал заблаговременно. И мистер Бакстер принял его раньше.

— У меня срочный разговор, — настаивал Аауи.

— Приказано не мешать. — Вид у девушки был испуганный, и она уже потянулась к кнопке на столе.

Собирается звать на помощь, догадался Аауи. Такой человек, как Бакстер, разумеется, шагу не ступит без охраны. Встреча уже состоялась, не лезть же напролом. Быть может, предпринятые ими шаги изменили ход событий? Быть может, Бринн вошел в кабинет к Бакстеру уже другим человеком; утренние приключения не могли пройти для него бесследно.

— Не беспокойтесь, — сказал он секретарше, — мы подождем его здесь.

Бен Бакстер был низеньким, плотным здоровяком с бычьей шеей и плешивой, как колено, головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин — эмблемой палаты лордов Уолл-стрит.

Бринн добрых полчаса излагал свое предложение; он усеял бумагами письменный стол Бакстера, он сыпал цифровыми данными, ссылаясь на господствующие тенденции, намечал перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова Бакстера.

— Гм-м-м, — промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, голова была точно свинцом налита, желудок свели спазмы. Вот что значит отвыкнуть от драки. И все же он надеялся кое-как дотерпеть.

— Ваши условия граничат с нелепостью, — сказал Бакстер.

— Сэр?..

— Я сказал — с нелепостью! Вы что, туги на ухо, мистер Бринн?

— Отнюдь нет, — ответил мистер Бринн.

— Тем лучше! Ваши условия были бы уместны, если бы мы говорили на равных. Но это не тот случай, мистер Бринн! И, когда фирма, подобная вашей, ставит такие условия «Предприятиям Бакстера», это звучит по меньшей мере нелепо.

Бринн прищурился. Бакстера недаром считают чемпионом ближнего боя. Это не личное оскорбление, внушал он себе. Обычный деловой маневр, он и сам к нему прибегает. Вот как на это надо смотреть!

— Разрешите вам напомнить, — возразил Бринн, — о ключевом положении упомянутой лесной территории. При достаточном финансировании мы могли бы почти неограниченно ее расширить, не говоря уже...

— Мечты, надежды, посулы, — вздохнул Бакстер. — может, идея чего-то и стоит, но вы не сумели подать ее как следует.

Разговор чисто деловой, успокаивал себя Бринн. Он не прочь меня субсидировать, по всему видно. Я и сам предполагал пойти на уступки. Все идет нормально. Просто он торгуется, сбивает цену. Ничего личного...

Но Бринну очень уж досталось. Краснолицый крестоносец, таинственный голос в кафе, мимолетная мечта о свободе, драка с двумя прохожими... Он чувствовал, что сыт по горло...

— Я жду от вас, мистер Бринн, более разумного предложения. Такого, которое бы соответствовало скромному, я бы даже сказал, подчиненному положению вашей фирмы.

Зондирует почву, говорил себе Бринн. Но терпение его лопнуло. Бакстер не выше его по рождению! Как он смеет с ним так обращаться!

— Сэр! — пролепетал он. — Это звучит оскорбительно.

— Что? — отозвался Бакстер, и в его холодных глазах почудилась усмешка. — Что звучит оскорбительно?

— Ваше заявление, сэр, да и вообще ваш тон. Предлагаю вам извиниться!

Бринн вскочил и ждал, застыв в деревянной позе. Голова нечеловечески трещала, спазм в желудке не отпускал.

— Не понимаю, почему я должен просить извинения, — возразил Бакстер. — Не вижу смысла связываться с человеком, который не способен отделить личное от делового.

Он прав, думал Бринн. Это мне надо просить извинения. Но он уже не мог остановиться и очертя голову продолжал:

— Я вас предупредил, сэр! Просите извинения!

— Так нам не столковаться, — сказал Бакстер. — А ведь, по чести говоря, мистер Бринн, я рассчитывал войти с вами в дело. Хотите, я постараюсь говорить разумно — постарайтесь и вы от-

вечать разумно. Не требуйте от меня извинений, и продолжим наш разговор.

— Не могу! — сказал Бринн, всей душой жалея, что не может. — Просите извинения, сэр!

Небольшой, но крепко сбитый, Бакстер поднялся и вышел из-за стола. Лицо его потемнело от гнева.

— Пошел вот, наглый щенок! Убирайся подобру-поздорову, пока тебя не вывели, ты, взбесившийся осел! Вон отсюда!

Бринн готов был просить прощения, но вспомнил: красный крестоносец, официант и те два разбойника... Что-то в нем захлопнулось. Он выбросил вперед руку и нанес удар, подкрепив его всей тяжестью своего тела.

Удар пришелся по шее и притиснул Бакстера к столу. Глаза у него потускнели, и он медленно сполз вниз.

— Прошу прощения! — крикнул Бринн. — Мне страшно жаль! Прошу прощения!

Он упал на колени рядом с Бакстером.

— Ну как, пришли в себя, сэр? Мне страшно жаль! Прошу прощения...

Какой-то частью сознания, не утратившей способности рассуждать, он говорил себе, что впал в неразрешимое противоречие. Потребность в действиях была в нем так же сильна, как потребность просить прощения. Вот он и разрешил дилемму, попытавшись сделать и то, и другое, как бывает в сумятице душевного разлада: ударил, а затем попросил прощения.

— Мистер Бакстер! — окликнул он в испуге.

Лицо Бакстера налилось синевой, из уголка рта сочилась кровь. И тут Бринн заметил, что голова лежит под необычным углом к туловищу.

— О-о-ох... — только и выдохнул Бринн.

Прослужив три года в неистовых рыцарях, он не впервой видел сломанную шею.

II

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний бронец. В его обдуманно-приветливом взгляде чувствовалась сердечная доброта, а выразительный рот говорил о несокрушимом благочестии. Он двигался легко и свободно, как человек чистой души, не привыкший размышлять над своими поступками.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой молит-

венный посох и сунул в карман «Руководство к праведной жизни» Норстеда. Никогда не выходил он из дому без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколот к отвороту пиджака серебряный значок в виде серпа луны — эмблему его сана. Бринн был посвящен в сан аскета второй степени западнобуддистской конгрегации, и это даже вселяло в него известную гордость, конечно, сдержанную гордость, дозволительную аскету. Многие считали, что он еще молод для звания мирского священника, однако все соглашались в том, что Бринн не по возрасту ревностно блюдет права и обязанности своего сана.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — западные буддисты, но также два ламаиста. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, брат мой! — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, в знак обычного скромного приветствия пастыря пасомому. Он неотступно думал о Бене Бакстере. И все же краешком глаза приметил в клетке лифта прелестную, холеную девушку с волосами черными, как вороново крыло, с пикантным смугло-золотистым личиком. Индианка, решил про себя Бринн, и еще подивился, что могло привести чужеземку в их прозаический многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по внешнему виду, но счел бы нескромностью раскланиваться с ними.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл об индианке. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел все заранее взвесить. Выйдя на улицу в серенькое пасмурное апрельское утро, он решил позавтракать в «Золотом лотосе».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Остаться бы здесь навсегда и дышать этим воздухом! — воскликнула Джанна Чандрагор.

Лан Ил слабо улыбнулся.

— Возможно, нам удастся дышать им в наше время. Как он вам показался?

— Уж очень доволен собой, и, должно быть, ханжа и святоша. — Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, сутулая фигура выделялась даже в нью-йоркской утренней толчее.

— А ведь глаз не сводил с вас в лифте, — заметил Ил.

— Знаю. Видный мужчина, не правда ли?

Лан Ил удивленно вскинул брови, но ничего не сказал. Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним из уважения к его сану. И тут-то началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка, облаченного в желтую рясу западнобуддистского священника.

— Простите, младший брат мой, я, кажется, помешал вашим размышлениям? — молвил священник.

— Это всецело моя вина, отец. Ибо сказано: пусть юность рассчитывает свои шаги, — отвечал Бринн.

Священник покачал головой.

— В юности живет мечта о будущем, и старости надлежит уступать ей дорогу.

— Старость — наш путеводитель и дорожный указатель, — смиренно, но настойчиво возразил Бринн. — Все авторы единомышленны в этом.

— Если вы чтите старость, — возразил священник, — внемлите же и слову старости о том, что юности надлежит давать дорогу. И, пожалуйста, без возражений, возлюбленный брат мой!

Бринн с обдуманно любезной улыбкой отвесил низкий поклон. Священник тоже поклонился, и каждый пошел своей дорогой.

Бринн ускорил шаг: он крепче зажал в руке молитвенный посох. До чего это похоже на священника — ссылаться на свой преклонный возраст как на аргумент в пользу юности. Да и вообще в учении западных буддистов много кричащих противоречий. Но Бринну было сейчас не до них.

Он вошел в кафе «Золотой лотос» и сел за один из дальних столиков. Перебирая пальцами сложный узор на своем молитвенном посохе, он чувствовал, что раздражение его проходит. Почти мгновенно вернулось к нему то ясное, бестревожное единство разума и чувства, которое так необходимо адепту праведной жизни.

Но пришло время помыслить о Бене Бакстере. Человеку не мешает помнить и о своих преходящих обязанностях наряду с религиозными. Посмотрев на часы, он увидел, что уже без малого одиннадцать. Через два с половиной часа он будет в конторе у Бакстера и...

— Что вам угодно? — спросил официант.

— Воды и сушеной рыбки, если можно, — отвечал Бринн.

— Не желаете ли картофеля фри?

— Сегодня вишня, и это не положено, — отвечал Бринн, из деликатности понизив голос.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: «Да, сэр, простите, сэр!» — поспешил уйти.

Напрасно я поставил его в глупое положение, упрекнул себя Бринн. Не извиниться ли?

Но нет, он только больше смутит официанта. И Бринн со свойственной ему решительностью выбросил из головы официанта и стал думать о Бакстере. Если к лесной территории, которую он собирается купить, прибавить капиталы Бакстера и связи Бакстера, трудно даже вообразить...

Бринн почувствовал безотчетную тревогу. Что-то неладное происходило за соседним столиком. Повернувшись, он увидел давшую смуглянку: она рыдала в крошечный носовой платочек. Маленький сморщенный старикашка безуспешно пытался ее утешить.

Плачущая девушка бросила на Брина исполненный отчаяния взгляд. Что мог сделать аскет, очутившийся в таком положении, как не вскочить и направить стопы к их столику.

— Простите мою навязчивость, — сказал он, — я невольно стал свидетелем вашего горя. Быть может, вы одиноки в городе? Не могу ли я вам помочь?

— Нам уже никто не поможет! — зарыдала девушка.

Старичок беспомощно пожал плечами.

Поколёбавшись, Бринн присел к их столику.

— Поведайте мне свое горе, — сказал он. — Неразрешимых проблем нет. Ибо сказано: через любые джунгли проходит тропа, и след ведет на самую недоступную гору.

— Поистине так, — подтвердил старичок. — Но бывает, что человеческим ногам не под силу достигнуть конца пути.

— В таких случаях, — возразил Бринн, — всяк помогает всякому — и дело сделано. Поведайте мне ваши огорчения, я всеми силами постараюсь вам помочь.

Надо сказать, что Бринн-аскет превысил здесь свои полномочия. Подобные тотальные услуги лежат на обязанности священника высшей иерархии. Но Бринна так захватило горе девушки и ее красота, что он не дал себе времени подумать.

— В сердце молодого человека заключена сила, это посох для усталых рук, — процитировал старичок. — Но скажите, исповедуете ли вы религиозную терпимость?

— В полной мере! — воскликнул Бринн. — Это один из основных догматов западного буддизма.

— Отлично! Итак, знайте, сэр, что я и моя дочь Джанна были из Лхаграммы в Индии, где поклоняются воплощению даритрийской космической функции. Мы приехали в Америку в надежде основать здесь храм. К несчастью, схизматики, чтящие воплощение Мари, опередили нас. Дочери моей надо возвращаться домой. Но фанатики марийцы покушаются на нашу жизнь, они поклялись камня на камне не оставить от даритрийской веры.

— Разве может что-нибудь угрожать вашей жизни здесь, в сердце Нью-Йорка? — воскликнул Бринн.

— Здесь больше, чем где бы то ни было! — сказала Джанна. — Людские толпы — маска и плащ для убийцы.

— Мои дни и без того сочтены, — продолжал старик со спокойствием отрешенности. — Мне следует остаться здесь и завершить свой труд. Ибо так написано. Но я хотел бы, чтобы по крайней мере дочь моя благополучно вернулась домой.

— Никуда я без тебя не поеду! — снова зарыдала Джанна.

— Ты сделаешь то, что тебе прикажут, — заявил старик.

Джанна робко потупилась под взглядом его черных, сверлящих глаз. Старик повернулся к Бринну.

— Сэр, сегодня во второй половине дня в Индию отплывает пароход. Дочери нужен провожатый, сильный, надежный человек, под чьим руководством и защитой она могла бы благополучно доехать. Все свое состояние я готов отдать тому, кто выполнит эту священную обязанность.

На Бринна вдруг нашло сомнение.

— Я просто ушам своим не верю, — начал он. — А вы не...

Словно в ответ старик вытащил из кармана маленький замшевый мешочек и вытряхнул на стол его содержимое. Бринн не считал себя знатоком драгоценных камней, и все же немало их прошло через его руки в бытность его религиозным инструктором в годы Второго мирового йехада. Он мог поклясться, что узнает игру рубинов, сапфиров, изумрудов и алмазов.

— Все это ваше, — сказал старик. — Отнесите камни к ювелиру. Когда их подлинность будет подтверждена, вы, возможно, поверите и моему рассказу. Если же и это вас не убеждает...

И он извлек из другого кармана толстый бумажник и передал его Бринну. Открыв его, Бринн увидел, что тот набит крупными купюрами.

— Любой банк удостоверит их подлинность, — продолжал старик. — Нет, нет, пожалуйста, я настаиваю, возьмите их себе. Поверьте, это лишь малая часть того, чем я рад буду отблагодарить вас за вашу великую услугу.

Бринн был ошеломлен. Он старался уверить себя, что драгоценности скорее всего искусная подделка, а деньги, конечно, фальшивые. И все же знал, что это не так. Они настоящие. Но если богатство, которым так швыряются, не вызывает сомнений, то можно ли усомниться в рассказе старика?

Истории известны случаи, когда действительные события превосходили чудеса волшебных сказок. Разве в «Книге золотых ответов» мало тому примеров?

Бринн посмотрел на плачущую смуглянку, и его охватило великое желание зажечь радость в этих прекрасных глазах, заставить трагический рот улыбаться. Да и в обращенных к нему взорах красавицы угадывал он нечто большее, чем простой интерес к опекуну и защитнику.

— Сэр! — воскликнул старик. — Возможно ли, что вы согласны, что вы готовы?..

— Можете на меня рассчитывать! — сказал Бринн.

Старик бросился пожимать ему руку. Что до Джанны, то она только взглянула на своего избавителя, но этот взгляд стоил жаркого объятия.

— Уезжайте сейчас же, не откладывая, — волновался ста-

рик. — Не будем терять времени. Возможно, в эту самую минуту нас караулит враг.

— Но я не одет для дороги...

— Не важно! Я снабжу вас всем необходимым...

— ...к тому же друзья, деловые свидания... погодите! Дайте опомниться!

Бринн перевел дыхание. Приключения в духе Гарун аль-Рашида заманчивы, спору нет, но нельзя же пускаться в них сломя голову.

— У меня сегодня деловой разговор, — продолжал Бринн. — Я не вправе им манкировать. Потом можете мной располагать.

— Как, рисковать жизнью Джанны? — воскликнул старик.

— Уверю вас, ничего с вами не случится. Хотите — пойдемте со мной. А еще лучше — у меня двоюродный брат служит в полиции. Я договорюсь с ним, и вам будет дана охрана.

Девушка отвернула от него свое прекрасное печальное лицо.

— Сэр, — сказал старик. — Пароход отходит в час, ни минутой позже!

— Пароходы отходят чуть ли не каждый день. — вразумлял его Бринн. — Мы сядем на следующий. У меня особо важное свидание. Решающее, можно сказать. Я добиваюсь его уже много лет. И речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компаньоны. Уже ради них я не вправе им пренебречь.

— Дело дороже жизни! — с иронией воскликнул старик.

— Ничего с вами не случится, — уверял Бринн. — Ибо сказано: «Зверь в джунглях пугается шагов...»

— Я и сам знаю, что и где сказано. На моем челе и челе дочери смерть уже начертала свои магические письмена, и мы погибнем, если вы нам не поможете. Вы найдете Жанну на «Тезее» в каюте-люкс «2А». Ваша каюта «3А», соседняя. Пароход отчаливает ровно в час. Если вам дорога ее жизнь, приходите!

Старик с дочерью встали и, уплатив по счету, удалились, не слушая доводов Бринна. В дверях Жанна еще раз на него оглянулась.

— Ваша сушеная рыба, сэр! — подлетел к Бринну официант. Он все время вертелся поблизости, не решаясь беспокоить посетителей.

— К черту рыбу! — взревел Бринн. Но тут же спохватился. — Тысяча извинений! Я совсем не вас имел в виду, — заверил он оторопевшего официанта.

Он расплатился, оставив щедрые чаевые, и стремительно ушел. Ему надо было еще о многом подумать.

— Эта сцена состарила меня лет на десять, она мне стоила последних сил, — пожаловался Лан Ил.

— Признайтесь: она доставила вам огромное удовольствие, — возразила Жанна Чандрагор.

— Что ж, вы правы, — энергично кивнув, согласился Лан Ил. Он маленькими глотками цедил вино, которое стюард принес им в каюту. — Вопрос в том, откажется ли Брини от свидания с Бакстером и явится ли сюда.

— Я ему как будто понравилась, — заметила Джанна.

— Что лишь свидетельствует о его безошибочном вкусе.

Джанна поблагодарила шутливым кивком.

— Но что за историю вы придумали! Надо ли было навораживать столько ужасов!

— Это было абсолютно необходимо. Бринн сильная и целеустремленная натура. Но есть в нем и такая романтическая жилка. И разве только волшебная сказка — под стать его самым напыщенным мечтам — заставит его изменить долгу.

— А вдруг не поможет и волшебная сказка? — заметила Джанна в раздумье.

— Увидим. Лично мне кажется, что он придет.

— А я на это не рассчитываю.

— Вы недооцениваете свою красоту и актерское дарование, моя дорогая! Впрочем, поживем — увидим.

— Единственное, что нам остается, — сказала Джанна, поудобнее устраиваясь в своем кресле.

Часы на письменном столе показывали сорок две минуты первого.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, уверенно и прочно покоящихся на своих стапелях, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Эта прелестная, убитая горем девушка...

Да, но как же долг, как же труд его преданных служащих — ведь именно сегодня ему предстояло завершить и увенчать его на письменном столе у Бакстера. Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Вот он, «Тезей». Бринн представил себе Индию, ее лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него. Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже значит лишиться прекраснейшей девушки в мире — он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом!

Но почему же, спрашивал себя Бринн, нащупывая в кармане замшевый мешочек. Материально он обеспечен. Дело его само о себе позаботится. Так что же мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не помешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духа создать такое дело, то хватит и

на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и последовать велению сердца.

К черту Бакстера, говорил он себе. Безопасность девушки важнее всего! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту и пошлет своим компаньонам телеграмму, где все им...

Итак, решение принято. Он круто повернулся, спустился вниз по сходням и без колебаний поднялся на борт.

Помощник капитана встретил его любезной улыбкой.

— Ваше имя, сэр?

— Нед Бринн.

— Бринн, Бринн... — Помощник поискал в списке. — Что-то я не... О, да! Вот вы где. Да, да, мистер Бринн! Ваша каюта на палубе А за номером 3. Разрешите пожелать вам приятного путешествия.

— Спасибо, — сказал Бринн, поглядев на часы. Они показывали без четверти час.

— Кстати, — спросил он помощника, — в котором часу вы отчаливаете?

— В четыре тридцать, минута в минуту, сэр!

— Четыре тридцать? Вы уверены?

— Абсолютно уверен, мистер Бринн.

— Мне сказали, в час по расписанию.

— Да, так по расписанию, сэр! Но бывает, что мы задерживаемся на несколько часов. А потом без труда нагоняем в пути.

Четыре тридцать! У него еще есть время. Он может вернуться, повидать Бена Бакстера и вовремя поспеть на пароход! Обе проблемы решены!

Благословляя неисповедимую, благосклонную судьбу, Бринн повернулся и бросился вниз по сходням. Ему удалось тут же схватить такси.

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой, как колено, головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин — эмблемой смиренных слугителей Уолл-стрит.

Бринн добрых полчаса излагал свои предложения, ссылаясь на господствующие тенденции, намечая перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова Бакстера.

— Гм-м-м, — промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, пустой желудок бил тревогу. В мозгу сверлила мысль, что надо еще поспеть на «Тезей». Он хотел скорее покончить с делами и ехать в порт.

— Ваши условия слияния обеих фирм меня вполне устраивают, — сказал Бакстер.

— Сэр! — только и выдохнул Бринн.

— Повторяю: они меня устраивают. Вы что — туги на ухо, брат мой?

— Во всяком случае не для таких новостей, — заверил его Бринн с ухмылкой.

— Лично меня очень обнадеживает слияние наших фирм, — продолжал Бакстер, улыбаясь. — Я — прямой человек, Бринн, и я говорю вам безо всяких: мне нравится, как вы провели изыскания и какой подготовили материал, и нравится, как вы провели эту встречу. Мало того, вы и лично мне нравитесь! Я верю, что слияние послужит нам на пользу.

— Я тоже в это верю, сэр.

Они обменялись рукопожатиями и встали из-за стола.

— Я поручу своим адвокатам составить соглашение исходя из нашей беседы. Вы получите его в конце недели.

— Отлично! — Бринн, колебался: сказать или не говорить Бакстеру о своем отъезде в Индию. И решил не говорить. Бумаги по его указанию перешлют на борт «Тезея», а об окончательных подробностях можно будет договориться по телефону. Так или иначе, в Индии он не задержится, доставит девушку благополучно домой и тут же вылетит обратно.

Обменявшись новыми любезностями, будущие компаньоны начали прощаться.

— У вас редкостный посох, — сказал Бакстер.

— А, что? Да, да! Я получил его на этой неделе из Гонконга. Такой искусной резьбы, как в Гонконге, вы не найдете нигде.

— Да, я знаю. А можно посмотреть его поближе?

— Конечно. Но осторожнее, пожалуйста, он легко открывается.

Бакстер, взял в руки искусно изукрашенную палку и надавил ручку. На другом ее конце выскочил клинок и слегка оцарапал ему ногу.

— Вот уж верно, что легко, — сказал Бакстер.

— Вы, кажется, порезались?

— Ничего! Пустячная царапина. А клинок-то дамасский!

Они еще несколько минут беседовали о тройном значении клинка в западнобуддистском учении и о новейших течениях в западнобуддистском духовном центре в Гонконге. Бакстер сложил палку и вернул ее Бринну.

— Да, посох отменный. Еще раз желаю вам доброго дня, дорогой брат, и...

Бакстер замер на полуслове. Рот его так и остался открытым, глаза усталились в какую-то точку над головой Бринна. Бринн обернулся, но не увидел ничего, кроме стены. Когда же он снова повернулся к Бакстеру, тот уже весь посинел, в уголках рта собралась пена.

— Сэр! — крикнул Бринн.

Бакстер хотел что-то сказать, но не мог. Два нетвердых шага — и он рухнул на пол.

Бринн бросился в приемную.

— Врача! Скорее врача! — крикнул он испуганной девушке. А потом вернулся к Бакстеру.

То, что он видел перед собой, был первый в Америке случай болезни, получившей впоследствии название гонконгской чумы. Занесенная сотнями молитвенных посохов, она вспышкой пламени охватила город, оставив за собой миллион трупов. Спустя неделю симптомы гонконгской чумы стали более известны горожанам, чем симптомы кори.

Бринн видел перед собой первую жертву.

С ужасом глядел он на терпкий ярко-зеленый оттенок, разлившийся по лицу и рукам Бакстера.

III

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. В час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде чувствовался настоящий интерес к людям, мягко очерченный рот говорил о покладистом характере, доступном доводам разума. В движениях проглядывала уверенность человека, знающего свое место в жизни.

Бринн уже собрался уходить. Он зажал под мышкой зонтик и сунул в карман экземпляр «Убийства в метро» в мягком переплете. Никогда он не выходил из дому без увлекательного детектива.

Напоследок он приколот к отвороту пиджака ониксовый значок коммодора Океанского туристского клуба. Многие считали, что Бринн еще молод для такого высокого знака отличия. Но все соглашались в том, что он не по возрасту ревностно блюдет права и обязанности своего звания. Он запер квартиру и пошел к лифту. Здесь уже стояла кучка обитателей дома, в большинстве лавочники, но Бринн узнал среди них и двух дельцов.

— Славный денек, мистер Бринн, — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

— Надеюсь! — сказал Бринн, погруженный в размышления о Бене Бакстере. И все же краешком глаза он заметил в клетке лифта белокурого гиганта — настоящего викинга, разговаривающего с плешивым коротышкой. Бринн еще подивился, что привело эту пару в их многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по ежедневным встречам, но не был еще ни с кем знаком, так как поселился здесь совсем недавно.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о викинге. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел

трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать у Чайльда.

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете? — спросил доктор Свег.

— По-моему, человек как человек. Похоже, что с ним можно сговориться. А впрочем, там видно будет.

Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, стройная фигура выделялась даже в утренней нью-йоркской толчее.

— Я меньше всего сторонник насилия, — сказал доктор Свег. — Но в данном случае мое мнение: треснуть его по макушке — и дело с концом!

— Этот способ избрали Аауи и Битти. Мисс Чандрагор и Лан Ил решили испробовать подкуп. А нам с вами поручено воздействовать убеждением.

— А если он не поддастся убеждению?

Джеймс пожал плечами.

— Мне это не нравится, — сказал доктор Свег.

Следуя за Бринном на расстоянии полуквартала, они увидели, как он налетел на какого-то румяного плотного бизнесмена.

— Простите, — сказал Бринн.

— Простите, — отозвался плотный бизнесмен.

Небрежно кивнув друг другу, они продолжали свой путь. Бринн вошел в кафе Чайльда и уселся за один из дальних столиков.

— Чего изволите, сэр? — спросил официант.

— Яйца пашот, тосты, кофе?

— Не угодно ли картофеля фри?

— Нет, спасибо!

Официант поспешил дальше. Бринн сосредоточил свои мысли на Бене Бакстере. При финансовой поддержке Бена Бакстера трудно даже вообразить...

— Простите, сэр, — раздался голос. — Не разрешите ли с вами побеседовать?

— О чем это?

Бринн поднял глаза и увидел белокурого гиганта и его коротышку-приятеля, с которыми столкнулся в лифте.

— О деле чрезвычайного значения, — сказал коротышка.

Бринн поглядел на часы. Без чего-то одиннадцать. До встречи с Бакстером оставалось еще два с половиной часа.

Незнакомцы переглянулись и обменялись смущенными улыбками. Наконец коротышка прочистил горло.

— Мистер Бринн, — начал он. — Меня зовут Эдвин Джеймс. Это мой коллега доктор Свег. Мы собираемся рассказать вам крайне странную, на первый взгляд, историю, однако я надеюсь,

что вы терпеливо выслушаете нас. В заключение мы приведем ряд доказательств, которые, возможно, убедят, а возможно, и не убедят вас в справедливости нашего рассказа.

Бринн нахмурился: это еще что за чудачки! Рехнулись они, что ли? Но незнакомцы были хорошо одеты и вели себя безукоризненно.

— Ладно, валяйте, — сказал он.

Час двадцать минут спустя Бринн воскликнул:

— Ну и чудеса же вы мне порассказали!

— Знаю! — виновато пожал плечами доктор Свег. — Но наши доказательства...

— ...производят впечатление. Покажите-ка мне еще раз эту первую штуковину!

Свег передал ему просимое. Бринн почтительно уставился на небольшой блестящий предмет.

— Ребята, а ведь если эта крохотулька действительно дает холод и тепло в таких количествах, электрические корпорации, думается мне, отвалят за нее не один миллиард.

— Это продукт нашей техники, — сказал Главный программист, — как, впрочем, и другие устройства, которые вы видели. За исключением мотрифайера, во всем этом нет ничего принципиально нового, это результаты развития и усовершенствования сегодняшней технической мысли и практики.

— А ваш талазатор! Простой, удобный и дешевый способ добывания пресной воды из морской! — Он уставился на обоих собеседников. — Хотя не исключено, конечно, что все эти изобретения — ловкая подделка.

Доктор Свег вскинул брови.

— Впрочем, я и сам кое-что смыслю в технике. И если это даже подделки, то эффект они дают такой же, как настоящие изобретения. Ох, морочите вы меня! Люди будущего! Этого еще не хватало!

— Так, значит, вы верите тому, что мы рассказали насчет вас, Бена Бакстера и временной селекции?

— Как сказать... — Бринн задумался. — Верю условно.

— И вы отмените свидание с Бакстером?

— Не знаю.

— Сэр!

— Я говорю вам, что не знаю. Хватает же у вас нахальства! — Бринн все больше сердился. — Я работал как каторжный, чтобы этого добиться. Свидание с Бакстером — величайший шанс моей жизни. Другого такого шанса у меня не было и не будет. А вы предлагаете мне пожертвовать им ради какого-то туманного предсказания.

— Предсказание отнюдь не туманное, — поправил его Джеймс. — Оно ясное и недвусмысленное.

— К тому же речь не только обо мне. У меня дело, служащие,

компаньоны и акционеры. Я обязан и ради них встретиться с Бакстером.

— Мистер Бринн, — сказал Свег, — вспомните, что здесь поставлено на карту!

— Да, верно, — хмуро отозвался Бринн. — Но вы говорили, что у вас там еще и другие бригады. А вдруг меня остановили в каком-то другом возможном мире.

— Не остановили, нет!

— Почему вы знаете?

— Я не хотел говорить тем бригадам, — сказал Главный программист, — но их надежды на успех так же призрачны, как и мои, — они близки к нулю!

— Черт! — выругался Бринн. — Вы, ребята, ни с того ни с сего сваливаетесь на человека из прошлого и преспокойно требуете, чтобы он перешерстил всю свою жизнь. Какое, наконец, вы имеете право?

— А что если отложить свидание до завтра? — предложил доктор Свег. — Это, пожалуй...

— Свидание с Беном Бакстером не откладывают. Либо вы приходите в назначенное время, либо ждете, — может быть, и всю жизнь, — чтоб он вам назначил другое. — Бринн поднялся. — Вот что я вам скажу. Я и сам не знаю, как поступлю. Я выслушал вас — и более или менее вам верю, но ничего определенного сказать не могу! Мне надо самому принять решение.

Доктор Свег и Джеймс тоже встали.

— Ваше право! — сказал Главный программист Джеймс. — До свидания, мистер Бринн! Надеюсь, вы примете правильное решение. — Они обменялись рукопожатиями. Бринн поспешил к выходу.

Доктор Свег и Джеймс проводили его глазами.

— Ну как? — спросил Свег. — Похоже, склоняется?.. Или вы другого мнения?

— Я не сторонник гаданий. Возможность что-то изменить в пределах одной временной линии маловероятна. Я в самом деле не представляю, как он поступит.

Доктор Свег покачал головой, а потом глубоко втянул носом воздух.

— Ничего дышится, а?

— Да, воздух что надо, — отозвался Главный программист Джеймс.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных океанских судов, уверенно и прочно покоящихся на своих стапелях, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Этот дурацкий рассказ... которому он верил.

Ну а как же его долг и все эти пропащие годы, ушедшие на то, чтобы добиться права покупки обширной лесной территории? А

заключенные в сделке колоссальные возможности, которые он хотел закрепить и увенчать сегодня за столом у Бакстера?!

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант «Тезей»...

И Бринн представил себе Карибское море, лазурное небо тех краев, щедрое солнце, вино, полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам себе избрал. И чего бы это ему ни стоило, он так и будет тащить этот груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он обеспеченный человек. Дело его само о себе позаботится. Что ему мешает сесть на паром и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что ничто этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и воля. Если у него хватило сил, чтобы преуспеть в делах, то хватит и на то, чтобы от них отказаться, сбросить все с плеч и последовать желанию сердца.

А заодно спасти это проклятое дурацкое будущее.

«К черту Бакстера!» — говорил он себе.

Но все это было несерьезно.

Будущее было туманно, слишком далеко. Вся эта история, возможно, хитрый подвох, придуманный его конкурентами.

Пусть будущее само о себе позаботится!

Нед Бринн круто повернулся и зашагал прочь. Надо было торопиться, чтобы не опоздать к Бакстеру.

Поднимаясь на лифте в небоскребе Бакстера, Бринн старался ни о чем не думать. Самое простое — действовать безотчетно. На шестнадцатом этаже он сошел и направился к секретарше.

— Меня зовут Бринн. Мы сегодня условились встретиться с мистером Бакстером.

— Да, мистер Бринн. Мистер Бакстер вас ждет. Проходите к нему без доклада.

Но Бринн с места не сдвинулся, его захлестнуло волной сомнений. Он подумал о судьбе грядущих поколений, которым угрожает своим поступком, подумал о докторе Свеге и о Главном программисте Эдвине Джеймсе, об этих серьезных, доброжелательных людях. Не стали бы они требовать у него такой жертвы, если бы не крайняя необходимость.

И еще одно обстоятельство пришло ему в голову...

Среди грядущих поколений будут и его потомки.

— Входите же, сэр! — напомнила ему девушка.

Но что-то внезапно захлопнулось в мозгу у Бринна.

— Я передумал, — сказал он каким-то словно чужим голосом. — Я отменяю свидание. Передайте мистеру Бакстеру, что... я очень сожалею обо всем.

Он повернулся и, чтобы не передумать, стремглав сбегал вниз с шестнадцатого этажа.

В конференц-зале Всемирного планирующего совета пять

представителей федеративных округов Земли сидели вокруг длинного стола в ожидании Эдвина Джеймса. Он вошел — тщедушный человечек с причудливо некрасивым лицом.

— Ваши доклады! — сказал он.

Аауи, изрядно помятый после недавних приключений, поведал об их попытке применить насилие и о том, к чему это привело.

— Если бы вы заранее не связали нам руки, результаты, возможно, были бы лучше, — добавил он в заключение.

— Это еще как сказать, — отозвался Битти, пострадавший больше, чем Аауи.

Лан Ил доложил о частичном успехе и полной неудаче их совместной попытки с мисс Чандрагор. Бринн уже готов был сопровождать их в Индию — даже ценой отказа от свидания с Бакстером. К сожалению, ему представилась возможность сделать и то, и другое.

В заключение Лан Ил философически посетовал на возмутительно ненадежные расписания пароходных компаний того времени.

Главный программист Джеймс поднялся с места.

— Нам желательно было найти будущее, в котором Бен Бакстер сохранил бы жизнь и успешно завершил бы свою задачу по скупке лесных богатств Земли. Наиболее перспективной в этом смысле представлялась нам Главная историческая линия, к которой мы с доктором Свегом и обратились.

— И вы до сих пор ничего нам не рассказали, — попеняла ему с места мисс Чандрагор. — Чем же у вас кончилось?

— Убеждение и призыв к разуму казались нам наилучшими методами воздействия. Поразмыслив как следует, Бринн отменил свидание с Бакстером. Однако...

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой, как колено, головой; мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин — эмблема Уолл-стритского клуба.

Он уже с полчаса сидел неподвижно, размышляя о цифрах, господствующих тенденциях и перспективах.

Затрещал звонок внутреннего телефона.

— Что скажете, мисс Кэссиди?

— Приходил мистер Бринн. Он только что ушел.

— Что такое?

— Я и сама не понимаю, мистер Бакстер. Он приходил сказать, что отменяет свидание.

— И как же он это выразил? Повторите дословно.

— Сказал, что вы его ждете, и я предложила ему пройти в кабинет. Он посмотрел на меня очень странно и даже нахмурился. Я

еще подумала: чем-то он расстроен. И снова предложила ему пройти к вам. И тогда он сказал...

— Слово в слово, мисс Кэссиди!

— Да, сэр! Он сказал: я передумал. Я отказываюсь от свидания. Передайте мистеру Бакстеру, что я очень сожалею обо всем.

— И это все, что он сказал?

— До последнего слова!

— А потом что он сделал?

— Повернулся и побежал вниз.

— Побежал?

— Да, мистер Бакстер. Он не стал ждать лифта.

— Понимаю.

— Вам еще что-нибудь нужно, мистер Бакстер?

— Нет, больше ничего, мисс Кэссиди. Благодарю вас.

Бакстер выключил внутренний телефон и тяжело повалился в кресло. Стало быть, Бринн уже знает!

Это единственно возможное объяснение. Каким-то образом слухи просочились. Он думал, что никто не узнает, по крайней мере до завтра. Но чего-то он не предусмотрел.

Губы его сложились в горькую улыбку. Он не обвинял Бринна, хотя не мешало бы тому зайти объясниться. А впрочем, нет. Пожалуй, так лучше.

Но *каким образом* до него дошло? Кто сообщил ему, что промышленная империя Бакстера — колосс на глиняных ногах, что она рушится, крошится в самом основании?

Если бы эту новость можно было утаить хоть на день, хотя бы на несколько часов! Он бы заключил соглашение с Бринном. Новое предприятие влило бы жизнь в дела Бакстера. К тому времени, как все бы узналось, он создал бы новую базу для своих операций.

Бринн узнал, и это его отпугнуло. Очевидно, знают все.

А теперь уже никого не удержишь. Не сегодня-завтра на него ринутся эти шакалы. А как же друзья, жена, компаньоны и маленькие люди, доверившие ему свою судьбу?..

Что ж, у него уже много лет как созрело решение — на этот случай.

Без колебаний Бакстер отпер ящик стола и достал небольшой пузырек. Он вынул оттуда две белые пилюли.

Всю жизнь он жил по своим законам. Пришло время умереть по ним.

Бен Бакстер положил пилюли на язык. Две минуты спустя он повалился на стол.

Смерть Бена Бакстера ускорила пресловутый биржевой крах 1959 года.

Фантазия без границ

РЫЦАРЬ В СЕРОЙ ФЛАНЕЛИ

Способ познакомиться со своей будущей женой, который избрал Томас Хенли, заслуживает внимания в первую очередь антропологов, социологов и тех, кто изучает странности человеческой природы. Он дает пусть скромный, но образчик одного из самых непонятных брачных обычаев конца XX века. Поскольку обычай этот сильно повлиял на матримониальную индустрию современной Америки, то, что случилось с Хенли, имеет немаловажное значение.

Томас Хенли был стройный юноша высокого роста, со старомодными вкусами и пороками, которые отличались умеренностью, и умеренностью, которая граничила с пороком. В разговорах, что он вел с преподавателями как мужского, так и женского пола, все было абсолютно на месте, включая грамматические ошибки, точь-в-точь приличествующие его возрасту и общественному положению. Он был владельцем нескольких костюмов из серой фланели и множества узких галстуков в косую полоску. Вы скажите, что из толпы его можно выделить по очкам в роговой оправе, — ничего подобного. Вы обознались. Хенли еще незаметнее.

Кто бы поверил, что этот смирный, безликий, деловито-усердный и со всем согласный молодой человек в душе одержим жадной романтики? Как ни печально, поверил бы всякий, ибо обманчивая внешность обманывала только своего владельца.

Юноши вроде Хенли, в доспехах из серой фланели с роговым забралом, образуют рыцарский орден наших дней. Миллионы и миллионы их скитаются по дорогам наших великих столиц — твердая поступь, быстрый шаг, прямой взгляд, тихий голос и стандартный костюм, превращающий человека в невидимку. Они,

как актеры или зачарованные, влачат свою хмурую жизнь, но сердца их сжигает вечный огонь романтики.

Хенли закономерно и безостановочно грезил наяву об абордажных саблях, со свистом рассекающих воздух, о фрегатах, которые, распустив паруса, устремляются навстречу восходящему солнцу, о таинственных девичьих глазах, что взирают на него с безмерной грустью из-под прозрачной вуали. И закономерно, он грезил о более современных видах романтики.

Но в больших городах романтика — товар дефицитный. Наиболее предприимчивые из наших бизнесменов совсем недавно поняли это. И вот как-то вечером к Хенли наведлся гость весьма необычного толка.

В пятницу, после долгого дня муторной конторской рутины, Хенли пришел домой в свою однокомнатную квартирку. Он ослабил узел галстука и не без некоторой меланхолии принялся размышлять о предстоящем уикенде. Смотреть по телевизору бокс ему не хотелось, а все фильмы в окрестных кинотеатрах он уже видел. Среди его приятельниц не было интересных девушек, и, что хуже всего, шансы познакомиться с другими фактически равнялись нулю.

Он сидел в кресле, пока на Манхэттен опускались густые сине сумерки, и размышлял, где бы встретить симпатичную девушку и что ей сказать, если он ее повстречает, и...

В квартиру позвонили.

Без приглашения к нему обычно являлись бродячие торговцы да агенты Общества содействия Пожарной службе.

Однако в тот вечер он был рад и такому мимолетному развлечению — отшить торговца, навязывающего свой товар. Он открыл дверь и увидел низенького, подвижного, разодетого человека, который одарил его лучезарной улыбкой.

— Добрый вечер, мистер Хенли, — выпалил человек. — Я Джо Моррис из нью-йоркской Службы Романтики с главной конторой в Эмпайр Стейт Билдинг и филиалами во всех районах города, а также в Уэстчестере и Нью-Джерси. Наша миссия — обслуживать одиноких, мистер Хенли, а следовательно, и вас. Не отрицайте! Иначе зачем вам вечером в пятницу сидеть дома? Вы одиноки, и наше прямое дело, оно же наше удовольствие, — обслужить вас. Такому способному, восприимчивому, интересному, юноше как вы, нужны девушки — милые девушки, приятные красивые, чуткие девушки...

— Пойдите-ка, — резко оборвал Хенли. — Если у вас там что-то вроде бюро поставки клиентов для девиц, работающих по телефонному вызову...

Он осекся, увидев, что Джо Моррис побагровел, повернулся и пошел прочь, раздувшись от негодования.

— Куда же вы! — крикнул Хенли. — Я не хотел вас обидеть!

— Да будет вам известно, сэр, что я человек семейный, — чопорно произнес Джо Моррис. — У меня в Бронксе* жена и трое детей. Если вы хотя бы на мгновение допускаете, будто я способен связать свое имя с чем-то неподобающим...

— Бога ради, простите! — Хенли провел Морриса в комнату и усадил в кресло.

К мистеру Моррису сразу же вернулись его живость и общительность.

— Нет, мистер Хенли, — сказал он, — юные леди, которых я имел в виду, не являются... э-э... профессионалками. Это красивые, нормальные, романтически настроенные молодые девушки. Но они одиноки. В нашем городе, мистер Хенли, много одиноких девушек.

Хенли почему-то считал, что в такое положение попадают одни мужчины.

— Неужто? — спросил он.

— Да, много. Задача нью-йоркской Службы Романтики, — продолжал Моррис, — организовывать встречи между молодыми людьми в благоприятной обстановке.

— Гм, — сказал Хенли. — Тогда, насколько я понимаю, у вас нечто вроде — простите мне этот термин — нечто вроде Клуба Дружбы?

— Что вы! Ничего похожего! Мистер Хенли, дорогой мой, вы когда-нибудь бывали в таком клубе?

Хенли отрицательно покачал головой.

— А следовало бы, сэр, — заметил Моррис. — Тогда бы вы смогли по достоинству оценить нашу Службу. Клуб Дружбы! Представьте себе, пожалуйста, голый зал где-нибудь на втором этаже в дешевом районе Бродвея. На эстраде пятеро музыкантов в потертых смокингах уныло пиликают избитые шлягеры. Жалкие звуки отдаются от стен безутешным эхом и сливаются с визгом и скрежетом уличного движения за окнами. У стен выстроились два ряда стульев, мужчины сидят по одну сторону зала, женщины — по другую. И те и другие явно не могут понять, как они здесь очутились. Все пытаются напустить на себя беззаботный вид, что, впрочем, им плохо удастся, все беспрерывно дымят сигаретами, чтобы скрыть нервную дрожь, а окурки бросают на пол и затапывают каблуками. Время от времени какой-нибудь бедолага набирается смелости пригласить девушку и топчется с ней, словно аршин проглотил, под масляными бесстыжими взглядами всех остальных. Распорядитель, надутый кретин с идиотской, точно приклеенной, улыбочкой, мечется по залу, пытаясь оживить это похоронное сборище, но тщетно!

Моррис перевел дух.

* Бронкс — один из пяти районов Нью-Йорка.

— Таков анахронизм, известный под именем Клуб Дружбы, — протiwоестественный, изматывающий нервы гнусный обряд, которому место разве что во времена королевы Виктории, но уж никак не в наши дни. Что касается нью-йоркской Службы Романтики, то она занята тем, чем давным-давно следовало заняться. Со всей научной точностью и технической сноровкой мы всесторонне изучили факторы, необходимые для организации удачного знакомства между особами противоположного пола.

— А что за факторы? — осведомился Хенли.

— Важнейшие из них, — ответил Моррис, — это стихийность в сочетании с ощущением роковой предопределенности.

— Но стихийность и рок, по-моему, исключают друг друга, — заметил Хенли.

— Разумеется! Романтика по самой своей природе должна состоять из взаимоисключающих элементов. Это подтверждают и составленные нами графики.

— Значит, вы продаете романтику? — спросил Хенли с сомнением в голосе.

— Вот именно! Продукт в его очищенном и первозданном виде! Не секс, который доступен каждому. Не любовь — тут нельзя гарантировать постоянство, а потому коммерческой ценности она не имеет. Нет, мистер Хенли, мы продаем романтику, эту изюминку жизни, вековую мечту человечества, которой так не хватает современному обществу.

— Очень интересно, — сказал Хенли.

Но то, что он услышал от Морриса, нуждалось в веских доказательствах. Посетитель мог оказаться и мошенником и прожектором. Кем бы он, однако, ни был. Хенли сомневался, что он торгует *романтикой*. То есть настоящей романтикой, теми тайными мерцающими видениями, что днем и ночью преследовали Хенли.

Он встал.

— Благодарю вас, мистер Моррис. Я подумаю о вашем предложении. Но сейчас я спешу, поэтому, если вы не возражаете...

— Помилуйте, сэр! Неужели вы позволите себе отказаться от *романтики*?!

— Извините, но...

— Испытайте нашу систему; мы предоставим ее вам на несколько дней совершенно бесплатно, — настаивал мистер Моррис. — Вот проденьте это в петлицу. — И он вручил Хенли вещьичку, похожую на микротранзистор с крошечной видеокамерой.

— Что это? — спросил Хенли.

— Микротранзистор с крошечной видеокамерой.

— А для чего?

— Скоро увидите. Вы только попробуйте. Мы, мистер Хенли, самая большая фирма в стране, поставляющая романтику, и наша цель — сохранить престиж, для чего мы и впредь намерены служить нуждам миллионов наиболее впечатлительных юношей и

девушек Америки. Запомните, наша романтика — самая роковая и стихийная, она дает эстетическое удовольствие и физическое наслаждение, а также вполне нравственна в глазах закона.

С этими словами Джо Моррис пожал Хенли руку и скрылся.

Хенли повертел транзистор в руках, но не нашел ни шкалы, ни кнопок. Он нацепил его на лацкан и... ничего не произошло.

Хенли пожал плечами, подтянул галстук и вышел прогуляться.

Вечер был ясный, прохладный. Как большинство вечеров в жизни Хенли, это был идеальный вечер для романтического приключения. Вокруг простирался город великих возможностей, щедрый на обещания, которые не спешил исполнять. Тысячи раз бродил Хенли по этим улицам (твердая поступь, прямой взгляд), готовый ко всему. Но с ним никогда ничего не случилось.

Он миновал огромный жилой массив и подумал о женщинах, что стоят у высоких занавешенных окон, глядя вниз на улицу, и видят одинокого пешехода на темном асфальте. Им, верно, хотелось бы знать, кто он и что ему нужно, и...

— Неплохо постоять на крыше небоскреба, — произнес чей-то голос, — полюбоваться сверху на город.

Хенли застыл на месте и быстро обернулся. Вокруг не было ни души. До него не сразу дошло, что голос раздался из транзистора.

— Что? — переспросил он.

Радио молчало.

Полюбоваться на город, прикинул Хенли. Радио предложило ему полюбоваться на город. Да, подумал он, это и в самом деле неплохо. — Почему бы и нет? — и он повернул к небоскребу.

— Не сюда, — шепнуло радио.

Хенли послушно прошел мимо и остановился перед соседним зданием.

— Здесь? — спросил он.

Радио не ответило, но Хенли почувствовалось, будто в транзисторе одобчительно хмыкнули.

Что ж, подумал он, нужно отдать должное Службе Романтики. Они, пожалуй, знают, что делают. Если не считать маленькой подсказки, все его действия были почти самостоятельны.

Хенли вошел в здание, вызвал лифт и нажал самую верхнюю кнопку. Поднявшись на последний этаж, он уже по лесенке выбрался на плоскую крышу и направился было к западному крылу.

— В обратную сторону, — прошептал транзистор.

Хенли повернулся и пошел в противоположную сторону. Остановившись у парапета, он посмотрел на город. Белые мерцающие огни уличных фонарей вытягивались в стройные ряды, тут и там красными и зелеными точками перемигивались светофоры, кое-где радужными кляксами расплывались рекламы. Перед ним

лежал его город — город великих возможностей, щедрый на обещания, которые не спешил исполнять.

Вдруг Хенли заметил, что рядом с ним еще кто-то поглощен зрелищем ночных огней.

— Прошу прощения, — сказал Хенли. — Я не хотел вам мешать.

— Вы не помешали, — ответил женский голос.

Мы не знаем друг друга, подумал Хенли. Мы всего лишь мужчина и женщина, которых случай — или рок — свел ночью на крыше вознесенного над городом здания. Интересно, сколько грез пришлось проанализировать Службе Романтики, сколько видений разнести по таблицам и графикам, чтобы добиться такого совершенства.

Украдкой взглянув на нее, он увидел, что девушка молода и красива. Она казалась невозмутимой, но он ощутил, что место, время и настроение — вся обстановка, безошибочно выбранная для этой встречи, волнует ее так же сильно, как и его.

Он напряженно подыскивал нужные слова и не мог их найти. Ему вообще ничего не приходило на ум, а драгоценные мгновения ускользали.

— Огни, — подсказало радио.

— Эти огни прекрасны, — изрек Хенли, чувствуя себя последним идиотом.

— Да, — отозвалась девушка шепотом. — Они подобны огромному ковру, расшитому звездами, или блеску копий во мраке.

— Подобны часовым, — сказал Хенли, — что вечно стоят на страже ночи. — Он так и не мог понять, сам ли дошел до этого или механически повторил то, что пискнул еле слышный голосок из транзистора.

— Я часто сюда прихожу, — сказала девушка.

— Я здесь никогда не бывал, — сказал Хенли.

— Но сегодня...

— Сегодня я не мог не прийти. Я знал, что встречу вас.

Хенли почувствовал, что Службе Романтики не мешало бы нанять сценариста классом повыше. Среди бела дня такой диалог прозвучал бы просто нелепо. Но сейчас, на крыше-площадке высоко над городом, когда огни далеко внизу, а звезды близко над головой, это был самый естественный разговор на свете.

— Я не поощряю случайных знакомств, — произнесла девушка, сделав шаг к Хенли. — Но...

— Я не случайный, — ответил Хенли, придвигаясь к ней.

В звездном свете ее белокурые волосы отливали серебром. Девушка чуть приоткрыла рот. Она смотрела на него. Настроение, необычная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

Они стояли лицом к лицу, и Хенли ощущал едва уловимый запах духов и благоухание ее волос. У него задрожали колени, его охватило замешательство.

— Обнимите ее, — шепнуло радио.

Действуя как автомат, Хенли протянул руки, и девушка прижалась к нему с тихим коротким вздохом. Они поцеловались — просто, естественно, неизбежно, охваченные нарастающей страстью, как и было задумано.

На отвороте блузки Хенли заметил у нее усыпанный бриллиантами транзистор-малютку. Тем не менее он вынужден был признать, что их встреча, стихийная и роковая, доставила ему, помимо всего прочего, еще и чрезвычайное удовольствие.

На верхушках небоскребов уже začínалось утро, когда Хенли, вконец измотанный, добрался до дома и завалился спать. Он проспал весь день и проснулся под вечер, голодный как волк. Он сидел за обедом в баре по соседству и размышлял о том, что произошло этой ночью.

Все, решительно все было чудесно, захватывающе и безупречно: встреча на крыше, а потом уютный полумрак ее квартирки, и то, как они расстались на рассвете, и тепло ее сонного поцелуя, что все еще горел у него на губах. И все-таки его снедала какая-то неудовлетворенность.

Хенли делалось не по себе при мысли о романтическом свидании, подстроенном и разыгранном при помощи транзисторов, чьи сигналы вызывали у любовников соответствующие стихийные и в то же время роковые реакции. Споры нет, Служба поработала на славу, но что-то здесь было не так.

Он представил себе, как миллионы молодых людей в серых фланелевых костюмах, при галстуках в косую полоску бродят по городу, повинаясь еле слышным приказам миллионов транзисторов. Мысленным взором он видел ночных операторов за центральным пультом управления двусторонней видеосвязью — честный работающий народ, который выполнив норму по романтике, покупает утренние газеты и разбегается на подземке по домам, где ждут жена или муж и детишки.

Это было противно, но, что там ни говори, все же лучше, чем вообще никакой романтики. Таков прогресс. Даже романтику пришлось поставить на солидную организационную основу, не то и она пропала бы во всей этой катавасии.

И вообще, решил Хенли, так ли уж это странно, если разобратся по существу? В средние века, чтобы отыскать заколдованную красавицу, рыцарь запасался у ведьмы талисманом. Сегодня комиссионер снабжает юношу транзистором, который делает то же самое и, судя по всему, куда быстрее.

Совсем не исключено, подумал он, что настоящей стихийной и роковой романтики никогда и не было. Может, в этом деле всегда требовался посредник.

Хенли не рискнул додумать эту мысль до конца. Он расплатился за обед и вышел на улицу прогуляться.

На сей раз твердая поступь и быстрый шаг привели его в кварталы городской бедноты. Вдоль тротуаров тянулись ряды мусорных ящиков, а из грязных окон доходных домов доносились

печальное соло на кларнете и визгливые голоса скандалящих женщин. Полосатая кошка уставилась на него из закоулка агатовыми глазами и порскнула неизвестно куда.

Хенли остановился, поежился и решил повернуть назад.

— Почему бы не пройти немного дальше? — подтолкнуло радио. Вкрадчивый голос раздался как бы у него в голове.

Хенли снова поежился и... пошел дальше.

Теперь на улицах стало безлюдно и тихо, как в склепе. Слепые громады складов и железные шторы на окнах магазинов заставили его прибавить шагу. Есть приключения, которых, пожалуй, искать не стоит, подумалось Хенли. Для романтики здесь обстановка самая неподходящая. Зря он послушался радио и не вернулся в свой привычный, залитый светом упорядоченный мир.

Он услышал какую-то возню и, глянув в тесный переулок, увидел, как двое мужчин пристают к девушке, а та безуспешно пытается вырваться.

Реакция Хенли была стихийной и мгновенной. Он уже приготовился задать стрекача и привести полицейского, еще лучше двух или трех. Помешал транзистор.

— Сами справитесь, — сказала радио.

Черта лысого я справлюсь, мелькнуло у него в голове.

Газеты пестрели заметками о смельчаках, считавших, будто им под силу справляться с бандитами. Как правило, все они попадали в больницу, где на досуге могли поразмыслить о пробелах своего образования по части кулачного боя.

Но радио не отставало, и Хенли, повинувшись роковой неизбежности и тронутый жалобными мольбами о помощи, решился. Он снял очки в роговой оправе, уложил в футляр, засунул его в задний карман брюк и очертя голову ринулся в мрачную пучину переулка.

Он налетел на мусорный бак, опрокинул его и достиг места действия. Грабители почему-то его не заметили. Хенли схватил первого из них за плечо, повернул к себе лицом и сделал хук правой. Человек зашатался и упал бы, если бы не стена. Его дружок выпустил девушку и бросился на Хенли, который встретил его тройным ударом обоих кулаков и правой ноги. Тот свалился, пробормотав: «Ну, ну, полегче, приятель».

Хенли повернулся к первому. Бандит налетел на него с бешенством разъяренной кошки. Однако, как ни странно, весь шквал ударов пропал вхолостую, и Хенли уложил его одним точным ударом левой.

Грабители поднялись на ноги и пустились наутек. Хенли разобрал, как на бегу один жаловался другому: «Чем эдак зарабатывать на жизнь, уж лучше ноги протянуть».

Эта реплика явна не значилась в сценарии, поэтому Хенли оставил ее без внимания и обратился к девушке. Она уцепилась за него, чтобы не упасть, и едва смогла вымолвить:

— Ты пришел...

— Я не мог не прийти, — повторил Хенли за еле слышным суфлером.

— Я знала, — прошептала она.

Хенли увидел, что она молода и красива. В свете фонаря ее черные волосы отливали антрацитом, а полуоткрытые губы — кармином. Она смотрела на него. Настроение, необычная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

На этот раз Хенли обнял ее, не дожидаясь подсказки. Он понемногу усваивал форму и содержание романтического приключения, равно как и надлежащий образ действий, ведущий к возникновению стихийной и в то же время роковой страсти.

Не теряя времени, они отправились к ней на квартиру. По дороге Хенли заметил в ее волосах огромный сверкающий бриллиант.

И только много позже он догадался, что это не драгоценность, а искусно замаскированный транзистор.

Вечером на другой день Хенли опять не сиделось дома. Он шел по улице и пытался убажить бесенка неудовлетворенности, который тихонько скребся внутри. То была чудесная ночь, повторял от себе, ночь нежных теней, шелковых прядей, ласкавших его лицо, и слез благодарности, когда девушка плакала у него на плече. Однако...

Девушка оказалась не в его вкусе, как, впрочем, и та, первая, и с этим печальным фактом ничего нельзя было поделать. Нельзя же, в самом деле, сводить наобум двух совершенно чужих друг другу людей и ожидать, что пылкая мгновенная страсть обернется любовью! У любви свои законы, от которых она ни за что не отступит.

Хенли шел и шел, но в нем крепла уверенность, что сегодня он непременно отыщет свою любовь. Ибо этой ночью рогатый месяц висел низко над крышами, а легкий ветерок приносил с юга смешанный аромат чего-то экзотически пряного и до боли родного.

Радио молчало, и он брел наугад. Он сам, без подсказки, нашел маленький парк на берегу реки, и к девушке, что одиноко стояла у парапета, он приблизился по своей воле, а вовсе не по команде из транзистора.

Он остановился рядом с ней и погрузился в созерцание. Слева стальные канаты большого моста расплывались во мраке, напоминая огромную паутину. Река катила свои черные маслянистые воды, то и дело образуя по течению маленькие водовороты. Завыл буксир, ему ответил другой; они перекликались, как души, затерянные в ночи.

Транзистор не торопился с советами. Поэтому Хенли начал:
— Приятная ночь.

— Возможно, — ответила девушка, даже не повернув головы. — А возможно, и нет.

— В ней есть красота, — сказал Хенли, — для тех, кто захочет ее увидеть.

— Удивительно. Вот уж никак не ожидала услышать...

— Разве? — спросил Хенли, подвигаясь к ней на шаг. — Разве это и в самом деле так удивительно? Удивительно, что я здесь? И что вы тоже?

— Может быть, и нет, — ответила девушка, наконец обернувшись и посмотрев Хенли в лицо.

Она была молода и красива. В лунном свете ее каштановые волосы отливали бронзой. Настроение, необычная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

От неожиданности она чуть приоткрыла рот.

И тут его озарило.

Вот приключение, по-настоящему стихийное и роковое! Не радио привело его сюда и не радио нашептывало нужные слова, подсказало, как себя вести. Хенли взглянул на девушку, но не заметил у нее на блузке или в волосах ничего похожего на транзистор.

Он нашел свою любовь без помощи Нью-Йоркской Службы Романтики! Тайные мерцающие видения, которые его преследовали, наконец-то сбывались.

Он протянул руки, и девушка прижалась к нему с еле слышным вздохом. Они поцеловались. Огни большого города сверкали и смешивались со звездами в небе, месяц клонился все ниже и ниже, а над черной маслянистой рекой сирены обменивались траурными вестями.

Девушка перевела дыхание и высвободилась из объятий.

— Я вам нравлюсь? — спросила она.

— Нравитесь?! — вскричал Хенли. — Это не то слово!

— Я рада, — сказала девушка, — потому что я Опытный Образец Вольной Романтики, который вам безвозмездно представил на пробу трест «Производство Великой Романтики» с главной конторой в Нью-Арке, штат Нью-Джерси. Наша фирма предлагает вашему вниманию истинно стихийную и роковую романтику любого вида. Опираясь на технологические изыскания, мы смогли ликвидировать грубо кустарные приспособления типа транзисторов, которые привносят скованность и ощущения подневольности там, где вы не должны ощущать никакого контроля. Мы счастливы, что наш опытный образец пришелся вам по душе.

Не забудьте, однако: это — только образец, первая проба того, что может вам предложить «Производство Великой Романтики» с филиалами по всему миру. В этом проспекте, уважаемый сэр, изложено несколько типовых проектов. Возможно, вас заинтересует цикл «Романтика под всеми широтами»; если же вы от-

личаетесь смелым воображением, вам, вероятно, больше подойдет пикантный набор «Романтика сквозь века». Обратите внимание на постоянно действующий «Городской проект» и...

Она вложила ему в руку тонкую книжицу с яркими иллюстрациями. Хенли уставился на проспект, потом на девушку. Он разжал пальцы, и книжица с шелестом порхнула на землю.

— Сэр, я надеюсь, мы не оскорбили ваших чувств! — воскликнула девушка. — Эти чисто деловые стороны романтики неизбежны, но преходящи. В дальнейшем наша романтика сразу же становится стихийной и роковой. Вы только будете раз в месяц получать счет — по почте, в обычном конверте без указания отправителя, и...

Но Хенли уже бежал прочь, вниз по улице. На бегу он выдернул из петлицы транзистор и швырнул его в сточную канаву.

Коммиссионерам от романтики так и не удалось всучить Хенли свой товар. У него была тетушка, которой он позвонил, и та, возбужденно кудхатая в трубку, тут же устроила ему свидание с дочкой одного из своих старых друзей. Они встретились в тетушкиной гостиной, тесной от обилия украшений и безделушек, и, запинаясь на каждом слове, добрых три часа проговорили о погоде, о политике, о работе, о колледже и об общих знакомых. Тетушка, сияя от радости, потчевала их кофе и домашним печеньем, разрываясь между кухней и ярко освещенной гостиной.

И видимо, что-то в этих строго-официальных, отдающих седой древностью смотринах подействовало на молодых людей самым благотворным образом. Хенли начал за ней ухаживать, и они поженились через три месяца.

Любопытно отметить, что Хенли был из последних, кто нашел себе жену столь причудливым, старомодным, ненадежным, бессистемным и непроизводительным способом. Ибо компании обслуживания сразу учуяли коммерческие перспективы «метода Хенли». Был составлен график кривой воздействия замешательства и смущения на психику; больше того, произведена финансовая оценка роли Тетушки в системе Американского Ухаживания.

Вот почему один из самых распространенных и высокоценных сегодня видов обслуживания в ассортименте таких компаний — поставлять стандартных тетушек в распоряжение молодых людей мужского пола, обеспечивать оных тетушек стеснительными и застенчивыми девушками и заботиться о соответствующей обстановке, а именно: ярко освещенной, уставленной безделушками гостиной, неудобной кушетке и энергичной пожилой даме, которая суетится с кофе и домашним печеньем, врываясь в комнату через точно рассчитанные неравномерные промежутки времени.

Дух, говорят, захватывает. До умопомрачения.

ПИЯВКА

Слишком долго она летела в пустоте. Слишком долго была без пищи. Безжизненная спора, она не замечала, как проходили тысячелетия. Не почувствовала она ничего и тогда, когда, наконец, достигла Солнечной системы, и живительные лучи Солнца коснулись ее твердой сухой оболочки.

Планета потянула ее к себе, и, все еще мертвая, она вместе с другими межзвездными пылинками начала падать.

Пылинка, похожая на миллионы других; ветер подхватил ее, помчал вокруг Земли и отпустил...

На поверхности она стала оживать. Сквозь поры в ее оболочке начала поступать пища. Она принялась есть и... расти.

Фрэнк Коннерс поднялся на веранду и два раза негромко кашлянул.

— Прошу прощения, профессор, — сказал он.

Длинноногий мужчина, лежавший на раскладушке, даже не пошевелился и продолжал похрапывать.

— Мне не хотелось вас беспокоить. — От волнения Коннерс сдвинул свою старенькую шляпу на затылок. — Я знаю, у вас неделя отдыха, но там, в канаве, лежит такая чертовщина...

Одна бровь у спящего слегка приподнялась.

Фрэнк Коннерс снова вежливо кашлянул. На его руке, сжимавшей черенок лопаты, набухли, старческие жилы.

— Вы слышите, профессор?

— Конечно, я все слышал, — пробормотал Майкхил, не открывая глаз. — Вам попался эльф?

— Чего? — спросил Коннерс, мучительно наморщив лоб.

— Маленький человечек в зеленом сюртучке. Дайте ему молочка, Коннерс.

— Нет, сэр. Это какой-то камень.

Профессор открыл один глаз.

— Прошу прощения, я не хотел вас беспокоить, — снова извинился Коннерс.

У профессора Майкхила вот уже десять лет была единственная причуда — неделя полного покоя. Это стало традицией. Всю зиму профессор читал студентам антропологию, заседал в полудюжине комитетов, занимался для себя физикой и химией и ко всему этому умудрялся еще писать по книжке в год. Но к лету он выдыхался совершенно.

И тогда он отправлялся к себе, на старую ферму, в штат Нью-Йорк, и целую неделю просто-напросто отсыпался. Это и называлось неделей полного покоя. Фрэнка Коннерса он нанимал на это время готовить еду и помогать по хозяйству.

Вторую неделю профессор, как правило, бродил по окрест-

ностям, рассматривал деревья, птичек и удил рыбу. Третью неделю он читал, загорал на солнце, чинил крышу сарая и лазил по горам. Конца четвертой профессор дождался с трудом, а дождавшись, торопился уехать.

Но первая неделя была священна.

— Я не стал бы вас тревожить по пустякам, но этот чертов камень расплавил мне лопату.

Профессор разом открыл глаза и приподнялся. Коннерс протянул ему лопату. Ее закругленная часть была ровно срезана. Майкхил спустил ноги с раскладушки и сунул их в потрепанные мокасины.

— Идемте, — сказал он, поднимаясь. — Посмотрим, что это за чудо.

«Чудо» лежало в придорожной канаве, отделявшей лужайку перед домом от большой автострады. Обыкновенная плита из камня величиной с автомобильную шину, дюйма три толщиной. На темно-серой поверхности виднелось множество замысловатых черных прожилок.

— Не трогайте руками, — предупредил Коннерс.

— Я и не собираюсь. Дайте мне вашу лопату. — Майкхил взял лопату и ткнул ею в загадочный предмет. Он действительно был тверд, как камень. Какое-то время профессор держал лопату прижатой к поверхности. Когда он ее отнял — еще дюйм металла исчез.

Майкхил нахмурился и поправил очки. Затем одной рукой он снова прижал лопату к камню, а другую поднес поближе к его поверхности. Лезвие таяло на глазах.

— Вроде бы не греет, — сказал он, обращаясь к Коннерсу. — А в первый раз? Вы не заметили, как от камня шло тепло?

Коннерс отрицательно покачал головой.

Майкхил набрал в руку грязи и бросил ее на камень. Комок быстро растаял, не оставив и следа на черно-серой поверхности. За комком грязи последовал большой булыжник, который исчез тем же способом.

— Вы когда-нибудь видели такую чертовщину, профессор? — спросил Коннерс.

— Нет, — Майкхил разогнулся, — никогда не видел.

Он снова взял лопату и изо всех сил ударил ею о камень... И чуть не выронил ее. Ожидая отдачи, он слишком сжимал черенок. Но отдачи не последовало. Лопата ударилась и сразу остановилась, как будто прилипла. Когда профессор приподнял ее, он увидел, что на черно-серой поверхности не осталось никакого следа от удара.

— Вот тебе и на. Что же это такое? — выдохнул Коннерс.

— Это не камень, — сказал Майкхил, отступая назад. —

Пиявки сосут кровь. А эта штука, кажется, сосет грязь и лопаты.

Мужчины переглянулись. На шоссе показалось несколько военных грузовиков. С ревом они промчались мимо.

— Пойду попробую дозвониться в колледж. Попрошу приехать кого-нибудь из физиков, — сказал Майкхил, — или биологов. Хорошо бы убрать отсюда эту штуку, пока она не испортила мне газон.

Они направились к дому.

Все вокруг было для нее пищей. Ветер отдавал ей свою энергию. Шел дождь, и удар каждой капли еще добавлял ей сил. И вода тут же всасывалась всепоглощающей поверхностью.

Солнечные лучи, почва, грязь, камни, веточки — все усваивалось клетками.

Медленно зашевелились в ней смутные тени ощущений. И первое, что она почувствовала, — неправдоподобную ничтожность своего тела.

Она росла.

На следующий день пиявка достигла уже восьми футов. Одним краем она высунулась на шоссе, а другой — дополз до газона. Еще через день ее диаметр увеличился до восемнадцати футов. Теперь она перекрыла всю проезжую часть дороги.

Майкхил ходил вокруг пиявки и задавал себе один и тот же вопрос. Какое вещество может вести себя таким образом? Ответ прост — ни одно из известных веществ.

Вдали послышался гул армейских грузовиков.

Водитель ехавшего впереди джипа поднял руку, и вся колонна остановилась. Из джипа вылез офицер. По количеству звезд на его плечах Майкхил понял, что перед ним бригадный генерал.

— Уберите эту штуку и очистите проезд.

Он был высок и худощав. На загорелом, обожженном солнцем лице холодно поблескивали глаза.

— Мы не можем ее убрать. — Майкхил рассказал генералу о событиях последних дней.

— Но ее необходимо убрать, — сказал генерал. Он подошел ближе и пристально посмотрел на пиявку. — Вы говорите, ломом ее не сковырнуть? И огонь ее не берет?

— Совершенно верно. — Майкхил слабо улыбнулся.

— Шофер, — бросил генерал через плечо, — поезжайте-ка через эту штуку!

Майкхил хотел было вмешаться, но удержался. Генеральские мозги — особая штука. Нужно дать им возможность посообразить самостоятельно.

Джип рванулся вперед, подпрыгнув на десятисантиметровом ребре «камня». В центре автомобиль остановился.

— Я не приказывал останавливаться! — рявкнул генерал.

— Я и не останавливался, сэр, — запротестовал шофер.

Джип дернулся на месте и окончательно замер.

— Простите, — сказал Майкхил, — но у него плавают шины.

Генерал присмотрелся, и его рука автоматически дернулась к пистолету на поясе. Затем он закричал:

— Водитель! Прыгайте! Не коснитесь только этой серой штуки!

Лицо у шофера побледнело. Он быстро вскарабкался на крышу джипа, огляделся и благополучно спрыгнул на землю.

В полной тишине все наблюдали за джипом. Сначала растаяли шины, потом четыре обода, рама автомобиля...

Последней медленно исчезла антенна.

Генерал тихо выругался и приказал шоферу:

— Отправляйтесь к колонне и возвращайтесь с гранатами и динамитом.

Она почти очнулась. Все тело требовало пищи, еще и еще. Почва под ней стремительно растворялась. Она росла. Какой-то большой предмет оказался на ее поверхности и стал добычей.

Взрыв энергии возле самой поверхности, потом другой, и еще, еще... Она жадно, с благодарностью, поглотила эти новые силы и перевела их в массу. Маленькие металлические кусочки ударялись о поверхность, и она всосала их кинетическую энергию, превратив ее в массу. Еще взрывы и еще...

Ее ощущения становились все богаче, она начала чувствовать среду вокруг...

Еще один взрыв, сильнее предыдущих. Это уже настоящая пища! Ее клетки кричали от голода. С тревогой и надеждой она ждала еще взрывов.

Но их больше не было. Тогда она снова принялась за почву и солнечный свет. Она ела и росла, и расплзалась в стороны.

С вершины небольшого холма Майкхил смотрел, как рушится его собственный дом. Пиявка, диаметром теперь в несколько сот метров, поглощала крыльцо.

«Прощай, мой домик», — подумал он, вспоминая десять летних сезонов, проведенных здесь.

Крыльцо растворилось, за ним дверь...

Теперь пиявка напомнила огромное поле застывшей лавы. Серое, мрачное пятно на зеленой земле.

— Простите, сэр. — Позади него стоял солдат. — Генерал О'Доннел хочет вас видеть.

— Пожалуйста. — Майкхил бросил последний взгляд в сто-

рону дома и последовал за солдатом через проход в колючей проволоке, протянутой теперь вокруг пиявки диаметром в полмили. По всей ее длине стояли солдаты, удерживая репортеров и любопытствующих. Майкхил удивлялся, как это ему разрешили проходить за ограждение. Может быть, потому, что все это, как-никак, произошло на его земле.

В палатке за маленьким столиком сидел генерал О'Доннел. Жестом он предложил Майкхилу садиться.

— Мне поручили избавиться от этой «пиявки», — сказал генерал, обращаясь к нему.

Майкхил молча кивнул головой. Когда научная работа поручается вояке, комментарии излишни.

— Вы ведь профессор, не так ли?

— Антропологии.

— Прекрасно. Прикуривайте. — Генерал протянул зажигалку. — Мне бы хотелось оставить вас тут в качестве консультанта. Я очень ценю ваши наблюдения над... — он улыбнулся, — над врагом.

— Я с удовольствием останусь, — сказал профессор Майкхил, — но вам скорее нужен физик или биохимик.

— Не хочу устраивать здесь ученую суматоху. — Генерал О'Доннел нахмурился, глядя на кончик своей сигареты. — Не поймите меня превратно. Я с большим уважением отношусь к науке. Я сам, если так можно выразиться, ученый-солдат. Сейчас выиграть войну без науки невозможно.

Тут загорелое лицо О'Доннела стало каменным.

— Но я не хочу, чтобы команда длинноволосых крутилась целый месяц вокруг этой штуки и задерживала меня. Мое дело уничтожить ее — любыми способами и немедленно.

— Думаю, что это не просто, — произнес Майкхил.

— Вот потому-то вы мне и нужны. Объясните мне, почему не просто, а я уж соображу, как с нею разделаться.

— Пожалуйста. Насколько я понимаю, пиявка является органическим преобразователем энергии в массу. Этот преобразователь чрезвычайно эффективен. Скорее всего, у него два цикла работы. Сначала он массу превращает в энергию, а затем — энергию в массу уже собственного тела. Но может и сразу энергию переводить в массу тела. Как это происходит, я не знаю.

— Короче, против нее нужно что-нибудь солидное, — перебил его О'Доннел. — Отлично, кое-что у меня здесь найдется.

— Наверно, вы неправильно меня поняли, — сказал Майкхил. — Пиявка питается энергией. Она усвоит и использует силу любого оружия.

— Что же произойдет, — спросил О'Доннел, — если она будет продолжать есть?

— Я не знаю, до каких размеров она может вырасти, — сказал Майкхил. — Ее рост можно ограничить лишь недостатком пищи.

— Вы хотите сказать, что она может вот так расти до бесконечности?

— Она вполне может расти до тех пор, пока ей есть чем питаться.

— Ну что ж, это настоящая дуэль, — сказал О'Доннел. — Но неужели с ней не справиться силой?

— Выходит, нет. Лучше всего вызвать физиков и биологов. Они, наверное, смогли бы сообразить, как с ней обойтись.

Генерал вынул изо рта сигарету.

— Профессор, я не могу тратить время попусту, пока ученые будут спорить. Я следую своей аксиоме. Могу вам ее сообщить, — он сделал многозначительную паузу. — Ничто не может устоять перед силой! Приложите достаточную силу, и что угодно уступит. Что угодно! Вы думаете, пиявка устоит против атомной бомбы?

— Не исключено, что ее можно перегрузить энергией, — с сомнением в голосе произнес Майкхил. — Он только теперь понял, зачем он понадобился генералу. Наука без полномочий — это вполне устраивало О'Доннела.

После долгого перерыва пищи опять стало много. Радиация, вибрация, взрывы, какое восхитительное разнообразие! Она поглощала все. Но пища поступала слишком медленно. Голодные, только что рожденные клетки требовали еще и еще... Скорее! Вечно голодное тело кричало.

Теперь, когда она стала больше, ее чувства обострились. И она ощутила, что неподалеку собрано и одном месте огромное количество пищи. Пиявка легко взмыла в воздух, пролетела немного и рухнула на лакомый кусок.

— Идиоты! — генерал О'Доннел был взбешен. — Какого дьявола они поддались панике? Можно подумать, что их ничему не учили!

Большими шагами он отмерил землю возле новой палатки, в трех милях от места, где стояла старая.

Пиявка выросла до двух миль в диаметре. Пришлось эвакуировать три фермерских хозяйства.

Профессор Майкхил все еще не мог отделаться от кошмарного воспоминания. Эта тварь приняла массированный удар всех видов оружия, а затем ее тело неожиданно поднялось в воздух. На мгновение она заслонила солнце, нависла над Норт Хиллом — и рухнула вниз.

Солдаты в Норт Хилле могли успеть разбежаться, но, перепуганные насмерть, так и не сдвинулись с места.

Потеряв в операции «Пиявка» шестьдесят семь человек, генерал О'Доннел попросил разрешения пустить в ход атомную бом-

бу. Вашингтон прислал группу ученых для исследования ситуации.

— Эти эксперты все еще не приняли решения? — О'Доннел остановился перед входом в палатку. — Они слишком долго разговаривают.

— Принять решение очень трудно, — сказал Майкхил. Он не был включен в комиссию, поэтому, высказав все свои соображения, вышел из палатки. — Физики считают, что это живое существо, а биологи, кажется, думают, что на все вопросы должны ответить химики. Никто не может считать себя специалистом по этим штукам.

— Это военная проблема, — хрипло сказал О'Доннел. — Меня не интересует, что это такое. Я хочу знать, как ее можно уничтожить. Они бы лучше дали мне возможность использовать атомную бомбу.

Профессор Майкхил проделал кое-какие расчеты. Прикинув скорость, с какой пиявка поглощала энергию-массу, ее размеры и очевидную способность расти, он пришел к выводу, что атомная бомба могла бы перегрузить ее энергией. Но — только в самое ближайшее время.

Взорвать бомбу нужно было в течение максимум трех дней. Пиявка росла в геометрической прогрессии. Через несколько месяцев она должна была покрыть всю территорию Соединенных Штатов.

— Я целую неделю добивался разрешения, — громыхнул О'Доннел. — И я получу его, но для этого мне приходится ждать, пока эти ослы наговорятся. — Он остановился и повернулся к Майкхилу. — Я уничтожу эту пиявку. Я разнесу ее вдребезги. Это касается уже не только безопасности. Это задевает лично меня.

Из палатки вышла группа усталых людей. Впереди шел Аленсон — биолог.

— Итак, — сказал генерал, — вы выяснили, что это такое?

— Подождите еще минутку. Я отрежу от нее кусочек, — зло ответил Аленсон.

— Ну, а придумали вы какой-нибудь научный способ ее уничтожения?

— О, это было не трудно, — сухо произнес Мориарти, физик-атомщик. — Заверните ее в абсолютный вакуум. И все будет в порядке. Или сдуньте с Земли антигравитацией.

— Если же вы не можете этого сделать, — сказал Аленсон, — мы можем предложить вам попробовать ваши бомбы, только побыстрее.

— Таково мнение всей вашей группы? — спросил О'Доннел.

— Да.

Майкхил подошел к ученым.

— Ему следовало сразу нас вызвать, — пожаловался Аленсон. — А сейчас уже нет времени раздумывать.

— Вы пришли к какому-нибудь мнению о ее природе — спросил Майкхил.

— К самому общему, — сказал Мориарти, — и оно практически совпадает с вашим. Пиявка скорее всего космического происхождения. Во всяком случае мы должны радоваться, что она не упала в океан. Земля под нами была бы съедена раньше, чем мы поняли бы, в чем дело.

Заключение комиссии, состоявшей из одних ученых, было проверено комиссией, состоявшей из других ученых. На это ушло несколько дней. Затем Вашингтон захотел узнать, нет ли другого выхода и обязательно ли рвать атомные бомбы в центре штата Нью-Йорк. Потом надо было эвакуировать людей. На это тоже ушло время.

Наконец тупорылая ракета-разведчик взмыла над Нью-Йорком. Серовато-черное пятно, напоминающее гноящуюся рану, протянулось от Тихого озера до Элизабеттауна, покрыв долины Куни и Куни-вэлли, краями выплескиваясь на гребни ближайших гор.

Первая бомба полетела вниз.

Ошеломляющий взрыв!

Все вокруг наполнилось пищей, но теперь появилась опасность переполниться. Энергия лилась непрерывным потоком, пронизывала пиявку насквозь, сплющивала ее, и пиявка бешено росла. Она была еще слишком мала и быстро достигла предела насыщения. Но в перенапряженные клетки, наполненные до отказа, вливали еще и еще энергию.

Она устояла.

Следующие порции были восхитительны на вкус, и с ними она легко справилась. Пиявка росла, ела и снова росла.

О'Доннел отступил вместе со своей полностью деморализованной командой. Новый лагерь разбили в десяти милях от южного края пиявки, в опустевшем городке. Теперь диаметр пиявки равнялся шестидесяти милям, а она все росла.

Двухсотмильная зона в округе была эвакуирована.

Генералу О'Доннелу разрешили воспользоваться однородными бомбами — при условии одобрения со стороны ученых.

— Почему они медлят? — генерал кипел. — Пиявку нужно немедленно разнести вдребезги. Чего они крутят?

— Они боятся цепной реакции, — ответил Майкхил. — Такая концентрация водородных бомб в состоянии вызвать ее в земной коре или в атмосфере. Могут быть и другие неприятные последствия.

— Что же, они хотят, чтобы я организовал штыковую атаку? — презрительно проговорил О'Доннел.

Майкхил молча вздохнул и уселся в кресло. Он был убежден, что вся затея в принципе порочна. Государственные эксперты шли по одному-единственному пути. Давление на них было столь велико, что нечего было и думать о поиске других путей, кроме применения силы. Пиявке же именно это и надо.

Майкхил был уверен, что порой бороться огнем против огня — не лучший способ.

Огонь. Локи — скандинавский бог огня. И мошенников... Нет, ответ здесь вряд ли сыщешь. Но Майкхил уже бродил мысленно по мифам различных народов, отвлекаясь от невыносимой действительности.

Вошел Аленсон, за ним еще шестеро.

— Итак, — сказал Аленсон, — есть отличная возможность расколоть нашу планету пополам.

— Война — есть война, — коротко отрубил О'Доннел. — Итак, вперед?

И вдруг Майкхил понял, что О'Доннела действительно не беспокоит, что будет с Землей. Багроволицего генерала волновало лишь то, что он устроит поистине небывалый взрыв, какого еще не устраивала рука человека.

— Не так быстро, — сказал Аленсон. — Пусть каждый выскажет свое собственное мнение.

— Помните, — прошипел генерал, — по вашим же собственным цифрам пиявка прибавляет каждый час по двадцать футов.

— И скорость эта все время растет, — сказал Аленсон, — но решение, которое мы должны принять, слишком серьезно.

Майкхил подумал о громах и молниях Зевса. Это сейчас как раз и необходимо. Или... сила Геркулеса. Или...

От неожиданной мысли он выпрямился в кресле.

— Джентльмены, мне кажется, я могу предложить вам другое решение. Вы когда-нибудь слышали об Антее?

Чем больше она ела, тем быстрее росла, тем голоднее становилась. Многие теперь ожило в ее памяти. Когда-то она съела планету. Потом направилась к ближайшей звезде и сожрала ее, насытив клетки энергией для дальнего путешествия. Но больше пищи поблизости не было, а следующая звезда горела безумно далеко.

Масса была превращена в энергию полета и растрочена на долгом пути. Она стала безжизненной спорой, бесцельно летящей между звезд.

Так было. Но только ли это было? Ей казалось, что она припоминает гораздо более ранние времена. Ей чудились вселенные той поры, когда они еще были равномерно наполнены звездами. Она прогрызала целые звездные коридоры, росла, разбухала. И звезды в ужасе шарахались в стороны, сбиваясь в испуганные галактики и созвездия.

Или ей все это приснилось?

Методично она пожирала землю, удивляясь, куда же делась богатая, сытая пища. И вот пища снова была здесь, возле нее, но на этот раз сверху.

Она ждала, но мучительно притягивающая еда оставалась недостижимой. О, как ясно она ощущала, насколько эта еда чиста и питательна.

Почему она не падает?

Наконец пиявка поднялась всей своей громадой и устремилась к ней сама.

Еда улетала от поверхности планеты. Пиявка последовала за ней.

Мучительно сладостный, дразнящий кусок улетал в космос, и она следовала за ним. Но в космосе она ощутила близость еще более богатого источника еды.

О'Доннел разносил ученым шампанское. Официальный обед должен состояться попозже, а пока необходимо отметить победу.

— Предлагаю выпить, — тожественно произнес генерал. Все подняли бокалы. Этого не сделал только лейтенант за пультом управления полетом ракеты. — За профессора Майкхила, за то, что он придумал... как его, скажите-ка еще раз, Майкхил.

— Антей, — Майкхил медленно тянул шампанское, но чувства восторга он не испытывал. — Антей, рожденный Геей, богиней Земли, от Посейдона, бога моря. Непобедимый богатырь. Каждый раз, когда Геркулес бросал его на Землю, он снова поднимался, полный новых сил. Пока Геркулес не оторвал его от матери.

Мориарти что-то бормотал себе под нос, быстро перебрасывая движок логарифмической линейки и что-то записывая. Аленсон молча пил, но и он выглядел не очень веселым.

— Поехали, что же вы нахохлились. — О'Доннел наливал еще и еще. — Потом досчитаете, бросьте. Сейчас надо выпить! — Он повернулся к оператору. — Как там дела?

Мысли Майкхила вернулись к ракете. Снаряд с дистанционным управлением, до отказа набитый радиоактивными веществами. Он висел над пиявкой, пока она не последовала за ним, поддавшись на приманку. Антей оторвался от матери-Земли и начал терять силы. Оператор так вел космический корабль, чтобы тот все время был поблизости от пиявки, но в то же время она не могла им завладеть.

Корабль и пиявка летели навстречу Солнцу.

— Отлично сэр, — отрапортовал лейтенант, — сейчас они уже внутри орбиты Меркурия.

— Господа, — сказал генерал. — Я поклялся разнести эту штуку. Другим, более прямым способом, но это не важно. Глав-

ное — уничтожить. Разрушение иногда — священное дело. Сейчас это именно так, господа, и я счастлив.

— Поворачивайте корабль! — закричал вдруг Мориарти. Он был бледен как снег. — Поверните эту проклятую ракету!

Он потрясал перед их глазами листками с цифрами.

Цифры легко было разобрать. Скорость роста пиявки. Скорость потребления ею энергии. Рост энергии, поступающей от Солнца, по мере приближения к нему.

— Она сожрет Солнце, — спокойно произнес Мориарти.

Комната превратилась в ад. Все шестеро одновременно пытались объяснить О'Доннелу, в чем дело. Потом Мориарти попытался один. И наконец Аленсон.

— Она так быстро растет, а скорость у нее такая маленькая и она поглощает так много энергии, что когда она доберется до Солнца, размеры позволят ей с ним расправиться. Или, по крайней мере, расправиться, побыв перед тем некоторое время с ним рядом.

О'Доннел повернулся к оператору и скомандовал:

— Заверните их!

Все в напряженном ожидании застыли перед экраном радара.

Раздался вздох облегчения. Опасность была слишком реальной.

— В какой части неба они сейчас находятся? — спросил О'Доннел.

— Думаю, я смогу вам показать, — сказал астроном. — Где-то вон в той части, — показал он рукой, подойдя к открытой двери.

— Превосходно. Лейтенант! — О'Доннел обернулся к оператору. — Давайте!

Ученые остолбенели от неожиданности. Оператор поколдовал над пультом, и капля начала догонять точку. Майкхил двинулся было через комнату к пульту.

— Стоп! — рявкнул генерал, его командирский голос остановил антрополога. — Я знаю, что делаю. Корабль специально для этого выстроен.

Капля на экране догнала точку.

— Я поклялся уничтожить пиявку, — сказал О'Доннел. — Мы никогда не будем в безопасности, пока она жива, — он улыбнулся. — Не посмотреть ли нам на небо?

Генерал направился к двери. Молча все последовали за ним.

— Нажмите кнопку, лейтенант!

Оператор выполнил приказ. Все молча ждали.

В небе появилась яркая звезда. Ее блеск рассеял ночь, она росла, потом стала медленно гаснуть.

— Что вы сделали? — выдохнул Майкхил.

— В ракете были водородные бомбы, — торжествующим го-

лосом пояснил О'Доннел. — Ну как, есть там что-нибудь на экране, лейтенант?

— Ни пылинки, сэр.

— Господа, — сказал генерал, — я встретил врага и победил. Выпьем еще шампанского, господа, у нас есть повод!

Майкхил неожиданно почувствовал приступ тошноты.

Она содрогнулась от страшного потока энергии. Нечего было и думать удержать такую дозу. Долю секунды ее клетки еще сопротивлялись, затем перенасытились и были разорваны.

Она была уничтожена, растерта в порошок, раздроблена на миллионы частиц, которые тут же дробились еще на миллионы других. На споры.

Миллиарды спор летели во все стороны. Миллиарды.

Они ждали пищи.

ПОДНИМАЕТСЯ ВЕТЕР

За стенами станции поднимался ветер. Но двое внутри не замечали этого — на уме у них было совсем другое. Клейтон еще раз повернул водопроводный кран и подождал. Ничего.

— Стукни-ка его посильнее, — посоветовал Неришев.

Клейтон ударил по крану кулаком. Вытекли две капли. Появилась третья, повисела секунду и упала. И все.

— Ну, ясно, — с горечью сказал Клейтон. — Опять забило эту чертову трубу. Сколько у нас воды в баке?

— Четыре галлона, да и то если в нем нет новых трещин, — ответил Неришев.

Не сводя глаз с крана он беспокойно постукивал по нему длинными пальцами. Он был крупный, рослый, но почему-то казался хрупким, бледное лицо обрамляла реденькая борода. Судя по виду, он никак не подходил для работы на станции наблюдения на далекой чужой планете. Но, к великому сожалению Корпуса Освоения, давно выяснилось, что для этой работы подходящих людей вообще не бывает.

Неришев был опытный биолог и ботаник. По натуре беспокойный, он в трудные минуты поражал своей собранностью. Таким людям нужно попасть в хорошую переделку, чтобы оказаться на высоте положения. Пожалуй, именно поэтому его и послали осваивать такую неуютную планету, как Карелла.

— Наверно, придется все-таки выйти и прочистить трубу, — сказал Неришев, не глядя на Клейтона.

— Видно, так, — согласился Клейтон и еще раз изо всех сил стукнул по крану. — Но ведь это просто самоубийство! Ты только послушай!

Клейтон был краснощекий коренастый крепыш с бычьей шеей. Он работал наблюдателем уже на третьей планете.

Пробовал он себя и на других должностях в Корпусе Освоения, но ни одна не пришлась ему по душе. ПОИМ — Первичное Обнаружение Иных Миров — сулило чересчур много всяких неожиданностей. Нет, это работа разве что для какого-нибудь сорвиголовы или сумасшедшего. А на освоенных планетах, наоборот, чересчур тихо и негде развернуться.

Вот теперешняя должность наблюдателя недурна. Знай сиди на пленете, только что открытой ребятами из Первичного Обнаружения Иных Миров и обследованной роботом-спутником. Тут требуется одно: стоически выдерживать любые неудобства и всеми правдами и неправдами оставаться в живых. Через год его заберет спасательный корабль и примет его отчет. В зависимости от этого плану будут осваивать дальше или откажутся от нее.

Каждый раз Клейтон исправно обещал жене, что следующий полет будет последним. Уж когда закончится этот год, он точно осядет на Земле и станет хозяйничать на своей маленькой ферме. Он обещал...

Однако едва кончался очередной отпуск, Клейтон снова отправлялся в путь, чтобы делать то, для чего предназначила его сама природа: стараться во что бы то ни стало выжить, пуская в ход все свое уменье и выносливость.

Но на сей раз с него, кажется, и правда хватит. Они с Неришевым пробыли на Карелле уже восемь месяцев. Еще четыре — и за ними придет спасательный корабль. Если и на этот раз он уцелеет — все, баста, больше никуда!

— Слышишь? — спросил Неришев.

Далекий, приглушенный ветер вздыхал и бормотал вокруг стального корпуса станции, как легкий летний бриз.

Таким он казался здесь, внутри станции, за трехдюймовыми стальными стенами с особой звуконепроницаемой прокладкой.

— А он крепчает, — заметил Клейтон и подошел к индикатору скорости ветра. Судя по стрелке, этот ласковый ветерок дул с постоянной скоростью восьмидесяти двух миль в час!

На Карелле это всего лишь легкий бриз.

— Ах, черт, не хочется мне сейчас вылезать, — сказал Клейтон. — Пропади оно все пропадом!

— А очередь твоя, — заметил Неришев.

— Знаю. Дай хоть немножко поскулить сначала. Вот что, пойдем спросим у Сманика прогноз.

Они двинулись через станцию мимо отсеков, заполненных продовольствием, запасами воздуха, приборами и инструментами, запасным оборудованием; стук их каблуков по стальному полу отдавался гулким эхом. В дальнем конце виднелась тяжелая металлическая дверь, выходившая в приемник. Оба натянули маски, отрегулировали приток кислорода.

— Готов? — спросил Клейтон.

— Готов.

Они напряглись, ухватились за ручки возле двери. Клейтон нажал кнопку. Дверь скользнула в сторону, и внутрь со свистом ворвался порыв ветра. Оба низко пригнулись и, с усилием одолевая напор ветра, вошли в приемник.

Это помещение футов тридцать в длину и пятнадцать в ширину служило как бы продолжением станции, но не было герметически непроницаемым. В стальной каркас стен были вделаны щитки, которые в какой-то мере замедляли и сдерживали воздушный поток. Судя по индикатору, здесь, внутри, ветер дул со скоростью тридцать четыре мили в час.

Черт, какой ветрище, а придется еще беседовать с карелланцами, подумал Клейтон. Но иного выхода не было. Здешние жители выросли на планете, где ветер никогда не бывает слабее семидесяти миль в час, и не могли выносить «мертвый воздух» внутри станции. Они не могли дышать там, даже когда люди уменьшали содержание кислорода до обычного на Карелле. В стенах станции у них кружилась голова и они сразу пугались. Пробыв там немного, они начинали задыхаться, как люди в безвоздушном пространстве. А ветер со скоростью тридцать четыре мили в час — это как раз та средняя величина, которую могут выдержать и люди, и карелланцы.

Клейтон и Неришев прошли по приемнику. В углу лежал какой-то клубок, нечто вроде высушенного осьминога. Клубок зашевелился и учтиво помахал двумя щупальцами.

— Добрый день, — поздоровался Сманик.

— Здравствуй, — отвечал Клейтон. — Что скажешь об этой погоде?

— Отличная погода, — сказал Сманик.

Неришев потянул Клейтона за рукав.

— Что он говорит? — спросил он и задумчиво кивнул, когда Клейтон перевел ему слова Сманика. Неришев был не так способен к языкам, как Клейтон. Он пробыл здесь уже восемь месяцев, но язык карелланцев все еще казался ему совершенно невразумительным набором щелчков и свистков.

Появились еще несколько карелланцев и тоже вступили в разговор. Все они походили на пауков или осьминогов, у всех были маленькие круглые тела и длинные гибкие щупальца. Самая удобная форма тела на этой планете, и Клейтон частенько ловил себя на том, что завидует им. Для него станция — единственное надежное убежище, а для этих вся планета — дом родной.

Нередко он видел, как карелланец шагает против ураганного ветра: семь-восемь щупалец намертво впились в почву, а остальные протянуты вперед в поисках новой опоры. Или же они катятся по ветру, словно перекаати-поле, плотно обвив себя всеми щупальцами, — ни дать ни взять плетеная корзинка. А как весело и

дерзко управляют они со своими сухопутным кораблями, как лихо мчатся по ветру, точно гонимые им облака.

Что ж, зато на Земле они выглядели бы преглупо, подумал Клейтон.

— Какая будет погода? — спросил он Сманика.

Карелланец на минуту призадумался, втянул в себя воздух и потер два щупальца одно о другое.

— Пожалуй, ветер еще немножко усилится, — сказал он наконец. — Но ничего страшного не будет.

Теперь задумался Клейтон. «Ничего страшного» для карелланца может означать гибель для землянина. И все-таки это звучит утешительно.

Они с Неришевым вновь ушли в станцию и закрыли за собой дверь.

— Слушай, — сказал Неришев, — если ты предпочитаешь переждать...

— Уж лучше скорей отделаться.

Единственная тусклая лампочка под потолком освещала блестящую, гладкую громаду Зверя. Так они прозвали машину, созданную специально для передвижения по Карелле.

Зверь был весь бронированный, как танк, и обтекаемый, как полушарие. В мощной стальной броне были прорезаны смотровые щели, забранные небьющимся стеклом, толщиной и прочностью не уступающим стали. Центр тяжести танка был расположен очень низко: основная масса двенадцатитонной громады размещалась у самого днища. Зверь закрывался герметически. Его тяжелый дизельный двигатель и все входные и выходные отверстия были снабжены особыми пыленепроницаемыми крышками. Эта неподвижная махина на шести колесах с толстенными шинами напоминала некое доисторическое чудовище.

Клейтон залез внутрь, надел шлем и защитные очки, пристегнулся к мягкому сиденью. Потом включил мотор, прислушался и кивнул.

— В порядке, — сказал он. — Зверь готов к прогулке. Иди наверх и открой дверь гаража.

— Счастливо, — сказал Неришев и вышел.

Клейтон внимательно проверил приборы: да, все технические новинки, изготовленные специально для Зверя, работают отлично. Через минуту по радио раздался голос Неришева:

— Открываю дверь.

— Давай.

Тяжелая дверь скользнула в сторону, и Клейтон вывел Зверя.

Станция была поставлена на широкой пустой равнине. Конечно, горы могли бы хоть немного защитить от ветра, но горы на Карелле беспрестанно возникают и рушатся. Впрочем, на равнине есть и свои опасности. И чтобы избежать хотя бы самых грозных, вокруг станции установлены прочные стальные надолбы. Они стоят очень близко друг к другу и нацелены остриями нару-

жу, точно старинные противотанковые укрепления, да и служат, собственно, тем же целям.

Клейтон повел Зверя по одному из узких извилистых проходов, проложенных в гуще этой стальной щетины. Выбрался на открытое место, отыскал водопроводную трубу и двинулся вдоль нее. На небольшом экране засветилась белая линия. Она будет показывать малейшую поломку или чужеродное тело в этой трубе.

Впереди простиралась однообразная скалистая пустыня. Время от времени на глаза Клейтону попадался одинокий низкорослый кустик. Ветер, приглушенный урчаньем мотора, дул прямо в спину.

Клейтон взглянул на индикатор скорости ветра. Девяносто две мили в час!

Клейтон уверенно продвигался вперед, тихонько мурлыча что-то себе под нос. Временами слышался треск — камешки, гонимые ураганным ветром, барабанили по танку. Они отскакивали от толстой стальной шкуры Зверя, не причиняя никакого вреда.

— Все в порядке? — спросил по радио Неришев.

— Как нельзя лучше, — отвечал Клейтон.

Вдалеке он различил сухопутный корабль карелланцев. Футов сорока в длину, довольно узкий, корабль проворно скользил вперед на грубых деревянных катках. Паруса были сработаны из древесины листового кустарника — на планете их было всего несколько пород.

Поравнявшись с Клейтоном, карелланцы помахали ему щупальцами. Они, видимо, направлялись к станции.

Клейтон вновь стал следить за светящейся линией. Теперь шум ветра стал громче, его рев перекрывал даже стук мотора. Скорость его по индикатору была уже девяносто семь миль в час.

Клейтон угрюмо, неотрывно глядел в иссеченное песком смотровое стекло. Вдалеке сквозь пыльные вихри смутно маячили зубрины скал. По корпусу Зверя барабанили камешки, и стук их глухо отдавался внутри. Клейтон заметил еще один сухопутный корабль, потом еще три. Они упрямо продвигались против ветра.

Странно: с чего это их всех вдруг потянуло на станцию? Клейтон вызвал по радио Неришева.

— Как дела? — спросил Неришев.

— Я уже почти добрался до колодца, поломки пока не видно, — сказал Клейтон. — Кажется, к тебе туда едет целая орава карелланцев?

— Да. С подветренной стороны приемника уже стоят шесть кораблей и подходят новые.

— Пока у нас с ними еще не бывало никаких неприятностей, — задумчиво проговорил Клейтон. — Как по-твоему, в чем тут дело?

— Они привезли с собой еду. Может, у них какой-нибудь праздник...

— Может быть. Смотри там, поосторожнее!

— Не беспокойся. Ты сам будь осторожен и давай скорей назад...

— Нашел поломку! После поговорим.

Поломка отражалась на экране белым пятном. Вглядевшись сквозь смотровое стекло, Клейтон понял, что по трубе, верно, прокатилась каменная глыба, смяла ее и покатила дальше.

Он остановил танк с подветренной стороны трубы. Скорость ветра достигла уже ста тринадцати миль в час. Клейтон выскользнул из Зверя, прихватив несколько отрезков трубы, материал для заплат, паяльную лампу и ящик с инструментами. Все это он обвязал вокруг себя, а сам привязался к танку прочным нейлоновым канатом.

Снаружи ветер сразу его оглушил. Он грохотал и ревел, точно яростный морской прибой. Клейтон увеличил подачу кислорода в маску и принялся за работу.

Через два часа он наконец закончил ремонт, на который обычно хватает пятнадцати минут. Одежда его была изорвана в клочья, воздухоотвод забит песком и пылью.

Клейтон вскарабкался обратно в танк, заdraил люк и без сил повалился на пол. Под порывами ветра танк начал вздрагивать. Но Клейтон не обратил на это никакого внимания.

— Алло! Алло! — кричал Неришев по радио.

Клейтон усталο взобрался на сиденье и отозвался.

— Скорей назад, Клейтон! Отдыхать сейчас некогда. Ветер уже сто тридцать восемь! По-моему, надвигается буря!

Буря на Карелле! Клейтону даже думать об этом не хотелось. За все восемь месяцев такое случилось только один раз, скорость ветра дошла тогда до ста шестидесяти миль.

Он развернул танк и тронулся в обратный путь, прямо навстречу ветру. Он дал полный газ, но машина ползла ужасающе медленно. Три мили в час — вот и все, что можно было выжать из мощного мотора при встречном ветре скоростью сто тридцать восемь миль в час.

Клейтон глядел упорно вперед. Судя по длинным струям пыли и песка, все вихри бескрайних небес устремились в одну-единственную точку — в его смотровое стекло. Каменные обломки, подхваченные ветром, летели навстречу, росли на глазах и обрушивались все на то же стекло. И всякий раз Клейтон невольно съеживался и втягивал голову в плечи.

Мотор начал захлебываться и давать перебои.

— Нет, нет, малыш, — выдохнул Клейтон. — Не сдавай, погоди! Сначала доставь меня домой, а там как хочешь. Уж пожалуйста!

Он прикинул, что до станции еще миль десять и все против ветра.

Вдруг что-то загрохотало, будто с горы низвергалась лавина.

Это громыхла каменная глыба величиной с дом. Ветер не мог поднять такую громадину и просто катил ее, вспахивая ею каменистую почву, как плугом.

Клейтон круто вывернул руль. Мотор надрывно взревел, и танк невыносимо медленно отполз в сторону, давая глыбе дорогу. Клейтон смотрел, как она надвигается, его трясло; он барабанил кулаком по приборной доске.

— Скорей, крошка, скорей!

Глыба с грохотом пронеслась мимо, она делала добрых тридцать миль в час.

— Чуть не шарахнуло, — сказал себе Клейтон. Он попытался снова повернуть Зверя против ветра по направлению к станции, но не тут-то было.

Мотор выл и ревел, силясь справиться с тяжелой машиной, но ветер, как неумолимая серая стена, отталкивал ее прочь.

Стрелка индикатора показывала уже сто пятьдесят девять в час.

— Как ты там? — спросил по радио Неришев.

— Превосходно! Не мешай, я занят.

Клейтон поставил танк на тормоза, отстегнулся от сиденья и кинулся к мотору. Отрегулировал зажигание, проверил смесь и поспешил назад к рулю.

— Эй, Неришев! Этот мотор скоро сдохнет!

Долгое мгновение Неришев не отвечал. Потом спросил очень спокойно:

— А что с ним случилось?

— Песок! — сказал Клейтон. — Ветер гонит его со скоростью сто пятьдесят девять миль в час. Песок в подшипниках, в форсунках, всюду и везде. Проеду, сколько удастся.

— А потом?

— А потом поставлю парус, — отвечал Клейтон. — Надеюсь, мачта выдержит.

Теперь он был поглощен одним: вел машину. При таком ветре Зверем нужно было управлять, как кораблем в бурном море. Клейтон набрал скорость, когда ветер дул ему в корму, потом круто развернулся и пошел против ветра.

На этот раз Зверь послушался и лег на другой галс.

Что ж, больше ничего не придумаешь. Весь путь против ветра придется пройти, беспрестанно меняя галс. Он стал поворачивать, но даже на полном газу машина не могла держать против ветра круче, чем на сорок градусов.

Целый час Клейтон рвался вперед, поминутно меняя галс и делая три мили для того, чтобы продвинуться на две. Каким-то чудом мотор все еще работал. Клейтон мысленно благословлял его создателей и умолял двигатель продержаться еще хоть сколько-нибудь.

Сквозь слепящую завесу песка и пыли он увидел еще один карелланский корабль. Паруса у него были зарифлены, и он кренил-

ся набок так, что страшно было смотреть. И все же он довольно бойко продвигался против ветра и вскоре обогнал Зверя.

Вот счастливичики, подумал Клейтон. Сто шестьдесят пять миль в час для них — всего лишь попутный ветерок!

Вдали показалось серое полушарие станции.

— Я все-таки доберусь! — завопил Клейтон. — Открывай ром, Неришев, дружище! Ох и напьюсь же я сегодня!

Мотор словно только того и ждал — тут-то он и заглох.

Клейтон яростно выругался и поставил танк на тормоза. Проклятое невезенье! Дуй ветер ему в спину, он бы преспокойно прикатил домой. Но ветер, разумеется, дует прямо в лоб.

— Что думаешь делать? — спросил Неришев.

— Сидеть тут, — отвечал Клейтон. — Когда ветер поутихнет и начнется ураган, я приду пешком.

Двенадцатитонная махина вся содрогалась и дребезжала под ударами ветра.

— Знаешь, что я тебе скажу? — продолжал Клейтон. — Теперь-то уж я наверняка подам в отставку.

— Да ну? Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. У меня в Мэриленде ферма с видом на Чесапикский залив. И знаешь, что я буду делать?

— Что же?

— Разводить устриц. Понимаешь, устрица... Что за черт!

Станция медленно уплывала прочь, ее словно относил ветром. Клейтон протер глаза: уж не спятил ли он? Потом вдруг понял, что танк хоть и на тормозах, хоть и обтекаемой формы, но ветер неуклонно оттесняет его назад.

Клейтон со злостью нажал кнопку на распределительном щите и выпустил сразу правый и левый якоря. Они с тяжелым звоном ударились о камни, заскрипели и задребезжали стальные тросы. Клейтон вытравил семьдесят футов стального каната, потом закрепит тормоза лебедки. Танк вновь стоял как вкопанный.

— Я отдал якоря, — сообщил Клейтон Неришеву.

— И что, держат?

— Пока держат.

Клейтон закурил сигарету и откинулся на спинку кресла. Каждая мышца ныла от напряжения. Веки дергались от усталости: ведь он столько времени неотрывно следил за направлением ветра, который обрушивался то справа, то слева. Клейтон закрыл глаза и попытался хоть немного отдохнуть.

Свист ветра прорезал стальную обшивку танка. Ветер выл, стонал, дергал и тряс машину, словно искал, за что бы уцепиться на ее гладком, полированном корпусе. Когда он достиг ста шестидесяти девяти миль в час, вырвало щитки вентилятора. Счастье, что на мне герметически закрытые очки, а то бы я ослеп, подумал Клейтон, и если бы не кислородная маска — непременно бы задохся. В кабине вихрем закружилась густая пыль, насыщенная электричеством.

По корпусу танка, точно пулеметная очередь, застучали камешки. Теперь они ударяли куда сильнее прежнего. Интересно, много ли им нужно, чтобы пробить стальную броню насквозь?

В такие минуты Клейтону всегда бывало нелегко сохранять хладнокровие и рассудительность. Он особенно остро ощущал, как уязвима человеческая плоть, и с ужасом думал, что грозным силам Вселенной ничего не стоит его раздавить. Зачем он здесь? Человеку здесь не место, он должен оставаться на Земле, где воздух тих и спокоен. Вернуться бы только домой...

— Как ты там? — спросил Неришев.

— Отменно, — устало ответил Клейтон. — А у тебя как?

— Неважно. Вся постройка дрожит и вибрирует. Если этот ветер надолго, фундамент может не выдержать.

— А наши еще собираются устроить тут заправочную станцию, — сказал Клейтон.

— Ну, ты же знаешь, в чем суть. Карелла — единственная твердая планета между Энгарсой Три и Южным Каменным Поясом. Все остальные — газовые гиганты.

— Придется им строить свою станцию прямо в космосе.

— А ты знаешь, во сколько это обойдется?

— Да пойми ты, черт побери, дешевле построить новую планету, чем держать заправочную станцию на этой!

Клейтон сплюнул: рот у него был набит пылью.

— Хотел бы я уже очутиться на спасательном корабле! Много у тебя там карелланцев?

— Штук пятнадцать, сидят в приемнике.

— Ничего угрожающего?

— По-моему, нет, но ведут себя как-то странно.

— А что?

— Сам не знаю, — отвечал Неришев. — Только не нравится мне это.

— Ты бы лучше не вылезал пока в приемник, что ли. Говорить с ними ты все равно не можешь, а я хочу застать тебя целым и невредимым, когда вернусь. — Он запнулся. — Если, конечно, вернусь.

— Прекрасно вернешься, — пообещал Неришев.

— Ясно, вернусь... Ах, черт!

— Что такое? Что случилось?

— На меня летит скала! После поговорим.

И Клейтон уставился на каменную громадину: черное пятно быстро увеличивалось, приближаясь к нему с наветренной стороны. Оно надвигалось прямоком на его неподвижный беспомощный танк. Клейтон мельком глянул на индикатор. Сто семьдесят четыре в час! Не может этого быть! Впрочем, и в земной стратосфере реактивная струя бьет со скоростью двести миль в час.

Камень, уже огромный как дом, все рос, надвигался, катился на Зверя.

— Сворачивай! Прочь! — заорал ему Клейтон, изо всех сил колотя кулаком по приборной доске.

Но камень под чудовищным напором ветра неуклоно мчался вперед.

С криком отчаяния Клейтон нажал кнопку и освободил оба якоря. Втягивать их не было времени. Даже если бы лебедка выдержала нагрузку. А камень все ближе...

Клейтон отпустил тормоза.

Зверь, подгоняемый ветром в сто семьдесят восемь миль в час, стал набирать скорость. Через несколько секунд он делал уже тридцать восемь миль в час, но в зеркале заднего обзора Клейтон видел, что камень нагоняет.

Когда он был уже совсем близко, Клейтон рванул руль влево. Танк угрожающе накренился, вильнул в сторону, заскользил, как на льду, и едва не опрокинулся. Клейтон намертво вцепился в руль управления, стараясь выровнять машину. Надо же! Танк весит двенадцать тонн, а я развернул его по ветру, как парусную лодчонку, подумал он. Бьюсь об заклад, никому до меня это не удавалось!

Камень величиной в добрый небоскреб пронесся мимо. Тяжелый танк чуть покачнулся и грузно осел на все свои шесть колес.

— Клейтон! Что случилось? Ты жив?

— Живехонек, — задыхаясь выговорил Клейтон. — Но мне пришлось убрать якоря. Меня сносит по ветру!

— А повернуть можешь?

— Пробовал, чуть не опрокинулся.

— Куда же тебя сносит?

Клейтон всмотрелся в даль. Впереди, окаймляя равнину, дыбились грозные черные скалы.

— Еще миль пятнадцать — и я врежусь в скалы. При такой скорости этого ждать недолго.

Клейтон снова нажал на тормоза. Шины завизжали, прокладки тормозов яростно задымались. Но ветер — уже сто восемьдесят три в час — даже не заметил такого пустяка. Танк сносило теперь со скоростью сорока четырех миль в час.

— Попробуй паруса! — закричал Неришев.

— Не выдержат.

— А ты попробуй. Другого выхода нет! Здесь уже сто восемьдесят пять в час. Вся станция трясется! Камни срывают надолбы. Боюсь, пробьет стены и расплющит...

— Хватит, — прервал Клейтон. — Мне тут не до тебя.

— Не знаю, выдержит ли станция. Слушай, Клейтон, попробуй...

Радио вдруг захлебнулось и умолкло. Настала зловещая тишина.

Клейтон несколько раз стукнул по приемнику, потом махнул рукой. Танк сносило уже со скоростью сорок девять миль в час. Скалы вырастали перед ним с устрашающей быстротой.

— Ну что ж, — сказал себе Клейтон. — Вот и все.

Он выпустил последний запасной якорь. Стальной трос протянулся во всю длину своих двухсот пятидесяти футов, и скорость Зверя замедлилась до тридцати миль в час. Якорь волочился следом и взрывал почву, как плуг на реактивном двигателе.

Теперь Клейтон включил парусный механизм. Земные инженеры установили его на танке точно так же, как на маленьких моторных лодках, выходящих в океан, на всякий случай ставят невысокую вспомогательную мачту и парус. Парус — страховка на случай, если откажет мотор. На Карелле человеку ни за что не добраться до дому, если его машина откажет. Тут без дополнительной энергии пропадешь.

Мачта — короткий мощный стальной столб — выдвинулась сквозь задраенное отверстие в крыше. Ее тут же со всех сторон закрепили магнитные каркасы и подпорки. На мачте тотчас развернулась металлическая кольчуга паруса. Поднимался он при помощи шкота — тройного каната гибкой стали; Клейтон управлял им, орудуя лебедкой.

Парус был площадью всего в несколько квадратных футов. И однако он увлекал вперед двенадцатитонное чудовище с замкнутыми тормозами и якорем, выпущенным на всю длину стального каната в двести пятьдесят футов...

Это не так трудно... когда скорость ветра — сто восемьдесят пять миль в час.

Клейтон вытравил шкот и повернул Зверя боком к ветру. Но этого оказалось недостаточно. Он опять взялся за лебедку и повернул парус еще круче к ветру.

Ураган ударил в бок, громоздкий танк угрожающе накренился, колеса с одной стороны поднялись в воздух. Клейтон поспешно убрал несколько футов шкота. Металлическая кольчуга вздрагивала и скрипела под свирепыми порывами ветра.

Искусно маневрируя оставшейся узкой полоской паруса, Клейтон ухитрялся кое-как удерживать все шесть колес танка на грунте и держаться нужного курса.

В зеркало он видел позади черные зубчатые скалы. Это был его подветренный берег — берег, где ждало крушение. Но он все-таки выбрался из ловушки. Медленно, фут за футом, парус отаскивал его прочь.

— Молодчина! — кричал Клейтон мужественному Зверю.

Но недолго он торжествовал победу; раздался оглушительный звон, и что-то со свистом пронеслось у самого виска. При ветре сто восемьдесят в час мелкие камешки уже пробивали броню. То, что обрушилось сейчас на Клейтона, можно сравнить разве что с беглым пулеметным огнем. Карелланский ветер рвался в отверстия, пробитые камешками, пытаясь свалить его на пол.

Клейтон отчаянно цеплялся за руль. Парус трещал. Кольчуга эта была сплетена из самых прочных и гибких металлических сплавов, но против такого урагана и ей долго не устоять; корот-

кая толстая мачта, укрепленная шестью могучими тросами, раскачивалась, как тонкая удочка.

Тормозные прокладки начинали сдавать. Зверя несло уже со скоростью пятьдесят миль в час.

Клейтон так устал, что не мог ни о чем думать. Руки его судорожно сжимали руль, он машинально вел танк и, щуря воспаленные глаза, яростно всматривался в бурю.

С треском разорвался парус. Обрывки с минуту метались по ветру, потом мачта рухнула. Порывы ветра достигали теперь ста девяноста миль в час.

И Клейтона понесло назад, на скалы. А потом ветер дошел до ста девяноста двух миль в час, подхватил стальную махину, ярдов двенадцать нес ее по воздуху, вновь швырнул на колеса. От удара лопнула передняя шина, за ней — сразу же две задние. Клейтон опустил голову на руки и стал ждать конца.

И вдруг Зверь остановился как вкопанный. Клейтона кинуло вперед. Привязной ремень мгновение удерживал его в кресле, потом лопнул. Клейтон ударился лбом о приборную доску и свалился оглушенный, весь в крови.

Он лежал на полу и сквозь пелену, которая обволакивала сознание, силился сообразить, что же произошло. Мучительно медленно вскарабкался опять в кресло, смутно понимая, что кости целы. Живот, наверно, весь ободран. Изо рта текла кровь.

Наконец, поглядев в зеркало, он понял, что случилось. Дополнительный якорь, который волочился за танком на длинном канате, зацепился за какой-то каменный выступ и застрял, рывком остановив танк меньше чем в полумиле от скал. Спасен!

Пока — спасен...

Но ветер все не унимался. Он дул уже со скоростью ста девяноста трех миль в час; с оглушительным ревом он опять поднял Зверя в воздух, швырнул его оземь, снова поднял и снова швырнул. Стальной канат гудел как гитарная струна. Клейтон цеплялся за кресло руками и ногами. Долго не продержаться, думал он. Но если не цепляться изо всех сил, его просто-напросто размажет по стенам бешено скачущего танка...

Впрочем, канат тоже может лопнуть — и он полетит кувырком прямо на скалы.

И он цеплялся. Танк снова взлетел в воздух, и тут Клейтон на миг поймал взглядом индикатор. Душа у него ушла в пятки. Все. Конец. Погиб. Нельзя продержаться, когда этот проклятый ветер дует со скоростью сто восемьдесят семь в час! Это уж чересчур!

Сколько?! Сто восемьдесят семь? Значит, ветер начал спадать!

Сперва Клейтон просто не поверил. Однако стрелка медленно, но верно ползла вниз. При ста шестидесяти в час танк перестал скакать и покорно остановился на якорной цепи. При ста пятидесяти трех ветер переменял направление — верный знак, что буря стихает.

Когда стрелка индикатора дошла до отметки сто сорок две мили в час, Клейтон позволил себе роскошь потерять сознание.

К вечеру за ним пришли карелланцы. Искусно маневрируя двумя огромными сухопутными кораблями, они подошли к Зверю, привязали к нему крепкие лианы — куда более прочные, чем стальные канаты, — и на буксире приволокли изувеченный танк обратно на станцию.

Они принесли Клейтона в приемник, а Неришев перетащил его в тишину и покой станции.

— Ни одна кость не сломана, только нескольких зубов не хватает, — сообщил ему Неришев. — Но на тебе живого места нет.

— Все-таки мы выстояли, — сказал Клейтон.

— Еле-еле. Защитная ограда вся разрушена. В станцию прямоком врзались два огромных валуна, она едва выдержала. Я проверил фундамент, ему тоже здорово досталось. Еще одна такая переделка — и мы...

— И мы опять как-нибудь да выстоим! Мы земляне, нас не так-то легко одолеть! Правда, за все восемь месяцев такого еще не бывало. Но еще четыре — и за нами придет корабль. Выше голову, Неришев! Идем!

— Куда?

— Хочу потолковать с этим чертовым Смаником.

Они вышли в приемник. Там было полным-полно карелланцев. Снаружи, с подветренной стороны станции, пришвартовалось несколько десятков сухопутных кораблей.

— Сманик! — окликнул Клейтон. — Что тут такое происходит?

— Летний праздник, — сказал Сманик. — Наш ежегодный великий праздник.

— Гм. А как насчет того ветра? Что ты теперь о нем думаешь?

— Я бы определил его как умеренный, — сказал Сманик. — Ничего опасного, но немного неприятно для прогулок под парусом.

— Вот как, неприятно! Надеюсь, впредь ты будешь предсказывать поточнее.

— Всегда угадывать погоду очень трудно, — возразил Сманик. — Мне очень жаль, что мой последний прогноз оказался неверным.

— Последний? Как так? Почему?

— Вот это, — продолжал Сманик и широко повел щупальцем вокруг, — это весь мой народ, племя Сиримаи. Мы отпраздновали Летний праздник. Теперь лето кончилось, и нам нужно уходить.

— Куда?

— В пещеры на дальнем западе. Отсюда на наших кораблях

две недели ходу. Мы укроемся в пещерах и проживем там три месяца. Там мы будем в безопасности.

У Клейтона вдруг засосало под ложечкой.

— В безопасности от чего, Сманик?

— Я же сказал тебе. Лето кончилось. Теперь надо искать спасения от ветра, от сильных зимних бурь.

— Что такое? — спросил Неришев.

— Погоди минуту.

Мысли обгоняли одна другую. Бешеный ураган, едва не стоивший ему жизни, — это, по определению Сманика, безобидный умеренный ветер. Зверь вышел из строя, передвигаться по Карелле не на чем. Защитная ограда разрушена, фундамент станции расшатан, а корабль придет за ними еще только через четыре месяца!

— Пожалуй, мы тоже поедem с вами на ваших кораблях, Сманик, и укроемся с вами в пещерах... укроемся там...

— Разумеется, — радушно отвечал Сманик.

Что-то из этого выйдет, сам себе сказал Клейтон, и у него опять засосало под ложечкой, куда сильнее, чем во время урагана. Нам ведь нужно больше кислорода, другую еду, запас воды...

— Да что там такое? — нетерпеливо спросил Неришев. — Какого черта он тебе наговорил? Ты весь позеленел!

— Он говорит, настоящий ветер только начинается.

Оба оцепенело уставились друг на друга.

А ветер крепчал.

ПОХМЕЛЬЕ

Пирсен медленно и нехотно приходил в себя. Он лежал на спине зажмурившись, и старался оттянуть неизбежное пробуждение. Но сознание вернулось, и он тут же обрел способность чувствовать. Глаза пронзили тонкие иголки боли, в затылке что-то бухало, как огромное сердце. Все суставы горели огнем, а внутренности так и выворачивало наизнанку. Пирсен уныло констатировал, что похмелье, которое его скрутило, несомненно, было королем и повелителем всех похмелий.

Он недурно разбирался в таких вещах. В свое время изведаль чуть ли не все разновидности: его мучило от спиртного, снедала тоска после минискаретте, терзала утроенная боль в нервах после склити. Но то, что он испытывал сейчас, включало в себя все эти прелести в усиленном виде и было сдобрено к тому же чувством отрешенности, знакомым любителям героина.

Что же такое он пил вчера? И где? Пирсен попытался вспомнить, но минувший вечер был неотличим от множества других подобных вечеров. Что ж, придется, как обычно, восстанавливать все по кусочкам.

Но прежде нужно взять себя в руки и сделать то, что полагается. Открыть глаза, встать с постели и мужественно добраться до аптечки. Там на средней полке лежит гипосульфит дихлорала, который поможет ему очухаться.

Пирсен открыл глаза и начал слезать с кровати. Тут вдруг он понял, что лежит не на кровати.

Вокруг была высокая трава, над ним сверкало ослепительно светлое небо, и в воздухе пахло прелой листвой.

Пирсен со стоном закрыл глаза. Только этого ему не хватало. Здорово же, видно, нагрузился он вчера. Даже до дому не дошел. А возвращался, должно быть, через Центральный парк. Похоже, что придется взять такси и уж как-нибудь доскрипеть, пока его не доставят на квартиру.

Сделав мощное усилие, Пирсен открыл глаза и поднялся.

Он стоял в высокой траве. Вокруг, насколько глаз хватало, высились исполинские деревья с оранжевыми стволами, оплетенные зелеными и пурпурными лианами, иные из которых в поперечнике были не тоньше человеческого туловища. Под деревьями буйно разрослись, образуя непроходимую чащу, папортники, кустарники, ядовитые желтые орхидеи, ползучие черные стебли и множество неведомых растений зловещего вида и цвета. В зарослях попискивала и стрекотала разная мелкая живность, а издали доносился грозный рык какого-то большого зверя.

— Нет, это не Центральный парк, — смекнул Пирсен.

Он огляделся, прикрыв рукой глаза от нестерпимого блеска бессолнечного неба.

— Пожалуй, я даже не на Земле, — добавил он.

Пирсен был удивлен и восхищен собственным хладнокровием. Неторопливо опустившись на траву, он попытался оценить обстановку.

Итак, его имя Уолтер Хилл Пирсен. Возраст — 32 года, место жительства — Нью-Йорк. Он полномочный избиратель, нигде не работает, ибо в этом нет необходимости, и сравнительно недурно обеспечен. Накануне вечером в четверть восьмого он вышел из дому, собираясь повеселиться. Это намерение, он несомненно, осуществил.

Да, повеселился он как следует. А вот когда, в какой момент он впал в беспамятство, этого он, хоть убей, не помнил. Но очнувшись он почему-то не дома в постели и даже не в Центральном парке, а в густых зловонных джунглях. Мало того, он был убежден, что находится не на Земле.

Пожалуй, все именно так. Пирсен обвел взглядом огромные оранжевые деревья, увитые зелеными и пурпурными лианами и залитые ослепительно белым потоком света. Истина постепенно вырисовывалась в его затуманенном мозгу.

Вскрикнув от ужаса, он закрыл лицо руками и потерял сознание.

Когда он очнулся вторично, то чувствовал себя гораздо луч-

ше, только во рту остался неприятный вкус да голова соображала туго. Пирсен тут же окончательно решил прекратить все пьянки; хватит — ему и так мерещатся оранжевые деревья и пурпурные лианы.

Полностью протрезвившийся, он открыл глаза и снова увидел все те же странные джунгли.

— Ну! — крикнул он. — Что это за чертовня?

Немедленного ответа не последовало. Потом за деревьями вовсю загомонили невидимые обитатели джунглей и постепенно стихли.

Пирсен неуверенно встал и прислонился к дереву. Он как-то сразу выдохся, даже удивляться не было сил. Значит, он в джунглях. Ладно. А зачем он здесь?

Непонятно. Должно быть, накануне случилось нечто необыкновенное. Но что? Пирсен старательно стал вспоминать.

Из дому он вышел в четверть восьмого и направился...

Вдруг он резко обернулся. Кто-то тихонько двигался через подлесок, приближаясь к нему. Пирсен замер. Сердце гулко стучало у него в груди. Неведомое существо подкрадывалось все ближе, сопя и чуть слышно постанывая. Но вот кусты раздвинулись, и Пирсен увидел его.

Это было черное с синим отливом животное, очертаниями похожее на торпеду или акулу. Его обтекаемое туловище имело около десяти футов в длину и передвигалось на четырех рядах коротких толстых ножек. Ни глаз, ни ушей на голове у него не было, только длинные усики колыхались над покатым лбом. Существо разинуло широкую пасть, где рядами торчали желтые зубы.

Негромко подвывая, оно направилось к Пирсену.

И хотя тому никогда и не снилось, что на свете могут быть такие твари, он не стал раздумывать, не померещилась ли она ему. Повернувшись, Пирсен бросился в подлесок. Минут пятнадцать он мчался во весь дух и, только вконец запыхавшись, остановился.

Черно-синяя тварь стонала где-то далеко позади, пробираясь вслед за ним.

Пирсен двинулся дальше, теперь уже шагом. Судя по стонам, тварюга не отличалась проворством. Бежать было совсем не обязательно. Но что произойдет, когда он остановится? Что она там замышляет? Умеет ли она взбираться на деревья?

Пирсен решил пока не думать о таких вещах.

Прежде всего необходимо было вспомнить главное: как он попал сюда? Что с ним произошло накануне вечером?

От стал припоминать.

Прошвырнуться он вышел в четверть восьмого. Было пасмурно, слегка моросил реденький дождик, разумеется несколько не тревоживший нью-йоркцев, которые очень любили гулять в такую погоду и специально заказали ее на вечер городского климатологу.

Пирсен продефилировал по Пятой авеню, разглядывая витрины и отмечая про себя дни бесплатных распродаж. Так, так, значит, в универсальном магазине Бэмлера бесплатная распродажа состоится в среду, с шести и до девяти пополудни. Обязательно надо взять у своего олдсмерена специальный пропуск. Обязательно и с пропуском придется спозаранку, а потом торчать в очереди для пользующихся льготами. Но все же это лучше, чем выкладывать наличными.

За полчаса он нагулял приятный аппетит. Поблизости было несколько хороших ресторанов, но, вспомнив, что, кажется, не при деньгах, Пирсен свернул на Пятьдесят четвертую к бесплатному ресторану Котрея.

У входа он предъявил карточку избирателя и специальный пропуск, подписанный третьим секретарем-заместителем Котрея. Пирсена впустили. Он заказал на обед простое филе-миньон, которое запивал слабым красным вином, ибо более крепких напитков тут не подавали. Официант принес ему вечернюю газету. Пирсен изучил перечень бесплатных развлечений, но не обнаружил ничего подходящего.

Когда он выходил из зала, к нему поспешно подошел управляющий рестораном.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Вы остались довольны, сэр?

— Обслуживают у вас медленно, — ответил Пирсен. — Филе было съедобное, но не лучшего качества. Вино — так себе.

— Да, сэр... благодарю вас, сэр... примите наши извинения, сэр, — говорил управляющий, торопливо записывая в свой блокнотик замечания Пирсена. — Мы учтем ваши пожелания, сэр. Вас угощал обедом distinguished Блейк Котрей, старший советник по водоснабжению Нью-Йорка. Мистер Котрей вновь выдвигает свою кандидатуру на выборах двадцать второго ноября. Столбец Джей-три в вашей кабине для голосования. Мы смиреннейше рассчитываем на ваш голос, сэр.

— Там видно будет, — ответил Пирсен и вышел из ресторана.

На улице он взял пачку сигарет из автомата, который услаждал прохожих музыкой и снабжал их сигаретами в качестве памятного подарка от Элмера Бейна, мелкого политического деятеля из Бруклина. Выйдя на Пятую авеню, он возобновил свою неторопливую прогулку, по пути раздумывая, есть ли смысл голосовать за Котрея.

Как все полномочные граждане, Пирсен высоко ценил свой голос и одарял им какого-либо кандидата только по зрелом размышлении. Прежде чем проголосовать «за» или «против», он, подобно каждому избирателю, тщательнейшим образом взвешивал достоинства и недостатки того или иного кандидата.

К достоинствам Котрея относилось то, что он уже около года содержал весьма приличный ресторан. Но что он сделал кроме

этого? Где обещанный им бесплатный развлекательный центр, где джазовые концерты?

Ограниченность общественных фондов — всего лишь пустая отговорка.

Не будет ли щедрее новый кандидат? Или переизбрать еще разок Котрея? В таких делах рубить сплеча не следует. Тут надо очень даже подумать, и, конечно, не сейчас, а в более подходящее время. Ночи созданы для наслаждений, кутежей, веселья.

Чем же заняться сегодня? Он пересмотрел почти все бесплатные представления. Спорт мало его интересует. Кое-где устраиваются вечеринки, но там едва ли будет весело. В общедоступном доме мэра можно выбрать какую-нибудь стоворчивую девицу, однако Пирсена в последнее время к ним не тянет.

Самый верный способ избавиться от вечерней скуки — вино или наркотик. Но какой? Минискаретте? Какой-нибудь контактный возбудитель? Склити?

— Эй, Уолт!

Он обернулся. С широкой ухмылкой к нему направлялся Билли Бенц, уже довольно тепленький.

— Эй, погоди, Уолт, дружище! — сказал Бенц, — Ты куда сегодня?

— Да никуда, вообще-то, — ответил Пирсен. — А что?

— Тут одно роскошное местечко появилось. Новенькое, шик-блеск. Зайдем?

Пирсен насупился. Он не любил Бенца. Этот высокий, шумливый, краснолицый детина был законченным бездельником. Совершенно никчемная личность. То, что он не работает, как раз не важно. Теперь мало кто работает. К чему это, если можно голосовать? Но Бенц был так ленив, что даже не ходил на выборы. А это уже чересчур. Голосование — хлеб насущный и святая обязанность каждого гражданина.

Однако у Бенца был прямо-таки сверхъестественный нюх на новые злачные заведения, о которых еще никто не проведал.

Пирсен поколебался, потом спросил:

— А там бесплатно?

— Бесплатней супа, — ответил склонный к избитым сравнениям Бенц.

— А что там делают?

— Пойдем со мной, дружище, я тебе все расскажу...

Пирсен вытер потное лицо. Стояла мертвая тишина. Стоны черно-синего зверя уже не доносились из зарослей. Возможно, ему надоела погоня.

Вечерний костюм Пирсена был изорвал в клочья. Он сбросил пиджак и до пояса расстегнул сорочку. Где-то за мертвенно-белым небом пылало невидимое солнце. У Пирсена пересохло во

рту, пот ручьями струился по телу. Без воды он долго не продержится.

Да, он, кажется, серьезно влип. Но Пирсен упорно гнал от себя все мысли, кроме одной. Он должен выяснить, как он здесь очутился, и только после этого думать над тем, как спастись.

Что же это был за шик-блеск, которым прельстил его Билли Бенц?

Пирсен прислонился к дереву и закрыл глаза. Воспоминания пробуждались смутно, не сразу. Билли повел его в восточную часть города, на Шестьдесят вторую улицу, и там...

Он вдруг услышал в кустах шорох и быстро поднял голову. Из зарослей тихо выползла черно-синяя тварь. Ее длинные усики затрепыхались и нацелились в его сторону. В тот же миг зверюга вся подобралась и прыгнула на него, растопырив когти.

Пирсен инстинктивно отскочил. Зверюга грохнулась о землю, но проворно повернулась и снова ринулась к нему. На этот раз Пирсен не успел уклониться. Он вытянул вперед руки, и акулообразная тварь обрушилась на него.

Пирсен ударился спиной о дерево. Он отчаянно вцепился в широченную глотку зверя и изо всех сил старался оттолкнуть его от себя. Зверюга щелкнула зубами около самого его лица. Пирсен напрягся что есть мочи, стараясь задушить ее, но его пальцы были слишком слабы.

Зверюга ерзала и извивалась, скребла когтями землю. Руки Пирсена мало-помалу слабели и начинали сгибаться в локтях. Челюсти щелкали всего лишь в дюйме от его лица. Вот выполз длинный испещренный черными пятнами язык...

Охваченный омерзением, Пирсен отшвырнул от себя стонущую гадину. Не дав ей опомниться, он ухватился за лианы, влез на дерево и вне себя от ужаса стал карабкаться по скользкому стволу от ветки к ветке. Лишь в тридцати футах над землей он впервые взглянул вниз.

Черно-синяя лезла следом с такой легкостью, словно всю жизнь провела на деревьях.

Пирсен стал взбираться выше, дрожа всем телом от усталости. Ствол дерева постепенно сужался, все реже попадались ветки, достаточно крепкие, чтобы за них ухватиться. Возле самой вершины, в пятидесяти футах над землей, дерево закачалось под его тяжестью. Пирсен снова взглянул вниз: упорная тварь была в десяти футах от него и продолжала лезть выше. Пирсен вскрикнул; ему показалось, что спасения нет. Но страх придал ему силы. Он взобрался на последнюю большую ветку, ухватился покрепче и поджал ноги. Когда зверюга добралась до него, он вдруг лягнул ее обеими ногами.

Удар был точен. Когти зверя с пронзительным скрежетом ободрали кору с дерева. Зверюга, визжа и ломая ветки, полетела вниз и звонко плюхнулась на землю.

Стало тихо.

«Наверное, она расшиблась», — подумал Пирсен. Но проверять свою догадку у него и в мыслях не было. Никакая сила на Земле или любой другой планете Галактики не принудила бы его самостоятельно слезть с дерева. Нет уж, дудки, пока он не придет в себя да как следует не соберется с силами, он отсюда не двинется.

Пирсен сполз немного ниже, к толстой раздвоенной ветке. На таком насесте можно было чувствовать себя спокойно. Лишь окончательно устроившись, Пирсен понял, как мало у него осталось сил. Если вчерашний сабантуй иссушил его, то сегодняшние приключения выжали досуха.

Напади на него сейчас зверек чуть-чуть побольше белки, и он погиб.

Он прислонился к стволу, вытянул отяжелевшие ноги и руки, закрыл глаза и снова принялся восстанавливать в памяти события минувшего вечера.

— Пойдем со мной, дружище, — сказал Билли Бенц. — Я тебе все расскажу. А вернее — сам увидишь.

Они направились в восточную часть города, вышли на Шестьдесят вторую улицу, а тем временем густо-синие сумерки сменились ночной темнотой. Манхэттен зажег огни, над горизонтом замерцали звезды, и серп месяца блеснул сквозь прозрачный туман.

— Куда мы идем? — спросил Пирсен.

— А мы уже пришли, голуба, — ответил Бенц.

Они стояли перед невысоким особняком, сложенным из коричневого песчаника. С скромная медная дощечка на дверях гласила:

НАРКОЛИК

— Новый бесплатный наркотический салон, — пояснил Бенц. — Открыт сегодня вечером Томасом Мориарти, кандидатом от реформистской партии на пост мэра. Об этом заведении еще никто не знает.

— Отлично, — сказал Пирсен.

В городе было немало бесплатных увеселительных заведений. Но каждый стремился разыскать что-нибудь неизвестное другим и опробовать новинку, прежде чем к ней ринутся толпы любителей свежих впечатлений.

Вот уже многие годы Верховный евгенический комитет, созданный при Объединенном международном правительстве удерживал численность населения мира в стабильных и разумных пределах. Людям снова стало так просторно на Земле, как не было в течение последнего тысячелетия, а внимания им уделяли куда больше, чем когда-либо в прошлом. Благодаря успехам подводной экологии и гидропоники, а также всестороннему использованию земной поверхности еды и одежды хватало на всех и даже с

избытком. При автоматических методах строительства и избытии стройматериалов жилищная проблема перестала существовать, тем более что человечество было сравнительно невелико и впредь не собиралось увеличиваться. Даже предметы роскоши ни для кого не были роскошью.

Сформировалась благополучная, устойчивая, неизменная цивилизация. Те немногие, кто проектировал, строил и обслуживал машины, получали щедрое вознаграждение. Большинство же вовсе не работало. Ни нужды, ни желания у них не было.

Находились, конечно, и честолюбцы, которые жаждали богатства, власти, высоких постов. Эти занимались политикой. Используя обильные общественные фонды, каждый из них кормил, одевал, развлекал население своего округа, чтобы обеспечить себе большинство голосов, и проклинал вероломных избирателей, всегда готовых переметнуться на сторону того, кто посулит больше.

Это была утопия своего рода. О нужде все позабыли, войны давно прекратились, каждого ждала безбедная долгая жизнь.

И чем же, кроме врожденной человеческой неблагодарности, можно было объяснить, что число самоубийств возросло до поистине страшных размеров?

Дверь отворилась сразу же, и Бенц предъявил пропуска. Они прошли по коридору в большую уютную гостиную. Четверо посетителей, из них одна женщина, ранние пташки, прослышавшие о новом заведении прежде других, полулежали на кушетках, дымя бледно-зелеными сигаретами. В воздухе стоял резкий, непривычный, но в то же время приятный запах.

Подожел служитель и подвел их к свободному дивану.

— Располагайтесь как дома, джентльмены, — сказал он. — Закурив нарколик, вы отдохнете от всех забот.

Он протянул каждому по пачке бледно-зеленых сигареток.

— Что это за штуковина? — спросил Пирсен.

— Нарколические сигареты, — ответил служитель. — Приготовлены из отборной смеси турецкого и вирджинского табака, в которую добавлена тщательно отмеренная доза наркоты, хмельной травки, произрастающей в экваториальном поясе Венеры.

— Венеры? — удивился Бенц. — А мы разве добрались до Венеры?

— Четыре года назад, сэр, — ответил служитель. — Первой высадилась экспедиция Йельского университета и основала там базу.

— По моему, я что-то такое читал, — заметил Пирсен. — Или видел в киножурнале. Венера... Там вроде бы сплошные неосвоенные джунгли, да?

— Совершенно неосвоенные, сэр, — подтвердил служитель.

— А, помню, значит, — сказал Пирсен. — Трудно за всем уследить. А что, эта наркола входит потом в привычку?

— Ни в коем случае, сэр, — успокоил его служитель. — Наркола действует, как, согласно теории, должен бы влиять алкоголь. Вы испытываете небывалый подъем, чувство удовлетворенности, довольства. Похмелья не бывает. Это вам предлагает Томас Мориарти, кандидат от реформистской партии на пост мэра. Столбец Эй-два в ваших кабинетах, джентльмены. Мы смиреннейше рассчитываем на ваши голоса.

Посетители кивнули и закурили.

Нарколик начал действовать почти сразу. Уже после первой сигареты Пирсен ощутил раскованность, легкость и его захлестнуло предвкушение чего-то приятного. Вторая сигарета усилила действие первой и кое-что добавила. Все чувства необыкновенно обострились. Пирсену казалось теперь, что мир восхитителен, полон неизведанных радостей и чудес. И сам он почувствовал себя важным и незаменимым.

Бенц толкнул его локтем в бок:

— Что, недурна штучка?

— Очень здорово, — ответил Пирсен. — Этот Мориарти, наверное, хороший человек. Миру нужны хорошие люди.

— Точно, — согласился Бенц. — Нужны толковые люди.

— Смелые, мужественные, дальновидные, — с жаром продолжал Пирсен, — такие орлы, как мы с тобой, которые перевернут весь мир, так что...

Он вдруг умолк.

— Чего ты? — спросил Бенц.

Пирсен не отвечал. В нем произошла неувловимая перемена, знакомая всем наркоманам, а нарколик теперь вызывал у него обратный эффект. Только что он казался себе богом. И вдруг с обостренной чувствительностью одурманенного увидел себя таким, каков он есть.

Он, Уолтер Хилл Пирсен, тридцати двух лет, неженатый, не работающий и никому не нужный. Когда ему было восемнадцать, он поступил на службу, чтобы доставить удовольствие родителям. Но уже через неделю бросил работу, потому что она нагоняла на него тоску и мешала высыпаться. Потом как-то ему вздумалось жениться, но его отпугнула ответственность, которую накладывает семейная жизнь. Ему скоро тридцать три, он тощий, хилый, у него дряблые мускулы и нездоровый цвет лица. Ни разу в жизни не сделал он ничего хоть мало-мальски важного ни для себя, ни для других и впредь не сделает.

— Ну, давай, давай выкладывай все как есть, дружище, — сказал Бенц.

— Ж-желаю совершить подвиг, — промямлил Пирсен, делая новую затяжку.

— Да ну?

— Чтоб я пропал! Приключений хочу!

— Так чего же ты молчал? Я тебе мигом все устрою. — Бенц вскочил и потащил за собой Пирсена. — Айда!

— Ты к-куда меня ведешь?

Пирсен попробовал оттолкнуть Бенца. Ему хотелось, не вставая с дивана, упиваться своим горем. Но Бенц рывком заставил его встать.

— Я понял, что тебе нужно, — говорил Бенц. — Приключение... такое, чтоб дух захватывало. Пошли, голуба, я тебя отведу.

Покачиваясь, Пирсен задумчиво насупил брови.

— Пойди сюда, — обратился он к Бенцу. — Я тебе на ухо скажу.

Бенц наклонился к нему, и Пирсен прошептал:

— Хочу, чтобы было приключение, *но чтобы я остался цел и невредим*. Понял?

— Само собой! — ответил Бенц. — Я же знаю, что тебе нужно. Вали за мной. Сейчас будет приключение. Безопасное!

Сжимая в кулаках пачки нарकोлина, приятели взялись за руки и нетвердым шагом вышли из салона, основанного кандидатом реформистов.

Поднялся ветер, и дерево, на котором сидел Пирсен, закачалось. Порыв ветра так внезапно охладил его разгоряченное, потное тело, что Пирсена вдруг начала бить дрожь. Зубы громко застучали, руки до боли вцепились в скользкую ветку. В горле нестерпимо жгло, как будто бы туда насыпали мелкого раскаленного песка.

Нет, он не мог больше терпеть такую жажду. За глоток воды он был готов сейчас сразиться с целым десятком черно-синих тварей.

Пирсен принялся медленно спускаться с дерева, решив не думать до поры до времени, что случилось вчера вечером. Сперва он должен найти воду.

Под деревом, не шевелясь, лежала черно-синяя зверюга с переломленным хребтом. Пирсен прошел мимо нее и нырнул в заросли.

Он брел по джунглям долгие часы, а может быть, и дни, ибо утратил представление о времени в мучительном зное, который источало сверкающее, неизменно белое небо. Колючие ветки рвали его одежду, какие-то птицы пронзительно вскрикивали каждый раз, когда он раздвигал кусты. Он ничего не замечал, он продолжал идти, с трудом переступая одеревеневшими ногами и устремив вперед невидящий взгляд. Он упал, но снова встал и побрел, потом падал еще раз и еще. Так брел он, словно робот, покуда не наткнулся на скудный, грязный ручеек.

Пирсен растянулся и припал к воде губами, совсем не думая о том, что в ней могут оказаться болезнетворные бактерии.

Немного придя в себя, он огляделся. Вокруг сплошной стеной стояли непроходимые, ядовито-зеленые, чужие джунгли. Над ним

сияло небо, точь-в-точь такое же белое, каким он увидел его в первый раз. А в кустах попискивала и чирикала невидимая мелкая живность.

«Какое глухое и жуткое место, — подумал Пирсен. — Поскорей бы отсюда выбраться».

Но как? Он не знал, есть ли здесь города или какие-нибудь поселения. И если даже есть, то как их разыскать в такой пустынной, дикой местности?

Каким же образом он все-таки попал сюда?

Он потер небритый подбородок и снова попытался вспомнить. Казалось, вчерашние события происходили миллион лет назад, в какой-то совершенно иной жизни. Нью-Йорк представлялся ему смутно, словно привиделся во сне. Реальностью были лишь джунгли, голод, который вгрызался ему в желудок, и недавно начавшееся странное гудение.

Он поглядел вокруг себя, пытаясь определить, откуда доносится звук. Гудело со всех сторон, ниоткуда и отовсюду. Сжав кулаки, Пирсен до боли в глазах всматривался в заросли, пытаясь разглядеть, где же притаилась новая опасность.

Внезапно неподалеку от него шевельнулся куст, покрытый блестящими зелеными листьями. Пирсен отпрыгнул, дрожа как в лихорадке. Куст весь затрясся, и его тонкие изогнутые листья загудели.

И тут...

Куст посмотрел на него. Глаз у него не было. Но Пирсен чувствовал, что куст *знает* о нем, сосредоточился на нем, что-то решил. Куст загудел громче. Его ветки потянулись к Пирсену, коснулись земли, пустили корни, тотчас же выбросили подвижные усики, те вытянулись, вновь пустили корни и снова выбросили усики.

Куст разрастался в его сторону со скоростью спокойно идущего пешехода.

Пирсен глядел как зачарованный на остренькие крючковатые листочки, которые, поблескивая, тянулись к нему. Он не верил собственным глазам.

И в этот миг он вспомнил, что случилось с ним в конце минувшего вечера.

— Ну, вот мы и пришли, дружище, — сказал Бенц возле входа в ярко освещенный особняк на Мэдисон-авеню.

Он подвел Пирсена к лифту. Приятели поднялись на двадцать четвертый этаж и вошли в просторную светлую комнату.

НЕЛИМИТИРОВАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

— Слышал я об этом заведении, — Пирсен сделал глубокую затыжку. — Здесь, говорят, дорого.

— Об этом не тревожься, — успокоил его Бенц.

Блондинка секретарша записала их фамилии и повела в каби-

нет доктора Шринагара Джонса, консультанта по активным действиям.

— Добрый вечер, джентльмены, — сказал Джонс.

При виде этого очкастого заморыща Пирсен не удержался и фыркнул. Нечего сказать, хорош консультант по активным действиям.

— Итак, джентльмены, вам желательно испытать приключение? — учтиво осведомился Джонс.

— Это *ему* хочется приключений, — сказал Бенц. — Я просто его приятель.

— Да, да, понимаю. Так вот, сэр. — Джонс повернулся к Пирсену, — какого рода приключение вы себе мыслите?

— Приключение на свежем воздухе, — ответил Пирсен слегка осипшим, но твердым голосом.

— О, у нас есть нечто весьма подходящее! — воскликнул Джонс. — Обычно мы взимаем с клиентов плату. Однако сегодня все приключения — даровые. Счета оплачивает президент Мэйн, столбец Си-один в вашей кабине. Пожалуйста за мной, сэр.

— Стойте. Я ведь не хочу, чтобы меня убили. Опасное это приключение?

— Совершенно безопасное. В наш век и в наши дни только такие и допустимы. А теперь послушайте. Сейчас вы пройдете в нашу Искательскую комнату, ляжете там на кровать, и вам будет сделана безболезненная инъекция. Вы тотчас потеряете сознание. Затем, должным образом применяя слуховые, осязательные и прочие возбудители, мы сформируем в вашем восприятии приключение.

— Как во сне! — спросил Пирсен.

— Это наиболее близкая из аналогий. Пригрезившееся вам приключение по своему существу будет абсолютно реалистично. Вы испытаете настоящую боль, подлинные эмоции. Оно ничем не будет отличаться от реальной действительности. Кроме, конечно, одного: все это произойдет не наяву и, следовательно, будет вполне безопасно.

— А что случится, если во время приключения я погибну?

— В точности то же самое, что бывает с вами в таких случаях во сне. Вы проснетесь. Однако во время вашего ультрареалистического яркоцветового сна вы сможете совершенно сознательно управлять своими действиями, чего во сне не бывает.

— А я буду все это знать, пока длится приключение?

— Разумеется. Все время, пока вы спите, вы будете полностью осведомлены о том, что находитесь в состоянии сна.

— Тогда пошли! — гаркнул Пирсен. — Дашь приключение!

Ярко-зеленый куст продолжал медленно разрастаться в его сторону. Пирсен захохотал. Да ведь это же сон! Конечно, сон! Ему ничто не угрожает. Зловещий куст — всего лишь плод его вообра-

жения, точно так же, как и черно-синяя тварь. Даже если бы она тогда перегрызла ему горло, он не умер бы. Он сразу бы проснулся в Искательской комнате на Мэдисон-авеню.

Сейчас ему было просто смешно. Как же он не догадался раньше? Ведь такая черно-синяя только во сне и может появиться. И разве бывают на свете ходячие кусты? Все это, конечно, явный бред, нагромождение нелепостей.

Пирсен громко сказал:

— Хватит. Можете меня разбудить.

Никаких перемен. Вдруг Пирсен вспомнил, что он не может проснуться по своему желанию. Приключение тогда утратило бы всякий смысл, и исчезло бы целительное воздействие волнения и страха на истощенную нервную систему спящего.

Да, теперь он вспомнил. Приключение окончится только тогда, когда он, Пирсен, преодолеет все преграды. Или погибнет.

Куст добрался почти до его ног. Пирсен во все глаза разглядывал его, дивясь его натуральному виду.

Крючковатый листочек зацепился за ботинок. Пирсен самодовольно усмехнулся: он был горд, что так здорово держит себя в руках. Чего уж там бояться, когда знаешь, что все равно останешься целехонек.

«Постой-ка, — вдруг подумал он, — а как же я могу переживать всерьез, если мне известно, что все это понарошку? Тут они чего-то не додумали».

И тогда ему вспомнилось окончание их разговора с Джонсом.

Пирсен лежал уже на белой кушетке, когда над ним склонился Джонс, держа в руке шприц.

— А скажи-ка, друг любезный, — спросил Пирсен, — что мне за прок от приключения, если я буду знать, что оно не настоящее?

— Мы и это предусмотрели, — ответил Джонс. — Видите ли, сэр, на долю некоторых наших клиентов выпадают *вполне реальные* приключения.

— Э?

— Реальные, самые настоящие, они не сняты, а происходят в действительности. В таких случаях (они чрезвычайно редки) мы не даем клиенту возбудителей, а ограничиваемся вливанием сильной дозы снотворного. Когда человек уснет, его переносят на космический корабль и отправляют на Венеру. Очнувшись там, он наяву переживает то, с чем другие сталкиваются лишь в воображении. Если он сумеет выйти победителем, то останется в живых.

— А если нет?

Джонс, который терпеливо ждал, держа шприц наготове, молча пожал плечами.

— Но это бесчеловечно! — крикнул Пирсен.

— Мы другого мнения. Представляете ли вы себе, мистер Пирсен, как остро нуждается в приключениях современный мир? Облегченность нашего бытия ослабила натуру человека, и проти-

воедействовать этому может только одно: встреча с опасностью. Наши воображаемые приключения — самый безобидный и приятный из всех возможных вариантов. Но приключение утратит всякий смысл, если клиент не будет принимать его всерьез. Иное дело, когда остается вероятность, пусть даже самая малейшая, что над тобой действительно нависла смертельная угроза.

— Но те, кого увозят на Венеру...

— Их процент ничтожен, — успокоил его Джонс — Меньше одной десятичной. Мы это делаем лишь для того, чтобы взбодрить остальных.

— Но это противозаконно, — не унимался Пирсен.

— Ничуть. Вы больше рискуете жизнью, когда пьете миникарете или курите нарколик...

— Право, не знаю, — сказал Пирсен, — хочется ли мне...

Острые шприца вдруг вонзилось ему в руку.

— Все будет отлично, — ласково произнес Джонс, — устройтесь поудобней, мистер Пирсен.

И с этой минуты он уже не помнил ничего до самого пробуждения в джунглях.

Зеленая ветка поползла ему до щиколотки. Изогнутый тонкий листик очень медленно и нежно ткнулся в мякоть ноги. На миг стало щекотно, но не больно. Почти тотчас листик сделался красноватым.

Растение-кровопийца, подумал Пирсен, ишь ты!

Ему вдруг надоело приключение. Глупая, пьяная затея. Хорошенького понемножку. Пока кончать, да поскорей.

Ветка поднялась повыше, и еще два изогнутых листка вонзились ему в ногу. Теперь уже весь куст стал грязно-бурым.

Пирсена потянуло в Нью-Йорк, туда, где вечеринки, где тебя бесплатно кормят, даром развлекают и можно спать сколько угодно. Ну, допустим, он справится и с этой напастью, так ведь подоспеет новая. Сколько дней — или недель — ему еще тут мыкаться?

Самый верный способ поскорей попасть домой — не сопротивляться. Куст убьет его, и он сразу проснется.

Пирсен почувствовал, что начинает слабеть. Он сел и увидел, что еще несколько кустов подбираются к нему, привлеченные запахом крови.

— Конечно, это бред, — произнес он громко. — Кто поверит, что есть растения, пьющие кровь? Пусть даже на Венере.

Высоко в небе парили огромные чернокрылые птицы, терпеливо ожидая, когда наступит их пора слетаться к трупам.

Сон или явь?

Десять тысяч против одного, что это сон. Только сон. Яркий и правдоподобный, но тем не менее всего лишь сон.

А если нет? У него начала кружиться голова, и он все больше

слабел от потери крови. *Я хочу домой, думал Пирсен. Чтобы по-пасть домой, я должен умереть. Правда, я могу умереть по-настоящему, но практически это исключено...*

И вдруг его осенило. Да кто же это осмелится в наши дни рисковать жизнью избирателя? Нет, эти Нелимитированные Приключения не могут подвергать человека настоящим опасностям.

Джонс сказал ему об этом одном из десяти тысяч, чтобы приключение выглядело более реальным.

Вот это больше похоже на правду. Пирсен лег, закрыл глаза и приготовился умереть.

Он умирал, а мысли роем клубились у него в голове, давно забытые мечты, надежды, опасения. Пирсен вспомнил свою единственную службу и то смешанное чувство облегчения и сожаления, с которым он оставил ее. Вспомнились ему чудачковатые трудяги родители, которые упорно не желали пользоваться незаслуженными, как они говорили, благами цивилизации. Никогда в жизни Пирсену не приходилось столько думать, и вдруг оказалось, что существует еще один Пирсен, о котором он прежде не подозревал.

Новый Пирсен был на редкость примитивен. Он хотел жить, и больше ничего. Жить во что бы то ни стало. Этот Пирсен не желал умирать ни при каких обстоятельствах... пусть даже воображаемых.

Два Пирсена — один, движимый гордостью, а другой — стремлением выжить — вступили в единоборство. Померившись силами, которые у обоих были на исходе, они пошли на компромисс.

— Стервец Джонс небось думает, что я умру, — сказал Пирсен. — Умру, для того чтобы проснуться. Так пропади я пропадом, если он этого дождетсЯ.

Лишь в такой форме он был способен признать, что хочет жить.

Качаясь от слабости, он кое-как встал и попробовал освободиться от куста-кровопийцы. Тот присосался крепко.

С криком ярости Пирсен ухватился за куст и отодрал его от себя. Выдернутые листья полоснули его по ногам, а в это время другие вонзились в правую руку.

Но зато он освободил ноги. Отшвырнув пинками еще два куста, Пирсен бросился в джунгли с веткой, обвинившейся вокруг руки.

Он долго брел, спотыкаясь; и только когда растения-кровососы остались далеко позади, начал освобождаться от последнего куста.

Тот завладел уже обеими его руками. Плача от боли и злости Пирсен поднял руки над головой и с размаху ударил ими о ствол дерева.

Крючочки слегка отпустили. Пирсен снова ударил руками о дерево и зажмурился от боли. Потом еще, еще раз, и, наконец, куст перестал цепляться за него.

Пирсен тут же побрел дальше.

Но он слишком долго мешкал, пока раздумывал, умирать ему или не умирать. Кровь ручьями струилась из сотни ранок, и запах крови оглашал джунгли, как набат. Что-то черное стремительно метнулось к нему сверху. Пирсен бросился ничком на землю и, едва успев увернуться, услышал совсем рядом хлопанье крыльев и злобный пронзительный крик.

Он проворно вскочил и хотел спрятаться в колючем кустарнике, но не успел. Большая чернокрылая птица с малиновой грудью вторично ринулась на него с высоты.

Острые когти ухватили его за плечо, и он упал. Неистово хлопая крыльями, птица утеслась ему на грудь. Она клонула его в глаз, промахнувшись, опять нацелилась.

Пирсен наотмашь взмахнул рукой. Его кулак угодил птице прямо по зубу и свалил ее.

Тогда он на четвереньках уполз в кусты. С пронзительными воплями птица кружила над ним, высматривая какую-нибудь лазейку. Но Пирсен уползал все глубже в спасительную колючую чашу.

Вдруг он услышал рядом тихий вой, похожий на стон.

Да, видно, напрасно он так долго колебался. Джунгли обрекли его на смерть, вцепились в него мертвой хваткой. Похожая на акулу, продолговатая черно-синяя тварь, чуть поменьше той, с которой он дрался, проворно ползла к нему сквозь колючую чашу.

Одна смерть вопила в воздухе, другая стонала на земле, и бежать от них было некуда. Пирсен встал. С громким криком, в котором перемешались страх, злость и вызов, он, не колеблясь, бросился на черно-синего зверя.

Лязгнули огромные челюсти, Пирсен рухнул на землю. Последнее, что уловило его угасающее сознание, была разинутая над ним смертоносная пасть.

Неужели наяву? — с внезапным ужасом подумал он, и все исчезло.

Он очнулся на белой койке, в белой, неярко освещенной комнате. Пирсен медленно собрался с мыслями и вспомнил... свою смерть.

Ничего себе приключеньице, подумал он. Надо ребятам рассказать. Только сначала выпить. Сходить куда-нибудь поразвлечься и опрокинуть рюмочку... а то и все десять.

Он повернул голову. Сидевшая на стуле возле койки девушка в белом халате встала и наклонилась над ним.

— Как вы себя чувствуете, мистер Пирсен? — спросила девушка.

— Нормально, — ответил он. — А где Джонс?

— О ком вы?

— Шринагар Джонс. Здешнее начальство.

— Вы, очевидно, перепутали, сэр, — сказала девушка. — Нашей колонией руководит доктор Бейнтри.

— Чем?! — крикнул Пирсен.

В комнату вошел высокий бородатый человек.

— Вы свободны, сестра, — сказал он девушке и повернулся к Пирсену. — Добро пожаловать на Венеру, мистер Пирсен. Я доктор Бейнтри, директор пятой базы.

Пирсен недоверчиво на него уставился. Потом, кряхтя, сполз с кровати и наверняка упал бы, если бы Бейнтри его не подхватил.

Пирсен с изумлением обнаружил, что забинтован чуть ли не с головы до пят.

— Так это было наяву? — спросил он.

Бейнтри помог ему добраться до окна. Пирсен увидел расчищенный участок, изгороди и зеленеющую вдаль опушку джунглей.

— Один на десять тысяч, — с горечью произнес он. — Вот уж действительно везет как утопленнику. Я ведь мог погибнуть.

— Вы чуть было не погибли, — подтвердил Бейнтри. — Однако в том, что вы попали на Венеру, неповинны ни статистика, ни случай.

— Как вас понять?

— Выслушайте меня, мистер Пирсен. На Земле жить легко. Людям больше не приходится бороться за свое существование; однако, боюсь, они добились этого слишком дорогой ценой. Человечество остановилось в своем развитии. Рождаемость непрерывно падает, а количество самоубийц растет. Границы наших владений в космосе продолжают расширяться, но туда никого не заманишь. А их ведь нужно заселить, если мы хотим выжить.

— Слышал я уже в точности такие слова, — сказал Пирсен. — И в киножурнале, и по солидо, и в газете читал...

— Они, я вижу, не произвели на вас впечатления.

— Я этому не верю.

— Верите или нет, — твердо ответил Бейнтри, — но все равно это правда.

— Вы фанатик, — сказал Пирсен. — Я не намерен с вами спорить. Пусть даже это правда — мне-то что?

— Нам катастрофически не хватает людей, — сказал Бейнтри. — Чего мы только не придумывали, как ни старались найти желающих. Никто не хочет уезжать с Земли.

— Еще бы. Дальше что?

— Лишь один-единственный способ оправдал себя. Мы основали агентство Нелимитированных Приключений. Всех подходящих кандидатов отвозят сюда и оставляют в джунглях. Мы наблюдаем за их поведением. Это отличный тест, полезный и для испытуемого и для нас.

— Ну, а что бы со мной случилось, если бы я не удрал тогда от тех кустов?

Бейнтри пожал плечами.

— Так, значит, вы меня завербовали, — сказал Пирсен. — Сперва погоняли по кругу с препятствиями, потом увидели, какой я молодец, и в самую последнюю секунду спасли. Я, наверно, дол-

жен быть польщен таким вниманием. И тотчас же осознаю, что я не какой-нибудь неженка, а крепкий, неприхотливый парень. И конечно, я полон отваги, мечтаю о славе первооткрывателя?

Бейнтри молча глядел на него.

— И разумеется, тут же запишусь в колонисты? Да что я, псих, по-вашему, или кто? Неужто вы всерьез считаете, что я брошу шикарную жизнь на Земле, чтобы вкалывать у вас тут в джунглях или на ферме? Да провалитесь вы хоть к черту в пекло вместе с вашими душеспасительными планами.

— Я прекрасно понимаю ваши чувства, — заметил Бейнтри. — С вами обошлись довольно бесцеремонно, но этого требуют обстоятельства. Когда вы успокоитесь...

— Я и так спокоен! — взвизгнул Пирсен. — Хватит с меня проповедей о спасении мира! Я хочу домой, во Дворец развлечений.

— Мы можем отправить вас с вечерним рейсом, — сказал Бейнтри.

— Что? Нет, вы это серьезно?

— Вполне.

— Ни черта не понимаю. Вы что, на сознательность решили бить? Так этот номер не пройдет — я еду, и конец. Удивляюсь, как это у вас хоть кто-то остается.

— Здесь никто не остается, — сказал Бейнтри.

— Что?!

— Почти никто, исключения очень редки. Большинство поступает так же, как вы. Это только в романах герой вдруг обнаруживает, что он обожает сельское хозяйство и жаждет покорять неведомые планеты. В реальной жизни все хотят домой. Многие, правда, соглашаются помогать нам на Земле.

— Каким образом?

— Они становятся вербовщиками, — ответил Бейнтри. — Это и в самом деле занятно. Ты ешь, пьешь и наслаждаешься жизнью, как обычно. Но когда встречается подходящий кандидат, ты уговариваешь его испытать воображаемое приключение и ведешь в агентство... Вот как Бенц привел вас.

— Бенц? — изумился Пирсен. — Этот подонок — вербовщик?

— Конечно. А вы думали, что вербовщиками у нас служат ясновидящие идеалисты? Все они такие же люди, как вы, Пирсен, так же любят повеселиться, ищут легкой жизни и, пожалуй, даже не прочь оказать помощь человечеству, если это не очень хлопотно. Я думаю, такая работа вам понравится.

— Что ж, попробовать можно, — согласился Пирсен. — Забавы ради.

— Мы большего и не просим.

— Но откуда же вы тогда берете новых колонистов?

— О, это любопытная история. Представьте себе, мистер Пирсен, что многим из наших вербовщиков через несколько лет

вдруг делается интересно, что же здесь происходит? И они возвращаются.

— Ну ладно, — сказал Пирсен. — Так и быть, я поработаю на вас. Но только временно, пока не надоест.

— Конечно, — сказал Бейнтри. — Вам пора собираться в дорогу.

— И назад меня не ждите. Ваш душеспасительный рэкет — на любителя. А я человек городской. Мне нужен комфорт.

— Да, конечно. Кстати, вы отлично вели себя в джунглях.

— Правда?

Бейнтри молча кивнул.

Пирсен, не отрываясь, глядел на поля, постройки, изгороди; глядел он и на дальнюю опушку джунглей, с которыми только что сразился и едва не вышел победителем.

— Нам пора, — сказал Бейнтри.

— А? Ладно, иду, — ответил Пирсен.

Он медленно отошел от окна, чувствуя легкую досаду, причину которой так и не смог определить.

ПРОБЛЕМА ТУЗЕМЦЕВ

Эдвард Дантон был отщепенцем. Еще в младенчестве он проявлял зачаточные антиобщественные склонности. Родителям, конечно, следовало тут же показать его хорошему детскому психологу, и тот сумел бы определить, какие обстоятельства способствуют развитию контргрупповых тенденций в характере юного Дантона. Но Дантоны-старшие, как водится, сверх меры поглощенные собственными неурядицами, понадеялись на время.

И напрасно. В школе Дантону с превеликой натяжкой удалось получить переводные баллы по таким предметам, как групповое окультуривание, семейные контакты, восприятие духовных ценностей, теория суждений, и другим, необходимым каждому, кто хочет чувствовать себя уютно в современном мире. Но бестолковому Дантону в современном мире было неуютно.

Он понял это не сразу.

По внешнему виду никто бы не заподозрил его в патологической неуживчивости. Это был высокий, атлетически сложенный молодой человек, с зелеными глазами и непринужденными манерами. Девушки чувствовали в нем несомненное обаяние. Иные даже оказывали ему столь высокую честь, что подумывали выйти за него замуж.

Но и самые легкомысленные не могли не заметить его недостатков. Когда затевали «станьте в круг», он выдыхался буквально через несколько часов, к тому времени, как все остальные только начинали входить в раж. При игре в бридж для двенадцати партнеров Дантон часто отвлекался и, к возмущению остальных один-

надцати игроков, вдруг начинал выяснять, на чем остановилась торговля. И уж совсем невыносим он был в «подземке».

Не жалея усилий, старался Дантон проникнуться духом этой классической игры. Схватив за руки товарищей, он стремительно врывался в вагон подземки, дабы захватить его прежде, чем в противоположные двери ринется противник.

— Вперед, ребята! — орал капитан. — Захватим-ка вагон для Рокзвез?

А капитан противника вопил:

— Нет, дудки! Навалитесь, мальчики! Бронкс Парк, и никаких гвоздей!

Страдальчески сморщившись, с застывшей улыбкой, Дантон ворочался в гуще толпы.

— В чем дело, Эдвард? — любопытствовала очередная подруга. — Разве тебе не весело?

— Весело, конечно, — задыхаясь, отвечал Дантон.

— Но я же вижу, что нет! — в изумлении вскрикивала девушка. — Ты разве не знаешь, что таким способом наши предки давали разрядку своей агрессивности? Историки утверждают, что благодаря подземке человечество избегло тотальной водородной войны. Агрессивность свойственна и нам, и мы должны давать ей выход, избрав для этого соответствующие формы.

— Я знаю, — отвечал Эдвард Дантон. — Мне, право, очень весело. Я... о господи!

В вагон вламывалась, взявшись за руки, третья команда и выкрикивала нараспев: «Канарси, Канарси, Канарси!»

Уверившись, что Дантон — человек без будущего, девушка покидала его, как все ее предшественницы. Отсутствие общительности невозможно было скрыть. Было ясно, что он не сыщет себе счастья ни в предместьях Нью-Йорка, которые простирались от Рокпорта (штат Мэйн) до Норфолка (Виргиния), ни в других городах.

Он пытался побороть себя, но тщетно. Стали проявляться и другие отклонения. От воздействия световой рекламы на сетчатку глаза у Дантона начал развиваться астигматизм, а от звуковой — постоянно звенело в ушах. Доктор предупредил его, что анализ симптомов отнюдь не исцелит его от этих психосоматических недугов. Обратить внимание следовало на главный невроз Дантона — его антисоциальность. Но здесь уж Дантон был бессилен.

Ему оставалось лишь одно — бежать. В космосе хватало места для тех, кто не прижился на Земле.

За последние два века миллионы сумасшедших, психопатов, невропатов и чудаков разных мастей разбрелись по звездным мирам. Первое время, когда летали на космических кораблях, снабженных двигателем Миккельсена, у путешественников уходило

лет по двадцать-тридцать на то, чтобы протащиться от одной звездной системы до другой. Более современные звездолеты, оборудованные гиперпространственными вихревыми конвертерами, затрачивали на такой же путь всего несколько месяцев.

Оставшиеся на родине, будучи людьми социально устойчивыми, оплакивали разлуку, но утешались тем, что смогут несколько расширить жесткие рамки лимитированного деторождения.

Дантону шел двадцать седьмой год, когда он решил покинуть Землю и стать пионером. Невесело было на душе у него в тот день, когда он передал сертификат на право увеличения потомства своему лучшему другу Элу Тревору.

— Ах, Эдвард, Эдвард, — говорил растроганный Тревор, вертя в руках драгоценную бумажку, — ты и не представляешь, как ты много для нас сделал. Мы с Миртл всегда хотели иметь двух ребятшек. И вот благодаря тебе...

— Оставим это, — ответил Дантон. — Там, где я буду, мне не понадобится разрешение на право иметь детей. Да и вообще, — добавил он, вдруг пораженный новой мыслью, — я вовсе не уверен, что смогу там осуществить такое право.

— Но это ведь ужасно, — сказал Эл, который всегда принимал близко к сердцу дела своего друга.

— Очевидно. Впрочем, может быть, со временем я встречу в тех краях какую-нибудь девушку из пионеров. А пока к моим услугам сублимация*.

— Тоже верно. Какой заменитель ты выбрал?

— Огородничество. Дело-то полезное.

— Полезное, — подтвердил Эл. — Ну что ж, дружище, желаю удачи.

Отдав приятелю сертификат, Дантон отрезал себе все пути к отступлению. Он смело ринулся вперед. В обмен на право продолжения рода правительство обеспечивало ему бесплатный проезд в любую часть вселенной, снабжая необходимым снаряжением и запасами провизии на два года.

Дантон вылетел сразу.

Он не стал задерживаться в сравнительно населенных районах, где власть, как правило, находилась в руках экстремистских группировок.

Без сожаления миновал он, например, Корани II, где гигантская вычислительная машина установила диктатуру математики.

Не привлекала его и Гейл V, все триста сорок два жителя которой самым серьезным образом готовились к захвату Галактики.

Объехал он стороной и Фермерские Миры, унылые планеты, на которых процветал сугубый культ здоровья.

* Сублимация — психическое явление, заключающееся в вытеснении инстинктов (сексуальных комплексов).

Добравшись до пресловутой Гедонии, Дантон чуть было не остался там. Его оттолкнуло то, что жители этой планеты, судя по слухам, были недолговечны, хотя никто и не отрицал, что свой короткий век они проживали весело.

Но Дантон предпочел век долгий и отправился дальше.

Миновал он также сумрачные, каменистые Рудничные Миры, немногочисленное население которых составляли угрюмые, бородатые мужчины, подверженные приступам безудержного гнева. И вот перед ним открылись Новые Территории, неосвоенные миры, расположенные за самой дальней границей земных владений. Обследовав несколько планет, Дантон избрал ту, на которой не нашел никаких следов разумной жизни.

Планета была тиха и укромна, изобиловала рыбой и дичью; среди ее обширных водных просторов зеленели покрытые буйными зарослями джунглей большие острова. Дантон назвал ее Нью-Таити, и капитан звездолета должным образом оформил его права на владение планетой. После беглого осмотра Дантон выбрал крупный остров, показавшийся ему заманчивее остальных. Он высадился на нем и стал разбивать лагерь.

Сперва дел было множество. Из веток и переплетенных трав Дантон выстроил домик подле сверкающего белизною пляжа. Он смастерил острогу, несколько силков и невод. Засеял огород, и, к его радости, тот вскоре пышно зазеленел, согретый тропическим солнцем и увлажненный теплыми ливнями, которые выпадали каждое утро, от семи часов до семи тридцати.

Да, Нью-Таити, несомненно, оказался истинно райским уголком, и Дантон мог бы быть очень счастлив здесь. Ему мешало одно. Огородничество, которое он считал отличным видом сублимации, подвело его скандальнейшим образом. Дантон думал о женщинах и днем и ночью; глядя на огромную оранжевую тропическую луну, он мог часами мурлыкать себе под нос песенки, разумеется любовные.

Опасаясь за свое здоровье, Дантон начал лихорадочно перебирать все известные ему виды сублимации: сперва занялся живописью, бросил; начал вести дневник — забросил и дневник; сочинил сонату, но, оставив музыку, высек из местной разновидности песчаника две исполинские статуи, закончил их и стал придумывать, чем бы заняться еще.

Заняться было нечем. Огород не требовал ухода; земные овощи победно вытеснили местные растения. Рыба валом валила в сети, силки никогда не пустовали. Дантон снова заметил, что днем и ночью ему мерещатся женщины — высокие и маленькие, белые, черные и коричневые. Однажды он поймал себя на том, что с приязнью думает о марсианках; до него еще ни одному землянину подобное не удавалось. Дантон понял, что необходимо принять решительные меры.

Но какие? Подать сигнал о помощи он не мог, покинуть Нью-Таити — тоже. Погруженный в грустное раздумье, Дантон

поднял глаза к небу и заметил черное пятнышко, которое спускалось к морю.

Пятнышко становилось крупнее; у Дантона перехватило дыхание от страха, что оно может оказаться птицей или огромным насекомым. Но пятно все продолжало увеличиваться, и вскоре Дантон начал различать неровные вспышки бледного пламени.

Космический корабль! Конец одиночеству!

Звездолет медленно и осторожно шел на посадку. Дантон облачился в свой лучший набедренный пояс; этот наряд, излюбленный островитянами Южных Морей, весьма подходил к климату Нью-Таити. Затем умылся, тщательно причесал волосы и стал следить за приземлением космического корабля.

Это был старинный звездолет с двигателем Миккельсена. Дантон до сих пор думал, что такие корабли давно уже вышли из употребления. Однако этот, судя по всему, проделал немалый путь. Помятый, исцарапанный и безнадежно устаревший по конструкции, он имел решительный и непреклонный вид. На носу звездолета гордо красовалась надпись: «*Народ Хаттера*».

Зная, что путешественники, возвращающиеся из космических пучин, обычно остро чувствуют нехватку свежих продуктов, Дантон собрал для пассажиров корабля целую гору фруктов и красиво разложил их к тому времени, как «*Народ Хаттера*» тяжело опустился на пляж.

Открылся узкий люк, и из звездолета вышли двое мужчин, вооруженных винтовками и с головы до ног одетых в черное. Пришельцы осторожно огляделись.

Дантон опрометью кинулся к ним.

— Эгей! Добро пожаловать на Нью-Таити. Ребята, до чего ж я счастлив видеть вас! Что новенького на...

— Назад! — гаркнул один из пришельцев, высокий тощий человек лет пятидесяти, с суровым морщинистым лицом. Его холодные голубые глаза пронзали Дантона, как стрелы, дуло винтовки целилось прямо в грудь.

Второй был помоложе, маленький широколицый крепыш.

— Что случилось? — удивился Дантон.

— Как тебя зовут?

— Эдвард Дантон.

— Я Симеон Смит, — сообщил тощий. — Военачальник хаттеритов. А это Джедекия Франкер, мой заместитель. Почему ты заговорил по-английски?

— Я говорю по-английски, — ответил Дантон. — Я же...

— Где остальные? Куда они спрятались?

— Да здесь никого нет. Только я. — Дантон бросил взгляд на звездолет и увидел мужские и женские лица в каждом иллюминаторе. — Посмотрите-ка, это все вам, — Дантон указал на фрук-

ты. — Я думал, вы соскучились по свежей пище после длительного путешествия.

Из люка выглянула хорошенькая блондинка с коротко подстриженными волнистыми волосами.

— Нам уже можно выходить, отец?

— Нет! — ответил Симеон. — Здесь небезопасно. Полезай назад, Анита.

— Я буду наблюдать отсюда, — ответила девушка, с откровенным любопытством разглядывая Дантона.

Дантон встретился с ней глазами, и вдруг неведомый ему доколе трепет пробежал по всему его телу.

Симеон сказал:

— Мы принимаем твое приглашение. Однако есть эти фрукты не станем.

— Отчего же? — резонно поллюбопытствовал Дантон.

— А оттого, — ответил ему Джедекия, — что мы не знаем, каким ядом вздумаете вы нас отравить.

— Отравить? Послушайте, давайте-ка присядем и объяснимся наконец.

— Что вы о нем думаете? — обратился к Симеону Джедекия.

— Все идет именно так, как я и ожидал, — отвечивал военачальник. — Он из кожи лезет вон, чтобы втереться в доверие, задобрить нас, и это очень подозрительно. Его соплеменники прячутся. Наверняка сидят в засаде. Я считаю, что им следует дать наглядный урок.

— Добро, — с ухмылкой согласился Джедекия. — Да убоятся цивилизации, — и он направил свою винтовку Дантону в грудь.

— Эй! — вскрикнул Дантон и попятился.

— Папа, — заговорила Анита, — но он же ничего еще не сделал.

— В том-то и суть. Если его пристрелить, он и впредь ничего не сделает. Хорошие туземцы — это мертвые туземцы.

— А остальные, — вставил Джедекия, — поймут, что мы не собираемся шутить.

— Но вы не имеете права! — возмущенно воскликнула Анита. — Совет Старейшин...

— Не распоряжается сейчас... — перебил ее отец. — Высадившись на чужой планете, мы попадаем в чрезвычайное положение, а это значит, что власть переходит в руки военного командования. Мы делаем то, что считаем необходимым. Вспомни Лан II!

— Да погодите вы, — заговорил Дантон. — Здесь какое-то недоразумение. На острове нет никого, кроме меня, и вовсе незначит...

Пуля взрыла песок у его левой ноги. Дантон понесся к джунглям. Вторая пуля жалобно пропела в воздухе, третья перерезала веточку над самой головой в тот миг, когда он скрылся, наконец, в подлеске.

— Вот так-то! — прогремел ему вслед голос Симеона. — Пусть зарубят себе на носу.

Дантон мчался по джунглям, пока не отделился от корабля пионеров по крайней мере на полмили.

Кое-как поужинав местными фруктами, напоминающими наши бананы и плоды хлебного дерева, Дантон принялся раздумывать о странных незнакомцах. Ненормальные они, что ли? Неужели им не ясно, что он землянин, живет на острове один, безоружен и встретил их с несомненным дружелюбием? Так нет же, они начали в него стрелять, давая наглядный урок. Кому? Грязным туземцам, которым нужно дать урок...

А, вот в чем дело! Дантон энергично закивал головой. Хаттериты приняли его за туземца, аборигена, и решили, что его соплеменники прячутся в джунглях, выжидая удобной минуты, чтобы выскочить и перерезать незваных гостей. Ну что ж, предположение не такое уж абсурдное. Он и в самом деле забрался чуть ли не на край света, остался здесь без космического корабля, да притом еще ходит в набедренной повязке и стал бронзовым от загара. Очень может быть, что хаттериты именно так и представляют себе туземцев неосвоенных планет.

— Но в таком случае, — продолжал размышлять Дантон, — как они объяснят, что я разговариваю по-английски?

Вся история выглядела на редкость нелепо. Дантон тронулся обратно к звездолету, уверенный, что с легкостью сумеет разъяснить пришельцам их ошибку. Впрочем, пройдя несколько шагов, он остановился.

Приближался вечер. Позади небо затянули белые и серые тучи, а с моря надвигался густой синеватый туман. Из джунглей доносились зловещие шорохи, шумы. Дантон давно уже убедился, что все они совершенно безобидны, но пришельцы могли решить иначе.

Этим людям ничего не стоит спустить курок, вспомнил он. Глупо было бы лететь навстречу собственной гибели.

И Дантон начал осторожно пробираться сквозь густые заросли: дотемна загорелый, бесшумный, как тень, он сливался с буро-зеленым кустарником. Добравшись до места, Дантон пополз через густой подлесок и осторожно оглядел из-за куста пологий берег.

Пионеры, наконец, вышли из корабля. Их оказалось не меньше полусотни: мужчины, женщины и несколько детей. Все были одеты в тяжелую черную одежду и истекали потом. Дантон увидел, что к его дарам не притронулся ни один из пришельцев. Зато на алюминиевом столе красовалась малопривлекательная трапеза путешественников по космосу.

Несколько мужчин с винтовками и патронташами расхаживали поодаль от толпы, внимательно наблюдая за опушкой джунглей и настороженно всматриваясь в темнеющее небо. Это были часовые.

Симеон поднял руки. Воцарилась тишина.

— Друзья мои, — провозгласил военачальник. — Вот, наконец, и обрели мы с вами долгожданный приют. Взгляните: перед нами земля обетованная, и природа здесь щедра и изобильна. Достойна ли наша новая родина долгих странствий, опасностей, коим мы подвергали себя, и нескончаемых поисков?

— Достойна, брат наш, — откликнулась толпа.

Симеон снова воздел руки, требуя тишины.

— На этой планете нет цивилизованных людей. Мы первыми пришли сюда, друзья, и она достанется нам. Но помните об опасностях! В чаще джунглей, быть может, бродят неведомые нам чудовища...

— Из которых самое большое не крупнее бурундука, — прошептал Дантон. — Спросил бы уж меня. Я бы вам рассказывал.

— А в пучине вод, наверное, таится некий левиафан, — продолжал Симеон. — Однако известно нам: на планете есть туземцы, нагие дикари, и, как все аборигены, они, несомненно, коварны, жестоки и безнравственны. Остерегайтесь их. Конечно, мы хотели бы жить с ними в мире, одаряя их плодами цивилизации и цветами культуры. Возможно, они будут держаться дружелюбно по отношению к нам, но всегда помните, друзья: никто не может проникнуть в душу дикаря. У них свои нравы, своя особая мораль. Им нельзя доверять, мы всегда должны быть начеку и, заподозрив что-либо неладное, стрелять первыми! Не забывайте Лан II!

Слушатели зааплодировали, спели гимн и приступили к вечерней трапезе. Когда темнота сгустилась, путешественники зажгли прожекторы, и на берегу стало светло как днем. Часовые расхаживали взад и вперед, держа винтовки наизготовку и встревоженно нахохлившись.

Поселенцы вытащили спальные мешки и устроились на ночлег, примостившись поближе к звездолету. Даже страх перед внезапным нападением дикарей не мог заставить их провести еще одну ночь внутри душного корабля.

Высоко в небе плыли ночные облака, до половины прикрывая огромную оранжевую нью-таитянскую луну. Часовые расхаживали у своих постов, выкрикивали в темноту ругательства и сиротливо жались все ближе друг к другу. Они поднимали пальбу, заслышав шорох в джунглях, и осыпали бранью каждую тень.

Дантон снова уполз в чащу. На ночь он устроился за деревом, чтобы не попасть под шальную пулю. Начинать переговоры с вечера явно не стоило. Очень уж нервозны были эти хаттериты. Дантон решил, что удобней будет объясниться с ними при свете дня: просто, без обиняков и рассудительно.

Беда только, что рассудительностью хаттериты едва ли отличались.

Впрочем, наутро дело представилось ему не столь уж безнадежным. Дантон дождался, когда поселенцы позавтракают, и осторожно вышел из кустов на дальнем краю пляжа.

— Стой! — разом рявкнули все часовые.

— Дикарь вернулся! — крикнул один из поселенцев.

— Ой, мамочка, — заплакал какой-то малыш. — Злой, гадкий дядька меня съест. Не отдавай меня.

— Не бойся, милый, — успокаивала его мать. — У папы есть ружье, папа застрелит дикаря.

Из звездолета выскочил Симеон и устался на Дантона.

— А, пожаловал! Ступай сюда.

Коченея от напряжения, Дантон опасливо приблизился к Симеону. Руки он старался держать так, чтобы все видели, что они пустые.

— Я предводитель этих людей. — Симеон произносил слова очень медленно, словно обращаясь к ребенку. — Моя — большая вождь эти люди. А твоя — большая вождь твои люди?

— Зачем вы так разговариваете? — спросил Дантон. — Мне даже трудно вас понять. Я же вам говорил вчера, что на острове никого нет. Только я.

Суровое лицо Симеона побелело от гнева.

— Ты со мной не хитри, а то хуже будет. Ну, выкладывай: где твоё племя?

— Да я же землянин, — завопил Дантон. — Вы что, глухой? Не слышите, как я говорю?

Подошел Джедекия, а с ним седой сутуловатый человек в больших очках в роговой оправе.

— Симеон, — сказал седой человек, — мне хотелось бы познакомиться с нашим гостем.

— Профессор Бейкер, — обратился к нему Симеон, — этот дикарь утверждает, что он землянин, и говорит, что его имя — Эдвард Дантон.

Профессор взглянул на набедренную повязку, затем на смуглое тело Дантона, его загрубелые босые ноги.

— Так вы землянин? — спросил он.

— Конечно.

— А кто высек эти каменные статуи на берегу?

— Я, — ответил Дантон. — Но это просто своего рода терапия. Видите ли...

— Типичные изделия примитива. Вся стилизация, носы...

— Ну, значит, у меня это вышло случайно. Понимаете ли, несколько месяцев назад я вылетел с Земли на государственном космическом корабле.

— Чем он был оборудован? — перебил профессор Бейкер.

— Гиперпространственными вихревыми конвертерами.

Бейкер кивнул, и Дантон продолжал:

— Так вот, меня отнюдь не привлекали такие планеты, как Корани или, скажем, Гейл V, а для Гедонии я, пожалуй, недос-

таточно темпераментен. Я пролетел мимо Рудничных и Фермерских Миров и высадился, наконец, на этой планете. Я назвал ее Нью-Таити, и она зарегистрирована на мое имя. Впрочем, мне было здесь так одиноко, что я рад вам от души.

— Что вы на это скажете, профессор? — спросил Симеон.

— Поразительно, — пробормотал профессор Бейкер. — Поистине поразительно. Так овладеть английской разговорной речью возможно лишь при относительно высокой степени развития интеллекта. Нам остается предположить, что мы столкнулись с феноменом, нередким в примитивных обществах, а именно — чрезвычайно развитой способностью к мимикрии. Наш друг Данта (как его, несомненно, называли, прежде чем он исковеркал свое имя на английский лад) знает, наверное, множество местных легенд, мифов, песен, плясок и исполнит нам...

— Но я землянин!

— Нет, мой бедный друг, — ласково возразил профессор. — Ты не землянин. Не сомневаюсь, что ты *встречал* землянина. Скорее всего, то был какой-нибудь коммерсант, сделавший тут вынужденную посадку.

— На острове есть следы останавливавшегося на краткий срок космического корабля, — сказал Джедекия.

— О, вот видите, — просиял профессор Бейкер. — Моя гипотеза подтверждается.

— Да нет же, это был государственный корабль, — объяснял Дантон. — Я на нем и прилетел.

— Интересно также отметить, — лекторским тоном продолжал профессор Бейкер, — те критические пункты, когда почти правдоподобная история внезапно оборачивается мифом. Вот он заявляет, например, что прилетел на звездолете, управляемом некими гиперпространственными вихревыми конвертерами, что является типичной абракадаброй, ибо космические корабли управляются только двигателями Миккельсена. Далее, неспособный постичь своим неразвитым умом, что путешествие может длиться годы, он утверждает, будто за несколько месяцев долетел сюда от Земли, в то время как мы знаем, что ни один космический корабль не способен даже теоретически преодолеть такое расстояние в подобный срок.

— Значит, такие корабли были изобретены уже после вашего отбытия, — заметил Дантон. — Когда вы вылетели в космос?

— Космический корабль хаттеритов покинул Землю сто двадцать лет тому назад, — снисходительно ответил Бейкер. — Здесь присутствует преимущественно четвертое и пятое поколения. Заметьте также, — обратился Бейкер к Симеону и Джедекии, — как ловко сочиняет он правдоподобные названия планет. Врожденная способность к звукоподражанию подсказала ему такие словечки, как Корани, Гейл, Гедония. И его отнюдь не беспокоит, что всех этих планет нет во вселенной.

— Да есть они! — негодуя крикнул Дантон.

— Где? — с вызовом обратился к нему Джедекия. — Укажи координаты.

— Откуда мне их знать? Я не штурман. Гейл, по-моему, где-то в районе Волопаса или, может быть, Кассиопеи. Нет, пожалуй, Волопаса.

— Мне жаль огорчать тебя, друг мой, — сказал Джедекия. — Но, да будет тебе известно, что сам я именно штурман. Я могу показать тебе звездные карты, атласы. Там нет этих планет.

— Ваши карты устарели на столетие!

— Звезды, стало быть, тоже, — отрезал Симеон. — Ну, Данта, где же твои соплеменники? Почему они прячутся от нас? Что вы там замышляете?

— Какая нелепость, — возмутился Дантон. — Как мне вас убедить? Я землянин слышите! Родился и вырос...

— Будет! — оборвал его Симеон. — Уж что-то, но выслушивать дерзости от туземцев хаттериты не станут. Живее, Данта. Где твой народ?

— Здесь никого нет, кроме меня, — не сдавался Дантон.

— А, так ты запираешься! — процедил Джедекия. — Уж не хочешь ли ты отведать плетки из змеиной кожи?

— Потом, успеется, — остановил его Симеон. — Туземцы сами придут. Дикари всегда прибегают попрошайничать. А ты, Данта, можешь пока пособить тем людям, что разгружают корабль.

— Нет, спасибо, — ответил Дантон, — я лучше вернусь...

Кулак Джедекии с размаху врезался ему в челюсть. Дантон еле удержался на ногах.

— Вождь сказал тебе: без дерзостей! — гаркнул Джедекия. — И что это вы, туземцы, такие лодыри? Тебе заплатят сразу же, как выгрузят бусы и ситец. За работу!

Спорить было бесполезно. Ошеломленный, замороженный почти так же, как миллионы туземцев в тысячах разных миров и до него, Дантон присоединился к длинному ряду колонистов, по конвейеру передававших груз из корабля.

К концу дня звездолет разгрузили, и поселенцы расположились на отдых. Дантон сел в сторонке, поодаль от остальных и попытался обдумать свое положение. К нему подошла Анита, держа в руке котелок с водой.

— Вы тоже принимаете меня за туземца? — спросил он.

Анита села рядом и ответила:

— Я просто не представляю, кем еще вы можете быть. Всем ведь известно, с какой скоростью летают космические корабли, а вы...

— С тех пор как ваш корабль покинул Землю, многое изменилось. Но скажите, неужели *«Народ Хаттера»* провел все эти годы в космосе?

— Конечно, нет. Наши высадились сперва на Эйчгастро I,

но почва там оказалась неплодородной, и следующее поколение перебралось на Ктеди. Там тоже случилась беда: земные злаки видоизменились и так буйно разрослись, что людям пришлось спастись на другую планету, Лан II. На ней бы мы и остались, если бы не новая напасть.

— Какая же?

— Туземцы, — грустно ответила Анита. — Насколько я понимаю, встретили они нас дружелюбно, и поначалу все шло хорошо. А потом вдруг все местное население восстало против нас. Правда, у туземцев не было огнестрельного оружия, но они собрали такое огромное войско, что нашим пришлось снова сесть на корабль и бежать сюда.

— Гм, — промычал Дантон. — Стало быть, вот откуда такой страх перед аборигенами.

— Ну конечно. Пока нам угрожает хотя бы малейшая опасность, мы находимся на военном положении: то есть всем распоряжаются мой отец и Джедекия. Зато когда угроза минует, власть перейдет в руки постоянного правительства хаттеритов.

— Что же это за правительство?

— Совет старейшин, — ответила Анита. — В нем заседают люди доброй воли, ненавидящие насилие. И если ты и твой народ действительно хотите мира...

— У меня нет народа, — устало сказал Дантон.

— ...наше правительство создаст вам все условия для процветания, — закончила она.

Они замолчали, любясь закатом. Дантон вдруг заметил, как шевелятся на ветру мягкие волосы Аниты, упавшие ей на лоб, и как в свете вечерней зари проступают отчетливой светящейся линией очертания ее щеки и губ. Дантон вздрогнул и уверил себя, что посвежело. А девушка, с воодушевлением рассказывавшая ему о своем детстве, стала вдруг запинаться, не находя нужных слов, а то и вовсе забывала, о чем говорит.

Потом их руки встретились. Сперва столкнулись кончики пальцев и так и не разошлись. Парочка долго сидела молча. И наконец, все завершилось продолжительным нежным поцелуем.

— Что здесь творится, черт возьми? — раздался громкий голос.

Перед ними, подбоченившись, стоял широкоплечий коренастый человек. Его крупная голова черным силуэтом вырисовывалась в светящемся диске луны.

— Бога ради, Джедекия, — сказала Анита. — Не разыгрывай сцен.

— Встань, — зловещим тихим голосом сказал Джедекия Дантону. — Встань-ка, да побыстрей.

Дантон поднялся на ноги, сжимая руки в кулаки.

— Ты опозорила свою расу, — сказал Джедекия Аните, — и весь народ Хаттера. С ума ты сошла, что ли? Разве может уважающая себя девушка путаться с грязным туземцем? А тебе, —

повернулся он к Дантону, — я растолкую одну истину, да так, что ты крепко ее запомнишь. *Туземцам не позволено волокаться за нашими женщинами!* И сейчас я вколочу это тебе в башку.

Произошла короткая стычка, в результате которой Джедекия оказался распростертым на земле плашмя.

— На помощь! — завопил он. — Туземцы взбунтовались!

На звездолете загредел набат. Вой сирен пронзил ночную темноту. Женщины и дети, давно и основательно обученные, как вести себя при сигнале тревоги, быстро забрались в корабль. Мужчины, вооружившись винтовками, пулеметами и ручными гранатами, приближались к Дантону.

— Да мы с ним просто подрались один на один, — крикнул Дантон. — Никаких туземцев и близко нет. Здесь только я.

— Отойди, Анита! — крикнул хаттерит, идущий впереди.

— Но я не видела ни одного туземца, — твердо ответила девушка. — А Данта и в самом деле не виноват.

— Назад!

Аниту оттащили. Дантон бросился к джунглям и успел скрыться, прежде чем застрочили пулеметы.

С полсотни ярдов он прополз на четвереньках, а потом встал и помчался во весь дух.

К счастью, хаттериты не преследовали его. Единственное, чего они хотели, это защитить от нападения корабль и удержать в своих руках береговой плацдарм с примыкавшей к нему узкой полоской джунглей. Всю ночь не умолкала трескотня пулеметов, громкие крики, истошные вопли.

— Вон высунулся один!

— Поворачивай пулемет, скорее! Они заходят с тыла!

— Ага! Попался!

— Нет, убежал. А, вот ты где... Гляди-ка, а на дереве...

— Стреляй, стреляй же!

Чуть ли не до утра Дантон слышал, как отбивают хаттериты атаки воображаемых туземцев.

Только перед самым рассветом стрельба умолкла. За ночь было израсходовано около тонны свинца, вытоптано несколько акров травы и обезглавлены сотни деревьев. Джунгли воняли кордитом*.

Дантон забылся беспокойным сном.

Проснувшись в полдень, он услышал, что кто-то пробирается через подлесок. Дантон углубился в чащу и, подкрепившись местными плодами, напоминающими бананы и манго, попытался обдумать свое положение.

Тщетно. Он мог думать только об Аните и тосковать о ней. Весь день бродил он, словно неприкаянный, по джунглям.

* Кордит — бездымный нитроглицериновый порох.

Солнце уже клонилось к закату, когда из подлеска снова донесся шум. Дантон двинулся в глубь зарослей. Но его тут же позвали:

— Данта! Данта! погоди!

Это была Анита. Он остановился в нерешительности. Что, если девушка покинула лагерь, чтобы поселиться с ним в зеленых джунглях? Впрочем, куда более правдоподобным было другое объяснение: хаттериты хотят заманить его в ловушку, и за девушкой следует отряд вооруженных мужчин, готовых убить его при первой же возможности. Как угадаешь, кого решила предать Анита?

— Данта! Где же ты?

Дантон убеждал себя, что его надежды неосуществимы. Хаттериты вполне ясно показали свое отношение к туземцам. Они никогда не станут доверять ему, его жизнь вечно будет в опасности...

— Данта, я прошу тебя!

Дантон пожал плечами и пошел на ее голос.

Они встретились на небольшой прогалине. Волосы Аниты растрепались, спортивная блуза и шорты были изодраны колючками, но Дантону она показалась прекрасней всех женщин на свете. На миг он поверил, что девушка убежала к нему, останется с ним.

Затем он увидел ярдах в пятидесяти сзади вооруженных мужчин.

— Не волнуйся, — успокоила его Анита. — Они не будут стрелять. Они только охраняют меня.

— Вот как? — принужденно рассмеялся Дантон. — От кого же?

— Они не знают тебя так хорошо, как я, — пояснила Анита. — Но сегодня заседал Совет, и я рассказала там всю правду.

— В самом деле?

— Ну, конечно. Я сказала, что ты просто защищался, а драку затеял Джедекия. И что он все наврал: на него вовсе не нападала целая орда туземцев. Кроме тебя, там не было ни души, я им прямо заявила.

— Вот молодчина! — пылко воскликнул Дантон. — И они поверили тебе?

— По-моему, да. Я ведь объяснила им, что туземцы напали позднее.

Дантон застонал.

— Послушай, как могли туземцы напасть на вас, если их нет на острове?

— То есть как это нет? А кто же тогда так вопил?

— Твои собственные земляки.

Дантон попытался придумать что-нибудь очень убедительное. Ведь если ему не удастся уверить в своей правоте хотя бы эту девушку, как сможет он разубедить всех остальных?

И тут его осенило. Довод был предельно прост, но, по-видимому, неопровержим.

— Так ты и в самом деле считаешь, что на ваш лагерь напали туземные жители? — произнес он.

— Ну еще бы.

— И много нас было?

— Говорят, что на одного нашего приходилось не меньше десятка.

— Мы были вооружены?

— Разумеется.

— Тогда чем же ты объяснишь тот странный факт, — торжествуя, спросил Дантон, — что ни один из хаттеритов не был ранен?

Анита изумленно на него воззрилась.

— Но, Данта, милый, очень многие из наших ранены и некоторые даже тяжело. Удивительно еще, как в таком сражении никого не убили.

Дантону показалось, что земля рванулась у него из-под ног. Охваченный паникой, он вдруг поверил Аните. Не зря, очевидно, хаттериты так настаивают на своем. А что, если на острове и вправду живет какое-то племя, и сотни бронзовых, как он сам, дикарей, прячутся сейчас за деревьями, выжидая...

— Тот торговец, что обучил тебя английскому, был, наверное, совсем бессовестный, — продолжала Анита. — Межпланетный закон запрещает продавать туземцам огнестрельное оружие. Когда-нибудь он попадется и...

— Огнестрельное?

— В том-то и дело! Вы, конечно, еще не научились как следует с ним обращаться. Но мой отец сказал, что пуля летит с такой силой...

— Я полагаю, раны были только пулевые?

— Да. Наши не подпустили вас близко, так что вам не удалось воспользоваться кинжалами и копьями.

— Понятно, — сказал Дантон.

Итак, его попытку постиг полный крах. И все-таки он чувствовал себя на вершине блаженства, вновь обретя уверенность в здравости своего рассудка. Дантон понял наконец. Беспорядочно рассыпавшееся по джунглям воинство хаттеритов палило в каждую движущуюся тень, то есть друг в друга. Мудрено ли, что некоторые попали под пулю? Гораздо удивительнее то, что никто не погиб. Это было поистине чудом.

— Но я объяснила старейшинам, что ты вовсе не виноват, — успокоила его Анита. — Наоборот, это на тебя напали, а твои соплеменники, наверное, подумали, что тебя хотят убить. Старейшины считают это вполне вероятным.

— Как любезно с их стороны, — заметил Дантон.

— Они стараются быть беспристрастными. Вообще-то они ведь признают, что туземцы такие же люди, как мы.

— Да неужели! — попытался съязвить бедняга.

— Да, а как же? И старейшины тут же созвали совещание по

вопросам туземной политики и на нем порешили все раз и навсегда. Мы отводим вам резервацию площадью в тысячу акров. Правда ведь, не поскупились? Наши уже вколачивают межевые столбы. И вы будете теперь мирно жить в своей резервации, а мы — на нашей части острова.

— Что-о?!

— И чтобы скрепить договор, — продолжала Анита, — наши старейшины просят тебя принять вот это. — И она вручила ему пергаментный свиток.

— Что здесь такое?

— Это мирный договор, который провозглашает окончание хаттеро-ню-таитянской войны и устанавливает отныне и навеки добрососедские отношения между нашими миролюбивыми народами.

Ошеломленный Дантон взял в руки свиток. Он видел, что спутники Аниты уже врывают в землю межевые столбы, распиленные в красную и черную полоску. Работая, мужчины пели, как нельзя более довольные тем, что им удалось так быстро и легко справиться с проблемой туземцев.

— А не кажется ли тебе, — начал Дантон, — что может быть, ...э-э, лучшим выходом была бы... ассимиляция?

— Я это предлагала, — покраснев, сказала Анита.

— Правда? Значит, ты согласилась бы...

— Конечно, да, — не глядя на него, проговорила девушка. — Я считаю, что слияние двух могущественных рас принесло бы замечательные результаты. И потом... Ах, Данта, какие чудесные сказки и легенды рассказывал бы ты нашим детишкам!

— Я научил бы их охотиться и ловить рыбу, — подхватил Дантон, — показал бы им, как распознавать съедобные корни, и многое другое.

— А ваши колоритные племенные песни, пляски, — вздохнула Анита. — Как все было бы чудесно. Я очень огорчена.

— Но должен же быть выход! Может, мне поговорить со старейшинами? Неужели нет надежды?

— Никакой, — ответила Анита. — Я бы убежала с тобой, Данта, но нас ведь поймут, не сейчас, так позже.

— Они никогда нас не найдут, — уверял ее Дантон.

— Возможно. Я бы с радостью рискнула.

— Милая!

— Но не во мне одной дело. А твой несчастный народ, Данта? Хаттериты возьмут заложников и, если я не вернусь, поубивают их.

— Да нет здесь никакого народа! Нет его, черт меня возьми!

— Я тронута, что ты так говоришь, — нежно произнесла Анита. — Но нельзя жертвовать человеческими жизнями ради любви двух отдельных лиц. Ты предупреди своих соплеменников, Данта, чтобы не нарушали границу. В них будут сразу же стрелять. Прощай и помни, что тропа мира лучше, чем тропа войны.

Девушка убежала. Дантон долго смотрел ей вслед. Он и злился, что ее благородные чувства обрекли их на бессмысленную разлуку, и в то же время еще сильнее любил ее за сострадание к его соплеменникам. То, что соплеменников не существует в природе, не умаляло заслуг девушки. Она ведь этого не знала.

Наконец он повернулся и побрел в глубь чащи.

Остановился он около тихого пруда, над которым нависли ветви гигантских деревьев. Черную гладь воды окаймляли заросли цветущего папоротника; усевшись здесь, он стал раздумывать, как ему доживать свой век. Анита потеряна. Все связи с подобными ему оборвались. Ну что ж, ему никто и не нужен, утешал он себя. Он отлично проживет и в резервации; если захочет, снова посадит огород, будет опять высекать статуи, напишет новые сона-ты, опять станет вести дневник...

— К черту! — крикнул он деревьям.

Он был сыт по горло сублимацией. Его влекло к Аните, тянуло к людям. Одиночество опротивело ему.

Но что же делать?

Выхода, казалось, не было. Прислонившись к стволу дерева, Дантон задумчиво смотрел на неистово синее нью-таитянское небо. Если бы эти хаттериты не погрязли так в своих дурацких пред-рассудках, и не боялись так туземцев, и...

План возник молниеносно, безумный, опасный план...

Попробовать стоит, — подумал Дантон. — А убьют, так и ладно.

И он заспешил к пограничной меже.

Увидев, что Дантон приближается к лагерю, один из часовых направил на него винтовку. Дантон поднял руки.

— Не стреляй! Мне нужно поговорить с вашими вождями.

— Убирайся в резервацию — крикнул ему часовой. — Не то буду стрелять.

— Но мне нужно видеть Симеона, — настаивал Дантон.

— Приказ есть приказ, — и с этими словами часовой прицелился.

— Стой, погоди-ка. — Из космического корабля вылез хму-рый, как туча, Симеон. — Что тут стряслось?

— Опять пришел этот туземец, — пояснил часовой. — При-хлопнуть его, сэр?

— Чего тебе нужно? — спросил Симеон Дантона.

— Я пришел, дабы возвестить вам, — громовым голосом на-чал Дантон, — *объявление войны!*

Лагерь всполошился. Через несколько минут все мужчины, женщины и дети сгрудились около корабля. Старейшины — груп-па седобородых старцев — держались с краю.

— Ты ведь принял мирный договор, — заметил Симеон.

— Мы, вожди племен, живущих здесь, на острове, — высту-пая вперед, заявил Дантон, — обсудили договор и находим, что он несправедлив. Нью-Таити — наша. Она искони принадлежала на-

шим отцам и отцам наших отцов. Здесь растили мы детей, сеяли злаки и собирали плоды хлебного дерева. Мы не хотим жить в резервации!

— Ах, Данта! — воскликнула, выходя из корабля, Анита. — Я ведь просила тебя принести твоему народу мир.

— Они не послушались бы меня, — ответил Дантон. — Все племена поднялись. И не одни только цинохи, мой народ, но и дровати, лорогнасти, ретелльсmbройхи, вителли. Я уже не говорю о зависимых и малых племенах.

— И много у вас народу? — спросил Симеон.

— Пятьдесят или шестьдесят тысяч воинов. Но, конечно, не у каждого есть винтовка. Большинству придется довольствоваться более примитивным оружием, вроде отравленных дротиков и стрел.

Тревожный ропот пробежал по рядам толпы.

— Многих из них убьют, — бесстрастно продолжал Дантон. — Пусть: мы готовы к этому. Каждый нью-таитянин будет сражаться как лев. На одного вашего воина обрушится тысяча наших. Кроме того, к нам, конечно, примкнут наши родичи с соседних островов. И каких бы жертв и бедствий это нам ни стоило, мы опрокинем вас в море. Я сказал.

Дантон повернулся и горделиво зашагал к джунглям.

— Ну, а теперь-то можно прихлопнуть его? — взмолился часовой.

— Опустит винтовку, дурень! — рявкнул Симеон. — Погоди, Данта! Я думаю, мы поладим. К чему нам зря проливать кровь?

— Я согласен, — степенно ответил Дантон.

— Чего вы требуете от нас?

— Равноправия.

Старейшины, не сходя с места, принялись совещаться. Симеон выслушал их и направился к Дантону.

— Это требование исполнимо. Больше вы ничего не хотите?

— Нет, больше ничего, — ответил Дантон. — Если, разумеется, не считать того, что для скрепления договора главенствующим родам хаттеритов и нью-таитян надлежит связать себя нерасторжимыми узами. Мы предлагаем брак.

Старейшины опять посовещались, и военачальник получил новые наставления, столь сильно взволновавшие его, что на шее у него вздулись жилы. Впрочем, Симеон усилием воли овладел собой и, поклонившись в знак повиновения старейшинам, простествовал к Дантону.

— Старейшины уполномочили меня, — сказал он, — предложить тебе кровное братство. Мы с тобой, как представители главенствующих родов, смешаем кровь и после свершения этой трогательной, чисто символической церемонии преломим хлеб, посыплем его солью...

— Э, нет, — ответил Дантон. — У нас на Нью-Таити такое не принято. Я настаиваю на браке.

- Но, черт возьми, любезный...
- Таково мое последнее слово.
- Мы никогда не согласимся! Никогда!
- Значит, будем воевать, — объявил Дантон и удалился в

джунгли.

Он и впрямь был не прочь начать войну, хотя и не представлял себе, каким образом один-единственный туземец сможет вести военные действия против большого отряда вооруженных мужчин.

Дантон пытался что-нибудь изобрести, когда к нему явились Симеон и Анита.

— Твоя взяла, — сердито буркнул Симеон. — Старейшины согласны. Хаттеритам осточертело порхать с планеты на планету. Мы сталкиваемся с проблемой туземцев не в первый раз, и, куда бы мы ни перебрались, нам от нее, наверно, не избавиться. Мы сыты ею по горло и предпочитаем, — Симеон судорожно глотнул воздух, однако мужественно договорил: — Согласиться на ассимиляцию. По крайней мере так решили старейшины. Я лично выбрал бы войну.

— И потерпели бы поражение, — заверил его Дантон, вдруг почувствовал себя в силах в одиночку расправиться с хаттеритами.

— Возможно, — согласился Симеон. — Впрочем, если бы не Анита, нам пришлось бы воевать.

— Почему?

— А потому, любезнейший, что во всем лагере она единственная девушка, которая согласна выйти замуж за голого и грязного язычника-дикаря!

Итак, они поженились, и Данта, именуемый отныне Другом Белого Человека, принялся помогать хаттеритам в покорении новых земель. Пришельцы, в свою очередь, приобщили его к чудесам цивилизации. Данту научили играть в такие игры, как бридж, «станьте в круг». Вскоре хаттериты построили первую подземку, чтобы, как все цивилизованные люди, давать разрядку своей агрессивности. Данту посвятили и в эту игру.

Как ни старался он проникнуться духом этой классической забавы землян, она оказалась недоступной для его примитивной натуры. Вместе с женой он кочевал по всей планете, передвигаясь вслед за границей, дабы быть как можно дальше от угнетавших его благ цивилизации.

Данту часто навещали антропологи. Они записывали все истории, какие он рассказывал своим детям: древние и прекрасные нью-таитянские легенды о небесных богах и о водяных демонах, о духах огня и о лесных нимфах; о том, как Катамандуре было велено создать мир из ничего всего за три дня и какая награда его ожидала; что сказал Джевази, повстречав в подземном царстве Хутменлати, и как странно закончилась их встреча.

От антропологов не ускользнуло сходство нью-таитянских

легенд с некоторыми из земных, что послужило основанием для целого ряда остроумных теорий. Их внимание привлекали также исполинские статуи из песчаника, найденные на главном острове Нью-Таити, зловещие, колдовские изваяния, которые, увидав однажды, никто уж не мог позабыть. Вне всякого сомнения, они были созданы некой пре-нью-таитянской расой, обитавшей на планете в незапамятные времена, которая вымерла, не оставив по себе следов.

Но гораздо больше интриговало ученых загадочное исчезновение самих нью-таитян. Беспечные, смешливые, смуглые, как бронза, дикари, превосходившие представителей любой другой расы ростом, силой, здоровьем и красотой, исчезли с появлением белых людей. Лишь весьма немногие из старейших поселенцев могли кое-что припомнить о своих встречах с аборигенами, но и их рассказы не внушали особого доверия.

— Мой народ? — говорил Данта любопытным. — О, мой народ не перенес болезней белых людей, их машинной цивилизации, их грубости и деспотизма. Мои родичи теперь в ином, более счастливом краю, на Валгуле, там, за небом. Когда-нибудь и я уйду туда.

И, слыша это, белые люди почему-то чувствовали себя виноватыми и старались быть как можно ласковее с Дантой, Последним Туземцем.

РЕГУЛЯРНОСТЬ КОРМЛЕНИЯ

Треггис почувствовал облегчение: наконец-то! Владелец магазина направился к входной двери, чтобы встретить очередного покупателя. Треггису здорово действовал на нервы этот раболопно согнувшийся старик, который все время торчал у него за спиной, заглядывал сквозь очки, какую страницу он открыл, совал повсюду свой грязный узловатый палец да еще подобострастно вытирал при этом пыль с полок, пользуясь несвежим носовым платком с пятнами от табака. К тому же Треггису сводило скулы от скуки, когда старик начинал предаваться воспоминаниям и тонким голосом рассказывать разные истории.

Конечно, старику хотелось, чтобы было как лучше, но ведь во всем нужно знать меру. Треггис вежливо улыбался, надеясь на то, что рано или поздно звякнет колокольчик над входной дверью. И колокольчик звякнул...

Треггис поспешил в заднюю часть магазина в надежде что противный старик не будет пытаться его выследить. Он прошел мимо полки с несколькими десятками греческих названий. За ней была секция популяризации науки. Странная путаница имен и названий... Эдгар Райс Барроуз, Энтони Троллоп, теософские трактаты, поэмы Лонгфелло. Чем дальше он забирался, тем толще

становился слой пыли на полках, тем реже в проходах попадались электрические лампочки без абажуров, тем выше становились кипы тронутых плесенью книг со скрученными уголками, напоминавшими собачьи уши.

Это был прелестный уголок, словно специально для него созданный, и Треггис не мог понять, как это он раньше сюда не забредал. Книжные магазины были его единственной страстью в жизни. Он проводил в них все свое свободное время, бродя по книгохранилищам с ощущением счастья.

Разумеется, его интересовали книги совершенно определенного толка.

...Стена, сложенная из книг, кончилась, и за нею открылись еще три коридора, расходившиеся под немыслимыми углами. Треггис выбрал средний проход, отметив про себя, что снаружи книгохранилище не казалось ему настолько просторным. Дверь, которая вела в магазин, была едва заметна между двумя другими домами. Над входом висела вывеска, имитирующая старинную надпись от руки. С улицы эти старинные книжные лавки выглядели обманчиво: зачастую они тянулись в глубину почти на полквартила.

В конце коридора было еще два ответвления, набитых книгами. Выбрав то, которое вело налево, Треггис принялся читать названия, выхватывая их сверху натренированным взглядом. Теперь он не спешил. При желании он мог остаться здесь на весь день, не говоря уже о ночи.

Одно название вдруг поразило его. Он уже прошел по инерции мимо, сделал восемь или десять шагов, но затем вернулся.

Книга была небольшая, в черном переплете, на вид старая, но скорее неопределенного возраста. Это свойственно некоторым книгам. Края ее были потрепаны, и заглавие на обложке потускнело.

— Что же это такое? — едва слышно пробормотал Треггис. На обложке значилось:

«ГРИФОН — УХОД И КОРМЛЕНИЕ».

А ниже — более мелким шрифтом:

«Советы владельцу».

Треггис знал, что грифон — мифологическое чудовище, наполовину — лев, наполовину — орел.

— Ну, что же, — сказал сам себе Треггис. — Взглянем.

Он открыл книгу и начал просматривать содержание.

Главы носили следующие названия:

1. Виды грифонов.
2. Краткая история грифонологии.
3. Подвиды грифонов.
4. Пища для грифонов.

5. Создание для грифона естественной среды обитания.
6. Грифон во время линьки.
7. Грифон и...

Треггис закрыл книгу.

— Несомненно, — сказал он вслух, — это очень необычно.

Он принялся торопливо перелистывать книгу, выхватывая из текста наобум одну фразу за другой. Вначале он думал, что книга была своего рода мистификацией, в которой были использованы естественнонаучные источники. Таково было любимое развлечение в елизаветинские времена. Но в данном случае вряд ли. Книга была не такой уж старой. Кроме того, в манере письма не ощущалось напыщенности, синтаксическая структура не была должным образом сбалансирована, не хватало оригинальных антитез и так далее. Изложение мысли было стройным, предложения краткие и доходчивые. Треггис перелистал еще несколько страниц и наткнулся на следующий абзац:

«Единственная пища грифонов — юные девственницы. Регулярность кормления — один раз в месяц, при этом нужно принимать во внимание...»

Треггис снова закрыл книгу. Эти слова внезапно смутили его, породив бурный поток воспоминаний интимного свойства. По краснея, он отогнал эти мысли и снова взглянул на полку в надежде найти еще что-нибудь в том же роде. Скажем, вроде «Краткой истории сирен» или «Как правильно вскармливать Минотавра». Но на полке не было ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало найденную книгу о грифоне. Ни на этой, ни на других.

— Нашли что-нибудь? — произнес голос у него за спиной.

Треггис вздрогнул, улыбнулся и протянул продавцу книгу в черной обложке.

— О да, — сказал старик, вытирая с нее пыль. — Это довольно редкая книга.

— В самом деле? — пробормотал Треггис.

— Грифоны, — задумчиво сказал старик, перелистывая книгу, — встречаются довольно редко. Это, в общем, необычная разновидность... животных, — закончил он, мгновенно подумав. — С вас один доллар пятьдесят центов, сэр... За эту книгу.

Треггис покинул магазин, зажав свое приобретение под мышкой. Он отправился прямо к себе домой. Не каждый день случается купить книгу под названием:

«ГРИФОН — УХОД И КОРМЛЕНИЕ»

Комната, в которой обитал Треггис, смахивала на букинистический магазин. Та же самая теснота, такой же слой вездесущей пыли, тот же более или менее упорядоченный хаос названий, авторов и шрифтов. На этот раз Треггис даже не остановился, чтобы полюбоваться своими сокровищами. Он прошел мимо сборника «Сладострастные стихи». Бесцеремонно сбросил с кресла том под

названием «Сексуальная психопатология». Уселся и принялся читать.

В черной книге содержалось многое из того, что имело прямое отношение к уходу за грифоном. В голове не укладывалось, что существо — наполовину лев, наполовину орел — могло быть таким чувствительным. Подробно говорилось о том, какую пищу предпочитает грифон... Была еще одна информация. Чтение книги о грифоне давало такое же наслаждение, как лекции небезызвестного Хэвлока Элиса о сексе, которыми прежде увлекался Треггис.

В приложении содержались подробные указания относительно того, как попасть в зоопарк. Указания эти, мягко выражаясь, были уникальными...

Было далеко за полночь, когда Треггис закрыл книгу. Сколько же необычной информации заключалось в ней!

Из головы Треггиса не выходила одна фраза:

«Единственная пища грифонов — юные девственницы».

Она почему-то беспокоила Треггиса. В этом была какая-то несправедливость...

Некоторое время спустя он снова раскрыл книгу в том месте, где были «Указания: как попасть в зоопарк». Содержавшаяся в них информация была, несомненно, странной. Но не слишком сложной. Все это не требовало излишнего физического напряжения. Там было напечатано всего несколько слов, точнее наставлений. Треггис вдруг понял, сколь унижительно была для него работа в качестве банковского служащего. Бессмысленная трата восьми полноценных часов в день независимо от того, как это воспринимать. Намного интереснее быть человеком, отвечающим за содержание грифона. Использовать специальные мази в период линьки, отвечать на вопросы по грифонологии. Быть ответственным за кормление.

«Единственная пища... Да, да, да, — торопливо бормотал Треггис, прохаживаясь по своей узкой комнате. — Ерунда, конечно, мистификация, но, может быть, попробовать? Ради шутки!»

И он глухо рассмеялся.

Не было ни ослепительной вспышки, ни удара грома, но тем не менее какая-то сила мгновенно перенесла Треггиса в нужное место. От неожиданности он зашатался, но через мгновение обрел равновесие и открыл глаза.

Ярко светило солнце. Оглядевшись по сторонам, Треггис убедился в том, что кто-то хорошенько потрудился, чтобы создать «естественную среду обитания для грифона».

Треггис двинулся вперед, стараясь сохранять самообладание, несмотря на дрожь в коленях и противное ощущение в желудке. И вдруг увидел грифона.

В то же мгновение грифон заметил его.

Вначале неторопливо, затем все быстрее грифон начал к нему приближаться. Раскрылись огромные орлиные крылья, обнажились когти — и грифон плавно ринулся вперед.

Треггис инстинктивно рванулся в сторону. Огромный, отличающийся на солнце золотом грифон обрушился на него.

Треггис в отчаянии закричал:

— Нет, нет! Единственная пища грифонов — юные...

Потом издал вопль, поняв наконец, что он оказался в когтях грифона.

ВТОРОЙ РАЙ

В ожидании своего часа космическая станция вращалась вокруг планеты. Строго говоря, разум у нее отсутствовал в виду его полной ненужности, однако она все же обладала некоторым сознанием и определенными тропизмами, свойствами и реакциями.

Предназначение этой хитроумной машины было запечатлено в металле конструкций и электронных схемах, а, может, в машине даже сохранялись и какие-то эмоции, заложенные ее создателем, — дикие надежды, страхи и безумная гонка, ограниченная временем.

Но надежды оказались напрасными, поскольку гонка была проиграна, и теперь огромная конструкция облетела поверхность планеты, оставшаяся незавершенной, а ныне и вовсе бесполезная.

И все-таки она обладала некоторым сознанием и определенными тропизмами, свойствами и реакциями. Она была хитроумна и знала, что ей необходимо. А потому машина обыскивала окружающее пространство в ожидании отсутствующих компонентов.

В созвездии Волопаса пилот вывел корабль к небольшому вишнево-красному солнцу и, совершив разворот, увидел, что одна из планет этой солнечной системы имеет редко встречающийся прекрасный зелено-голубой цвет Земли.

— Погляди на нее! — дрожащим от волнения голосом воскликнул, отворачиваясь от пульта управления, Флеминг. — Планета земного типа! Земного, правда, Говард? Мы на ней разбогатеем!

Низкорослый и лысый Говард, с брюшком по форме и размерам напоминавшим арбуз, неторопливо выбрался из корабельного камбуза, жуя на ходу авокадо. Он был сердит. Ведь его оторвали от важнейшего дела — приготовления обеда. Говард считал приготовление пищи искусством, и если бы он не был бизнесменом, то стал бы шеф-поваром. Они с Флемингом прекрасно питались во всех полетах, поскольку Говард имел особый подход к жареным цыплятам, готовил жаркое Говарда под соусом Говарда и особенно отличался в умении подать салат Говарда.

— Она **может быть** земного типа, — заметил он, спокойно посмотрев на зелено-голубую планету.

— Не может, а именно земного, — уверенно заявил юный Флеминг, обладающий энтузиазмом намного большим, чем по-

зволительно иметь человеку в космосе. Несмотря на его худобу, никоим образом не исчезающую вопреки стараниям Говарда, и в беспорядке спадающие на лоб рыжие волосы, Говард терпимо относился к нему, и не только потому, что Флеминг имел особый подход к кораблям и двигателям, но, главное, он имел деловую хватку. А деловая хватка в космосе являлась наиважнейшей необходимостью, где оценивалась в кругленькую сумму порой только за то, чтобы корабль взлетел.

— Лишь бы она не была обитаема, — молил Флеминг, проявляя тем самым свой энтузиазм и деловой подход. — Лишь бы она была целиком наша. **Наша**, Говард! Планета земного типа! О, Господи! Да только одну недвижимость, и ту уже можно продать за целое состояние, не говоря уж о правах на разработку полезных ископаемых, правах на дозаправку звездолетов и всем прочем.

Говард проглотил последний кусок авокадо. Молодому Флемингу предстоит еще многому научиться. Поиск и продажа планет — абсолютно такое же дело, как выращивание и продажа апельсинов. Ну не совсем, конечно, такое же: апельсины не опасны, а планеты порой — да. И апельсины не приносят огромных доходов, тогда как с хорошей планеты можно сорвать большой куш.

— Сядем на нашу планету прямо сейчас? — нетерпеливо спросил Флеминг.

— Обязательно, — согласился Говард. — Только... вон та космическая станция прямо по курсу почему-то наводит меня на мысль, что местные обитатели могут считать ее **своей** планетой.

Флеминг присмотрелся. И верно, прежде скрытая диском планеты, в поле видимости выплыла космическая станция.

— О, черт, — выругался Флеминг, и его вытянутое веснушчатое лицо скривилось в недовольной гримасе. — Значит, она населена. Слушай, а можем мы...

Он не закончил фразу, но выразительно посмотрел на пульт управления боезарядами.

— Хмм... — Говард по внешнему виду станции приблизительно оценил уровень технологии ее создания, потом глянул на планету и с сожалением покачал головой. — Нет, не выйдет.

— Ладно, — произнес Флеминг, — по крайней мере, у нас первые права на торговлю.

Он снова выглянул в иллюминатор и схватил Говарда за руку.

— Посмотри-ка на станцию!

По серой металлической сфере одна за другой замигали яркие вспышки.

— Что, по-твоему, это означает? — спросил Флеминг.

— Понятия не имею, — отозвался Говард. — И вряд ли мы с тобой это узнаем. С таким же успехом ты можешь прямо садиться на планету, если никто, конечно, не попытается тебя остановить.

Флеминг кивнул и переключил пульт управления в ручной режим. В течение нескольких секунд Говард с интересом наблюдал за ним.

На панели управления располагалось множество шкал, переключателей и измерителей, сделанных из металла, пластика и кварца, а по другую сторону от пульта находился Флеминг, — из плоти, крови и костей. Казалось невозможным, что между ними может существовать какое-то родство, за исключением, может, самого поверхностного и незначительного. Однако Флеминг как бы слился с пультом управления в единое целое: его глаза сканировали шкалы с механической точностью, пальцы стали продолжением переключателей, и, казалось, что металл под его руками делается податливым и подчиняется любому его желанию. Кварцевые шкалы мерцали красным светом, и глаза Флеминга тоже приобрели красноватый оттенок, причем явно не совсем за счет отражения света шкал.

Как только корабль вышел на спираль тормозной орбиты, Говард уютно расположился в камбузе. Он прикинул расходы на питание и топливо, плюс амортизационный износ корабля, затем для надежности увеличил полученный результат на треть и занес итоговую сумму в приходо-расходную книгу. Мало ли что, а вдруг в дальнейшем пригодится для расчета начисления подоходного налога.

Они совершили посадку на окраине города и стали поджидать местных представителей таможенной службы. Никто не приходил. Они провели стандартный набор анализов проб воздуха на химический состав и содержание микроорганизмов и продолжали ждать. Но до сих пор так никто и не появился. Продав полдня, Флеминг раздраил люк, и они с Говардом отправились в город.

Первые скелеты, валявшиеся на разбитой бетонной дороге, привели их в замешательство. Это выглядело так неопрятно. Какой же цивилизованный народ оставляет скелеты на дорогах? Почему их никто не убрал?

Однако население города тоже состояло из одних скелетов — тысяч, миллионов скелетов, заполнивших разрушенные театры, валявшихся в переходах пыльных магазинов, разбросанных вдоль изрешеченных пулями улиц.

— Должно быть, шла война, — заметил Флеминг весело.

В центре города напарники обнаружили смотровой плац, где прямо на траве лежали скелеты в форме. Смотровые трибуны были завалены скелетами чиновников, офицеров, жен и родителей. А за трибунами лежали скелеты детей, пробравшихся поглазеть на развлечение.

— Точно, война, — кивнув головой, утвердительно заявил Флеминг. — Эти проиграли.

— Очевидно, — согласился Говард. — А кто выиграл?

— Что?

— Где же победители?

В этот момент над их головами пролетела космическая стан-

ция, отбросив тень на безмолвные шеренги скелетов. Оба человека с тревогой проводили ее взглядом.

— Полагаешь, погибли все? — с надеждой спросил Флеминг.

— Думаю, нам и следует это выяснить.

Они направились к своему кораблю. Явно в приподнятом настроении Флеминг начал насвистывать и ногами отпихивать с дороги холмики костей.

— Мы нашли клад, — улыбаясь Говарду, проговорил он.

— Пока еще нет, — осторожно не согласился тот. — Еще могут остаться уцелевшие...

Но перехватив взгляд Флеминга, тоже улыбнулся.

— Вот уж **воистину удачная** поездка.

Облет планеты не занял много времени. Зелено-голубой шар оказался разрушенной могилой. На континенте небольшие города населяли десятки тысяч костей их прежних обитателей, каждый крупный город — миллионы. Горы и равнины были усеяны скелетами. Скелеты везде — и в озерах, и в лесах, и в джунглях.

— Какой беспорядок! — завершая облет планеты, заметил Флеминг. — Как считаешь, сколько же их здесь жило?

— Примерно девять миллиардов плюс-минус миллиард, — ответил Говард.

— И что же, по-твоему, произошло?

Говард невесело усмехнулся.

— Существует три классических способа массового самоуничтожения. Первый — заражение атмосферы ядовитыми газами; второй, близкий к первому, — радиоактивное заражение, вдобавок уничтожающее и растительную жизнь; и, наконец, лабораторные штаммы бактерий, созданных исключительно с целью массового поражения. Если они выйдут из-под контроля, то могут уничтожить всех на планете.

— Считаешь, здесь произошло именно последнее? — с живым интересом спросил Флеминг.

— Да, — подтвердил Говард и, протерев рукой яблоко, откусил от него здоровый кусок. — Я, конечно, не патолог, но отметины на костях...

— Бактерии? — Невольно закашлялся Флеминг. — А ты не думаешь...

— Ты бы уже умер, если бы они до сих пор проявляли активность. Судя по эррозии костей, это случилось несколько столетий назад. Бактерии тоже погибли, на счастье человеку, выступающему для них в качестве носителя.

Флеминг выразительно потрянул головой.

— Прямо как по заказу! Ну, жаль, конечно, людей — военные там судьбы и все такое прочее... но планета действительно **наша!** — Он окинул взглядом богатство простирающихся под ними зеленых полей. — Как мы ее назовем, Говард?

Говард посмотрел на поля и дикие заросшие пастбища, окаймлявшие бетонные дороги.

— Мы можем назвать ее Второй Рай, — предложил он. — Для фермеров она станет настоящей небесной благодатью.

— Второй Рай! Здорово! — согласился Флеминг. — Считаю, нам следует нанять бригаду для уборки скелетов. А то уж больно странно все это выглядит.

Говард кивнул. Впереди еще много деталей, которым придется уделять внимание.

— Мы найдем ее после...

Над ними снова пролетела космическая станция.

— Огни! — воскликнул вдруг Говард.

— Огни? — Флеминг уставился на удаляющуюся сферу.

— Когда мы подлетали. Помнишь? Вспышки света?

— Верно, — припомнил Флеминг. — Ты полагаешь, на станции кто-то есть?

— Мы должны это выяснить немедленно, — мрачно произнес Говард и откусил от яблока еще раз, когда Флеминг развернул корабль.

Подлетев к космической станции, первым, что они увидели, был другой космический корабль, прицепившийся к полированной металлической поверхности сферы как паук к паутине. В небольшом, раза в три меньше их собственного, корабле один из люков оказался приоткрытым.

Одетые в скафандры и шлемы напарники остановились у открытого люка. Флеминг, промерив рукой размер входа, раскрыл люк настежь. Оба с любопытством направили лучи своих фонариков внутрь, пригляделись, и резко отпрянули. Однако Говард почти сразу подошел снова, а Флеминг залез внутрь чужого корабля.

Там находилось человеческое тело, наполовину выпавшее из кресла пилота и навечно замороженное в таком неустойчивом положении. На лице пилота осталось достаточно плоти, чтобы отразить выражение предсмертной агонии, однако все лицо было испещрено следами какой-то болезни, проевшей кожу до костей.

На корме корабля громоздились стопки ящиков. Флеминг разбил крышку одного из них и направил внутрь луч фонарика.

— Продукты, — заключил Говард.

— Должно быть, пытался спрятаться на станции, — предположил Флеминг.

— Похоже на то. Однако ему не удалось.

С чувством отвращения они покидали корабль. Скелеты, те еще можно допустить, они являлись самостоятельными существами, замкнутыми в самих себе. Но этот труп представлял собой слишком выразительную смерть.

— Так кто же зажег огни? — поинтересовался Флеминг, снова оказавшись на поверхности станции.

— А, может, они работают в автоматическом режиме? — с сомнением предположил Говард. — Тогда необязательно, что там есть кто-то уцелевший.

Они прошли по поверхности станции и обнаружили вход.

— Зайдем? — предложил Флеминг.

— К чему лишние хлопоты? — быстро возразил Говард. — Раса мертва. И мы вполне можем вернуться на Землю и подать заявку на планету.

— Если выжил хотя бы один, — напомнил Флеминг, — то по закону планета принадлежит ему.

Говард нехотя кивнул. Было бы слишком неприятно проделывать дорогостоящее путешествие до Земли, вернуться с подготовительной бригадой и обнаружить, что некто устроил себе на космической станции уютное жилище. Вот если бы уцелевшие спрятались на планете, тогда по закону заявка оставалась бы действительна. Но человек на космической станции, которую они пренебрегли осмотреть...

— Полагаю, мы просто обязаны войти, — заявил Говард и раскрыл люк входа.

Внутри они оказались в кромешной тьме. Говард навел свой фонарик на Флеминга. В желтом свете луча лицо напарника было полностью лишено теней и напоминало слепок примитивной маски. Говард зажмурился, немного напуганный увиденным, ибо в тот момент в лице Флеминга отсутствовали признаки индивидуальности.

— Воздух годен для дыхания, — сообщил Флеминг, мгновенно обрета пропавшую было индивидуальность.

Говард откинул шлем за спину и посветил фонариком вверх. Ему показалось, что массивные стальные стены давят на него. Он пошарил в кармане, отыскал ридиску и для поддержания духа отправил ее в рот.

Напарники двинулись дальше.

В течение получаса они продвигались вдоль узкого извилистого коридора, рассекая лучами фонариков тьму впереди себя. Металлический пол, поначалу казавшийся таким прочным, начал скрипеть и стонать от скрытых напряжений, доведя нервы Говарда до предела. Судя по виду Флеминга, это его несколько не трогало.

— Судя по всему, это бомбометательная станция, — предположил спустя какое-то время Флеминг.

— Я тоже так считаю.

— Тонны металла, — пнув одну из стен, заявил Флеминг. — Наверно придется продать его на металлолом, если, конечно, не удастся сохранить что-либо из оборудования.

— Цена металлолома... — начал Говард, но в это мгновение под Флемингом открылась секция пола. Флеминг провалился так быстро, что не успел вскрикнуть. Секция пола встала на место.

Говард отшатнулся словно от удара. Луч фонаря на миг вспыхнул и погас. Подняв в шоке руки, Говард замер, не успевая привести в порядок бешеную скачку мыслей. Волна шока медленно отступила, оставив Говарду тупую тяжесть в голове.

— ...сейчас не особенно высока, — закончил он лишенную смысла фразу, страстно желая, чтобы случившееся оказалось вымыслом.

Приблизившись к отъезжавшей секции пола, он позвал: «Флеминг!»

Никакого ответа. По телу Говарда пробежали мурашки. Из всей мочи он заорал: «Флеминг!» Потом выпрямился. Голова болезненно гудела. Говард глубоко вздохнул, развернулся и направился к выходу, гоня от себя прочь всякие мысли.

Однако выход тоже оказался закрытым, и оплавленные края люка еще хранили тепло. Говард с большим интересом исследовал его, щупая, толкая и пиная. Однако после безрезультатных попыток вскоре ощутил давившую на него тьму. Говарда охватило смятение, и на его лице выступили капельки пота.

— Кто здесь? — крикнул он в глубину темного коридора. — Флеминг! Ты меня слышишь?

Никакого ответа.

И тогда Говард завопил:

— Кто это сделал? Зачем на станции загорались огни? Что вы сделали с Флемингом?

Замолчал на несколько секунд, прислушиваясь, и продолжил с рыданиями в голосе:

— Откройте выход! Я уйду и никому ничего не скажу!

Еще немного подождал, направив луч фонарика в коридор с надеждой угадать, что скрывается во тьме, и наконец крикнул:

— Почему вы не открыли пол подо мной?

И тяжело дыша улегся у стены. Однако никакого люка не открылось. Может, подумал он, не по воле люка. Эта мысль прибавила ему храбрости. Он сурово сказал себе, что здесь должен быть и другой выход. И снова пошел по коридору.

Спустя час он все еще шел, освещая себе путь фонариком и оставляя за спиной давящую тьму. Теперь он полностью взял себя в руки, и даже головная боль утихла. Говард опять обрел способность рассуждать.

Огни могли зажигаться автоматически, люк тоже, возможно, автоматизирован, а самозапечатающийся вход мог быть простой мерой предосторожности в военное время, чтобы на станцию не проник ни один вражеский агент.

Говард сознавал, что подобные рассуждения не слишком удачны, но лучшего придумать просто не сумел. Ситуация была абсолютно необъяснима. Труп в корабле, мертвая красавица планета... между ними есть какая-то связь. Но какая?

— Говард! — окликнул его чей-то голос.

Он импульсивно отпрыгнул назад, словно случайно коснулся голого провода под высоким напряжением. Головная боль мгновенно возобновилась с новой силой.

— Это я, — сказал голос. — Флеминг.

Говард суматошно размахивал по сторонам фонариком.

— Где? Где ты?

— Примерно футах в двухстах ниже, чем ты, насколько могу это определить, — сказал Флеминг. Его голос хрипло разносился по коридору. — Система передачи звука не очень хороша, но это самое лучшее, чего мне удалось добиться.

Ноги отказывались держать Говарда, и он опустился на пол, испытывая вместе с тем и огромное облегчение. Было что-то нормальное в том, что Флеминг находится двумястами футами ниже, и что-то очень человеческое и понятное насчет несовершенства звукопередачи.

— Я могу тебя вытащить? Как тебе помочь?

— Никак, — отозвался Флеминг, сопровождая ответ треском разрядов статического электричества, который Говард принял за хихиканье. — Похоже, у меня осталось не так уж много тела.

— И где же твое тело, — серьезно поинтересовался Говард.

— Пропало. Разбилось при падении. Но от меня осталось довольно достаточно, чтобы включиться в электронную схему.

— Понимаю, — произнес Говард, ощутив необъяснимое просветление в мыслях. — Теперь ты просто мозг, чистый разум.

— Ну не совсем, чуть побольше, — возразил Флеминг. — Меня как раз ровно столько, сколько требуется машине.

Говард нервно хихикнул, представив себе серый мозг Флеминга, плавающий в емкости с прозрачной жидкостью. Выкинув из головы этот бред, он спросил:

— Машине? Какой такой машине?

— Космической станции. Думаю, это самая сложная машина из когда-либо созданных.

— Но для чего?

— Надеюсь вскоре выяснить, — сказал Флеминг. — Теперь я ее часть. Или, возможно, она часть меня. Так или иначе, но я ей необходим, потому что она не достаточно разумна. А я ее подпитываю.

— Ты? Но ведь машина не могла знать, что ты вдруг здесь объявишься!

— Я не имею в виду специфически себя. Человек извне, ну тот, что в корабле, и был, вероятно, истинным оператором. Но стал им я. Мы завершили план конструкторов.

Говард с усилием заставил себя успокоиться. Мысли путались, и теперь его интересовало лишь одно — поскорее убраться со станции и вернуться на корабль. А уж после он посотрудничает и с Флемингом. Но новый, непредсказуемый Флеминг... Говорил-то он вполне по-человечески... но вот остался ли им?

— Флеминг, — решил попробовать Говард.

— Да, старик?

Это обнадеживало.

— А ты сможешь вывести меня отсюда?

— Думаю, да, — сказал голос Флеминга. — Постараюсь.

— Я вернусь сюда с нейрохирургами, — заверил его Говард. — Тебя приведут в порядок.

— Не беспокойся за меня, — ответил Флеминг. — Я и сейчас в порядке.

Говард потерял счет времени. Один узкий коридор переходил в другой и растворялся в следующем коридоре. У Говарда от усталости подгибались ноги. Правда, пока он шел, он ел. В рюкзаке он запас себе бутербродов и теперь машинально жевал их для поддержания сил.

— Флеминг, — останавливаясь передохнуть, позвал он.

После долгой паузы он услышал едва узнаваемый звук, напоминающий скрежет металла о металл.

— Сколько еще ждать?

— Недолго, — произнес искаженный металлический голос. — Устал?

— Да.

— Сделаю, что смогу.

Голос Флеминга пугал, но тишина пугала еще сильнее. Сколько Говард ни прислушивался, он слушал лишь гул двигателей, доносящийся из глубин станции.

— Флеминг?

— Да?

— Что все это значит? Это бомбометательная станция?

— Пока еще я не понял истинного назначения машины. Я еще не до конца соединился с ней в единое целое.

— Но у нее есть назначение?

— Да! — Металлический голос проскрипел так громко, что Говард вздрогнул. — Я владею прекраснейшим функциональным аппаратом соединений. В температурном режиме лишь я способен колебаться в пределах сотен градусов в микросекунду, не говоря уж о запасах химически смешивающихся веществ, источниках энергии и всем прочем. Я овладеваю своим назначением. Ответ Говарду не понравился. Он прозвучал так, будто Флеминг идентифицировал себя с машиной, соединив свою личность с космической станцией. Говард с усилием спросил:

— Тебе разве еще не известна ее цель?

— Отсутствует жизненно важный компонент, — после паузы ответил Флеминг. — Необходима матрица. И кроме того, я еще не полностью овладел контролем.

К жизни начали пробуждаться дополнительные силовые установки, и стены со звуком завибрировали. Говард почувствовал, как под ним дребезжит пол. Казалось, станция пробуждается, напрягается, собирает воедино весь свой разум. Говард чувствовал себя человеком, попавшим в брюхо морского чудовища.

Говард ходил еще несколько часов, оставляя за собой яблочные огрызки, апельсиновые шкурки, кусочки жира, пустые упаковочные коробки и обрывки оберточного пергамента. Теперь он жевал не переставая, ощущая постоянный назойливый голод. Пока он ел, то чувствовал себя в безопасности, ибо еда являлась принадлежностью родного космического корабля, Земли, в конце концов.

Внезапно стенная переборка отъехала в сторону. Говард отодвинулся.

— Входи, — сказал голос, который он попытался идентифицировать с голосом Флеминга.

— Зачем? Что это? — Говард посветил фонариком в открывшийся проем и увидел непрерывно движущуюся ленту пола, исчезающую во тьме.

— Ты устал, — произнес флемингоподобный голос. — Этот путь быстрее.

Говард хотел бежать, но было некуда. Придется довериться Флемингу и храбро встретить темноту по ту сторону от луча фонарика.

— Входи.

Говард покорно вошел и уселся на движущуюся ленту пола. Впереди была видна лишь тьма. Тогда он лег.

— Ты еще не знаешь для чего нужна станция? — поинтересовался он у темноты.

— Уже скоро, — ответил голос. — Нам бы не хотелось обмануть их ожиданий.

Говард не посмел спросить, чьих ожиданий не хотел обмануть Флеминг. Он закрыл глаза и позволил темноте поглотить его.

Поездка длилась долго. Сжав в руке фонарик, Говард направил его вверх, и луч света отражался от полированного металлического потолка. Говард машинально жевал бисквит, не чувствуя вкуса и едва сознавая, что во рту. Ему казалось, что машина говорит, но на языке, который он не способен понять. Он слышал протестующий скрежет движущихся частей, трущихся друг о друга. Затем откуда-то прыснула струйка жидкой смазки, и умиротворенные детали притихли, движение стало мягче. Двигатели запищали и запротестовали, поколебались немного, чихнули и ровно загудели, с удовольствием возвращаясь к жизни. То и дело сквозь другие звуки прорывалось клацанье электронных цепей, перенастраивающихся и приводящих себя в порядок.

Но что все это означает? Лежащий на спине с закрытыми глазами Говард не имел ни малейшего представления об этом. Единственным соприкосновением с реальностью был для него бисквит. Но как только тот будет прожеван и проглочен, останется лишь один кошмар.

Говард видел марширующих по планете скелетов, миллиар-

ды безмолвных шеренг строем проходили через опустевшие города, почерневшие поля и уходили в космос. Они прошагали мимо мертвого пилота в маленьком корабле, и труп провожал их завистливым взглядом. Позвольте мне присоединиться к вам, умолял он, но скелеты с сожалением качали черепами — пилот еще не избавился от бремени плоти. А когда плоть отстанет, когда он освободится от этого бремени, упрашивал труп, но скелеты лишь качали черепами. Когда же? Когда машина будет готова, когда определится ее назначение. Тогда миллиарды скелетов получат освобождение, а труп избавится от своей плоти. Обезображенными губами труп умолял их взять его сейчас, но скелеты осознавали лишь его плоть, а плоть не могла оставить стопки ящиков с продуктами на корабле. Печальные скелеты промаршировали мимо, а пилот остался ждать, пока не исчезнет его плоть.

— Да!

Говард мгновенно очнулся и осмотрелся. Ни скелетов, ни трупа. Вокруг лишь одни стальные стены машины. Он засунул руку в карман, но все съестное он уже съел. Пальцы нащупали какие-то крошки, и Говард положил их на язык.

— Да!

Он слышит голос.

— Что это? — спросил он.

— Я знаю! — торжественно объявил голос.

— Знаешь? Что?

— Свое предназначение!

Говард вскочил на ноги, размахивая во все стороны фонариком. Отзвук металлического голоса эхом отдавался вокруг него, и Говарда переполнил необъяснимый страх. Вдруг оказалось ужасным, что машина узнала свое назначение.

— Так каково же оно? — очень тихо спросил он.

В ответ вспыхнули ослепительные огни, мгновенно заглушив слабый свет фонарика. Говард зажмурился, отступил на шаг, едва при этом не упав.

Движущаяся лента пола остановилась. Говард открыл глаза и обнаружил, что находится в большом ярко освещенном помещении. Осмотревшись, он заметил, что оно полностью облицовано зеркалами.

На него смотрели сотни Говардов. Он оглянулся назад. И посмотрел кругом.

Выхода не было. Однако отражения Говарда не вертелись во все стороны. Они стояли неподвижно.

Говард поднял правую руку. Остальные Говарды никак не отреагировали. Это были не зеркала.

Сотни Говардов двинулись к центру зала. Они неустойчиво держались на ногах, и в их пустых глазах не светилось не единой капли разума. Оригинал Говарда изумленно открыл рот и направил на двойников фонарик. Фонарик грохнулся на пол.

Одновременно с этим в мозгу Говарда сформировалась мысль. Так вот в чем предназначение машины! Ее создатели предвидели гибель своей расы. Поэтому они сконструировали космическую станцию. Ее цель — воспроизведение людей для восстановления населения планеты. Естественно, она нуждалась в операторе, но истинный оператор так и не добрался до нее. И естественная нужда в матрице...

Однако прототипы Говарда явно лишены разума. Они бессмысленно кружили по залу, едва способные контролировать движение конечностей. И тут оригинал Говарда вдруг обнаружил, что он сам ужасно неправилен.

Но тут раздвинулся потолок, и сверху спустились огромные крючья. Сверкающие ножи, от которых шел пар, заскользили вниз. Раздвинулись и стены, открыв взору гигантские колеса и шестерни, пышущие жаром печи и заиндевелившие белые поверхности. Все больше и больше Говардов шагало в зал, а огромные ножи и крючья впивались в их тела, подтаскивая братьев Говарда к раскрывшимся стенам.

Ни один из них не закричал, за исключением оригинала.

— Флеминг! — завопил оригинал. — Не меня. Не меня, Флеминг!

Теперь все встало на свои места и сложилось в единое целое: и космическая станция, построенная во время, когда на планете свирепствовала война, и оператор, который добрался до машины только затем, чтобы умереть, и который так и не сумел в нее войти, и тот груз пищи, которую он как оператор никогда бы не смог съесть...

Конечно! Население планеты насчитывало девять или десять миллиардов! До этой последней войны их довел всеобщий голод. И все время создатели машины боролись со временем и болезнью, пытаясь сохранить свою расу...

Но разве Флеминг не видел, что он, Говард, не та матрица?

Флеминг-машина не видел, и для Говарда были созданы все необходимые и требуемые условия. Последним, что увидел Говард, было стерильное лезвие ножа, сверкнувшего над ним.

А Флеминг-машина продолжала обрабатывать Говардов, резать их на ломтики, подвергать глубокой заморозке и аккуратно паковать в огромные штабеля жареных Говардов, печеных Говардов, Говардов под соусом, Говардов трехминутного приготовления, Говардов с корочкой, плова из Говарда, и — особенно — салатов с Говардом.

Пищевоспроизводящий процесс увенчался успехом! Войну можно кончать, пищи теперь хватит на всех. Пицца! Пицца! Еда для умирающих от голода обитателей Второго Рая!

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Эверетт Бартолд застраховал свою жизнь. Но сперва он поднатаскался в страховом деле, уделив особое внимание разделам: «Нарушение договорных обязательств», «Умышленное искажение фактов», «Мошенничество во времени» и «Выплата страховых премий».

Прежде чем оформлять полис, Бартолд посоветовался с женой. У Мевис Бартолд — худощавой, красивой, нервной женщины — повадки были вкрадчивые, кошачьи.

— Ничего не выйдет, — тотчас же заявила она.

— Дело верное, — возразил Бартолд.

— Тебя упрячут под замок, а ключ забросят подальше.

— Никогда в жизни. Все будет разыграно как по нотам, лишь бы ты не подвела.

— Меня привлекут как соучастницу, — сообразила жена. — Нет уж, уволь.

— Дорогая, насколько мне помнится, тебе давно нужно манто из натурального мексиканского эскарта.

Глаза Мэвис блеснули, супруг нащупал уязвимое место.

— И мне пришлось в голову, — без нажима продолжал Бартолд, — что ты бы получила удовольствие от гардероба «Летти Дет», ожерелья из руумов, виллы на Венерианской Ривьере и...

— Хватит, дорогой!

Миссис Бартолд давно подозревала, что в этом тщедушном теле бьется отважное сердце. Бартолд был приземист, начинал лысеть, отнюдь не поражал красотой, глаза его кротко смотрели из-под роговых очков. Однако душе его впору было обитать в мускулистом теле какого-нибудь пирата.

Бартолд занялся последними приготовлениями. Он пошел в лавочку, где рекламировались одни товары, а продавались другие. Он оставил там несколько тысяч долларов и ушел, крепко сжимая в руке коричневый чемоданчик.

Бартолд сдал чемоданчик в камеру хранения, собрался с духом и предстал перед служащими корпорации «Межвременная Страховка».

Целый день его выстукивали и выслушивали врачи. Он заполнил кучу бланков, и, наконец, его провели в кабинет окружного директора мистера Гринза.

Гринз оказался рослым приветливым человеком. Он быстро прочел заявление Бартолда и кивнул.

— Отлично, отлично, — сказал он. — Все как будто в порядке.

— Кажется, да, — ответил Бартолд, несколько месяцев подряд изучавший стандартный бланк фирмы.

— Выписываем полис на страхование жизни, — пояснил мистер Гринз. — Длительность жизни измеряется исключительно в единицах субъективного физиологического времени. Полис

служит гарантией на протяжении 1000 лет по обе стороны Настоящего. Но не дальше.

— Мне и в голову не пришло бы забраться дальше, — вставил Бартолд.

— И в полисе имеется известная статья о раздвоении личности. Понятны ли вам ее условия и смысл?

— Пожалуй, — ответил Бартолд, затвердивший эту статью слово в слово.

— Значит, все в порядке. Распишитесь вот здесь. И здесь. Спасибо, сэр.

Бартолд вернулся на службу — он заведовал сбытом в компании «Алпро Мэньюфэкчеринг» (игрушки для детей любого возраста) — и тут же во всеуслышание заявил, что намерен незамедлительно заняться сбытом в Прошлом.

— Слабовато у нас с реализацией во времени, — сказал он. Поеду-ка я сам в Прошрое, лично налажу там сбыт.

— Чудесно! — вскричал директор компании «Алпро», мистер Карлайл. — Я уже давненько об этом подумываю, Эверетт.

— Знаю, что подумываете, мистер Карлайл. Ну а я, сэр, принял решение совсем недавно. «Поезжай-ка сам, — сказал я себе, — да погляди, что там происходит». Я все приготовил и готов ехать хоть сейчас.

Мистер Карлайл похлопал его по плечу.

— Вы лучший заведующий сбытом из всех, кто служил когда-либо в «Алпро», Эверетт. Очень рад, что вы приняли такое решение. Да, между прочим, — мистер Карлайл лукаво усмехнулся. — Есть у меня адресок в Канзас-сити 1895 года, может быть, он вас заинтересует. Нынче таких уже не повстречаешь. А в Сан-Франциско 1850 года я знаю одну...

— Нет, спасибо, сэр.

— Чисто по-деловому, а, Эверетт?

— Да, сэр, — ответил Бартолд с добродетельной улыбкой. — Чисто по-деловому.

Вертолетом Бартолд добрался до выставочного зала фирмы «Темпорал Моторс» и приобрел флипер класса «А».

— Вы не пожалеете, сэр, — говорил продавец, снимая ярлык с поблескивающей машины. — Мощная штучка! Двойной импеллер. Регулируемая прицельная высадка в любом году. Никакой опасности стазиса.

— Прекрасно, — сказал Бартолд. — Значит, можно садиться?

— Конечно, сэр. Темпорометр стоит на нуле, он будет регистрировать ваши маршруты во времени. Вот список запретных временных зон. Проникновение в запретную зону карается по всей строгости федерального закона. На темпорометре будет зафиксировано даже самое кратковременное пребывание в запретной зоне.

Бартолд забеспокоился. Продавец, конечно, ничего не подозревает. Но с какой стати он все разлагольствует о запретах и нарушениях?

— По инструкции, я должен разъяснить вам закон, — жизнерадостно продолжал продавец. — А еще сэр, предельная дальность путешествия во времени — тысяча лет. Путешествия на большее расстояние дозволяются лишь с письменного разрешения государственного Департамента.

Бартолд принужденно улыбнулся, пожал продавцу руку, сел в машину и нажал кнопку «старт».

Его окутало серое небытие. Бартолд думал о мелькающих мимо годах — бесформенных и бесконечных, о серых мирах, о серой Вселенной...

Однако философствовать было некогда. Бартолд открыл коричневый чемоданчик и вынул оттуда стопку бумажных листов с машинописным текстом. Бумаги, составленные неким агентством частного сыска времени, содержали всеобщую историю рода Бартолдов вплоть до родоначальника.

Бартолду нужен был Бартолд. Но не всякий. Нужен был мужчина лет 38, холостой, не поддерживающий связи с родней, не имеющий ни близких друзей, ни ответственной работы. А самое лучшее — вовсе никакой работы.

Нужен был такой Бартолд, которого никто бы не хватился и не стал бы разыскивать, если бы он вдруг исчез.

В роду Бартолдов почти все мужчины в возрасте 38 лет были женаты. Некоторые не дожили до этих лет. У тех немногих, что остались живыми и холостыми, были хорошие друзья и любящие родственники. Оставшиеся после отбора кандидатуры можно было пересчитать по пальцам. Бартолд ехал проверить эти кандидатуры в надежде отыскать подходящую...

Серая мгла расступилась. Бартолд увидел булыжную мостовую. Мимо прогромыхал чудной автомобиль на неимоверно высоких колесах; за рулем сидел человек в соломенной шляпе.

Бартолд высадился в Нью-Йорке 1912 года.

Первым в списке значился Джек Бартолд, прозванный друзьями «Джеки-Бык» — бродячий печатник с рыскающими глазами и зудом в ногах. В 1902 году Джек бросил жену с тремя детьми и возвращаться к семье не собирался. Бартолд смело мог считать его холостым. Он кочевал из типографии в типографию, нигде не задерживаясь подолгу. Теперь, в 38 лет, он работал где-то в Нью-Йорке.

Бартолд начал с района Бэттери. В одиннадцатой по счету типографии на Уотер-стрит он разыскал нужного человека.

— Вам Джека Бартолда? — переспросил старенький метранпаж. — Конечно, он в цехе. Эй, Джек! К тебе приятель!

У Бартолда зачастил пульс. Из темных закоулков типографии к нему направился человек. Он хмуро подошел вплотную. — Я Джек Бартолд, — сказал он. — Тебе чего?

Бартолд поглядел на родича и грустно покачал головой. Этот Бартолд явно непригоден.

— Ничего, — ответил он. — Ровным счетом ничего.

Он круто повернулся и ушел из типографии.

Джеки-Бык, который при росте пять футов восемь дюймов весил двести девяносто фунтов, почесал в затылке.

— Какого дьявола, что это значит? — спросил он.

Эверетт Бартолд вернулся в машину и задал ей новый маршрут. «Очень жаль, — подытожил он мысленно — но разжиревший Бартолд не вписывается в мои планы».

Следующая остановка была сделана в Мемфисе 1869 года. Одетый в подобающий костюм, Бартолд отправился в отель «Дикси Белл» и спросил у дежурного, как повидать Бена Бартолдера.

— Да как вам сказать, сэр, — ответил старик-дежурный, — ключ у меня, значит, его, стало быть, нет. Может, найдете его в салуне, тут на углу, в компании таких же никудышных людешек!

Бартолд проглотил оскорбление и двинулся в салун.

Вечер только начинался, но газовый свет уже пылал вовсю. Кто-то брэнчал на банджо, у бара за стойкой красного дерева не было ни одного свободного места.

Бартолд сразу узнал того, кого искал. Бена Бартолдера он ни с кем не мог бы спутать.

Тот был точной копией Эверетта Бартолда.

А за этой-то жизненно важной особенностью и охотился Бартолд.

— Мистер Бартолдер, — сказал он, — нельзя ли нам перекинуться словечком с глазу на глаз?

— Почему бы нет? — ответил Бен Бартолдер.

Бартолд отвел его к свободному столику. Родственник уселся напротив и устремил на Бартолда внимательный взгляд.

— Сэр, — сказал Бен, — между нами имеется поразительное сходство.

— Воистину, — согласился Бартолд. — Это одна из причин моего появления.

— Есть и другие?

— Сейчас к ним перейдем. Не хотите ли выпить?

Бартолд заказал спиртного и подметил, что Бен держит правую руку под столом, на коленях. Бартолд заподозрил, что рука сжимает пистолет. Время такое, что северянам приходится быть начеку.

Когда подали выпивку, Бартолд сказал:

— Будем говорить без обиняков. Вас не привлекает крупное состояние?

— Кого оно не привлекает?

— Даже если ради него надо совершить долгий и трудный путь?

— Я приехал сюда из Чикаго, — сказал Бен, — и могу прокатиться еще дальше.

— А если дойдет до того, чтобы нарушить кое-какие законы?

— Вы убедитесь, сэр, что Бен Бартолдер готов на все, была бы ему выгода.

— Есть где-нибудь место, где нам наверняка не помешают?

— Мой номер в отеле.

— Так пойдете.

Собеседники встали. Бартолд посмотрел на правую руку Бена и ахнул.

У Бенджамина Бартолдера не было кисти правой руки.

— Потерял под Висксбургом, — объяснил Бен, перехватив потрясенный взгляд Бартолда. — Но ничего. С любым готов драться, один на один одолею его левой рукой и обрубком правой.

— Ничуть не сомневаюсь, — растерянно откликнулся Бартолд. — Восхищен вашим мужеством, сэр. Подождите меня здесь. Я... я сейчас вернусь.

Бартолд стремительно проскочил сквозь входной турникет салуна и сразу бросился к флиперу.

Калека не вписывался в его планы.

Бартолд перенесся в Пруссию 1676 года. Располагая привитым под гипнозом знанием немецкого языка и одеждой соответствующего фасона, он бродил по пустынным улицам Кенигсберга в поисках Ганса Берталера.

Стоял полдень, но улицы были диковинно, до жути безлюдны. Бартолд все шел да шел, и в конце концов повстречался с монахом.

— Берталер? — призадумался монах. — А-а, вы о старике Отто-портном! Он живет в Равенсбрюке, добрый господин.

— Это, наверное, отец, — возразил Бартолд. — А я ищу сына, Ганса Берталера.

— Ганса... Конечно! — Монах энергично закивал, потом метнул на Бартолда ехидный взгляд. — А вы уверены, что вам нужен именно он?

— Совершенно уверен, — сказал Бартолд.

— Вы найдете его у собора, — ответил монах. — Пойдемте, я и сам туда направляюсь.

Бартолд последовал за монахом. Берталер был наемным солдатом, воевал по всей Европе. Таких у собора не найдешь... Разве что, подумал Бартолд, сгоряча ударился в религию...

— Вот и пришли, господин, — сказал монах, останавливаясь перед благородным, устремленным ввысь зданием. — А вот и Ганс Берталер.

Бартолд увидел на ступенях собора человека в лохмотьях.

Рядом лежала бесформенная шляпа, а в шляпе — два медяка и хлебная корка.

— Нищий, — брезгливо пробормотал Бартолд. Но все же, не исключено...

Он пригляделся внимательнее и заметил пустые, бессмысленные глаза, отвисшую челюсть, поддергивающиеся губы.

— Душераздирающее зрелище, — сказал монах. — В битве со шведами Ганса Берталера ранило в голову, и с тех пор он так и не пришел в себя.

Бартолд кивнул, оглянулся на пустынную соборную площадь, на безлюдные улицы.

— А где все? — спросил он.

— Да неужто вы не знаете, господин? Все бежали из Кенигсберга, кроме него да меня. Ведь здесь Великая Чума!

Бартолд в ужасе отшатнулся и побежал по пустынным улицам назад, к флиперу, антибиотикам и любому другому году.

Предчувствуя неотвратимый крах, промчался Бартолд сквозь годы в Лондон конца XVI века. И в таверне «Медвежонок», что близ Грейт-Хертфорд Кросса, осведомился о некоем Томасе Бартале.

— Это зачем же вам понадобился Бартал? — спросил трактирщик на таком варварском наречии, что Бартолд с трудом понял смысл вопроса.

— У меня к нему дело, — ответил Бартолд на гипноусвоенном староанглийском языке.

— Быть того не может! — трактирщик смерил взглядом Бартолда, оценил кружевную пену брыжей. — Да неужели вы не шутите?

Посетители обступили Бартолда, не выпуская из рук оловянных кружек, и на фоне лохмотьев он разглядел блеск смертоносного металла.

— Фискал, а?

— Какого шута здесь делать фискалу?

— Может слабоумный?

— Безусловно, иначе не пришел бы сюда один.

— И просит, чтобы мы выдали ему беднягу Тома!

Трактирщик с ухмылкой наблюдал за тем, как толпа оборванцев надвигается на Бартолда, как оловянные кружки вот-вот будут пущены в ход вместо палиц. Бартолда прижали к стене.

— Я не фискал! — воскликнул он.

— Бабушке своей расскажи!

Тяжелая кружка грохнулась о дубовую панель у него над головой.

Бартолда осенило: он сдернул с головы шляпу, разукрашенную перьями.

— Посмотрите на меня!

Оборванцы уставились на него во все глаза.

— Ну, вылитый Том Бартал! — охнул кто-то.

— Но Том ведь даже не заикался, что у него есть брат! — заметил другой.

— Мы близнецы, — поспешно разъяснил Бартолд. Нас разлучили, едва мы появились на свет. Лишь месяц назад я узнал, что у меня есть брат-близнец. И вот я здесь, чтобы познакомиться с ним.

Для Англии XVI века история была вполне правдоподобная, да и сходства не приходилось отрицать. Бартолда усадили за стол и поставили перед ним кружку с элем.

— Ты опоздал, парень, — сказал ему дряхлый одноглазый нищий. — Отменно он работал, лихой был гарцовщик...

Бартолд вспомнил, что так в старину называли конокрадов.

— ...но его схватили в Эйлсбери, и пытали его, и судили вместе с пиратами, и, что еще хуже, признали виновным.

— Какой же у него приговор? — спросил Бартолд.

— Суровый, — сказал коренастый вор. — Сегодня его повесят на Рынке Строптивных.

На мгновение Бартолд замер. Потом спросил:

— А брат действительно похож на меня?

— Как две капли воды! — вскричал трактирщик. — Удивления достойно, прямо глазам не верится. Тот же лик, тот же рост, тот же вес — все одинаковое!

Остальные закивали в знак согласия. И Бартолд, столь близкий к цели, решил идти ва-банк. Во что бы то ни стало ему нужен Том Бартал!

— Слушайте меня внимательно, друзья, — сказал он. — Вы ведь не очень-то любите фискалов и законы Лондона, правда? А я во Франции слышу богачом, большим богачом. Хотите отправиться туда вместе со мной и жить, как бароны? Тише, тише, — я и не сомневаюсь, что хотите. Что ж, это можно, друзья. Но надо взять и моего брата.

— Это как же? — удивился плечистый лудильщик. — Его же сегодня повесят!

— Разве вы не мужчины? — сказал Бартолд. — Разве вы не вооружены? Разве не пойдете на риск ради богатства и привольной жизни?

...На Рынке Строптивных собралась сравнительно небольшая кучка зевак, ибо казнь была мелкая и незначительная. Но все же хоть какое-то развлечение, и люди азартно улюлюкали, когда повозка с приговоренным прогромычала по булыжной мостовой и остановилась у подножья виселицы.

Палач уже взошел на помост, уже окинул толпу взглядом сквозь прорези в черной маске, и теперь проверял прочность веревки. Два констебля провели Тома Бартала вверх по ступенькам, подвели к палачу, протянули руки к веревке...

Бартолд, разинув рот, смотрел на осужденного. Бартал был похож на Бартолда точь-в-точь, если не считать одной мелочи.

Щеки и лоб у Бартала были изрыты оспинами.

— Самое время нападать, — сказал трактирщик. — Вы готовы, сэр? Сэр! Эй!

Он обернулся через плечо и увидел, что шляпа с перьями скрывается из виду в переулке.

В глубокой меланхолии возвращался Эверетт Бартолд к флиперу. Рябой никак не вписался бы в его планы.

Все понапрасну — ни одного пригодного Бартолда. Теперь он приближается к тысячелетнему барьеру.

Дальше забираться нельзя... Во всяком случае, по закону. Но не может он вернуться с пустыми руками, да и не желает.

Есть же где-то во времени какой-нибудь Бартолд, пригодный для дела!

Он раскрыл коричневый чемоданчик и вынул оттуда маленький тяжелый аппарат. Там, в Настоящем Времени, Бартолд выложил за него несколько тысяч долларов. Он старательно наладил аппарат и подключил к темпорометру.

Теперь Бартолд волен странствовать во времени, где заблагорассудится — хоть среди неандертальцев. Темпорометр этого не отметит.

На какой-то миг Бартолду захотелось отказаться от своей затеи, вернуться к безопасности, к жене, к работе. Уж очень это страшно — ринуться через грань тысячелетия...

Он прибыл в Англию 662 года, к окрестностям древней крепости Мейден-Касл. Флипер он спрятал в лесной чаще, а сам в простом одеянии из грубого холста направился к крепости.

Он обогнал двоих голых по пояс путников, что-то распевающих по латыни. Тот, что шел сзади, хлестал переднего кожаной плетью. А потом они поменялись местами, даже не сбившись с ритма ударов.

— Прошу прощения, сэры...

Но путники даже не удостоили его взглядом.

Бартолд зашагал дальше, утерев пот со лба. Немного погодя он поравнялся с человеком в накидке, с арфой на одном боку и мечом на другом.

— Сэр, — обратился к нему Бартолд, — не знаете ли, где мне разыскать родича, на днях прибывшего сюда? Звать его Коннор Лох мак Байртр.

— Знаю, — ответил незнакомец.

— Где? — спросил Бартолд.

— Перед тобой, — ответил незнакомец. Он мгновенно отступил на шаг, сбросил арфу на траву и выхватил меч из ножен.

Бартолд смотрел на Байртра как зачарованный. Под длинными волосами он увидел точную и несомненную копию собственной физиономии.

Наконец-то кандидатура найдена!

Однако кандидатура явно не намеревалась вступать в сотрудничество. Медленно наступая с мечом наголо, Байртр приказал:

— Сгинь, демон, иначе разрублю на куски!

— Я не демон! — обиделся Бартолд. — Я твой родич!

— Лжешь, — непреклонно заявил Байртр. — Я долго странствовал по свету, это верно, и давненько не был дома. Однако я наперечет помню всех членов семьи. Ты не из них. Значит, ты демон, а обличье мое принял в колдовских целях.

— погоди! — взмолился Бартолд. — Ты никогда не задумывался о будущем?

— О будущем?

— Да, о будущем!

— Слышал я о том чудном времени, хоть сам и живу только сегодняшним днем, — проговорил Байртр и медленно опустил меч. — Знавал я одного чужеземца, трезвый он называл себя консульцем, а пьяный — фоторепортером из «Лайфа». Ходит, бывало, повсюду, щелкает какой-то игрушкой да что-то себе под нос бормочет. Накачаешь его медом — он расскажет тебе про облик грядущего.

— Вот и я оттуда, — сказал Бартолд. — Я твой дальний родич из будущего. А прибыл я для того, чтобы предложить тебе несметное богатство!

Байртр проворно сунул меч в ножны.

— Это весьма любезно с твоей стороны, родич, — сказал он вежливо.

— Иди со мной, — распорядился Бартолд и повел его к флиперу.

В коричневом чемоданчике лежало все необходимое. Бартолд лишил Байртра сознания с помощью микрошприца. Затем, приставив ко лбу Байртра электроды, гипнотически привил ему курс всемирной истории, достаточное знание английского языка и некоторые представления об американских обычаях.

Гипнообучение длилось почти двое суток. Тем временем Бартолд специальным аппаратом пересадил кожу со своих пальцев на пальцы Байртра. Теперь отпечатки у обоих стали идентичны.

Затем, то и дело сверяясь со списком, Бартолд наделил Байртра кое-какими недостающими особыми приметами и избавил его от кое-каких излишних. Процесс электролиза компенсировал то обстоятельство, что Бартолд начинал лысеть, а его родич — нет.

Когда все было закончено, Байртр застонал, схватился за свою гипнофаршированную голову и сказал на современном английском языке.

— Ну и ну? Чем это ты меня оглушил?

— Не тревожься, — ответил Бартолд. — Займемся-ка делом.

Он вкратце изложил свой план обогащения за счет корпорации «Межвременная Страховка».

— А там и вправду заплатят? — спросил Байртр.
— Заплатят, если не смогут оспорить претензию.
— И такие огромные деньги?
— Да. Я проверял заранее. Страхование премия за раздвоение личности фантастически высока.

— Этого я по-прежнему не понимаю, — сказал Байртр. — Что такое раздвоение личности?

— Так бывает, — объяснил Бартолд, — если путешественник в Прошлое пересек зеркальную трещину в фактуре времени. Это случается чрезвычайно редко. Но уж когда случается... В прошлое, сам понимаешь, отправлялся один, а вернулись два абсолютно одинаковых человека. Каждый считает, что он-то и есть подлинный, первоначальный, что только ему принадлежит право на собственность, службу, жену и так далее. Кто-то один должен отречься от всех прав и отправиться жить в Прошлое. Другой остается в родном времени, но живет в вечном страхе, с вечной тревогой и чувством вины.

— Гм, — Байртр задумался. — И часто оно случалось, это самое раздвоение?

— За всю историю путешествий во времени — раз десять, не больше. Есть меры предосторожности: принято держаться подальше от Узлов Парадокса и соблюдать тысячелетнее ограничение.

— Ты заехал дальше, чем на тысячу лет, — вставил Байртр.

— Я пошел на риск и выиграл.

— С такими деньгами я мог бы стать бароном, — мечтательно проговорил Байртр. — А в Ирландии, пожалуй, даже королем! Я к тебе присоединяюсь.

— Прекрасно. Распишись вот здесь.

— А что это? — спросил Байртр, хмуро поглядев на казенного вида бумагу, подsunутую Бартолдом.

— Всего-навсего обязательство: получив с «Межвременной Страховки» должную компенсацию, ты тотчас же вернешься в Прошлое, в любую эпоху по собственному усмотрению, и откажешься от всех и всяческих прав на настоящее. Подпишись «Эверетт Бартолд». Дату я проставлю попозже.

— Ты все предусмотрел, а? — вздохнул Байртр.

— Старался уберечь себя от досадных неожиданностей. Мы отправляемся на мою родину, в мою эпоху, и я намерен там и остаться. Пошли. Тебе надо постричься и вообще привести себя в порядок.

Рука об руку двойники зашагали к флиперу.

Открыв дверь, Мэвис пронзительно вскрикнула, всплеснула руками и упала в обморок.

Позднее, когда мужья привели ее в чувство, она в какой-то степени овладела собой.

— Получилось, Эверетт! — сказала он. — Эверетт!
— Это я, — отозвался Эверетт. — Познакомься с моим родичем Коннором Лох мак Байртром.

— Невероятно! — вскричала миссис Бартолд.

— Значит, мы похожи? — спросил ее супруг.

— Неразлично! Просто неразлично!

— Отныне и присно, — повелел Бартолд, — считай нас обоих Эвереттом Бартолдом. За тобой будут следить сыщики и следователи страховой фирмы. Помни: твоим супругом может быть любой из нас или оба вместе. Обращайся с нами совершенно одинаково.

— Как хочешь, дорогой, — с напускной застенчивостью проворковала Мэвис.

— Разумеется, кроме того... то есть кроме как в сфере... сфере... черт возьми, Мэвис, неужели ты сама не разбираешься, кто из нас — я?

— Конечно, разбираюсь, милый, — проворковала Мэвис. — Жена везде узнает своего мужа.

С приходом двух Эвереттов Бартолдов в помещении «Межвременной Страховки» воцарились ужас, смятение, страх и бесполовая лихорадка телефонных звонков.

— Первый случай подобного рода за пятнадцать лет, — сообщил мистер Гринз. — О господи! Вы, конечно, согласны на детальный осмотр?

Их ощупывали и мяли врачи. Врачи обнаружили расхождения, каковые скрупулезно перечислили, обозначив их длинными латинскими терминами. Однако все эти расхождения не выходили из нормального диапазона отклонений, какие бывают у темпоральных двойников.

Инженерно-технические работники «Межвременной Страховки» выверили темпорометр, установленный на флипере. Они осмотрели приборы управления — на них были заданы эпохи: Настоящее, 1912, 1869, 1676 и 1595. На перфоленде был пробит и 662 год — год запретный, — но, как показывал темпорометр, эта команда не была исполнена. Бартолд объяснил, что случайно задел не те кнопки, а потом счел оставить все как есть.

Подозрительно, но не дает оснований отказать в выплате премии.

Мистер Гринз предложил компромиссное решение, которое оба Бартолда отвергли. Он предложил два других, которые постигла та же участь.

Последняя беседа состоялась в кабинете Гринза. Два Бартолда расселись по обе стороны письменного стола, и вид у них был такой, будто вся эта история им наскучила.

— Хоть убейте, не понимаю, — сказал Гринз. — Для эпох, по которым перемещались вы, сэр, и вы, сэр, вероятность попадания в зеркальную трещину составляет примерно одну миллионную!

— Видимо, эта одна миллионная себя и показала, — заметил Бартолд, а Байртр кивнул.

— Но как-то все кажется не... ну да ладно, чему быть, того не миновать. Вы уладили вопрос о своем дальнейшем сосуществовании?

Бартолд протянул Гринзу документ, подписанный Байртом еще в 662 году.

— Отбудет он, незамедлительно после получения компенсации.

— Вас это устраивает, сэр? — обратился Гринз к Байртру.

— Еще бы, — ответил Байртр. — Все равно, мне здесь не по нутру.

— То есть как это, сэр?!

— Я хочу сказать, — заторопился Байртр, — мне всегда хотелось оторваться от общества, знаете, такая у меня затаенная мечта — жить в уединенном месте, на природе, среди простых людей и так далее...

— Понятно, — с сомнением в голосе произнес мистер Гринз. — А вы разделяете эти чувства, сэр? — обратился он к Бартолду.

— Безусловно, — категорически заявил Бартолд. — У меня точно те же затаенные мечты. Но кто-то из нас вынужден остаться — из чувства долга, знаете ли, — так вот, остаться согласился я.

— Понятно, — повторил Гринз, хоть тоном он ясно показывал, что ему решительно ничего не понятно. — Гм. Хорошо. Вам сейчас выписывают чеки — вам, сэр, и вам, сэр. Можете получить завтра же с утра... Конечно, если до тех пор нам не представят доказательств вашей недобросовестности.

Бартолд схватил Байртра за руку и потащил к вертолету-автомату, причем сознательно не сел в первый же свободный.

Он нажал клавишу управления, потом посмотрел назад — нет ли погони. Потом обшарил кабину вертолета, проверяя, нет ли скрытой кинокамеры или звукозаписывающей аппаратуры. И лишь после этого заговорил с Байртом.

— Ты безнадежный кретин? Эта шуточка может обойтись нам в целое состояние! Гринз, несомненно, держит нас теперь под наблюдением. Если заметят хоть что-нибудь — что-нибудь, опровергающее наши права на премию, — это будет значить Каторжный Планетойд.

— Надо нам держаться начеку, — здраво рассудил Байртр.

— Рад, что ты это понимаешь, отозвался Бартолд. — Вечером поиграем в картишки, поболтаем, попьем кофе и вообще все сделаем так будто мы оба — Бартолды. Утром я поеду за чеками.

— Годится, — согласился Байртр. — С удовольствием вернусь. Не понимаю, как ты тут терпишь вокруг себя сталь и камень. Нет уж, я — в Ирландию. Стану ирландским королем!

— Не загадывай, рано еще.

Бартолд отпер дверь, и они вошли в дом.

— Здравствуй, милый, — произнесла Мэвис, глядя в пространство между ними.

— Ты уверяла, что всегда узнаешь меня, — сухо прокомментировал Бартолд.

— Конечно, узнаю, дорогой! — Мэвис одарила его нежной улыбкой. — Просто мне не хотелось обижать мистера Байртра. Тебе кто-то звонил, милый. И еще позвонят. Котик, я тут проглядывала рекламные объявления о мехе эскартов. Полярный марсианский эскарт чуть дороже простого канального, но...

— Кто-то звонил? — перебил ее Бартолд. — Кто же?

— Не назвался. Зато он гораздо прочнее, и мех отличается радужным блеском, исключительно...

— Мэвис! Что ему было нужно?

— Что-то такое в связи с раздвоением личности, — ответила жена. — Но там ведь все улажено, не правда ли?

— Ничего не улажено, пока у меня в руках нет чека, — обозлился Бартолд. — А теперь повтори слово в слово, что он тебе сказал.

— Да сказал, что звонит насчет твоей так называемой претензии к корпорации «Межвременная Страховка»...

— Так называемой? Прямо сказал «так называемой»?

— Слово в слово. Так называемой претензии к корпорации «Межвременная Страховка». Сказал, что непременно должен переговорить с тобой, и срочно, до наступления утра.

Бартолд почернел.

— И он сказал, что перезвонит попозже?

— Он сказал, что явится лично.

— Что такое? — всполошился Байртр. — Что это значит? Не иначе как страховой сыщик!

— Вот именно, — подхватил Бартолд. — По-видимому, он напал на какой-то след.

В дверь позвонили.

— Открывай, Бартолд! — прогремел чей-то голос. — Не пытайся увильнуть!

— Нельзя ли его умертвить? — осведомился Байртр.

— Слишком сложно! Идем! Через черный ход!

— Но зачем?

— Там стоит флипер. Бежим в Прошлое! Неужто не понимаешь? Будь у него в руках полновесные доказательства, он бы давно передал их корпорации. Значит, он только подозревает. Может быть, надеется расколоть нас своими вопросами. Если не попадаться ему на глаза до утра, то мы в безопасности!

— А как же я? — всхлинула Мэвис.

— Заморочь ему голову, — отмахнулся от нее Бартолд и поволок Байртра через черный ход к флиперу.

Черт возьми! Инженеры и техники страховой компании изъяли из машины темпорометр.

Все пропало! Без темпорометра флипер недвижим. На какой-то миг Бартолд обезумел от страха, но тут же взял себя в руки и решил, что надо как-то выпутываться.

На приборах оставался фиксированным маршрут. Настоящее Время и годы 1912, 1869, 1676, 1595 и 662. Поэтому даже без темпорометра во все эти эпохи можно попасть, управляя флипером вручную.

Бартолд быстро нажал кнопку «1912» и взялся за рычаги управления. До него донесся вопль жены. И крик незнакомца:

— Стой! Стой, тебе говорят! — кричал незнакомец.

И флипер ринулся в путь сквозь годы.

Бартолд с Байртром пошли в салун, заказали по кружке пива (десять центов за кружку) и налегли на бесплатную закуску.

— Чертов сыщик, и надо же ему было нос совать куда не просят, — пробормотал Бартолд. — Ну, теперь-то мы от него оторвались. Придется уплатить солидный штраф за вождение флипера без темпорометра. Но теперь это мне по карману.

— Для меня все это чересчур стремительно, — пожаловался Байртр. Он покачал головой и пожал плечами. — Я только хотел спросить, каким образом бегство в Прошлое поможет нам получить завтра утром чеки в твоём Настоящем. Но теперь я и сам догадался.

— Конечно. Считается-то объективное время. Если скроемся в Прошлом часов на двенадцать, что прибудем в мою эпоху через двенадцать часов после отправления. Так исключается возможность накладки — прибытия в самый миг отправления или даже раньше. Обычные правила движения.

— А где мы сейчас?

— В Нью-Йорке 1912 года. Довольно занятная эпоха.

— Я хочу домой. А что это за люди в синем?

— Полисмены, — ответил Бартолд. — Они, по-видимому, кого-то разыскивают.

В салун вошли два усатых полисмена, а за ними следом — толстый человек в одежде, заляпанной типографской краской.

— Вот они! — взревел Джеки-Бык Бартолд. — Хватайте этих близнецов, начальники!

— В чем дело! — осведомился Эверетт Бартолд.

— Это ваш экипаж стоит на улице?

— Да, сэр, но...

— Все ясно. У меня ордер на арест вас обоих. Так и сказано «в сверкающем новом экипаже». И вознаграждение обещано, кругленькая сумма.

— Этот малый заявился прямехонько ко мне, — сказал Джеки-Бык. — Я ему говорю, дескать, рад буду помочь... а надо бы дать ему раз, интригану вшивому, сукину...

— Начальники, — всполошился Бартолд, — мы ни в чем не виноваты!

— В таком случае, вам нечего опасаться. А теперь следуйте за мной.

Бартолд увернулся от полисмена, огрел Джеки-Быка по физиономии и выскочил на улицу. Байртр отдал каблуком ногу одному полисмену, другого стукнул под ложечку, отпихнул в сторону Джеки-Быка и устремился вслед за Бартолдом.

Они прыгнули во флипер, и Бартолд нажал кнопку «1869».

Флипер спрятали на извозничьем дворе и пошли в близлежащий парк. Расстегнули рубашки и разлеглись на травке.

— Откуда сыщику известен наш маршрут? — спросил Байртр.

— Сыщик знает, что у нас нет темпорометра, поэтому нам доступны только эти годы.

— Значит, и здесь опасно, — заключил Байртр. — Возможно, он нас ищет.

— Возможно, — устало согласился Бартолд. — Но ведь он нас пока не нашел! Еще несколько часов — и мы в безопасности.

— Вы убеждены в этом, джентльмены? — раздался вкрадчивый голос.

Бартолд поднял голову и увидел Бена Бартолдера, а в левой, здоровой руке у него — маленький пистолет.

— Значит, и вам он предлагал вознаграждение! — воскликнул Бартолд.

— Еще как предлагал! И да, смею вас уверить, было весьма заманчивое предложение. Но меня оно не волнует.

— Не волнует? — переспросил Байртр.

— Ничуть. Меня волнует только один вопрос. Я бы хотел знать, кто из вас оставил меня с носом вчера вечером, в салуне?

Бартолд и Байртр посмотрели друг на друга, потом на Бена Бартолдера.

— Никто не смеет оскорблять Бена Бартолдера. Пусть у меня всего одна рука, я потягаюсь с любым двуруким! Так вот, мне нужен тот, вчерашний. А другой пусть уйдет с миром.

Бартолд и Байртр встали. Бартолдер отошел назад, так, чтобы оба оставались под прицелом.

— Который из вас, джентльмены? Я не из терпеливых.

Он стоял перед ними, вызываясь покачиваясь на носках, злобный и ядовитый, как гремучая змея.

Бартолд в отчаянии только удивлялся, отчего Бен Бартолдер еще не выстрелил, отчего просто-напросто не уложил их обоих.

Но потом решил эту загадку и тотчас же разработал единственно возможный план действий.

— Эверетт, — окликнул он Байртра.

— Что, Эверетт? — отозвался тот.

— Сейчас мы повернемся к нему спиной и направимся к флиперу.

— А пистолет?..
— Он не станет стрелять. Ты идешь?
— Иду, — процедил Байртр сквозь стиснутые зубы.
— Стой! — заорал Бен Бартолдер. — Стой, стрелять буду!
— А вот не будешь! — огрызнулся Бартолд на ходу. Они успели выйти в переулок и приближались к цели.

— Не буду? Думаешь, побоюсь?
— Не в этом дело, — разъяснил Бартолд, подходя к флиперу. — Просто у тебя не такой характер, чтобы застрелить совершенно невинного человека. А ведь один из нас невиновен!

— Плевать! — взвыл Бартолдер. — Который из вас? Признайся, трус несчастный! Который? Вызываю на честный бой. Признайтесь, иначе обоих пристрелю на месте!

— А что скажут ребята? — парировал Бартолдер. — Скажут, что у однорукого сдали нервишки, и он убил двух безоружных чужаков!

Они забрались в машину и захлопнули дверцу. Бартолдер, спрятал пистолет в карман.

— Ладно же, мистер, — сказал Бен Бартолдер. — Ты был здесь дважды и, сдается мне, не миновать тебе третьего раза. Я подожду. В следующий раз ты от меня никуда не денешься.

Он повернулся и зашагал прочь.

Надо было уносить ноги из Мемфиса. Но куда податься? Бартолд и думать не желал о Кенигсберге 1676 года и Черной Смерти. Лондон 1595 года кишел преступниками — друзьями Тома Бартала, и каждый из них с восторгом перережет глотку Бартолду как предателю.

— Пропадать, так с музыкой, — решил Бартолд. — Поехали в Мэйден-Касл.

— А если он и туда заберется?

— Не заберется. Закон запрещает путешествия на расстояния свыше тысячи лет. А страховому сыщику и в голову не придет нарушить закон.

И вот, наконец, над зеленеющими полями взошло солнце, теплое и желтое.

— Он не появлялся, — сообщил Байртр.

Бартолд вздрогнул и проснулся.

— Чего?

— Протри глаза! Мы спасены. Ведь в твоём Настоящем уже утро? Значит, мы выиграли, и я буду королем Ирландии!

— Да, мы выиграли, — согласился Бартолд. — Черт!

— Что случилось?

— Сыщик! Гляди, вон он!

— Ничего я не вижу. Тебе не показалось?..

Бартолд ударил Байртра камнем по затылку.

Потом нащупал его пульс. Ирландец остался жив, но не-

сколько часов проваливается без сознания. Когда он придет в себя, у него не будет ни спутника, ни королевства.

«Очень жаль», — подумал Бартолд. Но при сложившихся обстоятельствах возвращаться вместе с Байртром рискованно. Проще одному зайти в «Межвременную» и взять чек, выписанный на имя Эверетта Бартолда! А через полчаса зайти еще раз и взять другой чек, выписанный на имя Эверетта Бартолда.

И выгоднее!

Флипер остановился во дворе дома Бартолдов. Эверетт Бартолд поднялся по ступенькам и забарабанил кулаками в дверь.

— Кто там? — отозвалась Мэвис.

— Это я! — закричал Бартолд. — Все в порядке, Мэвис — все удалось как нельзя лучше!

— Кто? — Мэвис открыла дверь, посмотрела на него и взвизгнула.

— Успокойся, — сказал Бартолд. — Я знаю, ты страшно переволновалась, но теперь все кончено. Схожу за чеком, а потом мы с тобой...

Он осекся. Рядом с Мэвис на пороге появился мужчина — низкорослый, лысеющий, с невзрачным лицом, с глазами, кротко поблескивающими из-под очков в роговой оправе.

Бартолд уставился на Бартолда, возникшего рядом с Мэвис.

— За мной гнался... — начал было он.

— За тобой гнался я, — перебил его двойник. — Разумеется, переодетый, ведь ты нажил во времени кучу врагов. Кретин, почему ты удрал?

— Принял тебя за сыщика. А почему ты за мной гнался?

— По одной-единственной причине.

— По какой же?

— Мы могли бы сказочно разбогатеть, — сказал двойник. — Нас было трое — ты, Байртр и я; мы могли втроем прийти в «Межвременную» и потребовать премии за растройство личности!

— Расстройство личности! — Ахнул Бартолд. — Такое мне и не снилось!

Нам бы выплатили чудовищную сумму. Неизмеримо больше, чем за простое раздвоение. Мне на тебя глядеть тошно.

— Что же, — сказал Бартолд, — сделанного не исправишь. По крайней мере, получим премию за простое раздвоение, а там уже решим...

— Я получил оба чека и расписался за тебя. Ты, к сожалению, отсутствовал.

— В таком случае, отдай мою долю.

— Не говори глупости, — поморщился двойник.

— Она моя! Я пойду в «Межвременную» и расскажу...

— Там тебя и слушать не станут. Я подписал твой отказ от всех прав. Тебе нельзя даже находиться в Настоящем, Эверетт.

— Не поступай со мной так! — взмолился Бартолд.

— Это почему же? А как ты поступил с Байртром?

— Да не тебе, черт побери, меня судить! — вскричал Бартолд. — Ведь ты — это я!

— Кому же и судить тебя, как не тебе самому?

Бартолду нечем было крыть. Он обратился к Мэвис.

— Дорогая, — сказал он, — ты твердила, что всегда узнаешь своего мужа. Разве сейчас ты меня не узнаешь?

Мэвис попятилась от двери. Бартолд заметил, что на шее у нее сверкает ожерелье из руумов, и больше ничего не стал спрашивать.

Во дворе приземлился полицейский вертолет. Из него выскочили трое полисменов.

— Этого-то я и опасался, — сказал им двойник. — Мой двойник, как известно, сегодня утром получил свой чек. Он отказался от всех прав и отбыл в Прошлое. Я подозревал, что он вернется и потребует чего-нибудь еще.

— Больше он вас не потревожит, сэр, — пообещал один из полисменов. Он повернулся к Бартолду:

— Эй, ты! Полезай в свой флипер и убирайся прочь из Настоящего. Еще раз увижу — буду стрелять без предупреждения!

Бартолд умел проигрывать.

— Да я бы с радостью отбыл. Но мой флипер нуждается в ремонте. На нем нет темпорометра.

— Об этом надо было думать до того, как ты подписал отказ, — заявил полисмен. — Пошевеливайся!

— Умоляю! — сказал Бартолд.

— Нет, — ответил Бартолд.

И Бартолд знал, что на месте своего двойника от ответил бы точно так же.

Он сел во флипер, захлопнул дверцу. И в оцепенении стал мысленно перебирать возможные варианты (если их позволено назвать «возможными»). Нью-Йорк 1912 года? Но там полиция и Джеки-Бык. Мемфис 1869 года? Бартолдер ждет не дождется его третьего визита. Или Кенингсберг 1676 года? Чума! Или Лондон 1595 года? Там головорезы — дружки Тома Бартала. Мэйден-Касл 662 года? А как быть с разъяренным Коннором Лох мак Байртром?

«На сей раз, — подумал Бартолд, — пусть место само меня выбирает». И, зажмурившись, ткнул кнопку наугад.

ЗАЦЕПКА

На звездолете главное — сплоченность экипажа. Личному составу полагается жить в ладу и согласии — иначе недостижимо то мгновенное взаимопонимание, без которого порой никак не обойтись. Ведь в космосе один-единственный промах может оказаться роковым. Не требует доказательств та истина, что даже на самых

лучших кораблях случаются аварии, а о заурядном нечего и говорить — он долго не продержится.

Отсюда ясно, как потрясен был капитан Свен, когда за четыре часа до старта ему доложили, что радист Форбс наотрез отказывается служить вместе с новеньким.

Новенького Форбс в глаза не видел и видеть не желает. Достаточно, что он о нем наслышан. По словам Форбса, здесь нет ничего личного. Отказ мотивирован чисто расовыми соображениями.

— Ты не путаешь? — переспросил капитан старшего механика, когда тот принес неслыханную весть.

— Никак нет, сэр, — заверил механик Хао, приземистый китаец из Кантона. — Мы пытались уладить конфликт своими силами. Но Форбс ни в какую.

Капитан Свен грузно опустился в мягкое кресло. Он был возмущен до глубины души. Ему-то казалось, что расовая ненависть отошла в далекое прошлое. Столкнувшись с ее проявлением в натуре, он растерялся, как растерялся бы при встрече с моа или живым комаром.

— В наш век, в наши дни — и вдруг расизм? — кипятился Свен. — Безобразие, форменное безобразие. Чего доброго, следующим номером мне доложат, что на городской площади сжигают ведьм или где-нибудь затевают войну с применением кобальтовых бомб!

— Да ведь до сих пор никакого расизма не было в помине, — возразил Хао. — Для меня это полнейшая неожиданность.

— Ты же у нас не только по званию старший, но и по возрасту, — сказал Свен. — Неужто не пытался урезонить Форбса?

— Я с ним не один час беседовал, — ответил Хао. — Напоминал, что китайцы веками люто ненавидели японцев, а японцы китайцев. Если уж нам удалось преодолеть взаимную неприязнь во имя Великого Сотрудничества, то отчего бы и ему не попытаться?

— И пошло на пользу?

— Как об стену горох. Говорит, это совсем разные вещи.

Свен свирепо откусил кончик сигары, поднес к ней огонек и запыхтел, раскуривая.

— Да черт меня побери, если я у себя на корабле стерплю такое. Подыщу другого радиста.

— Не так уж это просто, сэр, — заметил Хао. — В здешней-то глуши.

Свен насупился в раздумье. Дело было на Дискайе-2, заолустной планетенке в созвездии Южного Креста. Сюда корабль доставил груз (запасные части для машин и станков), здесь взял на борт новичка, назначенного Корпорацией, — невольного виновника переполоха. Специалистов на Дискайе пруд пруди, но все больше по гидравлике, горному делу и прочей механике. Единственный же на планете радист вполне доволен жизнью,

женат, имеет двоих детей, обзавелся на Дискайе домом в озелененном пригороде и о перемене мест не помышляет.

— Курам на смех, просто курам на смех, — процедил Свен. — Без Форбса мы как без рук, но и новичка я здесь не брошу. Иначе Корпорация наверняка меня уволит. И поделом, поделом. Капитан обязан справляться с любыми неожиданностями.

Хао угрюмо кивнул.

— Откуда родом этот самый Форбс?

— С фермы, из глухой деревушки в гористой части США. Штат Джорджия, сэр. Вы о таком случайно не слышали?

— Слыхал вроде бы, — скромно ответил Свен, в свое время прослушавший в университете Упсалы спецкурс «Регионы и их отличительные особенности»: в ту пору он стремился возможно лучше подготовиться к капитанской должности. — Там выращивают свиней и земляные орехи.

— И мужчин, — дополнил Хао. — Дюжих, смекалистых. Населения в штате раз, два — и обчелся, а между тем уроженцев Джорджии встретишь на любом пограничном рубеже. За ними упрочилась слава непревзойденных молодцов.

— Знаю, — огрызнулся Свен. — Форбс у нас тоже парень не промах. Одна вот беда — расист.

— Случай с Форбсом нетипичен. Форбс вырос в малочисленном, уединенном сообществе, вдали от главного русла американской жизни. Развиваясь, такие сообщества — а они есть по всему миру — всячески цепляются за причудливые старинные обычаи. Вот как сейчас помню, в одной деревушке Хонаня...

— А все же с трудом верится, — перебил Свен механика, который собрался было пуститься в пространные рассуждения о быте китайской деревни. — Оправдания тут неуместны. Всюду, в любом сообществе, сохранилось наследие прошлого — остатки расовой вражды. Однако каждый, вливаясь в главный поток земной жизни, обязан стряхнуть с себя пережитки прошлого. Другие-то стряхнули! Почему же Форбс не может? С какой стати он перекладывает на нас свои заботы? Неужто слухом не слышал о Великом Сотрудничестве?

Хао пожал плечами.

— Может, вы сами с ним поговорите, капитан?

— Непременно. Только сначала с Анжкой.

Старший механик покинул мостик. Свен оставался погружен в глубокое раздумье, но вот раздался стук.

— Входи.

Вошел боцман Анжка. Это был высоченный, безукоризненного сложения африканец с кожей цвета спелой сливы. Чистокровный негр из Ганы, он великолепно играл на гитаре.

— Надо полагать, ты в курсе дела? — начал Свен.

— Загвоздка получается, сэр, — отозвался Анжка.

— Загвоздка? Катастрофа! Сам ведь понимаешь, как опасно поднимать звездолет с планеты, когда на борту такой кавардак.

А до старта меньше трех часов. Немыслимо выходить в рейс без радиста, но и новенький нам позарез нужен.

Ангка стоял в бесстрастном ожидании. Свен стряхнул с сигары дюймовый столбик пепла.

— Послушай, Ангка, ты ведь понимаешь, зачем я тебя вызвал.

— Догадываюсь, сэр, — ухмыльнулся Ангка.

— Вы ведь с Форбсом не разлей вода. Не мог бы ты на него повлиять?

— Пытался, капитан, честное слово, пытался. Но вы же сами знаете, каковы уроженцы Джорджии.

— К сожалению, не знаю.

— Отличные ребята, сэр, но упрямы как ослы. Уж если им что втямшится в башку, то хоть кол на ней теши. Я ведь с Форбсом двое суток только об этом и толкую. Вчера вечером упоил его в стельку... Исключительно для пользы дела, сэр, — спохватился Ангка.

— Не важно. И что же?

— Поговорил с ним как с родным сыном. Напомнил, до чего славно мы тут сработались, до чего весело развлекаемся в каждом астропорту. Какая это великая честь—участвовать в Сотрудничестве. «Берегись, Джимми, — говорю, — будешь стоять на своем, так все испортишь. Ты ведь не хотел бы все испортить, правда?» Он пустил слезу, точно маленький, капитан.

— Но не передумал?

— Твердил, что никак не может. Что уговаривать бесполезно. Мол, есть в Галактике одна и только одна раса, с которой он служить не станет, и дело с концом. Мол, иначе его бедный папочка в гробу перевернется.

— Может, еще одумается, — сказал Свен.

— Постараюсь переубедить его, но навряд ли удастся.

Ангка вышел. Свен подпер щеку могучим кулаком и вновь покосился на судовой хронометр. Меньше трех часов до старта!

Сняв трубку внутреннего телефона, Свен попросил через городскую сеть соединить его с диспетчером астропорта. Услышав голос диспетчера, капитан сказал:

— Прошу разрешения задержаться на денек-другой.

— К сожалению, это не в моей власти, капитан Свен, — вздохнул диспетчер. — Позарез нужна стартовая площадка. Мы ведь принимаем не более одного звездолета сразу. А через пять часов ожидается рудовоз с Калайо. У них наверняка горючее на исходе.

— Вечно оно у них на исходе, — буркнул Свен.

— А мы давайте вот как условимся. Если у вас серьезная механическая неисправность, мы подгоним два-три подъемных крана, переведем ваш корабль в горизонтальное положение и откатим с площадки. Однако до тех пор, пока мы его вновь поставим на ножки, много воды утечет.

— Спасибо, не стоит. Буду стартовать по расписанию.

Он дал отбой. Нельзя задержать корабль без уважительной причины. За это Корпорация с капитана голову снимет, и ему ясно. Оставался единственный доступный путь. Удовольствие маленькое, но ничего не попишешь. Капитан встал, отбросил давно погасшую сигару и спустился с мостика.

Он заглянул в судовой лазарет. Там, закинув ноги на стол, сидел доктор в белоснежном халате и читал немецкий медицинский журнал трехмесячной давности.

— Добро пожаловать, кэп. Хотите глоточек коньяку в чисто медицинских целях?

— Не откажусь, — ответил Свен.

Молодой доктор щедрой рукой плеснул две порции из бутылки, на этикетке которой красовалось: «Возбудитель сенной лихорадки».

— Для чего такой мрачный ярлык? — удивился Свен.

— А чтобы команда не прикладывалась. Лучше уж пускай у кока воруют лимонный экстракт.

Доктора звали Абу-Факих. Был он родом из Палестины, недавно окончил медицинский институт в Вифлееме.

— О Форбсе слышали? — приступил к делу Свен.

— А кто не слышал?

— Хотел у вас спросить как у единственного медика на борту: вы прежде не замечали у Форбса признаков расовой вражды?

— Ни разу, — без колебаний ответил Абу-Факих.

— Не ошибаетесь?

— В таких вещах мы, палестинцы, разбираемся, нутром их чуем. Уверяю вас, для меня поведение Форбса — полнейшая неожиданность. Разумеется, с тех пор я неоднократно беседовал с ним.

— Какой же вы сделали вывод?

— Форбс честен, расторопен, прямодушен, простоват. Унаследовал отжившие предрассудки в виде старинных традиций. Сами знаете, у выходцев из Горной Джорджии сохранился целый арсенал местных обычаев. Эти обычаи всесторонне изучены антропологами островов Самоа и Фиджи. Вам не доводилось читать «Достижение совершеннолетия в Джорджии»? Или «Народные обычаи Горной Джорджии»?

— Времени не остается на такое чтение, — проворчал Свен. — У меня с кораблем хлопот по горло, не хватало еще вникать в психологию каждого члена команды.

— Да, пожалуй, кэп, — сказал доктор. — Хотя эти книги есть в судовой библиотеке, вдруг вам вздумается полистать. Ума не приложу, чем тут помочь. Процесс переориентации долг. К тому же я терапевт, а не психиатр. Есть во Вселенной раса, с представителями которой Форбса никто не принудит служить, поскольку они вызывают в нем прилив перевозванной ра-

совой ненависти. По нелепой случайности ваш новенький принадлежит именно к этой расе.

— Оставлю Форбса в порту, — внезапно решил капитан. — С рацией справится офицер связи. А Форбс пускай садится на любой другой звездолет и отправляется к себе в Джорджию.

— Не советовал бы.

— Почему же?

— Форбс — любимец команды. Все осуждают его за дурацкое упрямство, но если он не пойдет вместе со всеми в рейс, на борту воцарится уныние.

— Опять незадача. — Свен задумался. — Опасно, крайне опасно. Но черт поberi, не могу же я оставить в порту новичка! Да и не желаю! Кто здесь, в конце концов, главный — я или Форбс?

— Вопрос чрезвычайно интересный, — подхватил Абу-Факих и поспешно увернулся от бокала, которым запустил в него разъяренный капитан.

Свен отправился в судовую библиотеку, где перелистал «Достижение совершеннолетия в Джорджии» и «Народные обычаи Горной Джорджии». От этого ему легче не стало. С секунду поразмыслив, он бросил взгляд на часы. Два часа до старта! Чуть ли не бегом капитан устремился в штурманскую рубку.

В рубке распоряжался венерианин Рт'крыс. Он стоял на табурете, разглядывая какие-то вспомогательные приборы. Тремя руками он сжимал секстан, а ногой — самой ловкой конечностью — протирал зеркала. При виде Свена венерианин из уважения к начальству окрасился в коричневато-оранжевые тона, после чего вновь обрел повседневный зеленый цвет.

— Как дела? — спросил Свен.

— Нормально, — ответил Рт'крыс. — Если, конечно, не считать истории с Форбсом.

Он пользовался карманным звукоусилителем, поскольку голосовые связки у венериан отсутствуют. Первые модели таких усилителей резали слух и отдавали металлическим звоном; однако с тех пор их усовершенствовали, и ныне типичные «голосо» венериан звучат как мягкий, вкрадчивый шепот.

— О Форбсе-то я и зашел посоветоваться, — признался капитан. — Ты ведь не землянин. Если на то пошло, даже не гуманоид. Я и подумал: вдруг тебя осенит свежая идея. Вдруг я что-нибудь упустил.

Помолчав, Рт'крыс посерел: это был цвет нерешительности.

— Боюсь, от меня вам маловато будет пользы, капитан Свен. У нас на Венере никогда не бывало расовых проблем. Разве что вы усматриваете некую аналогию с положением *саларды*...

— Не совсем, — перебил Свен. — Там скорее религиозный уклон.

— К сожалению, больше ничего в голову не приходит. А вы не пробовали образумить Форбса?

— Нет, но ведь все остальные пробовали.

— У вас должно лучше получиться, капитан. Вы — носитель символа власти, вам удастся вытеснить из Форбсова сознания отцовский символ. А заполучив такое преимущество, внушите Форбсу, какова истинная подоплека его эмоциональной реакции.

— У расовой вражды не бывает никакой подоплеки.

— Это с точки зрения формальной логики. А вот если оперировать общечеловеческими понятиями, то удастся отыскать и саму подоплеку, и решение проблемы. Постарайтесь выяснить, чего именно боится Форбс. Быть может, поставленный лицом к лицу с собственными побудительными мотивами, он опомнится.

— Учту твои советы, — с сарказмом, который не дошел до венерианина, поблагодарил Свен.

Прозвучал условный знак внутреннего коммутатора: старший помощник вызывал капитана.

— Капитан! Диспетчер запрашивает, стартуем ли мы по расписанию.

— Стартуем, — сказал Свен. — Готовь корабль.

И положил трубку.

Рт'крыс залился пунцовым окрасом. У венериан это все равно что у землян — приподнятые брови.

— И так и так скверно, черт бы побрал все на свете! — проговорил Свен. — Спасибо, что дал хоть какой-то совет. Теперь примусь за Форбса.

— А кстати, — остановил капитана Рт'крыс, — он-то к какой расе принадлежит?

— Кто именно?

— Новенький, тот, с кем не желает служить Форбс.

— Я почему знаю? — неожиданно взорвался Свен. — По-твоему, мне на мостике только и дел, что зазубривать расовую принадлежность новеньких?

— А ведь это может иметь решающее значение.

— С какой стати? Допустим, Форбсу не угодно служить с монголом или пакистанцем, нью-йоркцем или марсианином. Велика ли разница, на какой именно расе зациклился больной, незрелый мозг?

— Всего наилучшего, капитан Свен, — пожелал Рт'крыс вдогонку.

Представ на мостике перед капитаном, Джеймс Форбс откозырял, хотя на корабле у Свена подобные формальности не соблюдались. Радист вытянулся по стойке «смирно». Это был высокий стройный юноша с взъерошенной шевелюрой и фарфорово-белой, усыпанной веснушками кожей. Все черты его лица свидетельствовали о податливости, уступчивости, обходи-

тельности. Решительно все... кроме глаз — темно-синих, глядящих в упор на собеседника.

Свен растерялся, не зная, с чего начать. Но первым заговорил Форбс.

— Сэр, — сказал он. — С вашего позволения, мне здорово неудобно перед вами. Вы хороший капитан, сэр, лучше не бывает, да и с командой я сдружился. Теперь я себя чувствую как последний негодяй.

— Так, может, одумаешься? — В голосе Свена послышались слабые нотки надежды.

— Хотел бы я одуматься, сэр, право же, хотел. Да мне для вас головы не жаль, капитан, вообще ничего на свете не жаль.

— Ни к чему мне твоя голова. Мне надо только, чтобы ты сработался с новичком.

— А вот это как раз не в моих силах, — грустно произнес Форбс.

— Это еще почему, пропади все пропадом? — взревел капитан, напрочь позабыв о своем намерении проявить себя тонким психологом.

— Да вам просто не понять нашу душу, душу ребят вроде меня, выходцев из Горной Джорджии, — пояснил Форбс. — Так уж мне блаженной памяти папочка заповедал. Бедняга в гробу перевернется, если я нарушу его последнюю волю.

Свен проглотил рвущуюся на язык многоэтажную брань и сказал:

— Тебе ведь самому ясно, в какое положение ты меня ставишь. Что же ты теперь предлагаешь?

— Только одно, сэр. Мы с Ангкой спишемся с корабля. Лучше уж нехватка рук, капитан, чем недружная команда, сэр.

— Как, и Ангка туда же? Постой! Он-то против кого настроен?

— Ни против кого, сэр. Просто мы с ним закадычные друзья, вот уже пять лет скоро, как повстречались на грузовике «Стелла». Теперь мы неразлучны: куда один, туда и другой.

На пульте управления у Свена вспыхнул красный огонек — знак того, что корабль готов к старту. Свен не обратил на это никакого внимания.

— Не могу же я остаться без вас обоих, — сказал Свен. — Форбс, ты почему отказываешься служить с новичком?

— По расовым мотивам, сэр, — коротко ответил Форбс.

— Слушай меня внимательно. Ты служил под моим началом, а ведь я — швед. Разве тебя это смущало?

— Нисколько, сэр.

— Судовой врач у нас — палестинец. Штурман и вовсе с Венеры. Механик — китаец. В команде собраны русские, меланезийцы, нью-йоркцы, африканцы — всякой твари по паре. Все расы, вероисповедания и цвета кожи. С ними-то ты уживался?

— Ясное дело, уживался. Нас, уроженцев Горной Джорджии

жии, с раннего детства готовят к тому, чтобы мы уживались с любыми расами. Это у нас в крови. Так мой папаша уверял. Но служить с Блейком я, хоть убейте, не стану.

— Кто это — Блейк?

— Да новенький, сэр.

— Откуда же он родом? — насторожился Свен.

— Из Горной Джорджии.

На миг оторопевшему Свену почудилось, будто он ослышался. Он вытаращил глаза на Форбса — тот, оробев, ел капитана глазами.

— Из гористой части штата Джорджия?

— Так точно, сэр. Кажется, откуда-то неподалеку от моих краев.

— А он белый, этот Блейк?

— Само собой, сэр. Белый англо-шотландского происхождения, точь-в-точь как я.

У Свена возникло ощущение, будто он осваивает неведомый мир, — мир, с каким не доводилось сталкиваться ни одному цивилизованному человеку. Капитан с изумлением обнаружил, что на Земле попадаются обычаи куда диковиннее, чем где-либо в Галактике. И попросил Форбса:

— Расскажи-ка мне о ваших обычаях.

— А я-то думал, про нас, выходцев из Горной Джорджии, все досконально известно, сэр. В наших краях принято по достижении двадцати лет уходить из отчего дома и больше домой не возвращаться. Обычай велит нам работать бок о бок с представителями любой расы, жить бок о бок с представителями любой расы... кроме нашей.

— Вот как, — обронил Свен.

— Новичок-то, Блейк, тоже из Горной Джорджии. Ему бы сперва проглядеть судовой реестр, а уж после наниматься на корабль. На самом-то деле он один кругом виноват, и если ему плевать на вековой обычай, то я тут ни при чем.

— Но почему же все-таки вам запрещено служить с земляками? — не отставал Свен.

— Неизвестно, сэр. Так уж повелось от отца к сыну, с незапамятных времен.

Свен пристально посмотрел на радиста: в капитанском мозгу забрезжила догадка.

— Форбс, ты можешь словами передать, как относишься к чернокожим?

— Могу, сэр.

— Так передай.

— В общем, сэр, по всей Горной Джорджии считается, что чернокожий для белого — лучший друг. Я ничего не говорю, белые совсем не против китайцев, марсиан и прочих, но вот у чернокожих с белыми как-то особенно лихо все выходит...

— Давай-давай, — подбросил Свен.

— Да ведь это трудно толком объяснить, сэр. Просто на-просто... словом, чернокожий и белый как-то особенно удачно друг к другу притираются, входят в зацепление, словно хорошие шестерни. Между чернокожими и белыми какая-то особая слаженность.

— А знаешь, — мягко проговорил Свен, — ведь когда-то, давным-давно, твои предки считали чернокожих неполноценным народом. Издавали всякие законы, по которым чернокожему категорически воспрещалось общаться с белым. И продолжали в таком же духе еще долго после того, как во всем остальном мире с этим предрассудком было покончено. Вплоть до Злосчастного Испытания.

— Это ложь, сэр! — вспыхнул Форбс. — Простите, я не обвиняю во лжи вас лично, сэр, но ведь это неправда. У нас в Джорджии всегда...

— Могу доказать; так утверждают книги по истории и антропологии. В библиотеке у нас тоже найдутся кое-какие, если только тебе не лень покопаться!

— Уж янки напишут!

— Там есть и книги, написанные южанами. Все это правда, Форбс, но стыдиться здесь нечего. Просвещение приходит к людям долгими и мучительными путями. Твои предки обладали многими достоинствами, ты вправе ими гордиться!

— Но если все было так, как вы объясняете, — нерешительно произнес Форбс, — отчего же все переменялось?

— Вот об этом как раз можно прочесть в одном исследовании по антропологии. Ты ведь знаешь, что после Злосчастного Испытания ядерного оружия над Джорджией выпали обильные радиоактивные осадки?

— Так точно, сэр.

— Но ты едва ли знаешь, что в ту пору лучевая болезнь стала с особой беспощадностью косить население так называемого Черного Пояса. Да, жертвами болезни становились и многие белые. Но вот чернокожие в той части штата вымерли почти начисто.

— Этого я не знал, — покаянно прошептал Форбс.

— Уж поверь мне на слово, до Испытания случалось всякое — и расовые бунты, и линчевания, и взаимная неприязнь между белыми и чернокожими. Но вдруг чернокожих не стало: их истребили лучевая болезнь. В результате у белых, особенно в малых населенных пунктах, появилось нестерпимое чувство вины. А самые суеверные из белых терзались мучительными угрызениями совести из-за массового вымирания чернокожих. Для таких белых вся цепь событий явилась тяжелым ударом, ведь люди-то они были религиозные.

— Какая им разница, если они ненавидели чернокожих?

— В том-то и дело, что вовсе не ненавидели! Опасались смешанных браков, экономической конкуренции, изменений в

общественной иерархии. Однако о ненависти и речи не было. Напротив. В ту пору твои земляки утверждали (и при этом нисколько не кривили душой), будто куда лучше иметь дело с негром, чем с «либералом»-северянином. Отсюда вытекало множество конфликтов.

Форбс кивнул в напряженной задумчивости.

— В изоляторе — в сообществе вроде того, где ты родился, — тогда же возник обычай трудиться вдали от дома, с представителями любой расы, кроме земляков. Здесь всему подоплекой комплекс вины.

По веснушчатым щекам Форбса градом катился пот.

— Прямо не верится, — пробормотал радист.

— Форбс, разве я тебе хоть раз в жизни солгал?

— Никак нет, сэр.

— Значит, согласишься, если я поклянусь, что все рассказанное мною — правда?

— По... постараюсь, капитан Свен.

— Теперь ты знаешь, откуда пошел обычай. Будешь служить с Блейком?

— Наверяд ли у меня получится.

— А ты попробуй.

Прикусив губу, Форбс беспокойно заерзал.

— Попробую, капитан. Не знаю, выйдет ли, но попробую. И сделаю это ради вас и ради своих товарищей, а не из-за того, что вы мне тут наговорили.

— Постарайся, — сказал Свен. — Больше от тебя ничего не требуется.

Форбс кивнул и поспешно спустился с мостика. Тотчас же Свен сообщил диспетчеру, что готов стартовать.

Внизу, в кубрике, Форбса познакомили с новичком по фамилии Блейк. Долговязому черноволосому новичку было там явно не по себе.

— Здорово, — сказал Блейк.

— Здорово, — откликнулся Форбс.

Каждый робко шевельнул ладонью, словно намереваясь обменяться рукопожатием, но ни тот, ни другой не довершили жеста.

— Я из-под Помпеи, — заявил Форбс.

— А я из Альмиры.

— Почти соседи, — убито сказал Форбс.

— Это уж точно, — согласился Блейк.

Наступило молчание. После долгих раздумий Форбс проstonал:

— Не могу я, ну никак не могу. — И двинулся было прочь из кубрика. Но вдруг остановился и, обернувшись, выпалил: — А ты чистокровный белый?

— Да нет, не так чтобы уж очень чистокровный, — степенно ответил Блейк. — По матери я на одну восьмую индеец племени чероки.

— Ты чероки, это точно?

— Он самый, не сомневайся.

— Так бы сразу и говорил! Знал я одного чероки из Альтахахи, его звали Том Сидящий Медвежонок. Ты ему случайно не родня?

— Едва ли, — признался Блейк. — У меня-то в жизни не бывало знакомых чероки.

— Да мне что, мне без разницы. Надо было сразу объяснить людям, что ты чероки. Идем, покажу тебе твою койку.

Когда, часов через семь после старта, о случившемся доложили капитану Свену тот был совершенно ошеломлен.

«Как же так? — ломал он голову. — Почему восьмушка крови индейцев-чероки превращает американца в чероки? Неужели остальные семь восьмых не пересиливают?»

И пришел к выводу, что американцы, особенно из южных штатов, — народ непостижимый.

ВТОРЖЕНИЕ НА РАССВЕТЕ

Солнечная система насчитывала одиннадцать планет, но Дилон уже выяснил, что планеты внешнего кольца вообще не содержали каких-либо форм жизни, на четвертой от солнца жизнь только что появилась, а на третьей вероятно вскоре появится. Однако на второй — голубом мире с единственной луной — уже существовала разумная жизнь. Туда-то Дилон и направил свой корабль.

Он потихоньку подлетел к планете, под покровом темноты проскользнул через атмосферу, прошел плотный слой дождевых туч, сам больше похожий на облачко, и совершил посадку с той абсолютной суетой, какая возможна только для землянина.

Когда корабль наконец приземлился, до рассвета оставался еще целый час, тот самый безопасный час, в который большая часть всевозможных существ — не имеет значения какая планета их породила — наименее всего бдительна. Примерно так говорил ему отец, прежде чем Дилон покинул Землю. Вторжение на рассвете являлось составной частью обучения землян, тяжело добытым знанием, направленным исключительно для выживания на чужих планетах.

«Однако все эти знания имеют основания быть **ошибочными**, — напомнил ему отец, — когда имеешь дело с таким непредсказуемым явлением, как разумная жизнь».

Сделав это заявление, старик поучительно кивнул и продолжил: «Помни, мальчик, ты можешь перехитрить метеорит, предугадать ледниковый период, предсказать рождение новой звез-

ды. Но вот что, по правде говоря, ты знаешь об этих труднопоятных и постоянно изменчивых существах, которые обладают разумом?»

Не очень многое, сознался Дилон. Но он верил в свою молодость, зазор и ловкость, и доверял уникальной технике вторжения, разработанной на Земле. С помощью особого искусства землянин мог пробить себе путь к самой вершине, — в любой обстановке, не важно какой чуждой и враждебной.

Дилон с пеленок учили, что жизнь — это непрерывная борьба. Он уяснил, что Галактика огромна и враждебна и состоит в основном из пустоты и раскаленных звезд. Но временами встречаются и планеты, а на планетах — разумные расы, весьма различные по облику и размерам, но сходные в одном: ненависти ко всему не похожему на них самих. Всякое сотрудничество между расами исключено. И жизнь среди них требовала от землянина предельного мастерства, выдержки и находчивости. Но даже имея все это, выживание невозможно без разрушающей техники вторжения, разработанной на Земле.

Дилон был способным учеником, готовым встретить свою судьбу в огромной Галактике. Не ожидая отбора, он включился в Исход* и, наконец, подобно миллионам молодых людей до него получил собственный космический корабль и отправился в космос, навсегда оставив маленькую перенаселенную Землю. Он должен был лететь, до предела выработав все запасы горючего. И вот теперь его судьба предстала перед ним.

Корабль сел в джунглях, неподалеку от деревни с домиками, крытыми тростником, почти незаметный постороннему взгляду в густых зарослях. Дилон ждал с напряжением, едва не выходящем за пределы самообладания, пока рассвет не окрасил небо в белый цвет с еле заметным розовым оттенком признака восхода солнца. Никто не объявился, не посыпались бомбы, не рвались снаряды. Следовательно можно допустить, что его не заметили.

Когда желтое солнце планеты коснулось линии горизонта, Дилон определил физические параметры окружающей среды. Он вдохнул воздух, прикинул силу тяжести, оценил энергию и спектр солнечного излучения и тоскливо покачал головой. Планета, подобно подавляющему большинству планет в Галактике, не способствовала земной форме жизни. У него в запасе примерно час, за который он должен завершить вторжение.

Дилон нажал на кнопку оружейного пульта и покинул корабль. Корабль за его спиной растворился в сером пепле, а пепел, разогнанный утренним ветерком, рассеялся в джунглях. Отрезав себе все пути назад, Дилон направился к деревне чужаков.

Подойдя ближе, он увидел, что хижины местных жителей представляют собой грубые постройки из дерева, тростника и

* Намек на библейский Исход.

небольшого количества обтесанных вручную камней. Строения казались прочными и явно подходящими для данного климата. Дорог не было и в помине — только тропинки, ведущие в джунгли. Ни силовых установок, ни фабричных изделий. Цивилизация раннего периода, решил Дилон, такую-то он запросто подчинит себе.

Дилон самоуверенно двинулся вперед и тут же наткнулся на чужака. Оба уставились друг на друга. Чужак был двуногим, ростом значительно превосходил землянина и имел хорошо развитый череп. Носил он лишь простую набедренную повязку. Из-под серой шерсти виднелась светло-коричневая кожа. Чужак не выразил ни малейшего желания убежать.

— Ир тай! — произнесло существо, что Дилон определил как возглас удивления.

Оглянувшись по сторонам, Дилон больше никого не заметил и решил, что кроме этого аборигена никто из жителей деревни пока его не обнаружил. Он слегка напрягся и согнулся.

— К'тал тай а...

Дилон прыгнул. Чужак попытался увернуться, но Дилон как кошка вывернулся в полете и крепко вцепился в одну из конечностей чужака.

Большого и не требовалось. Физический контакт установлен, а остальное уже не трудно.

Несколько столетий назад взлет рождаемости резко увеличил миграцию населения Земли. Но ни одна из тысячи планет не годилась для жизни человека. Поэтому Земля рассматривала возможность изменения чужой человеку среды для создания земных условий или изменения самого человека биологически приспособленного к новой среде обитания. Но был еще и третий путь, принесший огромную отдачу в последней попытке. Он заключался в развитии разумоперестроечной тенденции, заложенной во всех разумных расах.

Землян воспитывали по этому методу, сосредоточивали на нем и обучали ему. С такой способностью землянин мог жить на любой планете, просто занимая мозг одного из ее обитателей, содержащий вдобавок еще и нужную и интересную информацию. Так уж землянин был устроен, что его любовь к соперничеству приводила его к превосходящему положению в мире, куда он внедрился.

Существовала лишь одна незначительная загвоздка: чужак обычно возмущался внедрением захватчика в свой разум, и порой даже бывал способен оказать сопротивление.

В первый момент внедрения Дилон испытал глубокое сожаление по поводу гибели собственного тела, которое следовало уничтожить немедленно, чтобы не оставалось никаких следов.

Только он и его «хозяин» должны знать, что место занято захватчиком.

А в конечном итоге знать об этом будет лишь кто-то один.

И теперь, внедрившись в разум чужака, Дилон всецело сосредоточился на предстоящей работе. Барьеры рушились один за другим по мере продвижения к центру, в котором обитало «Я-есть-Я». Когда он возьмет и эту цитадель и добьется успеха в вытеснении оттуда обитающего там в настоящий момент эго, тело будет полностью принадлежать ему.

Поспешно воздвигаемые защитные барьеры рушились под стремительным натиском Дилона. Спустя секунду он даже решил, что первый же штурм приведет его к победе. И вдруг потерял направление, заблудившись в серой и бесформенной нечеловеческой территории разума чужака. Чужак оправился после первичного шока.

Теперь ему действительно предстоит битва.

На нечеловеческой территории разума чужака начались переговоры.

— Кто ты?

— Эдвард Дилон с планеты Земля. А ты?

— Арек. Мы зовем наш мир К'егра. Что тебе нужно здесь, Дилон.

— Немножко жизненного пространства, Арек, — усмехаясь, сказал Дилон. — Ты можешь мне предоставить его?

— Будь я проклят... Проваливай из моего мозга!

— Не могу, — возразил Дилон. — Теперь уже некуда.

— Понимаю, — задумался Арек. — Плохо дело, но тебя сюда не приглашали. И что-то подсказывает мне, что ты хочешь куда больше, чем немного жизненного пространства. Ты хочешь все, не так ли?

— Да, — согласился Дилон. — Я должен иметь контроль над всем, и иного пути нет. Но если ты не станешь сопротивляться, я, возможно, оставлю местечко и для тебя, хотя это не совсем обычно в нашей практике.

— Необычно?

— Конечно нет, — заявил Дилон. — Разные расы не могут совместно сосуществовать. Таков закон природы. Сильнейший выживает слабейшего. Но я могу попробовать, хотя бы на время.

— Не делай мне поблажек, — сказал Арек и разорвал контакт.

Серость нечеловеческой территории обернулась густой чернотой. И Дилон в ожидании предстоящей схватки ощутил первые признаки сомнений в отношении собственного самонаименования.

Арек представлял собой примитивный тип существа, однако овладел ситуацией сходу, приспособился к ней и был готов вести с ней дело. Его попытки не так уж и сильны, но ведь пока еще...

Что же он за существо?

Дилон стоял на каменистом холме в окружении зазубренных скал. Вдали в дымке виднелась цепь высоких голубых гор. В глаза било солнце, ослепительное и горячее. По склону холма в направлении Дилона ползло черное пятно.

Дилон отпихнул ногой с дороги камень и стал ждать, пока пятно не примет определенный вид.

Так создавался образ ментальной битвы, где мысли обретают физические формы, а идеи становятся осязаемыми предметами.

Пятно превратилось в кегранина. Он внезапно навис над Дилоном, огромный, сверкающий мускулами, вооруженный мечом и кинжалом.

Дилон отступил, избежав первого удара. Схватка происходила в узнаваемом, а, следовательно, и подконтрольном образе. Чужаки обычно вызывали идеализированный образ представителя своей расы с преувеличенными атрибутами. Образ создавался неизменно грозным, сверхчеловеческим, непобедимым, но обычно именно в этом и скрывался весьма коварный изъян. Дилон решил рискнуть и сыграть на присутствующем здесь недостатке.

Кегранин сделал выпад. Дилон увернулся, упал на землю и неожиданно лягнул кегранина обеими ногами, на мгновение раскрывшись для ответного удара. Кегранин попытался отразить нападение и нанести ответный удар, но он был слишком медлительным для этого. Ботинки Дилона врезались ему в живот.

Торжествующий Дилон бросился вперед. Вот он где, изъян!

Увернувшись от меча, Дилон сделал ложный выпад, от которого кегранин попытался защититься, и двумя точными ударами ребра ладони разбил противнику шею.

Кегранин рухнул, сотрясая землю. Дилон наблюдал за его смертью с некоторой долей симпатии. Идеализированный образ бойца у всех представителей иных рас создавался более значительным и внушительным, чем в жизни — более сильным, храбрым и выносливым, но вместе с тем он нес в себе и определенную громоздкость, уверенную и грандиозную величественность. Для образа это, конечно, великолепно, однако для боевой машины — ничто. Поскольку это означало замедленные реакции, что в свою очередь означало поражение.

Мертвый гигант исчез. Дилон уже было решил, что победа осталась за ним, но тут же услышал за спиной рычание. Обернувшись, он увидел длинное, похожее на пантеру черное приземистое животное с прижатыми ушами и оскаленными клыками.

Значит у Арека еще остались резервы. Однако Дилон знал, сколько энергии отнимет такой вид мысленной борьбы. Через некоторое время резервы чужака иссякнут, и тогда...

Дилон поднял с земли меч гиганта и начал отступать, пока не уперся спиной в высокий валун. Пантера шла на Дилона. Однако тот выбрал такую позицию, что зверю придется перепрыгивать через камни, образовавшие ограду высотой по пояс человеку. Солнце светило Дилону прямо в глаза, легкий ветерок дул пылью в

лицо. Когда пантера прыгнула, Дилон наотмаш рубанул зверя мечом.

В течение еще несколько долгих часов Дилон встретил и уничтожил полный набор самых смертельно опасных кегранских тварей, поступая с ними как с хорошо знакомыми животными Земли. С носорогом — или, по крайней мере, очень на него похожим зверем — он расправился легко, несмотря на грозные размеры и быстроту животного. Дилон заманил зверя к краю скалы, и тот рухнул в пропасть. Кобра оказалась куда опасней и едва не плюнула ему ядом в глаза, прежде чем Дилон разрубил ее надвое. Горилла была сильна, могуча и чрезвычайно подвижна. Но ей так и не удалось наложить свои костоломные лапы на человека, который танцующими движениями назад и вперед буквально раскромсал ее на кусочки. Покрытый броней тиранозавр вел себя весьма настойчиво, и Дилону пришлось устроить камнепад, похоронивший ящерицеобразное чудище. Дилон даже потерял счет всем остальным. Однако, в конце концов, с кружащейся от усталости головой и приобретшим вид зазубренного осколка мечом, он остался один.

— Довольно, Дилон? — слышался голос Арека.

— Совсем нет, — сквозь пересохшие до черноты губы процедил Дилон. — Ты не сможешь продолжать вечно, Арек. Есть предел даже твоей жизнеспособности.

— Да-а? — переспросил Арек.

— Тебе не много осталось, — заявил Дилон, — пытаюсь продемонстрировать уверенность в себе, которой однако уже не чувствовал. — Почему бы не проявить благородствие? Я оставляю тебе немного места, обещаю. Я... знаешь, я даже испытываю к тебе некоторое уважение.

— Благодарю, Дилон, — ответил Арек. — Это взаимно. Теперь, если ты сдашься...

— Нет, — заявил Дилон. — Условия ставлю я.

— Ну ладно, — произнес Арек. — Ты сам напросился на неприятности!

— Так давай их сюда, — пробормотал Дилон.

Каменистый холм мгновенно исчез.

Дилон стоял по колено в сером болоте. Из мха и застойной зеленой воды поднимались ряды гигантских сучковатых деревьев; белесые как рыбе брюхо лилии раскачивались и трепетали несмотря на полное безветрие. Над водой, цепляясь за грубую кору деревьев, висел плотный белый туман. Из болота не доносилось ни звука, хотя Дилон и ощущал кишашую вокруг себя жизнь.

Медленно поворачиваясь кругом, он ждал, вдыхая стоячий воздух, переставляя ноги в клейкой жиже и нюхая вонь разложившихся гнилых лилий. И тут до него дошло...

Ведь на К'егре нет болот!

Он знал это с той однозначной уверенностью, которую каж-

дый землянин ощущал в чужих мирах. Здесь и сила тяжести иная, и воздух другой. Даже грязь под ногами не такая как на К'егре.

Мысли мелькали так быстро, что он не успевал их рассортировывать. Неужели кегряне освоили космические перелеты? Невозможно! Тогда как же Арек мог так хорошо знать планету, отличную от его собственной? Слышал о ней? Воображал себе или...

Ему в затылок уперся чей-то тяжелый взгляд. Атака застала врасплох задумавшегося Дилона.

Он попытался сдвинуться с места, но ноги увязли в жиже. С одного из нависающих деревьев свалился сук. Дилон вдруг заметил, что деревья принялись раскачиваться и трещать. Сучья гнулись книзу, скрипели и, отламываясь, дождем сыпались на него.

А ведь было полное безветрие.

Обескураженный Дилон продирался сквозь топь в попытке отыскать твердую почву и место, где бы не росли деревья. Но огромные стволы повсюду поднимались из воды, и твердых мест в болоте тоже не находилось. Дождь из сучьев усилился, и Дилону пришлось уворачиваться во все стороны. Он искал с кем или с чем бы сразиться, но кругом было лишь одно стоячее болото.

— Выходи на бой! — закричал Дилон. Что-то ударило его под колени. Он поднялся и свалился опять. И тут почти теряющий сознание Дилон увидел укрытие. Он подобрался к огромному дереву и вцепился в мшистые корни. Ветви шлепали и хлестали, сучья сыпались градом, но дерево не могло дотянуться до него. Он в безопасности!

Однако тут Дилон с ужасом заметил, как растущие у основания дерева лилии длинными стеблями обвили его лодыжки. Он попытался стряхнуть их, однако стебли обвивались вокруг ног как белые змеи и затягивались еще туже. Дилон оборвал их и побрел прочь от дававшего укрытие дерева.

— Сразись со мной! — требовал Дилон, когда сучья градом повалили на него. Никакого ответа. Дергающиеся на стеблях лилии потянулись к нему, над головой загремело хлопанье рассерженных крыльев — это слетались болотные птицы, черные обтрепанные вороны, почувствовавшие близкую развязку борьбы. Дилон покачнулся и вдруг ощутил, как что-то теплое и мерзкое коснулось его лодыжки.

А вот теперь-то он знал, что делать.

Понадобилось всего лишь мгновение, чтобы к нему вернулась былая уверенность. Головой вперед Дилон нырнул в мутную зеленую воду...

И как только он нырнул, болото моментально утихло. Огромные стволы замерли на фоне грифельного цвета неба, лилии утратили яркость и вяло обвисли на стеблях, туман неподвижно завис над болотом, пристав к шероховатой коре деревьев, а птицы-падальщики беззвучно планировали в плотном воздухе.

Еще какое-то время на поверхности воды пенились пузыри, но затем прекратилось и это.

С глубокими царапинами на шее и спине Дилон вынырнул на поверхность глотнуть воздуха. В руках он держал бесформенное прозрачное существо, правителя этого болота.

С трудом добравшись до дерева, Дилон шмякнул ослабевшее существо о ствол, окончательно добивая его. Потом сел.

Никогда прежде он не испытывал такой усталости и не чувствовал себя так скверно. И никогда раньше он не был так сильно убежден в тщетности всяческой суеты. Зачем он борется за жизнь, когда жизнь занимает такую ничтожную частичку в общей схеме материи? Или что существенного в том мгновении, являющемся его жизнью, по сравнению с ходом планет или величественным сиянием солнц? Дилон был поражен собственным бесстыдством, с каким он боролся за существование и цеплялся за жизнь.

Теплая вода обволокла его грудь. Жизнь, сонно сказал себе Дилон, есть ничто иное, чем просто зуд на шкуре не-жизни, паразит материи. Оценивая количественно, говорил он себе, когда вода достигла шеи, что есть ничтожество жизни по сравнению с неизмеримостью не-жизни? Если не-жизнь естественна, думал он, погружаясь в воду по подбородок, то жизнь — просто болезнь. И жизнь это лишь здоровое желание смерти.

Мысль о смерти казалась приятной в момент, когда вода ласкала его губы. Усталость сменяется отдыхом, болезнь — излечением. Сейчас так легко погрузиться вниз, к самозабвению...

— Очень хорошо, — прошептал Дилон, подтягивал голову к коленям. — Славно постарался, Арек. Может, и ты устал? Может, от тебя не осталось ничего, кроме слабой эмоции?

Стало темно, и в темноте нечно похожее на Дилона в миниатюре обхватило его за плечи и принялось шептать прямо в ухо.

— Однако есть вещи и похуже смерти, — сказала его миниатюра. — Есть вещи, с которыми ни одно живое существо не может встретиться без страха. Это знание вины, утаенное в самых глубинах сознания, отвратительное и ненавидимое, но **знание**, и никогда от него не отказаться. Смерть предпочтительней этому знанию, Дилон. Она оборачивается драгоценным даром, становится тем, о чем молят, и ловкие пройдохи специально укладываются на одр, чтобы ухватиться за смерть... когда возникает необходимость заглянуть в глубину собственного сознания и встретиться лицом к лицу с тем, что там скрывается.

Дилон пытался не слушать советчика, так похожего на него самого, однако миниатюра вцепилась ему в плечи и указующе ткнула пальцем. И Дилон увидел, как в темноте формируется что-то узнаваемое...

— Только не это, Дилон, — умолял его двойник. — Пожалуйста, только не это! Будь смелее, Дилон! Выбери смерть! Будь отважен! Узнай, как умереть в нужное время!

Дилон, узнавая приближающийся к нему образ, испытал такой ужас, какого раньше даже не мог себе вообразить. Знание, вы-

плывающее из глубин сознания, тайное знание своей вины и вины за все, о чем он когда-либо думал, символизировал этот образ.

— Скорее, Дилон! — кричал его двойник. — Будь тверд, будь смел, будь правдив! **Умри, пока еще не знаешь, кто ты на самом деле есть!**

И Дилону захотелось умереть. Со вздохом огромного облегчения он начал высвобождаться из объятий двойника, чтобы позволить своей сущности ускользнуть в небытие...

И не смог.

— Помоги мне! — закричал он.

— Не могу! — крикнула в ответ его миниатюра.

Дилон попытался снова. А знание уже вплотную приблизилось к его глазам. Дилон просил смерти, умолял о ней, но не мог позволить себе умереть.

Оставалось лишь одно. Дилон собрал остаток сил и отчаянно бросился навстречу плясавшему перед ним образу.

И тот исчез.

А спустя мгновение Дилон осознал, что никакой угрозы больше нет. Он в одиночестве стоял на завоеванной территории. Несмотря ни на что, он победил! У его ног лежала цитадель, теперь уже необитаемая и ждущая его прихода. Дилон ощутил прилив уважения к бедному Ареку. Славный был соперник, стоящий противник. Возможно, он и уступит Ареку немного жизненного пространства, если тот не попытается...

— Очень любезно с твоей стороны, Дилон, — загремел голос.

Дилон не успел отреагировать. Он попал в такой мощный захват, что всякая мысль о сопротивлении казалась никчемной. И только теперь Дилон осознал реальную мощь разума кегранина.

— Ты все делал здорово, Дилон, — сказал Арек. — И тебе никогда не следует стыдиться борьбы, которую ты вел.

— Так у меня не было ни единого шанса? — спросил Дилон.

— Нет, не было, — мягко ответил Арек. — Ты, как и большинство представителей юных рас, считаешь свой земной метод вторжения уникальным. Однако К'егра — древний мир, и за время своего существования мы подвергались вторжению множество раз, как физическому, так и ментальному. Поэтому для нас в этом нет ничего нового.

— Ты играл со мной! — воскликнул Дилон.

— Я хотел выяснить, что вы из себя представляете, — пояснил Арек.

— Какое ж ты должен испытывать самодовольство! Для тебя это была всего-навсего игра. Ладно, теперь давай ее завершим.

— Завершим как?

— Убей меня!

— Почему я должен тебя убивать? — поинтересовался Арек.

— Потому... потому... а что ты еще можешь сделать со мной? Почему я должен стать игрушкой в отличие от всех остальных?

— Ты встретился и кое с кем из остальных, Дилон. Ты сра-

жался с Эйтенем, обитавшем на своей планете в болоте до того, как отправиться в путешествие. А миниатюра, так убедительно шептавшая тебе в ухо, это Оолермик, прибывший сюда совсем недавно. И все они поначалу были воинственны и воодушевлены, очень похожие на тебя.

— Но...

— Мы приняли их, освободили места, и теперь используем их качества в дополнение к своим. Вместе мы гораздо больше, чем были бы раздельно.

— Вы живете вместе? — прошептал Дилон. — В твоём теле?

— Конечно. Хорошие тела — в Галактике редкость, да к тому же там не так уж много подходящих мест для жилья. Дилон, познакомься с моими партнерами.

И Дилон снова увидел аморфное болотное существо и покрытого чешуей Оолермика и еще дюжину прочих.

— Но такого просто не может быть! — воскликнул Дилон. — Чуждые друг другу расы не могут жить вместе! Жизнь — это борьба и смерть! Основной закон природы!

— Очень ранний закон, свойственный юным расам, — пояснил Арек. — Давным-давно мы открыли, что сотрудничество означает выживание для всех, причем во много раз лучших условиях. И ты привыкнешь к этому. Добро пожаловать в нашу конфедерацию, Дилон.

И Дилон, все еще ошеломленный, вступил в цитадель, чтобы войти в партнерство со многими расами Галактики.

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Однажды в послеполуденный час Джефферсон Томс зашел в кафе-автомат выпить чашку кофе и позаниматься. Усевшись и пристроив поблизости конспект лекций по философии, он взглянул на девушку, управляющуюся со стайкой роботов-официантов. У девушки были дымчато-серые глаза и волосы цвета ракетного выхлопа. Фигурка у нее была тоненькая, но отлично очерченная, и, глядя на все это, Томс внезапно ощутил, что к горлу подкатывается комок, а на ум почему-то приходят осенний вечер, дождь и огонек свечи.

Вот так к Джефферсону Томсу пришла любовь. Чтобы познакомиться с девушкой, этот обычно сдержанный молодой человек послал жалобу по поводу слишком автоматического обслуживания. Когда встреча состоялась, Томс был косноязычен и переполнен чувствами. И все же он ухитрился назначить ей свидание.

Девушка — ее звали Дорис — согласилась сразу. Коренастый черноволосый студент произвел на нее впечатление. Тут-то начались муки Джефферсона Томса.

Несмотря на успехи в изучении философии, он обнаружил, что любовь — это восхитительное и в то же время на редкость спокойное чувство. Даже в веке, в котором жил Томс, веке, когда

космические лайнеры уничтожили расстояния между мирами, болезни были окончательно побеждены, войны — немислимы, а все вопросы, имевшие хоть малейшую важность, образцово разрешены, проблема любви оставалась все такой же сложной.

Старушка Земля жила лучше, чем когда бы то ни было. Города сверкали пластиками и нержавеющей сталью. Оставшиеся кое-где леса представляли собой тщательно охраняемые островки зелени, где вы могли отдыхать в полной безопасности, поскольку все звери и насекомые были удалены в специальные гигиенические зоопарки и там с завидным умением воспроизводились их естественные условия жизни.

Даже климат Земли поддерживался искусственно. Фермеры получали свою порцию дождя между тремя и половиной четвертого утра, на стадионах собирались толпы смотреть программы солнечных закатов, а торнадо создавали раз в год на специальной арене во время празднования Всемирного дня мира.

Но в делах любви царил все тот же беспорядок, что и всегда, и Томс воспринимал это болезненно.

Он попросту не мог выразить чувства словами. Такие обороты, как «Я от тебя без ума», были затасканы, и «Я люблю тебя», «Обожаю тебя» — не выражали существа дела. Они не могли передать всей глубины и пыла его переживаний. В сущности, они даже обедняли их, поскольку теми же словами выражались любой стереотип, любые малозначительные мысли. Люди пользовались ими в повседневных разговорах, и сплошь и рядом можно было услышать, как они любят свиные отбивные и без ума от тенниса.

Все существо Томса восставало против этого. Он дал себе клятву никогда не говорить о любви теми же словами, что и о свиных отбивных. Но к своему великому разочарованию, обнаружил, что не может выдумать ничего лучшего. Он обратился к своему профессору философии.

— Мистер Томс, — сказал профессор, утомленно покачивая очками, — любовь пока еще не стала предметом наших исследований. В этой области не было выполнено ни одной значительной работы, за исключением так называемого Языка Любви тианцев.

Легче от этого не стало. Томс продолжал размышлять о любви и мечтать о Дорис. В часы их обычных встреч, по вечерам, около ее двери, когда тени от плетей дикого винограда скользили по ее лицу, Томс мучительно пытался рассказать о своих чувствах. Отказавшись от общепринятого языка влюбленных, он старался выразить мысли как-нибудь поэтичнее.

— Я испытываю к тебе то же чувство, — говорил он, — какое звезда испытывает к своим планетам.

— Как это огромно! — отвечала она, польщенная.

— Я не то имел в виду, — признавался Томс. — Мое чувство гораздо больше. Ну, например, когда ты идешь, я вижу перед собой...

— Что?

— Лань на лесной прогалине, — сказал Томс, хмурая брови.

— Как очаровательно!

— Я совсем не стремился быть очаровательным. Я хотел выразить некоторую свойственную тебе неуклюжесть, и вот...

— Но, милый, — возразила она, — я совсем не неуклюжа. Мой учитель танцев...

— Я не говорю, что ты неуклюжа. Но самая сущность неуклюжести, которая... которую...

— Понимаю, — сказала она.

Но Томс знал, что она ничего не понимает.

Так он был вынужден отказаться от необычных способов выражения своих мыслей. Скоро он обнаружил, что не может сказать Дорис ничего мало-мальски важного, — каждый раз все оказывалось совсем не то, просто ничего похожего.

Между ними постепенно выростало длительное унылое молчание.

— Джефф, — умоляла она, — ну скажи хоть что-нибудь.

Томс пожимал плечами.

— Пусть даже совсем не то, что ты думаешь...

Томс вздыхал.

— Ради всего святого! Я не могу этого вынести!

В конце концов он сделал ей предложение. Он готов был допустить, что любит ее, но уклонился от развития этой темы. Он объяснил, что брак должен быть основан на искренности, в противном случае все будет обречено на неудачу.

Дорис нашла эти порывы превосходными, но от замужества отказалась.

— Ты должен сказать девушке, что любишь ее, — заявила она. — Ты должен повторять ей это по сто раз на день, Джефф, и даже этого все равно мало.

— Но я же люблю тебя, — запротестовал Томс. — Я хотел сказать, что у меня к тебе такое чувство, словно...

— Перестань!

Получив такой отпор, Томс подумал о Языке Любви и отправился к своему профессору.

— Говорят, — сказал профессор, — что у аборигенов планеты Тиана II был особый и единственный в своем роде язык для выражения любви. Им казалось совершенно немыслимым сказать: «Я люблю вас». В таких случаях они использовали слова, точно отражающие вид и класс любви, которую они ощущали именно в данный момент.

Томс кивнул, и профессор продолжал:

— Конечно, вместе с языком развивалось и искусство творить любовь, поистине невероятное в своем совершенстве.

— Это именно то, что нужно! — воскликнул Томс. — Как далеко до Тианы II?

— Порядочно. И к тому же ехать туда незачем — жители планеты вымерли.

— Следовательно, язык утерян?

— Не совсем. Двадцать лет назад землянин по имени Джордж Веррис отправился на Тиану II и изучил Язык Любви с помощью нескольких уцелевших тианцев.

Томс долго и тяжело размышлял. Путешествие на Тиану II было нелегким, длительным и дорогим. Возможно, Веррис умрет, прежде чем он доберется до места, или откажется учить его языку. «Стоит ли любовь всего этого?» — спрашивал себя Томс.

Он продал ультракомбайн, аппарат искусственной памяти, учебники философии, несколько акций, полученных в наследство от деда, и оплатил проезд до Грантиса IV, ближайшего к Тиане II пункта, куда регулярно отправлялись звездолеты. Покончив со всеми приготовлениями, он пошел к Дорис.

— Когда вернусь, — сказал он, — я буду в состоянии точно высказать тебе, как сильно... Я имею в виду, Дорис, что, когда освою искусство тианцев, ты будешь любима так, как не была еще любима ни одна женщина.

— Ты думаешь? — спросила она. Глаза ее засветились.

— Ну, — сказал Томс, — слово «любима» не совсем точно выражает это. Однако я имею в виду нечто очень близкое.

— Я буду ждать тебя, Джефф, — сказала она, — но, пожалуйста, возвращайся скорее.

Джефферсон Томс кивнул, смахнул слезы, сжал Дорис в объятиях и поспешил в космопорт. Через час он был в пути.

Четырьмя месяцами позже Томс уже шел по пустынному проспекту тианской столицы. По обеим сторонам его вздымались величественные строения. С помощью карманного тиано-английского словаря он разобрал вывеску на одном из зданий: «Бюро консультаций по проблемам любви четвертого уровня».

Он миновал «Институт по исследованиям замедленной привязанности» и двухэтажный «Дом для эмоционально отсталых». Это был город, целиком посвятивший себя исследованиям и советам в делах любви.

Для дальнейших размышлений времени не было. Прямо перед ним находился гигантский «Комбинат любовных услуг». Из мраморного подъезда вышел старик.

— Кто вы, — спросил он.

— Я Джефферсон Томс, землянин. Прибыл сюда, чтобы изучить Язык Любви, мистер Веррис.

Веррис внимательно посмотрел на него.

— Но это не простое дело, Томс. Язык Любви почти так же сложен, как нейрохирургия или практическая юриспруденция. Нужна работа, много работы, а также талант.

— Я буду работать.

Томс запоминал длинейшие перечни чудес природы, с которыми можно сравнивать различные чувства. Каждый предмет в природе был занесен в каталоги, классифицирован и снабжен подходящими уточняющими эпитетами.

Когда он заучил весь перечень, Веррис начал тренировать его в восприятии любви. Томс изучал старинные мелочи, из которых складывается состояние влюбленности. Некоторые из них были настолько комичны, что он не мог удержаться от смеха.

Старик строго увещевал его.

— Любовь — серьезное дело, Томс. Вам кажется смешным, что предрасположение к любви часто создается скоростью и направлением ветра...

Вскоре Веррис устроил ему десятичасовые письменные испытания, которые Томс выдержал с отличными оценками. Он был полон стремления поскорей закончить учебу, но Веррис заметил, что левый глаз его ученика подергивается, а руки начинают дрожать.

— Вам необходимы каникулы, — сообщил ему старик.

Томс подумывал об этом и сам.

— Вы правы, — сказал он с едва заметным нетерпением. — А не отправиться ли мне на несколько недель на Цитеру?

Веррис, которому репутация Цитеры была известна, улыбнулся.

— Не терпится испытать новые знания?

— Но черт побери! — взорвался Томс. — Должен же я немного поэкспериментировать! Должен же я показать самому себе, как все это действует. Особенно «Подход 33-СУ». В теории он выглядит чудесно, однако я сомневаюсь, что он сработает на практике.

Они забрались в принадлежащий старику космический корабль и летели пять дней до маленького безымянного планетоида. Совершив посадку, старик привел Томса на берег быстрой реки, где вода была огненно-красной, а пена сверкала. По берегам росли низкорослые деревья с листьями цвета киновари. Даже трава — оранжевая и голубая — не походила на траву.

Томс проводил дни, странствуя по берегам рек или любуясь цветами, которые жалобно стонали, когда он приближался. По ночам три сморщенные луны играли друг с другом в салки, утреннее солнце было совсем не похоже на желтое солнце Земли.

В конце недели посвежевшие и обновленные Томс и Веррис вернулись на Тиану II. Томс научился различать пятьсот шесть оттенков Истинной Любви, от самых первых, робких ее проявлений до наивысшего чувства.

В один прекрасный день Веррис сказал:

— Вот и все.

— Все?

— Да, Томс. Сердце не имеет теперь от вас секретов. Возвращайтесь к своей молодой леди.

— Лечу! — воскликнул Томс. — Наконец-то она узнает!

— Пошлите мне открытку, — попросил его Веррис. — Я хочу знать, как пойдут у вас дела.

— Непременно, — обещал Томс. Он горячо пожал руку своему учителю и отбыл на Землю.

У дома Дорис Томс вдруг почувствовал, что на лбу у него выступила испарина, а руки начали дрожать. Он мог теперь точно определить это чувство как Ожидательную Горячку второго уровня. Но что толку — это была его первая практическая работа, и он нервничал. Правда ли, что он освоил все?

Она открыла дверь, и Томс увидел, что Дорис стала еще красивее.

— Я вернулся, — тихо сказал он.

— О, Джефф, — произнесла она нежно. — О, Джефф. Это было так долго, и я сомневалась, нужно ли это. Теперь я знаю.

— Ты... знаешь?

— Да, дорогой! Я ждала тебя! Я бы прождала еще сто, тысячу лет! Я люблю тебя, Джефф!

Она очутилась в его объятиях.

— Теперь скажи мне, Джефф, — просила она. — Скажи мне!

Томс смотрел на нее, чувствовал, ощущал, рылся в классификации, подбирал эпитеты, проверял и перепроверял. И после долгих поисков и выборов с абсолютной уверенностью, приняв во внимание свое теперешнее настроение и не забыв учесть климатические условия и фазу луны, скорость и направление ветра, солнечные пятна и другие обстоятельства, влияющие на любовь, он сказал:

— Дорогая, я на редкость хорошо к тебе отношусь.

— Джефф! Ты, можешь сказать больше! Язык Любви...

— Этот язык чертовски точен. Мне очень жаль, но фраза «На редкость хорошо к тебе отношусь» в точности выражает мои чувства.

— О, Джефф!

Это была жалкая сцена и очень болезненное расставание. Томс отправился путешествовать.

Он нанимался на работу то здесь, то там, перебиваясь чем придется. Затем он встретил хорошенькую девушку, ухаживал за ней, а в надлежащий момент женился и занялся домашним хозяйством.

Друзья говорят, что Томсы достаточно счастливы, хоть в доме у них большинство людей чувствует себя не слишком уютно. Они живут в красивом месте, но многих раздражает река красного цвета. Да и кто может привыкнуть к деревьям цвета охры, и цветам, и трем сморщенным лунам, играющим в салки в необычном небе?

И все же Томсу там нравится, а миссис Томс — покладистая молодая леди.

Томс написал на Землю своему профессору философии, что по крайней мере для себя он решил проблему исчезновения населения Тианы II. Тианцы, видно, настолько углубились в теорию любви, что у них руки не доходили до практики.

А однажды он послал короткую открытку Джорджу Веррису. Он написал, что женился, что ему повезло, и он нашел себе девушку, к «которой питает нежное чувство».

— Везучий черт, — проворчал Веррис, прочтя открытку.

Корпорация «Бессмертные»

РОМАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Уже после Томас Блейн иногда раздумывал над тем, как ему пришлось умереть, и чувствовал, что это могло бы произойти более интересным образом. Почему не могла к нему прийти смерть в момент сражения с тайфуном, или в схватке с тигром, или при покорении отшлифованного всеми ветрами горного склона? Отчего смерть его была такой заурядной, обычной, ничем не примечательной?

Но именно такого рода смерть, как он понимал, и была суждена ему в соответствии с его натурой. Несомненно, он должен был окончить существование именно таким, быстрым, обычным, безболезненным и неопытным способом, каким он и погиб. К тому вела вся его жизнь: неясный намек в детские годы, явное обещание во время учебы в колледже и неумолимая определенность в возрасте тридцати двух лет.

И все же, даже будучи совершенно ординарной, смерть останется самым интересным событием в жизни. И Блейн думал о ней с неослабевающим напряжением. Он должен был знать все о тех минутах, о тех последних драгоценных секундах, когда его собственная смерть поджидала его, затаившись на ночном шоссе в Нью-Джерси. Не было ли какого-то предупреждающего знака, намека? Что он успел или не успел сделать? О чем он думал?

Это были решающие секунды. Каким же именно образом он погиб?

Он ехал по пустынному прямому шоссе, фары бросали далеко вперед снопы света, ночная тьма безостановочно отступала перед мчавшимся автомобилем. Спидометр показывал семьдесят

пять миль в час. Далеко впереди он заметил ответ фар, навстречу шла машина, первая за многие часы пути.

Блейн возвращался в Нью-Йорк после недельного отпуска, проведенного в домике на берегу залива Чезапик Бей. Он удил рыбу, плавал, дремал на солнце, растянувшись на грубо оструганных досках причала. Как-то он отправился на своем шлюпе в Оксфорд и весь вечер танцевал в яхт-клубе. Он познакомился с какой-то глупой бойкой девицей в голубом платье, и она сказала, что он выглядит совсем как покоритель Южных морей, такой же загорелый и высокий, и в рубашке-хаки. На следующий день он вернулся обратно в свой домик, лежал на досках причала и, дремая, мечтал, как он загрузит шлюп консервами и отправится на Таити. О, Раиатеа, и горы Муреа, и Свежий попутный ветер...

Но между ним и Таити простирался континент и океан, а также другие препятствия. Мысль была хороша для дремы на солнышке, но явно не для того, чтобы воплотить ее в жизнь. Теперь он возвращался в Нью-Йорк, к своей работе младшего конструктора яхт в известной старой фирме «Матисон и Петерс».

Фары встречной машины приближались. Блейн сбросил скорость до шестидесяти миль в час.

Хотя должность и носила громкое название, на самом деле все выглядело куда более прозаично. Старый Том Матисон сам справлялся с типовыми проектами крейсерских яхт. Его брат Ральф, по произвищу Маг, завоевал международную известность своими гоночными яхтами и необыкновенной скоростью исполнения заказов. Что оставалось для младшего конструктора?

Блейн чертил планы палубного оборудования и занимался деловой перепиской, рекламой и прочим. Это была ответственная работа, и нельзя сказать, что она не приносила удовлетворения. Но он хотел конструировать яхты.

Он понимал, что должен действовать самостоятельно. Но заказчиков было мало, а конструкторов яхт очень много. Как он говорил Лауре, это все равно что чертить арбалеты и катапульты. Работа интересная, творческая, но кто все это купит?

— Но ты мог бы все-таки найти сбыт для своих яхт? — сказала она с неприятной прямоотой. — Почему же ты не пытаешься?

Он улыбнулся немного по-детски, очаровательно улыбнулся: — Действовать — это не мой удел. Я специализируюсь на раздумье и легком сожалении.

— То есть, ты — лентяй?

— Вовсе нет. Это все равно что сказать, будто ястреб плохой скакун, а у лошади слабая способность летать. Нельзя сравнивать разные виды. Я просто не принадлежу к типу «деловых» людей. Я планирую, мечтаю, воображаю только ради мысли самой, а не ее воплощения в вещь.

— Я просто ненавижу такие разговоры, — сказала она со вздохом.

Конечно, он несколько преувеличивал. Но во многом был прав. У него имелась приятная работа, достаточно высокое жалование, солидное положение. У него была квартира в Гринвич Виллидж, стереопроектор, машина, маленький домик на берегу Чезапик Бей, отличный шлюп, и благосклонность Лауры и нескольких других девушек. Возможно, как заметила Лаура, используя избитое выражение, он попал в водоворот в течении жизни... Ну и что же? Мягко вращающийся водоворот позволяет еще лучше рассмотреть, что лежит вокруг.

Встречная машина была уже совсем близко. Блейн заметил, с некоторым изумлением, что он увеличил скорость до восьмидесяти миль.

Он отпустил акселератор. Его автомобиль резко дернулся, завилял, его начало заносить в сторону приближающихся фар.

Покрышка? Неисправность в управлении? Он изо всех сил повернул руль. Тот не поворачивался. Колеса автомобиля ударились о низенький разделительный бортик между северной и южной полосами, и машина подпрыгнула. Руль начал поворачиваться свободно, а мотор завыл, как потерянная душа.

Встречная машина попыталась свернуть, но было уже поздно. Сейчас они столкнутся почти лоб в лоб.

Да, подумал Блейн. Я один из них. Из тех глупых баранов, о которых пишут в газетах, что их автомобиль потерял управление, и в аварии при этом погибло много невинных людей. О, боже! Современные механизмы, современные шоссе и высокие скорости, а рефлексы все те же, человеческие...

Внезапно, совершенно необъяснимым образом, руль снова заработал, давая Блейну отсрочку в долю секунды. Блейн не тронул руля. Когда фары встречной машины ударили в ветровое стекло, сожаление в нем вдруг сменилось возбуждением. На мгновение он возблагодарил надвигающийся удар, он желал его, он хотел этой боли, хруста костей и смерти.

Потом машины встретились. Возбуждение исчезло столь же быстро, как и появилось. Блейн почувствовал глубочайшую тоску по всему, что он не успел сделать. По водам, где он не плавал, по фильмам, которые еще не успел посмотреть, по книгам, еще не прочитанным, по девушкам, им не тронутым. Его бросило вперед. Руль вырвало из рук. Колонка управления прошла сквозь грудную клетку Блейна и сокрушила позвоночник, голова его врезалась в толстое, не дающее осколков, стекло.

В этот момент он понял, что умирает. Мгновение спустя он был мертв — быстро и ordinarily, без боли.

Он проснулся в белой постели в белой комнате.

— Он уже живой, — сказал кто-то.

Блейн открыл глаза. Рядом стояли два человека в белом. Похоже, это были врачи. Один пожилой, бородатый, небольшого роста. Второй был далеко не красавец, с красным лицом, лет пятидесяти на вид.

— Как вас зовут? — спросил пожилой мужчина.

— Томас Блейн.

— Возраст?

— Тридцать два. Но...

— Семейное положение?

— Холост. Что...

— Видите? — сказал пожилой, поворачиваясь к краснолицему коллеге. — В полном сознании, совершенно.

— Никогда бы не поверил, — сказал краснолицый.

— Естественно. Травмирование при смерти преувеличивалось, слишком преувеличивалось, как это будет показано в моей будущей книге...

— Гммм. Но депрессия при перерождении...

— Чепуха, — уверенно заявил пожилой. — Блейн, вы хорошо себя чувствуете?

— Да. Но я хотел бы знать...

— Видите? — с триумфом сказал пожилой врач. — Снова жив и в здравом рассудке. Теперь вы подпишете отчет?

— Думаю, у меня не остается другого выбора, — сказал краснолицый. И оба врача ушли.

Блейн смотрел им вслед, не понимая, о чем это они говорили. К кровати подошла добродушная, полная сестра милосердия.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Отлично, — сказал Блейн. — Но я хотел бы знать...

— Простите, — сказала сестра, — пока что вам нельзя задавать вопросы. Так велел доктор. Вот, лучше выпейте, это вас подбодрит... Вот молодец! Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Она вышла. Слова ободрения напугали его. Что она имела в виду, когда говорила это: «Все будет в порядке?» Значит, что-то было не в порядке! Что, что же это было? Что, он здесь делает, что произошло?

Вернулся бородатый врач, с ним пришла молодая женщина.

— С ним все в порядке, доктор? — спросила она.

— В полном рассудке, — сказал пожилой врач. — Отличное соединение, я бы сказал.

— Тогда я могу начинать беседу?

— Конечно. Хотя я не могу отвечать за его поведение. Травма смерти, пусть даже ее значение и преувеличивалось, все еще способна...

— Да, спасибо.

Девушка подошла к Блейну и нагнулась над ним. Очень привлекательная девушка, отметил про себя Блейн. Черты лица тонко вырезанные, кожа свежая, словно слегка светящаяся. Ее блестящие каштановые волосы были туго стянуты назад, за миниатюрные уши, и от нее исходил едва уловимый аромат духов. Она могла бы быть даже красивой, если бы ее не портила неподвижность лица, и напряженная собранность всего стройного тела. Трудно было представить ее смеющейся или плачущей. Невозможно было представить ее в постели. Что-то фанатичное ощущалось в ней, что-то напоминающее беззаветного борца, но, как догадывался Блейн, посвящена эта борьба была ей самой.

— Здравствуйте, мистер Блейн, — сказала она. — Меня зовут Мэри Торн.

— Привет, — жизнерадостно сказал Блейн.

— Мистер Блейн, — сказала она, — как вы думаете, где вы находитесь?

— По-моему, это больница. Я думаю...

Он замолчал. Он только сейчас заметил в ее руке маленький микрофон.

— Да-да, так что же вы думаете?

Она сделала быстрое движение рукой. Какие-то люди ввели и установили вокруг кровати некие аппараты.

— Продолжайте. — Мэри Торн снова обратилась к Блейну. — Расскажите нам, что вы думаете?

— Ко всем чертям, — сказал Блейн мрачно, наблюдая, как возятся у аппарата вошедшие. — Что это такое? Что здесь происходит?

— Мы пытаемся помочь вам, — сказала Мэри Торн. — Разве это не в ваших интересах?

Блейн кивнул. Хотя бы улыбнулась, подумал он. Неужели с ним что-то случилось?

— Вы помните аварию? — спросила она.

— Какую аварию?

— В которую вы попали.

Блейн содрогнулся, когда внезапно к нему вернулась память... о бешеной пляске фар, воющем двигателе, ударе...

— Да. Сломался руль. Мне пробило грудь. Потом я ударился головой.

— Взгляните на вашу грудь, — тихо сказала она.

Блейн посмотрел. На груди, под пижамой, не было даже следов шрама.

— Невозможно! — вскрикнул он.

Его собственный голос звучал как-то нереально, словно издалека. Он сознавал присутствие людей рядом с кроватью, склонившихся над своими аппаратами, но они напоминали ему тени, плоские, лишённые материальности. Их тонкие голоса звучали как жужжание мухи между оконными рамами.

— Прекрасная первая реакция.

— Да, действительно превосходно.
 Мэри Торн сказала:
 — Вы невредимы.
 Блейн посмотрел на свое здоровое тело и вспомнил аварию.
 — Я не могу в это поверить! — крикнул он.
 — Отлично идет.
 — Прекрасная комбинация недоверия и веры.
 Мэри Торн сказала:
 — Тише, пожалуйста. Продолжайте, мистер Блейн.
 — Я помню, как меня сплющило, и как я... умер.
 — Что там, снял?
 — Да. Черт возьми, великолепно получается!
 — Совершенно спонтанная сцена.
 — Замечательно! Они будут в диком восторге!
 Она сказала:
 — Немного потише, пожалуйста. Мистер Блейн, вы помните, как умирали?
 — Да, да, я умер!
 — Лицо, его лицо!
 — Это нелепое выражение усиливает достоверность.
 — Будем надеяться, что и Рейли так решит.
 Она сказала:
 — Пожалуйста, мистер Блейн, посмотрите внимательно на себя. Вот зеркало. Посмотрите на свое лицо.
 Блейн взглянул и затрясся, как будто в лихорадке. Он тронул стекло зеркала, потом провел дрожащими пальцами по лицу.
 — Это не мое лицо! Куда делось мое лицо? Куда вы дели мое тело и мое лицо?
 Это был кошмар, и он никак не мог проснуться. Плоские люди-тени окружали его, голоса их жужжали как мухи в окне, они возились с бутафорскими аппаратами, они были полны смутной угрозы, в то же время странно равнодушны, почти не замечающие его. Мэри Торн еще ниже склонилась над ним, и с красных губ ее маленького рта на красивом пустом лице сорвались нежные слова кошмара.
 — Ваше прежнее тело погибло, мистер Блейн, погибло в автомобильной катастрофе. Вы помните, как оно умирало. Но нам удалось спасти наиболее ценную вашу часть. Мы спасли ваше сознание, мистер Блейн, и дали вам новое тело.
 Блейн открыл рот, чтобы закричать, и молча закрыл его.
 — Это невозможно, — тихо сказал он.
 И все гудели, гудели мухи-голоса.
 — Успокаивается.
 — Конечно, я так и предполагал.
 — Я ждал, что он немного дольше побуйствует.
 — Напрасно. Он начинает сомневаться, и это подчеркивает его дилемму.
 — Возможно, но только в чисто сценических понятиях. Но

взгляни на вещи реалистически. Бедняга только что обнаружил, что погиб в автомобильной аварии и возродился в новом теле. И что же он говорит? Он говорит: «Это невозможно». Проклятье, это не реакция!

— Нет, реакция! Ты проецируешь!

— Ну, пожалуйста же! — сказала Мэри Торн. — Продолжайте, мистер Блейн.

Блейн, глубоко увязший в кошмаре, едва ли обращал внимание на жужжащие голоса. Он спросил: — Я на самом деле умер?

Она кивнула.

— И я действительно снова родился на свет, в новом теле?

Она снова кивнула, ожидая продолжения.

Блейн посмотрел на нее и на людей-теней, занятых своими картонными аппаратами. Зачем они его мучают? Почему они не могли найти какого-нибудь другого мертвеца? Трупы не подлежат допросам. Смерть — вот древнейшая из человеческих привилегий, дарованная как рабу, так и царю. Смерть — это утешение человека, и его право. Но, видимо, это право отменили, и теперь даже после смерти вам не уйти от ответственности.

Они ждали, пока он заговорит.

Может быть, подумал Блейн, безумие еще сохранило свои наследственные привилегии? Он мог бы с легкостью переступить грань и проверить на опыте.

Но безумие даруется не каждому. Самоконтроль вернулся к Блейну. Он посмотрел на Мэри Торн.

— Трудно, — медленно начал он, — описать, что я испытываю. Я погиб, и в то же время я говорю об этом с вами сейчас. Наверное, ни один человек до конца не верит в свою смерть. Глубоко внутри от считает себя бессмертным. Смерть, кажется, ждет всех остальных, но только не его. Все равно как...

— Давай на этом закруглимся. Он принялся рассуждать.

— Я думаю, ты прав, — сказала Мэри Торн. — Большое спасибо, мистер Блейн.

Техники, теперь вполне материальные и живые, начали сворачивать аппаратуру. Ощущение неясной угрозы исчезло.

— Подождите... — сказал Блейн.

— Не волнуйтесь, — успокаивала она. — Остальные ваши реакции мы снимем позднее. Нам нужна была только спонтанная часть... пока.

— А неплохо вышло, а?

— Ммм! Мечта коллекционера!

— Подождите! — вскричал Блейн. — Я не понимаю! Где я? Что произошло? Как...

— Я все объясню завтра, — сказала Мэри Торн. — Мне очень жаль, но сейчас я должна спешить, чтобы отредактировать все это для мистера Рейли.

Техники и аппараты исчезли: Мэри Торн ободряюще улыбнулась Блейну и тоже поспешила вслед за ними.

Блейн чувствовал, что как это ни смешно, но он готов заплакать. Он быстро заморгал, когда вошла пожилая добродушная сестра.

— Вот, выпейте, — сказала она. — Это поможет вам заснуть. Вот так, до дна, как послушный мальчик. Теперь ложитесь поудобней, у вас был трудный день: тут и умерли, и снова народились, и все такое прочее.

Две крупные слезы скатились по щекам Блейна.

— Бог мой, — сказала сестра. — Вот что снимать нужно было. Это самые настоящие произвольные слезы, какие я только видела. Много чего мне приходилось повидать в этой палате, поверьте, и я могла бы этим умникам с камерами кое-что порассказать о настоящих чувствах, если бы захотела. Они думают, что знают все о секретах человеческого сердца.

— Где я? — слабо спросил Блейн. — Где это все?

— Скажем так, что вы в будущем, — ответила сестра.

— О-о, — сказал Блейн.

И тут он заснул.

3

Много часов спустя он проснулся, успокоенный и отдохнувший. Он увидел белую кровать и белую комнату, и все вспомнил.

Он погиб в автокатастрофе и снова возродился к жизни в будущем. Был тут еще доктор, который считал, будто травму смерти преувеличивают, и другие люди, записывающие его произвольные реакции и назвавшие его мечтой коллекционера, и красивенькая девушка с прискорбным отсутствием живости в чертах.

Блейн зевнул и потянулся. Погиб. Погиб в тридцать два года. Как жалко, подумал он, что его молодая жизнь была прервана в самом расцвете. Хороший был парень этот Блейн, подавал надежды...

Собственное легкомыслие раздражало Блейна. Нет, не так должен он реагировать. Он попытался вернуть ощущение шока, который, как ему казалось, он должен испытывать.

Вчера, строго сказал он себе, я был обыкновенным конструктором яхт и ехал домой из Мэриленда. Сегодня я — человек, возродившийся в будущем. В будущем! Возродившийся!

Бесполезно, слова не производили впечатления. Он уже успел свыкнуться с идеей. Человек привыкает ко всему, подумал он, даже к факту собственной смерти. Особенно к своей смерти. Наверное, вы могли бы рубить человеку голову три раза в день на протяжении двадцати лет, и то он привык бы к этому, и плакал бы как ребенок, если бы вы перестали...

Дальше он мысль развивать не стал.

Он вспомнил Лауру. Будет ли она плакать о нем? Может, она

напьется с горя? Или она просто почувствует себя подавленной, узнав новость, и примет пилюлю транквилизатора? А Джейн и Мириам? Наверное, не узнают. Несколько месяцев спустя они мимолетом удивятся оттого он больше не заходит.

Хватит. Все это в прошлом. Теперь же он в будущем.

Но все, что он успел увидеть в этом будущем, так это всего лишь белая кровать, белая палата, врачи и сестра, люди с записывающей аппаратурой и симпатичная девушка. Пока что особого контраста с его родной эпохой не замечалось.

Он вспомнил статьи в журналах и рассказы, которые читал. Сегодня, возможно, уже полностью освоена атомная энергия, и за свет не нужно платить. Возможно, уже имеются подводные фермы, всеобщий мир, международный контроль за рождаемостью, свободная любовь, полная десегрегация, вылечены все болезни, осуществлены межпланетные путешествия и создано плановое общество, в котором человек глубоко дышит воздухом свободы.

Вот как должно было бы быть, подумал Блейн. Но существовали менее приятные варианты. Возможно, Олигарх с железным лицом держит весь мир в стальном кулаке, а небольшое подпольное движение сражается за свободу. Или маленькие, студенистые инопланетяне, существа с неземными именами, могли поработить человечество. Возможно, новая ужасная болезнь неумолимо шагает с континента на континент или, может быть, вся цивилизация была сметена с лица Земли термоядерной войной, и теперь люди снова создают технологию, в то время как банды отщепенцев скитаются по радиоактивным территориям. Миллион других в равной степени жутких вещей тоже вполне могли случиться.

Однако, думал Блейн, человечество всегда выказывало историческую способность избегать крайностей — хаос предсказывался всегда, так же, как и утопия, но ни то, ни другое не наступало.

Соответственно, Блейн ожидал, что в этом будущем возможны многие значительные улучшения, по сравнению с прошлым, но он имел в виду, что возможны и обратные процессы: старые проблемы исчезли, но их место заняли какие-то новые.

— В общем, — сказал Блейн сам себе, — это будущее будет подобно всякому другому будущему, по сравнению с его прошлым. Получается неопределенно, но ведь я не предсказатель и не пророк.

Размышления его прервала Мэри Торн, неожиданно вошедшая в палату.

— Доброе утро, — сказала она. — Как вы себя чувствуете?

— Как совершенно новый человек, — сказал Блейн искренне.

— Отлично. Подпишитесь вот здесь, пожалуйста, — она протянула ручку и лист бумаги с машинописным текстом.

— Вы чертовски быстро работаете, — сказал Блейн. — Что это такое?

— Прочитайте, — сказала она. — Это документ освобождает нас от юридической ответственности за спасение вашей жизни.

— Вы спасли мне жизнь?

— Конечно. Как же еще вы могли сюда попасть?

— Действительно, я об этом не подумал, — признался Блейн.

— Мы спасли вас. Закон запрещает спасение жизни без предварительного письменного согласия потенциальной жертвы. Но у адвокатов корпорации «РЕКС» не было возможности заранее получить ваше согласие. Поэтому мы должны оправдать себя сейчас.

— Что это за корпорация?

— Неужели вас никто до сих пор не проинструктировал? — раздраженно спросила она. — Вы находитесь внутри штаб-квартиры «РЕКС». Сейчас наша компания также известна, как «Флаер-Фиесс» в ваше время.

— А что это такое?

— Не было? А Форд уже был?

— Ага, ясно, Форд. Значит, компания «РЕКС» также известна, как и Форд в мое время. Чем она занимается?

— Она производит энергетические установки «РЕКС» — объяснила она, — которые используются в космических кораблях, перевоплощающих машинах и потусторонниках, и тому подобном. Именно с помощью энергетической установки «РЕКС» вас вытащили из машины в последующую за смертью секунду и перенесли в будущее.

— Путешествие во времени, — сказал Блейн. — Но каким же образом?

— Это будет трудно объяснить, — сказала она. — У вас не хватит научной подготовки. Но я попытаюсь. Вы ведь знаете, что время и пространство — это одно и то же, в принципе, стороны, аспекты друг друга.

— Разве?

— Да. Также, как масса и энергия. В ваше время ученые знали, что масса и энергия взаимосвязаны. Они уже знали о делении и синтезе материи в недрах звезд. Но они не умели непосредственно воспроизводить этот процесс, что приводило к значительному перерасходу энергии, пока они не получили соответствующие знания и необходимые устройства, чтобы делить атомы и синтезировать их.

— Я это знаю, — сказал Блейн. — А как путешествуют во времени?

— Тут произошло примерно то же самое. Долгое время было известно, что пространство и время — аспекты одного явления. Мы знали, что время или пространство могут быть раздроблены до составляющих единиц и при наличии соответствующей энергии трансформированы в иное состояние. Мы могли вычислить искажение времени в окрестностях сверхновой звезды, и мы могли наблюдать исчезновение звезды Вульф-Райе, когда ее режим искривления времени ускорился. Но

многое еще предстояло выяснить. И нужен был источник энергии более мощный, чем для инициирования реакции синтеза новых ядер. Когда мы все это получили, мы приобрели возможность взаимозаменять единицы пространства на расстояния во времени и наоборот. Мы могли бы, например, путешествовать на расстояние ста лет вместо дистанции в сто парсеков.

— В общем, я начинаю что-то понимать, — сказал Блейн. — Не могли бы вы повторить еще раз, но только помедленнее?

— Потом, потом, — сказала она. — Подпишите вот здесь, пожалуйста.

Документ гласил, что Томас Блейн согласен не предъявлять юридических претензий компании «РЕКС» за спасение без предварительного согласия его жизни в 1958 году и последующий перенос его жизни в Хранилище в 2110 году.

Блейн расписался,

— А теперь, — сказал он, — я хотел бы знать...

Он замолчал. В палату вошел мальчик-подросток с большим свернутым плакатом.

— Простите, мисс Торн, — сказал он, — художественный отдел просит сообщить, устроит ли это вас?

Он развернул плакат. На нем был изображен автомобиль в момент столкновения. Гигантская стилизованная рука тянулась к нему с неба и выдергивала водителя из пылающей машины. Заголовок возвещал: ЭТО СДЕЛАЛ РЕКС!!!

— Неплохо, — сказала Мэри Торн, задумчиво нахмурившись. — Скажи, пусть усилят красные оттенки.

В палату входили новые люди. Блейна это раздражало.

— В чем дело? — спросил он.

— Потом, потом, — сказала Мэри Торн. — О, миссис Ванесс! Как вам нравится плакат?

В палату набилось уже человек двенадцать и входили новые. Они сгрудились вокруг Мэри Торн и плаката, совершенно игнорируя Блейна. Один мужчина, занятый важным разговором с седоволосой женщиной, даже присел на край его кровати. Терпение Блейна лопнуло.

— Прекратите! — крикнул он. — Вы что, все с ума сошли? Не можете вести себя по-человечески? Убирайтесь ко всем чертям и оставьте меня в покое!

— Боже, — сказала со вздохом Мэри Торн и смежила веки. — Этого следовало ожидать. Эд, объясни ему.

Осанистый, с влажным от испарины лбом мужчина подошел к Блейну.

— Мистер Блейн, — сказал он серьезным тоном, — разве не мы спасли вам жизнь?

— Думаю, что вы, — мрачно ответил Блейн.

— Мы могли бы этого и не делать, как вы понимаете. И это потребовало больших затрат времени, денег и труда. Но мы вас спасли. Взамен нам требуется гласность, реклама.

— Реклама?

— Да, ведь вы были спасены с помощью Энергетической системы «РЕКС».

Блейн кивнул, теперь он начал понимать, почему его перенос в будущее был так по-деловому встречен окружающими. На это были затрачены деньги, время и труд, его спасение было уже, несомненно, рассмотрено во всех мыслимых отношениях, и теперь они хотели извлечь из него пользу.

— Я понимаю, — сказал Блейн. — Вы спасли меня для того, чтобы использовать как стержень рекламной кампании.

— Ну почему именно так? — грустно сказал Эд. — Ваша жизнь была в опасности. Наша продукция нуждалась в рекламной кампании, а кампания нуждалась в искре, в первоначальном толчке. Мы удовлетворили нужды обеих сторон к взаимной выгоде — и вашей, и корпорации «РЕКС». Возможно, наши мотивы не отличаются чистым альтруизмом, но разве вы предпочли бы остаться мертвым?

Блейн покачал головой.

— Конечно, нет, — согласился Эд. — Ваша жизнь много для вас значит. Лучше жить сегодня, чем быть мертвым вчера, правильно? Тогда почему бы не оказать нам небольшую помощь чисто из благодарности?

— Я готов, — сказал Блейн. — Но я за вами не поспеваю.

— Понимаю, — сказал Эд, — и сочувствую вам. Но вы знаете законы рекламы — время это все, мистер Блейн. Сегодня, вы — сенсация, завтра нами уже никто не интересуется. Мы должны использовать факт вашего спасения именно сейчас, на горячем, так сказать. Иначе он станет для нас бесполезен.

— Я крайне признателен вам за спасение моей жизни, — сказал Блейн. — Даже если и не из чистого альтруизма. Я буду рад помочь вам.

— Благодарю, мистер Блейн, — сказал Эд. — И пожалуйста, потерпите пока с вопросами. Вы все узнаете по ходу действия. Мисс Торн, начинайте.

— Спасибо, Эд, — сказала Мэри Торн. — Внимание, все. Мы получили предварительное добро от мистера Рейли, поэтому продолжим действия по плану. Билли, ты готовишь выпуск для утренних газет. Что-нибудь вроде: «ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРОШЛОГО».

— Это уже было.

— Ну и что же? Сойдет еще раз?

— Думаю, что сойдет. Значит, человек из 1988 года, выхваченный...

— Простите, — сказал Блейн, — из 1958 года.

— Значит, выхваченный из горящего автомобиля — в 1958 — мгновение спустя после смерти и пересаженный в телоноситель. Небольшой абзац о телоносителе. Потом мы сообщаем, что

Энергетическая система «РЕКС» совершила этот перенос... на расстояние в сто пятьдесят два года. Мы расскажем, сколько эргов энергии мы сожгли, или что там мы сожгли? Я сверюсь с инженером относительно терминов. Сойдет?

— Не забудь отметить, что ни одна другая энергосистема на такое не способна, — сказал Джо. — И не забудьте о новой системе калибрации, которая сделала возможным перенос.

— Все это не поместят.

— На всякий случай, вдруг пойдет, — сказала Мэри Торн. — Теперь вы, миссис Ванесс. Нам нужен очерк — ощущения Блейна в момент, когда его вытащила из прошлого система «РЕКС». Больше эмоций. Первые впечатления о поразительном мире будущего. Примерно пять тысяч слов.

Седоволосая миссис Ванесс кивнула.

— Я не могу поговорить с ним сейчас?

— Нет времени, — сказала Мэри Торн. — Сочините сами. Ужас, испуг, он поражен, удивлен, озадачен. Все так переменялось за эти годы. Развитие науки. Он хочет побывать на Марсе. Новые моды ему не нравятся. Ему кажется, что люди в прошлом жили счастливее, меньше техники и больше досуга. Блейн согласится. Ведь вы согласитесь, Блейн?

Блейн молча кивнул.

— Отлично. Вчера мы записали его спонтанную реакцию. Майк, вы с ребятами сделайте пятнадцатиминутную катушку, пусть желающие смогут приобрести запись в любом сенсории. И пусть это на самом деле будет мечта коллекционера. Но в начале — краткое, солидное техническое описание, каким образом «РЕКС» совершил перенос.

— Вас понял, — сказал Майк.

— Хорошо. Мистер Брайс, вы отвечаете за несколько солидо-программ. Блейн будет рассказывать о впечатлениях, как он себя чувствует, сравнит наше время и родной век. Не забудьте упомянуть систему «РЕКС».

— Но я ничего еще не знаю о вашем времени! — запротестовал Блейн.

— Потом узнаете, — сказала ему Мэри Торн. — Так, ладно. Для начала, думаю, хватит. Все по местам. Я иду докладывать мистеру Рейли.

Когда все остальные начали покидать комнату, она повернулась к Блейну.

— Может, вам покажется, что с вами обошлись довольно гнусно, но дело есть дело, в любом веке. Завтра вы станете знаменитостью и, возможно, состоятельным человеком. В таком случае, вам нет причин жаловаться.

Она ушла. Блейн смотрел ей вслед. Стройная и самоуверенная. Интересно, подумал он, какое наказание в этом веке следует за пощечину женщине?

Сестра внесла на подносе завтрак. Пришел бородатый пожилой врач, осмотрел Блейна, нашел его в прекрасной форме. Нет и следа перерождающей депрессии, заявил он, и травма смерти явно была преувеличена. Блейн спокойно может покинуть кровать.

Вернулась сестра, она принесла одежду: голубую рубашку, свободные коричневые брюки и мягкие туфли луковичеобразной формы. Вполне скромный костюм, заверила она его.

Блейн с аппетитом позавтракал. Но прежде чем одеться, он осмотрел свое новое тело в большом зеркале в ванной. Раньше у него не было случая как следует его оценить.

Прежде тело Блейна отличалось стройностью и ростом выше среднего. У него были прямые черные волосы и добродушное, чуть мальчишеское лицо. К тридцати двум годам он уже привык к своему быстрому ловкому телу. С благосклонностью принимал он некоторые недостатки его сложения, периодические недомогания и даже перевел их в ранг добродетелей, уникальных особенностей личности, помещавшейся в нем. Ограничение возможностей его тела, куда больше, чем его возможности, выражало, как ему казалось, его сущность.

Он любил свое тело. И при знакомстве с новым испытал потрясение.

Ростом оно было ниже среднего, с мощными мышцами, выпуклой грудью, широкими плечами. Ноги были немного коротковаты для геркулесовского торса, отчего все тело казалось немного не сбалансированным. Ладони у него были большие и мозолистые. Блейн сжал кулак и с уважением посмотрел на него. Таким кулаком можно свалить быка, подумал он, если еще можно встретиться здесь с быком.

Лицо у него смелое, угловатое, с выдающейся челюстью, широкими скулами и римским носом. Волосы завивались светлыми локонами. Глаза были голубыми, со стальным оттенком. Это было в чем-то даже красивое, слегка грубое лицо.

— Не нравится мне, — с чувством сказал Блейн. — Это мне не нравится. И я ненавижу блондинов с вьющимися волосами.

Новое тело обладало значительной физической силой, но он всегда презирал чистую силу. Тело казалось неуклюжим, тяжелым на подъем. Такого рода люди всегда натываются на ступень, наступают на носки соседям, слишком сильно сжимают руки при пожатии, говорят слишком громко и обильно потеют. Одежда на них всегда сидит мешком. Придется заниматься постоянными упражнениями, и даже сесть на диету — прежний владелец явно любил поесть.

— Сила — это хорошо, — сказал себе Блейн, — если есть к чему ее применить. Иначе это просто крылья у страуса.

Если тело еще куда ни шло, то лицо совсем не нравилось Блейну. Блейн никогда не любил лица такого типа: с грубо вы-

резанными чертами, сильные, суровые. Такие лица хороши для армейских сержантов и первопроходцев в джунглях. Но не для человека, привыкшего наслаждаться культурным обществом. Им недоступна тонкость выражений. Все нюансы, игра линий и черт будет потеряна. Такое лицо способно лишь хмуриться или ухмыляться, на нем отражались лишь простые сильные эмоции.

Для пробы он попытался жизнерадостно улыбнуться, как в былые дни. В результате получилась ухмылка сатира.

— Жулики, — с горечью сказал Блейн.

Было ясно, что качества его настоящего тела и сознания не соответствуют друг другу. Сотрудничество между ними казалось невозможным. Конечно, его личность могла бы перестроить это тело, но, с другой стороны, это тело тоже могло кое-что потребовать от личности, в него помещенной.

— Посмотрим, — сказал Блейн своему впечатляющему телу, — посмотрим, кто хозяин.

На левом плече имелся длинный рваный шрам. Странно, подумал Блейн, где же оно могло получить такую страшную рану? Потом его беспокоил вопрос — куда девался старый владелец тела? Вдруг он притаился где-то в уголке мозга и ждет удобного момента, чтобы захватить власть над телом?

Гадать не имело смысла. Со временем, возможно, он найдет ответ на вопрос. Он в последний раз взглянул на себя в зеркало.

То, что он видел, ему не нравилось. И, как он опасался, никогда не понравится.

— Ну что ж, — сказал он наконец. — Придется брать, что дают. Живому — как хочется, а мертвому — как может.

В данный момент прибавить ему было нечего. Блейн отвернулся и начал одеваться.

Ближе к вечеру в палату вошла Мэри Торн.

— Все, — сказала она без предисловий.

— Все?

— Все конечно, завершено, позади! — Она бросила на Блейна полный горечи взгляд и принялась мерить шагами комнату. — Вся наша рекламная кампания закончилась.

Блейн уставился на нее. Новость была очень интересная, но еще интереснее было видеть следы эмоций на лице мисс Торн. До сих пор она так строго себя контролировала, была так чертовски деловита. И вдруг на щеках ее появился румянец, а маленькие губы были сжаты в горькой улыбке.

— Я два года убила на эту идею, — сказала она ему. — Компания истратила бог знает сколько миллионов, чтобы доставить вас сюда. Все было уже приведено в действие, и тут проклятый старикашка велит трубить отбой.

Она красивая, подумал Блейн, но собственная красота не приносит ей радости. Это только деловое качество, вроде представительности, или умения пить не пьянея, она им пользуется,

когда нужно. Слишком много рук тянулось к Мэри Торн, думал он, и она не приняла ни одной. И когда жадные руки продолжали тянуться, она узнала презрение, потом холодность, и, наконец, ненависть к себе самой.

Все это немного фантастично, решил он, но на этом мы остановимся, пока не обнаружится диагноз поточнее.

— Проклятый тупой старикашка, — бормотала Мэри Торн.

— Какой старикашка?

— Рейли, наш блестящий президент.

— Он решил не проводить кампанию?

— Да, он требует полностью ее заглушить. Боже, это уже слишком! Два года!

— Но почему? — спросил Блейн.

Мэри Торн устало покачала головой.

— Две причины, обе глупейшие. Во-первых, законы. Я сказала ему, что вы подписали документ, и все теперь в руках наших юристов, но он боится. Уже почти подошло время для пересадки, и он не хочет неприятностей с правительством.

Можете себе представить? Напуганный старикашка управляет компанией «РЕКС»? Во-вторых, он опять советовался со своим дедушкой-маразматиком, и дедушке идея не понравилась. И ей пришел конец. После двух лет подготовки!

— Простите, — сказал Блейн, — вы ведь сказали «ПЕРЕСАДКА»!

— Да. Рейли намерен попробовать. Лично я думаю, что на его месте умнее было бы умереть и на том поставить точку.

Такое утверждение могло быть вызвано только горечью, но горечи в голосе Мэри Торн не чувствовалось. Она словно отмечала повседневный факт.

— Вы думаете, что ему следует умереть, вместо того, чтобы попробовать пересадку?

— Именно так. Да, я забыла, вас не ознакомили... Если бы он принял решение немного раньше. Этот выживший из ума дедушка, со своими «но»...

— А почему Рейли не мог раньше спросить дедушку? — поинтересовался Блейн.

— Он спрашивал, но дедушка не отвечал.

— Понимаю. А сколько ему лет?

— Дедушке Рейли? Когда он умер, ему было восемьдесят один.

— Что?

— Да. Он умер примерно шестьдесят лет назад. Отец Рейли тоже умер, но он не вступает в беседы, а жаль, у него была деловая хватка. Что вы так на меня смотрите. Блейн? Ах, я опять забыла, вы ведь не знаете... Все очень просто.

Секунду она стояла в раздумье. Потом решительно кивнула, круто повернулась и пошла к двери.

— Куда вы? — спросил Блейн.

— Скажу Рейли все, что я о нем думаю! Он не мог так поступить! Он обещал!

Внезапно к ней вернулась прежняя сдержанность.

— Что касается вас, Бейли, то думаю, нужда в вас отпала. У вас есть жизнь и тело, чтобы жить. Думаю, вы можете уйти в любой момент.

— Спасибо, — сказал Блейн, когда она вышла из комнаты.

Одетый в те же коричневые штаны и голубую рубашку, Блейн покинул лазарет и пошел вдоль длинного коридора, пока не оказался у дверей. Возле дверей стоял охранник в форме.

— Простите, — обратился к нему Блейн, — эта дверь ведет наружу?

— Что?

— Эта дверь ведет наружу из здания корпорации «РЕКС»?

— Ну да, конечно. Наружу, на улицу.

— Благодарю.

Блейн колебался. Все-таки они могли дать обещанные инструкции. Он хотел расспросить охранника о новом Нью-Йорке и о новых местных обычаях и правилах, что стоит посмотреть, и чего стоит опасаться. Но охранник, судя по всему, никогда не слышал о ЧЕЛОВЕКЕ ИЗ ПРОШЛОГО и смотрел на Блейна выпученными глазами.

Идея нырнуть в жизнь Нью-Йорка 2110 года таким вот образом — без денег, знаний и друзей, без работы и жилья, и в новом непривычном теле — эта идея была Блейну не по душе. Лучше рискнуть испробовать собственные силы, чем просить помощи у твердокаменной мисс Торн, или кого-либо еще из персонала «РЕКС».

— Нужен ли пропуск, чтобы выйти наружу? — с надеждой спросил он охранника.

— Нет. С пропуском только входят.

Охранник подозрительно нахмурился.

— Послушайте, что это с вами?

— Ничего, — сказал Блейн. Он открыл дверь, все еще не веря, что позволят просто так уйти. Но почему бы и нет? Он находился в мире, где люди разговаривали с умершими дедушками, где существовали космические корабли и потусторонницы, где человека выдергивали из прошлого ради рекламной кампании, а потом легко сбрасывали со счетов.

Дверь затворилась. За спиной его возвышалась громадная серая масса «РЕКС БИЛДИНГ». Перед ним простирался Нью-Йорк.

На первый взгляд город напоминал Багдад в воображении сюрреалиста. Он увидел какие-то приземистые дворцы из белой и голубой плитки и стройные красные минареты, и неправильной формы здания с уступчатыми китайскими крышами, и купола в виде луковиц, увенчанные шпилями. Словно на город обрушилась эпидемия увлечения восточной архитектурой. Блейн едва мог поверить, что находится в Нью-Йорке. Бомбей, возможно, или Москва, или Лос-Анджелес, но только не Нью-Йорк. С облегчением заметил он, наконец, простые и четкие очертания знакомых глаз небоскребов. Они казались одинокими хранителями памяти о Нью-Йорке, каким его знал он.

По улицам двигались миниатюрные экипажи. Мотоциклы и мотороллеры размерами не больше прежнего «порше», грузовики размером с «бьюик» и не больше. Наверное, подумал он, таким образом город борется с перенаселенностью и загрязнением воздуха. Если так, то вряд ли этот способ помог.

Основное движение происходило в небе. Винтовые и реактивные аппараты, аэробусы, одноместные скоростные авиетки, такси-геликоптеры и летающие автобусы с надписями «Воздухотранспорт, 11 уровень» или «Эксперсс-Монтаук». Блестящие точки обозначали вертикальные и горизонтальные коридоры, по которым происходило движение, совершались повороты, подъемы, спуски и остановки. Вспышки красного, зеленого, желтого и голубого света, казалось, регулировали движение. Здесь наверняка были свои правила, но неопытному глазу Блейна все представлялось сплошной путаницей.

В пятидесяти футах над его головой находился еще один пешеходный уровень с магазинами. Как туда добираются люди? И вообще, как человеку удается сохранить ясность ума в недрах этой шумной, переполненной, пестрой машины? Плотность толп изумляла. Ему казалось, что он утонул в море человеческих тел. Сколько же народу живет в этом суперсити? Пятнадцать миллионов? Двадцать? По сравнению с этим городом Нью-Йорк 1958 года казался сущей деревней.

Ему нужно было остановиться, чтобы привести в порядок свои впечатления. Но тротуар был заполнен прохожими до предела, и его начали толкать, ругаясь при этом, стоило ему лишь замедлить шаг. Нигде не было видно ни парков, ни скамеек.

Он заметил людей, стоявших в какой-то очереди, и тоже стал за последним человеком. Не спеша, очередь продвигалась вперед. Блейн передвигался вместе с ней, в голове его глухо стучало, он пытался отдышаться.

Через несколько секунд он уже полностью овладел собой и с несколько большим уважением подумал о своем новом сильном теле. Наверное, человеку из прошлого требуется именно такая солидная оболочка, если он хочет сохранять хладнокровие,

сталкиваясь с миром будущего. Флегматичная нервная система имеет свои преимущества. Очередь в молчании продвигалась вперед. Блейн обратил внимание, что стоявшие в ней мужчины и женщины были все бедно одеты, неопрятны, у всех вид был угрюмо-отчаянный.

Может быть, это очередь за бесплатной едой?

Он тронул плечо стоявшего впереди мужчины.

— Извините, — сказал он, — за чем эта очередь?

Человек повернул голову и уставился на Блейна воспаленными красными глазами.

— За местами в кабинах для самоубийц, — сказал он, указывая подбородком в головную часть очереди.

Блейн поблагодарил мужчину и быстро покинул очередь. Что за злое начало для его первого самостоятельного дня в мире будущего! Кабина для самоубийц! Нет, по своей воле он ни в одну не войдет, в этом он был уверен. До этого просто не может идти.

Но что это за мир, где существуют такие кабины? Бесплатные, к тому же... судя по характеру клиентов... Ему следует быть осторожней с бесплатными дарами этого мира.

Блейн продолжал двигаться по тротуару, разглядывая здания, постепенно привыкая к пестрому, лихорадочно возбужденному, грохочущему, переполненному городу. Он подошел к огромному зданию, похожему на готический замок. С верхнего ряда зубцов свешивались вымпелы, на самой высокой башне горел зеленый сигнал, видимый совершенно ясно в свете клонящегося к вечеру дня.

Здание казалось важным сооружением. Блейн некоторое время рассматривал его, потом заметил прислонившегося к стене мужчину, зажигавшего тонкую сигару. Казалось, он был единственным человеком в Нью-Йорке, который никуда не мчался. Блейн подошел к нему.

— Простите, сэр, — сказал он. — Вы не знаете, что это за здание?

— Это, — сказал мужчина, — здание штаб-квартиры корпорации «МИР ИНОЙ».

Он был высокого роста, с вытянутым, мрачным и обветренным лицом. Глаза прищуренные, взгляд прямой. Одежда сидела на нем мешковато, указывая, что владелец ее больше привык к грубым джинсам, чем к модным брюкам. Он похож, подумал Блейн, на уроженца западных штатов.

— Впечатляет, — сказал Блейн, рассматривая готический замок.

— Безвкусица, — сказал мужчина. — А вы, понимаю, нездешний?

Блейн кивнул.

— Я тоже. Но скажу вам честно, я был уверен, что на Земле и на всех планетах всякий знает, что это за здание. Откуда вы приехали, если не секрет?

— Совсем не секрет, — сказал Блейн. Стоит ли, подумал он, объявить себя человеком из прошлого? Нет, вряд ли будет разумно выдавать себя всякому первому встречному. Он может крикнуть полицию. Лучше сказать, что он откуда-то издалека.

— Видите ли, — сказал Блейн. — Я из... Бразилии.

— Бразилии?

— Да. Верхний бассейн Амазонки. Мои родители переехали туда когда я был еще ребенком. Каучуковые плантации. Папа недавно умер, и я решил, что нужно посмотреть Нью-Йорк.

— Я слышал, что в тех местах жизнь все еще довольно суровая.

Блейн кивнул, радуясь, что ему не стали задавать дополнительных вопросов. Видимо, его история не была столь уж редкой для этого времени. Во всяком случае, он нашел себе «дом».

— Сам я, — сказал мужчина, — сам я из Мэксикен Хэт, в Аризоне. Зовут меня Орк, Карл Орк. Блейн, говорите? Рад познакомиться с вами, Блейн. Знаете ли, я тоже приехал взглянуть на этот Нью-Йорк, поглядеть, чем это они всегда так хвастают. Тут, конечно, довольно интересно, только народ слишком шумный и суетливый. Не подумайте, что у нас там все сплошь уральни и деревенщина, совсем наоборот. Но здесь человек носится по улицам, как кошка с привязанной к хвосту банкой.

— Я очень хорошо вас понимаю, — сказал Блейн.

Несколько минут они обсуждали нервные, безумные, вредные для здоровья привычки и манеры жителей Нью-Йорка, сравнивая их при этом со спокойной, здоровой сельской жизнью в Мексикен Хет и Верхнем бассейне Амазонки.

— Послушай, Блейн, — сказал Орк. — Хорошо, что я тебя встретил. Как ты насчет того, чтобы промочить горло?

— Отлично, — сказал Блейн.

С помощью такого человека, как Орк, он мог бы найти выход из своего нынешнего затруднительного положения. Возможно удастся найти работу в Мэксикен Хэт. Чтобы оправдать слабое знание современности, он может сослаться на дикую Бразилию и частичную амнезию.

Потом он вспомнил, что у него нет денег.

Он начал сочинять вслух историю о якобы забытом в гостинице бумажнике. Но Орк прервал его на полуслове.

— Слушай, Блейн, — сказал он, концентрируя на Блейне взгляд прищуренных голубых глаз. — Я тебе вот что скажу. С такой историей здесь никого не проведешь. Но я так думаю, что кое-что понимаю в характере людей. Не скажу, что слишком часто ошибался. И хотя я не очень богатый человек, но почему бы нам не выпить за мой счет?

— Ну, что вы? — сказал Блейн, — я не могу...

— Ни слова больше, — решительно сказал Орк. — Завтра платишь ты, если будешь настаивать. Но сейчас отправимся на исследование внутренней ночной жизни этого шумливого городишки.

Блейн решил, что таким образом сможет узнать о будущем не меньше, чем любым другим способом. То, как люди развлекаются, может сказать очень многое об их жизни. Игры и места для потребления крепких напитков — человек здесь выражает сущность своего отношения к окружению и своего отношения к вопросам жизни, смерти, предназначения и свободы выбора. Можно ли отыскать лучший символ Древнего Рима, чем цирк? Весь американский запад кристаллизуется в играх родео. В Испании процветала коррида, в Норвегии — прыжки с трамплина. Какой же вид спорта, какой способ развлечения и приятного времяпрепровождения подобным образом определит дух Нью-Йорка 2110 года? Скоро он это узнает. И конечно же, воспринять все это на собственном опыте — это куда лучше, чем рыться в пыльных томах библиотеки, и в бесконечное число раз более занимательно.

— Наверное, заглянем в Марсианский квартал? — предложил Орк.

— Следую за вами, — сказал Блейн, радуясь, что ему удалось соединить удовольствие и жесткую необходимость.

Орк повел его через лабиринт улиц, уровней, сквозь подземные переходы и надземные виадуки. Они шли пешком, сели в лифт, потом в подземку, потом в коптер-такси. Сложность переплетающихся улиц и уровней не производила впечатления на жилистого фермера. — В Фениксе все то же самое, — сказал он, — хотя и в значительно меньшем масштабе.

Они зашли в ресторанчик под вывеской «Красный Марс» и рекламой подлинной южно-марсианской кухни. Блейн вынужден был признать, что никогда еще не пробовал марсианской пищи. Орку уже приходилось отведать ее несколько раз в Фениксе.

— На вкус она приятная, — сказал Орк, — но только сыт от нее не будешь. Мы потом поужинаем как следует.

Меню было напечатано полностью по-марсиански, и перевод на английский отсутствовал. Блейн решил рискнуть и заказал комбинацию «номер один», что сделал и Орк. Им подали странного вида смесь из неокрашенных овощей и кусочков мяса. Блейн попробовал и едва не выронил от удивления вилку.

— Да ведь это же китайская еда!

— Естественно, — сказал Орк. — Китайцы первыми высадились на Марсе, кажется, в девяносто седьмом году. И все, что они там на Марсе едят, это будет марсианская еда. Правильно?

— Думаю, что правильно, — сказал Блейн.

— Кроме того, все приготовлено из настоящих, выращен-

ных на Марсе овощей и мутировавших трав и специй. Так в рекламе говорится, во всяком случае.

Блейн не знал, испытывает ли он разочарование или облегчение. С аппетитом съел он «Кио-Архер», вкусом сильно напоминавший салат из креветок, и Тррдксат, он же рулет с яйцами.

— Отчего у них такие непонятные названия? — спросил Блейн, заказывая на десерт один Тггшрт.

— Парень, ты совсем отстал от жизни! — захохотал Орк. — Эти марсианские китайцы, они пошли до конца. Они расшифровали марсианские наскальные надписи и прочее и начали говорить по-марсиански, но с сильным кантонским акцентом, как я подозреваю. Но указать на ошибку им никто уже не мог. Они говорят теперь по-марсиански, и одеваются по-марсиански, думают, как марсиане. Если ты назовешь теперь одного из них китайцем, он даст тебе в глаз. Потому что он теперь марсианин, понял, парень!

Принесли Тггшрт, оказалось, что это миндальное печенье.

Орк расплатился. Они вышли на улицу и Блейн спросил:

— Здесь наверное много марсианских прачечных?

— Еще сколько! По всей стране их полным-полно.

— Я так и думал, — сказал Блейн и молча отдал должное марсианским китайцам и их твердости в сохранении традиции.

Они поймали коптер-такси, доставивший их в «Зелен-клуб». Приятели Орка из Феникса настойчиво советовали ему не упустить возможности побывать в этом заведении. Это небольшой, но дорогой и всемирно известный клуб был в числе мест, обязательных для посещений каждым уважающим себя туристом в Нью-Йорке. Потому что в «Зелен-клубе» и только в нем можно было увидеть растительное развлекательное шоу.

Им достались места на маленьком балконе, довольно близко от центра зала, который ограждала стеклянная стена. Три уровня столиков опоясывали середину зала, залитую лучами слепящих прожекторов. За стеклянной стеной находилось нечто вроде миниатюрных джунглей, — несколько квадратных ярдов буйной растительности, выращенной на питательных растворах. Искусственный бриз шевелил листья плотно посаженных растений, самых разнообразных размеров, форм и оттенков.

Но таких растений Блейн в жизни не видел, вернее, не видел, чтобы растения вели себя подобным образом. Они росли с фантастической быстротой, возникая из крохотных семян и корешков, превращаясь в буйные кусты и могучие стволы, в приземистые папоротники, чудовищных размеров цветы, влажные зеленые наросты грибка и шипастые лианы, они росли, росли и стремительно завершали свой жизненный цикл, и усыхали, давая жизнь новым растениям. Но ни один вид, казалось, не был в состоянии воспроизвести самое себя. То и дело возникали му-

тации. Изменившиеся, приспособляющиеся к жестокой окружающей среде мутанты возникали из родительских семян и перезревших плодов. Они вели битву за пространство для корней внизу, за свободное пространство вверх, пробиваясь к лучам искусственного солнца. Неудачники быстро перестраивали себя на паразитическое существование, душили деревья, к которым им удавалось приклеиться, и обнаруживали, что новое поколение паразитов липнет к ним самим. Иногда, во взрыве творческого честолюбия, какому-то растению удавалось добиться своего, победить всех конкурентов, преодолеть все препятствия, покорить все и вся. Но новые виды уже прорастали на его теле, тянули вниз и дрались за право взрасти на поверженном трупе. Время от времени на джунгли нападала эпидемия, вызванная какой-нибудь плесенью, тоже растением по своей сути, и вся зелень исчезала в крещендо борьбы за существование. Но потом одно-два отважных растений снова пускали корни в пленку плесени, и борьба начиналась снова.

Растения изменяли себя, становились то больше, то меньше, превосходили самих себя в этой борьбе. Но каким бы ни было их желание победить, как бы ни были они изворотливы — им ничто не могло помочь. Ни один вид не мог одержать окончательную победу и все попытки вели к гибели.

Блейна это зрелище обеспокоило. Неужели эта фаталистическая аллегория жизни могла служить характерной особенностью 2110 года? Он повернулся к Орку.

— Подумать только, — сказал Орк, что эти нью-йоркские лаборатории способны сотворить с быстрорастущими мутантами. Все это просто ярмарочный балаган, конечно. Они повышают скорость роста, усиливают ситуацию на выживание, плюс немного радиации, и победить должно самое сильное растение. Я слышал, что эти растения расходуют потенциал роста за каких-то двадцать часов, и после этого нужно менять команду.

— Значит, вот чем все кончается, — сказал Блейн, глядя на корчащиеся в муках, но не теряющие оптимизма джунгли. — Их заменяют.

— Конечно, — сказал вежливо Орк, уходя от возможности философских осложнений. — С такими ценами, они могут себе позволить. Но это всего лишь балаган. Давай, я лучше расскажу о пескорастениях, которые мы выращиваем в Аризоне.

Блейн потягивал виски, наблюдал, как растут, умирают, возобновляют себя джунгли.

— В самом пылающем сердце пустыни, — говорил Орк. — В самом, точно. Нам удалось, наконец, адаптировать фруктовые деревья и овощи к условиям пустыни без повышения нормы снабжения водой и при таких затратах, что теперь можем конкурировать с плодородными зонами. Могу сказать тебе, парень, что через пятьдесят лет само понятие плодородности сильно изменится. Вот на Марсе, например...

Они покинули «Зелен-клуб» и отправились в направлении Таймс-сквера, исследуя на пути бары. Орк уже выказывал некоторую неясность зрения, но голос его не дрожал, когда он рассказывал об утраченном марсианском секрете выращивания на голом песке. Когда-нибудь, заверял он Блейна, мы узнаем, как удавалось марсианам выращивать пескорастения без добавок удобрений и влагофиксаторов.

Блейн успел столько выпить, что прежнее тело уже дважды оказалось бы в бессознательном состоянии, но мощное новое тело, казалось, обладает неисчерпаемой емкостью в отношении виски. Это была приятная перемена — хорошо, если твое тело умеет пить. Конечно, поспешил добавить про себя Блейн, это не оправдывает многочисленных неудобств нового тела.

Они пересекли пеструю, суматошную Таймс-сквер и вошли в бар на 44-й стрит. Когда им подали заказанные напитки, какой-то человечек маленького роста, с хитроватым взглядом, в плаще, подошел к ним.

— Привет, парни, — сказал он с опаской в голосе.

— Чего тебе? — спросил Орк.

— Парни не желают ли немного поразвлечься?

— Может быть, и желают, — сказал Орк добродушно. — Но они сами могут о себе позаботиться, большое спасибо.

Маленький человечек нервно улыбнулся.

— Вы не найдете того, что я вам предлагаю.

— Выкладывай, дружок, — сказал Орк. — Что именно ты предлагаешь?

— Понимаете, парни, это... Стоп! Лягавые!

Два полисмена в голубой форме вошли в бар, посмотрели по сторонам и вышли.

— Все в порядке, — сказал Блейн. — Так что там у тебя?

— Зовите меня Джо, — сказал маленький человечек с заискивающей улыбкой. — Я ведущий в Трансплант-игре, друзья. Самая лучшая игра и наивысшее удовольствие, какое только вы можете найти в этом городе!

— Какой такой чертов Трансплант? — спросил Блейн.

Орк и Джо уставились на него. Джо сказал:

— Эге-ге, друг, скажу тебе без обиды, ты, видно, прямо с фермы, да еще в какой-нибудь дыре. Ты никогда не слышал о Транспланте? Нет, чтобы мне провалиться на этом месте!

— Ладно, допустим я оттуда, — сказал Блейн, приближая свирепое, грубо очерченное квадратное лицо к лицу Джо.

— Что такой Трансплант?

— Не кричите так! — прошептал Джо, отшатнувшись. — Успокойтесь, я все объясню. Трансплант — это новая игра с приключениями, понял, друг? Ты устал от жизни? Все уже испытал на своей шкуре? Погоди с выводами, пока не попробуешь Трансплант. Понимаешь, парень, люди знающие говорят, что просто так заниматься сексом уже не модно. Нет, пойми меня

правильно, все это еще сойдет для цветочков, пчелок и прочих грубиянов. Это все еще приводит их простые звериные сердца в трепет, и кто скажет, что это не их право? В смысле продолжения рода старая приманка мамы-природы еще работает. Но за настоящим удовольствием утонченные люди идут в Трансплант.

Трансплант — демократическая игра, парень. Она дает тебе возможность совершить наибольшее число переключений в кого-то еще и почувствовать, что этот другой чувствует на девяносто девять процентов. Это поучительно, так сказать, и ничего подобного обыкновенный секс дать не может. Ты хотел бы побывать в шкуре хитрого латино? Обратись в Трансплант, парень. Тебе интересно узнать, что чувствует настоящий садист? Настраивайся на волну вместе с Трансплантом. И не только это, не только. Например, всю ли жизнь проводить в теле мужчины? Ты уже доказал свое, к чему лишние усилия? Почему бы не побывать некоторое время женщиной? С помощью Транспланта мы сможешь войти в самую гущу потрясающе сочной жизни одной из наших специально отобранных девочек.

— Вояризм, извращение, — сказал Блейн.

— Знаю, знаю я эти ученые слова, — сказал Джо, — все это неправда. Тут никакого подглядывания. Пользуясь Трансплантом, ты действительно там, в самом этом теле, двигаешь восхитительными мускулами, испытываешь все ощущения. Тебе никогда не хотелось побыть тигром, а, фермер, и погоняться за тигриной леди в сезон спаривания? У нас имеется тигр, парень, и тигриная леди тоже. Ты никогда не задавал себе вопрос, какое удовольствие находят люди во флягиляции, фетишизме, некрофилии и так далее? Обратись за помощью к Транспланту. Наш каталог тел читается как энциклопедия. С Трансплантом вы не прогадаете, друзья, и цены у нас исключительно...

— Убирайся, — сказал Блейн.

— Как ты сказал, друг?

Громадная ручища Блейна ухватила Джо за лацканы плаща. Он поднял маленького толкача в воздух на уровень глаз и мрачно взглянул на него.

— Забирай свои извращения и выметайся отсюда, — сказал ему Блейн. — Типы вроде тебя торговали всяким старьем со времен Вавилона, а парни вроде меня ничего никогда не покупали. Убирайся отсюда, пока я не свернул тебе шею... для того, чтобы испытать садизм.

Он отпустил торговца. Джо поправил плащ и улыбнулся.

— Не нужно обижаться, друг, я ухожу. Сегодня ты не в настроении, ничего. Трансплант всегда к твоим услугам, фермер. К чему махать руками?

Блейн было двинулся к нему, но его удержал Орк. Маленький толкач вылетел в дверь.

— Не связывайся, — сказал Орк. — Еще наживешь неприятности с полицией. Этот мир — сточная канава, друг. Выпей.

Блейн опрокинул свой стакан с виски, внутренне он весь еще кипел. Трансплант! Если это было характерным развлечением для 2110 года, то он в нем участвовать не будет. Орк был прав, это не мир, а сточная канава. Даже у виски появился странный привкус.

Он схватился за стойку бара, пытаясь сохранить равновесие. У виски был очень странный привкус. Что с ним происходит? Кажется, у него начала кружиться голова.

Рука Орка легла ему на плечи.

— Ничего, ничего, мой друг немного перебрал. Я, наверное, отведу его в отель, — говорил он.

Но Орк ведь не знал, где его отель. Да и вообще он ни в каком отеле не останавливался. Орк, этот чертов говорливый, черноглазый Орк что-то подсыпал ему в стакан, пока он разговаривал с Джо.

Чтобы обчистить его? Но он же знал, что у Блейна нет денег. Зачем же тогда?

Он попытался стряхнуть руку Орка с плеча. Но тот держал Блейна словно клещами.

— Не волнуйся, — приговаривал Орк. — Я позабочусь о тебе, кореш.

Комната бара лениво вращалась вокруг Блейна. Он вдруг осознал, что скоро многое узнает о мире 2110 года методом непосредственного восприятия. Слишком много, как подозревал он. Возможно, лучше было бы сходить в тихую библиотеку.

Комната бара завращалась быстрее. Блейн потерял сознание.

6

Он пришел в себя в маленькой, плохо освещенной комнатухе без мебели, без окон и дверей, лишь с одним вентиляционным отверстием в потолке. Пол и стены были обиты мягким материалом, но обивку уже давно не мыли. От нее воняло.

Блейн сел и словно две раскаленные иглы прошли ему глаза. Он снова упал на пол.

— Расслабься, — сказал чей-то голос. — После этих капелек нужно немного обождать.

Он был не один в комнате с обивкой. В углу сидел мужчина и смотрел на него. На какое-то мгновение ему показалось, что голова его сейчас взорвется. Потом, когда иглы впились еще глубже, он испугался, что голова все-таки не выдержит.

— Ну что это? — спросил он.

— Конечная остановка, — весело сказал мужчина. — Тебя упаковали так же, как и меня. Упаковали, значит, и доставили в лучшем виде. Теперь им осталось только уложить тебя в коробочку и повесить этикетку.

Блейн не понимал, что говорит мужчина. Он был в неподходящем настроении, чтобы пытаться расшифровать слэнг 2110 года. Обхватив ладонями голову, он сказал:

— У меня не было денег. Зачем они это сделали?

— Брось ты, — сказал мужчина. — Зачем они сделали? Им нужно твоё тело, понял?

— Мое тело?

— Оно самое. Для носителя.

Тело-носитель, подумал Блейн, такое же, в котором он сам сейчас находится. Ну, конечно, естественно. Это очевидно, если только призадуматься. В этом веке требуется запас тел-носителей для разнообразных целей. Но каким образом раздобыть тело-носитель? На деревьях они не растут, и из земли их не выкопашешь. Большинство людей не пойдет по доброй воле на продажу собственных тел, жизнь так бессмысленна при их отсутствии. Каким же образом пополнять запас?

Очень просто. Находишь ротозея, подсыпаешь ему наркотик в стакан, прячешь его в укромном месте, отделяешь сознание и получаешь его тело.

Получалась интересная логическая цепочка, но Блейн был не в состоянии продолжать ее. Его голова, судя по всему, решила наконец взорваться.

Немного позже похмелье поутихло. Блейн сел и обнаружил перед собой бумажную тарелку с бутербродом и чашку какого-то темного напитка.

— Ешь, не опасайся, — сказал ему мужчина. — Они о нас хорошо заботятся. Я слышал, что на черном рынке сейчас за тело дают четыре тысячи долларов.

— На черном рынке?

— Парень, да что с тобой? Ты что, не знаешь, что имеется черный рынок тел, точно такой же, как и открытый?

Блейн отпил из чашки темной жидкости, оказалось, что это кофе. Мужчина представился, звали его Рей Мелхилл, по профессии — механик-контролер с космолета «Бремен». Он был примерно одного возраста с Блейном, ладный, рыжеволосый, с курносым лицом и немного выступающими передними зубами. Даже в настоящем своем положении он не терял своего рода веселой уверенности человека, который знает — всегда что-то подвернется. У него была очень белая, покрытая веснушками, кожа, не считая красного пятна на шее — результат старого лучевого ожога.

— Глупая голова, — сказал Мелхилл, — но мы три месяца сидели на астероидной транзитной линии, и я захотел повеселиться. И все было бы отлично, если бы я держался с парнями, но мы как-то разделились. Вот и оказался в какой-то собачьей

конуре с подозрительной девчонкой. Она добавила мне капель в стакан, и я очутился здесь.

Мелхилл откинулся назад, сцепив руки на затылке.

— И это случилось именно со мной! Кто как не я всегда говорил парням — держите ухо востро! Держитесь в куче, говорил я им! Ты знаешь, то, что я помру, не так уж меня расстраивает. Жалко, что эти паразиты загонят мое тело какому-то старому жирному маразматику, чтобы он еще поползал по земле лет пятьдесят. Вот что меня добивает, так это мысль об этом жирном старикашке в моем теле. О боже!

Блейн мрачно кивнул.

— Такова моя печальная повесть, — сказал Мелхилл, снова приободрившись. — А что с тобой произошло?

— Моя повесть довольно длинная, — сказал Блейн, — и местами неправдоподобная. Рассказать?

— Конечно. Времени хватит, я надеюсь.

— Отлично. Начинается она в 1958 году. Подожди, не перебивай. Я вел машину...

Закончив рассказ, Блейн откинулся на обивку стены и глухо вздохнул.

— Ты мне веришь? — спросил он.

— Почему бы и нет? О путешествии во времени уже давно говорят. Только они запрещены законом и очень много стоят. А ребята из «РЕКС» ничем не погнушаются.

— И девицы тоже, — сказал Блейн, а Мелхилл усмехнулся.

Оба помолчали минутку, как старые приятели. Блейн спросил:

— Значит, они используют нас как теленосителей?

— Когда пожалует клиент. Я тут уже неделю примерно. Любого из нас могут взять в любую секунду. А может, мы просидим еще неделю или две.

— И они просто сотрут нам сознание?

Мелхилл кивнул.

— Но ведь это убийство!

— Конечно, убийство, — согласился Мелхилл. — Но пока мы еще живы. Может быть, «голубые рубашки» нагрянут с облавой.

— Сомневаюсь.

— Я тоже. У тебя есть потусторонняя страховка? Может быть, хоть ты уцелеешь после смерти.

— Я атеист, — сказал Блейн. — Я в эти штуки не верю.

— Я тоже атеист, но только жизнь после смерти — это реальный факт.

— Брось, — кисло сказал Блейн.

— Говорю тебе! Научный факт!

Блейн уставился на молодого космонавта.

— Рей, — сказал он, — как насчет того, чтобы проинструктировать меня. Расскажи обо всем, что случилось после 1958-го.

— Это трудный вопрос, — сказал Мелхилл, — и я парень не слишком начитанный.

— Дай мне хотя бы представление. Что это за жизнь после смерти? Перевоплощение и телоношение? Что тут у вас происходит?

Мелхилл прислонился к спине и глубоко вздохнул:

— Ладно, попробуем. 1958. Примерно в 1960 уже послали корабль на Луну, и высадились на Марсе лет на десять позднее. Потом была скоротечная война с русскими за пояс астероидов — только там, в космосе. Или это мы с китайцами воевали?

— Не важно, — сказал Блейн. — Ты про перевоплощение и потусторонний мир расскажи.

— Я попробую тебе рассказать, как нам все рассказывали в училище. Я проходил курс «Обзор психического выживания», но это было уже давно. Ну-ка, вспомним. — Мелхилл нахмурился, сосредоточиваясь. — Цитирую: «С самых древних времен человек ощущал присутствие особого мира духов, невидимого глазу, и он подозревал, что сам присоединяется к этому миру после смерти тела». Но о раннем периоде ты все, наверное, сам знаешь. Древний Египет, китайцы, алхимики и так далее. Я сразу перейду к Райну. Он жил в твоё время. Он исследовал психические феномены. Ты слышал о нём?

— Конечно, — сказал Блейн. — А что он открыл?

— Ничего, собственно, не открыл, но он заварил кашу. После него работой занялся Кралск, в Вильне, и ему удалось немного продвинуться вперед. Это было в 1987 году, когда «Пираты» впервые заняли мировое первенство. Примерно в 2000 году появился Вон Ледднер. Он обрисовал в общих чертах теорию послези́зни, но доказательств у него не было. И вот тут мы приходим к профессору Майклу Ваннингу.

Никто иной как профессор Ваннинг поставил это дело на прочную основу. Он доказал, что люди не умирают после смерти. Он вступил с ними в контакт, разговаривал с ними, записывал их голоса, и так далее. Представил стопроцентное научное доказательство жизни после смерти. Тут, конечно, начались споры, дебаты, вступила церковь. Многие не соглашались. Заголовки в газетах. Известный профессор Джеймс Арчер Флинн из Гарварда взялся доказать, что все это просто блеф. Они с Ваннингом спорили несколько лет. — Ваннинг к этому времени уже состарился и решил сменить обстановку. Он запечатал документы в сейфе, устроил еще несколько тайников, разбросал в разных местах кодовые слова и пообещал вернуться, но не вернулся. Потом...

— Прости, — прервал его Блейн, — но если существует жизнь после смерти, то почему Ваннинг не вернулся?

— Не все сразу, пожалуйста, я объясню. Словом, Ваннинг по-

кончил жизнь самоубийством, оставив длинное письмо с речью о бессмертии человеческого духа и неуклонном прогрессе человечества. Его потом часто перепечатывали в хрестоматиях. Позже обнаружили, кстати, что написано оно призраком, но это уже другая история. Так, где я остановился?

— Он покончил самоубийством.

— Да. И будь я проклят, если он не вступил потом в контакт с профессором Флинном и не рассказал ему, как найти кодовые слова и прочие тайники. Это решило все дело. Жизнь после смерти стала фактом.

Мелхилл встал, потянулся и снова сел.

— Институт Ваннинга, — продолжал он, — призывал всех не проявлять поспешности. Но напрасно. Последовавшие пятнадцать лет известны как Безумные Годы.

Мелхилл усмехнулся и облизнул пересохшие губы.

— Эх, если бы я жил в то время! Казалось, каждый решил, что может делать все что угодно. «Будь ты дьявол или бог, — пелось в популярной тогда песенке, — В небе ждет тебя пирог». И каждому доставался кусочек пирога, праведному и грешному, плохому или хорошему. Убийца переселяется в послежизнь точно так же, как и архиепископ. Так вознаграждаются жизни, друзья, наслаждайтесь плотью, пока она жива, духовности вам хватит и после смерти. Да-а, и они действительно не теряли времени. Анархия, понимаешь. Появилась новая религия, называлась она «Осуществление». Они утверждали, что человек обязан перед самим собой испытать все, пока он находится в телесной оболочке, хорошее и плохое, честное и наоборот, потому что в послежизни им придется только вспоминать, чем они занимались на Земле. Так живите, говорили они, живите, пока вы пребываете в этом мире, а то в послежизни окажетесь в бедняках. Удовлетворяйте всякое желание, исполняйте всякую прихоть, исследуйте самые темные свои глубины. Жизнь на всю катушку, смерть на полный ход. Это было сумасшествие. Некоторые фанатики объединились в клубы пыток и составляли целые энциклопедии мучений, коллекционировали пытки, как домохозяйка собирает рецепты. На каждом заседании такого клуба один из членов добровольно вызывался стать очередной жертвой, они убивали его самым извращенным и жестоким способом, какой только могли придумать. Они стремились испытать все удовольствия и все мучения. Предполагаю, им это удалось.

Мелхилл вытер вспотевший лоб и уже более спокойным тоном сказал:

— Я немного интересовался этим временем, Безумными Годами.

— Я заметил, — сказал Блейн.

— Это по-своему интересная вещь. Но потом неожиданно пришел конец. Институт Ваннинга все это время проводил эксперименты. Примерно в 2050, когда Безумные Годы были в самом

расцвете, они объявили, что мир иной существует, сомнений нет, но не для всех.

Блейн моргнул, но ничего не сказал.

— Это был удар, Ваннинговский институт заявил, что имеются доказательства того, что только один человек из миллиона попадает в послежизнь. Все остальные, миллионы жизней, исчезают, просто гаснут, как спички. Пуфф! И все. Никакого иного мира, вообще ничего.

— Почему? — спросил Блейн.

— Понимаешь, Том, я сам не все до конца понимаю, — сказал ему Мелхилл. — Если бы ты спросил что-нибудь о регуляции подачи топлива, я тебе действительно объяснил бы. Но психика — это не моя область. Поэтому постарайся не терять ход мыслей, пока я буду вспоминать.

Он энергично потер лоб.

— Значит, после смерти выживает, или не выживает, именно сознание. Люди тысячелетиями спорили о том, что такое сознание, как оно связано с телом и так далее. Мы еще не на все вопросы получили ответы, но уже имеются некоторые рабочие определения. В наши дни сознание рассматривается как высокоорганизованная энергетическая сеть, которая генерируется самим телом, определяется телом и сама может оказывать влияние на тело. Уловил?

— Думаю, что да. Продолжай.

— Таким образом, сознание и тело взаимодействуют друг с другом. Но сознание может существовать и отдельно. Многие ученые считают, что такова следующая ступень эволюции. Через миллионы лет, говорят они, нам уже не понадобится тело, разве что, для короткого инкубационного периода. Я лично не уверен, что эта чертова толпа проживет еще миллион лет. Черта с два она этого заслуживает.

— В этом я с тобой согласен, — сказал Блейн. — Но давай вернемся к послежизни.

— У нас имеется, значит, эта высокоорганизованная энергетическая паутина. Когда умирает тело, эта паутина отправляется в непосредственное существование, подобно вылетающей из кокона бабочке. Смерть — это просто процесс, освобождающий сознание от тела. Но этого, как правило не происходит из-за смертельной травмы. Некоторые ученые считают, что травма смерти — это природный механизм, извлекающий сознание из тела, но только работает он очень мощно и все портит. Смерть — это сильный психический шок, поэтому в большинстве случаев, энергетическая сеть рвется, путается, ломается ее структура. Она уже не в состоянии восстановить себя, она распадается, и теперь человек уже полностью мертв.

— Так вот почему Ваннинг не вернулся назад? — спросил Блейн.

— Да, и большинство других тоже. Верно. Многие люди как

следует поработали головами, и на этом Безумные Годы завершились. Институт Ваннинга продолжал работу. Они изучали йогу и прочие вещи подобного же рода, но на научной основе. Пони-маешь, у некоторых из этих восточных религий мысль была правильная. Укреплять сознание. Это и нужно было ученым: способ усилить энергетическую паутину так, чтобы она пережила момент смерти.

— И они нашли его?

— Еще бы! Примерно в это же время они переменили название на корпорацию «МИР ИНОЙ».

Блейн кивнул.

— Я сегодня проходил мимо их здания. Эй, погоди! Ты сказал, что они нашли способ укреплять сознание? Тогда никто больше не умирает? Все отправляются в послежизнь?

Мелхилл ядовито ухмыльнулся.

— Ну, ты и скажешь, Том! Ты думаешь, они делятся секретом бесплатно? Держи карман шире. Это сложный электрохимический процесс, парень, и они берут за него гонорар. И очень солидный гонорар.

— Значит, на небо переселяются только богачи, — сказал Блейн.

— А ты что думал? Что они пустят туда всех одной командой?

— Понятно, понятно, — сказал Блейн. — Но есть ведь и другие способы, другие системы укрепления сознания? Йога, или дзен-буддизм?

— Они тоже годятся, — сказал Мелхилл. — Существует, по крайней мере, дюжина опробованных и разрешенных правительством домашних курсов психовывивания. Все дело в том, что уходит самое малое двадцать лет упорного труда, чтобы добиться результатов. Это не для простого человека. Нет уж, без машин тебе в послежизнь не пробраться.

— А машинами располагает только «МИР ИНОЙ»?

— Есть еще две организации, «АКАДЕМИЯ ПОСЛЕЖИЗНИ» и «НЕБЕСА, лтд.», но цены примерно те же самые. Правительство начало работу над проектом послежизненной страховки, но нам это уже не поможет.

— Это точно, — сказал Блейн. Мечта на мгновение засияла перед его глазами — ослепительная, как молния: освободиться от всех смертных страхов, получить твердую уверенность в существовании после смерти, в том, что процесс твоего развития и самовоплощения личности не прекратится со смертью тела, пока не достигнет собственных пределов, не стесняемый рамками хрупкого футляра из плоти, которым наградила тебя наследственность и случай.

Но этой мечте не суждено было сбыться. Желанию его сознания расти был положен предел. Будущее оставалось за порогом сегодняшнего дня.

— А что такое перевоплощение в тела-носители? — спросил он.

— Ты мог бы догадаться, — сказал Мелхилл. — Они пересаживают твое сознание в тело-носитель. Трансплант-операторы с удовольствием объяснят тебе, что перенесение сознания — дело простое. Трансплант — это временное переключение сознания, и оно не подразумевает разрушение старого хозяина тела. Носитель же дается насовсем. Сначала стирают сознание хозяина. Потом наступает опасный момент, когда сознание перевоплощенца пытается войти в теленоситель. Иногда, видишь ли, сознание оказывается не в состоянии войти в носитель и разрушается. Предварительное укрепление сознания не всегда срабатывает в условиях перевоплощения. И тогда — пуфф! — песенка спета.

Блейн кивнул, понимая теперь, почему Мэри Торн желала Рейли спокойно умереть. Ее совет был в его же интересах.

— А зачем человеку с послежизненной страховкой прибегать к перевоплощению? — спросил он.

— Потому что некоторые пожилые люди боятся умирать, — сказал Мелхилл. — Они боятся иного мира, всего этого призрачного антуража. Они желают оставаться здесь, на Земле, где понимают что к чему. Поэтому они покупают тело-носитель на открытом рынке, если им удастся найти подходящее. Если нет, они покупают его на черном рынке. Одно из наших тел, парень.

— Значит, на открытом рынке люди продают тела добровольно?

Мелхилл кивнул.

— Но кто же согласится продать тело?

— Какой-нибудь очень бедный человек, ясное дело. По закону он должен получать компенсацию в виде послежизненной страховки. Но фактически, ему приходится брать то, что дадут.

— Нужно быть просто не в своем уме!

— Ты так думаешь? — спросил Мелхилл. — Сейчас, как и всегда, в мире полно необученных, больных, умирающих от голода людей. А если он хочет купить хлеб для своих детей? Единственное, что он может продать — это тело. В твоё время у них даже этого не было.

— Возможно, — сказал Блейн. — Но как бы плохо не пришлось, я бы никогда не продал свое тело.

Мелхилл от всей души захохотал.

— Силен, парень! Том, да ведь они заберут его бесплатно!

Блейн не знал, что ему ответить.

7

Время внутри камеры с обитыми стенами тянулось медленно. Блейну и Мелхиллу приносили газеты и журналы. Их хорошо кормили, подавая еду в бумажной посуде. За ними неусыпно на-

блюдали, чтобы они не причинили вред своим дорогостоящим телам.

Их держали вместе, чтобы не было скучно. Люди в одиночных камерах иногда сходили с ума, а безумие, как было установлено, наносило непоправимый вред столь ценным мозговым клеткам. Им даже разрешали совершать упражнения, под строгим наблюдением, чтобы сохранять тела в хорошей физической форме.

Блейн в эти дни почувствовал, что очень привязался к своему мощному коренастому телу, с которым он так скоро расстанется. Это отличное тело, решил он, таким телом можно гордиться. Конечно, оно не отличается грацией, но не стоит преувеличивать значение грации. В противовес этому недостатку, как подозревал он, это тело не было подвержено сенной лихорадке, от чего страдало его прежнее тело, и зубы у него были очень крепкие.

В целом, с таким телом нелегко было разлучиться.

Однажды, когда они только что поели, часть обивки отошла в сторону. В комнату заглянул, охраняемый стальной решеткой, Карл Орк.

— Здорово, — сказал Орк. Он был все такой же высокий и жилистый, и одежда на нем сидела слишком свободно. — Как поживает мой бразильский корешок?

— Подонок ты, — сказал Блейн, всем своим существом ощущая, что не может, к сожалению, выразиться более сильно.

— Брейк*, — сказал Орк. — Как тут у вас с едой? Хватает?

— Убирайся на свою подонскую ферму в подонской Аризоне!

— А у меня и вправду есть одна, — сказал Орк. — Я думаю пожить там до старости и заняться выращиванием псескорастений. Уверен, что знаю об Аризоне побольше коренных аризонцев. Но ранчо стоит денег, и послежизненная страховка стоит денег. И каждый добывает их как может.

— И стervятники добывают пищу как могут, — сказал Блейн.

Орк глубоко вздохнул.

— Что поделаешь, дело есть дело, и оно не хуже, чем некоторые другие, если хорошенько подумать. Мы живем в грязном мире. Может быть, я с сожалением вспомню об этом, когда буду сидеть вечером на крыльце моего маленького ранчо в пустыне.

— Ты до него не доживешь, — сказал Блейн.

— Не доживу?

— Нет. В один прекрасный день тебя поймут за руку, когда будешь добавлять капельки в виски кому-нибудь. И найдут тебя, Орк, в канаве с дыркой в голове. И будет тебе на том конец.

— Конец моего тела, — поправил его Орк. — А душа моя от-

* Брейк — спорт. термин (бокс.) — прекращение ближнего боя.

правится в путь в радостную послежизнь. Я уплатил денежки, сынок, и меня ждут на небесах!

— Ты этого не заслужил!

Орк ухмыльнулся и даже Мелхилл не смог сдержать улыбку.

— Мой бедный бразильский друг, — сказал Орк. — Дело не в том, кто и что заслужил. Пора бы тебе это запомнить! Послежизнь — она не для слабых и застенчивых, пусть даже и самых достойных. Только у цепкого парня с долларами в кармане, душа имеет шанс отправиться в новый путь.

— Я не верю, — сказал Блейн. — Это несправедливо!

— Да ты идеалист, — сказал Орк, разглядывая Блейна, словно последнего в мире индейца.

— Называй это как хочешь. Наверное, ты получишь свою послежизнь, Орк. Но я надеюсь, что в каком-нибудь уголке иного мира твоя душа будет гореть на вечном огне!

— Научных доказательств адского огня не существует, — сказал Орк. — Но мы много чего не знаем о послежизни. Возможно, и я буду гореть. И может быть там, в голубых небесах, есть фабрика, на которой склеивают обратно расколотые души таких, как ты... Но не будем спорить. Мне очень жаль, но время истекло.

Орк быстро отошел в сторону. Забранная стальными прутьями решетка распахнулась и в комнату вошли пять человек.

— Нет! — кричал Мелхилл.

Они окружили космонавта. Выказывая большой опыт, они уклонились от его ударов и схватили его за руки. Один из них вставил ему в рот кляп. Они потащили его из комнаты.

В дверях показался нахмурившийся Орк.

— Отпустите его, — сказал он.

Те освободили Мелхилла.

— Идиоты, вы не того взяли, — сказал им Орк. — Вот этого нужно. — Он указал на Блейна.

Блейн в это время пытался подготовить себя к потере друга. Внезапная перемена в ходе событий захватила его врасплох. Охранники схватили его прежде, чем он успел шевельнуться.

— Извини, — сказал Орк. — Но клиент указал именно такое сложение, как у тебя.

Блейн внезапно пришел в себя и попытался вырваться.

— Я тебя убью! — кричал он. — Клянусь, я тебя убью!

— Осторожно, не повредите его, — сказал Орк с каменным лицом.

В лицо Блейну сунули тряпку, он почувствовал тошнотворно-сладкий запах. Хлороформ, подумал он. Последнее, что он помнил, это пепельное лицо Мелхилла, стоявшего в забранной решеткой дверях.

Первое, что сделал Томас Блейн, придя в сознание, — он убедился, что он по-прежнему Томас Блейн и занимает прежнее тело. Доказательства было на лицо. Значит, они еще не стерли его сознание.

Он лежал на диване, полностью одетый. Он встал и услышал, как кто-то подходит к двери снаружи.

Очевидно, они переоценивали силу действия хлороформа! У него еще есть шанс!

Он быстро встал за дверь. Она распахнулась и кто-то вошел в комнату. Блейн сделал шаг вперед и замахнулся. Он успел задержать удар. Но в руке еще оставалась изрядная инерция, когда его кулак угодил в красиво очерченный подбородок Мэри Торн.

Он отнес ее на диван. Через несколько минут она пришла в себя и открыла глаза.

— Блейн, — сказала она, — вы — идиот.

— Я не знал, что это вы, — сказал Блейн.

Едва произнеся эти слова, он осознал, что это неправда. Он успел узнать Мэри Торн за долю секунды до того, как нанес удар, и его послушное, с быстрыми рефлексами тело было в состоянии остановить удар вовремя. Но на уровне подсознания им руководила ярость, неконтролируемая, едва осознанная ярость, которая хитро воспользовалась моментом, чтобы взять над Блейном верх, заставить его нанести удар этой холодной и равнодушной мисс Торн.

Это происшествие наметнуло на нечто, о чем Блейну не очень хотелось думать. Он сказал:

— Мисс Торн, кто заставил вас купить мое тело?

Она бросила на него уничтожающий взгляд.

— Я купила его для вас, поскольку сами вы явно были не в состоянии позаботиться о нем.

Значит, смерть ему не грозит. И толстый неопрятный старикашка не присвоит его тело, развеяв по ветру душу Блейна. Отлично! Он очень хотел жить. Но почему его спасла именно Мэри Торн?

— Я мог бы обойтись, если бы побольше знал об этом мире, — сказал он.

— Я как раз собиралась рассказать вам. Почему вы не подождали?

— После того, что вы мне сказали?

— Я сожалею, что обошлась с вами несколько бесцеремонно, — сказала она. — Меня очень расстроило решение мистера Рейли отменить кампанию. Но неужели вы этого не могли понять? Если бы я была мужчиной...

— Вы не мужчина, — напомнил ей Блейн.

— Какая разница? Я подозреваю, что у вас несколько уставшие взгляды на роль и положение женщины.

— Я не нахожу их старомодными, — сказал Блейн.

— Конечно. — Она потрогала подбородок, на котором уже распухал синяк. — Ну что же, будем считать, что мы квиты? Или вы намерены вклеить мне еще одну затрещину?

— Одной достаточно, благодарю вас, — сказал Блейн.

Она встала с дивана, слегка покачнувшись. Блейн на миг обнял ее одной рукой, чтобы помочь сохранить равновесие, и был ошеломлен. Ему представлялось, что ее спортивная фигура сделана из стали и проволоки. На самом же деле он почувствовал под рукой упругую и неожиданно мягкую плоть. Он стоял так близко, что видел выбившиеся из строгой прически волоски и маленькую родинку почти у самых волос. В это мгновение Мэри Торн превратилась для него из абстракции в живого человека.

— Я могу стоять самостоятельно, — сказала она.

Несколькими секундами позже он отпустил ее.

— В данных обстоятельствах, — сказала она, пристально глядя на Блейна, — наши отношения должны оставаться на строго деловом уровне.

Чем дальше, тем удивительней!

Она тоже вдруг начала смотреть на Блейна как на живого человека, она почувствовала, что он мужчина, и это обеспокоило ее. Мысль доставила Блейну большое удовольствие. Не потому, как сказал он сам себе, что ему нравится Мэри Торн, или он даже воцарился над ней. Ему очень хотелось вывести ее из равновесия, оцарапать блестящую лакировку фасада, поколебать ее чертово самообладание.

— Конечно же, мисс Торн, — сказал он.

— Я рада, что вы так думаете, — сказала она. — Потому что, по правде говоря, вы — не мой тип.

— А какой тип вы предпочитаете?

— Мне больше нравятся высокие и худощавые мужчины, обладающие некоторой утонченностью, грацией движений.

— Но...

— Может быть, мы позавтракаем? — предложила она весело. — Потом мистер Рейли хотел поговорить с вами. По-моему, он хочет вам что-то предложить.

Он последовал за ней из комнаты, кипя внутри от гнева. Неужели она над ним насмехается? Высокие, худощавые, утонченные мужчины! Проклятье, ведь он таким как раз и был раньше! И внутри своей мускулистой белокурой оболочкой, подходившей больше борцу, он продолжал оставаться им, если только у нее были глаза, чтобы увидеть!

И кто кого вывел из равновесия?

Когда они сели за столик в столовой для работников «РЕКС», Блейн неожиданно вспомнил:

— Мелхилл!

— Что?

— Рей Мелхилл, человек, с которым я сидел в камере! Послу-

шайте, мисс Торн, не могли бы вы выкупить и его? Я верну деньги, как только смогу. Мы сидели в одной камере. Он чертовски славный парень.

Она посмотрела на него с любопытством.

— Я узнаю, что можно сделать.

Она покинула столик. Блейн ждал, потирая ладони и жалея, что не может добраться до горла Карла Орка. Мэри Торн вернулась через несколько минут.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Я нашла Орка. Мистер Мелхилл был продан через час после вас. Мне действительно очень жаль. Я не знала.

— Ничего, — сказал Блейн. — Наверное, неплохо было бы выпить чего-нибудь.

9

Мистер Рейли сидел очень прямо в огромном троноподобном кресле, почти теряясь в его мягкой глубине. Это был крошечный, лысый, паукоподобный старичок. Морщинистая кожа туго обтягивала череп и когтеобразные пальцы рук; кости и сухожилия ясно обрисовывались под полупрозрачной пергаментной кожей и истонченной плотью. Блейну представилось, как вяло движется кровь мистера Рейли по дряблым, варикозным сосудам, угрожая в каждую секунду прекратить обращение. Но мистер Рейли держался уверенно, и глаза на обезьяньем личике сияли ясным умом.

— Ага, так вот вы какой, наш человек из прошлого! — сказал мистер Рейли. — Пожалуйста, садитесь, сэр. И вы тоже, мисс Торн. Я как раз обсуждал ваш вопрос с дедушкой, мистер Блейн.

Блейн оглянулся, словно ожидая обнаружить призрачный силуэт умершего пятьдесят лет назад дедушки у себя за спиной. Но в богато украшенной комнате с высоким потолком не было и следа призрачного дедушки.

— Он уже ушел, — объяснил мистер Рейли. — Бедняге удастся войти в эктаплазмовую форму лишь на небольшой промежуток времени. Но тем не менее, он еще сто очков вперед даст другим призракам.

Наверное, в лице Блейна что-то изменилось, потому что Рейли спросил:

— Разве вы не верите в призраков, мистер Блейн?

— Боюсь, что не верю.

— Естественно. Я подозреваю, что для вас это слово имеет несколько иной оттенок значения. Звон цепей, скелеты и прочая чепуха. Но слова изменяют свое значение и даже сама реальность изменяется по мере того, как человечество трансформирует природу.

— Я понимаю, — вежливо сказал Блейн.

— Вы думаете, я лицемерю, — сказал мистер Рейли добро-

душно. — Отнюдь. Подумайте над тем, каким образом слова изменяют значение. Вспомните, к чему только не лепили слово «атомный» писатели-фантазеры в двадцатом веке: все эти атомные ружья и атомные звездолеты. Атом для обычного человека ничего не значил — совершенно абсурдный термин, вот и все. Но лишь несколько лет спустя «атом» символизировал картину неотвратимой и совершенно реальной гибели для всех. Теперь ни один обыватель уже не мог игнорировать этого слова!

Мистер Рейли задумчиво улыбнулся.

— Слово «радиация» превратилось из скучного термина в источник раковых опухолей. «Космическая болезнь» в ваше время была лишь пустым абстрактным понятием. Но через пятьдесят лет она означала больницы, забитые корчащимися телами. Словам свойственно меняться, мистер Блейн, и их значениям тоже — от абстрактных и научных к реальным и повседневным. Так происходит всякий раз, когда практика догоняет теорию.

— А призраки?

— Аналогичный процесс. Вы просто старомодны, мистер Блейн! Вам нужно лишь изменить вкладываемое в слово значение.

— Это непросто, — сказал Блейн.

— Но необходимо. Вспомните, всегда существовало множество намеков на существование призраков. Прогноз их существования, другими словами, был весьма благоприятен. И когда жизнь после смерти из мечты превратилась в реальность, призраки тоже стали повседневным фактом.

— Наверное, мне сначала нужно будет встретиться с одним из них, — сказал Блейн.

— Не сомневаюсь, что вам это удастся. Но к делу. Скажите, как вы себя чувствуете в нашей эпохе?

— Пока что не слишком хорошо, — сказал Блейн.

Мистер Рейли радостно захихикал.

— Охотники за телами не слишком располагают к себе, а? Но вам не следовало покидать здание, мистер Блейн. Это было не в ваших интересах, и конечно же, не в интересах кампании.

— Прошу прощения, мистер Рейли, — сказала Мэри Торн. — Это была моя ошибка.

Рейли мельком глянул на нее, потом повернулся обратно к Блейну.

— Печальный инцидент, конечно. Вас следовало бы, говоря со всей откровенностью, предоставить вашей судьбе в 1958 году. По правде говоря, ваше присутствие здесь, мистер Блейн, нас несколько смущает.

— Очень сожалею.

— Мы с дедушкой пришли к согласию... несколько запоздалому, все же, — не использовать вас для рекламы. Это решение следовало принять много ранее. Что сделано, того не исправить. Но против нашей воли мы все еще можем получить рекламу. Воз-

можно даже, что правительство возбудит юридическое преследование корпорации.

— Сэр, — сказала Мэри Торн, — юристы убеждены в нашей неуязвимости.

— Конечно, в тюрьму нас не посадят! — сказал мистер Рейли. — Но общественное мнение — не забывайте о нем! Наша репутация! «РЕКС» должен заботиться о своей незапятнанной репутации, мисс Торн. Слухи о скандале, намеки на неприятности с законодательством... Нет, мистер Блейн не может оставаться здесь, в 2110, как живое доказательство неверно принятого решения. Исходя из этого, сэр, я хочу сделать вам деловое предложение.

— Слушаю вас, — сказал Блейн.

— Предположим, «РЕКС» оплатит за вас послежизненную страховку, гарантирующую вам жизнь после смерти. Согласитесь ли вы покончить с собой?

Блейн быстро моргнул.

— Нет.

— Почему же? — спросил Рейли.

Блейну ответ казался очевидным. Какой живой человек согласится отдать свою жизнь? К несчастью, такие находились. Поэтому Блейн помолчал, разбираясь в собственных мыслях.

— Во-первых, — сказал он. — Я не уверен, что послежизнь существует.

— Предположим, мы убедим вас, — сказал мистер Рейли. — Тогда вы покончите с собой?

— Нет!

— Очень недальновидно с вашей стороны, мистер Блейн! Взгляните на свое положение со стороны: этот век для вас чужой, враждебен вам, вам в нем плохо. Какую вы здесь найдете для себя работу? Вы ведь даже по улице не можете пройти, не рискуя своей жизнью.

— Этого больше не случится со мной, — сказал Блейн. — Я был неподготовлен.

— Случится, и не раз! Вы никогда не подготовитесь достаточно хорошо! Никогда. Вы сейчас в положении пещерного человека, брошенного в ваш же 1958 год. Он будет чувствовать себя достаточно уверенно, я думаю, опираясь на опыт обращения с мамонтами и саблезубыми тиграми. Возможно, какая-нибудь добрая душа и предупредит его насчет гангстеров. Но чем это ему поможет? Спасет ли это его от гибели под колесами автомобиля, от падения в шахту лифта, от отравления газом из плиты, от смерти в электрической дуге на рельсах подземки? Он может отрезать себе руку механической пилой, может сломать себе шею в обыкновенной ванне. Нужно родиться среди этих вещей, чтобы жить среди них в безопасности. И даже в этом случае со многими людьми в наше время происходили несчастные случаи, стоило им только отвлечься на мгновение! И насколько легче будет споткнуться этому пещерному человеку?

— Вы преувеличиваете, — сказал Блейн, чувствуя, что лоб его покрылся легкой испариной.

— Вы думаете? Опасности леса — ничто по сравнению с опасностями города. А когда город превращается в сверхгород...

— Я не согласен на самоубийство, — сказал Блейн. — Я хочу попробовать. Оставим эту тему.

— Будьте же благоразумны! — сказал мистер Рейли раздраженно. — Покончите с собой сразу, и избавьте нас от множества хлопот. Я могу описать вам ваше будущее, если вы этого не делаете. Возможно, благодаря чисто животной изворотливости и изобретательности вы протянете год. Или даже два. Это не имеет значения, в конце концов вы все равно покончите самоубийством. Вы — типичный самоубийца. Это написано у вас на лбу — это ваша судьба, Блейн! Вы покончите с собой, со своим жалким существованием и с облегчением покинете измученную плоть — но послежизни для вас уже не будет!

— Вы с ума сошли! — воскликнул Блейн.

— Я в этом вопросе никогда не ошибаюсь, — спокойно сказал мистер Рейли. — Я всегда опознаю типичного самоубийцу. И дедушка со мной согласен. Поэтому, если вы согласитесь...

— Нет, — сказал Блейн. — Не соглашусь. Боюсь, вам придется нанять помощника.

— Это не в моих правилах, — сказал мистер Рейли. — Я не стану принуждать вас. Лучше приходите на мое перевоплощение сегодня днем. Познакомьтесь с послежизнью на деле. Возможно, тогда вы передумаете.

Блейн колебался, и старичок усмехнулся.

— Это совершенно безопасно, я вам обещаю. Может быть, вы боитесь, что я похищу у вас тело! Своего носителя я отобрал еще несколько месяцев назад. Купил на открытом рынке. Честно говоря, я не выбрал бы ваше тело. Я, видите ли, чувствовал бы себя неуютно в такой громадине.

Беседа была окончена. Мэри Торн вывела Блейна из комнаты.

10

Комната, где происходило перевоплощение, была устроена как маленький зрительный зал. Ее часто использовали, как узнал Блейн, для лекций и обучающих программ работников среднего звена. Сегодня здесь присутствовали немногочисленные избранные зрители. Прибыли управляющие «РЕКС», пятеро среднего возраста мужчин, сидевших в последнем ряду и тихо разговаривавших между собой. Рядом сидел секретарь-регистратор. Блейн и Мэри Торн сидели впереди, как можно дальше от управляющих.

На возвышении сцены в лучах прожекторов стоял готовый к действию перевоплощающий аппарат. Два массивных кресла были снабжены привязными ремнями и многочисленными провода-

ми. Между креслами стоял блестящий черный аппарат. Толстые кабели соединяли машину и кресло, отчего у Блейна возникало неприятное ощущение, что сейчас он станет свидетелем казни. Несколько техников склонились над машиной, делая последние приготовления. Рядом с ними стояли пожилой бородатый доктор и его краснолицый коллега.

Мистер Рейли вышел на сцену, кивнул присутствующим и опустился в одно из кресел. За ним последовал мужчина лет сорока, с испуганным, бледным, но с написанной на нем решимостью лицом. Это был телonosитель, нынешний владелец тела, которое вскоре перейдет к мистеру Рейли.

Носитель сел в другое кресло, бросил на собравшихся быстрый взгляд и начал рассматривать свои руки. Казалось, он смущен. Над верхней губой у него собрались крупные капли испарины, и пиджак под мышками потемнел. Он не взглянул на Рейли, и Рейли тоже не смотрел на него.

На сцену вышел еще один человек, лысый, важного вида, в темном костюме с воротничком церковного служащего и маленькой черной книжечкой в руках. Он начал шепотом разговаривать с обоими, сидящими в креслах.

— Кто это? — спросил Блейн.

— Отец Джеймс, — сказала Мэри Торн. — Он священник церкви Послежизни.

— Что это за церковь?

— Это новая религия. Ты слышал о Безумных Годах? Так вот, в это время произошел серьезный спор среди деятелей религии...

Самым жгучим вопросом сороковых годов ХХI века стал духовный статус послежизни. После того, как «МИР ИНОЙ, инкорпорейтед» объявила об основании научного иного мира, все стало еще хуже. Корпорация старалась изо всех сил избежать столкновения с религией, но избежать его было непросто. Большинство церковников считало, что наука бесчестным образом оттяпала у них солидный кусок исконно церковной территории. «МИР ИНОЙ», хотела ли компания того, или нет, стала провозгласителем новой научно-религиозной доктрины: «спасения достигнуть возможно не путем религиозных, этических и моральных мер, но с помощью обезличенной, стандартной научной процедуры».

Заседания синодов, совещания и конгрессы занимались этим жгучим вопросом. Некоторые группировки пришли к выводу, что недавно открытое научное существование после смерти не является ни в коем случае раем, спасением, нирваной и так далее, потому что не затрагивает душу.

Сознание, считали они, это не синоним души. И душа не является частью сознания. Допустим, наука открыла средства продлить существование какой-то части комплекса тела и сознания.

Прекрасно, но это не затрагивает душу, и, определенно не означает бессмертия души или ее попадания в рай, нирвану или что-нибудь подобное. Душу нельзя спасти научно-техническим методом. И местоположение души после неизбежной смерти сознания в научном ином мире будет определено традиционными религиозными, моральными и этическими ее заслугами.

— Ух ты! — сказал Блейн. — Кажется, я понял, в чем дело. Они пытались привести науку и религию к сосуществованию. Но не слишком тонко ли они размышляли для некоторой категории людей?

— Да, — сказала Мэри Торн, — хотя они и объясняли все это гораздо лучше меня, и подкрепляли рассуждения аналогиями всех видов. Но это была только одна группа церковников. Другие даже не пытались найти общую точку. Они просто объявили научную послежизнь грешным делом. А другая группировка разрешила противоречие, объявив просто, что душа является все же частью сознания и, таким образом, они присоединяются к ученым.

— Наверное, это и была церковь Послежизни?

— Да. Они выделились в отдельное течение. По их мнению, душа находится в сознании, и послежизнь является возрождением души после смерти, без всяких «если» и «но».

— Это в духе времени, — сказал Блейн. — Но мораль...

— По их мнению это не освобождает человека от моральных обязанностей. Послежизнненцы утверждают, что нельзя заставить людей быть добродетельными путем системы духовного вознаграждения, а если и можно, то этого делать не следует. Они говорят, что мораль должна быть сильна сама по себе, как необходимая, во-первых, социальному организму общества, во-вторых, как полезная самому человеку.

Блейну показалось, что от морали требуют слишком многого.

— Наверное, это весьма популярная религия? — спросил он.

— Очень популярная, — ответила Мэри Торн.

Блейн хотел еще что-то спросить, то тут заговорил отец Джеймс.

— Уильям Фитсиммонс, — сказал священник телоносителю, — ты пришел сюда по своей доброй воле, с целью прекратить свое существование в сием мире и продолжить его в мире духовном?

— Да, отец, — прошептал побледневший телоноситель.

— И соответствующие научные процедуры были произведены, дабы ты мог продолжить это существование в мире духа?

— Да, отец.

Отец Джеймс повернулся к Рейли.

— Кеннет Рейли, ты пришел сюда по своей доброй воле, с целью продолжить свое существование в этом мире в теле Уильяма Фитсиммонса?

— Да, отец, — сказал Рейли, весь сжавшийся, с напрягшимся лицом.

— И ты позаботился о том, чтобы Уильям Фитсиммонс получил доступ в послежизнь и уплатил сумму денег наследникам Фитсиммонса, и уплатил государственный налог, установленный для операций подобного рода?

— Да, отец, — сказал Рейли.

— Поскольку все именно так, — сказал отец Джеймс, — дело это чисто, как перед лицом закона, так и религии. Не произойдет здесь лишения жизни, потому что сознание Уильяма Фитсиммонса продолжит существование в послежизни, а жизнь и пребывание личности Кеннета Рейли продолжится в земном мире. Посему, начинайте перевоплощение!

Блейну все это представлялось жуткой помесью обряда бракосочетания и казни. Улыбающийся священник отошел в сторону. Операторы прикрепили сидящих к креслам и присоединили электроды к их рукам, ногам и лбам. В зале воцарилась тишина, и управляющие «РЕКС» в ожидании подались вперед в своих креслах.

— Начинайте, — сказал Рейли, глядя на Блейна и слегка улыбаясь.

Главный техник повернул диск на панели черной машины. Она громко загудела и свист прожекторов померк. Оба сидящих в креслах конвульсивно вздрогнули, потом их тела обмякли.

— Они прикончили этого беднягу Фитсиммонса, — прошептал Блейн.

— Этот бедняга, — сказала Мэри Торн, — отлично знает, что делает. Ему тридцать семь лет, и в жизни он оказался полным неудачником. Он не мог удержаться ни на одной работе, и прежде не имел даже шанса на послежизнь. Для него это была великолепная возможность. Кроме того, у него есть жена и пятеро детей, которых он был не в состоянии обеспечить. Сумма, которую заплатил мистер Рейли, позволит вдове дать детям приличное воспитание и образование.

— Уррра! — сказал Блейн. — Продается — один отец, в несколько поддержанном теле; но в отличном состоянии. Купите!!! Какое самопожертвование!

— Вы нелепы, — сказала она. — Смотрите, они закончили.

Машину уже выключили и сняли с сидящих ремни. Операторы и врачи сгрудились вокруг телоносителя, не обращая внимания на сморщенный труп Рейли.

— Пока еще ничего! — провозгласил бородатый доктор.

Блейн чувствовал, как все в зале с напряжением и некоторым страхом ждут продолжения. Медленно ползли секунды. Телоносителя тесным кольцом окружили врачи и техники.

— Все еще ничего! — крикнул пожилой врач, в голосе его появились истерические нотки.

— Что происходит? — спросил Блейн Мэри Торн.

— Я вам уже говорила, что перевоплощение — сложный и опасный процесс. Сознание Рейли не смогло пока что войти в телоноситель. И времени у него остается мало.

— Почему?

— Потому что тело начинает умирать с той секунды, когда его покидает прежнее сознание. Необратимый процесс отмирания начинается в теле, если сознание не присутствует в нем, хотя бы в спящем состоянии. Сознание необходимо. Даже в бессознательном состоянии, оно регулирует физиологические процессы. Если вообще нет сознания...

— Все еще ничего! — выкрикнул пожилой врач.

— Я думаю, уже слишком поздно, — прошептала Мэри Торн.

— Дрожь! — крикнул доктор. — Кажется, он вздрогнул!

Последовала долгая пауза.

— Кажется, он вошел! — крикнул пожилой врач. — Скорее, кислород, адреналин!

На лицо носителя опустили кислородную маску. В его руку вонзилась игла-шприц. Все столпились вокруг телоносителя, который сейчас уже моргал и содрогался в позывах рвоты.

— Он вошел! — закричал пожилой доктор, убирая кислородную маску.

Управляющие, словно по указанию, поспешно покинули свои кресла и поднялись на сцену.

— Поздравляем, мистер Рейли!

— Отлично, вы справились, сэр!

— Заставили же вы нас поволноваться, мистер Рейли!

Носитель уставился на них. Потом он вытер ладонью рот и сказал:

— Я не Рейли.

Пожилой доктор растолкал управляющих и склонился над телоносителем.

— Вы не Рейли? — спросил он. — Может быть, вы Фитсиммонс?

— Нет, — сказал носитель. — Я не Фитсиммонс, дурачок он чертов! И я не Рейли. Рейли пытался занять это тело, но я был проворнее. Я первым успел войти. Теперь это мое тело.

— Кто вы? — спросил доктор.

Носитель поднялся. Управляющие отпрянули, и один из них быстро перекрестился.

— Тело было мертвым слишком долго, — сказала Мэри Торн.

Лицо носителя сохраняло бледное, далекое подобие испуганного лица Уильяма Фитсиммонса. В нем не было ничего похожего на решимость Фитсиммонса, на капризность и веселое настроение Рейли. Оно напоминало лишь самое себя.

Лицо было смертельно-бледным, исключая черные точки щетины на подбородке и щеках. Губы были бескровные. Прядь черных волос словно приклеилась к холодному бледному лбу. Когда

в теле был еще Фитсиммонс, черты лица составляли приятное гармоническое целое. Теперь же отдельные черты лица как бы огрубели и отделились друг от друга. Негармоничное белое лицо приобрело незавершенный вид, словно сталь перед закалкой или глиняный кувшин перед обжигом.

У него был расслабленный, угрюмый вид из-за отсутствия мускульного тонуса и напряжения в лице. Бесстрастные, несочетающиеся между собой черты просто существовали, ничего не говоря о скрывающейся за ними личности. Лицо казалось теперь не совсем человеческим. Вся человечность жила теперь лишь в больших, внимательных, немигающих глазах, как у Будды.

— Он превратился в зомби, — прошептала Мэри Торн, схватив Блейна за плечо.

— Вы кто? — спросил пожилой доктор.

— Не помню, — сказал зомби. — Не помню.

Он медленно повернулся и начал спускаться со сцены. Двое управляющих попытались преградить ему дорогу.

— Прочь с дороги, — сказал он. — Теперь это мое тело.

— Оставьте несчастного зомби в покое, — устало сказал пожилой врач.

Управляющие дали зомби пройти. Он дошагал до края сцены, спустился по ступенькам, повернулся и пошел к Блейну.

— Я тебя знаю! — сказал он.

— Что? Чего ты хочешь? — нервно спросил Блейн.

— Не помню, — сказал зомби, пристально его разглядывая. — Как тебя зовут?

— Том Блейн.

Зомби покачал головой.

— Это мне ничего не говорит. Но я вспомню. Это ты, это точно. Что-то... Мое тело умирает, да? Очень плохо. Но я вспомню раньше, чем оно умрет. Ты и я, понимаешь, мы вместе... Блейн, неужели ты меня не помнишь?

— Нет! — закричал Блейн, отшатываясь от намека на какую-то общность с зомби, на самую идею какой-то его связи с этим умирающим организмом. Этого не могло быть! На какой общий секрет намекал этот похититель трупов, этот грязный узурпатор, что могло быть общего между ним и Блейном?

Ничего, сказал Блейн себе. Он знал себя, знал, что он такое и кем он был раньше. Ничего связывающего с этим зомби у него не было и не могло быть. Это существо сошло с ума или ошиблось.

— Ты кто? — спросил Блейн.

— Не знаю!

Зомби вскинул руки, словно человек, пойманный в сеть. И Блейну представилось, что должно чувствовать сознание, потерявшее имя, запутавшееся, оказавшееся в ловушке умирающего тела зомби.

— Я тебя еще найду, — сказал Блейну зомби. — Ты мне нужен. Я тебя найду и вспомню все... о тебе и обо мне.

Зомби обернулся и зашагал по проходу прочь из зала. Блейн смотрел ему вслед, пока вдруг не почувствовал вес чьего-то тела на своем плече.

Мэри Торн потеряла сознание. Впервые она повела себя как женщина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

11

Главный оператор и бородатый доктор вели спор рядом с перевоплощающей машиной. За спиной у каждого уважительно выстроились ассистенты. В ход шли, в основном, технические термины, но Блейн уловил, что они пытаются определить причину провала перевоплощения. Каждый, похоже, считал, что вина лежит на его оппоненте.

Пожилой доктор настаивал на том, что машина, вероятно, была неправильно настроена, или произошел некомпенсированный спад в энергопитании. Главный оператор клялся, что машина в идеальном порядке. Он был уверен, что просто Рейли не был физически пригоден к напряжению такой попытки.

Ни один не хотел уступить ни на шаг. Но будучи благоразумными людьми, они вскоре пришли к компромиссному решению. Виной всему, решили они, безымянный дух, который отбил у Рейли право на тело Фитсиммонса и занял его.

— Но кто это был? — спросил главный оператор. — Думаете, призрак?

— Возможно, — сказал доктор, — хотя призраку чертовски редко удается овладеть живым телом. Тем не менее, судя по ненормальной речи, он вполне мог быть призраком.

— Кем бы он ни был, — сказал оператор, — он занял носителя слишком поздно. Тело определенно превратилось в зомби. Впрочем, винить в этом некого.

— Совершенно верно, — сказал доктор. — Я готов подтвердить внешнюю исправность аппаратуры.

— Это вполне справедливо, — сказал главный оператор. — И я готов заверить готовность клиента к процедуре, если судить по его лицу и внешнему виду.

Они посмотрели друг на друга с полным взаимопониманием.

Управляющие организовали моментальную собственную конференцию, пытаясь определить, каковы будут у этого события немедленные последствия для структуры «РЕКС» и что следует объявить общественности, и следует ли дать всем служащим «РЕКС» выходной день для посещения семейной спальни Рейли.

Старое тело Рейли, лежащее в кресле, начало уже коченеть. На мертвых губах застыла ироническая отрешенная усмешка.

Мэри Торн пришла в сознание.

— Пойдемте, — сказала она, направляясь к выходу из зала. Они быстро зашагали по длинным серым коридорам к выходу из здания. На улице она остановила коптер-такси и назвала водителю адрес.

— Куда мы летим? — спросил Блейн, когда коптер набрал высоту и, выйдя из виража, встал на курс.

— Ко мне домой. В «РЕКС» сейчас лучше не соваться — это будет сумасшедший дом.

И она принялась поправлять прическу.

Блейн откинулся на мягкую спинку сиденья и посмотрел вниз, на сверкающий город. С высоты полета он выглядел как изысканная миниатюра, многоцветная мозаика из сказок «Тысячи и одной ночи». Но где-то там, внизу, по улицам и уровням брел сейчас зомби, пытаюсь вспомнить... его, Блейна.

— Но почему меня? — вырвалось у Блейна.

Мэри Торн посмотрела на него.

— Почему зомби показал на тебя? А почему бы и нет? Разве ты никогда не ошибаешься?

— Ошибался, естественно. Но с ошибками покончено.

Она покачала головой.

— Возможно, так бывало в твоё время. А теперь, никто не умирает навсегда. Это один из главных недостатков послежизни. Ошибки зачастую не желают оставаться в мертвом прошлом. Очень часто они следуют за тобой по пятам.

— Это я понимаю, — сказал Блейн. — Но я ничего такого не сделал, чтобы этот зомби...

Она равнодушно пожала плечами.

— В таком случае, ты лучше многих из нас.

Еще никогда она не казалась Блейну такой чужой. Коптер начал медленно снижаться. Блейн грустно размышлял над недостатками, которые всегда свойственны преимуществам.

В своём родном веке он был свидетелем того, как уничтожение многих заболеваний привело в некоторых районах мира к стремительному увеличению рождаемости, к голоду и бедствиям. Он видел, как открытие атомной энергии привело к угрозе атомной катастрофы. Каждое преимущество порождало свой собственный недостаток. Видимо, то же самое происходило и сейчас.

Гарантированная, научно обоснованная жизнь после смерти была, конечно, благом для человечества. Практика догнала теорию! Но недостатки... Произошло очевидное ослабление защитного барьера вокруг жизни в этом мире, образовалось несколько трещин в дамба земного существования. Умершие отказывались теперь лежать спокойно в своих могилах, они вмешивались в дела живущих. Кому от этого польза? Призраки, например — теперь это естественное явление, логически вытекающее из законов природы. Но это слабое утешение, если вас преследует призрак.

В этом веке, думал Блейн, целый новый слой особого рода су-

ществования вторгся в жизнь человека на земле. Подобно тому, как зомби совершенно не к месту вторгся в жизнь Блейна.

Коптер-такси сел на крышу жилого дома. Мэри Торн расплатилась с водителем и повела Блейна к своей квартире.

Квартира оказалась просторной, с приятным оттенком женского стиля и некоторым аристократическим талантом в характере мебелировки. Здесь оказалось гораздо больше ярких цветов, чем мог предположить Блейн, исходя из невеселого характера мисс Торн. Наверное, ярко-желтые и алые тона являлись проявлением какого-то скрытого желания, компенсацией за ограничения, налагаемые ее строгой деловой жизнью. А возможно, такова была текущая мода. В квартире имелся весь набор домашней техники, которая у Блейна ассоциировалась с будущим: саморегулирующееся освещение и очистка воздуха, кресла с автоматически изменяющимися контурами сиденья и бар с кнопочным управлением, изготавлявший хорошего качества martini.

Мэри Торн ушла в одну из спален. Она вернулась уже в домашнем платье с высоким воротником и присела на кушетку напротив Блейна.

— Итак, Блейн, каковы ваши планы?

— Я думал попросить у вас взаймы.

— Конечно.

— В таком случае, я думаю найти комнату в отеле и начать поиски работы.

— Это будет нелегко, — сказала она. — Но я знаю некоторых людей, они могли бы...

— Нет, спасибо, — сказал Блейн. — Может это звучит глупо, но я лучше сам поищу работу.

— Нет, это звучит совсем не глупо. Надеюсь, что вам повезет. Как насчет обеда?

— Превосходно. Вы умеете готовить?

— Я поворачиваю циферблаты, — сказала она. — Так, посмотрим. Не хотите ли попробовать настоящую марсианскую еду?

— Нет-нет, спасибо, — сказал Блейн. — Марсианская еда на вкус приятна, но сыт от нее не будешь. Не найдется ли у вас бифштекса?

Мэри настроила автоповара, и тот позаботился обо всем остальном, отобрав в кладовой нужные продукты, распаковав, очистив, вымыв и приготовив, как было заказано. Кроме того, он послал заказ в магазин, чтобы пополнить запасы. Обед получился отличный, но Мэри, казалось, была несколько смущена. Она извинилась перед Блейном за полностью механизированный процесс приготовления. Ведь он прибыл из эпохи, когда женщины сами открывали консервные банки и сами пробовали приготовляемые блюда, но у них, наверное, было больше свободного времени.

К тому времени, когда они допили кофе, солнце уже село.
— Большое вам спасибо, мисс Торн, — сказал Блейн. — Теперь, если бы вы смогли одолжить мне денег, я отправился бы в отель.

Она взглянула на него с изумлением:

— Ночью?

— Да, я хочу найти комнату. Вы были очень добры, но я не хотел бы в дальнейшем...

— Ничего страшного, — сказала она. — Можете остаться здесь.

— Хорошо, — сказал Блейн.

Во рту у него стало сухо и сердце забилось подозрительно быстро. Он знал, что в ее предложении нет ничего личного, но тело его, похоже, отказывалось понимать. Оно реагировало с надеждой и даже ожиданием на слова антисептической, сдержанной мисс Торн.

Она показала ему его спальню и дала зеленую пижаму. Блейн закрыл за ней дверь, разделся и лег в постель. Свет погас, стоило лишь ему приказать вслух.

Немного спустя, как и ожидало его тело, Мэри Торн вошла в комнату. Она была в чем-то белом, и она легла рядом с Блейном.

Они лежали бок о бок и молчали. Мэри Торн пододвинулась ближе, и он положил руку ей под голову.

Он сказал:

— Я думал, мой тип вас не привлекает.

— Не совсем так. Я сказала, что предпочитаю высоких, художавых мужчин.

— Раньше я был высоким и художавым.

— Я так и думала.

Они снова замолчали. Блейну стало немного не по себе, в нем росло раздражение. Что все это значит? Он ей понравился? Или это обычай эпохи, вроде гостеприимства эскимосов?

— Мисс Торн, — сказал он, — я подумал, что...

— О, помолчи же! — сказала она, внезапно поворачиваясь к нему. Глаза ее в полумраке комнаты казались огромными. — Неужели обо всем нужно спрашивать, Том?

Некоторое время спустя она сказала сонно:

— В данных обстоятельствах, я думаю, ты можешь называть меня Мэри.

Утром Блейн принял душ, побрился и оделся. Мэри набрала для него завтрак на панели автоповара. Когда они позавтракали, она протянула ему небольшой конверт.

— Я смогу тебе одолжить больше, если понадобится, — сказала она. — Теперь насчет работы...

— Ты мне очень помогла, — сказал Блейн. — Все остальное я хочу сделать сам.

— Хорошо. На конверте я написала свой адрес и номер телефона. Позвони, пожалуйста, как только найдешь комнату.

— Я позвоню, — сказал Блейн, пристально глядя на нее. Он не замечал даже намека на ту Мэри, что была с ним прошлой ночью. Перед ним мог стоять совсем другой человек. Но пока он был вполне удовлетворен нарочитостью ее сдержанности. Этого пока вполне достаточно.

В дверях она тронула его за руку.

— Том, — сказала она. — Пожалуйста, будь осторожен. И позвони мне.

— Я позвоню, Мэри, — сказал Блейн.

Он отправился в город, веселый и отдохнувший, намереваясь завоевать этот мир.

12

Первой его мыслью было пройти по конторам яхтовых конструкторских бюро. Но от этого он отказался, представив себе конструктора из 1806 года в конструкторском бюро 1958.

Этот странный посетитель из прошлого мог быть очень талантливым человеком. Но никакой талант не помог бы ему, если бы его спросили о метацентрическом анализе привального бруса и о диаграммах обтекаемости, точках напряжения, и о лучшем месте расположения сорана и радиолокатора. Какая компания согласится платить ему жалованье, пока он будет знакомиться с системами редукции, многослойной краской, испытаниями в бассейне, с системой теплообмена, с синтетическими тканями для парусов...

У него не будет ни одного шанса, решил Блейн. И он тоже не мог войти в конструкторское бюро, отстав от времени на 152 года и попросить работу. Какую работу? Возможно, он мог бы подучиться и овладеть технологическими приемами 2110 года. Но этим он должен заниматься в нерабочее время.

Нет, сейчас ему придется взять любую работу.

Он подошел к газетному киоску и купил микрофильм свежего номера «Нью-Йорк Таймс» и устройство для чтения. Потом он отыскал скамейку, уселся и нашел отдел объявлений. Он быстро пропустил объявления о найме квалифицированных работников, где ему не на что надеяться, и перешел к неквалифицированным. Он начал читать.

«В автокафе требуется наладчик. Базовые знания роботики».

«Чистильщик корпусов требуется на лайнер Мар-Колинга. Необходима положительная резус-реакция и укрепленная антиклаустрофобия».

«Требуется инвентаризатор для вредной работы. Должен иметь основные знания по дженклингу. Еда за счет работодателя».

Блейну стало ясно, что даже для неквалифицированного труда в 2110 году он не годился. Перевернув страницу к разделу «Работа для подростков», он прочел:

«Требуется молодой человек, интересующийся слик-траговыми аппаратами. Хорошие перспективы. Должен иметь базовые математические знания и навык работы с хутаан-уравнениями».

«Нужен молодой человек для работы продавца на Венере. Жалование плюс комиссионные. Должен иметь базовые знания французского, немецкого, русского и оуречского языков».

«Доставка, журналы и газеты. Эткол набирает мальчиков. Должен уметь водить шпренинг. А также хорошо знать город».

Итак... он не годится даже в продавцы газет!

Это была угнетающая мысль. Найти работу будет куда труднее, чем он думал. Неужели в этом городе никто не копает ямы и не разносит пакеты? Неужели всю грубую работу выполняют роботы, или даже для того, чтобы толкать вагонетки требуется степень доктора наук? Что это за мир?

За ответом он обратился к первой странице «Таймс», настроил считывающий аппарат и ознакомился с новостями дня.

«Ведется строительство нового космодрома в Оксе, Новоюжный Марс».

«Как предполагают, полтергейст виновен в нескольких случаях пожаров в округе Чикаго. Ведутся попытки изгнать духа».

«Богатые залежи меди обнаружены в Сигма-Д секторе пояса астероидов».

«В Берлине усилили активность допцельгангеры».

«Проведены новые исследования поселения осьминогов во впадине Миндано».

«В Спенсере Алабама толпа линчевала и сожгла двух местных зомби. Зачинщики находятся под следствием».

«Как заявил ведущий антрополог, архипелаг Туамото в Океании остается последним оплотом простых нравов двадцатого века».

«Ассоциация Атлантических морских пастухов начала очередную конференцию в Вальдорфе».

«Неудачная охота на вервольфа была произведена в Тироле, Австрия. Деревни в округе предупреждены о необходимости нести круглосуточное наблюдение за бестией».

«В палату представителей был подан проект о запрещении всех видов охоты и боев гладиаторов. Проект был забаллотирован».

«Берсеркер убил четырех жителей в нижней части Сан-Диего».

«Число жертв аварий вертолетов достигло в этом году уровня одного миллиона».

Блейн отложил газету с еще более тяжким чувством. Призраки, допцельгангеры, вервольфы, полтергейсты... Ему не нрави-

лось звучание этих мрачных, древних слов, которые в эти дни обозначали повседневные явления. Он уже повстречался с зомби. Ему больше не хотелось сталкиваться с другими опасными побочными эффектами послежизни.

Он снова пошел вдоль тротуара. Он миновал район театров. Афиши объявляли о гладиаторских боях на Мэдисон-сквер Гарден, плакаты рекламировали солидовизионные программы и сенсорошоу, сверкающие огни объявлений предлагали посетить сверхтоновые концерты и венерианскую пантомиму. С грустью припомнилось Блейну, что он тоже мог бы стать частью этой ослепительной страны сказок, если бы Рейли не изменил решения. Он мог бы оказаться на одной из афиш в качестве «Человека из Прошлого»...

Конечно же! Человек из Прошлого!

Блейн внезапно осознал, насколько новое и необыкновенное несет он в себе качество. Корпорация «РЕКС» спасла его жизнь лишь для того, чтобы это качество использовать. Но они передумали. Тогда что ему мешает самому использовать его? И кроме того, что еще ему остается? Зрелищный бизнес остается его единственной возможностью.

Он поспешил к гигантскому зданию, где помещались конторы разнообразных учреждений и обнаружил, что в списке их имеется целых шесть театральных агентств. Он остановился на агентстве «Барнекс, Скофилд и Стайлз», сел в лифт, доставивший его на девятнадцатый этаж.

Он вошел в огромную приемную, стены которой украшали роскошные солидографии улыбающихся актрис. В дальнем конце комнаты симпатичная секретарша вопросительно подняла брови, увидев Блейна.

Блейн подошел к ее столу.

— Я хотел бы поговорить с кем-нибудь по поводу моего номера, — сказал он.

— Мне очень жаль, — сказала она. — У нас нет вакансий.

— Это необыкновенный номер.

— Мне действительно очень жаль. Может быть на следующей неделе.

— Послушайте, — сказал Блейн. — У меня действительно необыкновенный номер. Понимаете, я из прошлого.

— Даже если бы вы были призраком Скотта Мерривалля, — сказала секретарша, — вакансий нет. Зайдите через неделю.

Блейн повернулся, чтобы уйти. Коренастый мужчина промчался мимо него, на бегу кивнув секретарше.

— Доброе утро, мисс Тетчер.

— Доброе утро, мистер Барнекс.

Барнекс! Один из агентов! Блейн бросился вдогонку за мужчиной и поймал его за рукав.

— Мистер Барнекс, — сказал он. — У меня номер...

— У всех номера, — устало сказал Барнекс.

— Но это уникальный номер!

— У всех уникальные, — сказал Барнекс. — Отпустите мой рукав. Загляните на той неделе.

— Я из прошлого! — воскликнул он, почувствовав себя вдруг дураком. Барнекс повернулся и уставился на него. У него был такой вид, словно он собирался вызвать полицию. Но Блейн бросился в атаку, пренебрегая опасностью:

— Клянусь вам, это правда! — сказал он. — У меня есть доказательство. Корпорация «РЕКС» выхватила меня из прошлого. Спросите у них!

— «РЕКС»? — переспросил Барнекс. — Ага, я что-то слышал об этой операции у Линды... Гмм. Зайдите-ка ко мне в кабинет. Мистер...

— Блейн. Том Блейн. — Он вошел вслед за Барнексом в тесную комнатку. — Вы думаете, я вам подойду? — спросил он.

— Возможно, — сказал Барнекс, подталкивая Блейна к стулу. — Посмотрим. Скажите, мистер Блейн, из какой вы эпохи?

— Из 1958 года. Я обладаю непосредственным знанием тридцатых, сороковых и пятидесятих годов. Некоторый сценический опыт у меня имеется — я играл в колледже, и одна моя знакомая актриса, профессионалка, говорила, что у меня врожденный дар...

— 1958? Это в XX веке?

— Да, да.

Агент покачал головой.

— Очень плохо. Вот если бы вы были шведом из шестого века или японцем из седьмого, я мог бы вам кое-что найти. Можно было бы набрать еще пару человек из первого века Римской империи и для четвертого века — англо-саксонского завоевания. Из ранних веков теперь, когда путешествия во времени объявили вне закона, очень трудно кого-нибудь найти. А из периода до нашей эры вообще ничего нет.

— А как с двадцатым веком? — спросил Блейн.

— Все заполнено.

— Заполнено?

— Конечно. Бен Терлер из 1953 года получает все возможные роли.

— Понимаю, — сказал Блейн, медленно поднимаясь со стула. — Тем не менее, спасибо, мистер Барнекс.

— Не за что, — сказал Барнекс. — Жаль, что ничем не могу помочь. Если бы вы были откуда-нибудь до XI века, я бы вас взял. Но в таком близлежащем периоде, как XIX и XX века нет ничего интересного... Послушайте, почему бы вам не сходить к Терлеру? Это маловероятно, но может быть, ему нужен помощник или что-нибудь в этом роде?

Он нацарапал адрес на листке бумаги и вручил его Блейну.

Блейн взял листок, еще раз поблагодарил и вышел.

Оказавшись на улице, он постоял несколько секунд, кляня свою несчастливую звезду. Единственное его уникальное качество

было уже узурпировано неким Беном Терлером из 1953 года! Нет, действительно, подумал он, с этими путешествиями во времени могли быть и поосмотрительнее. Это просто несправедливо — забросить в будущее человека, а потом забыть о нем.

Ему стало интересно, что за человек был этот Терлер. Что ж, он это скоро узнает. Даже если Терлеру не нужен помощник, приятно будет поговорить с современником. К тому же, Терлер здесь уже давно, он может подсказать какое-нибудь занятие для человека из XX века в 2110 году.

Он помахал рукой пролетавшему гелитакси, сел в машину и назвал адрес Терлера. Через пятнадцать минут он уже был в доме, где жил Терлер, и нажимал на кнопку звонка.

Дверь открыл полнощекий, прилизанный, весьма самодовольного вида мужчина в халате.

— Вы — фотограф? — спросил он. — Тогда вы слишком рано пришли.

Блейн покачал головой.

— Мистер Терлер, вы меня не знаете. Я из вашего столетия, из 1958 года.

— Вот как? — спросил Терлер голосом, в котором явственно слышалось подозрение.

— Это правда, — сказал Блейн. — Меня вытащила сюда корпорация «РЕКС». Можете проверить мои слова.

Терлер пожал плечами.

— Ну, хорошо, так что вы хотите?

— Я думал, что вам может понадобиться помощник, или...

— Нет-нет, я не нуждаюсь в помощниках, — сказал Терлер, начиная закрывать дверь.

— Я так и думал, — сказал Блейн. — Вообще-то, я пришел просто поговорить с вами. В чужом веке чувствуешь себя довольно одиноко. Мне хотелось поговорить с кем-нибудь из родного столетия. Я думал, что вам, наверное, тоже будет приятно.

— Мне? О! — сказал Терлер, улыбаясь театральной улыбкой. — То есть, поговорить о старом добром двадцатом, да? Я с удовольствием поболтаю с тобой, друг, как-нибудь потом. Старый добрый Нью-Йорк! Воздушная кукуруза, красотики в парке, роллер-каток на Рокфеллер-плаза. Как я за всем этим скучаю! Но понимаешь, друг, я сейчас немного занят...

— Конечно, — сказал Блейн. — Как-нибудь в другой раз.

— Отлично! Это будет здорово! — сказал Терлер, улыбаясь еще шире. — Позвони моему секретарю, ладно, старик? Сам понимаешь, работа. Как-нибудь на днях мы здорово поболтаем. Наверное, тебе не помешает пара лишних долларов...

Блейн покачал головой.

— Тогда пока! — с сердечной теплотой сказал Терлер. — И звони поскорее, не забудь.

Блейн поспешил прочь из этого здания. И без того плохо, если у тебя отобрали уникальное качество, но еще хуже, если это сделал второсортный очковтиратель, хронологический самозванец, который и на сто лет не подходил к 1953 году. Роллер-каток на Рокфеллер-плаза!!! Даже без этой оплошности можно было догадаться — все в этом человеке кричало о подделке.

Как печально, что Блейн, очевидно, был единственным человеком в 2110 году, который мог уличить подмену.

В тот день Блейн приобрел смену белья и набор бритвенных принадлежностей. Потом он нашел комнату в дешевом отеле на пятой авеню. Всю следующую неделю он искал работу.

Он обошел рестораны, но оказалось, что люди-посудомойки канули в прошлое. В космопорту и речных доках всю тяжелую работу выполняли роботы. Один раз его временно взяли на должность инспектора упаковки пакетов, но затем отдел кадров фирмы, изучив его психопрофиль, индекс раздражительности и уровень внушаемости, отдали предпочтение коротышке с тупым взглядом из Квинса, у которого было мастерское звание по дизайну пакетов.

Блейн устало возвращался вечером в свой отель, когда вдруг в густой толпе мелькнуло знакомое лицо. Этого человека он узнал бы моментально и где угодно. Это был ладный, рыжеволосый мужчина примерно одного с Блейном возраста и с курносым носом, слегка выдающимися зубами и небольшим красным пятном на шее. Он держался со своего рода бесшабашной уверенностью человека, которому всегда удавалось найти какой-нибудь выход из положения.

— Рей! — крикнул Блейн. — Рей Мейхилл!! — он протиснулся сквозь толпу и схватил мужчину за рукав. — Рей! Как тебе удалось вырваться?

Мужчина высвободил рукав и поправил пиджак.

— Я не Мелхилл, — сказал он.

— Как? Ты уверен?

— Конечно, уверен, — сказал тот, возобновляя свой путь.

Блейн загородил ему дорогу.

— Подождите минуту. Вы выглядите в точности как он, вплоть до радиационного ожога. Вы уверены, что вы не Рей Мелхилл, механик-контролер с космолета «Бремен»?

— Совершенно уверен, — холодно ответил человек. — Вы меня с кем-то спутали, молодой человек.

Блейн не сводил взгляда с человека, который снова попытался уйти. Потом он бросился за ним, схватил за плечи и повернул рывком.

— Ах ты грязный ворюга, купил себе тело, подонок? — проревел он, замахиваясь кулаком.

Удар бросил человека, который был так похож на Рея Мел-

хилла, к стене здания. Он медленно сполз на тротуар. Блейн двинулся к нему, и прохожие быстро кинулись в разные стороны.

— Берсеркер! — закричала женщина, и кто-то подхватил крик. Блейн краем глаза заметил полицейского, пробирающегося сквозь толпу.

Голубые рубашки! Блейн нырнул в толпу. Он быстро завернул за угол, потом за другой, перешел на шаг и оглянулся. Полицейского не было видно. Блейн снова направился к своему отелю.

Да; это было тело Мелхилла, но занимал его уже не он. На этот раз ему не удалось выкрутиться. Его тело продали какому-то старику, чье брызгливое сознание носило ловкое тело Рея словно плохо сидящий, не по возрасту несолидный костюм.

Теперь он знал наверняка, что его друг умер. Блейн, в молчании выпил за память о нем в баре рядом с гостиницей, прежде, чем вернуться в свой номер.

Когда он проходил мимо стола регистрации, его остановил дежурный клерк.

— Блейн? Для вас письмо. Минутку.

Он скрылся в конторе.

Блейн ждал, пытаясь определить, откуда он мог получить послание. От Мэри? Он еще не звонил ей и не собирался звонить, пока не найдет работу.

Клерк вернулся и протянул ему бумагу. Там говорилось:

«Томаса Блейна ждет сообщение. Спиритический коммутатор, 23 улица, время: от девяти до пяти».

— Не понимаю, кто мог меня здесь отыскать? — спросил Блейн.

— У духов есть способы, — сказал клерк. — У меня тут был приятель, так его покойная теща отыскала его после трехкратной смены фамилий, Транспланта и полной трансформации внешности. Он прятался от нее в Абиссинии.

— Нет у меня никаких покойных тещ, — сказал Блейн.

— Нет? Кто же это хочет с вами связаться? — спросил клерк.

— Узнаю завтра и сообщу вам, — сказал Блейн. Но клерк не уловил сарказма. Он уже открыл свой заочный учебник по ремонту атомных двигателей. Блейн отправился наверх, в свой номер.

13

Отдел Спиритического коммутатора на двадцать третьей улице находился в сером каменном здании неподалеку от Третьей авеню. Над входом были выбиты слова на камне: «ПОСВЯЩАЕТСЯ СВОБОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ ТЕХ, ЧТО ЖИВУТ НА ЗЕМЛЕ, И ТЕХ, ЧТО ЖИВУТ ВНЕ ЕЕ».

Блейн вошел в здание и изучил схему помещения. Здесь нашли место отделы Исходящих Посланий, Входящих Посланий, Переводы, Отдел Претензий, Экзорсизионная, Отдел Предложе-

ний, Просьб и Увещаний. Он не был уверен, под какую попадает классификацию сам, и что обозначают эти названия, и даже не совсем понимал, чем занимается Спиритический коммутатор. Вместе со своим вызовом он пошел к справочной кабине.

— Это во Входящие Послания, — сказала ему спокойная седовласая служащая. — Прямо через холл, комната 32-А.

— Спасибо. — Блейн поколебался, потом сказал. — Можно задать вам вопрос?

— Конечно, — сказала женщина. — Что вы хотели спросить?

— Понимаете... может это и глупый вопрос... но что это за организация?

Седовласая женщина улыбнулась.

— Это не простой вопрос. В философском смысле можно назвать спиритический коммутатор шагом вперед к великому единению, попыткой преодолеть дуализм тела и духа и дать замену...

— Нет, — сказал Блейн. — В буквальном смысле.

— Буквальном? Ну, как же, Спиритический коммутатор — это свободная от налогов, основанная на частных пожертвования организация, предназначенная служить переходным пунктом в коммуникации между нашим миром и Пороговым уровнем Послежизни. В некоторых случаях, конечно, людям не нужна наша помощь, они могут общаться непосредственно со своими отбывшими близкими. Но как правило, требуется усиление. Наш центр имеет соответствующую аппаратуру, которая делает голоса покойных слышимыми нашему уху. И мы выполняем другие услуги, такие как экзорсизм, передача увещаний и претензий, и так далее, необходимость в которых возникает время от времени, когда плоть взаимодействует с духом.

Она тепло улыбнулась Блейну.

— Мне удалось что-нибудь прояснить для вас?

— Большое спасибо, — сказал Блейн и направился через холл к комнате номер 32-А.

Это была небольшая комната с серыми стенами и громкоговорителями на стене. Блейн сел, ожидая, что будет дальше.

— Том Блейн? — послышался бестелесный возглас из громкоговорителя.

— Что? Кто это? — спросил Блейн, вскочив с кресла и бросаясь к двери.

— Том? Как у тебя дела, дружище?

Блейн, уже опустивший руку на ручку двери, узнал голос.

— Рей Мелхилл?!

— Точно! Я здесь, наверху, куда попадают после смерти эти толстосумы! Неплохо, а?

— Это еще слабо сказано. Но, Рей, каким образом? Я думал, что у тебя нет послежизненной страховки.

— У меня ее и не было. Сейчас я тебе все расскажу. Они пришли за мной примерно час спустя после того, как увели тебя. Я

так разозлился, что чуть не сошел с ума. Я был зол, когда меня хлороформировали, когда стирали сознание. Я так и помер, злой.

— Что ты почувствовал в этот момент? — сказал Блейн.

— Это было как взрыв. Я распался на тысячу кусочков, стал большим, как галактика, и эти кусочки рвались на кусочки ещё мельче, и каждый из них был я.

— А что было дальше?

— Не знаю. Наверное, помогло, что я был такой злой. Я растянулся до предела, дальше было некуда, и все-таки это был все еще я, и потом я сжался обратно. С некоторыми это бывает. Я тебе ведь говорил, несколько человек из миллиона выживают после смерти без специальной обработки. Я оказался таким счастливым.

— Думаю, ты уже сам обо мне все знаешь, — сказал Блейн. — Я пытался помочь тебе, но опоздал — тебя уже продали.

— Я знаю, — сказал Мелхилл. — Все равно спасибо, Том. Да, еще одно спасибо, что ты врезал тому паразиту, который носит мое тело.

— Ты это видел?

— А как же, я не зевал, — сказал Мелхилл. — Кстати, мне понравилась эта твоя Мэри. Симпатичная малютка.

— Спасибо, Рей, а как оно там, в послежизни?

— Не знаю.

— Ты не знаешь?

— Так я еще не попал в послежизнь, Том. Я на Пороге. Это предварительная стадия, вроде как мост между Землей и Послежизнью. Это трудно описать. Что-то вроде серого пространства, с одной стороны — Земля, с другой — Послежизнь.

— А почему ты не переходишь? — спросил Блейн.

— Пока не спешу, — сказал Мелхилл. — Тут одностороннее движение. Если один раз перейдешь в послежизнь, назад уже не вернешься. Связи с Землей больше не будет.

Блейн обдумывал его слова одну минуту, потом спросил:

— Когда ты думаешь перейти, Рей?

— Точно не знаю. Я подумал, что пока останусь на Пороге и погляжу, как идут дела.

— У меня, ты хочешь сказать?

— Ну...

— Спасибо тебе большое, Рей, но не делай этого. Переходи в послежизнь. Я сам о себе позабочусь.

— Конечно, — сказал Мелхилл, — но я думаю, что еще немного погожу. Ведь ты тоже бы так поступил, правильно? Поэтому не спорь. Теперь слушай, ты ведь знаешь, что попал в неприятную историю?

Блейн кивнул.

— Ты имеешь в виду зомби?

— О нем я ничего не знаю, Том, ни кто он, ни что он хочет от тебя. Но хорошего здесь мало, и лучше держаться от него подальше, если он вдруг вспомнит. Но я не это имел в виду.

— Как, это еще не все?
— Боюсь, что да. За тобой охотится призрак, Том.
Несмотря ни на что, Блейн засмеялся.
— Что тут смешного? — с негодованием спросил Мелхилл. — Ты думаешь, это шуточки?
— Думаю, что нет. Но так ли это серьезно?
— Боже мой, да ты полный невежа, — сказал Мелхилл. — Ты что-нибудь знаешь о призраках? Что они такое и чего хотят?
— Расскажи мне.
— Так вот, у человека, который умер, есть три возможности. Первая — его сознание может раствориться, распасться, и это его конец. Вторая — его сознание переживет смертную травму и он окажется в Послежизни, на Пороге. Он станет духом. Эти два варианта тебе известны.
— Продолжай, — сказал Блейн.
— Третий вариант таков: его сознание повреждено травмой, но не до конца уничтожено. Он пробирается все-таки на Порог. Но напряжение слишком велико для него. Он теряет разум. И вот это, мой друг, и есть призрак.
— Гмм, — сказал Блейн. — Значит, призрак, это сознание, потерявшее разум в результате смертной травмы?
— Верно. Он безумен, и он начинает охоту.
— Но почему?
— Призраки охотятся, — сказал Мелхилл, — потому что их заполняет извращенная ненависть, злоба, страх и боль. Они не уходят в послежизнь. Они стараются проводить как можно больше времени на Земле, которая все еще привлекает их внимание. Они стремятся напугать человека, ранить его, свести с ума. Охота — это самое античеловеческое деяние, которое им по силам, это само их безумие. Понимаешь, Том, с первых дней человечества...

С первых дней человечества существовали призраки, но число их всегда оставалось небольшим. Лишь несколькими из миллионов удавалось пережить смерть, и лишь малый процент от этих выживших терял разум в процессе перехода и превращался в призраков.

Но немногочисленные эти представители рода призраков произвели колоссальное воздействие на человечество, которое всегда со страхом и благоговением относилось к смерти, напуганное холодным бесстрастием трупа, только что еще живого и теплого тела, потрясенное потусторонним юмором улыбки черепа скелета. Веками создававшийся образ Смерти казался полным бесконечного смысла, ее угрожающий перст указывал в небесах — царство духов. Поэтому каждый настоящий призрак вызывал слухи и страхи, соответствующие тысяче. В призраков превращались болотные огни, шорох портьер, качающиеся деревья, и огни святого Эльма, и большеглазые совы, и скребущиеся за стенами крысы, и лисы в кустах — они тоже становились ули-

ками призрачного присутствия. Фольклор развивался, и он создал ведьму с колдуном, демонов и дьяволов, суккубов и инкубов, вервольфов и вампиров. Каждый призрак превращался в тысячу призраков, каждое сверхъестественное явление вызывало слухи о миллионах подобных.

Первые исследователи бесстрашно вторглись в этот лабиринт, пытаясь выяснить правду о сверхъестественных явлениях. Были разоблачены многочисленные надувательства, галлюцинации и просто ошибки восприятия. И были выделены несколько по-настоящему необъяснимых явлений, которые, будучи весьма интересными, не имели статистического значения.

Все традиции фольклора пошли прахом. Статистически призраков не существовало. Но при всем этом оставалось еще неуловимое нечто, которое отказывалось втискиваться в рамки классификаций. Этот факт игнорировался веками, факт существования этого нечто, который и давал основу для сказок об инкубах и суккубах. Пока, наконец-то, развитие научной теории не догнало фольклор, включило его в класс строгих научных фактов и придало ему респектабельность.

После открытия послежизни стало ясно, что иррациональность призраков объясняется существованием безумных сознаний в той туманной пограничной области между Землей и Послежизнью. Виды потустороннего безумия могли быть классифицированы, подобно видам безумия у людей. Имелись тут и меланхолики, безутешно странствовавшие среди картин их великой страсти, шепчущие гебефреники, с их веселой чепухой, подсказываемой наугад и невпопад, идиоты и имбецилы, принимавшие обличие маленьких детей, шизофреники, представлявшие себя животными, прототипы вампиров и страшного Снежного Человека, оборотни-волки, оборотни-тигры, оборотни-лисы, оборотни-собаки. Имелись и обуреваемые тягой к разрушению полтергейсты, швырявшие камни и устраивавшие пожары, и даже напыщенные параноидальные типы, мнившие себя Люциферами, Вельзевулами, Израэлями или Азazelлами, Духами Рождества, фуриями, Божественным Провидением, и даже Смертью самой.

Охота проистекала из болезни сознания призраков. Они рыдали на старых сторожевых башнях, все эти немногочисленные призраки, на чьих нематериальных плечах покоился груз многовекового фольклора, смешивались с туманом вокруг виселиц, бормотали чепуху на сеансах спиритизма. Они пели, танцевали и плакали, разговаривали к удовольствию доверчивых, пока научные исследователи не явились со своими холодными трезвыми вопросами. Тогда они в страхе отступили в область Порога, бежав от безжалостной атаки трезвого рассудка, опасаясь за свои иллюзии, в страхе быть вылеченными.

— Вот, значит, как все было, — сказал Мелхилл. — Остальное ты и сам знаешь достаточно неплохо. С тех пор, как появи-

лась корпорация «МИР ИНОЙ», куда как больше людей выживает после смерти. И, соответственно, большее число сходит с ума в процессе перехода.

— Что увеличивает число призраков, — сделал вывод Блейн.

— Правильно. Один из них взял тебя на прицел, — сказал Мелхилл, его голос звучал все тише. — Поэтому берегись, Том. Мне уже пора.

— Какого рода этот призрак? — спросил Том. — Чей он? И почему ты уходишь?

— Пребывание на Земле требует уймы энергии, — прошептал Мелхилл. — Я уже почти на пределе. Надо перезарядиться. Ты еще меня слышишь?

— Да, продолжай.

— Я не знаю, когда он появится. И не знаю, чей он призрак. Я спрашивал, но он не сказал. Поэтому будь наготове.

— Я понял, — сказал Блейн, прижимаясь ухом к динамику громкоговорителя. — Рей! Я смогу еще с тобой поговорить?

— Наверное, — сказал Мелхилл, его уже почти не было слышно. — Том, я знаю, ты ищешь работу. Зайди к Эду Франчелу, 323, Вест, 19 улица. Работа грязная, но платят хорошо. И гляди в оба.

— Рей! — крикнул Блейн. — Какой это призрак?

Ответа не было. Громкоговоритель молчал и Блейн был один в серой комнате.

14

Номер 323 по 19 улице, адрес которой дал ему Рей, — оказался небольшим ветхим зданием из коричневого камня неподалеку от доков. Блейн взобрался по лестнице и нажал на кнопку входной двери, обозначенной табличкой «Эдвард Дж. Франчел, предприниматель». Дверь открыл крупный лысеющий мужчина в рубашке без пиджака.

— Мистер Франчел? — спросил Блейн.

— Это я, — ответил лысеющий мужчина с решительной веселой улыбкой. — Прошу вас, сэр.

Он провел Блейна в комнату, где остро пахло вареной капустой. Передняя половина помещения была обставлена как кабинет, со столом, полным бумаг, пыльным шкафом-картотекой и несколькими жесткими стульями. В глубине Блейн увидел мрачную гостиную. Где-то в недрах квартиры солидовизор ревел, воспроизводя дневную программу.

— Прошу прощения за беспорядок, — сказал Франчел, усаживая Блейна на стул. — Я никак не выберу время, чтобы перебраться в новый оффис поближе к центру. Просто завалили меня заказами... Итак, сэр, чем могу быть вам полезен?

— Я ищу работу, — сказал Блейн.

— Проклятье, — чертыхнулся Франчел. — Я думал, вы клиент. — Он повернулся в направлении ревушего солидовизора и заорал: — Алиса, выключи эту адскую машину!

Он подождал, пока сила звука немного уменьшилась, потом повернулся к Блейну.

— Дружище, если дела вскорости не поправятся, мне придется снова вернуться в кабину самоубийц у Кони. Работу, значит, ищешь?

— Да. Рей Мелхилл посоветовал мне спросить у вас.

Франчел оживился.

— А как дела у Рея?

— Он умер.

— Ай-яй-яй, — сказал Франчел. — Хороший был парень, немного сорвиголово только. Он работал у меня пару раз, когда пилоты бастовали. Не желаете ли выпить?

Блейн кивнул, Франчел подошел к шкафу-картотеке и вытащил бутылку пшеничного виски. На этикетке было написано «СЕЛЕНИТКА». Он отыскал два небольших стаканчика и наполнил их с шиком бывалого человека.

— За покойного Рея, — сказал Франчел. — Наверное, его «упаковали»?

— «Упаковали» и «доставили», — сказал Блейн. — Я только что говорил с ним через Спиритический коммутатор.

— Ага, так ему удалось пробраться на Порог! — с восхищением заметил Франчел. — Дружище, чтобы нам так всегда везло. Значит, тебе нужна работа? Так, возможно, я смогу помочь. Ну-ка, встань.

Он обошел Блейна вокруг, потрогал бицепсы, провел пальцем по могучим мышцам плеч. Он остановился перед Блейном, кивнул сам себе, опустив глаза, потом стремительно ударил его в лицо. Правая рука Блейна мгновенно взлетела вверх, вовремя блокируя удар.

— Хорошее сложение, отличные рефлексy, — одобрил Франчел. — Думаю, ты подойдешь. С оружием умеешь обращаться?

— Не очень, — признался Блейн. Что за работу ему хотят предложить? — Только... со старинными видами. Винчестер, кольт.

— Серьезно? — спросил Франчел. — Ты знаешь, я всегда испытывал страсть к пулевому оружию. Но на охоте запрещено как луечное, так и пулевое оружие. Что ты еще знаешь?

— Могу работать штыком, — сказал Блейн, представив, как хохотал бы его сержант-инструктор, услышав такую похвальбу.

— Умеешь? Выпады, парирование и все такое? Будь я проклят, а я-то считал, что искусство штыкового боя совсем забыто. Ты первый за пятнадцать лет. Парень, считай, что тебя приняли.

Франчел склонился над столом, нацарапал адрес на листке и протянул его Блейну.

— Приходи завтра по этому адресу на инструктаж. Ты получишь обычную для охотника плату — двести долларов плюс пятьдесят долларов за каждый рабочий день. Собственное оружие у тебя есть? Ладно, я подберу тебе винтовку, но ее стоимость будет вычтена из твоей платы. — И я получаю десять процентов с общей суммы. Согласен?

— Ладно, — сказал Блейн. — Вы не могли бы объяснить подробнее, что за охота?

— Нечего тут объяснять. Обыкновенная охота. Но держи язык за зубами. Я не уверен, разрешено ли это еще законом. Хотя бы Конгресс наконец навел порядок с этим актом о самоубийстве и разрешенном убийстве. Полная неразбериха получается.

— Конечно, — согласился Блейн.

— Юридическую сторону вам, наверное, объяснят на инструктаже. Там будут остальные охотники, и Жертва расскажет вам все, что нужно. Передай от меня привет Рею, если будешь с ним еще говорить. Скажи, мне жаль, что его «упаковали».

— Я передам, — пообещал Блейн.

Он решил не задавать больше вопросов, опасаясь, что его невежество будет стоить ему работы. Что бы это ни была за охота, его тело и он сам наверняка справятся с ней. А работа — любая работа — была ему сейчас необходима для самоуважения, а также для похудевшего бумажника.

Он поблагодарил Франчела и ушел.

Вечером он заказал дорогой ужин, потом купил несколько журналов. Сознание того, что он нашел работу, поднимало настроение. Наконец-то он найдет себе место в этом веке!

Радость его была несколько омрачена, когда он мельком взглянул на стоявшего неподалеку от отеля мужчину. Мужчина смотрел на Блейна. У него было белое лицо и безмятежные глаза Будды, и одежда висела на нем, как на огородном пугале.

Это был зомби.

Блейн поспешил скрыться от греха подальше в отеле. В конце концов, смотреть никому ни на кого не возбраняется, даже для зомби.

И тем не менее, до самого утра его мучили кошмары.

Рано утром на следующий день Блейн направился по 42 авеню к автобусной остановке, чтобы не опоздать на инструктаж. Пока он ждал, на противоположной стороне улицы возник какой-то шум.

Прямо посреди заполненного прохожими тротуара остановился человек. Он бессмысленно смеялся. Люди начали сторониться его. Ему было лет пятьдесят, как решил Бейн, он носил твидовый солидный костюм, очки и был немного полноват. Он нес небольшой портфель и выглядел в точности как десять миллионов других деловых людей.

Внезапно он перестал смеяться. Он раскрыл молнию на портфеле и вытащил два длинных, слегка изогнутых кинжала. Портфель полетел в сторону, за ним последовали очки.

— Берсеркер! — кричал кто-то.

Мужчина, сверкая кинжалами, бросился на прохожих. Послышались вопли ужаса, толпа расступилась перед ним.

— Берсеркер, берсеркер!

— Вызовите полицию!

— Берегитесь, берсеркер!

Какой-то мужчина уже упал на тротуар, прижимая рукой рану на плече и ругаясь. Лицо берсеркера стало красным, изо рта брызгала слюна. Он еще глубже внедрился в густую толпу, и люди сбивали друг друга с ног, пытаясь убежать от него. Визгнула женщина, которую толкнули, и груз пакетов, что она несла, рассыпался по тротуару.

Берсеркер взмахнул зажатым в левой руке кинжалом, не попал в нее и бросился дальше.

Появились полицейские в голубой форме, шесть или восемь человек, в их руках блестел металл оружия. — Всем лечь!

Движение остановилось. Люди на той стороне улицы, где бесчинствовал берсеркер, бросились на тротуар. На той стороне, где стоял Блейн, люди тоже опустили на землю.

Девочка с веснушками, лет двенадцати, потянула Блейна за руку.

— Мистер, ложитесь! Сейчас будут стрелять!

Блейн опустился на тротуар рядом с ней. Берсеркер повернулся и теперь мчался на полицейских, вопя и размахивая кинжалами.

Три полицейских выстрелили одновременно, их пистолеты выбросили бледные желтоватые лучи, вспыхнувшие красным, когда они вошли в тело берсеркера. Он кричал, одежда на нем задымилась, он попытался убежать.

Луч ударил прямо в его спину. Он бросил оба кинжала в полицейских и рухнул на тротуар.

Рядом, шумя винтами, приземлился коптер скорой помощи, в него погрузили тело берсеркера и получивших ранение прохожих. Полицейские начали разгонять собравшуюся вокруг толпу.

— Ладно, ребята, расходитесь. Все кончилось. Расходитесь!

Толпа начала рассасываться. Блейн поднялся и отряхнулся.

— Что это было? — спросил он.

— Вот глупый, это же берсеркер, — сказала девочка с веснушками. — Ты что, не видел?

— Видел. И много здесь таких?

Она гордо кивнула.

— В Нью-Йорке берсеркеров больше, чем в любом другом городе в мире, кроме Манилы, там их называют амоками. У нас их появляется примерно пятьдесят человек в год.

— Больше, — сказал прохожий. — Наверное, семьдесят или восемьдесят. Но этот был совсем уж вялый.

Небольшая толпа собралась вокруг Блейна и девочки. Они обсуждали нападение почти так же, как в родном веке Блейна обсуждали автомобильную катастрофу.

— Сколько он успел?

— Человек пять, и, думаю, ни одного не убил.

— Да, времена не те, — сказала старушка. — Вот когда я была еще маленькой, их так просто было не остановить. Вот это были берсеркеры.

— Этот неудачное место выбрал, — сказала девочка с веснушками. — На 42 полно «голубых рубашек». Не успел он начать, как его уже прокололи.

К ним подошел здоровенный полицейский.

— Ладно, ребята, кончайте. Потеха кончилась, проходите.

Толпа разошлась. Блейн сел в свой автобус. Почему, думал он, пятьдесят или даже больше человек в Нью-Йорке становятся берсеркерами? Чисто нервное напряжение? Безумная форма индивидуализма? Бессмысленное правонарушение?

Это ему тоже придется выяснить среди прочих загадочных вещей и явлений в мире 2110 года.

15

Указанный Блейну адрес привел его в фешенебельную квартиру в небоскребе на Парк-авеню. Лакей провел его в просторную комнату, где длинным рядом были установлены стулья. Места на них занимала дюжина громкоголосых, крепких, бывалого вида мужчин, небрежно одетых и слегка стесненно чувствовавших себя в таком роскошном окружении. Большинство из них знали друг друга.

— Эй, Отто! Опять решил поохотиться?

— Ага. Деньжата кончились.

— Я знал, что ты вернешься, старый пес. Привет, Тим!

— Привет, Бьорн. Это моя последняя охота.

— Ну да. До следующего раза, значит.

— Нет, я серьезно. Я покупаю глубоководную ферму в Северо-Атлантической впадине. Мне нужен последний взнос.

— Пропьешь ты своей взнос.

— Нет, на этот раз все.

— Эй, Тезей! Как твоя ударная рука?

— Неплохо, Чико. А у тебя?

— Ничего, малыш.

— А вот и Сэмми Джоунс, он как всегда последний.

— Но я не опоздал ведь?

— На десять минут. А где твой напарник?

— Слиго? Помер. В охоте на Астуриаса.

— Сурово. Страховка была?

— Вряд ли.

В комнату вошел мужчина и объявил:

— Джентльмены! Прошу внимания!

Он вышел в середину комнаты и, уперев руки в бока, остановился перед шеренгой охотников. Это был среднего роста, мускулистый мужчина в брюках для верховой езды и рубашке с открытым воротом. У него были маленькие, тщательно подстриженные усики и пристальные голубые глаза, смотревшие с загорелого тонкого лица. Несколько секунд он рассматривал охотников, которые, тем временем, покашливали и переминались с ноги на ногу.

Наконец он сказал:

— Доброе утро, джентльмены. Я — Чарльз Халл, ваш работодатель и Жертва. — Он подарил им холодную улыбку. — Сначала касательно легальности нашего предприятия. В самый последний момент возникла некоторая неопределенность. Мой адвокат тщательно ознакомился с вопросом и сейчас даст пояснения. Мистер Дженсен, прошу!

Невысокий, нервного вида человек вошел в комнату, поправил очки на носу и прокашлялся.

— Да, мистер Халл. Джентльмены, что касается настоящего статуса охоты: в соответствии с пересмотром Акта о Самоубийстве от 2102 года, каждый человек, имеющий послежизненную страховку, имеет право выбирать любой способ смерти для себя, любое время и место, исключая чрезмерно жестокие и неестественные способы. Причина законности этого фундаментального «права на смерть» очевидна: суд не рассматривает физическую смерть тела, как смерть таковую, поскольку она не влечет гибель сознания. Учитывая эти обстоятельства, смерть тела имеет в глазах закона не большее значение, чем заноза в пальце на ноге. Тело, в соответствии с последним вердиктом Высшего Суда, рассматривается как придаток сознания, которое имеет право освободиться от него по своему усмотрению.

Во время объяснения Халл прохаживался по комнате быстрыми, кошачьими шагами. Теперь он остановился и сказал:

— Благодарю вас, мистер Дженсен. Таким образом, вопрос о моем праве на самоубийство не вызывает сомнений. Также нет ничего противозаконного в том, что я выбираю одного из нескольких лиц в качестве помощников, дабы они исполнили это право вместо меня. И ваши действия, таким образом, рассматриваются как законные в соответствии с параграфом о Разрешенном Убийстве из Акта о Самоубийстве. Все хорошо и прекрасно. Единственное сомнение вызывает последнее дополнение к этому Акту.

Он кивнул мистеру Дженсену.

— В дополнении говорится: человек имеет право избрать для себя смерть в любое время, в любом месте и любыми спо-

собами ее осуществить, если таковая не причиняет физического ущерба посторонним.

— Вот, — сказал Халл, — в чем вся загвоздка. Итак, охота является законным вариантом самоубийства. Время и место установлены. Вы, охотники, преследуете меня, Жертву, я убегаю. Вы ловите меня, убиваете. Отлично! За исключением...

Он повернулся к юристу.

— Мистер Дженсен, вы можете выйти. Я не хочу вас впутывать.

Когда адвокат вышел, Халл сказал:

— За исключением того, что я буду вооружен и попытаюсь убить кого-нибудь из вас. Или вас всех. И это противозаконно.

Халл изящно опустил в кресло.

— Преступление, конечно, совершаю я, а не вы. Я нанял вас, чтобы вы меня убили. У вас не было даже понятия, что я попытаюсь защищаться. Это все фикция, конечно, но она спасет вас от соучастия в преступлении. Если я буду застигнут в этот момент, когда буду убивать одного из вас, я понесу суровое наказание. Но меня не застигнут. Один из вас убьет меня, и, таким образом, я буду вне досягаемости человеческих законов. Если же мне так не повезет, что я убью вас всех, тогда я совершу самоубийство старомодным способом, с помощью яда. Но это будет для меня большим разочарованием. Надеюсь, что вы этого не допустите. Есть вопросы?

Охотники переговаривались между собой:

— Экий разговорчивый паразит.

— Оставь, все Жертвы так говорят.

— Думает, что лучше нас, болтливая рожа.

— Посмотрим, как он запоем на кончике лезвия.

Халл холодно усмехнулся.

— Отлично. Я думаю, ситуация всем ясна. Так, теперь каждый пусть назовет свое оружие.

Один за другим охотники называли свое оружие:

— Булава.

— Сеть и трезубец.

— Копье.

— Боло.

— Ятаган.

— Винтовка со штыком, — сказал Блейн, когда подошла его очередь.

— Меч.

— Алебарда.

— Сабля.

— Благодарю, джентльмены, — сказал Халл. — Я буду вооружен рапирой, и, естественно, без лат. Мы встретимся в воскресенье, на рассвете, в моем поместье. Дворецкий вручит каждому указание, как туда добраться. Пусть боец со штыком останется. Все остальные свободны, до свидания.

Охотники покинули комнату. Халл сказал:

— Штык — необычное оружие. Где вы научились им владеть?

Блейн поколебался, потом ответил:

— В армии, с 1943 по 1945 годы.

— Вы из прошлого?

Блейн кивнул.

— Интересно, — заметил Халл без особых признаков заинтересованности. — Тогда, как мне кажется, это ваша первая охота?

— Да.

— Мне кажется, что вы неглупый человек. Думаю, у вас были собственные причины, заставившие избрать такое небезопасное занятие и к тому же не очень уважаемое?

— Мне нужны деньги, — сказал Блейн, — и я не мог найти другой работы.

— Естественно, — согласился Халл, словно он знал это с самого начала. — И вы решили пойти в охотники. Но это непростое занятие, и охотиться на этого зверя, на Человека, может не каждый. Требуются особые умения, и не последнее из них — способность убивать. Вы считаете, что обладаете таким талантом?

— Я так думаю, — ответил Блейн, хотя на самом деле он над этим вопросом еще не задумывался.

— Интересно, — протянул Халл. — Несмотря на вашу воинственную внешность, вы не производите такого впечатления. А вдруг окажется, что вы не в состоянии убить меня? Вдруг вас охватят сомнения в самый решающий момент, когда сталь ударит о сталь?

— Посмотрим, — сказал Блейн.

Халл кивнул в знак согласия.

— Я тоже так думаю. Возможно, глубоко внутри у вас тлеет искра убийцы. Возможно, что нет. Это сомнение прибавит нашей игре остроты — хотя может оказаться, что у вас не будет времени ею насладиться.

— Это моя забота, — сказал Блейн, которому этот элегантный и многословный наниматель уже страшно надоел. — Можно задать вам вопрос?

— Считайте, что я весь к вашим услугам.

— Благодарю. Почему вы решили умереть?

Халл уставился на него, потом взорвался смехом.

— Теперь я действительно вижу, что вы из прошлого. Ну и вопрос!!!

— Вы можете ответить на него?

— Конечно, — сказал Халл.

Он откинулся на спинку кресла, и его глаза приняли задумчивое выражение человека, формулирующего мысль.

— Мне сорок три года, и жизнь для меня пуста. У меня есть

состояние, и я не привык в чем-то себе отказывать. Я экспериментировал, сравнивал, смеялся, рыдал, любил, ненавидел, пил мед и вино — и я уже сыт всем, всем. Я испробовал все, что Земля могла мне предложить, и я предпочитаю теперь не повторяться. В дни молодости мне представлялась наша зеленая планета, оббегающая буйное желтое светило, как некая сокровищница, шкатулка наслаждений, неисчерпаемых в своем разнообразии и бесконечных в своем воздействии на мои неутолимые страсти. Но вот теперь я стал свидетелем конца новизны ощущений. И теперь я вижу с каким самодовольством буржуа наша жирненькая Земля лениво обращается вокруг безвкусно-яркого солнца. И воображаемая бездонная сокровищница радостей земных кажется мне теперь раскрашенной детской коробкой для игрушек. Нервы слишком быстро притупляют чувствительность к любому наслаждению.

Халл бросил на Блейна взгляд, чтобы проверить, какой произвели его слова эффект, и продолжил.

— Скука простирается передо мною словно бесконечная, безводная равнина... И я предпочитаю не мучиться скукой. Я делаю выбор, я двигаюсь дальше, я хочу испытать последнее великое приключение этого мира — Смерть. Я пройду в эти врата послежизни. Вы меня понимаете?

— Конечно, — сказал Блейн, которого позерство Халла раздражало, но в то же время производило некоторое впечатление. — Но к чему спешить? Возможно, в жизни еще найдутся приятные вещи? А смерть назад уже не повернешь. Зачем ее торопить?

— Вот слова истинного оптимиста из XX века, — со смехом сказал Халл. — Жизнь — это серьезно, жизнь — это все. В ваши дни действительно приходилось считать, что жизнь серьезная вещь. Что же у вас еще оставалось? Кто из вас действительно верил в послежизнь?

— Это не меняет сущности моего вопроса, — сказал Блейн, ненавидя ту рациональную, осторожную, тяжеловесную позицию, которую ему пришлось принять.

— Наоборот! Перспективы жизни и смерти в наши дни изменились. Вместо прозаического совета Лонгфелло мы следуем прозаическому совету Ницше — умрите в нужное время! Разумные люди не цепляются за последнюю возможность жить, как утопающий за обломок шлюпки. Они знают, что жизнь их тела — это лишь малая доля человеческого существования. Почему бы им в таком случае не ускорить конец телесной фазы, если им так хочется? Почему бы этим способным ученикам не перескочить класс или два в этой школе? Только трусы, глупцы и тупицы цепляются за каждую секунду существования на Земле.

— Трусы, глупцы и тупицы, — повторил Блейн. — И те невежучие, кому не по карману страховка корпорации «МИР ИНОЙ».

— Состояние и общественное положение имеют свои пре-

имущества, — сказал Халл со слабой усмешкой, — и налагают свои обязанности. Одна из таких обязанностей — необходимость умереть в нужное время, пока ты не стал помехой своим собратям и ужасом для себя самого. Но свершение смерти — это не привилегия отдельного класса или образа воспитания. Это благородная обязанность каждого человека, его рыцарский долг, величайшее событие в его жизни. И каким образом он проявит себя в этом деле — опасном и предпринимаемом в одиночку, — такова и будет его ценность, как человека.

Голубые глаза Халла сверкали. Он сказал:

— Я не намерен встретить это решающее событие в мягкой постели. Я не желаю, чтобы скучная, глупая смерть пробралась ко мне в облачении сна. Я предпочитаю умереть... в бою!

Блейн не смог удержаться от того, чтобы кивнуть в знак согласия, и с сожалением вспомнил о своей прозаической смерти. Автомобильная авария! Как глупо и обычно! Каким странным, благородным, мрачным казался выбор Халла. Претенциозно, конечно, но сама жизнь в бесконечной вселенной мертвой материи — это уже претенциозность. Халл напомнил ему древнего японского дворянина, спокойно нагибающегося, чтобы совершить церемонию хакари, чтобы подчеркнуть важность жизни в самом выборе смерти. Но хакари — это был пассивный восточный обычай, а Халл избрал чисто западный способ смерти — жестокий, деятельный, ликующий.

С одной стороны, это было восхитительно. С другой — глупо до раздражения, с точки зрения человека, выбирающего способ умереть.

— Но те охотники, которые погибли в бою с вами — они ведь еще не готовы умереть, и послежизнь им не светит.

Халл пожал плечами.

— Они сами выбрали этот опасный образ жизни. Как говорил Ницше, они избрали риск и опасность и играют в кости со смертью. Блейн, вы передумали?

— Нет.

— Тогда до встречи в воскресенье.

Блейн направился к двери, где взял у дворецкого листок с указаниями, и, уже выходя, повернулся к Халлу:

— Кажется, вы упустили одну возможность.

— Какую именно? — спросил Халл.

— Вы не могли прийти раньше к этой мысли, я думаю, — сказал Блейн. — Вдруг все это — научно доказанная послежизнь, голоса мертвых, призраки — все это только мистификация, обман в целях наживы, устроенный корпорацией «МИР ИНОЙ»?

Халл застыл на месте. Когда он заговорил, в голосе его чувствовалась злость:

— Это совершенно невозможно. Только совершенно невежественному человеку могла прийти в голову такая мысль.

— Возможно, — сказал Блейн. — Но представьте, в каких дураках вы окажетесь, если это действительно так. До свидания, мистер Халл.

Он ушел, радуясь, что хотя бы на минуту испортил настроение этому лошеному смазливому демагогу и чувствуя одновременно печаль от того, что его собственная смерть была такой обыкновенной, рядовой, скучной.

16

На следующий день Блейн отправился в контору Франчела, где получил винтовку, штык, охотничью форму и рюкзак. Ему выдали половину платы авансом, с вычетом десяти процентов коммиссионных, стоимости винтовки и прочих принадлежностей. Деньги были весьма кстати, потому что у него осталось к этому времени всего три доллара и мелочь.

Он зашел в Спиритический коммутатор, но от Мелхилла не было новых сообщений. Блейн вернулся в свой номер и до вечера практиковался в выпадах и отражениях.

Вечером он обнаружил, что мысль о предстоящей завтра охоте совсем не тешит его и даже вызывает тревогу и напряжение. Он направился в небольшой вестсайдский коктейль-бар, обставленный под типичный бар XX века. Здесь был устроен настоящий бар-стойка из темного полированного дерева, раставлены деревянные же стулья, сделаны кабинки, медные поручни, и на полу были насыпаны мокрые опилки. Он проскользнул в одну из кабинок и заказал пиво.

Мягко помаргивали традиционные неоновые светильники и подлинный антикварный «музыкальный автомат» наигрывал сентиментальные мелодии Гленна Миллера и Бенни Гудмена. Блейн сидел ссутулившись над стаканом пива задавал себе вопрос — кто он и что он.

Неужели это действительно он взялся за работу охотника, убийцы?

Что же тогда случилось с Томасом Блейном, бывшим конструктором яхт, бывшим любителем стереозаписей классической музыки, бывшим читателем хороших книг, бывшим любителем хороших пьес? Что случилось с этим счастливым, тихим, ироничным, совсем не агрессивным человеком?

Нет, тот человек, находясь в своем бывшем изящном теле никогда не взялся бы за ремесло убийцы!

Не взялся бы?

Неужели тот привычный Блейн, о котором он теперь вздыхает, был покорен этим большим мускулистым, быстрым в реакциях телом борца, которое он получил? Было ли во всем виновато тело — со своей особой системой гормональных желез, воздействовавшей на кровяной поток, со своим особенным моз-

гом, особенной нервной системой, своими сигналами и реакциями — было ли это тело виновато в том, что его владелец встал на путь убийцы?

Блейн потер глаза и сказал себе, что он просто спит с открытыми глазами и снится ему всякая чепуха. Истина была простой: он погиб по вине не зависящих от него обстоятельств, был возрожден в будущем, и оказался пригодным лишь для работы охотника. Что и следовало доказать.

Но это разумное объяснение не удовлетворило его, и времени искать хитро уклоняющуюся правду у него больше не было.

Он больше не был отстраненным наблюдателем жизни в 2110 году. Он стал участником, актером, а не зрителем, и должен теперь играть. В необходимости действовать крылась особая прелесть, она рождала собственную минутную правду. Тормоза были выключены, и машина марки «Блейн» мчалась вниз по крутому склону горы Жизнь. Быть может, сейчас это последний момент, когда он может еще подумать, взвесить, оценить выбор...

Но было поздно. Какой-то человек скользнул на стул напротив Блейна, будто тень по лику мира. На Блейна смотрела белое и бесстрастное лицо зомби.

— Добрый вечер, — сказал зомби.

— Добрый вечер, — спокойно сказал Блейн. — Хотите выпить?

— Нет, спасибо. Мой организм плохо переносит стимуляцию.

— Мне очень жаль, — сказал Блейн.

Зомби пожал плечами.

— У меня уже есть имя. Я решил называть себя Смит, пока не вспомню настоящее имя. Смит. Вам нравится?

— Хорошее имя, — сказал Блейн.

— Спасибо. Я ходил к врачу, — сказал Смит. — Он сказал, что тело у меня совсем плохое. Нет жизненной энергии, нет сопротивляемости.

— И ничем нельзя помочь?

Смит покачал головой.

— Это уже не тело, это зомби. Я занял его слишком поздно. Доктор говорит, у меня осталось несколько месяцев, не больше.

— Очень плохо, — сказал Блейн, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, стоило ему взглянуть на злое, с неподвижными чертами, с серо-свинцовой кожей лицо Смита и его внимательные глаза Будды. Смит, расслабленно сидевший на стуле, выглядел ужасно неестественно в грубой рабочей одежде, он недавно побрился и от него сильно пахло лосьоном. Но в нем произошли перемены. Блейн уже мог заметить, что ранее мягкая кожа стала сухой, появились морщины вокруг глаз, носа и рта, складки на лбу, напоминавшие трещины в высохшей ста-

рой коже. И, как показалось Блейну, с резким запахом лосьона смешивался едва заметный запах распада.

— Что ты хочешь от меня? — спросил Блейн.

— Не знаю.

— Тогда оставь меня в покое.

— Я не могу, — виновато сказал Смит.

— Ты хочешь меня убить? — Во рту у Блейна стало сухо.

— Не знаю! Не могу вспомнить! Убить тебя, защитить, по-калечить, полюбить... я еще не знаю! Но я скоро вспомню, Блейн, я обещаю!

— Оставь меня в покое, — повторил Блейн, мускулы его напряглись.

— Не могу, — сказал Смит. — Разве ты не понимаешь? Я никого не знаю, кроме тебя. В буквальном смысле никого! Я не знаю этого мира, ни одного человека в нем, ни одного лица. У меня пропала память. Ты моя единственная зацепка, центр моего существования, единственный его смысл.

— Замолчи!

— Но это так! Ты думаешь, мне нравится таскать эту развалину по улицам? К чему мне жизнь без надежды на будущее и без памяти о прошлом? Смерть и то лучше! Жизнь — это вонючая, разлагающаяся плоть, а смерть — чистый дух! Я думал о смерти, мечтал о ней, о прекрасной бесплотной смерти! Одно меня останавливает. Это ты, Блейн. Лишь это заставляет меня тянуть лямку.

— Уйди отсюда, — сказал Блейн, горло ему сводила судорога тошноты.

— Ты — солнце, звезды, моя Земля, вся моя вселенная, моя жизнь, друзья, враги, любимые, убийцы, жена, дети, отец, муж...

Кулак Блейна ударил Смита в скулу. Зомби был отброшен на стенку кабины. Выражение его лица не изменилось, но на серой коже щеки появился большой багровый кровоподтек.

— Один-ноль, — пробормотал Смит.

Рука Блейна, занесенная для второго удара, опустилась.

Смит встал на ноги.

— Я ухожу. Будь осторожен, Блейн. Погоди умирать! Ты мне нужен. Скоро я вспомню и приду к тебе.

Вяло шевеля ногами, с кровоподтеками на неподвижном лице, Смит вышел из бара.

Блейн заказал двойное виски и долго сидел над рюмкой, пытаясь унять дрожь в руках.

17

За час до рассвета Блейн прибыл в поместье Халла на загородном автобусе. На нем была традиционная форма охотников: рубашка и брюки цвета хаки, ботинки на резиновой подошве и

широкополая шляпа. На одном плече у него висел рюкзак, через второе он перекинул винтовку и штык в пластиковом чехле.

У ворот его встретил слуга и проводил к приземистому обширному особняку. Блейн узнал, что поместье Халла состоит из девятиста акров лесистой местности в горах Андирондака, между Кином и Элизабеттауном. Здесь, рассказал ему слуга, совершил самоубийство отец Халла, в возрасте пятидесяти одного года, лишив при этом жизни шестерых охотников, прежде чем охотник с саблей не отсек ему голову. Какая славная смерть! А вот дядя Халла, с другой стороны, предпочел берсеркерствовать в своем любимом Сан-Франциско. Полицейские стреляли в него двенадцать раз, прежде чем он упал, и он успел покончить с семью прохожими. В газетах много писали об этом подвиге, а полный отчет о деянии сохраняется в анналах семьи.

Это все из-за разницы в темпераментах, объяснял говорливый старый вассал. Одни люди, вроде дядюшки, имеют характер веселый, любят хорошую шутку и предпочитают умереть в толпе, привлекая к факту смерти определенное внимание. Другие, как нынешний молодой мистер Халл, более склонны к одиночеству и общению с природой.

Блейн вежливо кивал в ответ на интересный рассказ и был тем временем отведен в большую, просто обставленную комнату, где собирались прибывающие охотники. Они пили кофе и наводили последний глянец на остро отточенных лезвиях своего оружия. Сверкало голубое лезвие алебарды и серебристое лезвие меча, отблески играли на полированном наконечнике копья, и морозные искры мерцали на шипах дубинки и «утренней звезды». На первый взгляд Блейну все это напоминало сцену из времен средневековья. Но потом он решил, что больше это напоминает приготовления к съемке фильма.

— Бери себе стул, друг, — сказал ему алебардист. — Добро пожаловать в Добровольное общество Защиты мясников, работников скотобоен и свободных убийц. Меня зовут Сэмми Джоунс, я — лучший алебардист в Америке, и в Европе тоже, наверное.

Блейн сел, и его представили остальным охотникам. Здесь собрались представители полудюжины национальностей, хотя общим языком был английский.

Сэмми Джоунс был приземистым черноволосым человеком с бычьей шеей, соответствующими плечами, одетым в заплатанную и выцветшую полотняную рубашку-хаки и такие же брюки. На его густобровом, грубо вылепленном лице виднелось несколько старых охотничьих шрамов.

— Первая охота? — спросил он, бросив взгляд на новенькую выглаженную форму Блейна.

— Блейн кивнул, снял с винтовки чехол и присоединил штык на место. Он проверил, как штык держится, укоротил ремень, и снова отсоединил штык.

— Ты и вправду умеешь обращаться с этой штуковиной? — спросил Джоунс.

— Конечно, — сказал Блейн с уверенностью, которой на самом деле не чувствовал.

— Тогда хорошо. Парни вроде этого Халла чувят слабого брата. Они их и стараются в первую очередь повыбивать.

— Сколько обычно продолжается охота? — спросил Блейн.

— Да вот, — сказал Джоунс, — самая длинная, в какой я участвовал, продолжалась восемь дней. Это на Астуриаса, там погиб мой напарник Слиго. Обычно, хорошая команда может пригвоздить Жертву за день или два. Это зависит от того, как сильно он хочет умереть. Некоторые стараются тянуть как можно дольше. Прячутся по оврагам, по пещерам, собаки, и приходится лезть за ними, и каждую секунду рискуешь получить удар. Вот так и со Слиго случилось. Но Халл вроде на такого не похож. Он думает умереть как большой герой, стальной, значит человек. Будет, значит, крутиться вокруг, чтобы побольше нашего брата подырывать этой своей железкой от вертела.

— Похоже, вы его не одобряете, — сказал Блейн.

Джоунс удивленно поднял густые брови:

— А чего делать из смерти бог знает что? А вот и сам наш великий герой пожаловал.

Халл вошел к комнате, облаченный в элегантную шелковую рубашку защитного цвета, на шее у него был свободно повязан белый шелковый платок. Он нес легкий рюкзак, и к одному плечу его была пристегнута тонкая, зловещего вида рапира.

— Доброе утро, джентльмены, — сказал он. — Оружие наточено, рюкзаки уложены и шнуры крепко завязаны, так? Отлично.

Халл подошел к окну и отодвинул занавес.

— Взгляните на первый луч зари, славный предвестник нашего грозного владыки Солнца, что будет править погоней. Сейчас я вас покину. Слуга сообщит вам, когда истекнут дарованные мне в качестве форы полчаса. Тогда можете начинать погоню и убить меня, как только сможете быстро. Если сможете! Территория поместья огорожена. Я буду оставаться в пределах этой ограды, то же должны делать и вы.

Халл кивнул им, и быстро вышел из комнаты своей ловкой походкой.

— Боже, вот ненавижу этих павлинов! — громко сказал Сэмми Джоунс, когда дверь затворилась. — И все они на один лад, все. Строят из себя этих героев. Знали бы они, какими чертовскими дураками они выглядят для меня. Я-то побывал уже на двадцати восьми таких парадах.

— Зачем вы охотитесь? — спросил его Блейн.

Сэмми Джоунс пожал плечами.

— У меня отец был алебардист и научил меня этому делу. Больше я ничего не умею.

— Вы могли бы изучить какое-нибудь ремесло, — сказал Блейн.

— Наверное, мог бы. Да вот только мне нравится убивать таких джентльменов-аристократов. Я ненавижу каждого богатого подонка, с его страховкой, которая не по карману бедняку. Я убиваю их с удовольствием, и, если бы у меня были деньги, я сам бы платил за такую возможность.

— А Халлу нравится убивать бедняков, таких, как ты, — сказал Блейн. — Это грустный мир.

— Нет, просто честный, — сказал Сэмми Джоунс. — Ну-ка встань, я как следует прилажу тебе рюкзак.

Покончив с этим, Сэмми Джоунс сказал:

— Слушай, Том, почему бы нам не держаться вместе? Взаимовыручка, а?

— То есть ты меня будешь оберегать, так получается? — сказал Блейн.

— Тут ничего такого нет, — сказал серьезно Джоунс. — Каждая сложная профессия дается не сразу. Сначала нужно поучиться, потом попробовать самому. А кто тебя научит лучше меня?

— Спасибо, — ответил Блейн. — Я постараюсь хорошо прикрывать свою сторону.

— Отлично, ты справишься. Теперь смотри, Халл фехтовальщик, а у них есть свои приемы, я тебе по дороге расскажу. Когда он...

В этот момент вошел слуга, в руке он держал странный хронометр в фигурном корпусе. Когда фигурная стрелка дошла до 12, он резко поднял голову и обратился к охотникам:

— Джентльмены, — сказал он, — время форы истекло. Начинайте погоню.

Охотники всей толпой высыпали наружу, в туманное серое утро. Тезеус, следопыт, со своими трезубцем на плече, сразу обнаружили след. Он вел вверх по склону, к окутанным туманом горам.

Развернувшись цепью, охотники двинулись вверх по склону.

Скоро лучи только что вставшего солнца рассеяли туман. Тезей потерял след, когда они вышли на голую гранитную площадку. Охотники еще больше растянулись ломаной цепью и продолжали медленный подъем.

В полдень, человек с мечом заметил на ветке колючего кустарника клочок шелковой защитного цвета ткани. Несколько минут спустя Тезей обнаружил во мху отпечаток подошвы. Следы вели вниз, в узкую, густо заросшую лесом долину. Охотники с энтузиазмом устремились вперед.

— Вот он! — закричал кто-то.

Блейн стремительно повернулся и увидел, как примерно в пятидесяти ярдах справа от него вперед вырвался человек с «утренней звездой». Это был самый молодой охотник, смуглый,

самоуверенный сицилиец. Оружие его состояло из толстой ясеневой рукояти, к которой была прикреплена цепь в фут длиной. На конце цепи качался тяжелый шипастый шар, «утренняя звезда». Он крутил цепь с шаром над головой и что-то пел во всю мощь легких.

Сэмми Джоунс и Блейн помчались в его направлении. Они увидели, как из кустов выскочил Халл с обнаженной рапирой в руке. Сицилиец прыгнул на него и нанес удар, который мог перебить дерево. Халл чуть присел и сделал выпад.

Человек с «утренней звездой» захрипел, острое рапиры пронзило ему горло. Он упал. Халл уперся ногой ему в грудь, освободил рапиру и снова исчез среди подлеска.

— Я всегда говорил, что «утренняя звезда» никчемное оружие, — сказал Сэмми Джоунс. — Очень неудобное. Если сразу не попадешь, на второй удар времени не остается.

Сицилиец был мертв. Следы Халла, пробиравшегося через подлесок, были хорошо видны. Они пустились в погоню, остальные охотники последовали за ними вместе с теми, что шли ранее на флангах. Скоро они опять вышли на граничную площадку, и след потерялся.

Они безуспешно искали Жертву до самого вечера. На закате они разбили лагерь на склоне горы, выставили дежурных и обсудили первый день охоты у маленького костра.

— Как ты думаешь, где он сейчас? — спросил Блейн.

— Да где угодно, по всему чертовому поместью, — сказал Джоунс. — Не забывай, он здесь каждое дерево знает. А мы здесь первый раз.

— Тогда он может прятаться от нас бесконечно долго.

— Если захочет. Но он ждет, чтобы его убили, учти. Он жаждет героической, ослепительной смерти. Поэтому он будет стараться потрошить нас, пока его не прикончат.

Блейн взглянул через плечо на темный лес. — А вдруг он стоит сейчас там и слушает?

— Я сомневаюсь, — сказал Джоунс. — Надеюсь, часовые не заснут.

Охотники переговаривались, тесно рассевшись у догоравшего костра. Блейну захотелось, чтобы скорее наступило утро. Темнота поменяла их ролями. Охотники теперь сами превращались в жертв, которым угрожал жестокий самоубийца, стремившийся унести с собой как можно больше жизней.

С этой мыслью Блейн задремал.

Уже перед рассветом его разбудил крик.

Схватив винтовку, он вскочил на ноги, всматриваясь в темноту. Послышался второй крик, на этот раз ближе, и среди де-

ревьев кто-то пробежал. Потом чья-то рука подбросила листьев в погасший костер.

В свете внезапно вспыхнувшего желтого пламени Блейн увидел, что в лагерь возвращается, хромая, охотник с копьем. Копье он волочил по земле за собой, и в двух местах на его теле кровоточили раны, но, похоже, не смертельные.

— Вот подонок, — всхлипнул копыеносец. — Вот вшивый подонок.

— Ничего, Чико, — сказал один из охотников, разорвав рубашку копыеносца, чтобы обработать и забинтовать раны.

— Ты его достал?

— Успел убежать, — простонал копыеносец. — Я промазал. Больше в лагере никто не спал.

Охотники начали поиск с первыми лучами зари, растянувшись редкой цепью, пытаясь отыскать следы Жертвы. Тезей нашел сломанную пуговицу, а потом полустертый отпечаток ноги. Охотники снова изменили направление, устремившись вверх по узкому горному склону.

Шедший во главе группы Отто вдруг закричал:

— Эй! Здесь! Я его вижу!

Тезей бросился к нему, за ним следовали Блейн и Джоунс. Они увидели, как пятился Халл, внимательно наблюдая за надвигавшимся на него Отто, который вращал над остриженной головой своим боло. Аргентинское лассо со свистом рассекало воздух, три металлических шарика на его конце слились в блестящий круг. Потом Отто пустил его.

Халл мгновенно бросился на землю. Боло пронеслось в дюйме над его головой, обвилось вокруг ветки дерева и сломало его. Халл, с торжествующей ухмылкой, бросился на безоружного охотника.

Но прежде, чем он успел добраться до него, подоспел Тезей, размахивая трезубцем. Они обменялись ударами. Потом Халл стремительно повернулся и бросился бежать.

Тезей сделал выпад. Жертва завывала от боли, но продолжала бежать.

— Ты ранил его? — спросил Джоунс Тезея.

— Ага, в мясистое место, — сказал Тезей. — Должно быть, самое постыдное для него ранение.

Охотники, тяжело дыша, бросились бежать вверх по склону горы. Но Жертва опять скрылась.

Они кольцом охватили сужающийся конус горы и начали не спеша стягиваться к вершине. Время от времени шум и отпечатки подошв говорили, что Жертва не вырвалась из кольца и отступает выше. Когда конус стал еще уже, они сомкнули ряд, уменьшая шансы Халла проскользнуть между ними.

К вечеру деревья — пинии и ели — стали реже. За ними по-

казалось нагромождение гранитных валунов, а еще дальше — сама вершина.

— Вот он! — Вскрикнул Бьерн.

Едва он сказал это, как Халл предпринял атаку. Выпрыгнув из-за гранитной скалы, Халл бросился на старого Бьерна, вооруженного булавой. Его рапира шипя рассекала воздух, он пытался сразу покончить с охотником и вырваться из затягивающегося аркана ловушки.

Но Бьерн не спеша отступал, тщательно парируя удары рапиры булавой, которую он держал двумя руками, наподобие длинной дубинки. Халл свирепо выругался, кинулся в бешеную атаку и едва успел уклониться от удара булавы флегматичного охотника.

Старый Бьерн шагнул ближе — слишком рано! Рапира вонзилась в его грудь и отскочила назад, словно неуволнимо мелькающий язык змеи. Бьерн выронил булаву, и тело его покатилося по склону.

Но охотники уже сжали кольцо. Халл снова отступил в лабиринт валунов.

Охотники надвигались. Блейн заметил, что солнце уже село почти, в воздухе повисли вечерние тени, протянувшись среди серых скал.

— Вечереет, — сказал он Джоунсу.

— Еще с полчаса будет светло, — сказал Джоунс, прищурившись на небо. — Надо скорее кончать его. В темноте он нас перебьет по одному.

Теперь они шли быстрее, осматривая щели между валунами.

— Он может скатить на нас камень, — сказал Блейн.

— Только не он, — возразил Джоунс. — Он слишком гордый, сукин сын.

И тут из-за высокого валуна рядом с Блейном вышел Халл.

— Ну, давай штык, — сказал он.

Блейн, высоко державший винтовку, едва успел парировать удар. Лезвие рапиры проскрежетало по стволу винтовки, чуть-чуть не попав в шею Блейна. Автоматически он отбил выпад. Тут что-то заставило его зареветь во всю силу легких, сделать выпад, потом мощный рассекающий удар, направленный в живот противнику, сопровождаемый ударом приклада, который должен был бы вышибить Жертве мозги. В этот момент Блейн больше не был цивилизованным человеком, действующим по принуждению текущей необходимости, он превратился в примитивного зверя, преследующего исполнение своей единственной цели — убивать.

Жертва, с грациозной легкостью, уклонилась от его ударов. Блейн бросился на него, от ярости потеряв остатки боевых навыков. Неожиданно его оттолкнул в сторону Сэмми Джоунс.

— Это для меня, — сказал Джоунс. — Это все для меня. Халл, подходи. Попробуй пощекотать меня своим вертелом.

Халл, на лице которого ничего не отразилось, атаковал. Ра-

пира сверкала. Джоунс стоял твердо, на полусогнутых ногах, слегка поворачивая в руках боевой топор. Халл сделал обманный выпад, потом ударил по-настоящему. Джоунс отбил удар с такой силой, что рапира согнулась, как ветка молодого дерева.

К месту схватки подошли остальные охотники. Они расселись на валунах поблизости, обмениваясь замечаниями о ходе дуэли и давая советы.

— Приколи его к скале, Сэмми!

— Нет, вниз его!

— Может, пособить?

— Черта с два! — выкрикнул в ответ Джоунс.

— Гляди, чтобы он не ударил по пальцу, Сэмми!

— Спокойно! — ответил Джоунс.

Ярость Блейна утихла так же стремительно, как и возникла в нем, пока он наблюдал за дуэлью. Ему казалось, что топор будет неуклюжим оружием, потому что для удара требуется полный замах. Но Сэмми Джоунс крутил тяжелым боевым топором как дирижерской палочкой. Он не замахивался со всего плеча, а бил из любого положения, одним его весом и силой ударов заставляя Халла отступать к самому краю склона. Двух бойцов, как понял Блейн, нельзя было даже сравнивать. Халл был просто талантливым любителем, убийцей-дилетантом, в то время, как Джоунс был опытным профессионалом. Это было то же самое, что выпустить злую домашнюю собачку против дикого тигра.

Вершина уже погрузилась в синие сумерки, и конец наступил быстро. Сэмми Джоунс парировал удар, быстро шагнул вперед и, описав кистью с топором полукруг, ударил снизу вверх. Лезвие глубоко вошло в левый бок Халла. С криком Халл полетел вниз по крутому склону, через несколько секунд донесся звук удара.

— Заметь, где он упал, — сказал Сэмми Джоунс.

— Он наверняка помер, — возразил охотник с саблей.

— Возможно. Но по правилам мы должны убедиться.

Спускаясь с горы, они нашли обезображенное безжизненное тело Халла. Джоунс отметил его положение, чтобы труп нашла погребальная команда, и они пошли к особняку.

18

Охотники вернулись в город все вместе и бурно отпраздновали удачу. Во время вечеринки Джоунс предложил Блейну участвовать вместе с ним в следующем предприятии.

— Я держу на прицеле одно выгодное дело, — сказал он. — Один аристократ хочет устроить парочку гладиаторских боев. Тебе придется работать коньем, но это почти что штык. Я тебя по дороге потренирую. Потом будет по-настоящему большая охота в Маниле. Пять братьев решили самоубиться вместе. Они заказали пятьдесят охотников. Что ты на это скажешь, Том?

Блейн тщательно обдумал предложение, прежде чем ответить. Жизнь охотника казалась наиболее подходящим для него занятием из тех, что он мог найти пока что в этом мире. Ему нравилась грубоватая компания таких людей, как Сэмми Джоунс, простые естественные мысли, активная жизнь, возможность действовать, подавляющая сомнения.

С другой стороны, в этом было что-то бессмысленное. Скидаться по Земле в качестве наемного убийцы, современной улучшенной версии прежнего наемного головореза. В опасности ради опасности ему виделось что-то бесплодное, за этим не стояла настоящая цель, стремление. Такие мысли могли бы не прийти ему в голову, если бы он действительно был тем, за кого выдавало его новое тело, но он был другим. Возникло явное расхождение, и с ним приходилось считаться.

Кроме того, этот мир имел и другие проблемы, которые более соответствовали его индивидуальности. И он не мог отвернуться от них.

— Нет, Сэмми, извини, — сказал он.

— Ты делаешь ошибку, Том, — покачал головой Сэмми. — Ты — прирожденный убийца. Ничего лучшего тебе не найти.

— Сейчас... может быть, — сказал Блейн. — Я постараюсь выяснить, так ли это.

— Ладно, желаю удачи, — сказал Сэмми Джоунс. — И береги это тело. Тебе попался хороший экземпляр.

Блейн невольно моргнул.

— Разве заметно?

Джоунс усмехнулся.

— Я ведь не новорожденный, Том. И сразу могу сказать, что за человек сидит в носителе. Если бы ты родился в этом теле, то поехал бы охотиться со мной. А если твое сознание родилось в другом теле...

— То что?

— Не следовало бы тебе идти на охоту, Том, это во-первых. Это не клеится друг с другом. Лучше уж раз и навсегда выбери одну дорогу, Том.

— Спасибо, — сказал Блейн.

Они пожали руки, и Блейн поехал в свой отель.

Он вошел в номер и, не раздеваясь, бросился на кровать. Когда он проснется, то позвонит Мэри. Но сначала нужно выспаться. Планы, проблемы, споры и даже сны пусть подождут. Он был измотан до предела. Он выключил свет. Через секунду он уже спал.

Спустя несколько часов он проснулся, чувствуя, что в номере произошло какое-то изменение. Было темно. Было тихо, так тихо, как не могло быть в Нью-Йорке.

Он сел в кровати и услышал, как что-то задвигалось в противоположном конце комнаты, возле умывальника.

Блейн протянул руку и дернул выключатель. В комнате никого не было. Вдруг, прямо на его глазах, эмалированная раковина умывальника поднялась в воздух. Она поднималась медленно, потом повисла без всякой опоры, как это и ни казалось невозможным. В это же мгновение Блейн услышал тонкий прерывистый смех.

Он сразу же понял, что его настиг полтергейст.

Осторожно выбравшись из постели, он двинулся к выходу. Повисший в воздухе умывальник неожиданно полетел прямо ему в голову. Блейн пригнулся и умывальник вдребезги разлетелся, ударившись о стену.

Теперь начал левитировать кувшин с водой, сопровождаемый двумя массивными стаканами. Отплясывая сумасшедший танец, они двигались в сторону Блейна.

Пользуясь подушкой, как щитом, он бросился к двери. Он повернул ручку, а рядом с дверью разбился стакан. Дверь не открывалась, ее держал полтергейст.

Кувшин больно ударил по его ребрам. Второй стакан зловеще описывал круги у головы Блейна, и тому пришлось отступить от двери.

Он вспомнил, что как раз за окном есть пожарная лестница. Но полтергейст пресек эту попытку, едва Блейн двинулся с места. Занавеси неожиданно вспыхнули. Одновременно загорелась подушка в его руках, и Блейн отшвырнул ее.

— Помогите! — закричал он. — Помогите!

Полтергейст загонял его в угол комнаты. С грохотом поползла вперед кровать, блокируя путь к отступлению. Медленно поднялся в воздух стул и замер, примеряясь к удару в голову Блейна.

И постоянно слышался тонкий, прерывистый смех, почему-то очень знакомый Блейну.

19

Кровать ползла на Блейна, он звал на помощь, от его мощного рева задрожали стекла в окне. Но ответом был лишь тонкий смешок полтергейста.

Неужели все люди в отеле оглохли? Почему никто не отвечает?

Потом он понял, что по самой сути вещей, никто даже и не подумает прийти на помощь. Насилие стало в этом мире повседневным явлением, и смерть человека была его собственным делом. Полицию вызывать не будут. Уборщик наведет утром порядок в номере, и его сдадут кому-нибудь другому.

Добраться до двери он не мог. К тому же она все равно не открывалась. Единственное, на что он мог рассчитывать, это перепрыгнуть через кровать и выскочить в окно. Если он прыгнет пра-

вильно, то попадет на огражденную площадку пожарной лестницы снаружи. Если он прыгнет слишком сильно, то перелетит через поручни ограждения, а до земли останется еще три этажа.

Стул двинул его в плечо, кровать грохоча надвигалась, намереваясь прижать Блейна к стене. Блейн быстро прикинул расстояние и угол толчка, подобрался и прыгнул в окно.

Прыжок был рассчитан верно, но он не учел новейших достижений науки. Оконное стекло выгнулось наружу, как лист резины, и тут же приняло первоначальную форму. Его отбросило на стену и, оглушенный, он рухнул на пол. Подняв голову, он увидел, как тяжелый комод, вихляя, ползет к нему, начиная уже крениться.

В тот момент, когда с силой безумца полтергейст толкнул комод на Блейна, дверь, о которой он позабыл, неожиданно распахнулась. В комнату вошел Смит — черты лица зомби были как всегда неподвижны — и плечом удержал падающий комод.

Блейн не стал задавать вопросов. Он поднялся на ноги и уцепился за край начавшейся закрываться двери. С помощью Смита ему удалось снова распахнуть ее, и оба они выскочили в коридор. Из комнаты послышался вопль, полный бессильного гнева.

Смит быстро зашагал к лестнице, сжимая рукой кисть Блейна. Они спустились в холл отеля и вышли на улицу. Лицо зомби было мертвенно-белым, не считая багрового кровоподтека от удара Блейна. Кровоподтек распух почти на половину лица, отчего оно напоминало гротескную пеструю маску Арлекина.

— Куда мы идем? — спросил Блейн.

— В безопасное место.

Они достигли старинного входа в метро, которым давно не пользовались, и начали спускаться. Спустившись на один пролет, они оказались у небольшой железной двери в потрескавшейся бетонной стене. Смит открыл дверку и поманил Блейна за собой.

Блейн заколебался, и неожиданно уловил отзвук тонкого прерывистого смеха. Полтергейст преследовал его, подобно тому, как Эвмениды* некогда преследовали своих жертв на улицах древних Афин. Он может оставаться в солнечном верхнем мире, но его будет мучить безумный призрак. И он может сойти вниз вместе со Смитом, ступить сквозь железную дверь в темноту за нею, где в подземном мире его ждет совсем неопределенная судьба.

Истерический смех стал громче. Блейн больше не колебался. Он перешагнул вслед за Смитом порог железной двери и закрыл ее за собой.

Полтергейст пока что решил их не преследовать. Они шли по туннелю, его освещали редкие голые лампы накаливания. Мимо тянулись старые трубы водопровода, они миновали накренившийся древний состав поезда метро, повсюду валялись заржавевшие кабели, по-змеиному свернувшиеся кольцами. Воздух был

* Эвмениды (они же Эринии) — в древнегреческой мифологии богини мщения. Преследуя преступника, лишают его рассудка.

влажный, и из-за тонкого слоя слизи под ногами идти приходилось осторожно.

— Куда мы идем? — спросил Блейн.

— Туда, где я смогу тебя защитить, — сказал Смит.

— Ты сможешь?

— У призраков тоже есть уязвимые стороны. Но для экзорсизма* необходимо установить истинную природу привидения.

— Значит, ты знаешь, кто меня преследует?

— Думаю, что да. Рассуждая логически, это может быть только один человек.

— Кто?

Смит покачал головой.

— Лучше я пока не буду его называть. Не стоит привлекать его внимание, если его здесь пока нет.

Они спустились по крошащимся сланцевым ступеням в обширное помещение и обогнули маленький пруд с черной водой, поверхность которой казалась твердой, как полированный агат. На другом берегу пруда имелся вход в новый коридор. Закрывая его, в проходе стоял человек.

Это был высокий крепкий негр, одетый в тряпье, вооруженный куском железной трубы. Взглянув на него повнимательнее, Блейн понял, что это зомби.

— Это мой друг, — сказал Смит. — Можно мне его провести?

— Ты уверен, что он не инспектор?

— Абсолютно уверен.

— Подожди здесь, — сказал негр.

— Где мы? — спросил Блейн.

— Под Нью-Йорком, в заброшенных туннелях метро, неиспользуемых каналах канализации, а некоторые проходы мы вырыли сами.

— Но зачем мы сюда пришли? — спросил Блейн.

— А куда же еще нам было идти? — с удивлением спросил в свою очередь зомби. — Это мой дом. Разве ты не знал? Мы — в нью-йоркской колонии зомби.

Блейну показалось, что он мало что выиграл таким образом, но подумать времени у него не было. Вернулся негр. Вместе с ним пришел очень старый человек, опиравшийся на палку. Лицо его испещрило паутина из тысячи морщин и морщинок. Глаза едва виднелись из-под свисающих складок плоти, и даже губы были изрезаны морщинами.

— Это тот человек, о котором ты мне рассказывал? — спросил он.

— Да, сэр, — сказал Смит. — Это он. Блейн, позволь мне представить тебя мистеру Кину, главе нашей колонии. Можно мне провести его, сэр?

— Да, можно, — сказал старик. — И я пойду с вами пока.

*Экзорсизм — процедура изгнания дьявола.

Они двинулись по проходу. Мистер Кин тяжело опирался на руку негра.

— Как правило, — рассказывал мистер Кин, — в колонию разрешают входить только зомби. Остальных не пускают. Но уже несколько лет мне не приходилось говорить с обычным человеком, и я подумал, что могу узнать что-нибудь ценное. Поэтому, по настойчивой просьбе Смита, я сделал для вас исключение из правил.

— Очень вам благодарен, — сказал Блейн, надеясь, что у него и в самом деле есть на то причины.

— Поймите меня сразу правильно. Я вовсе не прочь помочь вам. Но в первую очередь, — и что важнее всего остального — я отвечаю за безопасность колонии, то есть одиннадцати сотен зомби, живущих под Нью-Йорком. Ради их блага обыкновенные люди не должны сюда попадать. Обособленность — это наша единственная надежда в невежественном мире. — Мистер Кин сделал паузу. — Возможно, вы нам поможете, мистер Блейн.

— Каким образом?

— Тем, что будете слушать и вникать, а потом расскажете все, что узнаете, там, наверху. Просвещение — наша единственная надежда. Скажите, что вам известно о проблеме зомби?

— Очень мало.

— Я вам расскажу. Зомбизм, мистер Блейн, это болезнь, которая с древних времен была окружена ореолом предрассудков, подобно другим болезням, таким как эпилепсия, проказа, пляска святого Витта. Люди были склонны во всем видеть духов. Шизофрения, как вам известно, одно время приписывалась злым духам, дьяволам, а страдающие гидроцефалией, водянкой головного мозга, считались блаженными. Аналогичные фантазии сопровождали и зомбизм.

Некоторое время они шли молча. Потом мистер Кин продолжил:

— Суеверия относительно зомби имеют в основном гаитянское происхождение, болезнь же эта распространена по всему свету, хотя и очень редка. Но суеверия и факт болезни безнадежно перепутались в сознании публики. Зомби, как суеверие, является частью гаитянского культа водуна: это человек, душу которого похитили силой магии. Тело зомби волшебник может использовать по своему усмотрению, может даже резать и продать как мясо на рынке. Если зомби попробует соль или увидит море, то он, как полагают, вспомнит, что он мертвый, и вернется в свою могилу. Все это совершенно не имеет реальной почвы. — Суеверие появляется на почве болезни. Одно время она была очень редкой. Но в наши дни, с увеличением ментальной пересадки и перепроцессинговых процедур, зомбизм стал более частым явлением. Болезнь эта возникает, когда сознание человека занимает тело, слишком долго остававшееся без хозяина. Тогда тело и сознание не становятся единым комплексом, как у вас, например, мистер

Блейн, нет. Они существуют как квази-независимые образования, сотрудничающие сложным и путаным образом. Возьмите типичный случай с вашим другом Смитом. Он может контролировать основные движения тела, но тончайшая координация ему не по силам. Голос его лишен тонкой модуляции, и его слух не воспринимает мельчайших различий в тоне. Лицо его неподвижно, потому что отсутствует контроль за мышцами мимики. Он носит свое тело, но по-настоящему частью его не является.

— И нельзя чем-то ему помочь? — спросил Блейн.

— В настоящее время... ничем.

— Мне очень жаль, — сказал Блейн, ощущая неловкость.

— Это не призыв к вашим чувствам, — объяснил Кин. — Это условия элементарного понятия о природе процесса. Я просто хочу, чтобы вы и все остальные знали, зомбизм — это не воплощение всех грехов, это болезнь, как свинка или рак, и ничего больше.

Мистер Кин прислонился к стенке прохода, переводя дыхание.

— Конечно, внешность у зомби неприятная. Он волочит ноги, его раны никогда не заживают, тело его быстро разрушается и умирает. Речь его похожа на бормотание идиота, он раскачивается как пьяный, пялит глаза, как извращенец. Но разве это повод для того, чтобы делать его скопищем всех возможных грехов и преступлений на Земле, прокаженным отверженцем XXII века? Говорят, что якобы зомби нападают на людей. Но ведь тела зомби чрезвычайно уязвимы, и средний зомби не устоит против ребенка. Они говорят, что эта болезнь заразная, а ведь это совершенно не так. Они утверждают, — что все зомби — половые извращенцы, а на самом деле зомби вообще не испытывают половых влечений. Но люди не желают слушать, и зомби продолжают оставаться отщепенцами, годными только для петли линчевателя или сожжения на костре.

— А что же власти? — спросил Блейн.

Мистер Кин горько усмехнулся.

— Они запирают нас, как безумцев, в соответствующих заведениях. Они, видите ли, желают уберечь нас. Но ведь зомби — умственно нормальные люди, и власти это знают! Вот мы, с их молчаливого согласия, занимаем пока что эти заброшенные туннели и канализационные линии.

— Нельзя ли было найти место получше? — спросил Блейн.

— Честно говоря, подземелье нас устраивает. Солнце вредно действует на регенерирующуюся кожу.

Они снова двинулись в путь.

— Чем я могу помочь? — спросил Блейн.

— Вы могли бы рассказать кому-нибудь о том, что узнали здесь. Написать об этом, возможно. От одного брошенного в пруд камня идут многие круги...

— Я сделаю, что смогу.

— Благодарю, — торжественно сказал мистер Кин. — Про-

свещение — единственная наша надежда. Просвещение и будущее. В будущем люди наверняка должны стать просвещенные.

Будущее? Блейну вдруг стало не по себе. Потому что это и было будущее, в которое он перенесся из оптимистического, погруженного в мечты XX века. Будущее превратилось в теперь! Но обещанное просвещение так и не наступило, и люди остались преимущественно такими же, как всегда. На мгновение тяжесть двух столетий навалилась на Блейна. Он почувствовал себя старым, старше Кина, старше самого человечества — потерянное существо внутри заимствованного тела, брошенное посреди неизвестного ему места.

— И вот, — сказал мистер Кин, — мы достигли цели.

Блейн быстро замигал, и реальность снова приобрела четкие очертания. Темный проход кончился. Прямо перед ним к стене туннеля была прикреплена ржавая железная лестница, ведущая вверх, в темноту.

— Желаю удачи, — сказал мистер Кин.

Он удалился, тяжело опираясь на руку негра. Блейн проводил его взглядом, потом повернулся к Смит.

— Куда нам идти?

— Вверх по лестнице.

— Но куда она ведет?

Смит уже начал взбираться по ступенькам. Он остановился и посмотрел вниз на Блейна, свинцовые губы его растянулись в улыбке.

— Сейчас мы посетим твоего приятеля, Блейн. Мы направляемся в его могилу, в его гроб, и попросим, чтобы он больше тебя не преследовал. Заставим, может быть.

— Но кто он? — спросил Блейн.

Смит только улыбнулся и продолжал подъем. Блейн полез за ним.

20

Над проходом располагалась вентиляционная шахта, которая вела к другому проходу. Наконец, они пришли к двери и вошли внутрь.

Они находились в большой, очень ярко освещенной комнате. На куполе-потолке имелась фреска, изображающая красивого, ясноглазого мужчину, взлетающего в туманные Небеса в сопровождении группы ангелов. Блейн сразу узнал, кто позировал художнику.

— Рейли!

Смит кивнул:

— Мы внутри Дворца Смерти.

— Как ты узнал, что за мной охотится Рейли?

— Ты сам мог бы об этом догадаться. Только два человека,

что были связаны с тобой, умерли недавно. Так как это не мог быть Рей Мелхилл, то оставался только Рейли.

— Но почему?

— Не знаю, — сказал Смит. — Возможно, Рейли сам тебе скажет.

Блейн взглянул на стены Дворца. Они были инкрустированы знаками крестов, полумесяцев, звезд, а также индийскими, африканскими, арабскими, китайскими и полинезийскими символами, означающими пожелание удачи. По всей комнате были разбросаны пьедесталы со статуями древних богов. Среди дюжины прочих Блейн узнал Зевса, Аполлона, Дагона, Одина, Астарты. Перед каждой статуей имелся алтарь, на каждом алтаре лежал ограненный и отшлифованный драгоценный камень.

— Зачем все это? — спросил Блейн.

— Чтобы умиловать богов.

— Но ведь жизнь после смерти — научный факт.

— Мистер Кин объяснил мне, что наука производит малое влияние на предрассудки, — ответил Смит. — Рейли был вполне уверен, что попадет в послежизнь, но он не хотел рисковать. Кроме того, как говорит мистер Кин, очень богатые, так же, как и очень религиозные люди, не желают делить послежизнь с кем-то. Они думают, что с помощью соответствующих обрядов и символов, они попадут в более привилегированную часть послежизни.

— А такая существует? — спросил Блейн.

— Никто не знает. Это их предположение.

Смит провел его к дверце, украшенной орнаментом из египетских и китайских иероглифов.

— Там, внутри, — тело Рейли, — сообщил он.

— И мы туда войдем?

— Да, так нужно.

Смит толкнул дверь. Блейн увидел обширную комнату с колоннами из белого мрамора. В центре ее стоял гроб из бронзы и золота, усыпанный драгоценными камнями. В ошеломляющем числе гроб окружали многообразные предметы: картины и скульптуры, музыкальные инструменты, барельефы, предметы, напоминающие стиральные машины, печки, холодильники, и даже целый вертолет. Были тут книги и одежда, и был накрыт стол для обильного банкета.

— Зачем все эти вещи? — спросил Блейн.

— Сущность этих вещей должна сопровождать владельца при переходе в послежизнь. Это старый обычай.

Первой реакцией Блейна была жалость. Научно-гарантированная послежизнь, оказывается, не освободила человека от страха перед смертью. Наоборот, она только усилила неуверенность и подхлестнула желание вырвать кусок получше. Даже имея возможность жить после смерти, люди стремились обеспечить себе участок в этой жизни лучший, чем у других. Равенство — это пре-

красно, никто не спорит, но личная инициатива превыше всего. Совершенное и беспрестанное уравнивание оставалось не более приемлемой идеей в послежизни, чем она была на Земле. Желание превзойти ближнего заставляло людей вроде Рейли возводить себе гробницы, подобные пирамидам древнеегипетских фараонов, всю жизнь изводиться вопросом о смерти, стараясь во что бы то ни стало сохранить свое положение и состояние в мерещащейсяпереди серой неизвестности.

Позор. Однако, подумал Блейн, не от того ли испытывает он жалость, что не верит в действенность методов, применяемых Рейли? Допустим, вы действительно могли бы повлиять на положение в послежизни в положительном смысле? В таком случае, не лучше ли всего истратить время жизни на Земле, добываясь наилучшего положения в Вечности?

Предположение выглядело разумным, но Блейн отказывался в него верить. Это не могло быть единственной целью существования человека на Земле! Плохая или хорошая, честная или нет, жизнь сама по себе стоила того, чтобы ее прожить.

В гробовую комнату медленно вошел Смит, и Блейн прервал размышления. Зомби рассматривал маленький стул, покрытый узорами. Спокойно он пнул столик ногой и опрокинул его. Потом он начал медленно топтать лежавшие до этого на столике какие-то церковные атрибуты.

— Что ты делаешь? — изумился Блейн.

— Ты хочешь, чтобы полтергейст отстал от тебя?

— Ну еще бы.

— Тогда у него должна быть на то причина, — объяснил Смит, свалив пинком на пол статую из черного дерева и принялся обрабатывать ее ногами.

Блейну это показалось разумным. Даже безумный призрак должен знать, что рано или поздно он покинет Порог и переместится в Послежизнь. Когда он это сделает, то ему потребуется его имущество — в целости и сохранности. Отсюда вывод: клин клином вышибают, на преследование отвечают тем же.

И все же он чувствовал себя вандалом, когда приготовился протыкать кулаком полотно картины.

— Не надо, — раздался голос у него над головой.

Блейн и Смит подняли головы. Над ними мерцало нечто вроде серебристого тумана. Из этого тумана раздался едва слышный голос:

— Пожалуйста, опусти полотно на место.

Блейн не опускал кулака.

— Это ты, Рейли?

— Да.

— Почему ты преследуешь меня?

— Потому что ты во всем виноват! Это все твоя вина! Ты убил меня своим черным сознанием убийцы! Да, ты, ты, чудовище из прошлого; ты, проклятый монстр!

— Я не виноват! — воскликнул Блейн.

— Виноват! Ты не человек! Все живое бежит от тебя, кроме дружка-мертвеца! Почему ты еще жив, убийца, а я нет?!!

Кулак Блейна двинулся к полотну картины. Голосок призрака взвизгнул:

— Не надо!

— Ты оставишь меня в покое? — спросил Блейн.

— Положи картину, — взмолился Рейли.

Блейн аккуратно положил полотно на место.

— Я оставлю тебя в покое, — сказал Рейли. — Почему бы и нет? Есть вещи, которых тебе видеть не дано, Блейн, но я их вижу. Твое время на Земле будет очень недолгим, очень, до боли недолгим. Те, кому ты веришь, предадут тебя. Ты умрешь, Блейн, и не через несколько лет, а скоро, раньше, чем ты можешь себе представить. Тебя предадут, и ты умрешь от собственной руки.

— Ты не в своем уме! — крикнул Блейн.

— Неужели? — захихикал Рейли. — Неужели? Неужели??

Серебристый туман исчез. Призрак Рейли покинул гробницу.

Смит вывел его сквозь двойные запутанные проходы обратно на улицу. Воздух снаружи был прохладен, и заря уже окрасила стены высоких домов в розовый цвет.

Блейн начал благодарить его. Смит покачал головой. — Не за что! В конце концов, ведь ты необходим мне, Блейн. Что бы я делал, если бы полтергейст тебя убил? Будь осторожен, береги себя. Без тебя у меня нет никакой надежды.

Зомби на мгновение с тревогой взглянул на Блейна, потом поспешил прочь. Блейн смотрел ему вслед. Не лучше ли было иметь дюжину врагов, чем Смита в качестве друга, подумал он.

21

Полчаса спустя он был в квартире Мэри Торн. Мэри, без грима на лице, в домашнем халате, сонно протерла глаза и провела его на кухню, где набрала для него шифр кофе, тостов и яичницы.

— Было бы неплохо, — сказала она, — чтобы ты отложил столь драматическое появление на более подходящий час. Шесть тридцать утра!

— Я постараюсь исправиться, — весело пообещал Блейн.

— Ты говорил, что позвонишь. Что с тобой случилось?

— Ты волновалась?

— Ни капли. Так что же случилось?

Между двумя ломтиками тостов Блейн рассказал ей об охоте, о полтергейсте и изгнании зловредного духа. Она выслушала рассказ и сделала вывод:

— Итак, ты очень доволен собой, и, я думаю, имеешь на это право. Но ты до сих пор так и не знаешь, чего от тебя хочет Смит, и даже кто он такой.

— Не имею ни малейшего представления, — согласился Блейн. — Смит, впрочем, тоже. Если честно, то меня это несколько не заботит.

— А что случится, когда он вспомнит?

— Тогда я и подумаю, что делать.

Мэри подняла брови, но ничего не сказала по этому поводу.

— Том, какие у тебя теперь планы?

— Хочу найти работу.

— Охоту?

— Нет. Глупо это или нет, но я думаю попробовать конструирование яхт. Потом я предполагаю заглядывать сюда в более подходящие часы, как ты этого требуешь. Тебе это нравится?

— Непрактично. Хочешь хороший совет?

— Нет.

— И все же я тебе его даю. Том, уезжай из Нью-Йорка как можно дальше. Уезжай на Фиджи или на Самоа.

— Зачем мне это?

Мэри беспокойно меряла кухню шагами.

— Ты просто не в состоянии понять этот мир.

— Я так не думаю.

— Том! Ты приобрел кое-какой опыт. Но это не значит, что ты полностью приспособился к нашей культуре. Тебя выхватили из прошлого, за тобой охотился призрак, ты сам участвовал в охоте. Но все это не больше чем прогулка с гидом. Рейли был прав, ты будешь так же беспомощен в нашем веке, как пещерный человек в 1958 году.

— Это нелепое сравнение, и я решительно против.

— Ладно, пусть это будет китаец из четырнадцатого века. Допустим, этот китаец повстречался с гангстером, проехался на автобусе и посетил Кони-Айленд. Можешь ли ты сказать, что он понял Америку XX века?

— Конечно, нет. Ты хочешь что-то сказать?

— Я хочу сказать, — продолжала она, — что тебе здесь постоянно грозит опасность, а ты даже не в состоянии ощутить, откуда она исходит и насколько она серьезна. Возьми хоть этого Смита. Кроме того, наследники Рейли могут не слишком благосклонны отнестись к тебе из-за осквернения его гробницы, они могут что-то предпринять по этому поводу. А управляющие в «РЕКС» до сих пор спорят, что с тобой надлежит сделать. Ты вмешался в события, нарушил их ход. Неужели ты не чувствуешь?

— Со Смитом я справлюсь, — сказал Блейн. — И к чертям наследников Рейли. А управляющие... что они могут мне сделать?

Она подошла к нему и обняла за шею.

— Том, — сказала она серьезно, — любой человек нашего времени, оказавшийся на твоём месте, бежал бы без оглядки!

Блейн тоже обнял ее на секунду, погладил блестящие волосы. Она заботилась о нем, она желала ему добра. Но он был не в состоянии слушать предостережения. Он пережил опасности охоты,

он спустился сквозь железную дверцу в подземный мир и снова выбрался к свету дня. Теперь, сидя в кухне Мэри, он чувствовал себя умиротворенным и беззаботным. Опасность казалась ему чисто теоретическим вопросом, не заслуживающим обсуждения в данный момент, и идея бежать из Нью-Йорка выглядела совершенно нелепой.

— Скажи, — спросил он весело, — то, что я нарушил ход событий... это относится и к тебе?

— Возможно, я потеряю работу, если ты это имеешь в виду.

— Я о другом.

— Тогда ты сам должен знать... Том, пожалуйста, уезжай из Нью-Йорка!

— Нет. И перестань паниковать.

— О, боже, — вздохнула она, — мы говорим на одном языке, но мои слова до тебя не доходят. Сейчас я объясню тебе на примере. — Она задумалась на секунду. — Представь, у человека есть парусник.

— А ты сама ходишь под парусом? — спросил Блейн.

— Да, мне нравится, Том! Послушай меня! Представь, что у человека есть парусник, и он задумал отправиться на нем в плавание по океану...

— По морю жизни... — вставил Блейн.

— Не смешно, — сказала она очень серьезно. Сейчас она казалась ему весьма привлекательной. — Этот человек ничего не знает о парусниках. Ему кажется, что плавание проходит нормально, все в порядке, все на месте. Он не подозревает об опасности. Потом парусник осматриваешь ты. И видишь, что в шпангоутах появились трещины, рудерпост источен червями, гнездо мачты прогнило, паруса истлели, килевые болты проржавели и крепления вот-вот разойдутся.

— Откуда у тебя такие познания? — удивился Блейн.

— Я хожу на яхтах с детства. Ты выслушаешь меня наконец? Ты объясняешь этому человеку, что парусник его никуда не годится, первый же шквал отправит его на дно.

— Как-нибудь мы поплаваем с тобой вместе, — сказал Блейн.

— Но этот человек, — упорно продолжала Мэри, — ничего не знает о парусниках. Его судно кажется совершенно исправным. И к тому же, ты ни черта не можешь сказать ему определенно — что и когда случится. Может посудина продержится еще месяц, может — неделю. Ты просто не можешь сказать точно. И ты сам сейчас находишься в точно такой же ситуации. Я не могу сказать, что именно произойдет. Я только и вижу, что ты в плаванье не годишься. Ты должен уехать отсюда!

Она смотрела на него с надеждой. Блейн кивнул и сказал:

— Хорошая выйдет из тебя команда.

— Так ты не уезжаешь, значит?

— Нет. Я всю ночь не спал. И сейчас я могу отправиться только в постель. Ты не желаешь присоединиться?

— Иди ты к черту!

— Ну, дорогая, пожалуйста! Где же твое снисхождение к бездомному скитальцу из прошлого?

— Я ухажу, — сказала Мэри. — Постели себе сам. И лучше хорошенько подумай над тем, что я тебе сказала.

— Конечно, — согласился Блейн. — Но к чему волноваться, если за мной присматриваешь ты?

— Смит тоже за тобой присматривает, — напомнила она. Она быстро его поцеловала и вышла из комнаты.

Блейн позавтракал и прилег поспать. Проснулся он уже ближе к вечеру. Мэри еще не вернулась, поэтому, уходя, он написал ей бодрую записку с указанием адреса его отеля.

В течение следующих нескольких дней он обошел большинство конструкторских бюро Нью-Йорка, занимающихся проектированием яхт, но без успеха. Его старая фирма «Матисон и Петерс» давно уже не существовала. В других фирмах он был не нужен. Наконец в агентстве «Джекобсеновские яхты, лтд» главный конструктор долго разговаривал с Блейном о ныне исчезнувших типах яхт. Блейн при этом выявил обширные познания в этой области и продемонстрировал свои весьма уже устаревшие навыки, после чего конструктор сказал ему:

— Мы получили несколько заказов на корпуса в старинном стиле. Могу вот что предложить вам. Мы возьмем вас ассистентом. Вы сможете чертить классические корпуса, оплата на комисионном проценте, а тем временем подучитесь в современных системах, потому что ваши навыки, честно говоря, сильно устарели. Что вы на это скажете?

Должность ему предлагали низкую, это было понятно. Но, с другой стороны, это была работа, постоянная работа с хорошими перспективами на повышение. Это означало, что он, наконец-то, получит прочное положение в мире 2110 года.

— Я согласен, — сказал Блейн. — Спасибо.

В этот вечер, чтобы отпраздновать успех, он отправился в сенсориум и купил проигрыватель с несколькими записями. Он подумал, что может теперь позволить себе небольшую роскошь.

Сенсории были неотделимой частью 2110-го, такими же вездесущими, как телевизоры в родном времени Блейна. Более сложные и мощные версии сенсориев использовались в театральных спектаклях, другие вариации применялись для рекламы и пропаганды. Это была — на настоящее время — самая мощная и технически чистая форма распространения «грез наяву», способная удовлетворять любой вкус.

Но у них имелись и категорические противники, порицавшие злокачественную тенденцию к полной пассивности зрителя. Их беспокоила предельная легкость, с которой человек ассимилировал в себя содержание сенсорозаписи. И действительно, не одна

домохозяйка жила в ярком мире сенсорогрез, не один современный мистик навсегда включался в бесконечную череду фантастических образов.

Читая книгу или во время просмотра телепрограммы, указывали противники сенсориев, человек вынужден напрягаться до определенной степени, соучаствовать в действии. Но сенсории лишь погружали нас в ослепительную, до плотности реальную, коварно обволакивающую грезу и оставляли после себя разрушающую сознание мысль о том, что грезы куда интересней и желанней реальности. Этого позволить нельзя, даже если бы это было правдой. Сенсории опасны! Конечно, в области сенсорозаписи были созданы некоторые подлинные произведения искусства (нельзя сбросить со счетов Веррехо, Джонстона и Телькина, и Микельсен тоже много обещает). Но это была капля в море. И если противопоставить им разрушающий эффект на психику, сдвиг общественного сознания в сторону пассивного потребления...

Следующее поколение, гремели критики, будет не в состоянии думать, читать и осмысленно действовать!

Это был серьезный аргумент. Но Блейн, имея за собой 152 года перспективы, помнил об аналогичных дискуссиях по поводу радио, телевидения, комиксов и дешевых книг в бумажных обложках, выпускавшихся массовыми тиражами. Каждое нововведение, как представляется сразу, грозит разрушением культуры, и неизбежно становится органическим элементом этой культуры, воплощением добрых старых дней, духом Золотого Века, которому грозит уничтожением следующее нововведение.

Сенсории, хорошо это или плохо, уже существовали. Блейн вошел в магазин, чтобы испытать их.

Осмотрев несколько моделей, он купил недорогой проигрыватель марки «БЕНДИКС». Потом, по рекомендации продавца, он выбрал три популярные записи и отправился в кабинку, чтобы проиграть их. Укрепив на лбу электроды, он включил первую сенсорозапись. Это была историческая запись, романтический пересказ «Песни о Роланде», выполненная в низкоинтенсивной манере без переноса личности, что позволяло воспроизвести масштабные сцены битв. Греза началась.

...и Блейн оказался в проходе Ронсевалля, в то жаркое и роковое утро августа 778 года, он стоял среди арьергардной охраны Роланда, наблюдая, как основные силы армии Шарлеманя медленно уходят в сторону родной земли Франции. Усталые ветераны сутулились в седлах с высокими задними луками, скрипела кожа, шпоры позванивали о бронзовые стремяна. Пахло сосной и потом, ветер доносил едва ощутимую горечь дыма с развалин Пампелоны, во рту был привкус начищенной маслом стали и сухой летней травы...

Блейн решил купить запись. Следующая греза оказалась высоконапряженным приключением на Венере: зритель полностью сливался с главным героем — невиновным, но преследуемым че-

ловеком. Последняя запись оказалась переменной интенсивности версией «Войны и мира» с периодическими переключениями на слияние с личностью героев.

Когда он заплатил, продавец подмигнул ему и сказал:

— Может быть, вас интересует кое-что похлеще?

— Возможно, — сказал Блейн.

— Несколько групповых записей, — сказал продавец, — с полной идентификацией, вплоть до переключения сознания. Нет? Имеется подлинная запись — человек погибает в зыбучих песках. Убийцы сделали запись специально для интересующихся.

— Наверное, в другой раз, — отказался Блейн, направляясь к выходу.

— Кроме этого, — удержал его клерк, — у меня есть законным образом сделанная запись, но затем не пущенная в оборот. Несколько копий были тайно распространены, специально для коллекционеров. Возрождение человека из прошлого. Стопроцентная подлинность.

— В самом деле?

— Да, абсолютно уникальная запись. Эмоции переданы чисто, как звон колокола, напряженность — как лезвие бритвы. Мечта коллекционера, поверьте. Могу уже сейчас предсказать, что она станет классикой.

— Я бы хотел послушать, — мрачно сказал Блейн.

Он взял запись без этикетки и вернулся в кабинку. Десять минут спустя он вышел оттуда, совершенно потрясенный и купил запись за непомерно высокую цену. Это было все равно что купить частичку самого себя.

Продавец и техники из «РЕКС» не ошиблись. Это действительно была мечта коллекционера, и скоро наверняка станет классической сенсорозаписью.

К сожалению, все имена были тщательно стерты, чтобы нельзя было установить источник записи. Блейн стал знаменитостью — необычным, анонимным образом.

22

Блейн каждый день ходил на работу, где подметал пол в помещениях, освобождал корзинки от бумаг, надписывал адреса на конвертах и работал над корпусами старомодных яхт с оплатой на комиссионной основе.

По вечерам он изучал сложную науку яхтостроения XXII века. Немного спустя ему дали несколько более ответственных заданий — написать рекламные объявления. Он показал себя весьма способным в этом деле и вскоре был повышен до должности младшего конструктора. В его ведомстве оказалась большая часть связей «Джекобсеновских яхт, лтд.» и различных яхтостроительных верфей, работающих по их проектам.

Он продолжал учиться, но заказов на классические корпуса было мало. Со стандартными заказами справлялись братья Джекобсен, в то время, как старый Эд Рихтер, известный под прозвищем Салемское Чудо, чертил уникальные гоночные суда и катamarаны. Блейн взял на себя деловую переписку и рекламу, и на другое у него уже не оставалось времени.

Это была ответственная, необходимая работа. Но это было не конструирование яхт. Жизнь его в 2110 году окончательно принимала тот же ход, что и в 1958.

Блейн тщательно обдумал этот факт. С одной стороны, он был рад такому положению. Это, казалось, раз и навсегда разрешало конфликт между его сознанием и его телом. Сознание явно стало хозяином тела.

С другой стороны, ситуация не очень лестно свидетельствовала о качестве данного сознания. Вот человек, перенесенный на 152 года в будущее, прошедший сквозь чудесное и ужасное, и теперь опять работающий младшим конструктором, который занимается всем чем угодно, кроме проектирования яхт. Неужели в его натуре был скрыта некая фатальная погрешность, невидимый дефект, приговоривший его к роли подчиненного вне зависимости от окружения?

Уныло представлял он, как его переносит на миллион лет назад, в эру пещерного человека. Несомненно, после периода привыкания, от стал бы младшим конструктором кремниевых скребков. Но только не настоящим конструктором. В его обязанности входил бы учет ожерелий из ракушек, проверка качества сырья и связь с поставщиками, в то время, как кто-то другой (возможно, неандертальский гений) будет делать настоящую работу.

Эта мысль угнетала его. Но к счастью, на дело можно было смотреть и с другой стороны зрения. Его неизбежное возвращение на круги своя можно было принять за отличный пример внутренней слаженности, стабильности человека. Он знал, что он есть такое. Как бы ни изменилось его окружение, он оставался верен своей функции.

С этой точки зрения, он мог даже гордиться своим званием вечного младшего конструктора.

Он продолжал работать, колеблясь между этими двумя положениями. Раз или два он заходил к Мэри, но она, как правило, была занята в главном совете «РЕКС». Он переехал из отеля в небольшую, со вкусом обставленную квартиру. Он начинал чувствовать себя в Нью-Йорке как дома.

И, напоминал он себе, если он даже ничего больше не добился, то, по крайней мере, разрешил противоречие своего сознания и нового тела.

Но тело это не следовало так легкомысленно сбрасывать со счетов. Блейн совершенно выпустил одну из проблем, связанную с владением сильным, красивым и своенравным телом, как у него. Однажды конфликт разгорелся снова еще в более острой форме.

Он закончил работу в обычное время и ждал на углу улицы автобус. Он заметил, что на него пристально смотрит женщина. Ей было примерно лет двадцать пять. Она была привлекательная, рыжеволосая, с полной грудью. Одета она была обычно. Лицо смелое и решительное, но в нем чувствовалась нотка грусти.

Блейн вспомнил, что он уже не раз видел ее до этого. Однажды они ехали вместе в геликобусе. В другой раз она вошла за ним в магазин, едва не наступая на пятки. И несколько раз он встречал ее у здания, где помещалась его фирма.

Она следила за Блейном по крайней мере несколько недель. Но почему?

Он ждал, глядя на нее. Увидев, что он ее заметил, женщина немного поколебалась, потом сказала:

— Можно мне поговорить с вами одну минутку?

Голос у нее был низкий, приятный, но в нем чувствовалось сдержанное волнение.

— Пожалуйста, мистер Блейн, это очень важно!

Значит, она знала его имя.

— Конечно, — согласился Блейн. — В чем дело?

— Давайте не здесь. Не могли бы мы... пойти куда-нибудь?

Блейн усмехнулся и покачал головой. Она, казалось, ничем ему не угрожала, но Орк тоже выглядел безобидно. Доверившись незнакомцу в этом мире вы рисковали потерять или сознание, или тело, или то и другое сразу.

— Я вас не знаю, — сказал Блейн, — и не знаю, откуда вы проводали мое имя. Что бы вам не требовалось, лучше говорите прямо сейчас.

— Мне совсем не следовало вас беспокоить, — упавшим голосом сказала женщина, — но я не могла заставить себя, я должна была с вами поговорить. Мне иногда становится так одиноко, вы ведь понимаете меня?

— Одиноко? Еще бы, но почему вы хотели поговорить именно со мной?

Она посмотрела на него с печалью.

— Да, конечно, ведь вы не знаете.

— Нет, не знаю, — терпеливо сказал Блейн. — Так почему?

— Пойдемте куда-нибудь. Я не могу говорить на улице.

— Вам придется, — сказал Блейн, решивший, что это какая-то очень тонкая игра.

— Ну хорошо, — вздохнула женщина, явно смущенная. — Я следила за вами довольно долго, мистер Блейн. Я узнала ваше имя и где вы работаете. Я должна была поговорить с вами. Это все из-за этого вашего тела.

— Что?

— Вашего тела, — повторила она, не глядя на Блейна. — Понимаете, это было тело моего мужа, прежде чем он продал его корпорации «РЕКС».

Блейн открыл рот, но не мог найти подходящего ответа.

Блейн и до этого знал, что его тело прежде жило в этом мире своей жизнью. Оно совершало поступки, принимало решения, любило, ненавидело, оставило свой индивидуальный отпечаток на системе общества, и сплело свою собственную сложную паутину отношений с другими людьми. Он даже мог бы предположить, что тело было женато, как и большинство остальных тел. Но он предпочитал не думать об этом. Он позволил себе удобное заблуждение, будто бы все, что касалось прошлого владельца тела, благополучно кануло в небытие.

Его собственная встреча с похищенным телом Рея Мелхилла должна была показать ему, насколько наивно такое отношение. И теперь, хотел он того или нет, ему придется вернуться к этой мысли.

Они отправились домой к Блейну. Женщина, Алиса Кранч, несмело примостилась на краю кушетки и взяла предложенную Блейном сигарету.

— Понимаете, так получилось, — начала она, — что Фрэнк — это было имя моего мужа, Фрэнк Кранч — что он был постоянно недоволен положением вещей. Понимаете? У него была хорошая работа охотника, но он все не мог успокоиться.

— Охотника?

— Да, он был копыеносцем в китайской охоте.

— Гмм, — сказал Блейн, снова задумываясь над тем, что заставило его пойти на ту охоту. Его собственные потребности или спящие рефлексy Кринча? Что за досада, опять возникла эта проблема тела и сознания, и именно в тот момент, когда он уже, казалось, так ловко ее разрешил.

— Но он вечно был недоволен, — продолжала Алиса Кранч. — Это стало его больным местом, ведь богачи-то постоянно отправлялись в послежизнь. А Фрэнк всю жизнь ненавидел то, что он сам умрет как собака. Да.

— И я его не виню, — сказал Блейн.

Она пожала плечами.

— А что еще остается? У Фрэнка не было возможности скопить нужные деньги. И это его беспокоило. Потом его тяжело ранили, очень тяжело. Наверно, у вас еще есть этот шрам на плече?

Блейн кивнул.

— Ну вот, он после этого сильно изменился. Охотники обычно не думают о смерти, а Фрэнк начал думать. Он думал о ней все время. А потом он встретил эту худющую девицу из «РЕКС».

— Мэри Торн?

— Вот-вот, ее, — сказала Алиса. — Худющая такая девица, вся как гвоздь, холодная как рыба. Не понимаю, что в ней Фрэнк нашел. Он, конечно, иногда позволял себе баловство, все охотники так делают. Это все из-за напряжения опасности. Но баловство и есть баловство. Они — Фрэнк и девица из «РЕКС» —

стали прямо не разлей вода. Я просто не понимала, что он в ней нашел. То есть она была такая худая, и такая вся замороженная. Что-то в ней было, конечно, но вид у нее был такой, словно она и спит не раздеваясь. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Блейн кивнул, ощущая укол памяти.

— Продолжайте.

— Да, о вкусах не спорят, ясно, но я думала, что знаю Фрэнка. И оказалось, что я его знаю, потому что он с ней ничего ни имел. Это было только деловое общение. Однажды он пришел и сказал мне:

«Малютка, я тебя покидаю. Отправляюсь прямо в небеса, как чертовы богачи. Для тебя это тоже будет приятная, наверное, перемена».

Алиса вздохнула и вытерла слезы.

— Этот остолоп продал тело! «РЕКС» дал ему страховку и пожизненную пенсию для меня. И он так собой гордился, чертов дурачок. Ну вот, я посинела от крика, старалась переубедить его. Куда там, он собрался отведать пирога в небе, и точка. По его мнению, настал его черед, и в следующей охоте его должны были достать. Вот он и отправился. Один раз он поговорил со мной с Порога.

— Он еще на Пороге? — спросил Блейн, чувствуя холодок в затылке.

— Он молчит уже больше года, — сказала Алиса, — думаю, он уже перешел в послежизнь. Подлец!

Несколько секунд она плакала, потом вытерла глаза маленьким платочком и посмотрела на Блейна.

— Я не буду вас беспокоить. В конце концов, он сам продал свое тело и теперь оно целиком ваше. Я ничего не требую от вас. Но мне так одиноко, так тоскливо.

— Представляю, — пробормотал Блейн, подумав, что она совсем не в его вкусе. То есть, объективно говоря, она была достаточно привлекательной. Симпатичная, но несколько пышновата. Четкие, приятные черты лица, смелые, и явно украшенные гримом. Волосы, хотя и не от рождения рыжие, были мягкими и красиво падали на плечи. Он представил, как женщина такого типа ругается с полицейским, уперев руки в бедра, или торгуется на рынке, тянет рыбацкий невод, танцует фламенко под гитару, или пасет коз на горном склоне, длинная юбка путается в ногах, шелестит на крутых бедрах, а крестьянская блуза натягивается на груди...

Но она не была в его вкусе.

Тем не менее, — напомнил он себе, — Фрэнк Кранч находил ее соответствующей его вкусам. А он носит тело Кранча.

— Почти все наши друзья были охотниками в китайской игре, — продолжала Алиса. — Они, конечно, заходили иногда после того, как Фрэнк отбыл. Но вы ведь знаете охотников, у них одно на уме.

— Так ли это? — спросил Блейн.

— Да. Поэтому я вернулась из Пекина в Нью-Йорк, где родилась. И однажды увидела Фрэнка, то есть вас. Я чуть сознание не потеряла. То есть, я могла ожидать чего-то такого, и все же не так-то просто это, когда видишь вдруг мужа на улице.

— Я тоже так думаю, — сказал Блейн.

— Поэтому я ходила за вами и все такое прочее. Я не хотела беспокоить вас, но не могла успокоиться. И я подумала, что вы за человек? Понимаете, Фрэнк был такой... то есть, он и я... нам было так хорошо вместе, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Конечно, — сказал Блейн.

— Я уверена, что вы думаете, что я уродина!

— Вовсе нет! — возразил Блейн.

Она посмотрела прямо ему в лицо, с одновременным печальным и кокетливым выражением. Блейн почувствовал, как старый шрам Кранча начал пульсировать.

Помни, сказал он себе, Кранча больше нет. Теперь есть только Блейн. Воля Блейна, поступки Блейна, вкус Блейна...

Разве не так?

Эту проблему нужно решить, подумал он, схватив ждущую Алису в объятия и целуя ее с неблейновским пылом...

Утром Алиса приготовила завтрак. Блейн сидел, глядя в окно и невесело размышлял.

Прошлая ночь доказала ему, что Кранч продолжал оставаться королем в государстве по названию тело-сознание Кранча-Блейна. Вчера ночью он вел себя совершенно не в своей манере. Он был груб, нетерпелив, зол, ненасытен. Он был именно таким, каким ни за что не хотел бы быть раньше, и вел себя со страстностью, граничащей с безумием.

Это не был Блейн. Это был Кранч, тело-победитель.

Блейн всегда ценил деликатность, тонкость, понимание ньюансов. Слишком даже ценил, возможно. Но это были его достоинства, это были черты его индивидуальности. С ними он был Томасом Блейном. Без них он был меньше чем ничего, слабая тень вечно побеждающего Кранча.

Уныло размышлял он о будущем. Он прекратит борьбу, станет тем, чего требовало новое тело: драчуном, забиякой, сладострастным мерзавцем. Может быть, со временем он привыкнет к этому, и ему даже понравится.

— Послушай, — сказал он. — Мне очень жаль.

— О чем ты?

— Обо всем.

Она слабо улыбнулась.

— Все в порядке. Это моя вина.

— Сомневаюсь. Передай мне масло, пожалуйста, — попросил Блейн.

Она подала ему масло. Несколько минут они продолжали молчать. Потом Алиса сказала:

— Я была такая глупая.
 — Почему?
 — Я теперь понимаю, что гналась за миражом, — сказала она. — Я думала, что вдруг снова встречу Фрэнка. Думала, что это будет как будто с Фрэнком.
 — А было не так?
 Она покачала головой.
 — Нет, конечно не так.
 Блейн аккуратно поставил на стол чашку с кофе.
 — Я думаю, что Кранч был грубее. Я предполагаю, что он бросал тебя о стенку как мяч. Может быть...
 — Нет, нет! — вскрикнула она. — Никогда! Мистер Блейн, Фрэнк был охотником, и жизнь у него была нелегкая. Но со мной он всегда был истинным джентльменом. Он знал, как себя вести.
 — Знал?
 — Конечно! Фрэнк всегда был нежен со мной, мистер Блейн. Он был... деликатным, если вы понимаете, что я имею в виду. Он никогда, никогда не был груб. Честно говоря, он был совершенной противоположностью вам, мистер Блейн.
 — Вот как? — сказал Блейн.
 — Нет, с вами все в порядке, — с запоздалым сочувствием сказала она. — Вы только чуть-чуть слишком быстры, но я думаю, у каждого свои привычки.
 — Думаю, что так, — сказал Блейн. — Да, так.
 Они завершили завтрак в неловкой тишине. Алиса, освободившаяся от своей навязчивой идеи, тут же ушла, ничем не намекнув даже на возможность новой встречи. Блейн сидел в большом кресле, смотрел в окно и думал.
 Значит, он вел себя совсем не как Кранч!
 Печальная истина заключается в том, сказал он себе, что он действовал в соответствии со своим представлением о Кранче. Все это было чистым самовнушением. Поддавшись припадку истерии, он убедил себя, что сильный, грубой профессии мужчина обязательно отнесется к женщине как к дикому медведю.
 Он действовал по стереотипу. И он чувствовал бы себя еще глупее, если бы не был так рад возвращению Блейна целым и невредимым.
 Он нахмурился, вспомнив слова Алисы о Мэри: «Худющая, словно гвоздь, холодная, как рыба». Еще один стереотип.
 Но в данный момент он едва ли мог порицать Алису.

Несколько дней спустя Блейн получил извещение о том, что в Спиритическом коммутаторе его ждет сообщение. Он отправился туда после работы, и его направили в ту же кабину, которой он пользовался в первый раз.

— Привет, Том! — сказал усиленный голос Мелхилла.

— Привет, Рей. Я уже думал, куда это ты пропал!?

— Я все еще на Пороге, — объяснил ему Мелхилл, — но долго я здесь больше не задержусь. Надо мне двигаться дальше и взглянуть, что это за Послежизнь. Она меня манит. Но снова хотел с тобой поговорить, Том. Мне кажется, ты должен остерегаться Мэри Торн.

— В самом деле, Рэй...

— Послушай меня. Она все время торчит в «РЕКС». Я не знаю, что там происходит, у них конференц-зал экранирован от психического вторжения. Но что-то там назревает, что-то опасное для тебя, и она в самом центре...

— Буду держаться настороже, — пообещал Блейн.

— Том, пожалуйста, прими мой совет. Уезжай из Нью-Йорка. Уезжай поскорее, пока у тебя есть и тело, и сознание в нем.

— Я не уеду, — сказал Блейн.

— Упрямый ты осел, — с чувством сказал Рэй Мелхилл. — Что за смысл иметь доброго ангела, если ты не слушаешь его советов?

— Я ценю твою помощь, — сказал Блейн. — Честное слово. Но скажи мне правду... что я выиграю, если убегу?

— Ты немного дольше останешься в живых.

— Немного дольше? Неужели дела так плохи?

— Да, достаточно. Том, главное помни — не доверяй никому. Теперь я должен идти.

— Ты еще поговоришь со мной, Рэй?

— Возможно, — сказал Мелхилл. — А может быть, и нет. Удачи, малыш.

Беседа окончилась. Блейн вернулся в свою квартиру.

Следующий день был суббота. Блейн встал поздно, приготовил завтрак и позвонил Мэри. Ее не было дома. Он решил оставшуюся часть дня ничего не делать, только проигрывать сенсорозаписи.

В этот день к нему пришли два посетителя.

Первым была тихая, горбатая женщина в темной, простой до суровости, униформе. На ее армейского типа кепке выделялись слова: «СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ».

— Сэр, — сказала она, слегка задыхаясь. — Я собираю пожертвования в пользу Старой Церкви, организации, которая стремится к распространению веры в эти беспутные и безбожные времена.

— Прошу прощения, — сказал Блейн и начал закрывать дверь.

Но, по всей видимости, он был не первым, с кем старушка имела дело. Она втиснулась между дверью и косяком и продолжала:

— Мы живем, мой юный сэр, в век Вавилонского Зверя, в век разрушения души. Это век Сатаны, время его обманчивого триумфа. Но не дай провести себя! Господь всемогущий допустил все это ради проверки и испытания, дабы отделить семена от плевел. Бойся поддаться искушению! Бойся встать на тропу греха, что лежит перед тобой, такая сверкающая и манящая!

Блейн дал ей доллар, чтобы только она замолчала. Старушка поблагодарила, но продолжала говорить:

— Опасайся, юный сэр, этой последней приманки Сатаны — фальшивого рая, который люди называют Послежизнью! Ибо лучшей западни не мог враг божий изобрести для мира людей, чем эту величайшую из иллюзий! Будто бы преисподняя стала раем! И люди поддаются обману лживого коварства, и с радостью отправляются в лапы Сатаны!

— Благодарю вас, — сказал Блейн, пытаюсь закрыть дверь.

— Помни мои слова! — воскликнула старушка, не спуская с Блейна взгляда остекленевших голубых глаз. — Послежизнь — это грех! Бойся пророков адской послежизни!

— Спасибо! — крикнул ей Блейн и закрыл, наконец, дверь.

Он снова уселся в мягкое кресло и включил проигрыватель. Почти целый час он был поглощен «Бегством на Венере». Потом в дверь постучали.

Открыв дверь, Блейн увидел невысокого, хорошо одетого человека с серьезным выражением на молодом лице.

— Мистер Томас Блейн? — спросил молодой человек.

— Это я.

— Мистер Блейн, меня зовут Чарльз Фаррел, я представитель корпорации «МИР ИНОЙ». Могу я поговорить с вами? Если сейчас вы не можете, мы могли бы договориться о встрече...

— Входите, — сказал Блейн, широко распахнув дверь про року адской послежизни.

Пророк по имени Фаррел оказался деловым, мягких манер человеком с приятным тихим голосом. Первое, что он сделал, это вручил Блейну фирменный бланк корпорации, где удостоверилось, что Чарльз Фаррел был полномочным представителем корпорации «МИР ИНОЙ». В тексте имелось скрупулезное описание внешности Фаррела, его подпись, три фотографии с печатями и набор отпечатков пальцев.

— А вот мои удостоверения личности, — сказал Фаррел, раскрывая бумажник и показывая Блейну права на вождение вертолета, библиотечную карточку, регистрационную карточку избирателя и удостоверение государственной благонадежности. На отдельном листке специальной бумаги Фаррел отпечатал узоры своих папиллярных линий и предъявил листок Блейну для сравнения с отпечатками пальцев на бланке.

— Это все необходимо? — спросил Блейн.

— Совершенно необходимо, — заверил его Фаррелл. — В

прошлом имели место несколько печальных случаев. Бесчестные пройдохи часто выдают себя за представителей корпорации, посещая доверчивых и бедных людей. Они предлагают страховку по сниженным ценам и, получив деньги, бегут из города. Очень многие люди потеряли все, что имели, и ничего не получили взамен. Потому что у этих жуликов, даже если они представляют нелегальные компании-однодневки, нет ни необходимого дорогого оборудования, ни высококвалифицированных операторов, которые это оборудование могли бы обслуживать.

— Я этого не знал, — сказал Блейн. — Может вы присядете?

Фаррел сел на стул.

— Мы пытаемся с этим бороться. Но компании-однодневки быстро меняют места расположения, и их нелегко поймать на горячем. Поэтому лишь «МИР ИНОЙ» и еще две компании, имеющие одобренные правительственными экспертами машины, гарантируют то, что они предлагают, — жизнь после смерти.

— А как с различными системами психологической тренировки? — поинтересовался Блейн.

— Я специально ничего о них не упоминал, — сказал Фаррел. — Это совсем другая категория. Если вы обладаете терпением и решимостью, необходимыми для двадцати лет упорного труда над собой, то могу вас поздравить. Если нет, то вам требуется научный метод и его практическое приложение к вам лично. И здесь мы к вашим услугам.

— Я хотел бы узнать об этом поподробнее, — сказал Блейн.

Мистер Фаррел поудобнее уселся на стуле.

— Наверное, вы, как и остальные люди, хотели бы знать, что есть жизнь? И что есть смерть? И что такое сознание? Каким образом взаимодействуют сознание и тело? Зависят ли они друг от друга или нет? Или, существует ли на самом деле душа! — мистер Фаррел улыбнулся. — Не на эти ли вопросы вы желали бы услышать у меня ответ?

Блейн кивнул. Фаррел продолжил:

— Так вот, я ничего не могу вам сказать. Мы просто ничего не знаем, не имеем ни малейшего понятия. Мы относим эти вопросы к области философии и религии, и корпорация «МИР ИНОЙ» не имеет намерения даже пробовать ответить на них. Нас интересуют результаты, а не размышления. Мы подходим к вопросу с чисто практических позиций. Нас не интересует, почему мы получаем именно такие результаты, и насколько они в порядке обыденного хода вещей. Дают ли они практический результат? Вот что нас интересует.

— Я думаю, мне все ясно, — сказал Блейн.

— Это очень важно. Теперь я должен прояснить для вас еще один вопрос. То, что мы предлагаем, не имеет ничего сходного с раем.

— Ничего?

— Абсолютно! Рай — это религиозное понятие, концепция, а мы никак не связаны с религией. Наша Послежизнь — это сознание, выжившее после смерти тела. Вот и все. И мы вовсе не утверждаем, что Послежизнь — это рай, так же, как первые антропологи не могли утверждать, что будто бы, найденные ими, кости питекантропов являются останками Адама и Евы.

— До вас ко мне заходила старушка, — сказал Блейн. — Она утверждала, что Послежизнь — это ад.

— Фанатичка, — с усмешкой сказал Фаррел. — Она всюду за мной следит. И, насколько мне известно, она совершенно права.

— Что же вам известно о Послежизни?

— Не так уж много, — объяснил Фаррел. — Наверняка известно только следующее: после смерти тела сознание помещается в область, называемую Порогом, существующую между Землей и Послежизнью. Это, как мы предлагаем, своего рода подготовительная ступень Послежизни. Попав туда, сознание может по своей воле перейти в Послежизнь как таковую.

— Но что представляет из себя Послежизнь?

— Мы не знаем. Можно только сказать, что это нематериальная область. Все остальное — чистые измышления. Некоторые считают, что сознание — это сущность человеческого тела, и поэтому сущности прочих земных вещей могут быть перенесены вместе с ним в Послежизнь. Возможно, это так и есть. Другие несогласны. Некоторые думают, что Послежизнь — это место, где души ждут своей очереди, чтобы возродиться в других телах на иных планетах. Возможно, они правы. Другие предполагают, что Послежизнь — это только первая ступень в земной жизни человека, и имеется еще шесть, все более сложных, кульминирующих в своего рода nirvanу. Быть может, они правы. Говорили также, что Послежизнь — это обширное, туманное пространство, где вы будете вечно скитаться в одиночестве, в поисках, без надежды найти им конец. Мне попадались теории, доказывающие, что люди располагаются в Послежизни по семейному признаку, другие утверждали, что они группируются по расовым признакам, по религиозному или социальному положению. Некоторые люди, как вы заметили, считают, что души попадают прямо в ад. Существуют приверженцы теории, утверждающей, что сознание совершенно исчезает, покидая Порог. И есть люди, обвиняющие корпорацию в обмане общественности. Последние научные работы уверяют, что в Послежизни вы найдете все что хотите: царство божие, рай, Валгаллу, зеленые лужайки, выбирайте, что нравится. Предсказывают, что в Послежизни правят древние боги — скандинавские, гаитянские или из бельгийского Конго, в зависимости от того, чью теорию вы рассматриваете. Естественно, противная теория доказывает, что нет и не может там быть никаких богов. Мне по-

палась однажды английская книга, уверявшая, что в Послежизни правят английские духи. А американская книга утверждала, что правят там американцы. Несколько лет назад появилась книга, доказывающая, что в Послежизни царит анархия. Ведущий философ настаивает на том, что соревнование — это закон природы, и, соответственно, этот закон должен распространяться на послежизнь. И так далее. Можете взять на вооружение любую из этих теорий, мистер Блейн, или придумать собственную.

— А что вы сами думаете? — спросил его Блейн.

— Я? Я придерживаюсь открытого взгляда, — ответил Фаррел. — Когда придет время, я отправлюсь туда и все узнаю.

— Мне это нравится, — сказал Блейн, — но к сожалению, у меня нет возможности. Таких денег, что дерете с людей вы, у меня нет и не будет.

— Я знаю, — сказал Фаррел. — Я ознакомился с состоянием ваших финансов, прежде чем нанести визит.

— Тогда зачем...

— Каждый год, — прервал его Фаррел, — распространяется определенное количество бесплатных послежизненных страховок. Часть финансируется корпорациями и различными фондами, часть — разыгрывается в лотерею. Я рад сообщить вам, мистер Блейн, что вы попали в число этих счастливых, получивших бесплатную страховку.

— Я?

— Позвольте поздравить вас, — сказал Фаррел. — Вам чрезвычайно повезло.

— Но кто подарил мне страховку?

— Текстильная компания «Майн-Фарбенгер».

— Никогда не слышал о них.

— Зато они слышали о вас. Дар сделан в честь вашего переноса из 1958 года. Вы принимаете его?

Блейн пристально смотрел на представителя корпорации «МИР ИНОЙ». Кажется, Фаррел говорит правду. Во всяком случае, эту историю легко проверить в самой корпорации. Неожиданный подарок судьбы вызвал у Блейна законные подозрения. Но мысль о возможности получить жизнь после смерти перевесила все возможные сомнения, отбросила в сторону все возможные опасения. Осторожность никогда не мешает, но только не в тот момент, когда перед тобой открываются ворота Послежизни.

— Что я должен сделать? — спросил он.

— Просто последовать со мной в здание корпорации, — сказал Фаррел. — На необходимую процедуру уйдет всего лишь несколько часов.

Бессмертие! Жизнь после смерти!

— Хорошо, — сказал Блейн. — Я принимаю подарок. Пойдемте!

Они немедленно покинули квартиру Блейна.

Гелитакси доставило их непосредственно в здание корпорации «МИР ИНОЙ». Фаррел провел Блейна в Приемный Отдел и вручил ксерокопию страховки Блейна заведующей. С Блейна сняли отпечатки пальцев, и он предъявил свое охотничье удостоверение для доказательства идентичности личности. Женщина сверила все данные со списком лиц, назначенных на прием. Окончательно удостоверившись, она подписала необходимые бумаги.

Потом Фаррел отвел Блейна в примерочную, пожелал ему удачи и ушел.

В примерочной целая компания молодых операторов устроила Блейну настоящий экзамен. Ряды калькуляторов трещали и шелкали, извергая рулоны бумажной ленты и потоки перфокарт. Зловещего вида аппараты булькали и попискивали, вспыхивали громадные красные огни, подмигивали Блейну и меняли цвет на янтарный. Самописцы чертили графики на листах клетчатой бумаги. И на фоне всей этой деятельности операторы вели оживленную профессиональную беседу.

— Забавная бета-реакция. Думаешь, можно сгладить пик?

— Конечно, просто понизим коэффициент побуждения.

— Не люблю я этого. Ослабляет сеть.

— А слишком уж понижать не нужно. Он и так перенесет травму.

— Возможно... Как там с фактором Хенлингера? Ничего нет.

— А у того, на прошлой неделе, так и не появился. Парень взлетел как ракета.

— Во-первых, он был немного нестабильный.

— Блейн встревожился:

— Эй! Что, эта штука может не сработать?

Операторы уставились на него, словно видели в первый раз.

— Случай на случай не приходится, брат, — сказал один оператор.

— К каждому нужен особый подход.

— Это всякий раз проблема.

— Мне говорили, что процедура давно уже отработана, что ошибок не бывает, — сказал Блейн.

— Ясное дело, так они говорят клиентам, — скорбно заметил один из операторов.

— Это одна реклама.

— Тут у нас каждый день бывают неполадки. До совершенства еще далеко.

— Но вы можете сказать, удалась процедура или нет? — тревожно спросил Блейн.

— Конечно. Если она удалась, ты остаешься жив-здоров.

— Если нет — ты отсюда уже не выходишь.

— Она обычно удается, — ободряюще сказал оператор, — кроме случаев с К-3.

— Чертов К-3 фактор, он все дело нам портит. А ну-ка, Джемисен, скажи нам, К-3 он или нет?

— Я не уверен, — сказал Джемисен, сгорбившись над мигающими индикаторами своего пульта. — Тестирующая машина опять барахлит.

— А что такое К-3? — спросил Блейн.

— Если бы мы знали, — уныло сказал Джемисен. — Наверняка известно только, что парни с К-3 не выживают после смерти. — Ни при каких обстоятельствах.

— Старик Фицрой считает, что это встроенный природой ограничивающий фактор.

— Но он не передается по наследству.

— Все равно, остается возможность, что он прячется в гене и проявляется через несколько поколений.

— А я — не К-3? — спросил Блейн, стараясь, чтобы голос его не дрожал.

— Кажется, нет, — спокойно сказала Джемисен. — Он редко встречается. Сейчас проверю.

Блейн ждал, пока операторы обрабатывали свои данные, а Джемисен пытался определить на своей барахлившей машине, имеется ли у Блейна зловещий фактор К-3.

Немного спустя Джемисен поднял голову.

— Так, по-моему, он не К-3. Хотя кто же может сказать наверняка? Все равно, давайте начинать.

— А что теперь? — с беспокойством спросил Блейн.

В руку ему вошла игла шприца.

— Не беспокойся, — сказал оператор, — все будет отлично.

— Вы уверены, что я не К-3? — спросил Блейн. Оператор рассеянно кивнул. Блейн хотел задать еще вопрос, но голова вдруг у него закружилась. Операторы подняли его, положили на белый операционный стол.

Когда он пришел в себя, он лежал на удобной кушетке, играла успокаивающая музыка. Медсестра протянула ему стакан хереса, рядом с ней, сияя, стоял мистер Фаррел.

— Все в порядке? — спросил он. — Еще бы. Все прошло как по нотам.

— Правда?

— Ошибки быть не может. Мистер Блейн, послежизнь вам обеспечена.

Блейн допил херес и встал, слегка покачиваясь.

— Жизнь после смерти мне обеспечена? Когда бы я не умер? И отчего бы я не умер?

— Независимо от того, как и когда вы умрете, ваше сознание выживет после смерти тела. Как вы себя чувствуете?

— Не знаю, — сказал Блейн.

Лишь полчаса спустя, когда он вернулся домой, наступила первая реакция.

Послежизнь принадлежит ему!!!

Его охватило внезапное бурное возбуждение. Теперь ему нечего бояться, теперь на все плевать! Он бессмертен! Его могут убить на месте, а он не умрет вместе с телом!

Он словно опьянел от радости. Небрежно представил он, как бросается под колеса проезжающего грузовика. Какое это имеет значение, в самом деле? Теперь ему ничего не страшно! Можно пойти в берсеркеры, со смехом наводить ужас на толпу прохожих. Почему бы и нет? «Голубые рубашки» могут только убить его, не больше.

Это было совершенно неопишное чувство. Только теперь понял Блейн, с каким бременем жили люди до открытия послежизни. Он вспомнил об этом тяжелом, постоянном, бессознательном бремени, которое невидимо соизмерялось с каждым поступком и сопровождало каждое движение. Древний враг человечества, смерть, тень, что ползла по проходам и коридорам сознания человека словно отвратительный желудочный паразит, призрак, отравлявший дни и ночи своим преследованием, некто, притаившийся за углом, неясный силуэт в ночи за дверью, незримый гость на каждом пиру, незамечаемая фигура в каждом пейзаже, вечно присутствующая, вечно ждущая...

Ее больше нет.

С этого момента чудовищный груз, тяготивший его сознание, был снят. С чувством пьянящей радости сознавал он, что страх смерти исчез, и он ощущал просто воздушную легкость. Смерть, главный враг, была побеждена!

Он вернулся в свою квартиру в состоянии высочайшей эйфории. Когда он открывал замок, он услышал звонок телефона.

— Говорит Блейн!

— Том! — Это была Мэри Торн. — Где ты был? Я целый день пытаюсь тебе дозвониться!

— Я уходил, дорогая, — сказал Блейн. — А где же это ты была до сих пор?

— В «РЕКС», — сказала она. — Я хотела узнать, что они задумали. Теперь слушай внимательно, у меня важная новость.

— У меня тоже есть для тебя важная новость, малышка, — сказал Блейн.

— Слушай меня! Сегодня к тебе придет человек. Он скажет, что он агент из корпорации «МИР ИНОЙ», и предложит тебе страховку. Не бери ее.

— Почему? Он не агент?

— Нет, он настоящий представитель корпорации, все честно. Но ты не должен соглашаться.

— Я уже согласился, — сказал Блейн.

— Ты что?

— Он приходил несколько часов назад. Я принял страховку.

— Они уже обработали тебя?

— Да. Это все розыгрыш?

— Нет, — сказала Мэри, — конечно, нет. Ох, Том, когда же ты, наконец-то, научишься не доверять предложениям незнакомых людей? Для страховки нашлось бы время потом... Том, Том!

— Что случилось? — спросил Блейн. — Это был подарок текстильной корпорации «Майн-Фарбенгер».

— Она полностью принадлежит «РЕКС», — объяснила ему Мэри.

— А-а... Ну и что?

— Том, эту страховку тебе дали управляющие «РЕКС». Они использовали «Майн-Фарбенгер» как ширму, но страховку предоставил тебе именно «РЕКС»! Теперь ты понимаешь, что это значит?

— Нет. Будь так добра, перестань кричать и объясни, в чем дело.

— Том, это все раздел о Разрешенном Убийстве из Закона о Самоубийстве. Они хотят им воспользоваться.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю о том разделе Закона о Самоубийстве, который делает законным изъятие теленосителя. «РЕКС» гарантировал выживание твоего сознания после смерти, и ты принял страховку. Теперь они могут законным путем забрать у тебя тело для любой своей цели. Оно принадлежит им. Они имеют право убить твое тело, Том!

— Убить меня?

— Да. И они, конечно, так и сделают. Правительство намерено начать дело против корпорации за нелегальную транспортировку тебя из прошлого. Если ты исчезнешь, исчезнет и причина для неприятностей. Ты должен уехать скорее из Нью-Йорка, и, возможно, из страны вообще. Может, тогда они оставят тебя в покое. Я помогу тебе. Думаю, ты должен...

Телефон замолчал.

Блейн несколько раз поднимал и опускал трубку, но не было слышно даже гудка. Линия явно была нарушена.

Эйфория, которой он был наполнен несколько минут назад, испарилась как дым. Пьянящее чувство свободы от страха смерти исчезло. Как он только подумал о берсеркеризме? Он хотел жить. Он хотел жить во плоти на той Земле, которую знал и любил. Существование в форме духа совсем не привлекало. И в ближайшем будущем не должно было привлечь. Он хотел жить

среди вещей, которые можно потрогать, дышать полной грудью, есть и пить, чувствовать свое тело и тела других людей.

Когда они попытаются убить его? Когда захотят, в любое время. Блейн быстро сунул в карман все имеющиеся деньги и поспешил к двери. Открыв ее, он посмотрел по сторонам. В коридоре было пусто.

Он выскочил за дверь, помчался по коридору и замер.

Из-за поворота как раз вышел человек. Он стоял посреди прохода, в руках у него был большой излучатель, направленный прямо в живот Тому Блейну.

Это был Сэмми Джоунс.

— Ах, Том, Том, — вздохнул Джоунс. — Поверь, мне очень тебя жаль. Но дело есть дело.

Блейн стоял словно парализованный, глядя, как ствол излучателя поднимается на уровень его груди.

— Почему именно ты? — с трудом выговорил он.

— А кто еще? — удивился Джоунс. — Разве я не лучший охотник в Западном полушарии и, наверное, в Европе? «РЕКС» нанял нас всех, здесь, в районе Нью-Йорка. Но только на этот раз с пулевым и лучевым оружием. Мне очень жаль, Том.

— Но я тоже охотник, — сказал Блейн.

— Ты будешь не первым и не последним, парень. Такова наша игра. Не шевелись. Я все сделаю быстро.

— Я не хочу умирать! — вздохнул Блейн.

— Почему? У тебя ведь есть страховка.

— Меня обманули! Я хочу жить! Сэмми, не надо!

Лицо Сэмми Джоунса напряглось. Он тщательно прицелился, потом опустил излучатель.

— Я становлюсь слишком чувствительным, — сказал он. — Ладно, Том, давай, беги. У каждой жертвы должна быть в начале фора. Так даже интересней. Но я даю тебе совсем немного.

— Спасибо, — крикнул Блейн, помчавшись вниз по ступенькам.

Он выскочил на улицу, но не знал, куда бежать. На раздумье времени не было. Скоро вечер, темнота поможет ему. Он выбрал направление и пошел.

Почти инстинктивно ноги несли его в городские трущобы.

26

Он шел мимо обветшалых многоэтажных домов, мимо дешевых салунов и ночных клубов, сунув руки в карманы, и пытался размышлять. Нужно придумать план. Охотники настигнут его через час или два, если он не придумает какой-нибудь план, не найдет способа бежать из Нью-Йорка.

Джоунс сказал ему, что за транспортом следят. На что же ему тогда надеяться? Он без оружия, беззащитный...

Что ж, этому горю можно помочь. Даже очень. С пистолетом в руках его положение будет не таким безнадежным. Как указывал Халл, охотник имел законное право стрелять в Жерту, но если Жертва стреляла в охотника, она подлежала аресту и суду.

Если он подстрелит охотника, полиции придется арестовать его! Дело запутается, усложнится, но он избежит неминуемой опасности.

Он шел, пока не оказался рядом с ломбардом. В витрине имелась богатая коллекция пулевого и лучевого оружия, ножей, кинжалов, мачете и так далее. Блейн вошел в лавку.

— Мне нужен пистолет, — сказал он усатому продавцу за прилавком.

— Пистолет? Ага. Какого типа? — спросил продавец.

— У вас есть лучевые пистолеты?

Человек за прилавком кивнул и наклонился к ящику. Он извлек блестящий пистолет с красивой медной отделкой.

— Вот, например, — предложил он, — отличная модель. Это настоящий Сайлс-Берн, иглолучевой пистолет для большой венерианской охоты. На расстоянии в пять сотен ярдов он продерывает дыру во всем, что ходит, ползает или летает. Вот здесь — селектор рассеивания. Можно дать широкий луч для работы на короткой дистанции или отрегулировать на игольную толщину для дальней стрельбы.

— Прекрасно, прекрасно, — сказал Блейн, доставая из кармана купюры.

— Вот эта кнопка, — продолжал ростовщик, — регулирует время разряда. Один щелчок увеличивает время на четверть секунды. Поставьте его на автомат, и он будет работать как коса. Батареи хватает на четыре часа, и в этой, что заряжена сейчас, осталось энергии на три часа работы. Кроме того, вы можете использовать пистолет в домашней мастерской. При помощи особых креплений и снизив мощность до минимума, вы сможете резать лучом пластик лучше, чем пилой. В другом режиме он может работать в качестве горелки. Специальные глушители можно приобрести...

— Я беру его, — перебил ростовщика Блейн.

Ростовщик кивнул.

— Могу я взглянуть на ваше разрешение?

Блейн вытащил свою охотничью лицензию и показал продавцу. Тот кивнул и с тягостной медлительностью выписал чек.

— Вам завернуть?

— Не беспокойтесь. Я так понесу.

— Семьдесят пять долларов, — сказал ростовщик.

Когда Блейн бросил на прилавок купюры, ростовщик сверился со списком на стене у себя за спиной.

— Стоп! — внезапно сказал он.

— Что?

— Я не могу продать вам оружие.

— Почему? — спросил Блейн. — Я показал вам лицензию.

— Но вы не сказали, что вы — Жертва. А у Жертвы не должно быть оружия. Ваше имя передали в списки полчаса назад. Легально вы не купите оружия нигде в Нью-Йорке, мистер Блейн.

Ростовщик подтолкнул купюры обратно к Блейну. Тот попытался схватить пистолет, но ростовщик успел сделать это раньше и направил ствол на Блейна.

— Стоило бы уменьшить им хлопоты, — сказал он. — У тебя есть твоя чертова страховка, так чего тебе еще нужно?

Блейн стоял совершенно неподвижно. Ростовщик опустил пистолет.

— Но это не моя забота, — сказал он. — Охотники и так быстро тебя возьмут.

Он протянул руку под прилавок и нажал кнопку. Блейн повернулся и выбежал из лавки. Уже темнело. Но он обнаружил себя. Охотники скоро доберутся сюда.

Ему показалось, что кто-то зовет его. Он протискивался сквозь толпу, не оглядываясь назад, стараясь что-нибудь придумать. Он не мог умереть просто так. Не мог он перенестись через 152 года в будущее, чтобы быть пристреленным на глазах миллионной толпы. Это было просто несправедливо.

Он заметил, что его догоняет ухмыляющийся человек. Это был Тезей, в руке он сжимал пистолет и выжидал удобного для выстрела момента.

Блейн помчался со всех ног, пробрался сквозь толпу и выскочил в боковую улицу, помчался по ней и вдруг замер.

В дальнем конце улицы, четко выделяясь на фоне освещенной стены, стоял человек. Одну руку человек упер в бедро, другую поднял в положение для стрельбы. Блейн заколебался, потом обернулся в сторону Тезея.

Маленький охотник выстрелил, опалив рукав Блейна. Блейн кинулся к открытой двери, которую вдруг захлопнули у него перед носом. Второй выстрел прожег дыру в пиджаке.

Словно во сне следил он за приближающимися охотниками. Тезей был уже близко, второй охотник блокировал путь к бегству. Блейн побежал в сторону второго охотника, едва передвигая налившиеся свинцом ноги. Он бежал мимо решеток канализации, вентиляционных шахт метро, мимо опущенных на витрины железных штор и запертых входных дверей.

— Отойди, Тезей! — крикнул второй охотник. — Я его достану!

— Давай, Хендрик! — крикнул в ответ Тезей и прижался к стене, чтобы избежать выстрела.

Второй охотник, до которого оставалось ярдов пятьдесят, прицелился и выстрелил. Блейн бросился на мостовую, и луч прошел над головой. Он откатился в сторону, пытаясь найти

иллюзорную защиту за проемом двери. Луч прыгнул вслед за ним, опалая бетон, обращая лужи у сточных решеток в пар.

Потом решетка вентиляции метро поддалась под тяжестью его тела.

Падая, он сообразил, что решетку, очевидно, повредил луч пистолета. Слепой случай! Но нужно приземлиться на ноги. Он должен не потерять сознание, уползти с открытого места, использовать счастливый случай. Если он потеряет сознание, тело его будет лежать на дне открытой шахты и станет легкой жертвой для охотников наверху.

Блейн попытался перевернуться на лету. Слишком поздно. Он приземлился на плечи, и голова его сильно ударилась о железную опору. Но необходимость оставаться в сознании была так велика, что он заставил себя встать на ноги.

Он должен был отойти подальше от шахты, в глубь переходов метро, где они не смогут его найти.

Но даже одного шага было для него достаточно. С кошмарной легкостью ноги под ним согнулись, он упал лицом вниз, перевернулся и увидел над собой зияющее отверстие шахты.

Потом он потерял сознание.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

27

Когда он снова пришел в себя, то решил, что Послежизнь ему не нравится. Было темно, воняло прогорклым маслом и плесенью. К тому же голова у него болела, а спину словно разломали на три части.

Может у духа болеть голова? Блейн пошевелился и обнаружил, что все еще обладает телом. По правде говоря, он его просто чувствовал. Нет, он явно находился не в Послежизни.

— Полежи еще немного, — сказал голос из темноты.

— Кто это? — спросил Блейн.

— Смит.

— А, это ты. — Блейн сел и схватился за голову, в которой пульсировала боль. — Как тебе это удалось, Смит?

— Я чуть не опоздал, — сказал зомби. — Как только тебя объявили Жертвой, я поспешил к тебе на помощь. Несколько моих друзей согласились помочь, но ты двигался слишком быстро. Я звал тебя, когда ты вышел из ломбарда.

— Да, мне показалось, что слышу имя, — вспомнил Блейн.

— Если бы ты оглянулся, мы успели бы впустить тебя сюда, вниз, еще тогда. Но ты не обернулся, поэтому мы пошли за тобой. Несколько раз мы открывали решетки стоков и шахт, но трудно было угадать подходящий момент. Мы каждый раз много опаздывали.

— Но не в последний раз, — сказал Блейн.

— Да, мне пришлось открыть решетку прямо под тобой. Мне очень жаль, что ты ушиб голову.

— Где я сейчас?

— Я оттащил тебя от главной линии, — объяснил Смит. — Ты в боковом проходе. Охотники не найдут тебя здесь.

И снова Блейн не мог найти подходящих слов, чтобы поблагодарить Смита. И снова Смит не ждал благодарностей.

— Я сделал это не ради тебя, Блейн, а ради себя. Ты мне необходим.

— Ты вспомнил, зачем?

— Пока нет, — сказал Смит.

Глаза Блейна, привыкшие к темноте, выхватили из нее очертания головы и плеч зомби.

— Что теперь? — спросил он.

— Теперь ты в безопасности. По подземным путям мы можем довести тебя до Нью-Джерси. Дальше тебе придется пробираться самому. Но не думаю, что это будет особенно трудно.

— А чего мы теперь ждем?

— Мистера Кина. Мне требуется его разрешение, чтобы провести тебя по нашей территории.

Они ждали. Через несколько минут Блейн разглядел миниатюрный силуэт мистера Кина, который приближался, опираясь на руку негра.

— Очень вам сочувствую, — сказал мистер Кин, присаживаясь рядом с Блейном. — Очень сочувствую.

— Мистер Кин, — обратился к нему Смит, — если бы вы разрешили мне провести моего друга через старый Голландский туннель до Нью-Джерси...

— Мне действительно очень жаль, — сказал Кин, — но я не могу этого позволить.

Блейн огляделся по сторонам. Их окружала дюжина зомби.

— Я говорил с охотниками, — продолжил мистер Кин, — и дал им гарантию, что вы будете выпущены на поверхность через полчаса и не более того. Вам придется уйти, Блейн.

— Но почему?

— Мы просто не можем позволить себе оказать вам помощь, — объяснил Кин. — Я и в первый раз шел на риск, позволив вам осквернить гробницу Рейли. Но я сделал это ради Смита, поскольку его судьба каким-то образом связана с вашей. А Смит — один из моих подопечных. Но на этот раз вы требуете слишком много. Вы ведь знаете, что нас здесь только терпят.

— Я знаю, — сказал Блейн.

— Смит должен был учесть последствия. Когда он открыл для вас решетку, вниз повалили охотники. Они вас не нашли, но они знали, что вы где-то здесь, внизу. И они устроили обыск, Блейн, обыск! Десятки охотников заполнили наши коридоры, они толкали моих людей, угрожали, кричали в эти свои радиопередатчики. Явились также репортеры, и даже зеваки. Некото-

рые охотники, помоложе, потеряли присутствие духа и начали стрелять в зомби.

— Мне очень жаль, — сказал Блейн.

— Это не ваша вина. Но Смит должен был подумать лучше. Наш подземный мир — это не суверенное королевство. Мы существуем только по снисхождению властей, нас терпят, но могли бы стереть с лица земли в любой момент. Поэтому я обратился к охотникам и репортерам.

— Что вы им сказали? — спросил Блейн.

— Я сказал, что решетка провалилась сама по себе от того, что проржавела. Что вы попали сюда случайно и где-то затаились. Я заверил, что зомби в этом деле не замешаны, что мы найдем вас и вернем на поверхность.

— Спасибо, — поблагодарил его Блейн. — И тебе, Смит, спасибо.

— Я старался, как мог, — сказал Смит. — Если ты умрешь, я тоже, наверное, умру. Если ты выживешь, я буду стараться вспомнить тебя.

— И если вспомнишь?

— Тогда я тебя найду.

Блейн кивнул и начал подниматься по лестнице.

Снаружи была глубокая ночь, на 79-й улице не было видно ни души. Блейн стоял рядом с выходом, осматриваясь и думая, что же теперь предпринимать.

— Блейн?

Кто-то звал его. Но это была не Мэри, как он ожидал. Это был мужской голос, знакомый голос — Сэмми Джоунс, кажется, или Тезей. Он быстро повернулся к выходу из метро. Дверь была закрыта и надежно заперта изнутри.

28

— Том, Том, это я!

— Рэй?

— Конечно! Говори потише. Охотники неподалеку. Подожди-ка.

Блейн ждал, присев у входа в заброшенную линию метро, оглядываясь по сторонам. Нигде не было и намека на присутствие Мелхилла. Не было обычной эктоплазменной дымки, ничего, кроме голоса.

— Хорошо, — сказал Мелхилл. — Иди на запад. Быстро.

Блейн пошел, ощущая незримое присутствие парящего над ним Мелхилла.

— Рэй, откуда ты здесь?

— Я успел в самый раз, — сказал Мелхилл. — Этот старик Кин связался с твоей Мэри, и она нашла меня через Спиритический коммутатор. погоди! Стой на месте.

Блейн нырнул за угол здания. На высоте крыши медленно проплыл вертолет.

— Охотники, — сообщил Мелхилл. — На тебя идет охота, большая охота, малыш. Объявлены награды даже за информацию о твоём местонахождении. Том, я сказал Мэри, что попытаюсь помочь. Не знаю, насколько меня хватит. Я быстро теряю энергию. После этого мне дорога прямо в Послежизнь.

— Рэй? Я даже не знаю, как...

— Брось. Слушай, я не могу говорить долго. Мэри договорилась с одним из друзей. У них есть план, и мне нужно только провести тебя к ним. Стой!

Блейн спрятался за большим ящиком для писем. Еле тянулись секунды. Потом мимо пробежали три охотника с пистолетами в руках. Когда они повернули за угол, Блейн покинул убежище и пошел дальше.

— Ну и глаза у тебя, — сказал он Мелхиллу.

— Сверху хорошо видно, — согласился Мелхилл. — Быстро перейди эту улицу!

Блейн бросился бежать. В течение следующих пятнадцати минут, руководствуясь указаниями Мелхилла, он метался по лабиринту улиц, словно на поле боя, которым стал для него город.

— Вот она, — сказал, наконец, Мелхилл. — Вот та дверь, номер 341. Мы добрались, Том! Еще увидимся. Осторожно...

В этот момент из-за угла вышли два человека, остановились и уставились на Блейна. Один из них сказал:

— Гляди-ка, это он!

— Кто он?

— Тот парень, за которого обещали награду. Эй, ты!

Они бросились к Блейну. Блейн, размахнувшись, быстро отправил одного мужчину в бессознательное состояние. Он стремительно развернулся, приготовившись уложить второго, но Мелхилл уже овладел ситуацией.

Второй мужчина сгорбился, пытаясь защититься от левитирующей над ним урны с мусором. Урна с сердитым звоном стукнула его по затылку и, перевернувшись, плотно села ему на голову по уши. Блейн шагнул вперед и довел дело до конца.

— Все отлично, — сказал Мелхилл, голос его был едва слышен. — Давно хотел себя попробовать в качестве призрака. Но это тяжеловато... Удачи, Том!

— Рэй!

Блейн подождал, но ответа не было, и чувство присутствия Мелхилла исчезло.

Он больше не стал ждать, подошел к двери с номером 341, открыл ее и вошел.

За дверью тянулся узкий коридор. В конце его была еще одна дверь. Блейн постучал.

— Входите, — сказали ему.

Он открыл дверь и вошел в тесную, грязную комнату с тяжелыми портьерами на окнах.

Блейн был уверен, что удивить его уже ничто не сможет. Но он был поражен, обнаружив, что на него с усмешкой смотрит Карл Орк, похититель тел. А рядом с ним сидел, тоже ухмыляясь, маленький Джо, толкач от Трансплант-игры.

29

Блейн инстинктивно отшатнулся назад, к двери, но Орк успокаивающе поманил его. Похититель тел внешне совсем не изменился, был таким же высоким и жилистым, с вытянутым унылым лицом, загорелый, с прямым и честным взглядом прищуренных глаз. Одежда все так же неловко сидела на нем, словно он больше привык к джинсам, чем к модному костюму.

— А мы тебя ждем, — сказал Орк. — Ты, конечно же, помнишь Джо?

Блейн кивнул, он очень хорошо помнил хитроглазого коротышку, который отвлекал его внимание, пока Орк подсыпал ему наркотик в стакан.

— Счастлив снова увидеть вас, — приветствовал его Джо.

— Могу представить, — сказал Блейн, не делая попытки отойти от двери.

— Входи и присаживайся, — предложил Орк. — Мы тебя не укусим, Том. Честное слово. Что было, то прошло.

— Ты попытался убить меня.

— Это мой бизнес, — со свойственной ему прямоотой сказал Орк. — Но сейчас мы играем за одну команду.

— Откуда мне знать?

— Еще ни один человек не ставил под сомнение мое честное слово. Когда я его по-настоящему даю, вот как сейчас. Мисс Торн наняла нас, чтобы мы спрятали тебя и вывезли из страны. Садись и обсудим наш план. Ты голоден?

Нехотя, Блейн сел за стол, там лежали бутерброды и стояла бутылка красного вина. Он вдруг вспомнил, что не ел целый день, набросился на бутерброды, пока Орк покуривал тонкую сигару, а Джо, похоже, дремал.

— Знаешь, — сказал Орк, выпуская клуб голубого дыма, — я почти было решил не браться за это дело. Не потому, что мне мало предложили, наоборот, мисс Торн проявила немалую щедрость. Понимаешь, Том, это одна из самых больших охот на человека в нашем славном городе. Ты когда-нибудь видел что-то подобное, Джо?

— Никогда, — заверил Джо, быстро трясая головой. — Весь город стал прямо как липучка для мух.

— «РЕКС» взялся за тебя основательно, — продолжил Орк. — Дана команда пристукнуть твое несчастное тело при первой

же возможности. Конечно, когда против тебя такая организация, человеку не по себе. Но это настоящая проблема.

— Карл любит настоящие проблемы, — сообщил Джо.

— Да, сознаюсь, — согласился Орк. — Особенно, если грозит неплохой заработок.

— Но куда мне бежать? — спросил Блейн. — Где «РЕКС» не сможет меня найти?

— Почти что некуда, — печально сказал Орк.

— Убежать с Земли? На Марс? Венеру?

— Это еще хуже. На планетах всегда несколько больших городов и поселков поменьше. Все друг друга знают. Новость о новичке разнесется повсюду за неделю. Кроме того, ты к этому делу не подходишь. Кроме китайцев, на Марсе, в колониях, все еще живут одни ученые и их семьи и молодые практиканты. Ты сюда не вписываешься.

— Куда же тогда?

— Именно об этом я и спросил мисс Торн, — сказал Орк. — Мы рассмотрели несколько возможностей. Во-первых, можно превратить твоё тело в зомби. Я мог бы это устроить. «РЕКС» никогда не додумается искать тебя среди зомби.

— Нет, лучше умереть, — сказал Блейн.

— Я тоже такого мнения, — согласился Орк. — Поэтому идею мы отбросили. Подумали мы также и о небольшой ферме в Атлантике. Но жить на дне морском может не каждый человек, требуется особый склад психики, и мы подумали, что тебе это тоже не подойдет. Ты бы не выдержал. Поэтому, после тщательного размышления, мы пришли к выводу, что лучше всего переправить тебя на Маркизы.

— Куда?

— На Маркизы. Это разбросанная группа небольших островов, относящаяся к Полинезии, примерно посреди Тихого океана. Неподалеку от Таити.

— Южные моря, — уточнил Блейн.

— Правильно. Мы подумали, что там тебе будет лучше всего, совсем как дома. Там все почти как в XX веке. И это важнее всего. «РЕКС», возможно, оставит тебя в покое.

— Почему?

— Очевидная причина, Том. Почему они решили убить тебя? Во-первых, потому что они незаконным образом вытащили тебя из прошлого и теперь опасаются неприятностей с законом. Но, переехав на Маркизы, ты покидаешь сферу юрисдикции США. Нет тебя — нет причин для беспокойства. А то, что ты забрался так далеко, — это подтверждение твоей доброй воли по отношению к «РЕКС». Ведь если бы ты хотел начать против них дело, ты бы туда не уехал. Кроме того, Маркизы — это суверенная территория с тех пор, как оттуда ушли французы, поэтому «РЕКС» придется получить специальное разрешение на охоту за тобой. А это, в целом, будет слишком обременительно

для всех заинтересованных лиц. Правительство забудет это дело, и «РЕКС», я думаю, тоже оставит тебя в покое.

— Это точно? — спросил Блейн.

— Нет, конечно. Я только строю догадки. Но предположение имеет смысл.

— Нельзя ли договориться с «РЕКС» заранее?

Орк покачал головой.

— Чтобы торговаться, Том, нужно иметь чем торговать. А до тех пор, пока ты в Нью-Йорке, для них легче и безопаснее просто убить тебя.

— Да, думаю, ты прав, — сказал Блейн. — Как же вы хотите перевезти меня?

Орк и Джо неловко взглянули друг на друга. Орк сказал:

— Понимаешь, в этом вся загвоздка. Почти не существует способа, чтобы вытащить тебя отсюда живым.

— Геликоптер или самолет?

— Их осматривают, и охотники наверняка ждут тебя там. Все наземные машины тоже не годятся.

— Грим? Переодевание?

— Может, это удалось бы в первые часы охоты. Теперь это невозможно, даже если бы мы устроили тебе полную пластическую операцию. Охотники уже вооружились детекторами личности. Они сразу тебя распознают.

— Значит, выхода нет? — спросил Блейн.

Орк и Джо снова обменялись смущенными взглядами.

— Выход есть, но он может тебе не понравиться.

— Я хочу выжить. Что это за способ?

Орк помолчал, закуривая новую сигару.

— Мы думаем заморозить твоё тело до почти абсолютного нуля, как для космического путешествия. Потом отправим его в контейнере с мороженой говядиной. Тело будет находиться в самой середине, и вряд ли его обнаружат.

— По-моему, это рискованно, — сказал Блейн.

— Не очень, — возразил Орк.

Блейн нахмурился, чувствуя, что здесь что-то не так.

— А во время перевозки я буду без сознания?

— Нет, — ответил Орк после долгой паузы.

— Нет?

— Иначе ничего не получится, — объяснил Орк. — Тебе и твоему телу придется разделиться на время. Вот именно этого, как я опасался, ты и можешь испугаться.

— Проклятье, о чем ты говоришь?

Блейн вскочил на ноги.

— Спокойно, — сказал Орк. — Садись, возьми сигару, налей вина. Дело вот в чем, Том. Мы не можем перевозить твоё замороженное тело вместе с сознанием. Охотники ждут чего-то в этом духе. Представляешь, что будет, если они просканируют груз мороженой говядины и обнаружат в нем спящее сознание?

Высоко в небеса, и прощай музыка! Я ведь не пытаюсь надуть тебя, Том, пойми. Просто другого выхода нет.

— Что же тогда будет с моим сознанием? — спросил Блейн, снова садясь за стол.

— А вот тут, — сказал Орк, — в игру включается Джо. Расскажи ему, Джо.

Джо нервно кивнул.

— Трансплант, мой друг, вот выход.

— Трансплант?

— Я тебе уже о нем рассказывал, — напомнил Джо, — в тот злосчастный вечер, когда мы познакомились. Помнишь? Трансплант, величайшее из развлечений, игра для бесконечного числа участников, встряска для пресыщенных нервов, тонизатор утомленных тел. У нас существует мировая сеть трансплантаторов, мистер Блейн, то есть людей, которые любят переключаться на время, которые устали от своих тел. Мы включим вас в эту сеть.

— И таким образом вы думаете переправить мое сознание через всю страну?

— Вот именно! Из тела в тело, — объяснил Джо. — Поверьте, это в высшей степени увлекательно и одновременно может многому научить.

Блейн вскочил так быстро, что опрокинул стул.

— Черта с два! — крикнул он. Я вам тогда уже говорил и еще раз говорю, что в вашу вшивую игру я не играю. Пусть лучше меня пристрелят на улице!

Он направился к двери.

— Я знаю, это немного пугает, но... — начал Джо.

— Нет!

— Проклятье, Блейн, ты, наконец, дашь человеку сказать? — не выдержал Орк.

— Хорошо, — сказал Блейн. — Пусть говорит.

Джо налил себе полстакана вина и выпил залпом.

— Мистер Блейн, — сказал он, — мне трудно будет объяснить это вам, выходящу из прошлого. Но попытайтесь вникнуть в то, что я говорю.

Блейн нехотя кивнул.

— Значит, так. В наши дни Трансплант используется как сексуальное развлечение, именно так его рекламировал и я. Почему? Потому что люди не имеют понятия о других способах его применения, потому что наше консервативное правительство запрещает его. Но Трансплант — это далеко не простое развлечение. Это совершенно новый способ жизни! И нравится это вам и правительству, или нет, но за Трансплантом будущее. — Глаза подпольного торговца сверкали. Блейн снова сел за стол.

— Человеческие отношения содержат два основных элемента, — говорил Джо. — Один из них — это вечная борьба человека за свободу: свободу веры, свободу печати и собраний, свобо-

ду выбирать правительство... свободу вообще! А второй элемент — это стремление правительства эту свободу у людей отнять.

Блейну это утверждение показалось слишком упрощенным взглядом на человеческие отношения. Но он продолжал слушать.

— Правительство, — говорил Джо, — делает это по нескольким причинам. Для безопасности, для личной выгоды, для удержания власти или потому, что люди не готовы к пользованию этой свободой, как оно считает. Но конфликт остается тем же: человек стремится к свободе, правительство противостоит ему. Трансплант — это еще одна свобода, к которой тянется человек, и правительство считает, что это человеку не нужно.

— Свобода удовольствий? — насмешливо спросил Блейн.

— Нет! — воскликнул Джо. — Нет, это тоже имеет значение, но Трансплант создавался не для этого. Конечно, мы пропагандируем его именно таким образом — чтобы привлечь внимание. Потому что люди не воспринимают абстрактных идей, мистер Блейн, им не по вкусу сухая теория. Они хотят знать, что им даст свобода. Мы показываем им лишь малую часть этой свободы, а гораздо большую они открывают сами.

— Так что же может Трансплант? — спросил Блейн.

— Трансплант, — с пылом сообщил ему Джо, — дает человеку возможность преодолеть ограничения, наложенные на его существование средой и наследственностью!

— Вот как?

— Да! Трансплант позволяет вам обмениваться телами, знаниями, жизненным опытом с каждым, кто этого пожелает. И многие охотно соглашались. Человек — слишком беспокойное существо. Музыкант хочет стать на время инженером, рекламный агент — охотником, моряк — писателем. Но обычно человеку не хватает времени, чтобы испробовать более одного занятия за свою жизнь. Ведь нужно еще получить и развить необходимые умения и навыки. И даже если бы было время, остается слепой случай — талант, и это непреодолимая проблема. А с помощью Транспланта вы получаете врожденный талант, навыки, знания — все что хотите. Подумайте об этом, мистер Блейн. Почему человек должен быть вынужден провести всю жизнь в одном теле, которое он не выбирал? Это все равно что заставлять его жить с унаследованными болезнями и не пытаться излечить. Человек должен иметь свободу выбора тела и талантов по своему вкусу и потребностям.

— Если ваш замысел осуществится, — сказал Блейн, — вы получите толпу неврастеников, каждый день обменивающихся тела.

— Именно такой довод и приводится против введения каждой новой свободы. — Глаза Джо сверкали. — Вспомните историю — утверждалось, что человек не имеет права выбирать религию, или что женщины недостаточно умны, чтобы иметь право

голосовать, или что люди не могут выбирать своих представителей в правительство, потому что могут сделать неправильный выбор. Конечно, неврастеников вокруг хватает. Но много и таких людей, которые разумно пользуются свободами.

Джо понизил голос до доверительного шепота:

— Вы должны понять, мистер Блейн, что человек — это не его тело, потому что тело он получает из рук случая. Он не имеет отношения к профессиональным навыкам, потому что зачастую причиной их приобретения является нужда. Человек не заключается в своих талантах — ведь он наследует их. И он не определяется своими болезнями, к которым может иметь расположенность, или окружающей обстановкой, формирующей его. В человеке все это содержится, но он сам — нечто большее. Он способен изменять окружение, лечить свои болезни, развивать навыки, и — наконец-то! — выбирать тело и таланты. Это следующая степень свободы, мистер Блейн! Она исторически неизбежна, что бы ни думали вы, я и правительство. Потому что человек должен обладать наибольшей возможной свободой!

Джо завершил свою страстную и несколько непоследовательную речь. Его лицо покраснело, он тяжело дышал. Блейн смотрел на маленького продавца подпольных удовольствий совершенно новыми глазами. Это был, как осознал он, подлинный революционер 2110 года.

— Он прав, Том, — сказал Орк. — Трансплант разрешен в Швеции и на Цейлоне, и особого вреда общественной нравственности он пока что не нанес.

— Наступит время, — Джо налил себе вина — и весь мир обратится к Транспланту. Это неизбежно.

— Возможно, — сказал Орк. — А может, изобретут новую свободу, и она потеснит Трансплант. Во всяком случае, Том, ты теперь видишь, что у Транспланта имеется нравственное оправдание. И это единственный путь спасти твое тело. Что ты теперь скажешь?

— Ты тоже революционер? — спросил Блейн.

Орк усмехнулся.

— Мог бы быть и революционером. Я вроде тех парней, что продавали винтовки повстанцам из Центральной Америки. Они работали ради выгоды, но на пользу социальных перемен.

— Ну, ну, — ядовито заметил Блейн. — А я до сих пор думал, что ты — обыкновенный преступник.

— Ладно, забудь, — добродушно сказал Орк. — Ты согласен?

— Конечно. Я поражен, — ответил Блейн, — я и не думал, что окажусь в авангарде социальной революции.

Орк улыбнулся.

— Отлично. Надеюсь, все пройдет как надо, Том. Расстегни рукав. Начнем прямо сейчас.

Блейн закатал рукав на левой руке, а Орк достал из ящика стола шприц.

— Это — чтобы отключить тебя, — объяснил он. — Йога-генератор стоит в соседней комнате. Основную работу выполняет он. Когда ты придешь в себя, то окажешься у кого-то в гостях внутри сознания, а тело твое будет пока путешествовать внутри контейнера с мясом. Их соединят, как только это станет безопасным.

— Через сколько сознаний я перейду? — спросил Блейн. — И сколько времени это займет?

— Точно я не знаю. Но в каждом ты будешь находиться несколько минут, самое большее — полчаса. Мы будем двигать тебя с наибольшей возможной скоростью. Это ведь неполный Трансплант. Тело ты контролировать не будешь. Ты займешь лишь небольшой участок сознания, как наблюдатель. Поэтому сиди тихо и веди себя прилично. Уяснил?

Блейн кивнул.

— А как работает эта машина?

— Как йога, — сказал Орк. — Генератор делает то же самое, что может настоящий йог. Он расслабляет каждый мускул твоего тела, фокусирует и успокаивает сознание, помогает сосредоточиться. Когда накапливается достаточный потенциал, можно начинать астральную проекцию. Это тоже делает машина. Она помогает освободиться от тела, что йог может сделать и без помощи аппарата. Она проецирует твое сознание в выбранного нами человека. Дальше все идет само собой. Твое сознание входит в хозяина, как ключ в замочную скважину.

— По-моему, это рискованно, — заметил Блейн. — А если я не войду?

— Ты войдешь, даже если не захочешь! Ты ведь слышал о демонах, овладевающих человеком? Про таких говорят, что они одержимы. Идея пронизывает весь мировой фольклор. Конечно, некоторые из таких одержимых были просто шизофрениками, а некоторые — откровенными обманщиками. Но известно несколько случаев настоящей спиритической одержимости. Контроль над сознанием человека брали другие люди, знавшие этот фокус с освобождением от тела и проекцией в другой мозг. Раньше они это делали без помощи науки и преодолевая сопротивление хозяина тела. А к твоим услугам — йога-генератор и люди, готовые принять тебя. Так о чем волноваться?

— Ладно, — сказал Блейн. — А как там, на этих Маркизах?

— Великолпно, — заверил его Орк, вгоня иглу в руку. — Тебе там понравится.

Блейн незаметно поплыл в туман забытья, думая о пальмах, о белой пене прибоя, коралловых рифах и темноглазых девушках, поклоняющихся каменному богу.

Не было ничего — ни ощущения перехода, ни чувства пробуждения. Внезапно, словно спроецированный на экран красочный слайд, к нему вернулось сознание. Как приведенная в действие марионетка, он начал двигаться.

Он был не совсем Блейном. Он также был Эдгаром Даерсеном. Или, скорее, он был Блейном внутри Даерсена, сегментом в сознании Даерсена, глядя на мир его глазами, имея его мысли, переживая все едва ощутимые нюансы воспоминаний Даерсена, его страхов, надежд и желаний. И, одновременно, он продолжал оставаться Блейном.

Даерсен-Блейн как раз пересек вспаханное поле и прислонился к деревянному забору, отдыхая. Он был фермером, старомодным фермером из Южного Джерси, недоверчиво относящимся к машинам и поэтому обходившимся самым их минимумом. Ему было почти семьдесят, и здоровью его можно было еще позавидовать. Правда, в суставах уже ощущался артрит, который почти вылечил этот умник-врач в деревне, и спина иногда побаливала под дождем. Но он считал себя крепким стариком, поздоровее других, и намерен был протянуть еще лет двадцать.

Даерсен-Блейн направился в сторону своего коттеджа. Серую рабочую рубашку насквозь пропитал пот, и на потерявших форму джинсах тоже белели его высохшие пятна.

Вдалеке загавкала собака, и он увидел, что к нему приближается размытый желто-коричневый силуэт. (Очки? Нет, спасибо. Я и так неплохо обхожусь.)

— Эй, Чамп!

Собака обежала вокруг него, потом пошла рядом. В зубах у нее висело что-то серое, крыса, наверное, или кусок мяса. Даерсен-Блейн не мог разобрать.

Он наклонился погладить Чампа по голове...

И опять не было никакого ощущения перехода или временно-го промежутка. Просто на экран спроецировали новый слайд, и новая марионетка пришла в движение.

Теперь он был Томпсоном-Блейном, девятнадцати лет, и он дремал, лежа на разогретых шершавых досках палубы идущего под парусами скифа-одиночки. Одной загорелой рукой он сжимал румпель и управлял главным парусом. По правому борту лежал Восточный берег, а в смотровой иллюминатор виднелась Балтиморская гавань. Легкий летний бриз легко нес скиф, и весело журчала рассекаемая вода.

Томпсон-Блейн зашевелился, стараясь упереть босые ноги о мачту. Он только неделю назад вернулся домой после учебной программы на Марсе. Было очень интересно, особенно, археологические и спелеологические работы. На пескофермах иногда становилось скучно, но ездить на уборочных машинах было одно удовольствие.

Теперь он вернулся домой для ускоренного двухгодичного курса в колледже. Потом намеревался вернуться на Марс управляющим фермой. Таково было условие получения им стипендии. Но, если он не захочет возвращаться, они не смогут его заставить.

Возможно, он вернется, а может, и нет.

Девушки на Марсе — очень делового характера. Энергичные, выносливые и всегда любят покомандовать. Когда он полетит назад — если полетит — то только со своей женой. Конечно, там была Марсия, и такую девушку еще надо поискать. Но весь ее кибуц перебрался к Северной полярной шапке, и она не ответила на три его последних письма. Нет, наверное, ничего в ней такого и не было.

— Эй, Сэнди!

Томпсон-Блейн поднял голову и увидел Эдди Дулитла, вышедшего покататься на своем «тистле». Он махнул рукой. Томпсон-Блейн лениво помахал в ответ. Эдди было всего семнадцать, он ни разу не покидал Землю и мечтал стать командиром космолайнера. Ха-ха! Как бы не так!

Солнце клонилось к горизонту, и Томпсон-Блейн был этому рад. Сегодня вечером у него свидание с Дженифер Хант. Они поедут на танцы в «Старзлинг» в Балтимор, отец разрешил взять его коптер. Вы бы видели, как Дженифер выросла за два года! И она умела взглянуть на парня так смело и застенчиво в одно и то же время. Неизвестно, что еще может случиться после танцев на заднем сиденье коптера. Может, и ничего. А может, может...

Томпсон-Блейн сел прямо и повернул румпель. Скиф лег на другой галс. Нужно возвращаться к причалу, потом домой, обедать, потом...

Удар хлыста пришелся по спине.

— А ну, за работу!

Пиггот-Блейн удвоил усилия, размахивая киркой и опуская ее на пыльное полотно дороги. Охранник стоял неподалеку, зажав под мышкой карабин, в правой руке он держал хлыст, хвост которого волочился по пыли. Пиггот-Блейн изучил каждую пору на глупом, худом лице охранника, каждый изгиб губ маленького напрядженного рта, каждый взгляд выцветших глаз. Он знал все это так же хорошо, как собственное лицо.

Ладно, погоди, рыло, мысленно сказал он охраннику. Твое время скоро кончится. Погоди, только немного погоди.

Охранник прохаживался вдоль ряда работавших под жарким солнцем Миссисипи заключенных. Пиггот-Блейн попытался сплюнуть, но во рту не набралось слюны на плевок. Значит, мы живем в прекрасном современном мире, подумал он. С этими вашими космолетами, автоматическими фермами, с этим вашим прекрасным иным миром? Думаете, это все? Тогда спросите, как они строят дороги в графстве Квиллег, Северная Миссисипи. Они

вам не скажут, конечно, так вы лучше сами посмотрите. Потому что вот каков мир на самом деле!

Арни, работавший впереди, прошептал:

— Ты готов, Отис? Ты готов?

— Я-то готов, — прошептал Пиггот-Блейн. Его крепкие пальцы сомкнулись на пластиковой рукоятке кирки. — Я уже не просто готов, Арни.

— Тогда через секунду начинаем. Смотри на Джеффа.

Волосатая грудь Пиггота-Блейна вздымалась в ожидании. Он отбросил с глаз длинные каштановые волосы и взглянул на Джеффа, стоявшего через пять человек впереди него. Пиггот-Блейн ждал, плечи его горели от солнечных ожогов. На щиколотках виднелись заросшие шрамы от ножных кандалов, а на боках темнели полосы от ударов хлыста. Внутри у него жила яростная жажда. Но даже ведро воды не могло бы утолить этой жажды. Ничто не могло ее утолить, эту жажду, эту сумасшедшую жажду, которая и привела его сюда в конце концов после того, как он устроил поножовщину в гейнсвилльском единственном салуне и прикончил того старого индейца.

Джефф взмахнул рукой. Скованная цепью линия заключенных одновременно прыгнула вперед. Пиггот-Блейн бросился на охранника с худым лицом, который уронил хлыст и пытался поднять карабин.

— Ах ты, рыло! — завопил Пиггот-Блейн и опустил кирку прямо на голову охранника.

— Взять ключи!

Пиггот-Блейн сорвал связку ключей с пояса мертвого охранника. Он услышал, как выстрелил карабин, как кто-то закричал в агонии. Встревожась, он обернулся...

Рамирец-Блейн вел свой коптер над техасской равниной, направляясь в Эль-Пасо. Это был серьезный молодой человек, и все внимание он уделял направлению, выжимая из старого коптера все, что тот мог дать, чтобы успеть добраться до Эль-Пасо прежде, чем закроется магазин Джонсона.

Он осторожно управлял неуклюжей старой мельницей, и лишь редкая случайная мысль мелькала в его сосредоточенном сознании, быстрая мысль о показаниях компаса, высотометра, о танцах в Гуанджуато на следующей неделе, о ценах на шкуры в Сьюдад Юарес.

Равнина под ним была испещрена желтыми и зелеными точками. Он взглянул на часы, потом на индикатор скорости.

Да, подумал Рамирец-Блейн, он успеет до закрытия магазина. И даже может остаться время на...

Тайлер-Блейн вытер губы рукавом и подобрал кусочком хлеба остатки жирной подливки на тарелке. Он рыгнул, оттолкнул

стул от оконного стола и поднялся. С демонстративной небрежностью взял с полки в кладовой горшок и начал заполнять его остатками свинины, добавил овощей и большой кусок маисового хлеба.

— Эд, — сказала жена, — что ты делаешь?

Он посмотрел на нее. Годы сильно состарили ее, она даже выглядела старше своих лет. Он отвел глаза, не ответив.

— Эд! Я спрашиваю тебя, Эд!

Тайлер-Блейн посмотрел на нее с раздражением, чувствуя, как заняла при звуке визгливого голоса старая язва. Самый визгливый голос в Калифорнии, подумал он, и на ней он женился. Визгливый голос, остренький нос, острые колени и локти, совершенно плоская и бесплодная впридачу. Ноги — только чтобы передвигать тело, а не для удовольствия окружающих. Живот — для наполнения его пищей, и ни для чего более. Из всех девушек Калифорнии он выбрал самую ядовитую, этаким болван, как всегда говаривал дядюшка Раф.

— Куда ты тащишь этот горшок с едой? — спросила она.

— Собаку покормить, — сказал Тайлер-Блейн, направляясь к двери.

— У нас нет собаки! Эд, не делай этого, я тебя прошу!

— А я сделаю, — сказал он, довольный, что ущемил ее.

— Пожалуйста, не сегодня. Пусть сам переберется куда-нибудь подальше. Эд, послушай меня. Вдруг в городе узнают?

— Солнце уже село, — сказал Тайлер-Блейн, стоя в дверях со своим горшком.

— Люди могут подсматривать, — возразила она. — Эд, если они узнают, они тебя повесят, ты ведь знаешь!

— Не только меня одного. На веревке и ты будешь смотреться первоклассно, — заметил Тайлер-Блейн, открывая дверь.

— Ты это назло мне делаешь! — крикнула жена.

Он затворил за собой дверь. Снаружи были поздние сумерки. Он стоял рядом с пустым курятником, оглядываясь по сторонам. Ближе всех к ним находился дом Фланнагана, примерно ярдов за сто от них. Но те в чужие дела не вмешиваются. Он подождал, проверяя, не забрел ли кто-то из городских детишек к ним во двор. Потом зашагал, осторожно неся горшок с едой.

Подойдя к окраине жидкой рощицы, поставил горшок на землю.

— Все в порядке, — позвал он тихо. — Можете выходить дядя Раф.

Из кустов на четвереньках выполз человек. Лицо у него было свинцово-бледное, губы бескровные, глаза неподвижные, черты лица — грубые, словно железо перед закалкой или глиняный кувшин перед обжигом. Порез на шее начал гноиться, а сломанная толпой фанатиков правая нога висела, неподвижная и бесполезная.

— Спасибо, сынок, — сказал Раф, дядя Тайлера-Блейна, ставший зомби.

Зомби быстро опустошил горшок. Когда он кончил есть, Тайлер-Блейн спросил:

— Как ты себя чувствуешь, дядя Раф?

— Ничего не чувствую. Это старое тело уже почти отслужило свое. Еще пару дней, ну, может, неделя, и ты, наконец-то, освободишься.

— Я буду заботиться о вас столько, — сказал Тайлер-Блейн, — сколько будет нужно, дядя Раф. Если бы я мог взять вас в дом!

— Нет, — возразил зомби. — Тогда они узнают. Это опасно... Сынок, как поживает твоя карга?

— Как всегда такая же укусная, — вздохнул Тайлер-Блейн.

Зомби издал нечто вроде смеха.

— Я тебя предупреждал, десять лет назад я тебя предупреждал: не женись на ней. Разве не так?

— Верно, предупреждали, дядя Раф. Вы один говорили дело. Эх, если бы я вас послушался.

— Да, если бы сынок. Ну, ладно, полезу обратно.

— Вы уверены, что она сработает, дядя? — с тревогой спросил Тайлер-Блейн.

— Уверен.

— И думаете, что и умрете с уверенностью?

— Умру, мой мальчик. И отправлюсь на Порог, ты не волнуйся. И когда я там окажусь, то свое обещание исполню. Вот увидишь.

— Спасибо, дядя Раф.

— Я человек слова. Я устрою ей преследование, сынок, если только Владыка позволит мне войти на Порог. Сначала я рассчитаюсь с толстым доктором, который мне это сделал. Потом пойдет твоя карга. Я буду преследовать ее, как безумный. Она у меня будет мчаться до самой границы штата!

— Спасибо, дядя Раф.

Зомби опять издал звук, напоминающий смешок и на четвереньках заполз в кусты. Тайлер-Блейн на миг не сдержал дрожи, потом поднял горшок и побрел к своей покосившейся лачуге.

Маринер-Блейн поправила завязку своего купальника, чтобы он лучше прилегал к молодому стройному телу. Она забросила за спину баллон с воздухом, взяла респиратор и пошла к шлюзу.

— Дженис?

— Да, мама, — отозвалась она совершенно бесстрастным выражением лица.

— Куда ты направляешься?

— Просто поплавать, мамочка. Наверное, взгляну на новые сады на 12 уровне.

— А ты не собираешься увидеться с Томом Льюином?

Неужели она догадалась? Маринер-Блейн поправила длинные черные волосы и сказала:

— Конечно, нет.

— Ну, ладно, — сказала ее мать, чуть заметно улыбаясь и явно не веря. — Постарайся не задерживаться. Ты ведь знаешь, как мы волнуемся.

Она быстро поцеловала маму и поспешила в воздушный шлюз. Мама знала, она уверена! И не остановила ее! Но почему она должна ее останавливать? Ведь ей уже семнадцать, она уже может делать все, что хочет. Дети в эти дни растут быстрее, чем их родители, но родители этого, похоже, не понимают. Они многого не понимают. Им нравится просто сидеть и составлять планы новых плантаций. Развлечение для них — это немного классической музыки, бип-боп, или рок-н-ролл. Они слушают и рассуждают, какими раскованными и выразительными были предки. А иногда они начинают листать здоровенные альбомы по искусству с бесконечными комиксами периода XX века, и спорят об исчезнувшем искусстве сатиры.

Великолепный вечер для них означает поход в галерею, где они почтительно рассматривают коллекцию обложек «Сатердей Ивнинг Пост» времен «Великой Эры». Но ее весь этот длинноволосый бред мало трогает. Ей нравятся сенсории.

Маринер-Блейн надвинула маску, респиратор, надела ласты и повернула кран. Через несколько секунд шлюз наполнила вода. С нетерпением ждала она, пока давление уравнивается с наружным. Потом автоматически открылся замок и она выскочила наружу.

Ферма ее отца находилась на глубине ста футов, неподалеку от гигантского подводного хребта Гаваев. Она направилась в глубину, опускаясь в зеленые сумерки с каждым энергичным ударом ласт. Том будет ждать ее у коралловой пещеры.

Становилось темнее, Маринер-Блейн включила фонарик и крепче сжала загубник респиратора. Учитель говорил, что скоро подводные фермеры смогут выращивать собственные жабры. Возможно, это случится уже при жизни ее поколения. Как она будет выглядеть с жабрами? Загадочно, наверное, стройная и странная, как повелительница рыб...

Кроме того, их всегда можно будет прикрывать волосами.

Вперед, в желтом луче ее фонаря показались коралловые пещеры, лабиринт красных и розовых ветвей, где в глубине имелись уютные герметичные кабинки, в которых можно чувствовать себя наедине. И она увидела Тома.

Ее вдруг охватила неуверенность. Боже, вдруг будет ребенок? Том уверял ее, что это не страшно, но ведь ему только девятнадцать. Правильно ли она поступает? Они много об этом говорили и она поразила его своей откровенностью. Но говорить — это одно, а делать другое. Что подумает Том, если она скажет «нет»? Нельзя ли обратить все в шутку, будто бы она дразнила его?

Большой и золотистый в свете фонаря, рядом с ней плыл Том. Он поздоровался с ней на языке пальцев. Мимо проплыла рыба-собака, потом маленькая акула.

Что она делает? Пещеры были уже совсем близко. Том улыбнулся, и она почувствовала, как тает ее сердце...

Элгин-Блейн сел прямо, подумав, что он, видимо, задремал. Он находился на палубе небольшого судна, сидел, закутавшись в одеяла. Кораблик подбрасывало на волнах, но небо было ясным, сияло ослепительное солнце и попутный ветер уносил дым от выхлопа дизельного двигателя.

— Вам лучше, мистер Элгин?

Элгин-Блейн поднял глаза на невысокого бородатого мужчину в капитанской фуражке.

— Прекрасно, просто прекрасно, — сказал он.

— Мы почти уже на месте, — сказал капитан.

Элгин-Блейн кивнул, пытаясь восстановить ясность мыслей. Он напряг память и вспомнил, что когда-то был ниже ростом, очень мускулистым, с бочкообразной грудью, широкими плечами и несколько коротковатыми для такого геркулесовского сложения ногами, с большими, мозолистыми ладонями. На плече был старый рваный шрам, память о несчастливом случае на охоте...

Элгин и Блейн слились в одно целое.

Потом неожиданно он понял, что находится в старом своем теле. Блейн — это его настоящая фамилия, а Элгин — псевдоним, под которым отправили его в путь Орк и Джо.

Дальний путь завершен! Его сознание и тело снова вместе!

— Нам сказали, что вы не совсем здоровы, сэр, — сказал капитан. — Но вы были в коме так долго...

— Теперь все в порядке, — успокоил его Блейн. — Далеко ли до Маркиз?

— Нет. До острова Нуку Хива осталось всего несколько часов хода.

Капитан вернулся к штурвалу. И Блейн вспомнил тех людей, с которыми встречался в пути.

Он с уважением подумал о стойком и независимом старом Даерсене, который не спеша возвращался в свой коттедж, с надеждой вспомнил юного Сэнди Томпсона — пусть он все же вернется на Марс, ощутил жалость к исковерканной душе убийцы Пиггота, с удовольствием вспомнил встречу с серьезным и прямым Хуаном Рамирецом, почувствовал сожаление и презрение одновременно к скрытому и слабому Эду Тайлеру, пожелал всего лучшего для Дженис Маринер.

Все они остались в его памяти. И плохим, и хорошим, он всем им желал удачи. Теперь все они были его родственниками: дядюшками и кузенами, с которыми он никогда больше не встрети-

тся, племянниками и племянницами, о судьбе которых он будет теперь вспоминать.

Как и во всех семьях, в ней было не без уродов, но это была его семья, и он никогда не сможет их позабыть.

— Показался Нуку Хива! — объявил капитан.

На самом горизонте Блейн увидел черную точку, увенчанную кучерявым облачком. Он энергично потер лоб, решив больше не думать о своей приемной семье. Перед ним стояли реальные проблемы. Скоро он прибудет к своему новому дому и следовало много обдумать.

31

Судно не спеша вошло в воды залива Тайохэ. Капитан, гордый сын здешних мест, добровольно ознакомил Блейна с основными сведениями о его новом доме.

Маркизские острова, объяснил он, состояли из двух больших групп островов, довольно гористых по своему рельефу. Некогда острова назывались Каннибаловыми, и обитатели их прославились способностью вырезать экипаж торгового судна или шхуны. Французы захватили острова в 1842 году, и даровали им независимость в 1893 г. Нуку Хива являлся самым большим островом и столицей архипелага. Его высочайшая вершина Теметиу достигала четырех тысяч футов. Его портовый город, Тайохэ, мог похвастать населением в пять тысяч душ. Это было тихое, привольное место, как заверил капитан Блейна, и среди всех островов кипучих Южных морей считался тихой обителью. Потому что это было последнее прибежище неиспорченной Полинезии XX века.

Блейн кивал, почти не слушая, более увлеченный зрелищем темного горного склона перед собой, который местами украшали серебристые нити водопадов, и вслушивался в шум волн, разбиравшихся о гранит берегов острова.

Он решил, что ему здесь понравится.

Скоро судно пришвартовалось к городской пристани, и Блейн сошел на берег, чтобы познакомиться с городом Тайоха.

Он нашел там супермаркет и три кинотеатра, несколько рядов сельского типа домов, множество пальм на улицах, несколько небольших магазинов с зеркальными витринами, множество коктейль-баров, дюжину автомобилей, бензоколонку и светофор. Тротуары были заполнены прохожими в пестрых рубашках и выглаженных брюках. Все носили очки от солнца.

И это последнее пристанище простых нравов XX века Полинезии, подумал Блейн. Город из Флориды, перенесенный на остров Южных морей!

Однако, чего же еще он мог ожидать от 2110 года? Древняя Полинезия мертва вместе со Старой Веселой Англией и Францией

времен Бурбонов. А Флорида XX века, как вспомнилось ему, совсем неплохое место.

Он отправился вдоль по Главной улице и обнаружил вывеску, извещающую, что почтмейстер Альфред Грей был назначен представителем от корпорации «МИР ИНОЙ» на Маркизских островах. И немного дальше он оказался рядом с невысоким черным зданием. Надпись на стене свидетельствовала, что это и есть «Публичные Кабины для Самоубийц».

Так, язвительно усмехнулся про себя Блейн, современная цивилизация проникла даже сюда! Не успеешь оглянуться, как они оборудуют Спиритический коммутатор. И что мы тогда будем делать?

Он дошел до городской окраины. Когда он повернул в обратную сторону, к нему подбежал полный краснолицый мужчина.

— Мистер Элгин? Мистер Томас Элгин?

— Это я, — сказал Блейн с некоторым опасением.

— Ужасно извиняюсь, что пропустил вас на пристани, — сказал краснолицый, промокая широкий, блестящий от испарины лоб, пестрым платком. — Это целиком моя вина. Влияние местного образа жизни. Через некоторое время становится тяжело от него избавиться. Ах, я ведь не представился. Меня зовут Дэвис, я владеец местной верфи. Добро пожаловать в Тайоха, мистер Элгин.

— Благодарю вас, мистер Дэвис, — сказал Блейн.

— Наоборот, это я хочу вас поблагодарить за то, что ответили на мое объявление, — сказал Дэвис. — Мне уже давно нужен старший проектировщик. И честно говоря, я не ожидал, что привлеку внимание человека вашей квалификации.

— Гмм, — сказал Блейн, пораженный и одновременно обрадованный тщательностью, с которой Орк организовал операцию переброски.

— Сейчас редко встретишь конструктора, хорошо знакомого со стилями XX века, — грустно признался Дэвис. — Потерянное искусство. Вы уже видели остров?

— Да, но очень поверхностно, — сказал Блейн.

— И думаете, вам здесь понравится? — с тревогой спросил Дэвис. — Вы не представляете, как тяжело найти приличного конструктора в дальней провинции, как у нас. Едва они попадают к нам, как тут же перебираются в большие города, вроде Папиити или Апия. Я понимаю, там платят больше, и развлечения, и общество, и прочее. Но и у Тайоха есть свое особое очарование.

— С меня хватит больших городов, — сказал с улыбкой Блейн. — Я не думаю менять место, мистер Дэвис.

— Отлично, отлично! — обрадовался Дэвис. — На работу пока не спешите, мистер Элгин. Отдохните несколько дней, осмотритесь, побродите по острову. Это, знаете ли, последнее прибежище старой Полинезии. Вот ключи от вашего дома. Номер 1 по Темитиу-роуд, вот туда, вверх по склону. Показать вам дорогу?

— Я найду, — сказал Блейн. — Большое вам спасибо, мистер Дэвис.

— Вам спасибо, мистер Элгин. Я загляну к вам завтра, когда вы немного устроитесь. Потом познакомлю кое с кем из местных жителей. Собственно говоря, жена мэра устраивает вечеринку в четверг. Или это в пятницу? В общем, я узнаю и сообщу вам.

Они пожали друг другу руки и Блейн направился вверх по Темитиу-роуд к своему новому дому.

Это было небольшое, свежеекрашенное бунгало. Из окон открывался живописный вид на три южных залива Нуку Хивы. Несклько минут Блейн любовался картиной, потом толкнул дверь. Она была незаперта, и он вошел.

— Ну, наконец-то, ты добрался сюда.

Блейн просто не мог поверить своим глазам.

— Мэри!

Она была такая же стройная, хорошенькая и сдержанная, как всегда. Но чувствовалось, что она волнуется. Она говорила быстро и старалась не встречаться с Блейном взглядом.

— Я решила, что лучше будет, если я лично все улажу на месте, — говорила она. — Я приехала два дня назад. Ты уже познакомился с мистером Дэвисом? Он такой милый человек, как мне кажется.

— Мэри...

— Я сказала ему, что я твоя невеста, — перебила она Блейна. — Надеюсь, ты не возражаешь, Том? Мне нужен был какой-то повод для приезда. Я сказала, что приехала раньше, чтобы сделать тебе сюрприз. Мистер Дэвис был очень доволен, конечно, он хочет, чтобы главный проектировщик остался здесь на большой срок. Ты не против, Том? Мы ведь всегда можем сказать, что разорвали помолвку и...

Блейн обнял ее и сказал:

— Я не хочу разрывать помолвку. Я люблю тебя, Мэри.

— Ох, Том, Том, я тоже люблю тебя! — Она на мгновение прижалась к нему изо всех сил, потом отступила на шаг. — Тогда мы поскорее организуем обручальную церемонию. Ты ведь понимаешь, они здесь старомодные и провинциальные, совсем из XX века, если ты понимаешь то, что я хочу сказать.

— Я думаю, что понимаю, — сказал Блейн.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

32

Мэри настояла на том, чтобы она оставалась в отеле «Южные моря», пока они не поженятся. Блейн предложил скромный обряд в присутствии мирового судьи, но Мэри поразила его, решив

устроить шумную церемонию, какую только позволяли условия Тайоха. Она состоялась в воскресенье, в доме мэра.

Мистер Дэвис одолжил ему небольшой катер со своей верфи. На нем они отправились на рассвете в свадебный круиз на Таити.

Для Блейна все это было как сладкий сон. Они плыли по будто вырезанным из зеленого драгоценного камня волнам, видели желтую, огромную луну, на четверть закрытую парусами катера. Прямо из центра черного продолговатого облака встало солнце, достигло зенита и скатилось к закату, превратив море в чашу расплавленной меди. Они бросили якорь в лагуне Папиите и видели, как пылают в закатных лучах горы Муреа, еще более фантастические, чем горы Луны. И Блейн вспомнил тот день в Чезапик Бэй, когда он мечтал, лежа на досках причала. Ах, Раиатеа, и горы Муреа, попутный ветер в паруса...

Тогда от Таити его отделял континент и океан, и прочие препятствия. Но это было в другом веке.

Они отправились на Муреа, верхом на лошадях поднимались на ее склоны. Потом они вернулись к своему паруснику в заливе внизу и отплыли к островам Туамото.

Наконец, они вернулись в Тайоха. Мэри занялась домашним хозяйством, а Блейн начал работать на верфи.

Первую неделю они с тревогой ждали неприятностей, просматривали нью-йоркские газеты, ожидая, что предпримет «РЕКС». Но корпорация хранила молчание и они решили, что опасность миновала. И все же, с облегчением узнали из газет два месяца спустя, что охота на Блейна отменена.

Работа на верфи была интересная и разнообразная. Катера, тендеры, кечи приходили на верфь с разнообразными повреждениями: с погнутыми осями или слетевшими винтами, с бортами, пробитыми подводными коварными выступами кораллов, с парусами, порванными внезапно налетевшим шквалом. Нужно было обслуживать и владельцев подводных аппаратов — фермеров с окрестных морских ферм, использовавших Тайоха как базу снабжения. И нужно было строить новые суда — ялики, шлюпки, а иногда и шхуны.

Блейн искусно справлялся со всеми практическими деталями работы. Постепенно он начал давать рекламные объявления об услугах верфи в «Курьере Южных морей». Это привело к новым заботам, к увеличению переписки и более тесным связям с мелкими мастерами на других островах. Этим тоже занялся Блейн.

Его работа в качестве главного проектировщика верфи стала напоминать его прошлые должности младшего конструктора яхт. Но это больше не беспокоило. Теперь ему казалось очевидным, что природа предназначила его быть младшим конструктором яхт, не более и не менее. Это была его судьба, и он смирился с ней.

Жизнь приобрела приятный устойчивый характер. Верфь, бе-

лый домик на склоне живописной горы, кино по субботам и микрофильм свежего выпуска «Санди Таймс», недолгие визиты на подводные фермы и на другие острова Маркизской группы, вечеринки у мэра и партия в покер в яхт-клубе, и луна, отражающаяся в зеркале Темуса Бич. Блейн начал уже подумывать, что жизнь его приняла окончательную и определенную форму.

Потом, почти через четыре месяца после их прибытия на остров, она снова круто изменила ход.

Однажды утром Блейн проснулся, как всегда позавтракал, поцеловал на прощание жену и отправился на верфь. Там его ждал грузный, с круглым днищем кеч, туамотуанское судно, которое неразумно пыталось пройти узкий проход под полными парусами и засело между двумя утесами влажного от пены гранита прежде, чем команда успела запустить двигатель. Шесть шпангоутов требовали замены так же, как и несколько листов обшивки. Возможно, работу удастся сделать за неделю.

Блейн осматривал кеч, когда к нему подошел мистер Дэвис.

— Послушай, Том, — сказал хозяин верфи, — тут какой-то человек искал тебя утром. Ты его видел?

— Нет, — сказал Блейн. — А кто это был?

— Приехал с континента, — нахмурившись, сказал Дэвис. — Прямо с утреннего парохода. Я сказал, что тебя еще нет, и он ответил, что пойдет к тебе домой.

— А как он выглядел? — спросил Блейн, чувствуя, как напрягаются мышцы живота.

Дэвис нахмурился еще сильнее.

— Знаешь, это самое странное. Он был примерно твоего роста, худой и очень загорелый. У него борода и банкенбарды. Такое теперь редко увидишь. И от него воняло лосьоном для бритья.

— Очень странно, — сказал Блейн.

— Очень. Могу поклясться, борода у него не настоящая.

— Да?

— Она выглядела как поддельная. И все на нем выглядело как бутафория. И он сильно хромал.

— Он назвал себя?

— Сказал, что его зовут Смит. — Том, ты куда?

— Мне нужно домой, — сказал Блейн. — Я потом объясню.

Он быстро зашагал по направлению к дому. Очевидно, Смит все-таки вспомнил, кто он такой и что их связывало. И в точности, как он и обещал, зомби нашел его.

33

Когда он рассказал о случившемся Мэри, она вытащила из шкафа их чемоданы и начала складывать вещи.

— Что ты делаешь? — спросил Блейн.

— Собираю вещи.

— Я вижу. Но почему?

— Потому что мы уезжаем.

— О чем ты говоришь? Это же наш дом!

— Был, — сказала она. — Но больше его нет. И не будет, пока здесь этот чертов Смит. Том, это беда.

— Я сам понимаю, — сказал Блейн. — Но это еще не повод бежать без оглядки. Перестань ты возиться с чемоданами и послушай! Ну что он может мне сделать?

— Этого мы выяснять не будем, — сказала она.

Она продолжала кидать вещи в чемоданы. Блейн схватил ее за руки.

— Успокойся, — сказал он. — Я от Смита бежать не стану.

— Но это единственный разумный выход, — сказала Мэри. — Смит принес беду, но долго он не протянет. Еще несколько месяцев, а может, только недель, и он умрет. Он давно должен был умереть, этот ужасный зомби. Том, давай уедем!

— Ты сошла с ума? — спросил Блейн. — Чего бы он от меня ни хотел, я с ним управлюсь.

— Я это не в первый раз слышу от тебя, — сказала Мэри.

— Тогда было другое дело.

— Теперь тоже другое дело! Том, мы можем снова взять катер, мистер Дэвис поймет, и мы могли бы...

— Нет! Будь я проклят, если от него убегу! Наверное, ты забыла, Мэри, что Смит спас мне жизнь.

— Но зачем он ее спас? — всхлипнула она. — Том я умоляю тебя! Ты не должен видеть его, если он вспомнил!

— погоди! — медленно сказал Блейн — Ты что-то знаешь? И скрываешь от меня?

Она мгновенно успокоилась.

— Конечно, нет.

— Мэри, ты мне правду говоришь?

— Конечно, дорогой. Но я боюсь Смита. Пожалуйста, Том, сделай мне приятное, давай уедем.

— Никуда я отсюда не уеду, — сказал Блейн. — Это мой дом. И все.

Мэри внезапно села, словно выбившись из сил.

— Хорошо, мой дорогой. Делай так, как считаешь нужным.

— Вот это уже другой разговор, — сказал Блейн. — Все будет в порядке.

— Конечно, — подтвердила Мэри.

Блейн поставил чемоданы обратно в шкаф и разложил вещи по местам. Физически он был спокоен. Но в воспоминаниях он снова опускался в подземный лабиринт зомби, снова открывал украшенную орнаментами дверь, ведущую в мраморный зал Дворца Смерти, где стоял бронзово-золотой гроб. И снова слышал вопль Рейли, доносящийся из серебристой дымки:

«Есть вещи, которых тебе видеть не дано, Блейн, но я их вижу. Твое время на земле будет очень недолгим. Те, кому ты ве-

ришь, предадут тебя, те, кого ты ненавидел, победят тебя. Ты умрешь, Блейн, и не через несколько лет, а скоро, раньше, чем ты можешь себе представить. Тебя предадут, и ты умрешь от собственной руки».

Этот безумный старикашка! Блейн чуть вздрогнул и посмотрел на Мэри. Она сидела с опущенными глазами, будто чего-то ждала. И он тоже решил ждать.

Немного погодя в дверь тихо постучали.

— Входите, — пригласил Блейн непрошеного гостя.

34

Блейн сразу узнал Смита, несмотря на фальшивую бороду, бакенбарды и поддельный загар. Хромая, зомби вошел в комнату, неся вместе с собой тяжелый запах разрушения, плохо скрываемый резким лосьоном для бритья.

— Прошу прощения за этот маскарад, — сказал Смит. — Я не надеялся обмануть вас или кого-либо еще. Просто мое лицо уже нельзя показывать людям.

— Ты проделал длинный путь, — сказал Блейн.

— Да, долгий, — согласился Смит, — и нелегкий. Но я не стану утомлять вас рассказами. Я добрался сюда, вот что важно.

— Зачем ты приехал?

— Потому что я знаю теперь, кто я такой, — сказал Смит.

— И ты думаешь, что это касается меня?

— Да.

— Не могу представить, каким образом, — мрачно сказал Блейн. — Но расскажи нам тогда, в чем дело.

— Минуту, — вмешалась Мэри. — Смит, с первого дня его в этом мире ты не давал ему ни минуты покоя. Неужели ты не можешь смириться с настоящим положением? Неужели ты не можешь просто тихо умереть?

— Сначала я должен ему сказать.

— Давай, говори, — вмешался Блейн.

Смит сказал:

— Меня зовут Джеймс Олин Робинсон.

— Впервые слышу, — сказал Блейн, подумав минуту.

— Конечно, впервые.

— Мы не могли встретиться где-то в здании «РЕКС»? Или еще до того?

— Могли.

— Значит, мы встречались?

— Да, но очень коротко.

— Ладно, Джеймс Олин Робинсон, расскажи нам все. Когда и где это было?

— Наша встреча была очень короткой, — сказал Робинсон. — Мы увидели друг друга всего на долю секунды и больше не виде-

лись. Это случилось поздней ночью в 1958 году на пустом шоссе, ты сидел в своей машине, а я в своей.

— Ты управлял машиной, с которой я столкнулся?

— Да. Но это было не совсем обычное столкновение.

— Не может быть! Это была совершенно случайная авария!

— Если это так, то мне здесь больше делать нечего, — сказал Робинсон. — Но, Блейн, я знаю, что это не был только случай. Это было убийство. Спроси у своей жены.

Блейн посмотрел на Мэри, сидевшую в углу кушетки. Ее лицо стало бледным как воск. Казалось, ее покинули все силы. Словно ее взгляд обратился вовнутрь и увидела она там нечто не слишком приятное. Может быть, подумал Блейн, она действительно видит перед собой призрак давно похороненной вины, вызванный к жизни появлением Робинсона с фальшивой бородой.

Не спуская с нее глаз, Блейн начал по частям воссоздавать целое:

— Мэри, — сказал он, — в ту ночь, в 1958 году... Как вы узнали, что произойдет авария?

— Существуют статистические методы предсказания, которыми мы пользуемся, валентные факторы... — она замолчала.

— Или вы подстроили аварию? — спросил Блейн. — Неужели вы сами устроили несчастный случай, когда вам понадобилось вытащить меня в будущее для вашей рекламной кампании?

Мэри молчала. И Блейн напряг память, вспоминая последние секунды перед столкновением.

...Он ехал по прямому, пустынному шоссе, лучи фар отбрасывали темноту далеко вперед... Его автомобиль неожиданно свернул прямо на приближающиеся фары встречной машины... Он изо всех сил налег на руль. Руль не проворачивался... Вдруг руль снова начал работать, и мотор завыл...

— Бог мой, да ведь вы устроили аварию! — закричал Блейн на жену. — Вы и ваша Энергетическая система, вы заставили мою машину свернуть на противоположную полосу! Смотри мне в глаза и отвечай! Это правда?

— Да! — сказала Мэри. — Но мы не хотели убивать его. Робинсон просто оказался на пути. Мне очень жаль, что так вышло.

— Ты с самого начала знала, кто он такой, — сказал Блейн.

— Я подзревала.

— И ничего не сказала мне. — Блейн большими шагами мериал комнату. — Мэри! Черт бы тебя побрал, ты меня убила!

— Нет, Том! Нет! Я вытащила тебя из 1958 в наше время, я поместила тебя в новое тело. Но я не убивала тебя.

— Вы просто убили меня, — сказал Робинсон.

С трудом Мэри подняла на него глаза.

— Боюсь, что я действительно несу ответственность за вашу смерть, мистер Робинсон, хотя и невольно. Ваше тело, очевидно, умерло одновременно с телом Тома. Энергетическая система

«РЕКС» вытащила вас в будущее с ним, и тут вы уже завладели телоносителем Рейли.

— Очень слабое утешение по сравнению с моим старым телом, — заметил Робинсон.

— Совершенно верно. Но чего же вы хотите? Чем я могу помочь? Послежизнь...

— Туда я не хочу, — сказал Робинсон. — Я и на Земле не успел пожить.

— Сколько тебе было лет? — спросил Блейн.

— Девятнадцать.

Блейн печально кивнул.

— Я еще не готов для послежизни. — сказал Робинсон. — Я хочу путешествовать, работать, смотреть и дышать. Я хочу узнать, что за человек из меня получится. Я хочу жить! У меня еще никогда не было женщины! Я готов променять бессмертие на десяток настоящих лет земной жизни. — Робинсон поколебался немного, потом сказал: — Мне нужно тело. Хорошее человеческое тело, в котором я мог бы жить. Блейн, твоя жена убила мое старое тело.

— Ты хочешь мое взамен? — спросил Блейн.

— Если ты тоже считаешь, что это будет справедливо, — сказал Робинсон.

— Одну минуту! — воскликнула Мэри. Румянец вернулся на ее лицо. Признавшись, она, казалось, освободила себя от власти старой вины и снова была способна сражаться с жизнью.

— Робинсон, — сказала она, — этого вы от Тома требовать не можете. Он не имеет отношения к вашей гибели. Это была моя вина, о чем я очень сожалею. Женское тело ведь вам не подходит, не так ли? И я бы вам свое не отдала все равно. Что было, то было! А теперь уходите!

Робинсон не обращал внимания на Мэри и продолжал смотреть на Блейна.

— Я с самого начала знал, что это ты. Даже когда я еще вообще не знал ничего об этом мире, я знал тебя. Я смотрел за тобой, Блейн, я спас тебе жизнь.

— Да, это так, — тихо сказал Блейн.

— Ну и что из этого? — закричала Мэри. — Ну, спас он тебе жизнь. Это еще не значит, что она принадлежит ему! Если человеку спасают жизнь, он не обязан потом до смерти за это расплачиваться! Том, не слушай его!

— Я не имею ни средств, ни намерений принуждать мистера Блейна, — сказал Робинсон. — Блейн, ты можешь поступать по своему усмотрению, и я примирюсь с твоим решением. Но ты будешь помнить все, не забывай.

Блейн посмотрел на зомби странным взглядом.

— Значит, это еще не все. Есть многое другое. Ведь так, Робинсон?

Робинсон кивнул, не спуская глаз с Блейна.

— Но как ты узнал? — спросил Блейн. — Как ты мог догадаться?

— Потому что я понял тебя. И именно ты придал моей жизни смысл. Я думал только о тебе. И чем больше я тебя узнавал, тем сильнее становилась моя уверенность.

— Может быть, — сказал Блейн.

— О боже, о чем вы говорите? — воскликнула Мэри. — О чем еще? Что там может быть еще?

— Я должен подумать об этом, — сказал Блейн. — Я должен вспомнить. Робинсон, пожалуйста, подожди минуту снаружи.

— Конечно, — согласился зомби, и сразу же вышел.

Блейн жестом попросил Мэри молчать. Сев, он обхватил голову руками. Ему нужно вспомнить что-то такое, о чем он подсознательно стремился не думать. Теперь, раз и навсегда он должен решить этот вопрос.

В сознании его еще ясно звучали слова, что выкрикнул Рейли во Дворце Смерти: «Это все твоя вина! Ты убил меня своим черным сознанием убийцы! Да, ты, ты, — чудовище из прошлого, проклятый монстр! Все живое бежит от тебя, кроме дружка-мертвеца! Почему ты еще жив, убийца, а я нет?»

Неужели Рейли тоже знал?

Он вспомнил слова Сэмми Джоунса, когда они разговаривали после охоты: «Том, ты прирожденный убийца. Ничего другого тебе не остается».

Неужели Сэмми угадал?

И теперь главное. Самый значительный момент его жизни — мгновение смерти в ту ночь в 1958 году. Он ясно вспомнил...

...Внезапно, совершенно необъяснимым образом, руль снова заработал, но Блейн не использовал эту возможность. Его вдруг с силой удара молнии наполнило яростное возбуждение, он приветствовал надвигающийся удар, желал его и боли, и хруста костей, и смерти...

Блейн вздрогнул, когда ожил в памяти момент, в который он мог еще избежать катастрофы, но предпочел совершить убийство.

Он поднял голову и посмотрел на жену.

— Я убил его, — сказал он. — И Робинсон это знал. И теперь я тоже знаю.

35

Он тщательно объяснил все Мэри. Сначала она не захотела поверить ему.

— Это было так давно, Том! Откуда ты можешь наверняка знать, что случилось на самом деле?

— Я уверен, — сказал Блейн. — Вряд ли человек может забыть мгновение своей смерти. И я помню свою смерть очень хорошо. Я умер именно таким образом.

— И все же нельзя называть себя убийцей из-за одной секунды, одной доли секунды...

— А много ли времени требуется для того, чтобы выстрелить или ударить ножом? — спросил Блейн. Это тоже доля секунды! На то, чтобы стать убийцей, больше и не требуется.

— Том, но у тебя ведь не было причины?

Блейн покачал головой.

— Да, я убил не ради мести или выгоды. Но я убийца другого типа. Это относительно редкий тип. Я — обыкновенный средний человек, у которого внутри имеется всего понемногу, в том числе и немного от убийцы. Я убил, потому что в тот момент у меня была возможность. Особая возможность именно для меня, исключительное сочетание событий, настроений, мыслей, влажности, температуры воздуха и бог знает чего еще. Такое сочетание могло бы не возникнуть еще двести лет.

— Но ты не виноват! — сказала Мэри. — Этого бы не случилось, если бы не Энергитическая система «РЕКС» и я не создали для тебя это сочетание условий.

— Да. Но я ухватился за эту возможность, — сказал Блейн, — ухватился за нее и совершил хладнокровное убийство, просто так, для забавы, потому что был уверен в безнаказанности. Я убил...

— ...Мы убили, — сказала Мэри.

— Да.

— Ну хорошо, значит, мы с тобой убийцы, — спокойно сказала Мэри. — Ну и ничего. Не сходи с ума, Том. Мы убили раз, убьем и второй.

— Никогда, — сказал Том Блейн.

— Но ему осталось почти что ничего! Клянусь тебе, Том, он не протянет и месяца. Один удар и все. Один толчок.

— Этого я не сделаю, — сказал Блейн.

— И не позволишь мне?

— Не позволю.

— Идиот! Тогда просто не делай ничего! Жди. Месяц, чуть больше — и ему конец. Ты можешь потерпеть месяц, Том.

— Еще одно убийство, — усталое сказал Том.

— Том! Ты не отдашь ему свое тело! А как же наша жизнь?

— Ты думаешь, все могло продолжаться по-старому после этого? — спросил Блейн. — Я бы не смог так жить. Хватит спорить. Не знаю, сделал бы я это, если бы не было страховки. Очень может быть, что нет. Но у меня есть Послежизнь. И я хочу отправиться туда с уплаченными долгами. Если бы это была моя единственная жизнь, я бы держался за нее руками и ногами. Но есть и другая возможность! Ты это понимаешь?

— Да понимаю, — упавшим голосом сказала Мэри.

— Честно говоря, мне даже любопытно взглянуть на мир иной. И еще...

— Что?

Плечи Мэри вздрагивали, и Блейн обнял ее. Он вспомнил разговор с Халлом, элегантным аристократом, Жертвой.

«Мы следуем наставлению Ницше, — говорил Халл, — умереть в нужный момент! Разумные люди не цепляются за жизнь, словно утопающий за обломок шлюпки. Они знают, что жизнь тела — лишь малая часть человеческого существования. Почему бы этим способом ученикам не перепрыгнуть сразу на класс или два вперед?»

Блейн вспомнил, какой атавистической, страшной, странной и одновременно благородной показалась ему выбранная Халлом смерть. Позерство, конечно, но ведь и жизнь сама, в океане мертвой материи — она тоже претенциозна. Халл казался ему древним японским самураем, исполняющим обряд хакакири, подчеркивая тем важность жизни в самом выборе смерти.

И еще Халл сказал:

«Свершение смерти не является привилегией класса или воспитания. Это понятие каждого человека о благородстве, его рыцарское приключение. И каким образом он проявит себя в этом опасном предприятии и будет свидетельствовать о его ценности, как человека».

Мэри прервала его воспоминания.

— Что ты еще хотел сказать? — спросила она.

— Ох, — Блейн подумал одно мгновение. — Я хотел сказать, что некоторые обычаи XXII века произвели на меня впечатление, в частности, некоторые аристократические. — Он усмехнулся и поцеловал ее. — Но у меня, конечно, всегда был хороший вкус.

36

Блейн открыл дверь.

— Робинсон, — позвал он. — Пойдем к кабине для самоубийц. Я уступаю тебе тело.

— Другого я от тебя и не ожидал, Том, — сказал зомби.

— Тогда пойдем.

Они не спеша отправились вниз по склону. Мэри несколько секунд смотрела им вслед из окна, потом сама покинула дом и пошла за ними.

Они остановились у двери в кабину.

— Ты думаешь, что соединишься нормально? — спросил Блейн.

— В этом я уверен, — сказал Робинсон. — Том, я очень тебе благодарен. Я буду хорошо заботиться о твоём теле.

— Оно не совсем мое, — объяснил Блейн. — Раньше оно принадлежало парню по имени Кранч. Но я к нему тоже привязался. Тебе придется к нему привыкнуть. Главное, напоминай время от времени, кто хозяин. Иногда его тянет поохотиться.

— Думаю, что мне понравится это, — сказал Робинсон.

— Да, наверное. Ну, что же, желаю удачи.

— И тебе удачи, Том.

Их догнала Мэри и на прощание поцеловала Блейна ледяными губами.

— Что будешь делать? — спросил Блейн.

Она пожала плечами.

— Не знаю. Я сейчас не соображаю... Том, нужно ли это?

— Нужно, — сказал Блейн.

Он еще раз взглянул на пальмы, в ветвях которых шелестел ветерок, на голубое пространство океана, на темный склон горы над ним с серебристыми нитями водопадов. Потом он повернулся и вошел в кабину, и дверь за ним закрылась.

Внутри не было ни окон, ни мебели, кроме одного стула. Укрепленная на стене инструкция была очень простой. Вы просто садились на стул, поворачивали выключатель справа и быстро, безболезненно умирали, а тело ваше становилось свободным для следующего обитателя.

Блейн опустил на стул, убедился, что выключатель у него под рукой, потом облокотился о спинку и закрыл глаза.

Он снова подумал о своей первой смерти и пожалел, что она такая неинтересная. Следовало бы на этот раз исправить ошибку, и умереть вроде Халла, погибшего в сумерках на вершине холма от руки охотника. Почему бы ему не поступить так же? Почему не мог бы он встретить смерть, сражаясь с тайфуном или в схватке с тигром, или взбираясь на Эверест? Нет, почему смерть его опять будет такой обычной, невыдающейся?

И, наконец, почему он так никогда не занялся конструированием яхт?

Смерть в действии, как снова осознал Блейн, была не в его характере. Несомненно, что ему предназначено умереть вот таким быстрым, обычным, безболезненным способом. Вся его жизнь в этом веке указывала на это — слабый намек, когда умер Рейли, определенная уверенность во время посещения Дворца Смерти, неизбежная судьба, когда он поселился на Тайоха.

Но жаловаться было не на что. Хотя он прожил в будущем меньше года, он получил самое ценное его изобретение — Послежизнь! Он снова почувствовал то, что ощущал, покинув здание корпорации «МИР ИНОЙ» — освобождение от тягостного бремени страха смерти.

Больше бояться нечего!

Теперь старинный враг побежден. И люди больше не умирают: они переходят в иной мир!

Но он выиграл даже больше, чем Послежизнь. Он ухитрился втиснуть в этот год целую человеческую жизнь.

Он родился в белой комнате, с ослепительным светом, и над ним склонился бородатый доктор, и добродушная медсестра кормила его, пока он, встревоженный прислушивался к непонятным разговорам. Он рано вышел в самостоятельную жизнь, без зна-

ний и опыта, и глазел на чудеса Нью-Йорка, и позволил говорливому незнакомцу обмануть себя и едва не расстался с телом и жизнью, пока более мудрые люди не спасли его и не успокоили боль. Облаченный в сильное, незнакомое тело, он снова окунулся в жизнь, и теперь уже как равный действовал вместе с вооруженными блестящим и звенящим оружием людьми в погоне за опасностью и честью. Он преодолел это заблуждение тоже, и нашел более достойное занятие. Но некие мрачные предзнаменования, омрачавшие его жизнь с самого детства, наконец дали ядовитые плоды, и ему пришлось бежать из родной страны в самый дальний край планеты. Но по пути ему удалось обзавестись семьей. Как и у каждой семьи у нее имелись свои семейные тайны, скелеты в шкафу, как говорится, и все же это была его семья. В расцвете зрелости он приехал в страну, которую полубил, женился, и совершил свадебное путешествие, увидел горы Муреа, пылающие в лучах заката. Свои последние месяцы склона жизни он провел в тихом полезном труде и воспоминаниях об увиденных чудесах. И он прожил их, уважаемый и почитаемый всеми.

И этого было достаточно. Блейн повернул выключатель.

37

— Где я? Кто я? Что я такое?

Ответа не было.

— Я вспомнил. Я — Томас Блейн, и я только что умер. Сейчас я на Пороге, совершенно реальном и не поддающемся описанию месте. Я ощущаю Землю. И впереди я чувствую Послежизнь.

— Том...

— Мэри!

— Да, это я.

— Но как ты?.. Я не думал...

— Что ж, возможно, в каком-то отношении я не была хорошей женой. Но я всегда была верной, и я сделала для тебя все, что могла, Том. Конечно же, я последовала за тобой.

— Мэри, ты не представляешь, как я счастлив.

— И я тоже.

— Пойдем дальше?

— Куда, Том?

— В Послежизнь.

— Том, я боюсь. Не могли бы мы побыть немного здесь?

— Все будет хорошо. Пойдем.

— Ох, Том! Вдруг нас разлучат? Что это за место? Мне кажется, там нам будет плохо. Я боюсь, что там будет ужасно необычно, и призрачно, и страшно.

— Мэри, не волнуйся. Я успел побывать на должности младшего конструктора яхт три раза в течение двух жизней. Это моя судьба! Она не может изменить мне и здесь!

— Хорошо. Я готова, Том. Идем.

НОСИТЕЛЬ ИНФЕКЦИИ

РАССКАЗ

Эдвард Экс проснулся, зевнул и потянулся. Он покосился на солнечный свет, льющийся через открытую восточную стену его однокомнатной квартиры и подозвал свою одежду.

Она не подчинилась! Экс прогнал сон и повторил приказ. Но дверь шкафа оставалась закрытой, а одежда не двигалась. Основательно встревоженный, Экс вскочил с кровати. Он вновь начал формулировать ментальную команду, но остановил себя. Нельзя паниковать. Если одежда не подчиняется, значит, это из-за его полусонного состояния.

Экс неторопливо повернулся и пошел к восточной стене. Он откатил ее ночью и сейчас стоял, глядя на город, у той грани, где пол встречался с внешней стеной здания.

Было рано. Молочники уже доставляли молоко на террасы. Мужчина в вечернем наряде пролетел мимо, как раненая птица. Пьян, заключил Экс по неуверенной левитации. Мужчина накренился, увернулся от молочника и, недооценив высоту, упал с двух футов. Чудом он сохранил равновесие, потряс головой и продолжал свой путь пешком.

Экс улыбнулся, наблюдая за его вихлянием по улице. Там для него будет безопаснее. Никто не пользуется улицами, кроме Нормалов или психов, которые захотели по какой-нибудь причине прогуляться. Но лавировать в таком состоянии... Либо его зажмет телепортационный парашют, либо он свернет себе шею между домами.

За окном пролетел разносчик газет. Из кармана на его бедре высовывались защитные очки. Паренек выравнивал дыхание и взлетел прямо к особняку, выстроенному на крыше двадцатиэтажного небоскреба.

Особняк, думал Экс, вот это жизнь! Он жил на четвертом этаже настолько старого здания, что здесь была даже лестница

с лифтом. Вот когда он закончит Университет Микровски... когда получит степень...

Но сейчас не время мечтать. Мистер Оллен не любил опозданий, а работа в его магазине позволяла продолжать учебу.

Экс повернулся, открыл стеной шкаф и оделся. Потом, совершенно спокойно, приказал постели убратся. Одеало наполовину приподнялось и упало назад на кровать. Экс сердито повторил приказ. Простыни лениво разгладились, одеяла медленно поползли на место. Подушка двигаться не желала.

После пятого приказа подушка легла в изголовье кровати. Уборка постели заняла пять минут. Обычно на это требовалось секунды.

Ужасная мысль потрясла Экса, его колени ослабли. Он был не в состоянии управлять простейшей телепортацией! Это — бесполезно.

Но почему? Как она началась? Он не испытывал никаких необъяснимых напряжений, не ломал голову над безнадежными проблемами. Он только начал жить в двадцать шесть! Занятия в университете шли успешно. Его главный показатель был в первой десятке, а показатель восприимчивости — у высшего уровня Спящего. Почему это должно было случиться с ним? Почему именно его угораздило подхватить последнюю оставшуюся на Земле болезнь?

— Будь я проклят, если плохо себя чувствую, — сказал Экс громко и вытер с лица пот.

Он быстро скомандовал стене закрыться, и она сделала это! Мысленной командой он открыл кран, левитировал стакан, наполнил его и донес до себя, не уронив ни капли.

— Временная блокада, — сказал он самому себе, — флуктуация. Возможно, я просто перезанимался. Больше общения, вот что мне надо.

Он послал стакан назад, любуясь его скольжением по воздуху и игрой солнечных бликов на гранях.

— Я так же хорош, как и вчера, — сказал Экс.

Стакан упал и разбился.

— Просто временное потрясение, — придумал он новое оправдание. — Конечно, следует обратиться в Службу Психического Здоровья для проверки. Если твои пси-возможности повреждены — не медли. Иди проверяйся.

Но агенты Службы Психического Здоровья нервные ребята. Если он попадется им на глаза, ему гарантировано несколько лет лечения в одиночке. И все — ради безопасности.

Это будет концом. Экстраверт в высшей степени, Экс понимал, что никогда не сможет выдержать одиночного заключения. Оно полностью разрушит его пси-возможности.

— Тупицы! — Выругавшись, Экс подошел к отодвигающейся стене, посмотрел вниз, напрягся и выпрыгнул. В какое-то ужасное мгновение ему показалось, что утрачены даже основы

искусства левитации. И лишь взяв себя в руки, он полетел к магазину мистера Оллена. Летел Экс слегка покачиваясь, как раненая птица.

Штаб-квартира Пси-Здоровья располагалась на восьмьсот третьем этаже гудящего от активности здания. Посыльные влетали и вылетали в огромные окна, перелетали комнату, чтобы бросить свои отчеты на стол приема. Другие отчеты телепатировались, записываемые конторскими девицами с телепатической чувствительностью третьего класса. Образцы телепортировались через окна. Худенькая пси-девушка четвертого класса собирала отпечатанные бумаги и левитировала их через комнату к стройному потоку регистрирующих клерков.

Трое посыльных, смеясь, влетели в окно. Перелетая через комнату, один из них зацепил кипу отчетов.

— Почему вы так неосторожны? — сердито спросила девушка четвертого класса. Ее бумаги упали на пол, и пришлось левитировать их назад.

— Извини, сладкая моя, — сказал посыльный, опуская отчет на стол. Он подмигнул ей, сделав петлю над потолком, и вылетел в окно.

— Нервы, — промурлыкала девушка, глядя ему вслед. Оставленные без ее внимания бумаги опять начали расплзаться.

Конечный продукт всей этой активности возвышался на черном столе старшего офицера Здоровья Пола Мэрина.

— Что-то не так, шеф?

Мэрин поднял взгяд на своего ассистента Джо Леферта и кивнул. Молча он вручил ему пять регистрационных карточек. Это были сообщения о болезнях.

— Джун Мартинелли, официантка. «Серебряная корова», 4543, Бродвей. Наблюдения: нарушения пси-моторных функций. Диагноз: сильная потеря самоуверенности. Заразна. Карантин на неопределенное время.

Остальные донесения были о том же.

— Довольно мало, — сказал Леферт.

Еще одна стопка карточек упала на черный стол. Мэрин их бесстрастно просмотрел. Ни одна мысль не могла просочиться из его строго контролируемого разума.

— Еще шесть, — он повернулся к большой карте Нью-Йорка и булавками отметил новые точки.

Леферту не было необходимости говорить. Даже не направленная, его мысль была достаточно сильна, чтобы ее уловил Мэрин: «ЭПИДЕМИЯ! Держи это при себе», — сказал низким голосом Мэрин. Он прошел назад к столу, размышляя, что означают одиннадцать случаев в один день, если обычная норма — один случай в неделю.

— Собери мне все сведения об этих лицах, — сказал Мэрин

Леферту, вручая регистрационные карточки, — нужен список, с кем они были в контакте за последние две недели. И без шума.

Леферт поспешил уйти.

Мэрин чуть-чуть подождал и послал телепатический вызов Крэндолу, главе проекта Спящего. Обычно телепатические послания проходили через некоторое количество телепатически чувствительных девушек. Существовало очень много разумов, позволявших большинству людей вступать в контакт с их помощью. Но Мэрин обладал пси-возможностями невероятной силы. У него также была хорошая согласованность с Крэндолом после стольких лет совместной работы.

— Что такое? — спросил Крэндол. Сопроводительный идентифицирующий образ имел все, даже не поддающиеся описанию особенности человека.

Мэрин быстро обрисовал ситуацию.

— Я хочу, чтобы ты разобрался: случайный это разброс или мы имеем дело с носителем инфекции, — закончил он.

— За это с тебя причитается ужин, — телепатировал Крэндол. На самой периферии ощущений чувствовалось, что он сидит на молу и рыбачит. — Ужин в «Орлах».

— Хорошо. У меня все данные. Пять тридцать подходит?

— Мой мальчик! Давай, пожалуйста, в шесть тридцать. Человеку моих э-э... размеров не пристало левитировать слишком быстро, — завершающий образ представлял из себя чрезвычайно туго набитую колбасу.

— Тогда до шести тридцати.

Они разорвали контакт. На мгновение Мэрин пожелал стать медиком из прошлого. Там бы у него был хороший жирный микроб для охоты.

Диагноз: «РЕЗКАЯ ПОТЕРЯ САМОУВЕРЕННОСТИ». Попробуй рассмотреть это под микроскопом.

Мэрина посетила мысль об официантке. Первый случай. Возможно, она ставила тарелки. Сомнения пустили корни в ее мозгу за несколько часов до этого, за несколько минут... Расцвели... Тарелки упали. И сейчас девушка серьезно больна последней болезнью человечества. ПОТЕРЯ КООРДИНАЦИИ ДВИЖЕНИЙ. Ей придется отправиться в одиночку, чтобы не заражать других. На какой срок? День, год, жизнь?

Между тем некоторые из ее клиентов могли заразиться. И разнести болезнь своим женам...

Мэрин сел прямо и послал телепатический вызов жене. Ее ответные мысли пришли быстро и были наполнены теплотой.

— Хэлло, Пол!

Он сообщил ей, что будет работать допоздна.

— Хорошо, — сказала она, но в сопутствующих мыслях чувствовалось смущение. Ей хотелось узнать, в чем дело, но понимание, что муж не может ответить, не позволяло спросить.

— Ничего серьезного, — коротко ответил Мэрин на невыс-

казанный вопрос и тут же пожалел. Ложь, неправда, полуправда, даже маленький обман с самыми лучшими намерениями телепатировались отвратительно. Тем не менее он не взял свои слова обратно.

В пять часов служащие отделов откладывают свои бумаги и выстраиваются к окнам, чтобы лететь домой в Уэстчестер, Лонг-Айленд и Нью-Джерси.

— Порядок, шеф, — сказал Леферт, подлетая к столу с толстым портфелем в руках. — Больше никого?

— Я бы хотел, чтобы ты был наготове, — сказал Мэрин, взяв портфель, — добавь еще агентов.

— Хорошо. Что-то должно стрястись?

— Не знаю. Иди лучше ужинать.

Леферт кивнул. Его глаза посветлели, и Мэрин понял, что Леферт уже успел телепатировать своей жене в Гринвич, чтобы к ужину его не ждали.

Мэрин чувствовал себя очень одиноко. Только он и эта возможная эпидемия.

Точно в 6.20 Мэрин поднял портфель и полетел к «Орлам».

Ресторан «Орлы» висел на высоте двух тысяч футов над Нью-Йорком, опираясь на спины 200 мужчин. Мужчины были рабочими первого класса пси, прошедшими правительственную проверку. Приближаясь, Мэрин увидел их под фундаментом здания. Ресторан плавал, легко поддерживаемый необыкновенной пси-силой.

Мэрин спустился на столик почетных гостей.

— Приветствую вас, мистер Мэрин, — сказал главный официант. — Вы должны посещать нас иногда и в других местах. Если будете в Майами, то помните, «Орлы» есть и там. Еда высшего качества.

И цены высшего качества, подумал Мэрин, заказывая martini. Владелец «Орлов» был баловнем судьбы. Воздушные рестораны стали обычным явлением, но ресторан «Орлы», первый среди них, все еще оставался самым популярным. А его хозяин ухитрился не платить даже налог с собственности, так как после закрытия ресторана улетал на свою базу в Пенсильвании.

Терраса начала приподниматься, когда прибыл запыхавшийся и вспотевший Крэндол.

— Боже мой, — выдохнул он, садясь, — почему больше нет самолетов? Всю дорогу дул встречный ветер. Виски со льдом.

Официант поспешил за заказом.

— Что у тебя так неожиданно появилось к выходному? — спросил Крэндол. — Полеты на длинные дистанции — для молодых обезьян. А я умственный работник. Как твоя жена?

— Так же, — сказал Мэрин. Его лицо, привыкшее к этому

за годы службы офицером Здоровья, представляло ничего не выражающую маску и сейчас улыбалось.

Он заказал обед и вручил Крэндолу портфель.

— Гм-мм, — Крэндол склонился над страницами. Его резкое породистое лицо приобретало все более рассеянное выражение по мере запоминания информации.

Пока Крэндол поглощал данные, Мэрин окинул взглядом террасу. Солнце уже почти зашло, и большая часть местности была в тени. Под ними мелькали в затененных районах огни Нью-Йорка, а над ними поблескивали звезды.

Крэндол игнорировал свой суп, сосредоточившись на мелькающих страницах. До того, как суп остыл, все уже было просмотрено.

— Так-так, о чем мы будем говорить? — Лучший среди всех пси-вычислителей, Крэндол, как никто другой, подходил на место главы проекта Спящего. Подобно другим вычислителям, он выполнял работу бессознательно, переставая обращать внимание на данные, когда память их усвоила. Бессознательно информация поглощалась, проверялась, сравнивалась, синтезировалась. Но огромный талант Крэндола компенсировался недостатками. Он не мог выдержать, к примеру, тест на левитацию, предназначенный для разносчиков газет. А о телепортационных и телекинетических способностях вообще не было речи.

— Есть что-нибудь новое в Спящем? — спросил Мэрин.

— Все еще спит. Кое-кто из наших ребят сварганил технику подсознательной инфильтрации. Через пару дней будут пробовать.

— Думаешь, сработает?

Крэндол засмеялся.

— Я предсказал вероятность один к одному. Высока, если сравнивать с предыдущими попытками.

Крэндолу подали речную форель, свежую, телепортированную чуть ли не из горного ручья. За ней последовало мясо для Мэрина.

— Нет, — лицо Крэндола было серьезным. — Я не верю, что Спящий когда-нибудь проснется.

Мэрин нахмурился. Проект Спящего был самым важным и наименее удачным. Он начался тридцать лет тому назад. Пси стало нормой, но все еще было непредсказуемо. Оно прошло долгий двухсотлетний путь от экспериментов Райна по экстра-сенсорному восприятию, но идти надо было намного дальше.

Микровски приобрел множество талантов с точки зрения пси. Оцениваемый как чрезвычайно чувствительный, с пси-возможностями на уровне гения, он был самым выдающимся человеком своего времени.

С людьми, подобными Крэндолу, Маерсу, Блэйсенку и другим, Микровски возглавлял телекинетические проекты, исследо-

вал теорию мгновенного переноса в телепортации и проверял наличие новых, еще не открытых пси-возможностей.

В свое свободное время он работал над собственными любимыми идеями и основал Школу парапсихологических исследований, названную позднее Университетом Микровски.

То, что **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** случилось с Микровски, обсуждалось годами. Однажды Крэндол и Блейсенк обнаружили его лежащим на диване с пульсом слабым настолько, насколько его вообще можно было обнаружить. Вернуть его к жизни не удалось.

Микровски всегда верил, что разум — самостоятельная, отличающаяся от тела сущность. Некоторые считали, что он открыл для разума технику проективного отделения.

Но этот разум не мог быть возвращен.

Кое-кто утверждал, что разум Микровски сломался из-за перенапряжения, погрузив хозяина в состояние кататонии. В любом случае периодические попытки разбудить его оказались безуспешными. Крэндол, Маерс и еще несколько человек поддерживали проект и получали для него все, в чем только возникала нужда. Огромная ценность гения Микровски была общепризнана.

Там, где лежало тело Спящего, выросло надгробие, ставшее часовней для туристов.

— Есть у вас идеи, что он мог искать? — спросил Мэрин.

— Не думаю, что он знал это, — ответил Крэндол, принимаясь за шерри, — чертовски странный человек, самый странный в мире. Не любил говорить о деле до тех пор, пока не мог швырнуть его тебе в лицо законченным. Ни у кого из нас не было причины подозревать, что такое могло случиться. Мы были уверены, что звезды ждут нас уже за углом и за нами последует бессмертие. — Он покачал головой: — Ах молодость, молодость.

За кофе Крэндол поднял глаза, поджал губы и нахмурился. Произошел синтез усвоенных им данных. Сознательная часть его разума получила ответ тем способом, который раньше называли интуицией, до тех пор пока пси-исследования не связали это темное явление с подсознательным мышлением.

— Знаешь, Мэрин, определенно, в твоих руках разрастающаяся эпидемия. Это не случайный разброс.

Мэрин почувствовал, как в его груди все сжимается. Он телепатировал короткий вопрос:

— Есть разносчик инфекции?

— Есть. — Крэндол мысленно отметил имя в своем списке. Его подсознание произвело корреляцию частотных факторов, табулировало вероятности и выдало: — Его зовут Эдвард Экс. Он студент, живет на Четвертой авеню, сто сорок один.

Мэрин немедленно телепатировал Леферту приказ взять Экса.

— Оставь, — вмешался Крэндол, — я не верю, что он дома. Вот вероятный расчет его перемещений.

— Все равно, сначала проверь дом, — сказал Леферту Мэрин, — если его там нет, проверь следующую вероятность. Я встречу с тобой внизу в городе, если вы его выследите.

Он разорвал контакт и повернулся к Крэндолу.

— Насколько я могу рассчитывать на твоё сотрудничество? — это был в какой-то степени даже не вопрос.

— Разумеется, — уклончиво ответил Крэндол, — здоровье в первую очередь. А Спящий и не собирается пошевеливаться. Я сомневаюсь, что так уж трудно окажется взять Экса. Сейчас он должен быть полным калекой.

На посадке Экс потерял баланс и тяжело упал на колени. Он поднялся, отряхнулся и пошел пешком. Неряшливая левитация, сказал он себе. Значит, ЭТО продолжается.

Разрушающиеся улицы трущоб Нью-Йорка были заполнены Нормалами, людьми, никогда не владевшими даже основами пси-энергетики. Всю эту массу народа никогда не видели в более респектабельных районах города. Экс смешался с толпой, чувствуя себя здесь в большей безопасности. Внезапно он обнаружил, что голоден. Зайдя в закусочную, он уселся у пустого прилавка и заказал гамбургер. У повара уже был один готовый. Телепортировав гамбургер на тарелку, повар, не глядя, сделал ею петлю в воздухе и легко спустил перед Эксом.

Тот мысленно проклял случайную способность повара и захотел взять кетчуп. Он надеялся, что бутылка заскользит к нему по прилавку, но она не сдвинулась. Пришлось протянуть руку. Делая такие ошибки, надо следить за каждым своим шагом.

Экс начал постигать, что значит быть калекой.

Покончив с едой, он вытянул руку ладонью вверх, ожидая, что на нее опустятся деньги из кармана. Но они, конечно, не опустились. Экс медленно выругался. Он так часто делал это... Казалось невозможным утратить одновременно все свои способности.

Но он уже знал, что утратил их. Так решила бессознательная часть его разума, и никакая внушенная самоуверенность помочь не могла.

Повар смотрел на него с удивлением. Эксу пришлось ползти в карман, найти деньги и заплатить. Он попытался улыбнуться и поспешил уйти.

Чудной парень, решил повар. Он уже перестал думать об этом, но далеко в глубине его разума продолжалась оценка увиденного. Невозможность командовать бутылкой... Невозможность командовать монетами...

Экс вышел на переполненную грязную улицу. Ноги начали болеть. В жизни он не ходил так много. Вокруг были вперемеж-

ку группы Нормалов и пси. Нормалы ходили так, как они ходили всю жизнь. Пси, непривычные к длительным пешим прогулкам, выглядели неуклюже. С облегчением они взмывали в свою привычную стихию — воздух. Люди приземлялись и взлетали, воздух был заполнен телепортируемыми объектами.

Оглянувшись назад, Экс увидел хорошо одетого мужчину. Тот спустился на землю, остановил одного из гулявших пси, поговорил с ним и пошел.

Агент Здоровья! Экс догадался, что его выследили. Он повернул за угол и побежал.

Освещенность улицы уменьшалась по мере движения. С трудом переставляя гудящие ноги, Экс попытался левитировать, но не смог даже оторваться от земли.

В панике он попытался телепатировать друзьям. Бесполезно. Телепатические возможности исчезли.

Шок накрыл его, как океанская волна. Экс наткнулся на фонарный столб и повис на нем. Пришло полное понимание.

В мире, где люди летали, он был привязан к земле.

В мире телепатических контактов он мог общаться лишь неуклюжими словами на расстоянии слышимости.

В мире, где не было нужды в искусственном свете, он мог видеть лишь тогда, когда это позволяли его глаза.

Калека. Слепой, глухой и немой.

Он шел вперед по сужающимся улицам, по грязноватым сырым аллеям. У него было лишь одно преимущество: неполноценный мозг не транслировал сильную идентификационную волну. Это затрудняло поиски.

Экс решил, что ему необходимо убежище. Какое-нибудь место, где он никого не сможет заразить, а офицеры Здоровья не смогут его найти. Возможно, ему удастся снять жилье у Нормалов. Он мог бы остаться там и разобраться, что с ним не так, подлечиться. К тому же он не может быть один. Нормалы — это лучше, чем отсутствие людей вообще.

Экс дошел до конца аллеи, где улицы переплетались. Автоматически он включил свое чувство локации, пытаясь узнать, что впереди.

Бесполезно. Оно было парализовано, так же мертво, как и все остальное. Но правый поворот казался безопасным. Он направился туда.

— Не надо!

Экс закружился, напуганный произнесенными словами. Из подъезда к нему выбежала девушка.

— Они ждут меня? — спросил Экс. Его сердце колотилось.

— Офицеры Здоровья. Они знают, что ты повернешь направо. Что-то насчет твоего правостороннего тропизма, я в этом не разбираюсь. Выбери улицу слева.

Экс посмотрел на девушку вблизи. Сначала он думал, что ей около пятнадцати, но потом увеличил оценку до двадцати.

Маленькая, стройная, с большими темными глазами на худощавом лице.

— Почему ты мне помогаешь?

— Мне поручил мой дядя, — ответила девушка, — спеш!

Времени для дальнейшей аргументации не хватало. Экс побежал по аллее, вслед за девушкой, беспокоясь, что не успеет за ней.

Девушка была из Нормалов, если судить по ее уверенным широким шагам. Но как она могла перехватить разговор офицеров Здоровья? Почти наверняка он телепатирован узким лучом. — Возможно, ее дядя?

Аллея кончилась двором. Экс вбежал и остановился. С вершины зданий летели вниз люди. Кольцо окружения сжималось.

Офицеры Здоровья!

Экс огляделся, но девушка мчалась назад по аллее. Он не был блокирован. Экс прислонился спиной к зданию, удивляясь, как можно так сглупить! Именно так они обычно берут людей. Спокойно, чтобы никого не заразить.

Эта проклятая девушка! Он напряг свои больные ноги, чтобы побежать...

Как и предсказывал Крэндол, подумал Шеф Здоровья.

— Держите его руки и ноги! — Находясь в пятидесяти футах над землей, Пол Мэрин наблюдал за операцией.

Он смотрел без жалости. Агенты действовали осторожно. Зачем использовать против жертвы силу своих умов? А кроме того, он же калека.

Они уже почти взяли его, когда...

Экс начал постепенно исчезать. Мэрин спустился поближе, не веря своим глазам. Экс растворился в стене, становился ее частью, таял.

Потом его не стало...

— Ищите дверь! — телепатировал Мэрин. — И проверьте тротуар!

Пока агенты производили осмотр, Мэрин размышлял над увиденным. Поиски двери — оправдание для его агентов. Хорошо, если они думают, что человек исчез через спрятанную дверь. На пользу их уверенности в себе, их здравомыслию не пойдет, если они поверят в то, что случилось на самом деле.

Калека Экс растворился в стене.

Мэрин приказал обыскать здание. Там не было и следа ни Экса, ни волн его мозга. Он исчез, будто его никогда не было.

Но как, спросил себя Мэрин. Кто-то помог ему? Кто?

Кто мог помочь заразному?

Первым, что увидел Экс, когда пришел в сознание, была потрескавшаяся оштукатуренная стена, находившаяся прямо перед ним. Он смотрел на нее долгое время, наблюдая пылинки,

плавающие в воздухе над кроватью, покрытой изорванным коричневым одеялом.

Кровать! Он сел и огляделся. Это была маленькая красноватая комната. По потолку бежали длинные трещины. Единственным предметом мебели, не считая кровати, был простой деревянный стул, стоявший у полуоткрытой двери.

Но как он сюда попал? Экс помнил события прошлой ночи. Да, скорее всего, это была прошлая ночь, подумал он. Белая стена, офицеры Здоровья... Наверное, его спасли. Но как?

— Как ты себя чувствуешь? — спросил от дверей девичий голос.

Экс обернулся и узнал бледное чувствительное лицо. Это была девушка, предупредившая его прошлой ночью.

— Я чувствую себя хорошо. Но как я здесь очутился?

— Мой дядя принес тебя, — ответила девушка, входя в комнату. — Ты, должно быть, голоден?

— Не особенно.

— Тебе надо поесть. Мой дядя говорил, что дематериализация — значительная нагрузка на нервную систему. Именно так он спас тебя от пси, ты ведь знаешь. — Она помолчала. — Я могу принести тебе очень хороший бульон.

— Он ДЕМАТЕРИАЛИЗОВАЛ меня?

— Он может делать разные вещи наподобие этого, — сказала девушка безмятежно, — такая власть пришла к нему после смерти. — Она открыла окно. — Так принести тебе бульон?

Экс посмотрел на нее недовольным взглядом. Ситуация становилась все более нереальной именно тогда, когда он нуждался в самом полном понимании реальности... Эта девушка, кажется, считает совершенно нормальным иметь дядю со способностями и энергией для дематериализации, хотя пси-наука никогда ничего не знала об этом.

— Принести бульон? — опять спросила девушка.

— Нет, — ответил Экс. Он заинтересовался, что может означать повторяющийся акцент на еде. Лицо девушки ни о чем ему не говорило. Она была достаточно симпатична даже в дешевеньком, ни на что не претендующем платье. У нее были необычные черные глаза и необычно холодное выражение. А если точнее — отсутствие выражения.

На время Экс придержал свои опасения и спросил:

— Твой дядя — пси?

— Нет, мой дядя не обладает пси-энергией. Его сила — духовная.

— Ясно, — сказал Экс и подумал, что это и есть ответ.

В течение всей истории люди предпочитали верить, что их природный пси-талант был результатом вмешательства демона. Странная энергия была даром дьявола, пока пси не отрегулировали и не объяснили. Но даже в эти дни находились наивные Нормалы, люди, предпочитающие верить, что случайные

вспышки колоссальной силы — порождение духа. Очевидно, дядя попал в эту категорию.

— Давно ли твой дядя может делать подобные вещи? — спросил Экс.

— Только около пяти лет. С тех пор, как он умер.

— Совершенно верно, — сказал голос. Экс огляделся. Голос как будто шел из-за спины. — Не ищи. Единственное, что есть от меня в этой комнате, — голос. Я дух Кариного дяди Джона.

Экс испытал на короткое мгновение приступ паники, но потом понял трюк. Это был, конечно, телепатированный голос, умело сфокусированный, чтобы создать эффект речи. Телепатированный голос может означать только одну вещь: это пси, выдающий себя за духа.

— Мистер Экс, — сказал голос, умело симулируя произнесенные слова, — своим вмешательством я спас вас. Вы — пси-калека, заразный. Арест и изоляция означают для вас катастрофу. Правда ли это?

— Вполне. — Своими притупившимися чувствами Экс пытался прозондировать источник голоса. Имитация была абсолютной. Никакой признак не указывал на то, что источник — телепатия человека.

— Возможно, вы чувствуете ко мне определенную благодарность? — спросил голос.

Экс посмотрел на девушку. Ее лицо оставалось лишенным выражения.

— Конечно, — ответил он.

— Я знаю ваше желание, — сказал дядя Джон. — Вы желаете получить убежище на достаточное время, чтобы восстановить свою энергию. И вы его получите, Эдвард Экс. У вас будет убежище.

— Я вам очень благодарен. — Ум Экса быстро работал, пытаясь обдумать дальнейший план действий. Притвориться, что он верит в этого духа? Наверняка телепатизирующий пси знает, что человек, обученный в университете, не сможет принять на веру что-либо подобное. С другой стороны, он может иметь дело с невротиком, разыгрывающим духа по каким-то своим причинам. Экс решил подыграть. Чужие претензии его не касаются. Его дело — убежище.

— Я уверен, вы не откажете мне в одной маленькой любезности, — сказал голос.

— Что вы хотите? — Экс мгновенно насторожился.

— Я чувствую ваши мысли. Вы думаете, что можете оказаться втянутым в опасное дело. Уверяю, это не так. Хотя я и не всесилен, я обладаю определенной мощью, не известной ни вам, ни пси-науке вообще. Примиритесь с этим фактом. Ваше спасение — лучшее тому доказательство. И примите к сведению, что все это крепко связано с вашими собственными интересами.

— Когда я должен буду выполнить поручение?

— Когда придет время. А сейчас — до свидания, Эдвард Экс. — Голос исчез.

Экс сел на стул. А что, если дядя — мутант пси? Следующий уровень эволюции. Что тогда?

Кари вышла и вернулась с супом.

— Кто был твой дядя? — спросил Экс девушку. — Что за человек?

— О, он был очень хороший человек, — сказала девушка, осторожно разливая суп, — сапожник. Он взял меня после смерти моего отца.

— Показывал ли он какие-нибудь признаки энергии пси? Или другой необычной энергии?

— Нет, он вел спокойный образ жизни. Это началось только когда он умер.

Экс посмотрел на девушку. Ее участь была самой печальной. Пси, без сомнения, прочел ее разум и обнаружил, что дядя умер. А теперь использует ее, как пешку. Жестокая игра.

— Пожалуйста, ешь суп, — сказала девушка.

Экс автоматически принялся за еду, глядя ей в лицо. Потом его рука опустилась.

— И ты ешь, — сказал он.

Первые признаки краски появились на щеках девушки. Словно извиняясь, она принялась за суп, даже немного расплескав от рвения.

Парусная шлюпка резко накренилась, и Мэрину пришлось на фут опустить главный парус, чтобы добиться равновесия. Жена, сидящая на носу шлюпки, качнулась к нему, наслаждаясь этим ныряющим движением.

Внизу можно было видеть гряду грозowych туч, шторм в процессе созидания.

— Давай устроим пикник на тех облаках, вон там, — Майра указала на участок перистых облаков, ярко отражающих солнечные лучи над грозowymi тучами.

Мэрин изменил курс. Жена легла на носу, вытянув ноги к мачте. Едва заметив это, Мэрин принял на себя полный вес лодки. Все легкое снаряжение весило двести фунтов вместе с парусами. Суммарный вес его и Майры добавил еще двести шестьдесят фунтов, а тестированные возможности Мэрина левитировать превышали две тонны.

Почти всю работу делал ветер. Управляющие лодкой должны были лишь прилагать достаточное усилие, чтобы удерживать ее в воздухе. Ветер нес их как белое перышко.

Мэрин не мог выбросить из головы разносчика инфекции. Какого черта мог исчезнуть Экс? Дематериализация? Невозможно! Но это было.

Экс в стене. Прошел и... никакого отверстия.

— Прекрати думать, — сказала Майра, — твой доктор велел тебе не думать сегодня ни о чем, кроме меня.

Мэрин знал, что у него не было утечки мыслей, ни каких-либо изменений в выражении лица. Просто Майра очень чувствительна к его настроению. Ему не надо было делать какую-нибудь веселую гримасу, чтобы показать, что он счастлив, или плакать, чтобы продемонстрировать грусть.

Мэрин остановил легкую лодку среди облаков и, сориентировавшись по ветру, спустил парус. Они устроили пикник на носу. Мэрин осуществлял большую часть левитации, хотя Майра тоже пыталась... галантно.

Так она пыталась уже семь лет после частичного заражения от носителя инфекции. Хотя пси-возможности никогда не покидали ее полностью, они были судорожными.

Еще одна причина для охоты на Экса.

Сандвичи Майры были похожи на нее саму: маленькие и украшенные. И вкусные, подумал Мэрин, телепатирова мысль.

— Зверь, — громко сказал Майра вслух.

Солнце изливало на них тепло своих лучей. Мэрин ощущал удивительную негу. Они вдвоем были распростерты на палубе. Поддержку Мэрин осуществлял чисто рефлекторно. Он отдыхал, как ему не приходилось отдыхать много недель.

— МЭРИН!

Мэрин насторожился, пробужденный от своего полусна телепатированным голосом.

— Пойми, мне ужасно жаль, парень, — это был Крэндол, надоедающий и извиняющийся. — Я ненавижу портить тебе отдых, но у меня есть след. Чертовски занятый след. Очевидно, наш носитель инфекции не нравится кому-то еще. Мне сообщили, где он будет в четыре часа.

— Я иду! — сказал Мэрин. — Мы не можем позволить себе пропустить хоть что-то. — Он разорвал контакт и обернулся к своей жене.

— Пожалуйста, извини меня, дорогая.

Она улыбнулась. В ее глазах ясно читалось понимание. Майра не попала в узкий луч послания Крэндола, но сумела разобратся, что к чему.

— Ты сможешь опустить все это? — спросил Мэрин.

— Конечно. Счастливой охоты.

Мэрин поцеловал ее и выпрыгнул из лодки. Несколько секунд он следил, как ей удастся удержать лодку под контролем. Потом телепатировал в службу проката:

— Моя жена все вам вернет, присматривайте за ней.

Мэрин резко бросился вниз. Он был настолько занят расчетами темпов разрастания болезни, что едва успел вовремя увидеть кинжал.

Клинок пронесся мимо, потом развернулся в двадцати фу-

тах и опять атаковал. Мэрин попытался достать его мысленно, но телекинетически управляемый клинок вырвался. Все же он чуть-чуть отклонил его, зацепил и наконец взял в руки. Тут же Мэрин попытался проследить владельца, но тот исчез без следа.

Но не совсем. Мэрину удалось ухватить самый кончик идентификационной волны нападавшего, хуже всего поддающейся контролю. Он задумался над ней, пытаясь воссоздать образ. И он его получил.

Экс!

Экс! Калека! Слепой Экс, заразный, исчезнувший в стене. Он же, очевидно, смог трусливо направить кинжал.

Или кто-то сделал это вместо него.

Угрюмо, с возрастающей уверенностью, что дело усложняется, Мэрин левитировал в Отдел Пси-Здоровья.

Эдвард Экс лежал в затемненной комнате на изорванном коричневом одеяле. Его глаза были прикрыты, тело пассивно. Мускулы ног дрожали. Он старался расслабить их.

— Расслабление — один из ключей к пси-энергии. Полное расслабление возвращает уверенность в себе: страхи исчезают, напряжение теряется. Расслабление — насущная необходимость для пси. — Произнося этот внутренний монолог, Экс глубоко дышал.

Не думать о болезни. Болезни нет, есть только отдых и расслабление. Мышцы на ногах стали вялыми. Экс сконцентрировался на своем сердце, приказав ему работать спокойней. Послал приказ легким дышать глубоко и медленно.

Дядя Джон? Он не слышал о нем уже почти два дня. Он не должен о нем думать, хотя бы сейчас. Необъяснимый феномен дяди Джона разрешится со временем.

А что с бледной, голодной, привлекательной девушкой? И о ней не думать.

Воспоминания обо всем неулаженном выталкивались прочь по мере того, как давление углублялось.

Следующее — глаза. Расслабить мышцы глаз тяжело. Послеобразы танцевали на сетчатке. Солнечный свет. Темнота, здание, исчезновение. Нет. Не думать.

— Мои глаза так тяжелы, — говорил он себе, — мои глаза сделаны из свинца. Желание спуститься, спуститься...

И глазные мышцы расслабились. Мысли казались холодными, но под самой поверхностью было безумное столпотворение образов и впечатлений.

Калека, затемненная улица. Призрак, которого нет. Голодная племянница. В чем ее голод? Суматоха впечатлений и чувств, вспышки красного и пурпурного цветов, воспоминания о занятиях в Университете Микровски, телеборьба в Палладиуме, свидание у кайтопа.

— Расслабление — первый шаг к восстановлению. — Экс вызвал голубизну. Все мысли провалились в голубую пропасть.

Медленно он достиг желаемого холода в мозгу. В него начала просачиваться глубочайшая умиротворенность. Медленно, утешающе...

— ЭДВАРД ЭКС...

— Да? — Экс открыл глаза, расслабление оказалось поверхностным. Он осмотрелся и обнаружил, что это был дядин голос.

— Возьмите это, — в комнату резко влетела маленькая сфера и остановилась перед Эксом. Казалось, что она сделана из блестящего твердого пластика.

— Что это? — спросил Экс.

— Вы положите эту сферу внутри нужного мне здания, — сказал ему голос дяди Джона, игнорируя вопрос, — оставьте ее за дверью, на столе, в пепельнице, где угодно. Потом возвращайтесь прямо сюда.

— Что сделает эта сфера? — спросил Экс.

— Не ваша забота. Сфера — вершина психического треугольника сил, который вы не понимаете. Достаточно сказать, что она никому не принесет вреда, а мне окажет огромную помощь.

— Кажется, в городе ищут меня, — сказал Экс, — и возьмут, как только я вернусь в центр.

— Вы забыли о моей помощи, Экс. Вы будете в безопасности, если не свернете с маршрута, который я вам намечу.

Экс колебался. Он хотел знать больше о дяде и его игре. А самое главное, почему он маскируется под духа?

Или он и есть дух?

Если так, то что хочет дух сделать с Землей? Классические сказки о демонах ищущих временной власти, до смешного переполнены сырым антропоморфизмом?

— Вы оставите меня одного после возвращения?

— Я вам даю слово. Удовлетворите мое желание и будете иметь убежище, в котором нуждаетесь. Сейчас идите. Нарисованный маршрут у Кари. Она за дверью.

Голос исчез. Даже своими притупленными чувствами Экс мог ощутить исчезновение контакта.

Он пошел к дверям со сферой в руке. Кари ждала.

— Здесь инструкции, — сказала она.

Экс пристально посмотрел на девушку. Утраченные пси-способности... Многое бы он отдал, чтобы узнать, что скрывается за этим спокойным симпатичным лицом. Пси никогда не утруждали себя чтением лиц. Аура, окружающая каждого индивидуума, была лучшим индикатором. Если иметь нормальную пси-чувствительность для ее прочтения.

После двух дней пребывания в маленькой комнате солнечный свет слегка ослепил Экса. Он замигал и автоматически оглянулся. Никого не было видно.

Они молча шли, следуя инструкциям дяди Джона. Экс бросал взгляды направо и налево, уверенный в своей уязвимости перед ищейками.

Инструкция предлагала извилистый и бессмысленный путь, дважды проходящий по одним и тем же улицам, но обходящий другие. У западного Бродвея пришлось выйти из трущоб на территорию пси.

— Твой дядя говорил тебе когда-нибудь, что он хочет сделать? — спросил Экс.

— Нет, — ответила Кари.

Они опять пошли молча. Экс пытался смотреть в небо, где в любой момент ожидал увидеть пси-офицеров, падающих, как ангелы-мстители.

— Бывает, я боюсь дядю Джона, — отважилась Кари некоторое время спустя. — Иногда он такой странный.

Экс растерянно кивнул. Он подумал о положении девушки. Действительно, ей было хуже, чем ему. Он знал об игре. Она же использовалась для какой-то неизвестной цели и, возможно, была в опасности.

— Слушай, — сказал Экс, — если что-нибудь случится, знаешь ли ты бар Энглера на углу Пистай и Бликера?

— Нет, но я могу найти его.

— Встретишь меня там, если что-нибудь будет не так.

— Хорошо, спасибо.

Экс криво улыбнулся. Какой идиотизм с его стороны опекать эту девушку, когда он не может помочь себе!

Они прошли еще несколько кварталов. Потом девушка нервно посмотрела на Экса.

— Есть одна вещь, которую я не могу объяснить, — сказала она. — Ну... Я иногда вижу события, которые только еще должны произойти. Картины чего-то... Я никогда не знаю, когда точно, но через некоторое время это случается.

— Интересно, — сказал Экс. — Возможно, ты обладаешь задатками ясновидения и должна пойти в Университет Микровски. Они всегда искали таких людей.

— До сих пор все, что я видела, происходило.

— Прекрасный результат. — Экс заинтересовался, к чему ведет девушка. Она ждет похвалы? Нельзя же быть настолько наивной, чтобы верить в свою уникальность, как единственного человека в мире со скрытым ясновидением!

— Мой дядя тоже до сих пор был прав во всем, что он говорил.

— Очень похвально, — кисло сказал Экс.

У него не было времени для семейного панегирика. Они достигли Сороковой улицы, и в воздухе было темно от пси. Пешком шло мало людей, очень мало.

Оставалось пройти три квартала.

— Что мне интересно, — не успокаивалась девушка, — так

это когда я вижу, что события пойдут одним путем, а мой дядя предсказывает другое. Кто из нас будет прав?

— Что ты имеешь в виду?

— Мой дядя говорит, что ты будешь в безопасности, и я не понимаю.

— Что? — Экс остановился.

— Я думаю, они попытаются захватить тебя сейчас, — сказала девушка.

Экс посмотрел на нее и оцепенел. Не было нужды в пси-энергии, чтобы почувствовать себя в капкане.

Люди из Службы Здоровья уже не были такими нежными. Телепатическая сила сбила его с ног, болезненно нагнула голову, схватила руки и ноги.

Психически. Ни одна рука не коснулась его.

Экс дико боролся в слепой ярости. Арест, казалось, избавил его от последних признаков неустойчивости. Он отчаянно попытался разорвать телекинетические путы.

И он почти сделал это. К нему пришла мощь. Он освободил руки, ухитрился подняться в воздух и в неистовстве устремился в высоту.

Но тут же шлепнулся на тротуар.

Опять попытался, приложив сверхчеловеческое усилие...

И потерял сознание...

Последняя мысль мелькнула в мозгу Экса: его надули. Дядя... Он точно убьет его, если представится удобный случай.

А потом была чернота.

Встречу в Здоровье Мира созвали сразу же. Мэрин в штаб-квартире в Нью-Йорке открыл специальный канал. Руководители в Рио, Лондоне, Париже, Кантоне собрались на чрезвычайное заседание.

Плотно сжатая Мэрином информация была распространена по миру меньше чем за минуту. И сразу стали поступать вопросы.

— Я хотел бы узнать, — спросил Пси-шеф Здоровья из Барселоны, — как Экс ДВАЖДЫ убежал от вас. — Мысль сопровождалась его неизменной идентификационной структурой. Лицо Шефа из Барселоны было еле различимо: длинный, грустный, усатый. Конечно, не его истинное лицо. Идентификационная структура всегда идеализировала своего хозяина по его желанию. В действительности барселонец был низкий, толстый и чисто выбритый.

— Второй побег — среди бела дня, не так ли? — спросил берлинский шеф. Члены руководства увидели его идеализированное лицо, широкое и энергичное.

— Действительно. Я не могу это объяснить. — Мэрин сидел за своим черным столом в Пси-Здоровье.

Вокруг него активно жужжал нормальный рабочий день. Но он не был уверен в этом. — Вот полная последовательность событий. — Телепатирование продемонстрировало сцену за сценой.

После атаки летящего кинжала Мэрин сосредоточил своих людей вокруг точки, где, по словам информатора Крэндола, должен был появиться Экс.

— Этот информатор. Кто...

— Позднее. Дайте закончить.

Пятьдесят агентов перекрыли весь район. Экс появился вовремя в указанном месте. Поначалу его удерживали с незначительными трудностями, во время борьбы он продемонстрировал легкое нарастание латентных сил, потом не выдержал...

И вдруг энергетический потенциал Экса увеличился прыжком, подобным взрыву. Экс пропал.

С разрешения Мэрина, его воспоминания об этом моменте были извлечены и исследованы более скрупулезно. Картина оставалась неясной. В одно мгновение Экс был, в следующее — его не стало.

Показ образцов был замедлен до одного в половину секунды. На такой скорости удалось заметить ореол энергии вокруг Экса перед тем, как он исчез. Уровень ее был настолько высок, что источник практически невозможно определить.

Никакого разумного объяснения этому не было.

Впечатления отдельных агентов, как и предсказал Мэрин, были просмотрены без какого-либо результата.

— Не потрудится ли нью-йоркский шеф Здоровья предложить свои объяснения?

— С тех пор, как Экс стал калекой, — заявил Мэрин, — я все время предполагал, что ему кто-то помогает.

— Есть другая возможность, — сказал Шеф из Варшавы. Его идеализированный образ появился вместе с мыслями: худой, с белыми волосами, веселый. — Экс наткнулся на какую-то еще не открытую форму пси-энергии.

— Это выходит из сферы возможного, — телепатировал барселонец с грустными глазами.

— Не совсем. Подумайте о появлении первых пси.

Они были поначалу дикими талантами. Почему следующая мутация не может стать очередной стадией дикого таланта?

— Это ужасное предзнаменование, — сказал Шеф из Лондона, — но если это так, то почему Экс не использует свою силу для своей выгоды?

— Возможно, он не уверен в ней, возможно, он имеет присущую только ему систему защиты, которая предохраняет его от опасности в стрессовые моменты. Я не знаю, — сказал Мэрин, сомневаясь, — все это, конечно, только возможности. Все мы уверены, что существует еще много нетронутых тайн разума. Еще...

— Аргументом против твоей теории, — вмешался варшавянин, телепатировав прямо Мэрину, — является тот факт, что некто, помогающий Эксу, должен обладать сверхэнергией пси. Он должен иметь ее хотя бы для осуществления почти мгновенного исчезновения. Если он сделал это, то как он мог допустить такую случайность...

— Или кажущуюся случайность, — сказал лондонец, — возможно, проба сил. Подсовывая Мэрину Экса, такая группа могла предвидеть соотношение между своими возможностями и возможностями всех пси. Повторившаяся невозможность схватить Экса может быть многозначительной.

— Сомнительно, — осторожно сказал Мэрин. Он находил, что дискуссия интересна, но лишь в академическом плане. Казалось, что она не принесет никакой практической пользы.

— Как насчет информатора, сообщившего Крэндолу? — телепатировал барселонец. — Его спросили?

— Не сумели найти. Он блокировал идентифицирующую мысленную волну, а мы потеряли след.

— Что вы планируете делать?

— Во-первых, — сказал Мэрин, — предупредить вас. В этом основной смысл нашей встречи, ведь носитель может покинуть Нью-Йорк. Показатель болезни перешагнул минимальный эпидемический уровень. Можно предполагать расширение, хотя я и закрываю город. — Он замолчал и вытер лоб. — Во-вторых, я собираюсь лично выслеживать Экса, работая по новой системе вероятностного поиска, предложенной Крэндолом. Бывает так, что один человек в состоянии сделать то, чего не в силах сделать много людей.

Мэрин продолжал обсуждение еще полчаса и разорвал контакт. Он немного посидел, уныло сортируя бумаги. Потом, постаравшись отделаться от чувства безнадежности, отправился к Крэндолу.

Крэндол был в своем отделе в гробнице Спящего. Проворчав приветствие, когда Мэрин влетел, он пододвинул стул.

— Я хотел бы посмотреть на твою систему вероятностного поиска, — попросил Мэрин.

— Хорошо, — буркнул Крэндол. — Ничего особенного, просто список улиц и времени.

Для того чтобы получить всю эту информацию, Крэндол произвел корреляцию огромного количества имеющихся в его распоряжении данных. Места исчезновения Экса, его новых появлений, его психологический индекс, плюс суммарная корреляция потайных мест, подходящих калеке тем, что в них его невозможно обнаружить.

— Я думаю, у тебя довольно хорошие шансы найти его, — усмехнулся ученый. — Но вот взять — это совсем другое дело.

— Знаю, — ответил Мэрин, — я уже обдумал свое решение. — Он отвел взгляд от Крэндола. — Я должен буду убить Экса.

— Знаю.

— Что?

— Да, ты не можешь рисковать, оставляя его и дальше на свободе. Показатели распространения инфекции растут.

— Действительно. Полиция департамента Здоровья помещает в карантин всех больных. Дело касается общественной безопасности. Очевидно, Экс не может быть схвачен. Посмотрим, можно ли его убить.

— Хорошей охоты. Я уверен, что тебе повезет больше, чем мне.

— Что-то со Спящим?

— Последняя попытка провалилась. Даже не пошевелился.

Мэрин нахмурился. Это были плохие новости. Именно сейчас-то им и пригодился бы больше всего интеллект Микровски. Он был именно тем человеком, который мог разобраться со всеми этими случаями.

— Хочешь посмотреть на него? — спросил Крэндол.

Мэрин бросил взгляд на свой вероятностный список и увидел, что до первой встречи на улице остался еще почти час. Он кивнул и последовал за Крэндолом. По тусклому коридору они спустились к лифту, а потом прошли еще один коридор.

— Ты никогда не был здесь? — спросил Крэндол в конце коридора.

— Нет. Но я помогал рисовать план перестройки десять лет тому назад.

Крэндол отомкнул последнюю дверь.

Спящий лежал в ярко освещенной комнате. По трубкам, подходящим к его рукам, подавался питательный раствор, поддерживающий жизнь. Кровать, на которой находился Спящий, медленно массировала его вялые мышцы. Лицо Спящего было белым и ничего не выражающим, как и все последние тридцать лет. Лицо мертвеца. Еще живого.

— Хватит, — не выдержал Мэрин, — я достаточно поражен. Они поднялись наверх.

— Учти, эти улицы, что я тебе дал, находятся в трущобах, — сказал Крэндол, — следи за каждым своим шагом. В таких местах еще встречаются антисоциальные явления.

— Я сам чувствую себя довольно антисоциально, — ответил Мэрин.

Он левитировал к окраине трущоб и там опустился на улицу. Чувствительный тренированный разум был настроен на прием, сортируя поступающие во время ходьбы ощущения. Мэрин шел в поисках вялой, почти сгладившейся пульсации. Носитель инфекции! Паутина чувств Мэрина растянулась на кварталы, просеивая, ощущая, сортируя.

Если Экс жив и в сознании — он найдет его.

И убьет.

— Ты дурак! Невежа! Слабоумный! — голос, лишенный тела, орал на Экса.

Сквозь туман Экс понял, что он находится в трущобах, у Ка-ри в комнате.

— Я дал тебе описание пути, — визжал дядя Джон, его голос отражался от стен, — ты сделал неправильный поворот!

— Я его не делал. — Экс поднялся на ноги. Ему было любопытно, как долго он пролежал без сознания.

— Не спорь со мной! Сделал. И ты должен пойти снова.

— Минутку, — спокойно сказал Экс, — я не знаю, в чем ваша игра, но я следовал всем вашим письменным инструкциям. Я поворачивал на всех улицах там, где вы указали.

— Нет!

— Прекратите этот фарс! — крикнул Экс в ответ. — Кто вы, черт возьми!

— Выходи! — взревел дядя Джон. — Выходи, или я убью тебя!

— Не делайте глупостей, — сказал Экс, — скажите мне, что вам надо. Объясните, что вы предлагаете мне сделать. Объясните! Я не могу работать хорошо, не зная цели.

— Выходи, — зловеще сказал голос.

— Не могу, — ответил Экс в отчаянии. — Почему бы вам не сбросить эту маску духа и не сказать мне, что вы хотите? Я — обыкновенный человек. Везде офицеры Здоровья. Они убьют меня. Сначала мне надо восстановить свои возможности. Но я не могу...

— Ты идешь? — спросил голос.

Экс не ответил.

Невидимые руки сдавили шею Экса. Он рванулся. Захват стал крепче. Какая-то сила била Экса об стенку. Он крутился, пытаясь избавиться от безжалостного избиения. Воздух стал живым от переполняющей его энергии, он давил, швырял, сплющивал...

Мэрин почувствовал возрастание выхода энергии. Он проследил его и зафиксировал. Затем левитировал к месту расположения, пытаясь идентифицировать структуру.

Экс!

Мэрин проломил непрочную деревянную дверь и остановился. Он увидел скорченное тело Экса.

В комнате обитала сила берсерка. Внезапно Мэрин обнаружил, что ему приходится отчаянно сражаться, пытаясь спасти собственную жизнь. Закрывшись, он нанес удар по телекинетической мощи, нараставшей вокруг.

Стул был поднят и брошен в Мэрина. Тот отклонил его, но получил удар сзади от кувшина. Кровать попыталась прижать Мэрина к стене. Увернувшись, он получил столом по спине. Лампа врезалась в стену над головой, осыпая осколками. Метла зацепилась под коленями...

Защищаясь, Мэрин определил источник пси-энергии. Он был в подвале здания.

Мэрин послал туда волну угрозы, стал метать стулья и столы. Атака внезапно прекратилась. Комната напоминала свалку ломанной мебели.

Мэрин оглянулся. Экс опять исчез. Поиски его идентификационной волны тоже были безуспешны.

Человек из подвала?!

И этот исчез. Но остался след!

Мэрин выскочил из окна, направляясь по следу. Тренированный для такой работы, он держал контакт с ослабленной, приглушенной мыслью по мере того, как ее обладатель мчался в город. Погоня шла как по извилистому лабиринту зданий, так и на открытом пространстве.

Часть мозга Мэрина была в состоянии разыскивать Экса. Безуспешно.

Если бы только удалось схватить и задержать соучастника! Мэрин постоянно сокращал дистанцию между собой и человеком, помогавшим Эксу и атаковавшим его. Тот летел прочь из города, на Запад.

— Стакан пива, пожалуйста, — сказал Экс, стараясь нормализовать дыхание. Хорошая получилась пробежка. К счастью, бармен был Нормалом, притом довольно флегматичным. Он вяло повернулся к крану.

Экс увидел Кари в конце бара. Девушка прислонилась к стене. Слава богу, что запомнила! Он заплатил за пиво и направился к ней.

— Что случилось? — спросила Кари, глядя на его помятое лицо.

— Твой хороший дядя пытался убить меня, — скривился Экс, — потом вломился офицер Здоровья, и я оставил их драться.

Во время драки Экс выскользнул в дверь. Он рассчитывал, что низкая интенсивность мыслей скроет его. Покалеченный, он вряд ли в состоянии транслировать идентифицирующие волны. Иногда утрата телепатических способностей оказывалась ценным качеством.

— Не понимаю, — Кари грустно покачала головой, — ты можешь не поверить, но дядя Джон всегда был хорошим человеком. Это был самый безвредный человек, которого я знала. Не понимаю.

— Это просто, — сказал Экс, — попробуй понять. Это — не дядя Джон. Под него замаскировался какой-то пси очень высокого класса.

— Но почему? — спросила девушка.

— Не знаю. Он спасает меня, потом пытается сделать так, чтобы меня схватили, потом пытается убить. Это бессмысленно.

— Что нам делать сейчас?
— Сейчас конец. — Экс допил пиво.
— Разве нет места, куда бы мы могли пойти? — спросила Кари. — Места, где можно спрятаться?
— Я такого не знаю. И тебе лучше идти одной. Я слишком опасная личность, чтобы быть со мной рядом.
— А я не пойду, — заявила она.
— Почему? — спросил Экс.
— Не пойду.

Даже без телепатии Экс мог понять, что имела в виду Кари. Он мысленно выругался. Идея, что девушка тоже каким-то образом отвечает за всю эту историю, ему не нравилась. Служба Пси-Здоровья должна быть в отчаянии. За последнее время им доставалось не один раз. А это ожесточает.

— Уходи. — Экс был тверд.

— Нет!

— Ну что ж, пойдем. Мы должны уходить как можно скорее. Единственное, о чем я могу думать, — это как выбраться из города. Именно с этого надо было начинать, а не играть с духами. Сейчас, без сомнения, слишком поздно. Офицеры Здоровья будут проверять каждого пешего. Ты можешь использовать свое ясно-видение? Тебе что-нибудь видно?

— Нет, — грустно ответила Кари, — в будущем пусто.

Экс видел то же самое.

Мэрин чувствовал, что обладает большей мощностью, чем человек, которого он преследовал. Появились признаки, что тот слабеет, и Мэрин поднажал.

Беглец теперь уже был виден, до него оставалось около мили. Приблизившись, Мэрин послал телекинетический удар, сбрасывая противника на землю.

Тот упрямо сопротивлялся. Мэрин догнал его, сбросил вниз и прижал к земле. Опустившись, он поискал его идентифицирующую волну.

И нашел.

Крэндол!!!

Мгновенье Мэрин мог только таращить глаза.

— Ты взял Экса? — телепатировал Крэндол. Напряжение полностью истощило его. Толстяк боролся за каждый вздох.

— Нет. Ты был его помощником все это время? Правда?

В мыслях Крэндола читалось подтверждение.

— Как ты мог! — телепатировал Мэрин. — О чем ты думал! Ты же знаешь, что такое болезнь.

— Я объясню позднее, — Крэндол задыхался.

— Сейчас!

— Нет времени. Ты должен найти Экса.

— Знаю. Но почему ты помогал ему?

— Я не помогал, — ответил толстяк, — я не по-настоящему. Я пытался убить его. А ты ДОЛЖЕН его убить. — Он поднялся на ноги. — Экс куда большая опасность, чем ты думаешь. Поверь мне, Мэрин. Он должен быть убит.

— Почему ты спасал его?

— С целью вовлечь в еще большую опасность. Я не мог позволить себе захватить и изолировать Экса. Он должен быть убит.

— Объясни.

— Не сейчас, — покачал головой Крэндол. — Это я послал в тебя кинжал, чтобы убедить в том, что Экс опасен. Я вывел тебя в точку, где ты мог убить его.

— Кто он? Что он?

— Не сейчас! Расправься с ним!

— И еще, — добавил Мэрин, — ты не обладаешь такой большой телекинетической силой. Кто был с тобой?

— Девушка, — сказал Крэндол, поднимаясь на ноги, — девушка, Кари. Я выдавал себя за духа ее дяди. За всем этим стоит она. Ты должен убить ее тоже, — он вытер пот, ручьями текущий по лицу. — Извини, Пол, что я действовал подобным образом. В свое время ты услышишь эту историю полностью. Главное, поверь мне сейчас.

Крэндол затряс перед Мэрином кулаками.

— Ты должен убить этих двоих! До того, как они убьют все, что тебе дорого!

Телепатированный абзац показывал, что он не врет. Мэрин поднялся в воздух, связался с агентами и проинструктировал их.

— Убейте этих двоих. Возьмите Крэндола и держите его под прицелом.

Экс свернул вниз по улице, надеясь, что отсутствие плана собьет пси. Каждая тень пугала. Он ожидал телекинетического удара, который наконец повергнет его и уничтожит.

Почему дядя пытался убить его? Ответить невозможно. В чем его кажущаяся важность? Еще один вопрос без ответа. А девушка?

Экс наблюдал за ней уголком глаза. Кари шла молча. Ее лицо слегка окрасилось и оживилось. Она казалась почти веселой, возможно, свобода от дяди и была этому причиной. Какая еще могла быть причина?

То, что она с ним?

Воздух был заполнен обычным движением дня. Летели тонны руды под присмотром дюжины опытных рабочих. Приплывали грузы с юга: фрукты и овощи из Бразилии, мясо из Аргентины.

И пси-офицеры. Экс не особенно удивился. Город наблюдался слишком бдительно, чтобы убежать. Тем более калек.

Пси-офицеры опускались, формируя плотную фронтальную цепь.

— Ну, хорошо, — сказал Экс, — черт с вами, я сдаюсь.

Он пришел к выводу, что сейчас тот случай, когда можно уступить неизбежному. Стоило подумать о девушке. Пси устали от игр. Если он попытается бежать, они могут сыграть слишком жестоко.

Поток энергии сбил его с ног.

— Я же сказал, что сдаюсь! — крикнул Экс. Сзади него Кари тоже упала. Энергия смела их, завертела по двору. Ее поток усиливался, возрастал.

— Прекратите! — крикнул Экс. — Вы нас...

У него было время, бесконечно малая доля секунды, чтобы полностью разобраться в своем отношении к девушке. Он не мог допустить, чтобы с ней что-нибудь случилось. Экс не знал, как и почему, но это было Чувство.

Грустное и горькое ощущение любви.

Экс попытался подняться на ноги. Очередь ментальной энергии сбила, не дала устоять. К нему летели камешки и булыжники.

Экс осознал, что ему не позволят сдаться. Его намереваются убить.

И Кари.

Он попробовал защититься, хотя и знал о своей слабости, попробовал укрыть Кари. Девушка согнулась, булыжник ударил ее в живот. Камни свистели вокруг.

Увидев, что Кари получила такой удар, Экс пришел в ярость. Он сумел подняться на ноги и пройти два шага вперед.

Его опять сбили. Часть стены начала обрушиваться на них под действием пси-силы. Он попытался вытащить Кари. Слишком поздно. Стена падала...

И в этот момент Экс перескочил через пропасть. Его замученный перенапряженный разум совершил прыжок на новый энергетический уровень. Понимание мгновенно заполнило разум Экса.

Стена обрушилась, но Экса и Кари под ней не было.

— МЭРИН!

Шеф Пси-Здоровья уныло поднял голову. Он был у себя, за своим столом. Это случилось опять.

— МЭРИН!

— Кто это?

— Экс.

Сейчас уже ничто не могло его удивить. Не важно, что Экс владеет узконаправленной телепатией.

— Что ты хочешь?

— Я хочу встретиться. Назови место.

— Где пожелаешь, — ответил Мэрин с отчаянием. Любопытство переполняло его. — Как ты можешь телепатировать?

— Все пси могут телепатировать, — поддразнивая, ответил Экс.

— Так где же? — спросил Мэрин. Он попытался проследить

послание. Но Экс настолько легко управлял узким лучом, что позволял проходить только посланию.

— Я хочу немного покоя, — сказал Экс, — так что я сейчас в гробнице Спящего. Не мог бы ты встретиться со мной здесь?

— Приду, — Мэрин разорвал контакт. — Леферт, — позвал он.

— Да, шеф, — ассистент вошел в комнату.

— Я хочу, чтобы ты руководил, пока я не вернусь.

— Как там Экс? — спросил Леферт.

— Я не знаю, какой энергией он обладает. Я не знаю, почему Крэндол хотел убить его, но я согласен с приговором.

— Нам можно бомбить гробницу?

— Нет ничего быстрее мысли, — ответил Мэрин. — Экс открыл какую-то форму нуль-транспортировки и сможет исчезнуть оттуда еще до того, как бомба упадет. — Он помолчал. — Есть еще способ, но я больше не буду говорить об этом. Экс может прослушивать наш разговор.

— Невозможно? Это прямая направленная беседа. Он не мог...

— Он не мог, но убежал, — устало напомнил Мэрин. — Мы недооцениваем мистера Экса. Отныне считай его всемогущим.

— Хорошо, — сказал Леферт в сомнении.

— У тебя есть последние цифры показателя инфекционности? — спросил Мэрин, подходя к окну.

— Они превосходят эпидемические. Болезнь перепрыгнула за пределы города.

— Это сейчас не проверить. Мы были сбиты с утеса. И упали с той стороны. Нам повезет, если за год мир потеряет только тысячу пси. — Мэрин сжал кулаки. — За одно это я мог бы разрезать Экса на мелкие кусочки.

Первое, что увидел Мэрин, войдя в комнату Спящего, был сам Микровски, лежащий в саркофаге. За ним стояли Экс и девушка.

— Мне бы хотелось, чтобы ты встретился с Кари, — улыбнулся Экс.

— А я хотел бы получить объяснение, — Мэрин игнорировал изумленную девушку.

— Конечно. Для начала ты хочешь узнать, кто я?

— Да.

— Я — следующая стадия после пси. Парапси.

— Понимаю. И это пришло...

— Когда вы пытались убить Кари.

— Начни-ка с чего-нибудь другого, — сказал Мэрин. Перед тем как сделать последний шаг, он предполагал услышать объяснение. — Почему ты вытащил из Спящего питающие трубки?

— Потому что он больше в них не нуждается, — ответил Экс. Он повернулся к Спящему, и комната загудела от энергии.

— ХОРОШО СДЕЛАНО, ЭКС.

На мгновение Мэрин подумал, что это телепатировала девушка. Потом он сообразил, что это был сам Микровски.

— Некоторое время он еще не может полностью быть в сознании, — сказал Экс, — позволь мне пока начать с самого начала. Как тебе известно, тридцать лет назад Микровски искал сверхпси-мощь. Чтобы найти ее, он разделил разум и тело. Потом, уже обладая знанием, он был не в состоянии вернуться в тело. Для этого требовался переход на более высокий энергетический уровень, а без находящейся под командой нервной системы он не мог владеть такой мощью. Не мог ему помочь и никто из обычных пси. Для достижения нового уровня все нормальные каналы должны быть заблокированы и перенаправлены, и вся нервная система должна оказаться под ужасным перенапряжением. В основном, я — первый настоящий пси, овладевший этой мощью подобным методом.

— Так ты — не мутант? — озадаченно спросил Мэрин.

— Мутация здесь ни при чем. Дай мне продолжить. Микровски не мог сам, без помощи, перескочить через пропасть. Для этого нужен был я.

— Не только. Так же ты, — телепатировал Микровски Мэри-ну, — и девушка, и Крэндол. Я был с ним в телепатическом контакте. Вместе с Крэндролом мы выбрали Экса для эксперимента. Сам Крэндол не годился из-за неподходящей нервной системы. Экса взяли за его темперамент и чувствительность. И, я должен добавить, за его эгоизм и мнительность. Все было предусмотрено, включая роль Кари.

Мэрин холодно слушал. Пусть объяснит. У него есть свой собственный ответ. Окончательный.

— Во-первых, перекрытие каналов. Пси-чувства Экса были заблокированы. Потом его ввели в стрессовую ситуацию: назревающий арест, изоляция — и то и другое неприемлемо для его натуры. Когда он оказался не в состоянии перескочить пропасть, Крэндол спас его с моей помощью. С Крэндролом, выдающим себя за дядю Кари, мы угрожали жизни Экса, усиливая стресс.

— Так вот что имел в виду Крэндол, — пробормотал Мэрин.

— Да, Крэндол сказал тебе, что ты должен убить Экса. Это правда. Ты должен был попробовать. Он сказал, что девушка — ключ ко всему. И это тоже правда. Потому что лишь когда под угрозой оказалась жизнь Экса и девушки, был достигнут сильнейший из стрессов, который мы могли создать. Экс перебрался через пропасть к более высокому потенциалу. За этим немедленно пришло понимание.

— И он вернул тебе твое тело, — добавил Мэрин.

— И он вернул мне мое тело, — согласился Микровски.

Мэрин знал, что он должен делать, и поблагодарил бога за предусмотрительность Службы Пси-Здоровья. Однако он на мгновение задержался.

— Итак, если я правильно понял, все это — заражение Экса,

его чудесные спасения, все хитрости, что ты использовал, — предназначалось для того, чтобы создать силу достаточно большую, чтобы вернуть тебя в твое тело?

— Это одна из частей, — ответил Микровски, — другая часть — создание, в лице Экса, другого парапси.

— Очень хорошо, — сказал Мэрин. — Вам будет интересно узнать, что Пси-Здоровье всегда размышляло над одной возможностью: возвращение Спящего, но безумного Спящего. На такой случай эта комната подготовлена для атомного взрыва. Все четыре стены, пол, потолок закрыты мной. Атомный взрыв не мгновенный, — в его улыбке не было юмора, — но я сомневаюсь, что парапси-переход быстрее. Скорость моих мыслительных способностей такая же, как у вас. Я собираюсь взорвать это место.

— Твои люди из Службы Здоровья очень подозрительны, — сказал Микровски, — но почему ты хочешь это сделать?

Мэрин заметил, что Микровски весьма озадачен.

— Почему? Ты осознаешь, что натворил? Ты вернул себе тело. Но болезнь вышла из-под контроля. Пси-наука, на всех ее позициях, уничтожена! И все из-за твоего эгоизма. — Мысленно Мэрин достал ключ.

— Подожди! — вмешался Экс. — Очевидно, ты не понимаешь. Это все временное возмущение. Правда. Никто не останется пораженным. Больные люди могут быть тренированы.

— Тренированы? Для чего?

— Парапси, конечно. Полное перекрытие каналов необходимо, чтобы совершить следующий парапсихологический шаг. Болезнь — это исходная точка. Нынешний уровень пси неустойчив. Если бы я его не покинул, это сделал бы кто-нибудь другой в ближайшие несколько лет.

— Дальше, когда появится несколько людей, перебравшихся через пропасть, будет легче, — добавил Микровски. — Так же, как и начало пси. Остальное пойдет сравнительно легко, когда появятся первые достижения. Чем больше парапси — тем легче.

— Как я могу поверить? — тряхнул головой Мэрин.

— Как? Смотри?

Телепатия передает тонкие нюансы смысла, теряющиеся в разговорной речи. Состояние «правды» при телепатировании открывает, насколько человек, посылающий сигнал, верит этой «правде». Существует бесконечное число градаций «истины».

Как и Экс, Мэрин прочитал веру Микровски в парапси. На подсознательном уровне. Невообразимо «правдивая» истина! Больше не надо было никаких аргументов.

Внезапно Кари улыбнулась. Ее постигла одна из вспышек предчувствия. Приятного предчувствия.

— Помоги мне подняться, — сказал Микровски Мэрину, — и позволь обрисовать в общих чертах мою программу тренировок.

Мэрин прошел, чтобы помочь ему.

Экс усмехнулся. Он прочитал предвидение Кари.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛАВКА БЕСКОНЕЧНОСТИ. Рассказы

Премия за риск (пер. М. Данилова, Б. Носика)	5
Четыре стихии (пер. Ю. Кривоцова)	21
Триптих (пер. М. Черняева)	60
Человекоминимум (пер. Н. Евдокимовой)	65
Если красный убийца... (пер. М. Черняева)	92
Лавка миров (пер. А. Вавилова)	99
Пушка, которая не бабахает (пер. А. Иорданского)	104
Три смерти Бена Бакстера (пер. Р. Гальперина)	111

ФАНТАЗИЯ БЕЗ ГРАНИЦ. Рассказы

Рыцарь в серой фланели (пер. В. Скороденко)	141
Пиявка (пер. В. Цветкова)	152
Поднимается ветер (пер. Э. Кобалевской)	163
Похмелье (пер. Е. Коротковой)	176
Проблема туземцев (пер. Е. Коротковой)	194
Регулярность кормления (пер. А. Мельникова)	213
Второй Рай (пер. М. Черняева)	217
Раздвоение личности (пер. Н. Евдокимовой)	229
Зацепка (пер. Н. Евдокимовой)	246
Вторжение на рассвете (пер. М. Черняева)	257
Язык любви (пер. А. Шулейко)	266

КОРПОРАЦИЯ «БЕССМЕРТИЕ». Роман (пер. Ю. Руфина) 272 |

НОСИТЕЛЬ ИНФЕКЦИИ. Рассказ (пер. Л. Резника) 418 |

CONTENTS

STORE OF INFINITY — New York, Bantam, 1960

The Prire of Peril.....	5
The Humours	21
Triplication	60
The Minimum Man	65
If the Red Slayer	92
The Store of the Worlds.....	99
The Gun Without a Band	104
The Deaths of Ben Baxter.....	111

NOTIONS: UNLIMITED — New York, Bantam, 1960

Gray Flannel Armor	141
The Leach	152
A Wind is Rising	163
Morning After	176
The Native Problem	194
Freeding Time	213
Paradise II	217
Double Indemnity.....	229
Holdout	246
Dawn Invader.....	257
The Language of Love	266

IMMORTALITY DELIVERED — New York, Avalon, 1958; revised edition, as

Immortality Ink. — New York, Bantam, 1959 272

CARRIER — magazin „IF“, 1954; April..... 418

Составитель А. Корженевский

Ответственный за выпуск Г. Кондрашев

Редактор В. Подбельский

Художник С. Шехов

Технический редактор Т. Луговская

Младшие редакторы Т. Владимирова, М. Грушецкая

Корректоры: И. Потемина, О. Марьюшкина

Слано в набор 25.02.93. Подписано к печати 22.11.93. Формат 60x88¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,00. Усл. кр.-отт.
29,00. Уч.-изд. л. 29,93. Тираж 50000 экз. Заказ 1914

ПОО «Фабула». 117218 Москва, ул. Красикова, 27.

Набор произведен в типографии «Новости».

107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

Отпечатано в Московской типографии № 7

121019 Москва, Аксаков пер., 13.

Robert **SHECKLEY**

**Store of Infinity
Notions:
Unlimited
Immortality
Delivered**